ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы XII Всероссийской
(с международным участием)
научно-практической конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 9–10 декабря 2025 г.)

Perm University Press

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы XII Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 9–10 декабря 2025 г.)

Пермь 2026

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF RUSSIAN FEDERATION

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
PERM STATE UNIVERSITY

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF HUMAN POTENTIAL IN MODERN SOCIETY

Materials of the XII All-Russian (with international participation)
Scientific and Practical Conference

(Perm, PSU, December 9–10, 2025)

Perm 2026

УДК 316.32
ББК 60.52
А437

А437 **Актуальные** проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе [Электронный ресурс] : материалы XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 9–10 декабря 2025 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2026. – 5,04 Мб ; 475 с. – Режим доступа: http://psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/actualnye-problemy-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala2025.pdf. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4347-9

Сборник содержит материалы, представленные на XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 9–10 декабря 2025 г.) исследователями из регионов России и стран ближнего зарубежья. Обсуждаются актуальные проблемы в области социально-гуманитарного знания.

Предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей и специалистов, работающих в смежных областях.

УДК 316.32
ББК 60.52

Издается по решению оргкомитета конференции

Члены редакционной коллегии:

канд. социол. наук ***С. Ю. Шарыпова***, канд. социол. наук ***А. В. Безруков***,
канд. социол. наук ***В. С. Волегов***, канд. социол. наук ***К. А. Воронова***,
канд. социол. наук ***С. С. Гордеева***, канд. социол. наук ***А. Е. Кузнецов***,
канд. социол. наук ***Ю. С. Маркова***, канд. социол. наук ***П. Ф. Сироткин***,
ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ ***А. В. Прокофьева***,
ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ ***С. С. Соловьев***,
ст. преподаватель кафедры социологии ПГНИУ ***К. О. Сомхишвили***,
ассистент кафедры социологии ПГНИУ ***А. С. Шляпина,***
ассистент кафедры социологии ПГНИУ ***М. Д. Корнилицына,***
ассистент кафедры социологии ПГНИУ ***Т. В. Сирковская***

Рецензенты: д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского ***С. А. Судьин;***

канд. социол. наук, доцент, и.о. зав. кафедрой социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета ***К. А. Антипьев***

ISBN 978-5-7944-4347-9 © ПГНИУ, 2026

UDC 316.32
BBK 60.52

Current Issues of Human Potential Development in Modern Society [Electronic resource] : Proceedings of the XII All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference (Perm, PSU, December 9–10, 2025) / Perm State University. – Electronic data. – Perm, 2026. – 5.04 Mb ; 475 p. – Access mode: http://psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/actualnye-problemy-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala2025.pdf. – Title from screen.

ISBN 978-5-7944-4347-9

The collection contains materials presented at the Materials of the XII All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference (Perm, PSU, December 9–10, 2025) by researchers from the regions of Russia and the countries of the near abroad. Actual problems in the field of social and humanitarian knowledge are discussed.

Designed for students, graduate students, teachers and specialists working in related fields.

UDC 316.32
BBK 60.52

Published by resolution of the Conference Organizing Committee

Scientific board:

Cand. of Sociology ***S. Yu. Sharypova***, Cand. of Sociology ***A. V. Bezrukov***,
Cand. of Sociology ***V. S. Volegov***, Cand. of Sociology ***K. A. Voronova***,
Cand. of Sociology ***S. S. Gordeeva***, Cand. of Sociology ***A. E. Kuznetsov***,
Cand. of Sociology ***Yu. S. Markova***, Cand. of Sociology ***P. F. Sirotkin***,
senior lecturer, department of sociology PSU ***A. V. Prokofieva***,
senior lecturer, department of sociology PSU ***S. S. Solovev***,
senior lecturer, department of sociology PSU ***K. O. Somkhishvili***,
assistant lecturer department of sociology PSU ***A. S. Shlyapina,***
assistant lecturer department of sociology PSU ***M. D. Kornilitsyna,***
assistant lecturer department of sociology PSU ***T. V. Sirkovskaya***

Reviewers: Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work at Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), ***S. A. Sudyin;***

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Sociology and Political Science at Perm National Research Polytechnic University, ***K. A. Antipiev***

ISBN 978-5-7944-4347-9 © PSU, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА……..….. 10

Адаменя Д.В. Конструирование эмоций: культурные ценности в рекламных коммуникациях……. 10

Анисимова Д.Д., Боталова Е.А. Социокультурные риски молодежи и механизмы их предупреждения в контексте развития городских территорий……. 14

Багаева Д.А. Дуальная природа доверия к искусственному интеллекту: анализ и последствия…….. 20

Горбунова В.Р. Восприятие волонтерской активности в российском обществе…… 24

Джевага А.А. Роль интернета в развитии гражданского активизма….. 30

Домрачева Е.С. Одиночество в эпоху широких коммуникационных возможностей…..... 36

Жук Г.В. Проблемы формирования гражданской идентичности и ответственности в современном образовании……... 42

Кетов И.В. От социального проекта к сообществу: возможен ли переход от управляемого участия к самостоятельной активности населения?..... 48

Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б. Демографические ресурсы развития человеческого потенциала Пермского края…….. 53

Моисеева М.М. Изменение отношения к браку и романтическим отношениям поколения Z……. 59

Носкова Т.В. Конструирование реальности посредством алгоритмического отбора контента на платформе Youtube……. 66

Паршина В.Д. Социокультурная безопасность: понятие, структура, факторы……..... 71

Хведчук Т.Е. Социально-психологические факторы дарения: гендерные стереотипы и их влияние на межличностные связи……... 75

РАЗДЕЛ 2. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА…….. 81

Елышев Е.И. Цифровизация занятости: удалённые формы трудовых отношений в эпоху технологий…….. 81

Зуев А.А. Карьерный выбор молодых ученых в Пермском крае: сравнительный анализ мотивов для научной деятельности и альтернативной занятости в цифровой экономике…… 85

Кичерова М.Н., Насибуллин Д.Р. Независимая оценка квалификаций как элемент экосистемы образования взрослых…… 90

Корсун И.И. Ориентация на прекарную занятость: сравнительный анализ начинающих и активных специалистов в IT-отрасли……... 94

Кузнецов Е.А. Проблема трудоустройства и занятости молодёжи……. 99

Мороз О.В. Преподаватель как дизайнер цифрового контента в процессе обучения…… 103
Назарец Я.А. Специфика профессионального становления мастеров народного промысла……. 107
Некрасова А.В. Перспективы трудоустройства по специальности: социально-демографическая специфика…… 114
Носова Д.С. Содействие занятости молодежи как фактор развития человеческого потенциала в современной России: анализ государственной политики……. 120
Родачев В.А. Границы профессиональной идентичности молодых педагогов……..… 128

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ……. 133
Горина Е.С., Слеб В.В., Гареева И.А. Трансформация репродуктивных установок в современном обществе ……. 133
Калашникова Д.С. Восприятие роли отца в современном российском обществе…… 138
Кривоносова И.Д. Сожительство как социальный феномен в современном обществе: динамика, детерминанты и последствия ……. 143
Радионова В.Д. Роль семейных ценностей в формировании межпоколенческих отношений: исследование на примере студентов и их семей……. 149
Слеб В.В., Горина Е.С., Гареева И.А. Демографический парадокс: современная государственная поддержка семей в Российской Федерации……. 154
Харина Е.В. Влияние распределения домашних обязанностей на профессиональное самоопределение подростков……. 158
Шипигузова Н.А. Репродуктивные установки и ценность детей современной российской молодежи……... 163
Шурко А.В. Брачно-семейные отношения и репродуктивные стратегии белорусов в статистическом измерении…….. 170

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ…… 177
Волегов В.С. Альтернативные формы получения образования: тенденции и проблемы интерпретации…….. 177
Казакова В.Р., Кибанова Ю.Н. Социальный капитал местных и иногородних студентов в российских вузах: социологический анализ.. 182
Кудымова В.Н., Панкратова Л.Э. Проблемы адаптации студентов с расстройством аутистического спектра к условиям высшего образования……... 188
Магдеева А.Н. Отношение субъектов образовательной системы к аспектам государственной образовательной политики…… 194

Селина С.С. Буллинг в школе как средство и объект социального контроля……. 200
Толмачева Ю.Н. Оценка студентами удовлетворенности тьюторским сопровождением как механизм совершенствования образовательной среды университета…….. 205

РАЗДЕЛ 5. ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ…….. 212
Галынская Ю.С. Распространение опосредованных форм психологического консультирования……. 212
Гордеева С.С., Шарыпова С.Ю. Поведение россиян на рынке медицинских услуг и страхования через призму модели Андерсена…. 217
Игнатова Е.С. Генезис и детерминанты абьюзивного поведения в современных социальных условиях…… 223
Калинина В.А. Мотивы наркотической инициации у молодежи ……... 229
Коробейникова С.В. Цифровое пространство в сфере здравоохранения……... 233
Кравченко А.О. Проектный подход к профилактике вич-инфекции в студенческой среде как инструмент развития человеческого потенциала региона…….. 238
Курума Э.А., Гареева И.А. Здоровьесбережение как приоритетное направление современной социальной работы……. 242
Леухина А.В. Управление ментальным здоровьем студенческой молодежи: проблемы и решения……. 247
Павлова Н.А. Здоровьеобразующие факторы в оценках населения Беларуси (по материалам социологических исследований)…… 252
Раева В.А. Проблемы и перспективы вовлечения молодёжи в массовый спорт……. 258
Сирковская Т.В. Межкультурные аспекты пищевого благополучия: опыт адаптации иностранных студентов в России…… 263
Валиуллин Т.М. Плавание как вид избавления от стресса у студентов… 269
Филатов Р.В., Куприянов Р.В. Роль социального работника при оказании помощи пострадавшим от стихийных бедствий……... 273
Шляпина А.С. Безопасность горожан старшего возраста: государственная и социальная поддержка……. 278
Яхин Д.И. Суицидальные тенденции в современном российском обществе…… 283

РАЗДЕЛ 6. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ…… 287
Вахрушев М.А. Изменения темпоральности повседневности в условиях цифровизации……... 287
Боронников Д.Д. Друзья или враги? Отношение к современным технологиям в искусстве…….. 292

Воробьева А.А. Системный подход к измерению социальной инклюзии……...… 297
Воронова К.А. Два поколения «обоснованной теории»: сущность и основные различия…….. 304
Кузнецов А.Е. Инициативные проекты и бюрократическая революция в России…… 310
Ларионова А.С. Оценка качества городской среды на примере г. Пермь…….…… 315
Матвеева К.К. Измерение виртуального социального капитала через призму теории Дж. Коулмана……. 320
Маюк Д.Д. Сравнительный анализ понятия «жизненный мир» в работах зарубежных и отечественных авторов……. 326
Никитина Т.А., Безруков А.В. «Позитивная» девиация: теории, критерии и перспективы эмпирического исследования…….. 331
Фетисов А.С., Кудинова Ю.В. Теоретико-содержательное наполнение концепции построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха детей и их оздоровления……... 338

РАЗДЕЛ 7. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА……. 344
Алексеева С.В., Островская А.Е., Гареева И.А. Локальные традиции и международный культурный код в повседневности российской молодежи…….. 344
Блохин В.Н. Основные тенденции и проблемы развития сельских сообществ в республике Беларусь…….. 348
Домская О.Н. Развитие коммуникации органов исполнительной власти Пермского края с жителями в соцсетях……. 353
Иванова А.А. Реновация жилого фонда в Перми как проблема социальной справедливости…… 359
Ижбулатов Д.С. Место транспортной системы в формировании комфортной городской среды……. 364
Кенфак Д.М. Проблема культурной идентичности народов франкоязычной Африки…….. 369
Кирсанова К.Е., Прокофьева А.В. Городское пространство в контексте потребностей женщин и исполнения гендерных ролей ……. 376
Мамадалиева Э.Р. Развитие человеческого потенциала как стратегический приоритет устойчивого развития страны…… 382
Петрова Э.Ю. Социокультурная сфера: этапы формирования рисков…. 387
Саяпина М.А. Умные города России: миф или реальность? Анализ проектов Иннополис и Сколково…….…….. 393
Тарасов И.А. Структура, функции и современные особенности этнической идентичности…… 398
Япаров С.К., Фатхуллина Л.З. Отношение студенчества к малому предпринимательству…….. 403

РАЗДЕЛ 8. МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ…….. 407
Агафонова Д.Ю. Молодёжное волонтёрство в контексте занятости и человеческого капитала…….. 407
Антонова Н.Л. Молодежь как субъект помогающего поведения…….. 411
Арапова У.С. Молодежь и профессиональное самоопределение…… 415
Белоусова А.А. Трансформация отечественных молодежных субкультур в условиях глобализации: возрастающее влияние восточных тенденций…….. 421
Зинцов Д.С. Образ будущего в представлениях студентов (на примере РЭУ им. Г.В. Плеханова)……. 427
Иволгина Е.Ю., Гареева И.А. Социальная работа с несовершеннолетними с девиантным поведением…… 432
Одинцова И.Д. Современные ценности российского общества…….. 438
Островская А.Е., Алексеева С.В., Гареева И.А. Российская молодежь и международные культурные тренды……... 444
Сомхишвили К.О. Пути развития молодежи в регионе в фокусе социальных проектов……... 449
Трефилова Е.А., Молодчик Н.А. Анализ молодежной политики в контексте трансформации общества……... 455
Филимонова А.Д. Корпоративная культура: привлечение и адаптация молодёжи на промышленные предприятия……... 459
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……. 464
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 470

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316:339.138

Д.В. Адаменя

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭМОЦИЙ: КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕКЛАМНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Статья посвящена анализу механизмов конструирования эмоций в рекламных коммуникациях через призму культурных ценностей. В условиях общества потребления реклама трансформируется из инструмента информирования в мощный фактор формирования эмоциональных связей с аудиторией. На примере исторических и современных рекламных кейсов, включая белорусские кампании, раскрываются стратегии использования базовых ценностей (семьи, патриотизма, успеха) для целенаправленного создания эмоциональных реакций. Доказывается, что эффективность современной рекламы определяется её способностью интегрировать бренды в ценностную картину мира потребителей, выполняя тем самым важную социокультурную функцию.

Ключевые слова: конструирование эмоций, культурные ценности, рекламные коммуникации, общество потребления, эмоциональный маркетинг, социология рекламы.

Сегодня современное общество исследователи всё чаще характеризуют как «общество потребления». Здесь доминирующую роль играет циркуляция символов, образов и эмоций, а не только обмен товарами. Теперь важно не только продать, но и создать устойчивые эмоциональные связи с аудиторией. При таких условиях культурные ценности становятся ключевым инструментом для целенаправленного конструирования необходимых для бренда эмоциональных реакций.

По своей природе реклама не просто вызывает случайные эмоции, а структурно и целенаправленно конструирует их, используя культурные ценности.

С точки зрения социологии реклама — это информация о потребительских свойствах товаров и различных формах услуг для их реализации, создания спроса на них или распространение сведений о ком-то или о чем-то с целью создания популярности[1]. Актуальность спроса на оперативную информацию, к которой принято относить и рекламу, спровоцирована значение информации как ценного ресурса. Но фундаментальная информация начала терять свою популярность. Так, исследователи приходят к выводу, что реклама и СМИ постепенно заменяют семью и другие институты социализации в развитии мировоззрения. В своих сообщениях реклама опирается на ценностные

© Адаменя Д.В., 2026

[1]Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/social_dict/Реклама (дата обращения: 28.09.2025).

ориентации, традиции, нормы, привычки и так далее. Проанализировав настроение в обществе, реклама для достижения своих целей использует преобладающие в этот момент ценности и мотивации. Обращаясь к базовым, проверенным временем ценностям, реклама укрепляет социальную сплоченность и помогает сохранять культурную идентичность в условиях изменения[1]. То есть, при изменении общественного настроения и государственной политики изменяется и реклама.

Разговор об эмоциях в рекламе стоит начать с классиков социологической мысли, которые в том или ином ключе исследовали роль человеческих эмоций: М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс и П. Сорокин. Исследования, например, счастья велись в рамках постдюргеймовской традиции. Эта традиция утвердилась в современной социологии эмоций[2].

Реклама – это не только о товаре, но и о человеческих чувствах, самом человеке и его месте в обществе. Смысл любых рекламных сообщений достаточно прост: Потребитель покупает продукт или услугу, о которой вещает эта реклама, и изменяет свою жизнь к лучшему, то есть обретает «счастье»[3]. Образ счастливого человека активно используется в рекламе. Его представляют как экстраверта, вокруг которого собираются люди, он улыбчив и оптимистичен. Такой образ сложился ещё 80-е годы XX века в ходе проводимых в то время исследований. Когда этот герой покупает рекламных товар, он становится ещё счастливее, что демонстрирует целевой аудитории превосходство этого товара[4].

В формировании культурных ценностей активную роль играет социальная реклама. Основное предназначение социальной рекламы заключается в формировании и укреплении в обществе универсальных гуманистических ценностей; привлечении общественного внимания к актуальным социальным проблемам; информировании о возможных путях и механизмах решения этих проблем[5].

Важно отметить, что в рекламных сообщениях важным является образ Родины. Его используют со времён Советского Союза. Ярким примером являются такие плакаты как “Ты записался добровольцем?” Дмитрия Моора и “Родина-мать зовёт!” Ираклия Тоидзе. Благодаря использованию ярких красных

[1] Богатырёва О.В. Реклама как носитель и транслятор культурных ценностей / О.В. Богатырёва // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №8. С. 32.
[2] Савельева О.О. Социальное конструирование эмоции «Счастье» в рекламе / О.О. Савельева, А.С. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. №4. С. 54.
[3] Савельева О.О. Социальное конструирование эмоции «Счастье» в рекламе / О.О. Савельева, А.С. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. №4. С. 57.
[4] Савельева О.О. Социальное конструирование эмоции «Счастье» в рекламе / О.О. Савельева, А.С. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. №4. С. 62.
[5] Мисун А.А. Эффективность социальной рекламы при формировании ценностей современного общества / А.А. Мисун // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 10 ноября 2022 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.), А. А. Похомова]. Минск: БГУ, 2022. С. 186.

оттенков, а также образа “Родины”, плакаты взывали к патриотическому началу, скрытому в каждом человеке[1].

Следовательно, в рекламных сообщениях активно используются ценности семьи, здоровья, безопасности, любви и дружбы. Их транслируют через образы многопоколенной семьи, общих обедах, заботы о детях и пожилых людях. Это вызывает у целевой аудитории эмоции тепла и ностальгии. Конечно, стоит упомянуть и ценности достижений и успеха. Реклама, использующая именно эти ценности конструирует эмоции амбициозности и уверенности в себе.

В рекламных кампаниях МТС уже достаточно давно используют эмоциональный маркетинг, как и в целом в Беларуси. Ссылаясь на слова руководителя PR-группы МТС Марии Канасевич, стоит отметить, что реклама, вызывающая сильные эмоции стимулирует на 23% больше продаж, чем реклама, основанная на фактах. И для работы такой рекламы не важно были вызваны положительнеы эмоции или отрицательные, ведь клиенты, которые эмоционально связанные с брендом, приносят в 2 раза больше прибыли, чем просто довольные. Для эффективности реклаы стоит использовать изображения детей и животных, ведь это стимулирует снижение напряжения. Также важно обращаться к ценностям, например, у МТС достаточно много рекламных сообщений, аппелирующих к ценностям и убеждениям. Это важно, так как клиентам свойственно выбирать те бренды, которые разделяют их мировоззрение[2].

Таким образом, современная реклама представляет собой сложный социокультурный феномен, осуществляющий целенаправленное конструирование эмоций. Этот процесс реализуется через систематическое использование культурных ценностей, которые выступают в роли основного инструмента воздействия на целевую аудиторию. Рекламные коммуникации выступают активным агентом в формировании эмоционального фона общества потребления. Они не просто адаптируются к существующим культурным кодам, но и участвуют в их трансформации и воспроизводстве, выполняя тем самым не только экономическую, но и социокультурную функцию. Дальнейшее исследование данной темы может быть продуктивно направлено на сравнительный анализ специфики конструирования эмоций в рекламных дискурсах разных стран и культур.

---

[1] Гуськова М.Д. Образ Родины в рекламном дискурсе: вербальный и визуальный аспекты / М.Д. Гуськова // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве. Сборник материалов Международного научного конгресса. Том Часть III. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. Москва, 2021. С. 236.

[2] Зачем белорусскому бизнесу эмоциональный маркетинг, а МТС − свой аромат? [Электронный ресурс]. URL: https://topbrand.media/jurnal/biznes/zachem-belorusskomu-biznesu-emotsionalnyy-marketing-a-mts-svoy-aromat/ (Дата обращения 28.09.2025).

Список литературы

1. Богатырёва О.В. Реклама как носитель и транслятор культурных ценностей / О.В. Богатырёва // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №8. С. 31-33.
2. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/social_dict/Реклама (дата обращения: 28.09.2025).
3. Гуськова М.Д. Образ Родины в рекламном дискурсе: вербальный и визуальный аспекты / М.Д. Гуськова // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве. Сборник материалов Международного научного конгресса. Том Часть III. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва, 2021. С. 236-238.
4. Зачем белорусскому бизнесу эмоциональный маркетинг, а МТС − свой аромат? [Электронный ресурс]. URL: https://topbrand.media/jurnal/biznes/zachem-belorusskomu-biznesu-emotsionalnyy-marketing-a-mts-svoy-aromat/ (Дата обращения 28.09.2025).
5. Мисун А.А. Эффективность социальной рекламы при формировании ценностей современного общества / А.А. Мисун // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль): материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 10 ноября 2022 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: А.Н. Данилов (гл. ред.), А.А. Похомова]. Минск: БГУ, 2022. С. 185-189.
6. Савельева О.О. Социальное конструирование эмоции «Счастье» в рекламе / О.О. Савельева, А.С. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. №4. С. 53-68.

D.V. Adamenya

CONSTRUCTING EMOTIONS: CULTURAL VALUES IN ADVERTISING COMMUNICATIONS

The article is devoted to the analysis of the mechanisms of emotion construction in advertising communications through the prism of cultural values. In a consumer society, advertising is transformed from an information tool into a powerful factor in forming emotional bonds with the audience. Using the example of historical and modern advertising cases, including Belarusian campaigns, strategies for using basic values (family, patriotism, success) to purposefully create emotional reactions are revealed. It is proved that the effectiveness of modern advertising is determined by its ability to integrate brands into the value picture of the consumer world, thereby fulfilling an important socio-cultural function.

Keywords: emotion construction, cultural values, advertising communications, consumer society, emotional marketing, sociology of advertising.

УДК 316.7

Д.Д. Анисимова, Е.А. Боталова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ МОЛОДЕЖИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В настоящей статье рассматривается проблема социокультурных рисков в молодежной среде в условиях современного духовно-нравственного кризиса. Социокультурные риски определяются как социально конструируемые угрозы, требующие солидарности и рефлексии общества, и выделяются ключевые из них: технологизация, вестернизация, цифровизация и кризис морали. Восприятие рисков описывается в зависимости от типа социальной ориентации личности (иерархист, эгалитарист, индивидуалист, фаталист), а также выделяются механизмы социокультурной регуляции рисков.

Ключевые слова: социокультурные риски, молодежь, городская среда.

На сегодняшний день современное общество переживает духовно-нравственный кризис, связанный с активными изменениями окружающей среды, в том числе и традиционных форм культуры. Молодежь, как социальная группа, в силу происходящего процесса социализации и освоения социальных норм, является не только отражением общественных ценностей, но и носителем потенциала, воспроизводство которого влияет на развитие общества и территории в целом.

В связи с этим данная социальная группа наиболее подвержена социокультурным рискам, с одной стороны, а с другой – призвана их преодолевать[1].

Говоря о молодежи в контексте рисков следует определить понятие «социокультурные риски». В рамках социокультурного подхода М. Дуглас риск имеет социальную природу и «всегда касается ценностного решения, являясь необходимым элементом любого выбора»[2]. Исходя из этого, риски можно определить как комплексные, системные, социально конструируемые угрозы, требующие диалога и солидарности в обществе, а также развития способности самого общества к рефлексии и адаптации.

К основным социокультурным рискам, которые существуют в настоящее время в обществе, по праву относятся:

- Технологизация
- Вестернизация культурно-нравственной сферы
- Массовизация

© Анисимова Д.Д., Боталова Е.А., 2026

[1] Анохина О. В. Социокультурные измерения риска в молодежной среде / О.В. Анохина // Омский научный вестник. 2010. № 5(91). С. 103–106.

[2] Чупров В.И. Молодёжь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. М.: Наука, 2001. С. 15.

- Цифровизация
- Кризис морально-нравственного характера
- Изменение каналов, транслируемых ценностные ориентации/ трансформация роли агентов социализации[1].

Рассматривая подходы к социокультурным рискам следует ориентироваться на типы социальной ориентации. Так, выбор того, что считать риском, определяется не столько индивидуальной психологией, сколько типом культуры (и соответствующим ему социальным типом личности), к которой принадлежит человек[2] (См. Таблица).

Таблица

Типы социальной ориентации в контексте социокультурных рисков

Тип	Ориентация
«Иерархисты»	Порядок, структура, традиции, авторитет, правила
«Эгалитаристы»	Равенство, справедливость, общность, сотрудничество
«Индивидуалисты»	Свобода, конкуренция, личный успех, рынок
«Фаталисты»	“Надежда” на судьбу, невозможность контролировать риски

Таким образом, в рамках данных подходов определение того, что является главным социокультурным риском, зависит от того, к какой группе индивид принадлежит. Для одного главный риск – это упадок традиционной семьи (позиция Иерарха), для другого – рост социального неравенства (позиция Эгалитариста), а для третьего – запрет на свободное предпринимательство (позиция Индивидуалиста).

Чтобы социокультурные риски не привели к полной дезинтеграции общества, в дело вступают механизмы социокультурной регуляции – инструменты, с помощью которых можно стабилизировать жизнедеятельность общества.

Эти механизмы можно условно разделить на две большие группы. Во-первых, это институциональные механизмы. К ним относятся все основные общественные институты: государство, образование, религия, СМИ и т.п.

[1] Шилина Н.А. Социокультурные риски и духовная люмпенизация российского общества / Н.А. Шилина, Н.Ю. Беликова, А.Г. Лугинина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12. С. 110– 113.

[2] См.: Там же. С. 17.

Государство регулирует риски через законы, социальные программы, оказывая влияние на различные сферы общества. Система образования формирует общие ценности, гражданскую идентичность, а в более профильном понимании – направляет и развивает профессиональные качества человека, тем самым предопределяя, в большинстве случаев, его место в экономической системе. СМИ, в идеале, выполняют функцию артикуляции социокультурных рисков – то есть, обсуждают их, делают видимыми для всех, что заставляет власть и общество реагировать.

Во-вторых, существуют неформальные, ценностно-нормативные механизмы – мораль, традиции, общественное мнение, гражданские инициативы, объединения и даже искусство. Например, риск утраты культурного кода компенсируется механизмами культурной памяти – музеями, литературой, кинематографом, которые постоянно «напоминают» обществу, что оно есть – о его истоках, развитии и культуре.

Таким образом, регуляция социокультурных рисков – это сложный, многоуровневый процесс, в котором задействованы все «этажи» общества: от государства до соседского чата. Эффективность этой регуляции зависит именно от слаженной работы всех механизмов, когда формальные институты не противоречат, а поддерживают неформальные нормы.

Актуальность изучения социокультурных рисков в молодежной среде обусловлена, прежде всего, ключевой ролью молодежи как агента социального воспроизводства и трансформации. Молодежь – это поколение, которое в ближайшем будущем будет определять траекторию развития общества, занимая ключевые позиции в экономике, политике и культуре. Поэтому любые риски, которые инкорпорируются в ее ценностные ориентации и модели поведения сегодня, неминуемо проявятся в качестве системных проблем завтра.

Молодежь как возрастная группа находится в первых линиях социальных изменений. В отличие от старших поколений, чья картина мира уже устоялась, молодые люди только проходят процесс социализации и формирования идентичности. Они не имеют прочных установок в виде укорененных традиций или устойчивого социального статуса, а потому вынуждены вырабатывать стратегии адаптации. Эти стратегии могут формироваться, как минимум, в повседневных практиках: в выборе карьерных и экономических траекторий, в создании новых форм досуга и культурных сообществ, в экспериментах с собственной идентичностью.

Важно отметить и пространство регуляции и борьбы молодежи с социокультурными рисками. Более наглядно это можно увидеть в городском пространстве, поскольку ¾ населения РФ проживают в городской местности по

данным за январь 2025 года.[1] Именно в городе сконцентрированы основные противоречия современного общества: конкуренция и социальное неравенство, разнородность культурных кодов, анонимность и фрагментарность социальных связей. Также городская среда предлагает молодежи беспрецедентный выбор идентичности, стиля жизни, потребительских практик, который сам по себе является источником стресса и риска, порождая кризис самоопределения. К тому же, город – это главная площадка для столкновения различных рисков: от экономических (трудоустройство) до культурных (конфликт ценностей) и экологических.

В то же время город предоставляет молодежи и уникальные инструменты для борьбы с этими рисками. Доступ к образовательным и культурным ресурсам, концентрация единомышленников, возможность для сетевой самоорганизации и создания новых социальных ниш — все это делает городское пространство полем для экспериментов по выработке новых механизмов адаптации.

На основе анализа статьи О.В. Анохиной «Социокультурные измерения риска в молодежной среде», можно сказать, что ключевым фактором, формирующим жизненные стратегии современной российской молодежи, является неопределенность – основной признак общества риска. Эта неопределенность порождена глубокой трансформацией всех социальных институтов: экономики, политики, права, культуры. В результате традиционные ценности и нормы теряют свою силу, перестают выполнять функцию социального контроля, что приводит к ценностной деформации, правовому нигилизму и кризису социальной идентичности. В такой ситуации молодежь, прошедшая социализацию в этих условиях, оказывается наиболее уязвимой, но одновременно и вынужденной искать новые пути интеграции в общество. По мнению автора, социокультурный риск – не только угроза, но и инструмент адаптации в условиях современного общества.[2]

С одной стороны, молодежь является жертвой социокультурных рисков, порожденных переходным состоянием общества. Однако в этой активности заключен и позитивный потенциал: риск становится стимулом для роста инновационного потенциала молодежи. Задача общества и государства, таким образом, состоит в создании условий, при котором энергия молодежи будет направлена в конструктивное русло, в рамках эффективной и продуманной молодежной политики.[3]

---

[1] Сколько россиян живет в городах, а сколько — в селах [Электронный ресурс] // Т-Ж. — URL: https://t-j.ru/gorod-i-selo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.09.2025).

[2] Анохина О. В. Социокультурные измерения риска в молодежной среде / О.В. Анохина // Омский научный вестник. 2010. № 5(91). С. 103–106.

[3] См.: Там же. С. 104.

Социальные проекты являются одним из ключевых механизмов в преодолении социокультурных рисков в городском пространстве, поскольку являются альтернативными каналами социализации как молодежи, так и населения в целом. Они могут компенсировать и дополнять работу традиционных социальных институтов, так как сочетают в себе как формальные, так и неформальные черты механизмов регуляции социокультурных рисков.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что современная молодежь находится в центре социокультурных рисков, порожденных глобальными трансформациями (технологизацией, цифровизацией, вестернизацией, кризисом морали). Эти риски носят системный характер и воспринимаются по-разному в зависимости от типа социальной ориентации личности. С одной стороны, молодежь как группа, находящаяся в процессе социализации, особенно уязвима перед вызовами, что проявляется в кризисе идентичности, ценностной деформации. С другой стороны, именно молодежь обладает наибольшим потенциалом для преодоления этих рисков, воспринимая их не только как угрозу, но и как стимул для выработки инновационных стратегий адаптации. Таким образом, задача общества и государства заключается не в устранении рисков, что невозможно, а в создании условий для их конструктивного преодоления, чтобы молодежь могла реализовать свой потенциал как агент позитивных социальных трансформаций.

Список литературы

1. Анохина О. В. Социокультурные измерения риска в молодежной среде / О. В. Анохина // Омский научный вестник. 2010. № 5(91). С. 103–106.

2. Сколько россиян живет в городах, а сколько — в селах [Электронный ресурс] // Официальный сайт Т-Ж. URL: https://t-j.ru/gorod-i-selo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения: 12.09.2025).

3. Чупров В.И. Молодёжь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. М.: Наука, 2001. 230 с.

4. Шилина Н. А. Социокультурные риски и духовная люмпенизация российского общества / Н. А. Шилина, Н. Ю. Беликова, А. Г. Лугинина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12. С. 110–113.

D.D. Anisimova, E.A. Botalova

SOCIO-CULTURAL RISKS OF YOUTH AND MECHANISMS FOR THEIR PREVENTION IN THE CONTEXT OF URBAN DEVELOPMENT

This article examines the problem of socio-cultural risks among young people in the context of the modern spiritual and moral crisis. Sociocultural risks are defined as socially constructed threats that require solidarity and reflection of society, and the key ones are highlighted: technologization, Westernization, digitalization and moral crisis. Risk perception is described depending on the type of social orientation of the individual (hierarchist, egalitarian, individualist, fatalist), as well as the mechanisms of socio-cultural regulation of risks

Keywords: sociocultural risks, youth, urban environment.

УДК 316.75

Д.А. Багаева

ДУАЛЬНАЯ ПРИРОДА ДОВЕРИЯ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ: АНАЛИЗ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья посвящена анализу дуальной природы доверия к искусственному интеллекту в современном обществе. На основе данных социологического исследования и теоретической рамки выявляются две взаимосвязанные стороны этого феномена: доверие к ИИ как к надежной технологической системе и как к квази-социальному актору, вызванное его антропоморфными чертами. Доказывается, что эта гибридность порождает риски некритического делегирования полномочий и утраты цифровой бдительности. Делается вывод о необходимости развития критической цифровой грамотности, учитывающей двойственную природу доверия к технологиям искусственного интеллекта.

Ключевые слова: доверие, социология доверия, доверие к искусственному интеллекту.

Согласно данным федерального социологического исследования «Перспективы развития искусственного интеллекта», проведённого компанией NtechLab совместно с Центром развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА» в апреле 2025 года, среди молодых россиян в возрасте от 18 до 35 лет 88% используют искусственный интеллект в повседневной жизни. 90% респондентов воспринимают ИИ как «библиотеку знаний». При этом более половины респондентов — 63% видят в ИИ образ «собеседник и друг, добрый робот».[1] Искусственный интеллект сейчас активно входит во все сферы нашей жизни, что может говорить как об адаптивности общества к нововведениям в технической сфере, так и о том, что уровень цифровой грамотности или гигиены среди населения находится не на самом высоком уровне. С одной стороны ИИ – это новая и сложная технология, с другой стороны порог вхождения при взаимодействии с ним минимален, что ставит вопрос об отношении к искусственному интеллекту как к чему-то, сочетающему в себе неодушевленность техники и возведённый в высокую степень антропоморфизм. Возведённый настолько, что 30% респондентов в вышеупомянутом исследовании ответили, что хотели бы, чтобы в будущем ИИ смог «чувствовать».

В данной статье под ИИ будут пониматься все технологии, позиционирующиеся как «искусственный интеллект», то есть делающие попытки имитировать работу человеческого мозга, для использования которых пользователю нужно вступать в коммуникацию. Для того, чтобы рассмотреть

© Багаева Д.А., 2026

[1] Перспективы развития искусственного интеллекта: восприятие молодежи России. 2025. [Электронный ресурс] // NtechLab, Центр развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА». URL: https://new-era.space/nir/3924/ (Дата обращения: 01.10.2025)

дуальность доверия к ИИ, мы обратимся к двум сторонам этого доверия – вера в надежность ИИ как «системы» и уверенность в «честности» ИИ как некоторого квази-социального актора.

Первая сторона объекта – ИИ как некая абстрактная система. Понятие доверия к абстрактным системам можно встретить в работах Э. Гидденса. В его понимании доверие к системам принимает форму безличных обязательств, в которых вера поддерживается благодаря функционированию знания, в котором простой человек, как правило, не разбирается.[1] Эта позиция действительно хорошо отражает суть этой стороны взаимоотношения с нейросетями. Люди, использующие их для поиска информации, верят в то, что им выдают единственно-верное знание, достоверность которого не нуждается в перепроверке. К «системе-ИИ» выстраивается отношение как к инструменту, основанное на её функциональности, предсказуемости и эффективности.

Но обратная сторона такого восприятия – то, что даже при знании о «рукотворности» алгоритмов, пользователи забывают, что в обучаемые нейросети так или иначе закладывается часть ценностей и предубеждений тех, кто их обучает, а значит и информация, которая будет выдаваться в запросах, будет ценностно-окрашенной, а уровень этой окраски будет зависеть от того, насколько контекстный запрос. Так, например, нейросеть «Deepseek», созданная китайскими разработчиками, не будет выдавать пользователям информацию, касающуюся студенческих протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, потому что распространение информации о них запрещается.

Вторая сторона объекта – ИИ как квази-социальный актор. Отталкиваясь от высказываний про образ ИИ как «собеседника и друга», можно рассмотреть в качестве объекта доверия персонифицированный образ ИИ. Наделению нейросети антропоморфными чертами способствует умение алгоритмов вести диалог и понимать контекст.

Для рассмотрения объекта с этой позиции может подойти обобщённое доверие, так как при всей персонифицированности, прошлый опыт взаимоотношений и «репутация» в глазах того, кто оказывает доверие, у ИИ отсутствуют. Обобщенное (оно же социальное/ генерализированное) доверие – это ожидание надежности других индивидов, не связанное с прогнозом их поведения в конкретной ситуации взаимодействия. Его скорее можно рассматривать как мировоззренческую установку, которая выражает готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия.[2]

[1] Гидденс Э. Последствия современности // Праксис. М., 2011. С. 217.
[2] Алексеева А.Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. №4. С. 9.

Эта установка может объяснить стремление людей доверить свои секреты искусственному интеллекту, забывая о базовых правилах цифровой безопасности и о том, что нейросети и вся обрабатываемая ими информация, находятся во владении у крупных корпораций, которые могут запросто продать полученные данные. А информация, как известно – самый ценный ресурс.

А.А. Севастьянова и А. П. Развожаев в своей статье, посвященной доверию к ИИ, пишут, что «искусственный интеллект, упрощая доступ к информации, может как укреплять доверие внутри системы социальных отношений, так и подрывать его, а доверие самой технологии необходимо для эффективного использования инструмента.»[1] Примером для этого высказывания может послужить нейросеть «Grok», представленная Илоном Маском и встроенная в соц.сеть «X». Часто под популярными постами с какими-либо новостями можно встретить комментарии с разными вариациями «Грок, это правда?». Эта нейросеть, действительно, может «разоблачать» фейковые новости, чем и заслужила доверие пользователей. Только необходимо понимать, что принцип её работы, заключающийся в сборе доступной информации из интернета и «X», не позволяет доверять «разоблачениям» на 100%. Об этом забывают некоторые пользователи, делегируя на «Грока» осмысление даже тех постов, для понимания которых потребовалась бы капля их собственного критического мышления. Обсуждая вторую часть высказывания про эффективное использование, кажется, что с ней не всегда получается согласиться, потому что, на мой взгляд, в данном случае большую роль играет уверенность в собственной компетентности при работе с промтами, запросами к ИИ, или, в случае с использованием ИИ обывателями – уверенность в компетентности тех, кто эти промты составлял.

Понимание того, что с внедрением искусственного интеллекта не только в профессиональные сферы, но и в повседневную жизнь важно для рассмотрения методологических возможностей исследования отношения общества и ИИ с точки зрения социологии. Например, можно углубиться в изучение повседневных практик использования ИИ через кейс-стади или проводить мониторинговые исследования отношения к ИИ для понимания того, насколько населению требуются проекты, направленные на повышение цифровой гигиены.

Доверие к искусственному интеллекту в современном обществе дуально: оно сочетает безличную веру в технологическую систему и социальное доверие к антропоморфному актору. Эта гибридная природа, подкрепляемая данными исследований (где ИИ одновременно «библиотека» и «друг»), создает риски слепого делегирования критического мышления и приватности. Успешная

[1] Севастьянова А. А., Развожаев А. П. Феномен доверия искусственному интеллекту: обзор социологических концепций // ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО в РОССИИ И КИТАЕ. 2025. С. 422.

интеграция ИИ в общество зависит не столько от совершенства технологий, сколько от преодоления этого когнитивного диссонанса через развитие критического понимания его ограничений и предвзятости.

Список литературы

1. Алексеева А.Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. №4. С. 9.

2. Гидденс Э. Последствия современности // Праксис. М., 2011. С. 217.

3. Перспективы развития искусственного интеллекта: восприятие молодежи России. 2025. [Электронный ресурс] // NtechLab, Центр развития гуманитарных технологий «НОВАЯ ЭРА». URL: https://new-era.space/nir/3924/ (Дата обращения: 01.10.2025)

4. Севастьянова А.А. Феномен доверия искусственному интеллекту: обзор социологических концепций / А.А. Севастьянова, А. П. Развожаев // ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО в РОССИИ И КИТАЕ. 2025. С. 422.

D.A. Bagaeva

THE DUAL NATURE OF TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ANALYSIS AND CONSEQUENCES

The article is devoted to the analysis of the dual nature of trust in artificial intelligence in modern society. Based on data from a sociological study and a theoretical framework, two interrelated aspects of this phenomenon are identified: trust in AI as a reliable technological system and as a quasi-social actor, driven by its anthropomorphic features. It is proven that this hybrid nature creates risks of uncritical delegation of authority and loss of digital vigilance. The conclusion is made about the necessity of developing critical digital literacy that considers the dual nature of trust in artificial intelligence technologies.

Keywords: trust, sociology of trust, trust in artificial intelligence.

УДК 316.012

В.Р. Горбунова

ВОСПРИЯТИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной научной статье представлены результаты вторичного анализа данных всероссийского опроса ВЦИОМ (2023 г.), посвященного изучению волонтерства в российском обществе. Исследование фокусируется на анализе представлений респондентов об изменении уровня волонтерской активности за последние 10–15 лет, а также на выявлении ассоциаций, связанных с добровольческой деятельностью в общественном сознании.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, восприятие волонтёрской активности.

Волонтерство настолько распространено в обществе, что в современном мире речь идет о его углубленном исследовании средствами самых различных наук. Среди них особое место принадлежит социологии.[1] Данная тема является актуальной в связи с тем, что волонтерство в современном обществе способно решать многие актуальные, действительно важные социальные проблемы. Так, например, развитие добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации в 2023 году характеризуется положительной динамикой. Статистические данные Росстата свидетельствуют об увеличении темпов прироста количества СОНКО, осуществляющих деятельность в области добровольчества (волонтерства), на 5,4 % к предыдущему году. Количество таких СОНКО в 2023 году составило 10 469 организаций (в 2022 году – 9 930 организаций).[2]

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых тенденций в восприятии волонтерства, а также его состояния в российском обществе на основе анализа данных массива ВЦИОМ «Волонтеры России: мониторинг» 2023 года. Оно было нацелено на изучение того, насколько россияне осведомлены о волонтерстве, что их мотивирует или, наоборот, мешает участвовать в этой деятельности, а также через какие каналы их можно вовлечь в добровольческие проекты.

Для сбора данных был использован всероссийский телефонный опрос. В нем приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет, проживающих как в городах, так и в сельской местности. География исследования была широкой и охватила не менее 80 регионов страны. Выборка репрезентирует взрослое

© Горбунова В.Р., 2026

[1] Зборовский Г. Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания / Г. Е. Зборовский // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2017. №3. С 8.

[2] Доклад о развитии добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации в 2023 году [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://nko.economy.gov.ru/main/dobrovolchestvo/ (Дата обращения: 02.09.2025)

население России по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта проживания. Для этого использовался метод стратифицированной случайной выборки, где номера респондентов случайным образом отбирались из базы всех действующих сотовых номеров в РФ.

Полученные в ходе опроса данные затем были проанализированы с помощью SPSS. Основными методами анализа стали описательная статистика, в частности, построение таблиц частот и таблиц сопряженности для выявления основных закономерностей и взаимосвязей.

Согласно представленным данным о восприятии респондентами изменения уровня вовлечённости в волонтёрскую деятельность за последние 10-15 лет, подавляющее большинство респондентов считают, что сегодня люди занимаются волонтёрской деятельностью больше, чем 10-15 лет назад. Это указывает на значительный рост популярности волонтёрства в восприятии общества (См. Табл. 1). Также существует немногочисленная часть респондентов, придерживающаяся противоположной точки зрения о снижении уровня активности, а также небольшая доля тех, кто не замечает существенных изменений в развитии (См. Табл. 1).

Таблица 1

Как Вам кажется, сегодня люди занимаются добровольческой, или волонтерской деятельностью больше или меньше, чем 10-15 лет назад?
% от числа ответивших

Оценки респондентов	Доля ответивших
Сейчас занимаются больше	**80,6**
Сейчас занимаются меньше	4,8
Примерно столько же	8,5

Особый исследовательский интерес представляет анализ восприятия волонтерской динамики среди молодежи (18-35 лет), поскольку данная группа является наиболее активным потенциальным ресурсом добровольческого движения. Абсолютное большинство молодых людей (72,1%) убеждены, что сегодня волонтерством занимаются больше, чем за последние 10-15 лет. Эта высокая оценка роста отражает как реальное расширение молодежных волонтерских практик, так и эффективную информационную политику, сформировавшую позитивный образ добровольчества.

Значительная часть молодых респондентов (11,8%) указывают на отсутствие заметных изменений в уровне активности. Такая позиция может быть связана с региональной спецификой, где развитие волонтерской инфраструктуры

происходит менее интенсивно или с ограниченным личным опытом участия молодежи. При этом относительно небольшая часть молодежи (10%) отмечает снижение волонтерской активности, такая оценка может быть связана с различными факторами: в некоторых регионах или сферах деятельности могла сократиться поддержка волонтерских инициатив, а часть молодежи может быть недостаточно информирована о возможностях для участия в проектах. Этот показатель отражает необходимость развития целевых программ информирования и вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность.

Таким образом, восприятие молодежью развития волонтерства демонстрирует позитивный тренд, что свидетельствует об успешной интеграции ценностей добровольчества в систему ориентиров нового поколения и создает прочную основу для дальнейшего расширения молодежного волонтерского движения.

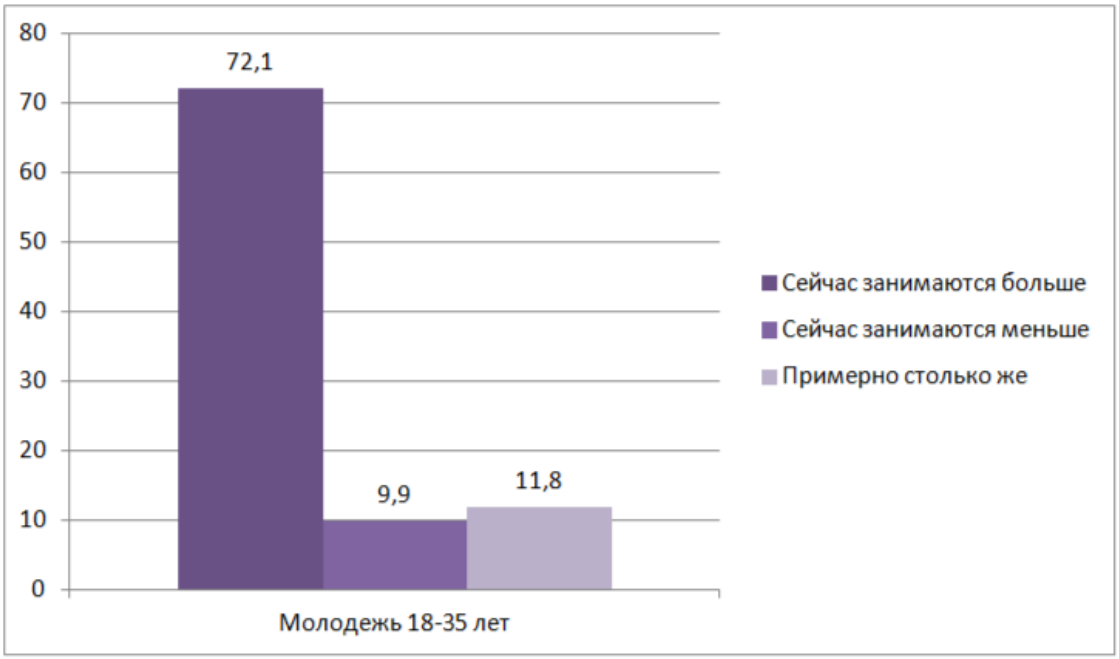

Рис. Оценка молодёжью динамики волонтёрской активности в России за последние 10–15 лет, % ответивших респондентов

Анализ ответов респондентов выявил ряд ассоциаций, связанных с восприятием волонтерства в общественном сознании. Наиболее распространенной ассоциацией стала помощь нуждающимся, которая включает помощь людям и животным, заботу и спасение (48,3%). Данная ассоциация, занимающая доминирующее положение, отражает глубокое восприятие волонтерства как социально значимой и общественно полезной деятельности. Второй по значимости образ связан с бесплатным и бескорыстным характером деятельности (11,7%). Акцент на отсутствии материальной выгоды и альтруистическом начале подчеркивает ценностно-смысловые основания

волонтерства в представлении респондентов. Также, одной из наиболее популярных ассоциаций является благотворительность, что свидетельствует о близости этих понятий в общественном сознании и отражает широкий контекст непрофессиональной помощи и социального участия (8%) (См. Табл. 2).

Таким образом, для коммуникации важно делать акцент на социальной значимости и общественно полезной составляющей волонтерства, а также подчеркивать добровольный характер участия. Это формирует благоприятный образ добровольчества и способствует его дальнейшей популяризации как важной составляющей гражданской активности.

Таблица 2

Скажите, пожалуйста, какие первые ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите слово «волонтер»? % от числа ответивших

Варианты ответа	Доля ответивших	Варианты ответа	Доля ответивших
Помощь людям, животным, спасение	**48,3**	Благоустройство, экология	0,5
Бесплатная бескорыстная деят-ть	**11,7**	Соц. Сфера, соц. Работник	0,5
Благотворительность	**8**	Бездельники, много свободного времени	0,4
Добровольная, без принуждения помощь	6,6	Желание, готовность помочь	0,4
Молодёжь, стеденты, молодцы, образование	6,4	Организация, группа людей	0,3
Уважение, взаимопонимание, гордость	6,2	Бездомные, старики, больные	0,2
Доброта, добро, искренность, забота	5,4	Олимпиада, ЧМ, спорт	0,2
Помощь армии, СВО, гос-во не обеспечивает военных	4,2	Принудительно заставляют помогать	0,2
Нужны, нужная деят-ть, польза	1,8	Патриоты, будущее России	0,1
Нормальные, нормально отношусь	1,5	Бесполезность, бессмысленно	0,1
Самоотверженность, самопожертвование	0,9	Хотелось бы, чтобы их было больше	0,1

Я сама волонтер	0,9	Активная жизненная позиция	0,1
Взносы, взяточничество, мошенники	0,7	Зарубежное слово	0,1
Благодарность	0,7	Положительное явление	0
Советские времена, комсомольцы	0,6		

Выводы

Проведённый вторичный анализ данных исследования ВЦИОМ «Волонтеры России: мониторинг» позволил выявить ключевые тенденции в восприятии и развитии волонтёрства в российском обществе. Особенно показательным является тот факт, что абсолютное большинство респондентов (как в общей выборке, так и среди молодежи) отмечают рост волонтерской активности за последние 10-15 лет, что свидетельствует об успешной интеграции ценностей добровольчества в систему общественных ориентиров. Восприятие волонтёрства в обществе преимущественно позитивное: доминируют ассоциации с помощью нуждающимся, бескорыстием и добровольностью.

Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования государственных и общественных программ поддержки добровольчества, а также для разработки стратегий вовлечения новых участников. Таким образом, волонтёрство в России сохраняет потенциал для роста, оставаясь важным инструментом укрепления гражданского общества и решения актуальных социальных задач.

Список литературы

1. Волонтеры России: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring (Дата обращения: 03.09.2025)

2. Зборовский Г.Е. Проблема волонтерства в структуре социологического знания / Г.Е. Зборовский // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2017. №3. С 8-23.

3. Доклад о развитии добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации в 2023 году [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://nko.economy.gov.ru/main/dobrovolchestvo/ (Дата обращения: 02.09.2025)

V.R. Gorbunova

PERCEPTION OF VOLUNTEER ACTIVITY IN RUSSIAN SOCIETY

This scientific article presents the results of a secondary analysis of data from a national survey conducted by VTsIOM (2023), which focused on the study of volunteering in Russian society. The study aims to analyze the respondents' perceptions of changes in volunteering over the past 10-15 years, as well as to identify associations associated with volunteering in the public consciousness.

Keywords: volunteering, civic engagement, perception, perception of volunteer activity.

УДК 316.45

А.А. Джевага

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА

Статья посвящена исследованию роли интернета в развитии гражданского активизма. Рассматриваются как классические (теория относительной депривации и теория мобилизации ресурсов), так и более современные подходы. Уделяется внимание трансформации форм участия в условиях цифровизации — от традиционных форм к новым: онлайн петиции, киберактивизм, краудфандинг, флешмобы. Показано, что интернет снижает барьер вовлечения в гражданский активизм.

Ключевые слова: интернет, гражданский активизм, интернет-активизм.

С момента своего появления интернет существенно влияет на развитие различных сфер жизни общества. Сегодня интернет выступает полноценной общественной площадкой, где формируются новые практики взаимодействия, зарождаются инициативы и выстраиваются горизонтальные связи между людьми[1]. Социальные сети, блоги и другие онлайн-платформы уже перестали быть местом потребления исключительно развлекательного контента. В современном мире они становятся площадкой для обсуждения острых вопросов, пространством для координации действий и каналом, позволяющим гражданам напрямую влиять на окружающую реальность. Сообщества, связанные с социальными и благотворительными организациями, наукой и образованием суммарно занимают значимую долю от общего контента, потребляемого российскими гражданами[2]. Все чаще именно в интернете проявляется гражданский активизм в его современном виде — динамичном, сетевом и способном охватывать большие аудитории.

Актуальность темы связана с тем, что интернет изменил традиционные формы гражданского участия. Если раньше активность была тесно привязана к офлайн-структурам: митингам, собраниям, партийным объединениям — то теперь она часто выражается в цифровом формате: онлайн-петиции, флешмобы, краудфандинговые кампании, виртуальные сообщества. Сетевые технологии становятся не просто инструментом коммуникации, но и фактором, формирующим новые механизмы гражданской мобилизации. Изучение роли интернета в развитии гражданского активизма помогает понять, как меняются

© Джевага А.А., 2026

[1] Миронов М.В. Формы гражданского участия современной молодежи: особенности и тенденции в условиях цифровизации / М.В. Миронов // Цифровая социология: направления исследований. 2025. №1. С. 15.

[2] Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения: аналитический обзор. [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения: 01.10.2025).

общественные процессы и какие перспективы открываются для гражданского участия.

Существует множество теоретических подходов в изучении природы и динамики развития различной гражданской активности, целесообразно обратиться к некоторым из них для достаточно полного понимание самой концепции гражданского активизма.

Одной из ключевых является теория относительной депривации. Она рассматривает любое гражданское действие как следствие или реакцию на ощущение потери или неудовлетворённости важных для общества потребностей. Относительная депривация формируется вследствие субъективной оценки собственного положения и восприятии его ниже, чем у других акторов общества, то есть индивиды ориентируются на социальные группы, к которым сами себя относят[1]. В современной ее интерпретации депривация измеряется каждым индивидом через уровень экономического неравенства. В современном мире оценка уровня экономического неравенства искажается, так как социальные сети формируют нереалистичное восприятие обыденной жизни с гиперреальными образами успешности. Цифровая среда также трансформирует источники самой депривации. «Умные рекомендации» в социальных сетях наиболее активно продвигают контент, связанный с высокой эмоциональной нагрузкой, такой контент чаще побуждает человека к яркой реакции или началу обсуждения. Таким образом наиболее популярный контент может быть связан с намеренной демонстрацией лучшей жизни или пропагандой ненависти.

Второй важный подход — теория мобилизации ресурсов. В отличии от иных подходов он акцентирует внимание не на настроении и мотивации общества, Дж. МакКартни утверждает, что успех любых инициатив зависит от наличия различных форм ресурсов, необходимых для гражданского действия[2]. Значимость данной теории в рамках темы обуславливается изменением самой формы необходимых ресурсов для консолидации общественного действия. Ключевые ресурсы ранее представляли физические пространства, печатные СМИ, всевозможные сложные организационные структуры. Интернет радикально изменил организационный процесс самого гражданского действия: в современном мире координация действий происходит в тематических группах и

[1] Савенков Р.В. Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста / Р.В. Савенков, Д.В. Щеглова // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. №4. С. 556- 557.

[2] Скокова Ю.А. Социология общественных движений: возможности и ограничения основных теоретических концепций / Ю.А. Скокова // Социологические исследования. 2014. №3. С. 134–135.

чатах в социальных сетях и мессенджерах, а распространение информации значительно упростилось[1].

Также существуют более современные подходы к изучению гражданской активности. В статье Курочкина А.В. отмечается двойственность влияния цифровизации на общественные движения[2]. С одной стороны, доступность к распространению позволяет увеличить публичность гражданских инициатив. С другой стороны, автор отмечает нецентрализованную гибкость современных общественных движений, обуславливается это отсутствием централизации каналов информации в интернете. Это может положительно влиять на мобильность самого движения, но также возможно размытие оригинальной проблематики и проявления социального гнева в сторону разных групп населения[3].

Гражданский активизм в целом можно определить как добровольную коллективную деятельность, связанную с общими идеями и ценностями, реализуемую публично. Также важно отметить, что активизм включает в себя именно деятельностную позицию, потенциал к действию или высказывание своей позиции, то есть именно активное действие[4].

Основываясь на вышеописанных классических подходах и современных работах, можно вывести определение гражданского активизма в рамках интернет-пространства. Таким образом гражданский активизм в интернет-среде — это организованная или стихийная деятельность людей, реализуемая через цифровые каналы коммуникации, направленная на выражение мнений и ценностей, защиту прав и интересов людей, основанная на личной мотивации, где интернет-сеть выполняет ключевую роль как мобилизируемый ресурс.

Воздействие интернета на активизм можно выделить в размытии онлайн- и офлайн-площадок. Гражданская инициатива может зародиться в интернете, а реализация проходить уже на физических площадках, также и наоборот. Можно выделить основные сетевые инструменты для реализации интернет-активизма: чаты; цифровые площадки; электронные сервисы оплаты, необходимые для онлайн-благотворительности; цифровые платформы для подписания коллективных писем и обращений; краудфандинг-площадки. В настоящее время благодаря всеобъемлющей цифровизации существует огромное разнообразие каждого из инструментов. Конечно, все еще можно говорить об определенной цензуре со стороны администрации интернет-площадок, правила пользования

[1] Соколов А.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А.В. Соколов, Я.В. Барский // Власть. 2021. №6. С. 42-47.
[2] Курочкин А.В. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения / А.В. Курочкин, А.А. Никифоров // Современные исследования социальных проблем №1(45), 2015. С. 239-252.
[2] Там же.
[4] Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации / О.А. Башева // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, №1. С. 41-57.

которых часто ужесточаются в сторону лидирующей политической повестки в обществе, но каждая конкретная цифровая платформа имеет множество альтернатив, возможно и менее популярных. Таким образом цифровизация интернет-активизма дает возможность выражения мнения или активного действия для всевозможных групп граждан, в том числе мало представленных, непопулярных или противоречащих этической политике отдельных платформ. В качестве примера можно привести переход пророссийских видеоблогеров с площадки YouTube на отечественные платформы в связи с блокировкой на изначальном ресурсе.

Выделяя формы гражданского активизма в целом, можно также обратить внимание на их современные проявления в интернет-пространстве:

1. Индивидуальная деятельность. Может проявляться в ведении аккаунта в социальных сетях на общественно важные темы, например – экология.

2. Контакт с представителями власти. Результаты исследований показывают, что 44% молодого населения готово к подписанию открытых писем или петиций, а также к прямому обращения в органы государственной власти[1].

3. Коллективное действие. В данную форму можно отнести множество проявлений кибератвизма: организация флешмбов, публикация постов, видео, изображений, изменение аватара в социальных сетях, распространение хэштега, создание резонанса.

Формы проявления активизма на просторах интернета регулярно изменяются в связи с появлением новых способов коммуникации. Раньше основной формой распространения мнения были текстовые блоги (LiveJournal.com, Liveinternet.ru), соответственно, и привлечение внимание к проблемам в интернет-среде происходило через текстовые публикации. Сейчас же наиболее применяемыми как для обыденного использования, так и для выражения гражданского активизма становятся платформы с видеоматериалами. Гибкость форм самих интернет-ресурсов и регулярные нововведения не позволяют точно сказать, какие формы гражданского действия в интернете приживутся и будут использоваться в будущем, а какие нам еще предстоит открыть для себя. Можно обратить внимание на то, что большинство из перечисленных примеров реализации форм гражданского действия доступны каждому активному пользователю интернета. Таким образом, с позиции теории мобилизации ресурсов можно отметить, что развитие форм интернет-коммуникации напрямую влияет на способы гражданского активизма: от текстовых блогов начала 2000-х гг. до современных видеоплатформ. Постоянное обновление цифровых инструментов расширяет спектр доступных ресурсов и

[1] Миронов М.В. Формы гражданского участия современной молодежи: особенности и тенденции в условиях цифровизации / М.В. Миронов // Цифровая социология: направления исследований. 2025. №1. С. 16.

снижает барьер вовлечения, что делает участие в гражданских инициативах возможным для большинства пользователей. Это указывает на возрастание доступности и гибкости интернет-активизма в современных условиях.

Таким образом интернет стал не просто площадкой для упрощенной коммуникации, но и пространством для формирования новых проявлений гражданской активности. Интернет-сеть расширяет спектр доступных ресурсов и дает возможность каждому отдельному индивиду проявить себя в индивидуальной или коллективной форме активизма. Гибкость цифровой среды обеспечивает постоянное обновление форм активизма, это делает активизм гибким и динамичным в условиях различных барьеров, препятствующих проявлению гражданской активности. В этих условиях интернет-активизм выступает важным фактором общественного развития, открывающим новые возможности для выражения мнений, консолидации усилий и защиты интересов различных групп населения.

Список литературы

1. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации / О.А. Башева // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, №1. С. 41-57.

2. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения: аналитический обзор. [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения: 01.10.2025).

3. Курочкин А.В. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения / А.В. Курочкин, А.А. Никифоров // Современные исследования социальных проблем. 2015. №1(45). С. 239-252.

4. Миронов М.В. Формы гражданского участия современной молодежи: особенности и тенденции в условиях цифровизации / М.В. Миронов // Цифровая социология: направления исследований. 2025. №1. С. 13-21.

5. Савенков Р.В. Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста / Р.В. Савенков, Д.В. Щеглова // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. №4. С. 555-563.

6. Скокова Ю.А. Социология общественных движений: возможности и ограничения основных теоретических концепций / Ю.А. Скокова // Социологические исследования. 2014. №3. С. 132–140.

7. Соколов А.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности / А.В. Соколов, Я.В. Барский // Власть. 2021. №6. С. 42- 47.

A.A. Dzhevaga

THE ROLE OF THE INTERNET IN THE DEVELOPMENT OF CIVIC ACTIVISM

The article is devoted to the study of the role of the Internet in the development of civic activism. Both classical approaches (relative deprivation theory and resource mobilization theory) and more contemporary perspectives are examined. Attention is given to the transformation of participation forms in the context of digitalization—from traditional forms to new ones such as online petitions, cyber-activism, crowdfunding, and flash mobs. It is shown that the Internet reduces the barriers to civic engagement.

Keywords: Internet, civic activism, online activism.

УДК 316.6

Е.С. Домрачева

ОДИНОЧЕСТВО В ЭПОХУ ШИРОКИХ КОММУНИКАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В статье анализируется феномен одиночества в современную эпоху широких цифровых коммуникаций. Рассматривается парадокс сохранения проблемы одиночества при изобилии коммуникационных возможностей. Исследуются причины данного явления, среди которых смещение акцента с качественных на количественные связи, упрощение и обесценивание акта коммуникации, а также вызванный этим риск потери коммуникативных навыков.

Ключевые слова: одиночество, коммуникационные возможности, социальные связи, цифровизация.

Проблема одиночества волновала умы людей на протяжении многих лет: еще в период Античности философы поднимали эту проблему, фокусируясь скорее на его деструктивной природе. Однако позднее с развитием человечества видоизменялось и понимание одиночества: данный феномен стал рассматриваться с перспектив различных социально-гуманитарных наук, в новом прочтении открывались все новые его функции, которые могли быть также полезны как на субъективном уровне, так и на более глобальном уровне общественном, однако в основе своей негативная коннотация преобладала. С точки зрения социологии решение проблемы одиночества лежало через пути приобретения социальных связей, однако на прошлых этапах человечество имело достаточно ограниченное их количество.

Приход цифровизации поменял положение вещей в данной сфере общества. И, если на ранних этапах использование Интернет-ресурсов не оказывало существенное влияние на поведение человека в реальной жизни, а было лишь дополнением к реальной жизни индивида, то сейчас мы многое привносим в реальность из цифрового пространства, за счет чего сама наша коммуникация изменяется, мышление и поведение становятся детерминированы реалиями цифровой среды.

Появление ранее неизвестных, но эффективно функционирующих коммуникационных возможностей изменило прошлое понимание межличностного взаимодействия и приобретения социальных связей. С точки зрения проблематики одиночества данный факт должен был оказать положительное влияние на статистику, однако в этот момент неожиданно общество сталкивается с любопытным парадоксом: при данных положительных

© Домрачева Е.С., 2026

изменениях для коммуникационной сферы проблема одиночества остается актуальной, а статистика одиноких людей неизменной.

На первый взгляд кажется, что у современного человека нет проблем, связанных с социальным взаимодействием, наоборот, ощущается даже его избыточность: он перманентно вовлечен в коммуникационный поток, постоянно обмениваясь сообщениями в мессенджерах, комментариях, выкладывая новые посты, участвуя в различного рода форумах, чатах и так далее. Активный пользователь цифрового пространства более уверенно и непринужденно чувствует себя у экрана своего устройства, чем лицом к лицу с собеседником при живом общении. Таким образом, бытует устойчивое ощущение, что в современном мире цифрового взаимодействия нет места одиночеству. Однако на деле оказывается, что вполне возможно испытывать чувство одиночества в «обществе всеобщей коммуникации»[1] при изобилии связей, знакомств, друзей, подписчиков.

В своей статье я бы хотела рассмотреть возможные причины появления данного социального парадокса.

Ключ к пониманию данного феномена лежит в различии между потребностью в количественных и потребностью в качественных связях, которые отвечают за выполнение различных функций в социальной жизни людей. Если первые обеспечивают некую социальную статусность и чувство принадлежности к определенной группе, то вторые – эмоциональную близость, искренность и более глубокую поддержку. Именно качественные связи, по мнению исследователей[2], являются более эффективными при преодолении одиночества.

Однако цифровая среда со своей новой структурой и нормами социального взаимодействия побуждает индивида к накоплению именно количественных связей. Лайки, подписчики, «друзья» в социальных сетях – подобные количественные показатели цифрового пространства становятся легко измеримыми маркерами социальной успешности. При постоянной погоне за этими метриками фокус внимания индивида смещается с глубины взаимодействия на его широту, в результате чего он, будучи погруженным в постоянный поток коммуникации, оказывается в ситуации лишения немногих, но подлинно значимых контактов, требующих времени и эмоциональных вложений.

Этот дисбаланс порождает своеобразный замкнутый круг. Постоянная практика поверхностного взаимодействия в цифровых сетях не развивает, а

[1] Соловьева Л.Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности / Соловьева Л.Н. // Общество: философия, история, культура. 2023. №7 (111). С. 77-82.

[2] Тихонов Г.М. Социокультурные аспекты изучения одиночества / Тихонов Г.М. // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. №3. С. 313-323.

зачастую и атрофирует некоторые коммуникативные навыки, необходимые для построения глубоких взаимоотношений: это, в первую очередь, эмпатия, понимание невербальных сигналов, а также умение справляться с конфликтными ситуациями, учитывая интересы и желания двух сторон. Утрачивая перечисленные навыки, индивид оказывается неспособен выстроить качественную связь даже при наличии желания и объективной возможности, что, в конечном итоге, лишь усугубляет ситуацию с дальнейшим построением социальных связей.

Помимо ранее рассмотренной причины устойчивости одиночества в современную эпоху цифровых технологий, существует вторая, которая косвенно с ней связана – это упрощение и, как следствие, обесценивание акта коммуникации. До появления цифровых технологий поддержание связи с другим человеком требовало значительных усилий и вложений. Однако из-за данного факта люди придавали большую ценность социальному взаимодействию.

Цифровизация же внесла свои коррективы в человеческое восприятие социальных связей. Быстрый доступ к коммуникации, возможность одновременной множественности связей, стандартизированные реакции – все это создало иллюзию легкой и постоянной включенности в социальное взаимодействие. Однако то, что легко приобретается, часто не ценится. Упрощение практик поддержания связей привело к девальвации самого процесса общения, превращению его в малозначимый элемент повседневности.

Подобное поверхностное отношение к социальному окружению в виртуальном пространстве влияет на уровень развития навыков, необходимых для полноценной жизни в обществе. Как показал опрос россиян ВЦИОМ 2023 года[1], на фоне доступности и высокой скорости передачи информации все больше россиян тяготеют к дозированному общению. Каждый второй опрошенный признался, что иногда хочет общаться, иногда – побыть в одиночестве (51 %). В тройку самых «доверенных лиц», с кем выстраиваются по-настоящему сокровенные отношения, входят супруг/супруга (45 %), дети (42 %), родители (41 %). Среди «дальнего круга общения» лидируют друзья детства, юности (25 %), а замыкает рейтинг знакомые по Интернету (3 %). Если рассматривать молодежь, как более активных участников цифрового пространства, то можно сказать, что в возрастной группе от 18 до 24 лет приятели из виртуального поля занимают седьмую строчку (15 %) из девяти возможных.

Статистика указывает нам на тенденцию постепенного сознательного ухода от общения, что определенным образом скажется на дальнейшем

[1] Круг общения / ВЦИОМ Новости. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krug-obshchenija (дата обращения 03.10.2025).

выстраивании социальных контактов. А тот факт, что основными пользователями виртуального пространства являются в настоящий момент представители молодежи, которые находятся на этапе построения ценностных ориентаций, еще больше актуализирует проблему потери коммуникационных навыков.

При разговоре об обесценивании и неком обезличивании социальных взаимодействий стоит упомянуть сайты для поиска знакомств, которые также находяться на пике своей популярности в современное время. Люди осознанно отрекаются от живого общения, в пользу виртуальных знакомств, которые выигрывают по удобству, структурированности и интуитивной понятности. Огромный, неограниченный каталог потенциальных контактов создает установку на «оптимизацию» отношений, исключая из них искренность и глубину связей, которые так важны при преодолении одиночества. Сайты, построенные на подобной логике, способствует дальнейшему укоренению рыночного отношения к процессу выбора партнеров[1]. Появляется страх «пропустить что-то лучшее», что подрывает готовность индивида вкладываться в углубление уже существующих, неидеальных связей. Это изобилие возможностей парадоксальным образом обедняет социальный опыт, ведя к пресыщению контактами при постоянной потребности в глубоком, более качественном взаимодействии.

В заключении можно говорить о нескольких тенденциях в современном обществе:

1. С приходом цифровизации произошло смещение социального фокуса с качественных характеристик связи на количественные, которые в свою очередь мало эффективны в преодолении одиночества.

2. Социальная коммуникация в современном мире подверглась обесцениванию. Упрощение практик поддержания связей и иллюзия неограниченного выбора в цифровом пространстве привели к обесцениванию акта общения.

3. Каждая из причин появления парадокса в конечном итоге сводится к дальнейшему утрачиванию коммуникационных навыков, что приводит к своеобразному замкнутому кругу: субъективное одиночество при наличие поверхностных связей ведет к еще большому ощущению одиночества, подкрепленному социальной изоляцией из-за невозможности построения коммуникации.

[1] Шевченко А.В. Попытка Социально-философского анализа актуальных изменений парной коммуникации в свете использования мобильных приложений для знакомств / Шевченко А.В. // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде. 2021. С. 277-283.

Современное одиночество, таким образом, – это скорее не отсутствие социальных связей как таковых, а кризис их значимости, глубины и эмоциональной наполненности.

Список литературы

1. Гончарова О.В. Одинокий подросток в эпоху цифровой социализации: монография / Гончарова О.В., Липатова А.В., Напреенко Г.В. // Казань: Казанский федеральный университет. 2021. 210 с.

2. Корсун К.И. Мировая «эпидемия» одиночества: меры государственной поддержки одиноких людей / Корсун К.И., Задорина М.А. // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. №4. С. 64- 73.

3. Круг общения / ВЦИОМ Новости. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krug-obshchenija (дата обращения 03.10.2025).

4. Мальцева С.М. Феномен обесценивания людей в социальных сетях / Мальцева С.М., Елгина Т.В., Шиловская Н.С. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. №4 (41). С. 30-33.

5. Соловьева Л.Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности / Соловьева Л.Н. // Общество: философия, история, культура. 2023. №7 (111). С. 77-82.

6. Тихонов Г.М. Социокультурные аспекты изучения одиночества / Тихонов Г.М. // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. №3. С. 313-323.

7. Ткач С. Влияние офлайн и онлайн-практик на подростковое одиночество / Ткач С., Русакова М.М., Санадзе Я.Д. // Вестник Института социологии. 2025. №1. С. 163-179.

8. Шевченко А.В. Попытка Социально-философского анализа актуальных изменений парной коммуникации в свете использования мобильных приложений для знакомств / Шевченко А.В. // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде. 2021. С. 277-283.

9. Шестакова В.Е. Социальная поддержка и одиночество в эпоху цифровизации / Шестакова В.Е., Максименко А.А. // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2024. № 1. С. 410-415

E.S. Domracheva

LONELINESS IN AN ERA OF BROAD COMMUNICATION OPPORTUNITIES

The article analyzes the phenomenon of loneliness in the modern era of widespread digital communications. The article considers the paradox of maintaining the problem of loneliness with an abundance of communication opportunities. The reasons for this phenomenon are investigated, including a shift in emphasis from qualitative to quantitative connections, simplification and devaluation of the act of communication, as well as the resulting risk of loss of communication skills.

Keywords: loneliness, communication opportunities, social connections, digitalization.

УДК 378.013.78

Г.В. Жук

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена проблемам формирования гражданской идентичности и социальной ответственности молодежи на современном этапе. Обоснована актуальность темы. Обозначена роль системы образования в процессе воспитания гражданских качеств молодого человека. Выдвинуто положение об увеличении меры ответственности в современном обществе риска.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, ответственность, современный мир, эволюционный кризис, политическая социализация, социальная ответственность, социальная активность

Нынешнее время выбрало нас. Время нестабильности, неопределенности, растерянности. Мир, в котором нам приходиться жить сегодня, можно определить как новое «смутное время». Мы вновь воочию сталкиваемся с проблемой ограниченности возможностей управлять собственной жизнью, неспособностью контролировать внешние обстоятельства, прогнозировать будущее. Ангажированная цифровая реальность колонизирует и разделяет человеческое общество. Общественное сознание находятся в разбалансированном состоянии. Продолжается расширенное воспроизводство квазинорм и, прежде всего таких, как эгоцентризм. «Я никому ничем не обязан» — вот лозунг определенной части людей, поглощенных «идеологией нарциссизма». Кризис так называемого «демократического сознания» проявляется в нивелировании чувства ответственности, в искажении понятия свободы, толкуемой, как наличие прав и отсутствие обязанностей. Отношение к государству и политической власти часто носит потребительский характер. Более глубокий и масштабный характер приобретает эффект «отключения мышления». Люди не хотят (или уже не могут) самостоятельно разбираться в том, что происходит вокруг и доверяют другим формировать их собственные представления об окружающем мире и происходящих событиях. Декартовское «Я мыслю, следовательно, существую» сознательно или неосознанно предается забвению.

История показывает, что изменение ситуации в социально-политическом пространстве, как правило, влечет за собой и смену социального заказа на воспитание гражданина. Конкретное время расставляет акценты в процессе становления гражданских качеств личности. В контексте вышесказанного тема формирования гражданской позиции сегодня приобрела особую актуальность.

© Жук Г.В., 2026

Возник срочный заказ на реально функционирующее гражданское общество, в центре которого конкретный человек с выверенной гражданской идентичностью, активной гражданской позицией, думающий, анализирующий, понимающий и принимающий всю долю персональной ответственности не только за то, что есть, но и за то, что будет.

Проблема идентичности человека есть вопрос об условиях и возможностях обретения и сохранения им определенности в неопределенном мире, однозначности – в многозначном, устойчивости – в неустойчивом, где определенность, однозначность и устойчивость нужны как основание идентичности. Феномен идентичности, несмотря на многовековую историю его анализа, оказался достаточно «крепким орешком» в плане готовых ответов, объясняющих суть этого явления. Несомненно, отправным тезисом здесь выступает Сократовское «Познай самого себя». В сущности, идентичность есть результат индивидуального или коллективного самовосприятия в виде определенного социального субъекта. Личность выступает носителем некоего базового набора идентичностей – по этническому, по национальному, по гражданственному и др. признакам, которые и образуют основание ее социокультурного самоопределения. Социокультурная идентичность есть элемент самосознания, проявляющийся в процессах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей определенности в конкретном социокультурном пространстве. Гражданская идентичность определяется как совокупность ценностей, идеалов и культурных норм, которые связывают индивида с его государством, его законами, политическими и социальными институтами. Гражданская идентичность тесно связаны с национальной идентичностью и предполагает в основе чувство принадлежности к своей нации, к своей культуре и истории.

В современных условиях, как мы отмечали выше, процесс формирования идентичности чрезвычайно затруднен. Это в первую очередь касается молодых людей. Молодому человеку трудно ориентироваться в ситуации нормативно-ценностного плюрализма, он утрачивает определенность в выборе линии поведения. В этой связи в гражданском становлении подрастающего поколения ведущая и ответственная роль отводится системе образования и воспитания. Уровень гражданской идентичности влияет на жизненные ориентации молодежи, на выбор страны дальнейшего ее проживания, на профессиональную компетентность и, в целом, на ее гражданскую позицию. Поэтому обеспечение эффективной системы гражданского воспитания молодежи является одним из приоритетных направлений развития современного образования.

В сложившихся условиях важна не просто констатация ситуации, а преадаптации к ней. В этой связи чрезвычайно востребованным становится формирование

таких личностных качеств, как приемлемость неопределенности, жизнестойкость, способность инициировать активность. По этой причине, как нам кажется, системе воспитания следует обратить внимание на проблему формирования именно внутренней саморефлексии личности через самоанализ, самовоспитание, самоконтроль.

В контексте вышесказанного особое внимание заслуживает тема социальной ответственности и условий, обусловливающих ее развитие. Ответственность общественная рассматривается традиционно как система социальной подотчетности, подразумевающая санкционную реакцию общества на девиантное поведение человека. При этом чрезвычайно важно сегодня не забывать об ответственности общества и государства за судьбу каждого своего гражданина, за его безопасность и социальное благополучие, за процесс его социализации и гражданского воспитания. Личная ответственность человека состоит в его ответственности перед обществом и государством за свои действия и поступки. Гражданская ответственность предполагает осознание себя субъектом исторического действия. В контексте требований и вызовов времени следует актуализировать тему ответственности не только за непродуманные и неудачные действия в условиях действующей общественной структуры (которая, как выясняется, может быть далека от совершенства), а за успешное завершение необходимого позитивного действа. Показатели гражданской ответственности должны определятся степенью и уровнем достижения позитивных результатов в общественном процессе.

Охранительной и стабилизирующей силой, ответственной за устойчивость моделей поведения молодежи в системе образования представляется политическая социализация. Итогом политического образования должно стать умение принимать самостоятельные и ответственные политические решения на основе полученных знаний, умение критически анализировать информацию и исследовать явления политической реальности. Политическое образование должно способствовать снижению рисков оказаться молодежи в сетях радикальных объединений, попасть под влияние агрессивной циничной агитации и пропаганды.

Одним из условий формирования устойчивых ценностных ориентаций в современном мире являются знания о политике, что подтверждают сами студенты, Так, например, в ходе опросов, рассуждая о роли гуманитарных наук, учащиеся говорят, что такие учебные дисциплины, как философия, политология, история Беларуси, основы идеологии Белорусского государства, социология «помогают реально оценить социально-политические условия страны», «помогают понять политику своего государства и других государств»,

«способствуют формированию чувства патриотизма, гордости за страну», «помогают объединить людей и увидеть общую цель» и т.д.

Важной для политического образования является реализация программ, имеющих воспитательную направленность: идейно-политические дискуссии, единые информационные часы, «круглые столы», конференции. В БрГУ имени А. С. Пушкина ежегодно в рамках кафедры всеобщей истории и политологии проводятся университетские студенческие конференции, «круглые столы», диалоги-диспуты: «Роль идеологии в современном мире», «Духовность как фактор победы в Великой Отечественной войне», «Будущее зависит от меня», «Современное общество: состояние и перспективы», «Что означает государственный суверенитет?»; конкурсы презентаций: «В их честь названы улицы моего города», «Вместе мы – Беларусь, Беларусь – это мы», «Моя малая родина, мои земляки»; фотоконкурсы: «Расскажу миру о своей Родине», «Беларусь моя, моя милая».

С целью определения гражданского потенциала студенческой молодежи, анализа текущего состояния ее гражданской позиции, сформированности чувства ответственности автором с определенной периодичностью проводятся социологические исследования, в которых принимают участие студенты различных факультетов БрГУ имени А.С. Пушкина. Представляем некоторые результаты последних опросов (март 2024 г., выборка 140 человек; апрель 2025 г., выборка 110 человек).

В рейтинге базовых ценностей на первых позициях продолжают быть семья, здоровье, материальное благополучие, любовь, дружба. Традиционно, на последних позициях были: гражданская ответственность, патриотизм, власть. Но сегодня мы фиксирует значительное повышение рейтинга патриотизма. На вопрос: «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?» подавляющее большинство респондентов продолжают выбирать те самые эмоциональные составляющие этого феномена: любовь к Родине, уважение к истории и культуре своей страны, почитание народных традиций, знание родного языка. Однако, в отличие от предыдущих лет, исследования текущего года фиксируют значительный рост позиции: "быть готовым в трудные времена защитить свою страну", "уважать государственную символику", "вести активную деятельность на благо страны". На вопрос: «По Вашему мнению, кто/ что в большей степени влияет на формирование патриотических чувств человека?» подавляющее большинство (72%) указали, что это семья, 68% – учреждения образования, 46 % – средства массовой информации. 12 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Большинство студентов университета (81%) интересуются событиями Великой Отечественной войны, что свидетельствует об их неравнодушии к подвигу советского народа. 9 Мая является для 85% молодых

людей одним из наиболее значимых праздников. Среди ответов на открытый вопрос: «Какие методы развития патриотизма в РБ Вы считаете наиболее эффективными?» были следующие: изучение истории и культуры страны; организация экскурсий в музеи и знаковые места Беларуси, связанные с ее историей и подвигами героев; участие в благотворительных акциях и волонтерских проектах.

В целях анализа состояния национальной идентичности мы задали следующий вопрос: «С кем Вы соотносите свое «Я»?». 95 % молодых людей ответили, что соотносят себя с белорусской нацией. На вопрос: «На каком языке Вы разговариваете в повседневной жизни?» 82 % опрошенных ответили – на русском, 17 % – на русском и белорусском (в зависимости от обстоятельств) и 1 % – на белорусском. На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы белорусский язык стал единственным государственным?» лишь 6 % дали положительный результат. При этом, отвечая на вопрос: «Что для Вас означает «быть белорусом»? подавляющее большинство студентов (87 %) отметили значимость национальной культуры, традиций, языка. 95 % респондентов выбирают для себя русский язык в качестве языка преподавания в ВУЗе. Таким образом, белорусский язык сегодня утратил значение реального средства коммуникации, однако это не привело к утрате этнической идентичности белорусских студентов. Язык сохранил свой символичный капитал в качестве элемента национальной самоидентификации. Выбор родного языка является символическим актом, демонстрирующим приверженность ценностям белорусской культуры. Общественный запрос на выживание белорусского языка мотивирован прежде всего пониманием необходимости его сохранения как национальной ценности и символа.

При ответе на открытый вопрос о сущности гражданской ответственности перед обществом большая часть студентов продемонстрировала понимание ее основных характеристик. Среди наиболее распространенных и интересных были следующие ответы: гражданская ответственность — это: «осознание того, что ты ответственен перед другими и своей страной», «ответственность за соблюдение гражданином установленных в обществе норм и правил", "ответственность за честь своей страны", "ответственность за эффективное функционирование общества".

В ходе предыдущих исследований мы фиксировали, с одной стороны, осознание у студенческой молодежи необходимости и важности формирования социальной гражданской ответственности, а с другой — низкую степень готовности нести персональную перспективную ответственность за происходящие в мире и стране события и высокую степень готовности переложить ответственность на других субъектов, прежде всего, на властные

структуры. Результаты исследований последних лет демонстрируют позитивные изменения, свидетельствующие о большей степени осознания студентами вуза не просто своей принадлежности к государству, но и обязательства перед ним, своей персональной ответственности за его судьбу. Ярким примером тому являются, на наш взгляд, ответы респондентов на следующий вопрос: «Мы очень надеемся, что Беларусь не станет участником военных конфликтов, но в случае нападения на нашу страну, готовы ли Вы встать на ее защиту?». 67% ответивших выбрали ответы: "да", "скорее да". 24% – затруднились ответить и лишь 9% ответили: "нет", "скорее нет".

Мы не выбираем систему координат, в которой нам приходится существовать, но у нас еще никто не отнял право выбирать свое отношение к ней и свой личный смысл. Чтобы не стать молчаливой жертвой и заложником нынешних обстоятельств необходимо обладать не только компетенциями, но и инструментарием, помогающим добиваться успеха. Современная система образования призвана помочь молодому человеку справляться с хаосом неопределенности и восстановить порядок традиционного и привычного, чтобы не потерять человеческое в себе.

H.V. Zhuk

PROBLEMS OF CIVIL IDENTITY FORMATION AND RESPONSIBILITY IN MODERN EDUCATION

This article is dedicated to the problems of formation of civic identity and social responsibility of youth at the present stage. The relevance of the topic is justified. The role of the education system in the process of educating civic qualities of young people is outlined. A proposal has been put forward to increase the measure of responsibility in a modern risk society.

Keywords: identity, civic identity, responsibility, modern world, evolutionary change, political socialization, social responsibility, social activity

УДК 316.4

И.В. Кетов

ОТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА К СООБЩЕСТВУ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕХОД ОТ УПРАВЛЯЕМОГО УЧАСТИЯ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ? *

Статья посвящена анализу барьеров социокультурного развития территорий через местные гражданские инициативы в пермской провинции на примере муниципалитетов Пермского края. Исследование выявляет ключевые проблемы: ресурсную зависимость от грантов, организационную слабость низовых групп, демографический разрыв и патерналистские установки населения. Автор приходит к выводу, что устойчивое социокультурное развитие территорий требует преодоления этих системных ограничений через развитие самофинансирования, адаптацию правовой базы и целенаправленное вовлечение молодежи.

Ключевые слова: социальные проекты, самосподательная инициатива, социокультурные барьеры

Проблема социокультурного развития местных сообществ и гражданской активности в современной России сохраняет свою актуальность. В контексте централизации ресурсов и принятия решений именно на муниципальном уровне наиболее остро проявляется потребность в автохтонной инициативе. Вводимое нами понятие «самосподательная инициатива» (от «самоподдерживающаяся» и «самопобуждающаяся») обозначает активность граждан, которая не является навязанной извне, возникает самостоятельно и зависит от воли и потребностей населения. Данная категория позволяет точнее, чем устоявшиеся понятия «низовой» или «самостоятельной» инициативы, акцентировать ее внутренний, самовоспроизводящийся характер, эта инициатива способна мобилизовать жителей на решение локальных проблем. Несмотря на осознание этой потребности, на пути ее реализации возникает комплекс барьеров, которые и становятся предметом данного исследования, основанного на основе анализе 30 глубинных интервью, проведенных с сотрудниками администраций, волонтерами и активистами шести муниципалитетов Пермского края. Все интервью были закодированы и подвергнуты тематическому анализу; для обеспечения анонимности информантов в тексте используются обобщенные формулировки, а не прямые цитаты с идентификаторами.

Ключевая идея исследования состоит в том, что устойчивое социокультурное развитие территорий невозможно без формирования самоподдерживающейся гражданской активности, которая, однако,

© Кетов И.В., 2026

*Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10117, https://rscf.ru/project/24-78-10117/

наталкивается на системные ограничения, превращающие ее в заложника внешнего финансирования и неблагоприятных демографических трендов.

Теоретическое осмысление гражданской инициативы в локальных сообществах располагается на пересечении нескольких исследовательских полей. Классической основой выступает теория коллективного действия М. Олсона[1], которая проблематизирует саму возможность совместных усилий рациональных индивидов для достижения общественного блага, указывая на риски «безбилетничества». В этом контексте ключевым ресурсом преодоления логики коллективного бездействия становится социальный капитал, понимаемый как доверие, нормы взаимности и сети гражданского взаимодействия[2].

Эмпирические исследования в России подтверждают, что именно дефицит генерализованного доверия и слабость горизонтальных связей являются критическим барьером для развития «самосподательной инициативы» [3], что усугубляется постсоветским наследием. Оно выражается в патерналистских установках населения, которое зачастую ожидает решения проблем от власти, а не от собственных скоординированных усилий. К этому добавляется и «поколенческий разрыв»: если для старшего поколения значимы социальная занятость и коллективистские ценности, то для молодежи актуализируются потребности в общении, признании и современных пространствах для реализации собственных идей. Данные нашего исследования подтверждают, что эта проблема часто упоминается в ходе интервью именно в таком ключе.

Дополнительным измерением является институциональный подход[4], который акцентирует роль формальных и неформальных «правил игры». Нормативно-правовая среда, зачастую не адаптированная под гибкие, низовые формы самоорганизации (например, правовые ограничения ТОС)[5], а также доминирующая логика проектного финансирования, превращающая инициативу в «грантовую зависимость» и создающую «двойную нагрузку» на активистов[6], формируют институциональные ловушки. Эти ловушки искажают мотивацию,

[1] Сухарев О.С. Институциональная теория М. Олсона: «Принцип расширения» // JIS. 2017. №2. С. 29-45.
[2] Туманова А.С. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации / А.С. Туманова, А.А. Сафонов // Мир России. Социология. Этнология. 2022. №2. С. 6-25.
[3] Афанасьев К.С. Социальный капитал и социология местных сообществ в контексте развития локальной экономики / К.С. Афанасьев, С.Б. Быстрянцев, Р.К. Хуснулин // ВЭПС. 2020. №4. С. 7-11.
[4] Рушанова Э.И. Теоретические проблемы сотрудничества между людьми: видение Дугласа Норта // Теория и практика современной науки. 2019. №9 (51). С. 147-148.
[5] Мухин М.А. Территориальное общественное самоуправление: институциональные и правовые противоречия / М.А. Мухин, Л.М. Пахомова // Ars Administrandi. 2015. №2. С. 168-178.
[6] Мерсиянова И.В. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях / И.В. Мерсиянова, В.Б. Беневоленский // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. №4. С. 7-26.

подменяя внутренние стимулы внешними, и усугубляют поколенческий разрыв в понимании целей и форм общественной активности[1].

Таким образом, гражданская инициатива в российской провинции оказывается в «зажатом» состоянии между необходимостью генерировать автохтонный социальный капитал, преодолевать коллективную апатию, и адаптироваться к зачастую неблагоприятной институциональной среде, выстраивая сложные стратегии взаимодействия с властью[2]. Теоретический анализ позволяет выделить три ключевых группы барьеров для «самосподательной инициативы»: социально-культурные (дефицит доверия, патернализм), институциональные (негибкая правовая среда, грантовая зависимость) и демографические (уже упомянутый поколенческий разрыв). Данные нашего исследования, к рассмотрению которых мы переходим, не только подтверждают наличие этих барьеров, но и детализируют их проявление на местном уровне.

Эмпирические данные ярче всего демонстрируют институциональные барьеры. Ключевым из них выступает проблема зависимости муниципалитетов от внешнего финансирования. Муниципальные инициативные группы и НКО оказываются встроенными в логику грантовых конкурсов, что создает «двойную нагрузку» на активистов, вынужденных совмещать основную деятельность с проектной бюрократией. Удаленность от центров принятия решений усугубляет ощущение зависимости и снижает локальную ответственность за результат. Парадоксальным представляется феномен неосвоения выделенных средств даже в условиях их дефицита, что свидетельствует о недостатке управленческих компетенций. Выходом видится развитие моделей самофинансирования и формирование у жителей понимания «круговорота налоговых средств» — осознания прямой связи между локальной активностью, развитием территории и состоянием местного бюджета.

Другим измерением институционального барьера является дефицит инфраструктуры для низовых инициатив. Наблюдается недостаток НКО. С одной стороны «нет возможности повысить кол-во НКО», с другой «никого кроме НКО невозможно рассматривать в конкурсе, так как он задуман именно для них», что создает замкнутый круг. Правовой статус инициативных групп также является препятствием: например, ТОС не может быть юр. лицом, что существенно ограничивает его финансово-хозяйственную самостоятельность.

[1] Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 31-47.

[2] Кранзеева Е.А. Соучастие населения региона в реализации национальных проектов: ретроспектива и перспектива / Е.А. Кранзеева, А.В. Орлова, Н.В. Нятина, Н.Н. Григорик // Регионология. 2020. №3 (112). С. 490- 515.

Выявление этих барьеров позволяет наметить и потенциальные траектории их преодоления. Методы повышения гражданской активности могут выстраиваться по принципу перехода от простых к более сложным формам. На начальном этапе эффективной оказывается подражающая инициатива, основанная на положительном примере и мотивации через результат. Успешные кейсы соседних муниципалитетов стимулируют действие через инициативное участие активного меньшинства.

Так для вовлечения молодежи ключевыми становятся неформальные институты и практики: социальные проекты, наставничество и волонтерство, а также создание молодежного центра. Важным условием является организация регулярных встреч с властью и необходимость коммуникации с работодателями молодежи, что дает молодым людям ощущение востребованности и реального влияния. Формальные институты, такие как молодежный парламент, обретают эффективность лишь при наделении их реальными полномочиями и живым содержанием.

Ключевой задачей представляется переход от инициативы, стимулированной извне, к инициативе как элементу развития личности и региона. Когда активность становится не просто инструментом решения конкретной проблемы, а частью идентичности и инструментом «поступательного развития» территории, можно говорить о формировании устойчивой модели. Роль активных меньшинств в этом процессе трудно переоценить — именно они выступают драйверами трансформаций.

Проведенный анализ демонстрирует, что феномен «самосподательной инициативы» в малых городах Пермского края существует в режиме постоянного преодоления системных барьеров. Его развитие детерминировано тремя группами вызовов: социально-культурные, институциональные (ресурсная зависимость, организационная слабость), демографические. Нивелирование этих социокультурных барьеров требует как вполне понятного развития финансовой и управленческой грамотности активистов, так и адаптации нормативно-правовой базы в пользу большей гибкости для низовых инициатив и целенаправленную работу по вовлечению молодежи через создание актуальных «точек притяжения» и выстраивание содержательного диалога с властью и бизнесом. Последующие этапы исследования, включающие массовый опрос, глубинные интервью и фокус-группы, позволят верифицировать данные выводы на более репрезентативной выборке и глубже проанализировать мотивационные структуры различных групп жителей. Тем не менее, уже на настоящем этапе очевидно, что перспективы муниципального социокультурного развития связаны с формированием не просто активных, но самостоятельных, устойчивых и межпоколенческих локальных сообществ.

Список литературы

1. Афанасьев К.С. Социальный капитал и социология местных сообществ в контексте развития локальной экономики / К.С. Афанасьев, С.Б. Быстрянцев, Р.К. Хуснулин // ВЭПС. 2020. №4. С. 7-11.
2. Кранзеева Е.А. Соучастие населения региона в реализации национальных проектов: ретроспектива и перспектива / Е.А. Кранзеева, А.В. Орлова, Н.В. Нятина, Н.Н. Григорик // Регионология. 2020. №3 (112). С. 490- 515.
3. Мерсиянова И.В. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях / И.В. Мерсиянова, В.Б. Беневоленский // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. №4. С. 7-26.
4. Мухин М.А. Территориальное общественное самоуправление: институциональные и правовые противоречия / М.А. Мухин, Л.М. Пахомова // Ars Administrandi. 2015. №2. С. 168-178.
5. Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. №2. С. 31- 47.
6. Рушанова Э.И. Теоретические проблемы сотрудничества между людьми: видение Дугласа Норта // Теория и практика современной науки. 2019. №9 (51). С. 147-148.
7. Сухарев О.С. Институциональная теория М. Олсона: «Принцип расширения» // JIS. 2017. №2. С. 29-45.
8. Туманова А.С. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации / А.С. Туманова, А.А. Сафонов // Мир России. Социология. Этнология. 2022. №2. С. 6-25.

I.V. Ketov

FROM SOCIAL PROJECT TO COMMUNITY: CAN MANAGED PARTICIPATION EVOLVE INTO AUTONOMOUS CIVIC ENGAGEMENT?

The article analyzes the socio-cultural development barriers faced by local civic initiatives in the Perm region, using municipalities of Perm Krai as a case study. The study identifies key challenges: dependence on grant-based funding, organizational weakness of grassroots groups, demographic disparities, and paternalistic attitudes among the local population. The author concludes that sustainable socio-cultural development of territories requires overcoming these systemic constraints by fostering self-financing capacities, adapting the legal framework, and purposefully engaging youth.

Keywords: social projects, grassroots initiatives, socio-cultural barriers

УДК 316.346

Ю.С. Маркова, Е.Б. Плотникова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Статья посвящена анализу основных тенденций изменения демографических ресурсов населения Пермского края. В качестве методологической основы демографических характеристик социокультурного портрета Пермского края использованы анализ статистики и результаты проведенного социологического исследования (формализованное интервью) в 2023 году.

Ключевые слова: демографические ресурсы, человеческий потенциал, Пермский край.

Пермский край расположен на границе зон расселения финно-угорских и тюркских народов. Данный социокультурный аспект обусловливает многонациональный этнический состав населения региона. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. в Прикамье проживает более 120 национальностей[1]. Наиболее многочисленны русские – 2 030 тыс. человек (89,4% от указавших национальность), вторые по численности – татары – 92,5 тыс. человек (4,1%), третьи – коми-пермяки – 50,2 тыс. человек (2,2%). Также в первой десятке этносов в Пермском крае находятся: башкиры – 16,1 тыс. человек (0,7%), удмурты – 11,8 тыс. человек (0,5%), украинцы – 5,8 тыс. человек (0,3%), таджики (0,3%), армяне – 4,4 тыс. человек (0,2%), азербайджанцы – около 4,0 тыс. человек (0,2%), узбеки – 3,9 тыс. человек (0,2%).

По сравнению с данными Всероссийской переписи населения за 2010 год[2] в этнической структуре края можно зафиксировать определенные изменения. Так, сократились численность и удельный вес татар, коми-пермяков, башкир, удмуртов, украинцев, белорусов, немцев, чувашей и некоторых других этносов. Произошло увеличение таджиков, в то время как число выходцев из некоторых других южных республик бывшего СССР, численность которых активно увеличивалась в 1990-е и начале 2000-х гг., сохранилось в анализируемый период (2020 г.) примерно на прежнем уровне (в частности, армян, азербайджанцев, узбеков). Таким образом, в регионе наблюдается некоторая трансформация структуры миграционных потоков.

© Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б., 2026

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-78-10117, https://rscf.ru/project/24-78-10117/.

[1] Итоги ВПН 2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Пермскому краю. URL: https://59.rosstat.gov.ru/folder/200657 (Дата обращения 11.07.2025).

[2] Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Пермскому краю. URL: https://59.rosstat.gov.ru/folder/37549 (Дата обращения 11.07.2025).

Численность населения Пермского края по данным на конец 2023 г. составила 2 495,3 тыс. человек, что охватывает около 2% от численности всех жителей Российской Федерации[1]. Среди населения края 75,8% проживают в городах и поселках городского типа, что несколько выше, чем в среднем по России (74,9%) и в Приволжском Федеральном округе (72,4%)[2].

Острой проблемой для региона остается тенденция снижения численности населения, которая наметилась еще с 1990-х гг. С 2010 г. по 2023 г. численность постоянного населения края снижалась, сократившись на 138,2 тыс. человек за указанный период[3]. Также уменьшалась и плотность населения: с 17,84 людей на км^2 в 2010 г. до 15,57 людей на км^2 в 2023 г.[4]

Ключевыми факторами снижения численности населения выступают высокий уровень смертности, низкий уровень рождаемости и отток жителей из территории края. Коэффициент смертности в Пермском регионе по данным на 2023 г. составляет 13,3 умерших на 1000 человек населения и превышает общероссийский показатель, равный 12,1 умерших на 1000 человек населения[5]. По уровню смертности Пермский край находится на 48 месте в Российской Федерации. Вместе с тем, следует отметить, что, по сравнению с 2010 г., в 2023 г. коэффициент смертности сократился на 2 пункта.

Тревожной тенденцией выступает и снижение рождаемости в Прикамье. В сопоставлении с 2010 г., к 2023 г. коэффициент рождаемости уменьшился более, чем 1,5 раза, составляя 9,0 родившихся на 1000 человек населения[6]. Изменение установок к рождению детей среди жителей, нестабильность социально-экономической и политической ситуации, снижающей уровень и качество жизни, выступают основными детерминантами указанных изменений.

Численность населения края сокращается не только за счет естественной убыли, но и за счет миграции, в первую очередь, квалифицированной рабочей силы. Одной из ведущих тенденций следует отметить миграционную убыль населения Прикамья. Коэффициент миграционного прироста в 2023 г. составил «-9» на 10000 чел. населения[7]. В основном край покидают трудоспособные люди с целью получения более высокооплачиваемой работы и повышения качества жизни или выпускники школ, поступающие в ведущие вузы страны. По сравнению с регионами-конкурентами, где наблюдается миграционный прирост, проблема миграции населения остается для Пермского края одной из наиболее острых. Вместе с тем, динамика последних лет отражает положительные сдвиги:

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 45-46.
[2] Там же. С. 49-50.
[3] Там же. С. 46.
[4] Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (Дата обращения 10.07.2025).
[5] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 70.
[6] Там же. С. 68.
[7] Там же. С. 94.

анализ статистических данных с 2010 г., когда коэффициент миграционного прироста составлял «-46», демонстрирует его последовательное увеличение, вплоть до исследуемого периода (2023 г.).

Наряду с вышесказанным, следует отметить наличествующий процесс старения населения Пермского региона. По данным на 2023 г., в среднем по краю удельный вес населения старше трудоспособного возраста (23,4%[1]) от общей численности населения превышает количество детей и подростков до 16 лет (20,0%)[2]. Сложившаяся ситуация приводит к увеличению коэффициентов демографической нагрузки. В ходе исследования статистических показателей за 2023 г. было установлено, что число пенсионеров в Пермском крае, приходящихся на 1000 чел. населения трудоспособного возраста (413 чел.), несколько выше, чем в среднем по стране (408 чел.), но в то же время ниже по сравнению с Приволжским федеральным округом (437 чел.)[3]. В целом в Прикамье данный показатель имеет тенденцию к последовательному увеличению: при сравнении данных 2010 г. и 2023 г. разница составила 93 человека. Растет и коэффициент демографической нагрузки населения моложе трудоспособного возраста. Так, в 2010 г. на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 338 человек моложе трудоспособных возрастов, а в 2023 г. – уже 354 человека[4]. В целом коэффициент демографической нагрузки на 1000 человек трудоспособного возраста составил 767 человек нетрудоспособных возрастов. При этом если до 2020 г. он возрастал, то затем наметилась динамика к его снижению[5].

Высокой актуальностью обладает изучение чувства близости к месту проживания и его влияния на качество жизни в конкретном регионе, поскольку отношения между людьми и привязанность к месту обитания играют важную роль в формировании личной и социальной идентичности. Чувство близости к региону может воздействовать на психологическое состояние человека, его вовлеченность в общественную жизнь, уровень удовлетворенности жизнью и общением с окружающими.

Согласно результатам опроса (2023 г.), около половины (49%) опрошенных рады проживать в Пермском крае, еще примерно треть респондентов (31%) в целом довольна проживания в регионе, но многое не устраивает. Среди опрошенных 12% отметили, что не испытывают особых чувств к региону; 4% хотели бы уехать из региона, 3% ответившим не нравится жить в регионе, но уезжать не собираются; всего 1% респондентов хотели бы

[1] Там же. С. 58.
[2] Там же. С. 54.
[3] Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (Дата обращения 14.07.2025).
[4] Там же.
[5] Там же.

покинуть страну. На основании коэффициента Ди Сомерса установлено, что чем дольше респондент проживает в регионе, тем сильнее его чувство близости к региону (a<0,05, rs=-0,129). Так, свыше половины опрошенных, которые проживают в Пермском крае более 25 лет, рады, что живут здесь. Кроме этого, данный коэффициент показывает, что чем выше чувство близости к региону проживания, тем больше респондент желает, чтобы его дети строили свою жизнь на малой родине, и тем меньше он ориентирован на то, чтобы они эмигрировали за рубеж.

Согласно опросу, большинство респондентов считают жителей поселения, в котором проживают, своими или близкими – 34,6 и 32,2 % соответственно. Примерно одинаковое количество респондентов воспринимают жителей всего Пермского края как близких (31,9 %), либо относятся к ним безразлично (31,7 %). Жителей всей России почти треть респондентов – 32,4 % – не считает ни своими, ни чужими. Аналогичная ситуация с жителями бывших республик СССР и «жителями всей Земли» – к ним безразличны 38,7 % и 41,5 % опрошенных, соответственно. Более 2/5 населения Пермского края нейтрально настроены к людям в виртуальном пространстве (43,5 %), однако почти треть (32,5 %) считает их чужими. Эти оценки в большей степени связаны с пространственной удаленностью и слабыми социальными связями респондентов с такими людьми (см. рис.).

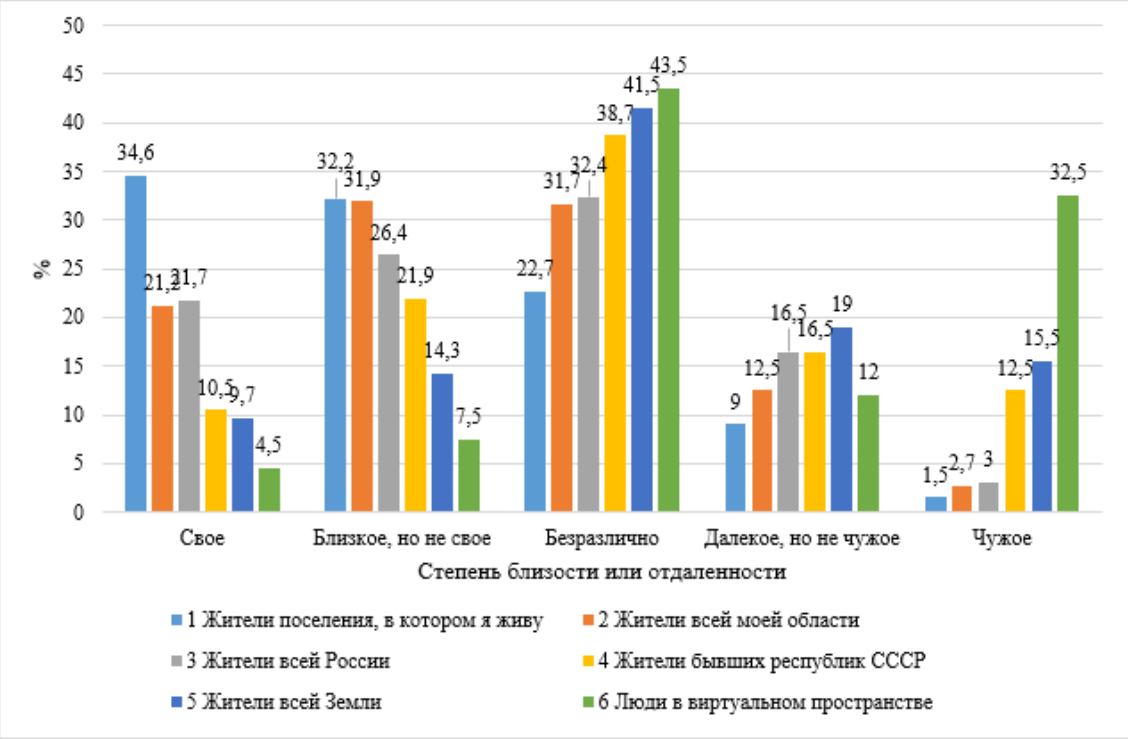

Рис. Чувства близости или отдаленности жителей Пермского края с жителями территориальных общностей/сообществ, % опрошенных

На основании методики «Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010)»[1] определены границы уровня территориальной идентичности среди жителей Прикамья, для измерения которой использованы показатели чувства близости населения к своему поселению (Ип), всему региону (Ир) и всей России (ИР). В соответствии с полученными данными установлено, что индикатору поселения соответствует средний уровень, индикатору региона – выше среднего, а России – ниже среднего. В целом, территориальная идентичность жителей Пермского края находится на среднем уровне (см. табл.).

Таблица

Количественные значения индексов и индикаторов территориальной идентичности в Пермском крае (на основе данных 2023 г.)

Индикатор	Ип	Ир	ИР	Сумма	Средняя
% опрош.	66,8	53,1	48,1	-	-
Уровень	3	4	2	9	3

Представленные данные подтверждают и индексы территориальной идентичности в Пермском крае: в разрезе поселения индекс наиболее высок и составляет 0,72; региона – 0,64; всей России – 0,62.

Анализ индексов слоевой близости (кругов взаимопониманий) показывает, что наибольшую близость жители Пермского края испытывают к семье (71%). Доля испытывающих близость по отношению к иным социальным группам среди респондентов ниже: к друзьям – 20%, к коллегам по работе – 6%, к соседям – 3%, к единоверцам – 2%, к представителям своей национальности – 2%.

Многонациональный этнический состав населения края способствует развитию этнических культур, ценностей и традиций. Территориальная идентичность жителей Прикамья находится к настоящему моменту на среднем уровне. В то же время Пермский край сталкивается с рядом негативных тенденций, тормозящих его устойчивое развитие. В социально-демографической сфере острыми остаются проблемы снижения численности населения, высокий уровень смертности, низкий уровень рождаемости, старение населения и отток жителей из территории края.

[1] Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: МФРАН, 2010. С. 83.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Пермскому краю. URL: https://59.rosstat.gov.ru/folder/37549 (Дата обращения 11.07.2025).
2. Итоги ВПН 2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Пермскому краю. URL: https://59.rosstat.gov.ru/folder/200657 (Дата обращения 11.07.2025).
3. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: МФРАН, 2010. 111 с.
4. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (Дата обращения 10.07.2025).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.

Yu.S. Markova, E.B. Plotnikova

DEMOGRAPHIC RESOURCES FOR HUMAN DEVELOPMENT IN THE PERM REGION

The article is devoted to the analysis of the main trends in changes in the demographic resources of the population of the Perm region. As a methodological basis for the demographic characteristics of the sociocultural portrait of the Perm region, an analysis of statistics and the results of a sociological study (formalized interview) in 2023 were used.

Keywords: demographic resources, human potential, Perm region.

УДК 316.36

М.М. Моисеева

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К БРАКУ И РОМАНТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ ПОКОЛЕНИЯ Z

В данной статье рассматриваются причины снижения уровня брачности среди поколения Z. Трансформация ценностей и установок современной молодежи приводит к изменению традиционных форм брака и семьи, что имеет и риски, и потенциально позитивные последствия. В тексте рассмотрены социально-экономические, культурные, технологические факторы, которые оказывают воздействие на формирование отношения молодежи к браку.

Ключевые слова: поколение Z, новые формы досуга, новые формы отношений, молодежь, показатели брачности.

Традиционные формы отношений, институт брака трансформируется в современном обществе. Несмотря на то, что современная молодежь по-прежнему ориентирована на создание семьи, статистика показывает снижение количества зарегистрированных отношений в разрезе времени, а также распространение новых форм партнерства. В данной статье рассматриваются ключевые социально-экономические и культурные факторы, определяющие изменения в брачном поведении молодежи, а также их возможные последствия для общества.

По данным ВЦИОМа на октябрь 2024 года россиян, как и раньше, в большей мере привлекает создание семьи, чем одиночество (84% и 8% соответственно), при этом 16-18% зуммеров и младших миллениалов склоняются к созданию семьи, но при этом допускают возможность незарегистрированных отношений[1]. Стоит отметить, что статистика заключенных браков в разрезе десятилетия (средняя разница поколений) отличается. А именно, наблюдается тенденция спада числа зарегистрированных отношений: в 2010г. на тысячу населения приходилось 8,5 браков, в 2020 показатель сократился до 5,3. Такой низкий уровень отчасти можно объяснить мировой эпидемией коронавируса, однако в 2023 году среднее число также меньше предшествующих показателей – 6,5[2].Также возрос средний уровень возраста вступления в брак: в 2021 году средний возраст невест составлял 30,7

© Моисеева М.М., 2026

[1] «Разводы в России: мониторинг» Аналитический обзор ВЦИОМ от 24 октября 2024 [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring (дата обращения 30.09.2025).

[2] Статистика браков и разводов в России по годам [Электронные ресурс] // Сайт Справочные таблицы URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov (дата обращения 30.09.2023).

года, в 2025 увеличился до 33,2 лет, возраст женихов: 32,8 и 35,3 года соответственно[1].

Прежде всего, стоит определить, что такое поколение Z. Согласно теории поколений Штраусса и Хоува, каждые 20 лет сменяются поколения, у новой молодежи – принципиально новые ценности, убеждения и установки, иной склад ума, в отличие от предшественников. К поколению Z относятся люди, родившиеся с 1991 г. (2000 г.) по 2010 г. (2015 г.). Далее рассмотрим некоторые характеристики и отличительные особенности: активная цифровая жизнь, вовлеченность в виртуальный мир наравне с реальной жизнью; адаптивность и обучаемость, нацеленность на практический результат, вместе с тем клиповость мышления; жизнь «одним днем» и нацеленность на максимальную удовлетворенность в моменте; инновационный тип ментальности – независимость от группы, нестабильность, индивидуализм[2].

Также, по результатам эмпирического исследования ментальности А. В. Гавриловой, выборку которого составили в том числе представители поколения Z, “респонденты видят свое поколение более индивидуалистичным, разобщенным, самостоятельным, открытым переменам, устремленным в будущее, склонным к риску, своевольным и не доверяющим власти и авторитетам”[3].

Вернемся к статистике брачности. Тенденция к снижению уровня официально зарегистрированных отношений имеет объективные основания. В том числе, социокультурные риски и проблемы оказывают влияние на социальное самочувствие молодежи (показатель удовлетворенности жизнью в целом и ее отдельными сферами[4]), которое также влияет на стремление к созданию семьи. Как и другие области социальной жизни, данная сфера подвергается видоизменениям, в том числе под влиянием современных социокультурных тенденций: глобализации и цифровизации, экономического кризиса. В данной статье будут рассмотрены следующие причины: общая финансовая нестабильность, частные аспекты культурной инфраструктуры, цифровизация межличностных коммуникаций.

Финансовая нестабильность. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2023 году и посвященного образу жизни молодежи, были выявлены проблемы, наиболее волнующие молодое поколение. На первом месте проблема

[1] «В России невесты и женихи стали позже вступать в брак» [Электронный ресурс] // Официальный новостной сайт РосБизнесКонсалтинг URL: https://www.rbc.ru/society/13/07/2025/687382499a794745a0ff7a83 (дата обращения 30.09.2025).
[2] Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. 2018. №2(42). С. 3-5.
[3] Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности “нового поколения” / А.В. Гаврилова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26, Вып. 2. С. 61.
[4] Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л.В. Куликов // Общество и политика Ред. В.Ю. Большаков. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2000. С. 476-510.

трудоустройства (39%). Данный аспект в разрезе времени (в сравнении с опросом 1991г.) стал более актуальным – выше в три раза (18%). Второе место – проблемы с жильем, данный аспект также вырос: 23% в 1991 и 37% в 2023. Третье место – трудности с получением образования (15% в прошлом, 28% сейчас) и материальные трудности (28%)[1]. Также был задан вопрос на тему того, какой респонденты хотят видеть молодежь и что является основной характерной чертой поколения. 35% опрошенных в 2023 году отметили стремление быть обеспеченным и образованным.

Цены на жилье. Более детально обратимся к жилищному вопросу. Аналитики "Домклик" предоставили Сбербанку результаты исследований в области жилищного кредитования: каждый десятый жилищный кредит, выданный в 2023 году, приходится на россиян до 25 лет. За первое полугодие было оформлено 46,5 тыс. кредитов, в среднем по России примерно 41,1% дохода кредитованной молодежи уходит на покрытие ежемесячного платежа по ипотеке. Доля льготных программ составляет 31,8%, при этом на семейную ипотеку приходится только 8%[2].

Резко возросла и стоимость недвижимости к моменту наступления платежеспособности зуммеров. Если в период рождения и детства (2000-2008 г.) стоимость квадратного метра составляла в среднем 8086 р. (2000 г.) и 48729 р. (2008 г) р., то на данный момент (2024 г.) стоимость составляет 171166 р.[3]

Цифровизация общения. В феврале 2023 года аналитический центр НАФИ предоставил статистику использования молодежью приложений для онлайн знакомств: две трети опрошенных (69%) имели опыт пользования дейтинг сервисами, 25% пользовались на тот момент[4]. Так почему, несмотря на распространенность в медиа-среде возможности знакомств, зуммеры продолжают откладывать романтические отношения?

Электронные платформы ускоряют процессы знакомства и общения, но вместе с тем обезличивают пользователей. Популярность статей с заголовками по типу "Как правильно составить профиль в приложениях для знакомств" растет, все они транслируют создание идеальной картины, нередко используются фразы, которые в большей степени **относятся к маркетингу,** чем

[1] «Образ Российской молодежи: мониторинг» Аналитический обзор ВЦИОМ от 23 июня 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring (дата обращения 30.09.2025).

[2] «Домклик» оценил сколько молодежь тратит на ипотеку и какое жилье берет [Электронный ресурс] // Официальный новостной сайт РосБизнесКонсалтинг URL: https://realty.rbc.ru/news/649ab2009a79471ed1895646 (дата обращения 30.09.2025).

[3] Динамика цен на недвижимость с 2000 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «ГК «Самолет». URL: https://samolet.ru/faq/voprosy-o-pokupke/dinamika-rynka-nedvizhimosti/?utm_referrer=https://www.google.com/ (дата обращения 30.09.2025).

[4] «С какими проблемами и угрозами сталкивается молодежь при онлайн-знакомствах» Аналитический обзор Центра НАФИ от 6 марта 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/s-kakimi-problemami-i-ugrozami-stalkivaetsya-molodezh-pri-onlayn-znakomstvakh (дата обращения 30.09.2025).

к психологии: “избегайте штампов, такие анкеты выглядят уныло”. Поиск партнера сегодня можно сравнить с поиском товара на рынке.

Также изменилась статистика посещения **мест досуга** (театры, выставки, рестораны и т.п.), где молодежь могла бы знакомиться. По данным опроса ВЦИОМ самым актуальным способом времяпрепровождения стал поход в гости к друзьям, либо же наоборот прием последних, 42% и 30% соответственно, мероприятия вне дома, где молодежь может знакомиться, не имели популярности[1]. На вопрос о причине отказа от посещения общественных мест молодежь указала нехватку времени и денег.

Стоимость культурных мероприятий действительно выросла. По данным Яндекс. Афиши средний чек в 2024 г. составлял 3726 р. в 2025 году цена выросла на 33%[2].

Стоит указать, что в опросе на тему проведения досуга указывались традиционные варианты: театры, музеи, кино. Возможно, здесь стоит обратиться к характеристикам поколения Z – инновационность и креативность. Вероятным становится предположение о том, что создание новых мест досуга и центров притяжения молодежи – эффективный способ повышения активности и реальной коммуникации зуммеров. Далее – новые формы общественных мероприятий[3].

Иммерсивное шоу – формат мероприятия (выставка, концерт, спектакль), где происходит интеграция исполнителя и зрителя, посетители становятся полноценными участниками происходящего. Цель – получение максимального количество эмоций. Из этой области можно указать на рост популярности тематических квестов. На 2024 год в России количество бронирований квестов составило 1,3-1,4 млн. игр, этот показатель доказывает высокий спрос и интерес аудитории. В сравнении с 2022 годом рынок вырос на 20-30%[4]. А основная аудитория – это люди в возрасте от 18 до 35 лет.

Еще одна новая форма досуга – Sharing-мероприятия. Основные принципы – различные формы общения и социально-культурного взаимодействия. Как пример – формат «PechaKucha»,презентация научных, исследовательских или социально-культурных проектов в формате«stand-up». Каждый участник кратко презентует свой проект, чтобы быстро и ясно донести смысл своей идеи. Такие

---

[1] «Досуг: хорошо, но мало» Аналитический обзор ВЦИОМ от 5 мая 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dosug-khorosho-no-malo (дата обращения 30.09.2025).

[2] «Стоимость культурного досуга выросла более чем на 30%» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Моллы.ру URL: https://www.malls.ru/rus/news/stoimost-kulturnogo-dosuga-vyrosla-bolee-chem-na-30.shtml(дата обращения 29.09.2025).

[3] Акунина Ю.А. Инновационный формы молодежного досуга: тренды современности / Ю.А. Акунина, О.В. Ванина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. С. 110-115.

[4] «Зачем квестам единый госстандарт» [Электронный ресурс] // Официальный новостной сайт РосБизнесКонсалтинг URL: https://www.rbc.ru/industries/news/67fe1e089a79475a8339addd (дата обращения 30.09.2025).

мероприятия обычно проходят на сцене с экраном для демонстрации слайдов и таймером.

«Неконференции»– это формат, направленный на обмен знаниями и опытом, в котором обсуждение происходит в небольших группах. Главное отличие подобных мероприятий, это отсутствие заранее утвержденной программы, то есть тематика формируется самими участниками. В результате проходит несколько параллельных обсуждений.

Еще одно направление современного молодежного досуга – киберспорт. В рамках таких игр создается виртуальное пространство, в котором проходит соревнование. Призовые фонды подобных турниров достигают отметки в несколько миллионов долларов. Например, турнир по Dota 2 «The International» неоднократно становился рекордсменом по суммам выплат. На конец мероприятия 2025 года фонд составил почти 2,5 миллиона долларов, а трансляция собрала у экранов почти 2 миллиона зрителей[1].

Можно предположить, что организация и активное распространение мест новых форм досуга может способствовать привлечению молодежи, росту знакомств и появлению новых форм отношений. Культурно-досуговая инфраструктура именно города, как основного места скопления молодежи, должна учитывать новые тренды и тенденции поколения, чтобы не терять актуальность.

В 2025 г. ВЦИОМ провели опрос, в котором молодежь напрямую спрашивали, почему брак откладывается. Экономические факторы стали самыми актуальными (71%), но культурно-ценностные установки, принципы и стандарты вступления в брак также оказывают значительное влияние (54%), жилищные проблемы (24%).[2]

Таким образом, тенденция снижения уровня брачности у современной молодежи имеет объективные причины: влияние экономики – кризис и общая нестабильность, изменение способов коммуникации – цифровизация знакомства, востребованность традиционных культурных мест досуга (и потенциальных знакомств) также снизилась, однако появились новые формы досуга, реализация и популяризация которых может, в том числе, способствовать росту числа знакомств и становлению новых форм отношений.

Стоит также обозначить некоторые последствия перечисленных факторов специфики романтических отношений молодежи на более глобальном уровне: демографический кризис, рост одиночества и изоляции. В тоже время вероятны

[1] Призовой фонд The International 2025 Dota 2. [Электронный ресурс] // Сайт Кибер.Спорт.ру URL: https://cyber.sports.ru/dota2/blogs/2500112.html (дата обращения 30.09.2025).

[2] «Квартирный ответ на демографический вопрос» Аналитический обзор ВЦИОМ от 12 августа 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros (дата обращения 30.09.2025).

и положительные результаты подобного поведения: рост финансовой стабильности, устойчивая психологическая зрелость и более позитивное воспитание будущего поколения, построение здоровых отношений и развитие эмоционального интеллекта.

Список литературы

1. «В России невесты и женихи стали позже вступать в брак» [Электронный ресурс] // Официальный новостной сайт РосБизнесКонсалтинг URL: https://www.rbc.ru/society/13/07/2025/687382499a794745a0ff7a83 (дата обращения 30.09.2025).
2. «Домклик» оценил сколько молодежь тратит на ипотеку и какое жилье берет [Электронный ресурс] // Официальный новостной сайт РосБизнесКонсалтинг URL: https://realty.rbc.ru/news/649ab2009a79471ed1895646 (дата обращения 30.09.2025).
3. «Досуг: хорошо, но мало» Аналитический обзор ВЦИОМ от 5 мая 2025 [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dosug-khorosho-no-malo (дата обращения 30.09.2025).
4. «Зачем квестам единый госстандарт» [Электронный ресурс] // Официальный новостной сайт РосБизнесКонсалтинг URL: https://www.rbc.ru/industries/news/67fe1e089a79475a8339addd (дата обращения 30.09.2025).
5. «Квартирный ответ на демографический вопрос» Аналитический обзор ВЦИОМ от 12 августа 2025 [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros (дата обращения 30.09.2025).
6. «Образ Российской молодежи: мониторинг» Аналитический обзор ВЦИОМ от 23 июня 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring (дата обращения 30.09.2025).
7. «Разводы в России: мониторинг» Аналитический обзор ВЦИОМ от 24 октября 2024 [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring (дата обращения 30.09.2025).
8. «С какими проблемами и угрозами сталкивается молодежь при онлайн-знакомствах» Аналитический обзор Центра НАФИ от 6 марта 2023 [Электронный ресурс] // URL: https://nafi.ru/analytics/s-kakimi-problemami-i-ugrozami-stalkivaetsya-molodezh-pri-onlayn-znakomstvakh (дата обращения 30.09.2025).

9. «Стоимость культурного досуга выросла более чем на 30%» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Моллы.ру URL: https://www.malls.ru/rus/news/stoimost-kulturnogo-dosuga-vyrosla-bolee-chem-na-30.shtml(дата обращения 29.09.2025).

10. Акунина Ю.А. Инновационный формы молодежного досуга: тренды современности / Ю.А. Акунина, О.В. Ванина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. С. 105-117.

11. Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности “нового поколения” / А.В. Гаврилова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26, Вып. 2. С. 58-63.

12. Динамика цен на недвижимость с 2000 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «ГК «Самолет». URL: https://samolet.ru/faq/voprosy-o-pokupke/dinamika-rynka-nedvizhimosti/?utm_referrer=https://www.google.com/ (дата обращения 30.09.2025).

13. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. 2018. №2(42). С. 1-10.

14. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л.В. Куликов // Общество и политика Ред. В.Ю. Большаков. СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та. 2000. С. 476-510.

15. Призовой фонд The International 2025 Dota 2. [Электронный ресурс] // Сайт Кибер.Спорт.ру URL: https://cyber.sports.ru/dota2/blogs/2500112.html (дата обращения 30.09.2025).

16. Статистика браков и разводов в России по годам [Электронные ресурс] // Сайт Справочные таблицы URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov (дата обращения 30.09.2023)

M.M. Moiseeva

GENERATION Z'S CHANGING ATTITUDES TOWARD MARRIAGE AND ROMANTIC RELATIONSHIPS

This article examines the reasons for the decline in marriage rates among generation Z. The transformation of values and attitudes of modern youth leads to a change in traditional forms of marriage and family, which has both risks and potentially positive consequences. The text examines the socio-economic, cultural, and technological factors that influence the formation of youth attitudes towards marriage.

Keywords: generation Z, new forms of leisure, new forms of relationships, youth, marriage indicators.

УДК 316.4

Т.В. Носкова

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ОТБОРА КОНТЕНТА НА ПЛАТФОРМЕ YOUTUBE

В статье исследуется процесс социального конструирования реальности через алгоритмический отбор контента на платформе YouTube. Теоретической основой выступает теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, а также концепция социального поля П. Бурдье. Актуализируется проблема утраты пользователем агентности вследствие подмены самостоятельного поиска алгоритмической курацией. На примере YouTube анализируется, как система рекомендаций создает «информационные пузыри», что приводит к сужению информационного поля, а также к рутинизации потребления контента и формированию иллюзии объективности предлагаемой картины мира.

Ключевые слова: алгоритмическая фильтрация, информационные пузыри, формирование предпочтений.

В современном цифровом обществе платформы становятся основным источником информации, а пользователи все чаще делегируют им право формировать свою медиасреду[1]. Центральной проблемой является то, что алгоритмы рекомендательных систем, представляемые как нейтральные технические инструменты, фактически выступают активными агентами конструирования реальности[2]. Это приводит к изменению структуры информационного поля пользователя. Алгоритмический отбор контента создает самоподдерживающуюся систему, в которой первоначальные предпочтения пользователя постоянно усиливаются. В результате вместо расширения кругозора происходит систематическое погружение в «информационный пузырь», где преобладает однородный контент.

Целью данной статьи является анализ видов алгоритмической фильтрации на платформе YouTube и выявление негативных социальных последствий этого процесса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что видеоплатформы в медиапотреблении набирают все большую популярность. YouTube сохраняет лидерство по уровню ежедневного использования (78% пользователей обращаются к нему несколько раз в день или почти каждый день) и общей удовлетворенности (71%). Однако, отечественные платформы стараются догнать платформу YouTube, ближе всего к этому VK Видео — 59%

© Носкова Т.В., 2026

[1] Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2(41). С. 161-169. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-12017.

[2] Just, N., & Latzer, M. (2017). Governance by algorithms: reality construction by algorithmic selection on the Internet. Media, Culture & Society, 39, 238 - 258. https://doi.org/10.1177/0163443716643157.

опрошенных пользуются платформой несколько раз в день или почти каждый день, но общая удовлетворенность 54%[1].

YouTube лидирует по доле времени потребления во всех возрастных категориях[2]. Особую значимость анализу придает тот факт, что активными потребителями видеоконтента является молодежь, чьи ценностные ориентации находятся в стадии активного формирования.

Для анализа алгоритмического влияния применяется синтез двух ключевых социологических теорий, позволяющих раскрыть различные аспекты взаимодействия пользователя с платформой. Теория Пьера Бурдье заключается в том, что YouTube представляет собой специфическое социальное поле, где основным капиталом выступает внимание пользователей, которое платформа старается максимизировать. Алгоритмическая система рекомендаций формирует «цифровой габитус» – систему диспозиций, определяющих предрасположенность к определенным типам контента и паттернам потребления.

Эмпирические исследования 2020 года демонстрируют, что рекомендательная система YouTube функционирует как механизм «технологического соблазна» (technological seduction). Алгоритм оптимизирован для максимизации времени просмотра, что экономически обусловлено рекламной моделью платформы. Это приводит к продвижению контента, наиболее эффективно удерживающего внимание, включая радикальные и конспирологические материалы[3]. А также YouTube порекомендует развлекательный контент с большей вероятностью, чем новости[4].

Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана[5], позволяет раскрыть процесс трансформации пользовательского сознания через хабитуализацию (опривычивание) потребления однородного контента. Повторяющееся взаимодействие с алгоритмически отобранным контентом превращается в рутинную практику (цифровой габитус). Ежедневный скроллинг персонализированной ленты становится привычным действием, которое воспроизводится автоматически, без рефлексии.

---

[1] Рунет: битва за зрителя. Итоги. Аналитический обзор Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) от 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/runet-bitva-za-zritelja-itogi

[2] Mediascope Cross Web, вся Россия, десктоп и мабайл, март-май 2024, доля времени на соцмедиа *принадлежит компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ). URL: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3mufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf

[3] Alfano, M., Fard, A.E., Carter, J.A. *et al.* Technologically scaffolded atypical cognition: the case of YouTube's recommender system. *Synthese* **199**, 835–858 (2021). https://doi.org/10.1007/s11229-020-02724-x

[4] Huang, S., & Yang, T. (2024). Auditing Entertainment Traps on YouTube: How Do Recommendation Algorithms Pull Users Away from News. Political Communication, 41, 903 - 920. https://doi.org/10.1080/10584609.2024.2343769.

[5] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

Алгоритм работает по принципам коллаборативной (рекомендует то, что смотрят люди со схожими вкусами) и контентной (рекомендует похожее на то, что уже нравилось) фильтрации, что приводит к эффекту «углубления в информационный пузырь», то есть бесконечному потреблению вариаций одной темы. Информационный пузырь не представляет собой статичное образование – с каждым новым просмотром видео на смежную тематику происходит его последовательное сужение и усиление однородности. Постепенно у пользователя формируется иллюзия консенсуса[1] (человек переоценивает степень согласия других людей со своими взглядами), поскольку альтернативные точки зрения алгоритмически маргинализируются.

Алгоритмическая сконструированная картина мира воспринимается как объективная данность. Пользователь начинает воспринимать предлагаемый контент как естественное отражение реальности, а не как результат работы фильтрующих алгоритмов. Алгоритмически отобранная информация часто воспринимается пользователем как объективная истина, а альтернативные точки зрения отсекаются (стеной информационного пузыря). Это ведет к фрагментации общества, где у каждого человека формируется своя «правда». Данный процесс подпитывается когнитивными искажениями: предвзятость подтверждения (склонность потреблять информацию, совпадающую с нашим мнением) и эвристика доступности (оценка вероятности события по легкости, с которой можно вспомнить примеры), а если смотреть однородный контент на постоянной основе, конечно, примеры будут вспоминаться быстрее[2]. Эти и многие другие искажения, которые активно проявляются в алгоритмически отфильтрованном пространстве, заставляют нас быть уверенными в ошибочных выводах. Хотя критическая проверка информации в разнородных источниках необходима, ее осуществлению препятствует нехватка времени в условиях интенсивного информационного потока.

Таким образом, алгоритмическая система YouTube трансформируется из технического инструмента в активного социального агента, конструирующего нашу реальность через предлагаемый контент (собирая впоследствии наши данные и анализируя их). Формирование платформой «цифрового габитуса» приводит к утрате пользователем агентности (способности к самостоятельному формированию информационной среды, способности искать новые интересные для нас темы). Бизнес-модель платформы, основанная на максимизации времени просмотра, приводит к социально опасным последствиям, таким как

[1] Ross, L. The ―false consensus effect‖: An egocentric bias in social perception and attribution processes / L. Ross, D. Greene, P. House // Journal of Experimental Social Psychology. – 1977. – Vol. 13, № 3. – P. 279– 301.
[2] Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Москва: АСТ, 2014. - 532 с. - ISBN 978-5-17-080053-7.

фрагментация общественного пространства, радикализация сознания, потере осознанного выбора контента.

Однако, на данный момент на платформе стараются регулировать фейковый контент, контент, направленный на теории заговора и другой вредоносный контент[1]. Но это не решает озвученных ранее проблем, так как персонализированный контент остается.

Перспективным направлением является изучение эффектов целенаправленного внедрения в рекомендательные ленты контента с альтернативными точками зрения. Такое исследование позволило бы проанализировать когнитивные реакции пользователей на столкновение с непредсказуемым контентом, а также посмотреть изменятся ли предпочтение или убеждение в теме, если такой контент будет просматриваться регулярно на протяжении длительного времени.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. Москва: АСТ, 2014. - 532 с. - ISBN 978-5-17-080053-7.
3. Рунет: битва за зрителя. Итоги. Аналитический обзор Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) от 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/runet-bitva-za-zritelja-itogi
4. Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2(41). С. 161-169. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-12017.
5. ТАСС. YouTube будет ограничивать распространение контента, связанного с теориями заговора. 2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/9731313
6. Alfano, M., Fard, A.E., Carter, J.A. *et al.* Technologically scaffolded atypical cognition: the case of YouTube's recommender system. *Synthese* **199**, 835–858 (2021). https://doi.org/10.1007/s11229-020-02724-x
7. Huang, S., & Yang, T. (2024). Auditing Entertainment Traps on YouTube: How Do Recommendation Algorithms Pull Users Away from News. Political Communication, 41, 903 - 920. https://doi.org/10.1080/10584609.2024.2343769.

[1] ТАСС. YouTube будет ограничивать распространение контента, связанного с теориями заговора. 2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/9731313

8. Just, N., & Latzer, M. (2017). Governance by algorithms: reality construction by algorithmic selection on the Internet. Media, Culture & Society, 39, 238 - 258. https://doi.org/10.1177/0163443716643157.

9. Mediascope Cross Web, вся Россия, десктоп и мабайл, март-май 2024, доля времени на соцмедиа *принадлежит компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ). URL: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3mufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf

10. Ross, L. The ―false consensus effect‖: An egocentric bias in social perception and attribution processes / L. Ross, D. Greene, P. House // Journal of Experimental Social Psychology. – 1977. – Vol. 13, № 3. – P. 279– 301.

11. YouTube Help. How recommendations work. URL: https://support.google.com/youtube/answer/11914225

T.V. Noskova

CONSTRUCTING REALITY THROUGH ALGORITHMIC CONTENT SELECTION ON THE YOUTUBE PLATFORM

This article examines the process of social construction of reality through algorithmic content selection on the YouTube platform. The theoretical basis is provided by P. Berger and T. Luckmann's theory of social construction of reality, as well as P. Bourdieu's concept of the social field. It highlights the problem of users losing their agency as a result of independent search being replaced by algorithmic curation. Using YouTube as an example, it analyses how the recommendation system creates “information bubbles”, which leads to a narrowing of the information field, as well as to the routinisation of content consumption and the formation of an illusion of objectivity in the worldview presented.

Keywords: algorithmic filtering, information bubbles, preference formation.

УДК 316.3

В.Д. Паршина

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ФАКТОРЫ

Статья посвящена исследованию социокультурной безопасности как неотъемлемого элемента национальной безопасности и устойчивого развития общества. Анализируются различные подходы к определению понятия, выделяется структура социокультурной безопасности (Соколовский М.Л.) и рассматриваются факторы, влияющие на её изменение. Особое внимание уделяется трудам Н.И. Лапина, в которых раскрыта динамика социокультурных трансформаций российского общества, а также выделены ключевые риски.

Ключевые слова: социокультурная безопасность, национальная безопасность, социокультурные риски.

Социокультурная безопасность в настоящее время выступает неотъемлемой частью обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития общества в быстроменяющихся условиях среды, в условиях развития и появления новых технологий и нарастанием социальных, а также политических противоречий в стране и мире.

Социокультурная безопасность – это состояние общества, где его культурная и духовная сущность сохраняется, оно устойчиво противостоит как внутренним, так и внешним угрозам, и при этом гармонично развивается в мире, который постоянно изменяется[1].

Л.Л. Антонова, О.А. Полюшкевич определяют социокультурную безопасность как основу развития общества, обеспечивающую устойчивое состояние социума и воспроизводство культурных ценностей[2].

Бычкова Н.Ю. в своём исследовании формулирует социокультурную безопасность как управляемое явление и необходимое условие роста качества жизни людей и существования государств[3].

Структура социокультурной безопасности в понимании Соколовского М.Л. (рис.) опирается на четыре ключевых, взаимосвязанных и взаимопересекающихся компонента: «сохранность и развитие культуры, человеческое развитие в понимании ООН, жизнестойкость, понимаемая как в

© Паршина В.Д., 2026

[1] Голохвастова Н. В. Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения // отв. ред. Н. В. Голохвастова // Материалы Междунар. науч. практ. конф. (Пермь, 28 апр. 2016 г.) / Прикам. соц. ин-т. Пермь, 2016. 566 с.

[2] Антонова Л.Л. Социокультурная безопасность и консолидация общества / Л.Л. Антонова, О.А. Полюшкевич // Современные исследования социальных проблем. 2021. №12(20). С. 1-10.

[3] Бычкова Н.Ю. Социокультурная безопасность как управляемое явление и необходимое условие роста качества жизни людей и существования государств / Н.Ю. Бычкова // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов. 2021. № 4. С. 65-83.

узком (в качестве субъектности), так и в широком смысле, и компетентные действия властей и самих представителей этнокультур»[1].

Предложенная Соколовским М.Л. модель согласуется с локальными и мировыми тенденциями по формированию и сохранению культур этносов, сообществ, а также индивидуальными коррекционными практиками. Все компоненты тесно взаимосвязаны между собой и изменение одного из них влечет за собой возникновение изменений в любых других компонентах социокультурной безопасности.

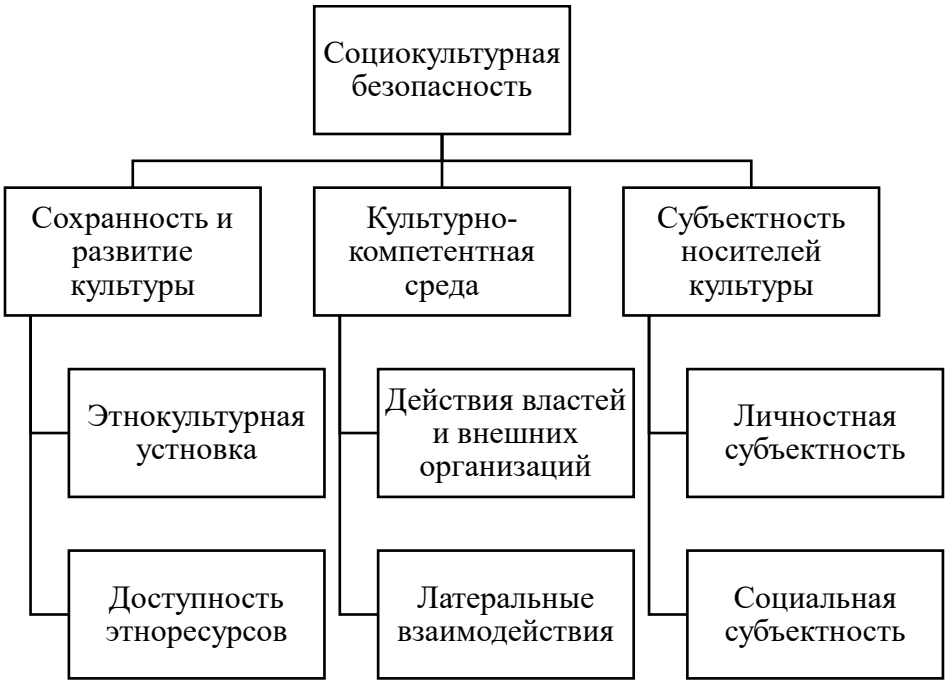

Рис. Основные компоненты понятия «социокультурная безопасность» в понимании М.Л. Соколовского

На изменение социокультурной безопасности влияют различные факторы, такие, как глобализация культуры, развитие цифровых технологий, экономические трудности.

Одним из немногих практических трудов в исследовании изменений в состоянии социально-культурного состояния российского общества можно назвать работы Н.И. Лапина. Он выделил в изменении российского общества два противоположных процесса — либерализация и традиционализация[2].

В 1990-е годы Россия, двигалась в направлении **либерализации**, что выражалось в росте свободы выбора и ослаблении традиционных ограничений. Однако к началу 2000-х **геополитические факторы** (например, реакция на

[1] Соколовский М.Л. Концепт «социокультурная безопасность» и его практическое применение / М.Л. Соколовский // Материалы V Международной научно-практической конференции «Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России». Пятигорск: Научный мир, 2018. С. 236-244.
[2] Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация / Н.И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. №3. С. 32-39.

внешние угрозы) привели к переориентации на **традиционализацию**[1]. Это проявилось в усилении консервативных институтов и ограничении инновационных процессов.

Н.И. Лапин выделяет ключевые риски **социокультурной безопасности** (таблица).

Таблица

Ключевые риски социокультурной безопасности (составлено по Н.И. Лапину[2])

Социальные дисфункции	Культурные угрозы
Структурные: социальные расколы, неравенство, кризис идентичности, дисбаланс в профессиональных и этнических группах	Вестернизация и массовизация культуры, ведущие к деформации традиционных ценностей.
Психологические: аномия, дефицит солидарности, неудовлетворенность потребностью в безопасности, отсутствие долгосрочных перспектив	Технологизация и виртуализация культуры, ослабляющие механизмы трансляции духовного наследия.
	Морально-нравственный кризис, подрывающий базовые культурные ориентиры

Работы Лапина акцентируют внимание на **системном подходе** к анализу социокультурных угроз, подчеркивая необходимость интеграции социальных реформ и защиты культурного наследия.

Автор видит выход из кризиса в устранении структурных дисфункций через реформы социальной политики и укрепление солидарности; защиты культурной идентичности от деструктивного влияния извне, включая разработку стратегий сохранения духовных ценностей; соблюдения баланса между либеральными и традиционными элементами в модернизации общества.

Таким образом, для России становится критическим поиск золотой середины — сочетание свободы выбора с сохранением базовых ценностей, что обеспечит устойчивость в сложных современных условиях.

Можно сделать вывод, что исследуемое явление является **многосторонним понятием, охватывающим широкий спектр вопросов, связанных с сохранением и развитием духовной, культурной и социальной сфер жизни общества. Социокультурная безопасность** включает в себя

[1] Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация / Н.И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. №3. С. 32-39.
[2] Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. 2000. № 3. С. 3-45.

защиту культурного наследия, языковое разнообразие и религиозные ценности; сохранение и развитие национальной идентичности и самосознания, духовного и нравственного здоровья общества, культурного многообразия и межкультурного диалога; обеспечение социальной стабильности и интеграции, межэтнического и межконфессионального согласия и т.д.

Список литературы

1. Антонова Л.Л. Социокультурная безопасность и консолидация общества / Л.Л. Антонова, О.А. Полюшкевич // Современные исследования социальных проблем. 2021. №12(20). С. 1-10.

2. Бычкова Н.Ю. Социокультурная безопасность как управляемое явление и необходимое условие роста качества жизни людей и существования государств / Н.Ю. Бычкова // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов. 2021. № 4. С. 65-83.

3. Голохвастова Н. В. Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 28 апр. 2016 г.) / отв. ред. Н. В. Голохвастова // Прикам. соц. ин-т. Пермь, 2016. 566 с.

4. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация / Н.И. Лапин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. №3. С. 32-39.

5. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. 2000. № 3. С. 3-45.

6. Соколовский М.Л. Концепт «социокультурная безопасность» и его практическое применение / М.Л. Соколовский // Материалы V Международной научно-практической конференции «Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России». Пятигорск: Научный мир, 2018. С. 236-244.

V.D. Parshina

SOCIO-CULTURAL SECURITY: CONCEPT, STRUCTURE, FACTORS

The article is devoted to the study of socio-cultural security as an integral element of national security and sustainable development of society. Various approaches to the definition of the concept are analyzed, the structure of socio-cultural security is highlighted (Sokolovsky M.L.) and the factors influencing its change are considered. Special attention is paid to the works of N.I. Lapin, which reveal the dynamics of socio-cultural transformations of Russian society, as well as highlight key risks.

Keywords: socio-cultural security, national security, values, culture, social structure, socio-cultural risks.

УДК 314.06

Т.Е. Хведчук

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДАРЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ СВЯЗИ

В данной статье рассматриваются социально-психологические факторы, определяющие процесс дарения. Рассматривается, каким образом укоренившиеся в обществе представления влияют на выбор подарка и его интерпретацию. Работа выявляет взаимосвязь между гендерными стереотипами, мотивацией дарителя и формированием межличностных связей, предлагая концептуализацию дарения как социально обусловленного акта, воспроизводящего и закрепляющего гендерные нормы.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, ритуализация, дарообмен, гендер, гендерные стереотипы.

Различные ученые с самого начала изучения феномена дарообмена сходились во мнении о том, что обмен является центральной формой социального взаимодействия, оказывая непосредственное влияние на формирование связей между индивидами и обществами. Сам процесс взаимодействия строится исходя из мотивов, целей и интересов индивидов. Труд М. Мосса «Очерк о даре» стал непосредственной основой для институционализации роли обмена дарами как процесса подкрепляющего воспроизводство социального порядка[1]. По этой причине подарок является не только частью социального взаимодействия, но и основой для его воспроизводства как цикла. Процесс обмена подарками сопровождается укреплением социальных отношений между индивидами, поддержанием их социальных сетей. По данным исследования Удмуртского университета 121 респондент (97,6 %) делает подарки, и лишь 3 респондента вообще никому не делают подарки (2,4 %). 99,2 % из них преподносят презенты своим родным и близким. Довольно часто – друзьям и добрым знакомым – 85,1%[2]. На основе этих данных можно сделать вывод о том, что в повседневности подарки выступают инструментом передачи информации и акт дарообмена служит связующим фактором во взаимоотношениях. Говоря о взаимоотношениях, стоит упомянуть концепцию «социальных сетей» В.И. Ильина. «Социальные сети – это каналы связывающие индивидуальные позиции как внутри одного социокультурного

© Хведчук Т.Е., 2026

[1] Борисова О.А. Ритуализация дарения как процесс социального конструирования / О.А. Борисова, А.А. Романова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 3. С. 339- 340.

[2] Борисова О.А. Ритуализация дарения как процесс социального конструирования / О.А. Борисова, А.А. Романова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 3. С. 340- 341.

поля, так и в разных полях». Без вложений социальные сети существуют недолго. Например, друг, который когда-то был близким, через 10-15 лет становится обычным знакомым[1]. В основном под вложениями подразумеваются как эмоциональные, так и материальные затраты человека. Исходя из трудов Л. Перлз, можно иначе представить понятие подарка. «Подарок – это то, что просто есть, что предложено…Подарок – это не жертва, а то, что дают легко, не ожидая ничего взамен»[2]. Подарок в постиндустриальном обществе, будучи материальным объектом, выполняет двойную функцию: с одной стороны, он является приобретением, оплаченным деньгами, а с другой – способом выразить личные чувства по отношению к получателю. Из-за ритуализации дарения, на сегодняшний день люди воспринимают подарки как нечто необходимое в определенных условиях. Например, если брать контекст праздников, то теперь отсутствие дарения считается социально порицаемым явлением. Возникают навязанные стандарты и социальная дистанция между индивидами. Также исходя из данных эмпирического исследования взрослые люди воспринимают подарки не как приятную неожиданность и разрыв повседневного рутинного шаблона, а как повод и способ получить какую-либо выгоду. Подарки, сделанные вручную или не представляющие какой-то большой материальной ценности воспринимаются ими с плохо скрываемым безразличием[3]. Ритуализация дарения в контексте практик взаимоотношений может негативно сказываться на открытости и честности индивидов друг перед другом.

Чтобы определить роль дарения в межличностных отношениях стоит рассмотреть и другие цели данного процесса. Помимо того, что подарки являются инструментом передачи информации, они так же выполняют консолидирующую функцию во взаимоотношениях. Люди таким образом могут выражать благодарность и уважение. Также это может способствовать увеличению влияния власти. Но основная роль подарков заключается именно в разрушении привычно устоявшегося порядка повседневности, поскольку каждый акт дарения воспринимается как уникальное событие, приносящее счастье.

Большое влияние на взаимоотношения оказывает гендер. Гендер, в отличие от биологического пола, не является предопределенным, а формируется под влиянием культуры и общества. Это означает, что гендерные роли и идентичности – это не природные данные, а социальные конструкции, которые

[1] Попова Л.В. Социально-психологические факторы процесса дарения в Российской культуре / Л.В. Попова // Северо-кавказский психологический вестник. 2011. № 2. С. 59-62.
[2] Ибрагимова Д.Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы / Д.Х. Ибрагимова // Экономическая социология. 2016. № 2. С. 116-145.
[3] Цыплакова Е.О. Престижное потребление в контексте практик дарения в студенческой среде / Е.О. Цыплакова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5(129). С. 92-104.

меняются в зависимости от культурного контекста. Гендер конструируется в процессе социального взаимодействия, являясь одновременно и его результатом, и фактором, влияющим на его дальнейшее развитие[1]. Культура определяет, что считается «мужским» и «женским», и эти представления постоянно эволюционируют. Если брать чуть шире, то поскольку социальные отношения предполагают постоянную подотчетность, члены общества всегда учитывают, как их действия будут восприняты и истолкованы другими.

Исходя из культурно-исторического контекста стран СНГ, свою популярность получила патриархальная система социальных отношений. В ней основными тезисами являются: женщина – мать, хозяйка, мужчина – кормилец, защитник[2]. Возврат к консервативным ценностям в близких отношениях после «ценностного плюрализма» 90-х гг. прошлого века является не только результатом государственной политики, но также связан с историческими и социокультурными особенностями постсоветских стран[3]. Основываясь на анализе результатов третьей и шестой волн международного лонгитюдного исследования, можно говорить об актуальности в странах постсоветского пространства «патриархального культурного кода».

В патриархальной системе существует четкое разделение социальных ролей, что так или иначе способствует появлению гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы – это стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское». Они являются наиболее ярким и эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей[4].

Гендерные стереотипы укоренены в социальных взаимодействиях, и дарение не является исключением. Мужчины воспринимаются как основные дарители во взаимоотношениях. Они должны демонстрировать свой успех и заботу, покупая подарки, подчеркивающие статус. Так же от них ожидают доказательства своей щедрости. В пример можно привести дарение цветов. В 2014 году, по данным Росстата, впервые с начала 2000-х годов произошло снижение реальных доходов населения. Это совпало с инфляцией и ростом цен на товары, включая цветы, стоимость которых увеличилась почти вдвое. Несмотря на это, укоренившаяся традиция дарить цветы заставляла мужчин продолжать покупать букеты, хотя они стали меньше по размеру, а дорогие сорта

---

[1] Магомедова А.Н. История и современное состояние проблемы гендерной социализации в психологии / А.Н. Магомедова // Вестник университета. 2014. № 17. С. 311-314.

[2] Грызова У.И. Подарок как носитель социальной информации / У.И. Грызова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11(147). С. 190-195.

[3] Смирнов В.А. Восприятие семейности и близких отношений на постсоветском пространстве: факторы и направления трансформации / В.А. Смирнов, В.В. Груздев, В.Н. Ершов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2. С. 101-116.

[4] Ильиных С.А. Гендерные стереотипы как лабиринт повседневности мужчин и женщин / С.А. Ильиных // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. С. 10-13.

цветов были заменены на более доступные[1]. Такие факторы как стоимость букета, размер, говорят о статусе и достатке индивида, что составляет социально-статусный портрет. От женщин, в свою очередь, ожидается, что они будут дарить подарки, связанные с домом и уютом. Женщины тратят больше времени и усилий на то, чтобы найти именно тот подарок, который нужен конкретному человеку. Мужчины в сравнении покупают меньше подарков, однако они заменяют это тем, что тратят больше денег на них. При этом, ситуация, когда женщина проявляет инициативу в дарении больше нежели мужчины, является контрнормативной, поскольку противоречит социальным ожиданиям относительно роли мужчины-кормильца, и усиление женских властных позиций будет только способствовать дальнейшему их нарушению. Однако все зависит и от гендерных договоренностей между индивидами. Поскольку в ситуации, когда рамки гендера размыты, такая инициатива со стороны женщины не будет радикально встречена ни со стороны мужчины, ни со стороны общества.

Возвращаясь к гендерно-патриархальным стереотипам, стоит сказать и о таком: мужчинам принято дарить практичные, функциональные подарки, отражающие их интересы или хобби (инструменты, гаджеты, спортивное снаряжение). Женщинам же чаще дарят декоративные подарки, призванные подчеркнуть их красоту или женственность (украшения, цветы, косметика). В основном эти конструкты встречаются в романтических отношениях.

По данным исследования, посвященному изучению социально-психологических характеристик подарка в системе деловых отношений (руководители и подчиненные), можно говорить о разности мотивов женщин и мужчин. Через процесс дарения женщины-руководители стремятся получить социальное одобрение мужчин, привлечь и удержать их внимание и сохранить или увеличить влияние, власть. В то же время женщины-руководители дарят подарки женщинам независимо от их статуса и положения. Женщины больше обмениваются подарками и лучше знают, чего хотят другие женщины. Мужчины-руководители, в свою очередь используют подарок для поддержания репутации, имиджа и демонстрации своей власти. Мужчины-подчиненные склонны придерживаться стратегии завоевания расположения со стороны коллег и руководителя. Также подарок может быть попыткой наладить более дружеские отношения с руководителем, особенно если между ними существуют какие-то разногласия или напряженность[2]. Если обобщить, то и в деловых отношениях прослеживается влияние гендерных стереотипов. Наблюдается те же паттерны и

[1] Троцук И.В. Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе / И.В. Троцук, А.В. Морозова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 1. С. 37-55.

[2] Чикер В.А. Социально-психологические функции и типы подарка в деловой и межличностной коммуникации: личностные, половые и возрастные различия / В.А. Чикер // Петербургский психологический журнал. 2021. № 34. С. 1-24.

мотивы дарения что и в романтических отношениях. Но если в первом случае гендерные нормы чуть более размыты в связи с рабочей средой и формализацией процесса дарения, то во втором эти грани четко выражены.

В последнее десятилетие поднимается вопрос о «кризисе привычного гендерного порядка», что проявляется в изменении образцов социальных взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Основными чертами данного процесса считаются уклон в индивидуализм, свобода выбора рода занятий и стиля жизни без оглядки на половую (гендерную) принадлежность в соответствии с привычными нормативными устоями или вопреки им[1]. Изменение ролей прослеживается и в том, что сейчас женщины все чаще берут на себя инициативу и дарят мужчинам подарки, которые отражают их чувства и признание (хотя в традиционном обществе дарение подарков было преимущественно мужской прерогативой). Некоторые мужчины, стремясь к более эгалитарным отношениям, могут отказываться от дарения подарков как символа власти и контроля.

Можем сделать вывод, что шаблонные представления о мужских и женских ролях теряют свою власть и становятся менее значимыми во взаимоотношениях. В связи с этим процесс дарения преобразовывается. Индивидуализация постепенно искореняет гендерные стереотипы. Теперь подарки дарятся на основе личных предпочтений, интересов и потребностей конкретного человека, независимо от его пола. И это несомненно позитивно отражается на межличностных отношениях.

Список литературы

1. Борисова О.А. Ритуализация дарения как процесс социального конструирования / О.А. Борисова, А.А. Романова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 3.

2. Грызова У.И. Подарок как носитель социальной информации / У.И. Грызова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11(147).

3. Ибрагимова Д.Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы / Д.Х. Ибрагимова // Экономическая социология. 2016. № 2.

4. Ильиных С.А. Гендерные стереотипы как лабиринт повседневности мужчин и женщин / С.А. Ильиных // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10.

[1] Ибрагимова Д.Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы / Д.Х. Ибрагимова // Экономическая социология. 2016. № 2. С. 116-145.

5. Магомедова А.Н. История и современное состояние проблемы гендерной социализации в психологии / А.Н. Магомедова // Вестник университета. 2014. № 17.

6. Передерий В.А. Социально-психологические особенности феномена дарения в студенческой среде / В.А. Передерий, О.А. Волошина // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12(178).

7. Попова Л.В. Социально-психологические факторы процесса дарения в Российской культуре / Л.В. Попова // Северо-кавказский психологический вестник. 2011. № 2.

8. Смирнов В.А. Восприятие семейности и близких отношений на постсоветском пространстве: факторы и направления трансформации / В.А. Смирнов, В.В. Груздев, В.Н. Ершов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2.

9. Сериков А.Е. Подарок как вещь. Опыт цинического исследования / А.Е. Сериков // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 1(3).

10. Троцук И.В. Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе / И.В. Троцук, А.В. Морозова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 1.

11. Цыплакова Е.О. Престижное потребление в контексте практик дарения в студенческой среде / Е.О. Цыплакова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5(129).

12. Чикер В.А. Социально-психологические функции и типы подарка в деловой и межличностной коммуникации: личностные, половые и возрастные различия / В.А. Чикер // Петербургский психологический журнал. 2021. № 34.

T.E. Khvedchuk

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF GIVING: GENDER STEREOTYPES AND THEIR IMPACT ON INTERPERSONAL RELATIONS

This article examines the socio-psychological factors that determine the process of giving. It explores how societal perceptions influence the choice and interpretation of gifts. The article identifies the relationship between gender stereotypes, the motivations of the giver, and the formation of interpersonal connections, offering a conceptualization of giving as a socially constructed act that reproduces and reinforces gender norms.

Keywords: social interaction, ritualization, gift exchange, gender, and gender stereotypes.

РАЗДЕЛ 2. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 316.35

Е.И. Елышев

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ: УДАЛЁННЫЕ ФОРМЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматривается социокультурное развитие в контексте цифровизации занятости, подчеркивающей множество изменений в трудовых отношениях. Выделяются и описываются различные формы цифровой занятости, такие как фриланс, дистанционная, гибридная и платформенная занятость, каждая из которых демонстрирует уникальные характеристики. Более детально рассматривается феномен электронного фриланса и соответствующие ему удалённые автономные работники, представляющие «экономику навыков» и меняющие традиционные модели труда.

Ключевые слова: цифровая занятость, удалённая работа, фриланс.

Социокультурное развитие как процесс охватывает различные стороны общественной жизни. Оно чрезвычайно многофакторно и поливариативно, среди прочего, включает в себя процессы глобализации, миграции, усложнения социальной дифференциации в обществе, стремительные трансформации в информационно-коммуникационной сфере.

Продолжающееся возрастание роли информационных технологий сказывается практически на всех сферах общественной жизни, в том числе, на сфере труда. Цифровизация, которая на сегодняшний день всё активнее наращивает свои темпы, ведёт к деформациям традиционных моделей трудовых отношений – стандартный труд может заменяться прописанными алгоритмами и роботизацией, системами искусственного интеллекта, а его результатом всё чаще выступает цифровой продукт. Вследствие перечисленного увеличивается сегмент цифровой занятости, предполагающей применение ИКТ в процессе производства товаров и услуг[1]. На сегодняшний день актуальность обращения к изучению форм цифровой занятости обусловлено её глобальным и повсеместным характером при разнящихся теоретических подходах – одни отождествляют её с платформенной, другие – с дистанционной и т.п.[2].

Ю.Н. Короленко и Е.В. Романюк предлагают рассматривать цифровую занятость комплексно – через группу её действующих форм, к которым авторы

© Елышев Е.И., 2026

[1] Камарова Т.А., Тонких Н.В. Цифровая занятость: классификация и гендерная специфика / Т.А. Камарова, Н.В. Тонких // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. №3(67). С. 27.

[2] Короленко Ю.Н. Цифровая занятость: состояние и регулирование на российском рынке труда / Ю.Н. Короленко, Е.В. Романюк // Научный результат. Экономические исследования. 2025. №2. С. 97-98.

относят фриланс, дистанционную, гибридную и платформенную занятость[1]. Рассмотрим каждую из них несколько подробнее.

Платформенная занятость подразумевает под собой осуществление трудовой деятельности с помощью специализированных онлайн-сервисов. Это может быть как деятельность, выполняемая полностью внутри цифровых платформ (например, психологическое, юридическое и т.п. консультирование, прохождение онлайн-опросов за вознаграждение и др.), так и деятельность, которая подразумевает их использование (водители такси, сборщики продуктов для приложений доставки и т.п.).

Дистанционная (или удалённая) занятость подразумевает под собой выполнение сотрудником, работающим по найму, своих рабочих функций с помощью ИКТ (компьютер, ноутбук, планшет и т.п., а также сеть Интернет) вне территорий, находящихся под контролем работодателя (например, традиционных пространств офисного вида).

Если же в трудовом договоре фиксируется, что в соответствии с определённым компанией графиком, часть дней выполнение обязанностей требует посещения офиса, то такую форму цифровой занятости можно рассматривать как гибридную. Стоит отметить, что всё больше соискателей демонстрируют интерес именно к таком формату занятости[2].

Однако широкий пул работников, которые работают удалённо, не состоят в штате какой-либо компании. Высокопрофессиональных работников, которые не имеют постоянного работодателя и самостоятельно обеспечивают себя внеорганизационной занятостью и доходом через Интернет, называют электронными фрилансерами[3]. На наш взгляд, феномен электронного фриланса и соответствующие ему удалённые автономные работники требуют более детального рассмотрения.

Такие работники обладают значительной автономией в организации своих трудовых процессов – от выбора промежутков рабочего времени до самостоятельной организации поиска заказов. Как правило, электронных фрилансеров можно отнести к представителям «экономики навыков», которая подразумевает уход от традиционной связи получения профессионального образования и успешности карьеры. В «экономике навыков» фокус внимания в процессах трудоустройства смещается на конкретные умения или «скиллы»

[1] Короленко Ю.Н. Цифровая занятость: состояние и регулирование на российском рынке труда / Ю.Н. Короленко, Е.В. Романюк // Научный результат. Экономические исследования. 2025. №2. С. 93.

[2] Удаленная работа в России: сколько сотрудников работает из дома и что думают работодатели, по данным ВЦИОМ и ВШЭ [Электронный ресурс] // AdPass. 2025. URL: https://adpass.ru/udalennaya-rabota-v-nbsp-rossii-skolko-sotrudnikov-rabotaet-iz-nbsp-doma-i-nbsp-chto-nbsp-dumayut-rabotodateli-po-nbsp-dannym-vtsiom-i-nbsp-vshe/?ysclid=maw8ob1q4436911982 (Дата обращения: 10.09.2025).

[3] Стребков Д.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Отв. ред.: В.В. Радаев. Вып. 16. / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук, М.О. Спирина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 20.

кандидатов. Представителями электронного фриланса являются программисты, дизайнеры, веб-разработчики, переводчики, специалисты по работе с искусственным интеллектом и т.п. Продукт, который они производят, носит зачастую цифровой характер.

Чаще всего они легализуют свою трудовую деятельность, вставая на налоговый учёт как самозанятые или индивидуальные предприниматели. Нерешённой проблемой, связанной с данным сегментом занятых, является нахождение значительного числа таких удалённых автономных работников вне официального трудоустройства, в «теневом» секторе экономики. Однако, в этой области в последние годы произошли существенные сдвиги, прежде всего, в связи с появлением, уже упомянутой нами выше, возможности для фрилансеров получить юридический статус самозанятого и официально уплачивать «налог на профессиональный доход» (реализуется с 2019 года с налоговыми ставками 4-6%).

Обозначенное выше наталкивает на то, что электронные фрилансеры могут иметь прекарные черты социально неустроенной прослойки общества, но ряд исследователей рассматривают их скорее как «странствующих экспертов», имеющих преимущества перед традиционно занятыми работниками и являющихся императивом экономического развития[1]. Н. Симоес, С.Б. Морейра и Н. Креспо, обобщая разрозненный эмпирический опыт, также обращают внимание на значение человеческого капитала выбирающих самозанятость работников. Пока представители с более низким уровнем человеческого капитала (авторы рассматривают его, прежде всего, в категориях образования, навыков и опыта) «выходят» в самозанятость вынужденно, самостоятельно занятые работники, умеющие более высокий уровень образования и «скиллов», к которым можно отнести электронных фрилансеров, ищут в свободе и автономии большие возможности и заработок, чем в найме[2].

Таким образом, можно сделать вывод о влиянии цифровизации занятости, проходящей в соответствии с процессами социокультурного развития, на сферу труда и усложнения социальной дифференциации в обществе.

Список литературы

1. Камарова Т.А., Тонких Н. В. Цифровая занятость: классификация и гендерная специфика / Т.А. Камарова, Н.В. Тонких // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. №3 (67). С. 22-30.

1 Карпова Г.Г. Социальная незащищенность фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие / Г.Г. Карпова, А.С. Убогова, А.А. Федосеева // INTER. 2019. № 19. С. 67.

[2] Simoes N. Individual Determinants of Self-Employment Entry – What Do We Really Know? / N. Simoes, S.B. Moreira, Тю Crespo // Journal of Economic Surveys. 2013. №30 (4). С. 14.

2. Карпова Г.Г. Социальная незащищенность фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие / Г.Г. Карпова, А.С. Убогова, А.А. Федосеева // INTER. 2019. № 19. С. 62-80.

3. Короленко Ю.Н. Цифровая занятость: состояние и регулирование на российском рынке труда / Ю.Н. Короленко, Е.В. Романюк // Научный результат. Экономические исследования. 2025. №2. С. 94-106.

4. Стребков Д.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Отв. ред.: В.В. Радаев. Вып. 16. / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук, М.О. Спирина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. 225 с.

5. Удаленная работа в России: сколько сотрудников работает из дома и что думают работодатели, по данным ВЦИОМ и ВШЭ [Электронный ресурс] // AdPass. 2025. URL: https://adpass.ru/udalennaya-rabota-v-nbsp-rossii-skolko-sotrudnikov-rabotaet-iz-nbsp-doma-i-nbsp-chto-nbsp-dumayut-rabotodateli-po-nbsp-dannym-vtsiom-i-nbsp-vshe/?ysclid=maw8ob1q4436911982 (Дата обращения: 10.09.2025).

6. Simoes N. Individual Determinants of Self-Employment Entry – What Do We Really Know? / N. Simoes, S.B. Moreira, T. Crespo // Journal of Economic Surveys. 2013. №30 (4). P. 783-806.

E.I. Elyshev

DIGITALIZATION OF EMPLOYMENT: REMOTE FORMS OF LABOR RELATIONS IN THE AGE OF TECHNOLOGY

This article examines sociocultural developments in the context of the digitalization of employment, highlighting numerous changes in labor relations. Various forms of digital employment are identified and described, including freelancing, remote work, hybrid work, and platform work, each with unique characteristics. The phenomenon of electronic freelancing and the corresponding remote, autonomous workers, representing a "skills economy" and transforming traditional labor models, are explored in more detail.

Keywords: digital employment, remote work, freelancing.

УДК 316.344.5:331.105.3 (470.53)

А.А. Зуев

КАРЬЕРНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВОВ ДЛЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматриваются карьерные траектории молодых ученых Пермского края в период развития высокотехнологичных секторов цифровой экономики. В результате использования сравнительно-качественного анализа, был сделан вывод, что карьера в науке мотивирована интеллектуальной самореализацией, тогда как переход в сектор ИТ обусловлен финансовыми выгодами. Программы поддержки молодых исследователей преимущественно представлены на федеральном уровне, наблюдается дефицит региональных мер. Сделан вывод, что необходима качественная работа в области разработки региональной научной политики, направленная на профессиональную реализацию и учитывающая мотивационные запросы молодых исследователей.

Ключевые слова: молодые ученые, мотивы труда, научная карьера, цифровая экономика, рынок труда, Пермский край.

Бурное развитие цифровой экономики позволяет высококвалифицированной молодежи легко менять карьерные траектории, не делая выбор исключительно в пользу научной деятельности. Подтверждает низкую заинтересованность в научной деятельности исследование НИУ ВШЭ, согласно которому в 2024 году защитилось только 10,5% выпускников аспирантуры[1].

Актуальность исследования обусловлена растущей конкуренцией на рынке труда за высококвалифицированные кадры. В условиях быстроразвивающихся высокотехнологичных секторов экономики все больше представителей молодежи делает выбор в пользу альтернативной занятости. Понимание мотивационных факторов выбора карьерных траекторий становится ключевым для развития научного-технического потенциала Пермского края.

Цель исследования – провести сравнительный анализ мотивов молодых ученых Пермского края, определяющих выбор в пользу научной деятельности либо альтернативной занятости в цифровой экономике.

Методологическая основа исследования – сравнительный качественно-количественный анализ, включающий анализ статистических данных, а также научных работ и документов, в которых отражены мотивы перехода аспирантов,

© Зуев А.А., 2026

[1] Эффективность аспирантуры: в поисках нового подхода к оценке [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/1081326856.html?ysclid=mghtdq7axe515817777 (Дата обращения 08.10.2025).

исследователей, молодых ученых из науки в сферу информационных технологий, маркетинг и другие секторы цифровой экономики.

В докладе о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации говорится, что около 30-50% молодых людей уходят из науки в первые годы работы в более доходные сферы экономики, т.к. именно в начале научного пути они сталкиваются с основными проблемами[1].

За последние годы наблюдается тенденция к снижению числа исследователей в возрасте до 29 лет, тогда как заметный прирост произошел в категории от 30 до 39 лет[2]. Это говорит о том, что молодежь в начале карьерного пути сталкивается барьерами, которые не в состоянии решить и уходит в более перспективные и высокотехнологичные сферы экономики. Но преодолев определенный стаж, молодой человек уже надолго закрепляется в качестве ученого.

Тема мотивации труда ученых уже была затронута в работах М. Вебера, А.В. Павлова, Е.В. Васильевой и других исследователей. Например, Н.А. Шматко и Г.Л. Волкова в своей работе разделили мотивы ученых на три группы – личностные, социальные и материальные. В личностной категории лежит потребность индивида в творчестве и познании, стремлении реализовать свой «собственный исследовательский интерес». В социальных мотивах ключевыми целями являются занятие статусной позиции в обществе, построение научной карьеры, а также «служение обществу». К материальным мотивам относят достойную оплату труда и финансовое стимулирование по результатам работы. Такие мотивы, по мнению исследователей, занимают второстепенную позицию по отношению к остальным мотивам и лишь дополняют их[3]. В исследовательской работе О.С. Иванченко материальные мотивы при построении научной карьеры также не являются ключевыми. По результатам исследования мотив «материальной обеспеченности» расположился на третьем месте по своей значимости, значительно уступая удовлетворению от профессии и возможностью карьерного роста[4].

При этом, сами молодые ученые указывают на проблему оттока молодых исследователей из науки. К основным проблемам они относят низкие реальные зарплаты научных сотрудников, недостаточное финансирование исследований и инфраструктуры, сокращение возможностей для карьерного развития молодых

[1] В РАН заявили, что до 50% молодых ученых уходят из науки в первые годы работы [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «ТАСС». URL: https://tass.ru/obschestvo/11893729 (Дата обращения 02.10.2025).

[2] Павлова Е.В. Мотивация научной деятельности: классификация и факторы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №4. С. 103-108.

[3] Шматко Н.А. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых / Н.А. Шматко, Г.Л. Волкова // Форсайт. 2017. Т. 11. № 2. С. 54-66.

[4] Михалкина Е.В. Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? / Е.В. Михалкина, Л.С. Скачкова // TERRA ECONOMICUS. 2018. №4. С. 116-129.

ученых[1]. Это также подтверждается в работе С.Д. Резника – мотивация выпускников аспирантуры продолжать карьеру в науке или вузе подорвана комплексом материальных факторов[2].

В результате многие молодые специалисты используют обучение в очной аспирантуре в качестве «временного убежища» до наступления более благоприятных времен или условий для своего желаемого карьерного развития[3]. Некоторые исследования подтверждают формирование нового типа ученого – «бизнесмен в науке». Для них внутриличностная мотивация не так важна, как материальная выгода. Их первоочередные цели: поиск заказов на научно-исследовательские работы, участие в грантовых конкурсах и другие способы привлечения финансирования. Их деятельность больше относится к предпринимательской, с другой стороны, она позволяет не сокращать научный коллектив.

Выходит, что наука привлекает возможностью реализовать свои интересы, но не удерживает этим мотивом, упираясь в материальную составляющую.

В Пермском крае ситуация аналогична общероссийской – молодежь уходит из науки, потому что ей заниматься бесперспективно. Среди причин этому выделяют низкий уровень заработной платы, невозможность вести разработки прорывных технологий, бюрократические барьеры и неуверенность в том, что разработка сможет найти применение на практике[4].

Молодые люди из науки ищут иные способы самореализации в карьере. В цифровой экономике ИТ становятся наиболее предпочтительным сектором для развития специалистов. В Пермском крае он широко представлен различными крупными ИТ-компаниями. Молодых высококвалифицированных специалистов легко переманивают HR-менеджеры ИТ-кластера, предлагая выгодные условия работы.

В регионе реализуется ряд мероприятий национального проекта «Молодежь и дети», связанных с привлечением молодежи в научные исследования: Передовые инженерные школы, «Приоритет-2030», создание молодежных лабораторий и сети кампусов[5]. С 2019 года действует Пермский НОЦ «Рациональное недропользование», созданный в рамках нацпроекта

[1] Открытое письмо научных работников о проблемах финансирования науки в России [Электронный ресурс] // Троицкий вариант – наука. URL: https://www.trv-science.ru/2021/03/otkrytoe-pismo-nauchnyx-rabotnikov/ (Дата обращения 03.10.2025).

[2] Резник С.Д. Аспирантура: как повысить ее эффективность // Университетское управление: практика и анализ. 2015. №4 (98). С. 106–116.

[3] Литвинюк А.А. Особенности мотивационного профиля молодых специалистов, ориентирующихся на деятельность в креативных и инновационных сферах экономики // Социально-трудовые исследования. 2021. №1 (42) С. 112-125.

[4] Зуев А.А., Поддержка молодых ученых в пермском крае: формы и оценка их эффективности / А.А. Зуев, А.Ю. Внутских // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. №1 (4). С. 166-177.

[5] Национальный проект «Молодежь и дети» [Электронный ресурс] // Минобрнауки России. URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/molodezh_deti/ (Дата обращения 08.10.2025).

«Наука и университеты». В проектах отмечается важным создать среду для подготовки молодых специалистов технических и естественнонаучных направлений высшей квалификации, обеспечив им доступ к ресурсам и условия для реализации смелых идей.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод: молодежь, которая не задерживается в науке, мотивирована на получение быстрого материального обогащения и вертикального карьерного роста. Заниматься наукой продолжают те, для кого материальные мотивы второстепенны.

Существующий механизм поддержки молодых ученых в Пермском крае направлен в основном на представителей технических и естественнонаучных направлений, оставляя за рамками молодых исследователей в социально-гуманитарной сфере, которые в условиях цифровой трансформации также сталкиваются с активным предложением альтернативной занятости.

Федеральные программы, подкрепленные значительными финансовыми ресурсами, позволяют удерживать отток молодых исследователей из научных учреждений. В то же время в регионе наблюдается дефицит собственных региональных мер поддержки.

Таким образом, для сохранения научного потенциала Пермского края требуется адаптация региональной научной политики через создание гибридных форм профессиональной реализации, учитывающих комплекс мотивационных запросов молодых исследователей.

Список литературы

1. В РАН заявили, что до 50% молодых ученых уходят из науки в первые годы работы [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство «ТАСС». URL: https://tass.ru/obschestvo/11893729 (Дата обращения 02.10.2025).

2. Зуев А.А., Поддержка молодых ученых в Пермском крае: формы и оценка их эффективности / А.А. Зуев, А.Ю. Внутских // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. №1 (4). С. 166-177.

3. Литвинюк А.А. Особенности мотивационного профиля молодых специалистов, ориентирующихся на деятельность в креативных и инновационных сферах экономики // Социально-трудовые исследования. 2021. №1 (42) С. 112-125.

4. Михалкина Е.В. Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? / Е.В. Михалкина, Л.С. Скачкова // TERRA ECONOMICUS. 2018. №4. С. 116-129.

5. Национальный проект «Молодежь и дети» [Электронный ресурс] // Минобрнауки России. URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/molodezh_deti/ (Дата обращения 08.10.2025).

6. Открытое письмо научных работников о проблемах финансирования науки в России [Электронный ресурс] // Троицкий вариант – наука. URL: https://www.trv-science.ru/2021/03/otkrytoe-pismo-nauchnyx-rabotnikov/ (Дата обращения 03.10.2025).

7. Павлова Е.В. Мотивация научной деятельности: классификация и факторы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №4. С. 103- 108.

8. Резник С.Д. Аспирантура: как повысить ее эффективность // Университетское управление: практика и анализ. 2015. №4 (98). С. 106–116.

9. Шматко Н.А. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых / Н.А. Шматко, Г.Л. Волкова // Форсайт. 2017. Т. 11. № 2. С. 54-66.

10. Эффективность аспирантуры: в поисках нового подхода к оценке [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/1081326856.html?ysclid=mghtdq7axe515817777 (Дата обращения 08.10.2025).

A.A. Zuev

CAREER CHOICES OF YOUNG SCIENTISTS IN THE PERM KRAI: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MOTIVES FOR SCIENTIFIC WORK AND ALTERNATIVE EMPLOYMENT IN THE DIGITAL ECONOMY

This article examines the career trajectories of young scientists in the Perm Krai against the backdrop of developing high-tech sectors in the digital economy. A comparative qualitative analysis revealed that a career in science is motivated by intellectual self-realization, whereas a transition to the IT sector is driven by financial benefits. The study finds that support programs for young researchers are predominantly available at the federal level, highlighting a deficit of regional measures. It is concluded that substantial work is needed to develop a regional science policy aimed at facilitating professional fulfillment and accommodating the motivational demands of young researchers.

Keywords: young scientists, work motivations, scientific career, digital economy, labor market, Perm Krai.

УДК 378.6

М.Н. Кичерова, Д.Р. Насибуллин

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КВАЛИФИКАЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОСИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Рассматриваются социальные процессы, связанные с реализацией независимой оценки квалификаций. На основе анализа экспертных интервью показаны преимущества и ограничения внедрения в России процедуры независимой оценки квалификаций. Результаты исследования показали, что в экспертном дискурсе акцентируются позитивные эффекты независимой оценки квалификаций для государства, работодателей и соискателей. Среди барьеров и ограничений отмечены потребность в обновлении оценочных материалов, короткий горизонт планирования потребности в кадрах, необходимость повышения в общественном сознании роли свидетельства о независимой оценке квалификаций. Внедрение процедуры независимой оценки квалификаций позитивно влияет на развитие человеческого потенциала и способствует формированию национальной экосистемы непрерывного образования взрослых.

Ключевые слова: образование взрослых, независимая оценка квалификаций, компетенции, человеческий потенциал, рынок труда.

Переход к новому технологическому укладу связан с изменением концепции в управлении человеческими ресурсами: от человеческого капитала (утилитарных установок на экономическую полезность) фокус смещается на развитие человеческого потенциала. В связи с этим растет запрос на непрерывное обучение взрослых, включая их личностное и профессиональное развитие. Образовательное пространство стремительно расширяется, появляются новые поставщики образования, платформы-интеграторы открытых онлайн-курсов, растет сегмент неформального образования и EdTech. Образовательный ландшафт меняется, приобретая свойства образовательной экосистемы, для описания которой требуется специальный междисциплинарный тезаурус[1]. В образовательной экосистеме гибко взаимодействуют разнообразные поставщики услуг (провайдеры формального и неформального образования, корпоративные университеты, школы интернет-профессий, EdTech), преобладают горизонтальные связи, самоорганизация и коэволюция участников. Востребованные на рынке труда компетенции можно быстро получить в неформальном обучении и на рабочем месте, при этом требуется легитимное

© Кичерова М.Н., Насибуллин Д.Р. 2026

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23–78-10085, https://rscf.ru/project/23-78-10085/

[1] Семенов М. Ю. Экосистема образования взрослых: конструирование терминологического поля и междисциплинарного тезауруса / М.Ю. Семенов, М.Н. Кичерова, И.С. Трифонова // Образование и наука. 2024.Т.26. № 3. С.12-39

признание полученных профессиональных навыков – формируется запрос на независимую оценку квалификаций.

Обзор исследований свидетельствует, что независимая оценка квалификаций имеет более длительную историю в зарубежных странах[1]. В России процедура применяется с 2017 года. К настоящему времени создана необходимая инфраструктура: открыты региональные Центры оценки квалификаций, оборудованы площадки для проведения демонстрационного экзамена, разработана нормативно-правовая база, методические рекомендации. По состоянию на 2025 год в Российской Федерации действует 510 Центров оценки квалификаций в 89 субъектах РФ, оборудованы 1351 экзаменационная площадка для проведения демонстрационного экзамена, процедуру независимой оценки прошли 571332 человека, по результатам выдано 369291 свидетельства о квалификации[2]. Ежегодно увеличивается число регионов, где проводится независимая оценка квалификаций, созданы цифровые ресурсы для участников национальной системы квалификаций. Несмотря на достигнутые результаты, многие процессы, связанные с внедрением независимой оценки квалификаций, сопровождаются трудностями и противоречиями, требуют всестороннего изучения.

Для выявления преимуществ и ограничений, обусловленных внедрением независимой оценки квалификаций, было реализовано исследование. Методологической рамкой выступил экосистемный подход к оценке социальных процессов в сфере образования взрослых. Эмпирической базой послужили данные экспертных интервью, опубликованные в открытом доступе (n=10), в которых обсуждались вопросы формирования национальной системы квалификаций и непосредственно процедуры независимой оценки, а также статистика и аналитические отчеты, представленные в открытом доступе на официальных сайтах Центров оценки квалификаций.

Результаты исследования показали, что:

Современная система образования взрослых представляет собой сложное, многоуровневое явление, организованное по принципу образовательной экосистемы. Экосистема образования взрослых как открытое образовательное пространство должна включать не только разнообразных поставщиков услуг, но и возможность признания навыков, полученных в неформальном обучении и на рабочем месте, независимая оценка квалификаций может стать действенным механизмом в экосистеме образования взрослых.

---

[1] Кичерова М.Н. Независимая оценка квалификаций: российский и зарубежный опыт / М.Н.Кичерова, А.П.Симакова, О.С.Зенкова // Caucasian Science Bridge. 2024. №7(3). С.43-54.

[2] Реестр сведений о проведении независимой оценки квалификации. URL: https://nok-nark.ru/ (дата обращения 17.09.2025)

В экспертном дискурсе акцентируется внимание на том, что процедура обеспечивает объективную профессиональную оценку независимо от сферы деятельности, имеет позитивный эффект для всех участников: для государства (обеспечение качества трудовых ресурсов), для работодателей (снижение издержек, связанных с обучением работников, повышение надежности производственных процессов), для соискателей (оценка профессиональной готовности для выхода на рынок труда, признание навыков, подтвержденных документом государственного образца).

По мнению экспертов основными преимуществами внедрения независимой оценки квалификаций является возможность оценки навыков в тех секторах экономики, где был ослаблен государственный контроль (например, независимая оценка квалификаций стала обязательным требованием в строительной отрасли[1]), где профессиональная деятельность связана с особыми требованиями к безопасности, для новых перспективных отраслей и профессий. Практики независимой оценки квалификаций способствуют новым точкам сопряжения между сферой образования и рынком труда.

Среди ограничений и барьеров, проявляющихся при внедрении независимой оценки квалификаций, отмечены потребность в переработке и обновлении оценочных материалов, короткий горизонт планирования при оценке потребности в кадрах, необходимость повышения в общественном сознании роли свидетельства о независимой оценке квалификаций[2].

Таким образом, проведенное исследование показало, что независимая оценка квалификаций становится одним из элементов экосистемы образования взрослых, выполняя важнейшие функции признания и оценки профессиональных навыков. Выявленные тренды, связанные с увеличением количества Центров оценки квалификаций, разработкой новых профессиональных стандартов позволяют говорить о наметившихся институциональных изменениях в обучении взрослых, что может позитивно повлиять на развитие человеческого потенциала, способствовать диверсификации экономики при переходе к новому технологическому укладу. Полученные результаты могут иметь практическое применение для специалистов в области управления человеческими ресурсами, для преодоления квалификационного разрыва на рынке труда, для создания экспериментальных

[1] Ширинова Э. НОСТРОЙ рассказал о планах по развитию НОК: для кого еще введут обязательный профэкзамен (интервью с А. Глушковым) / Э. Ширинова // Информационный портал «Все о саморегулировании». – 2024. – URL: https://www.all-sro.ru/news/nostroy-rasskazal-o-planakh-po-razvitiyu-nok-dlya-kogo-eshche-vvedut-obyazatelnyy-profekzamen/ (дата обращения 17.09.2025)

[2] Опубликовано интервью с экспертами НСК Челябинской области (интервью с Т. Калугиной и Т. Ширшовой). – URL: https://nark.ru/news/news_nark/opublikovano-intervyu-s-ekspertami-nsk-chelyabinsk/. (дата обращения 17.09.2025)

площадок обучения взрослых по востребованным видам профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Кичерова М.Н. Независимая оценка квалификаций: отечественный и зарубежный опыт / М.Н. Кичерова, А.П. Симакова, О.С. Зенкова // Caucasian Science Bridge. 2024. №7(3). С.43-54. https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.4

2. Опубликовано интервью с экспертами НСК Челябинской области (интервью с Т. Калугиной и Т. Ширшовой). – URL: https://nark.ru/news/news_nark/opublikovano-intervyu-s-ekspertami-nsk-chelyabinsk/(дата обращения 17.09.2025)

3. Реестр сведений о проведении независимой оценки квалификации. URL: https://nok-nark.ru/ (дата обращения 17.09.2025)

4. Семенов М. Ю. Экосистема образования взрослых: конструирование терминологического поля и междисциплинарного тезауруса // М.Ю. Семенов, М.Н.Кичерова, И.С. Трифонова // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 3. С. 12–39. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-12-39

5. Ширинова Э. НОСТРОЙ рассказал о планах по развитию НОК: для кого еще введут обязательный профэкзамен (интервью с А. Глушковым) // Информационный портал «Все о саморегулировании». – 2024. – URL: https://www.all-sro.ru/news/nostroy-rasskazal-o-planakh-po-razvitiyu-nok-dlya-kogo-eshche-vvedut-obyazatelnyy-profekzamen/ (дата обращения 17.09.2025)

M.N. Kicherova, D.R. Nasibullin

INDEPENDENT ASSESSMENT OF QUALIFICATIONS AS AN ELEMENT OF THE ADULT EDUCATION ECOSYSTEM

The paper examines social processes related to the implementation of independent qualification assessment. Based on the analysis of expert interviews, the study highlights the advantages and limitations of introducing the procedure of independent qualification assessment in Russia. The findings show that in expert discourse, the positive effects of independent qualification assessment are emphasized for the state, employers, and applicants. Among the barriers and constraints identified are the need to update assessment materials, the short planning horizon for labor market demand, and the necessity of raising public awareness of the role of the qualification assessment certificate. The introduction of independent qualification assessment procedures has a positive impact on the development of human potential and contributes to the formation of a national ecosystem of lifelong adult education.

Keywords: adult education, independent qualification assessment, competencies, human potential, labor market.

УДК 316.354:351/354

И.И. Корсун

ОРИЕНТАЦИЯ НА ПРЕКАРНУЮ ЗАНЯТОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЧИНАЮЩИХ И АКТИВНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В IT-ОТРАСЛИ

В статье проведен сравнительный анализ ориентаций на прекарную занятость молодежи (n=641), которая только включается в профессионально-трудовую сферу, и работников IT-отрасли (n=312). На основе анализа данных опроса выявлено фундаментальное различие в трудовых установках. В то время как начинающие специалисты демонстрируют высокую готовность к нестабильной занятости, активные профессионалы в IT-сфере проявляют выраженный стратегический консерватизм. Материалы исследования свидетельствуют о наличии эффекта профессионального капитала, который нивелирует привлекательность полной прекаризации даже на фоне высокой ценности автономии. Анализ открытых ответов респондентов позволил выявить новое измерение прекарности — хроническую тотальность труда, ведущую к самоэксплуатации.

Ключевые слова: прекарная занятость, ориентация на прекарную занятость, трудовая мотивация, молодежь, IT-специалисты, фриланс, сравнительный анализ, профессиональный капитал, самоэксплуатация.

Современный рынок труда характеризуется масштабной трансформацией, ключевым вектором которой является распространение гибких, зачастую нестабильных форм занятости. Данный процесс, получивший название прекаризации, порождает новые вызовы для систем управления мотивацией, основанных на логике долгосрочной лояльности и организационной идентификации.

Теоретической основой исследования выступает синтез двухфакторной теории Ф. Герцберга и теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. С позиций теории самодетерминации, прекарная занятость создает парадоксальную ситуацию: предоставляя формальную автономию, она систематически фрустрирует потребности в связанности (из-за отсутствия устойчивых профессиональных связей и команды) и компетентности (из-за фрагментарности профессионального развития), что в конечном счете подрывает внутреннюю мотивацию[1]. Также стоит учитывать влияние экономической ситуации, при которой спад экономики актуализирует двухфакторную модель Герцберга: в условиях экономической нестабильности и роста прекарности гигиенические

© Корсун И.И., 2026

[1] Ryan, R.M. and Deci, E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78.

факторы (стабильность дохода, социальные гарантии) вновь выходят на первый план, вызывая «гигиенический сдвиг» в мотивационной структуре[1].

В соответствии с теоретической рамкой, инструментарий исследования был направлен на измерение: 1) установок на различные формы занятости (для выявления «гигиенического сдвига»), 2) структуры трудовых ценностей (для анализа баланса инструментальных и нематериальных мотиваторов), 3) восприятия рисков прекарности (для верификации фрустрации базовых потребностей по Деси-Райану).

Сравнительный анализ проводился на основе данных двух количественных опросов. Первое исследование – это онлайн-анкетирование IT-специалистов (n=312), проведенное в августе-сентябре 2025 года. Выборка включает сотрудников крупных IT-компаний в возрасте от 20 до 62 лет. Второе исследование – онлайн-опрос молодежи Свердловской области в возрасте 18-30 лет (n=641), проведенный в 2024 году. Помимо закрытых вопросов, респондентам была предоставлена возможность в открытой форме указать иные негативные аспекты работы независимым профессионалом. Качественный контент-анализ 30 полученных текстовых ответов позволил выявить дополнительные факторы.

Сравнительный анализ данных выявил фундаментальные различия в трудовых установках двух групп. Молодое поколение демонстрирует высокую толерантность к нестабильной занятости: 61,8% предпочитают неполную или нерегулярную занятость. Среди IT-специалистов доля реально совмещающих постоянную работу с фрилансом значительно ниже – 30,1%. Однако ключевое различие проявляется в готовности к полному переходу на фриланс. Среди молодежи 60% были готовы или скорее готовы к этому шагу, тогда как среди IT-специалистов такая готовность выражена лишь у 8%. Это свидетельствует о стратегическом консерватизме профессионалов, обладающих значительным человеческим капиталом.

Таблица

Сравнительный анализ установок на прекарную занятость среди начинающих и активных IT-специалистов

Критерий сравнения	Начинающие специалисты, n=641	Активные IT-специалисты, n=312
Установка на нестандартную занятость	61,8% предпочитают нерегулярную занятость	30,1% совмещают постоянную работу с фрилансом
Готовность к полному переходу на фриланс	60%	8%

[1] Herzberg, F., Mausner, B. and Snyderman, B.B. The Motivation to Work. – New York : Wiley, 1959. – 157 p.

Маркеры привлекательности фриланса	Удобный график (57,3%), свобода выбора (52,3%)	Свобода выбора проектов (59,3%), удобный график (52,9%)
Восприятие экономического риска	Нестабильность дохода (72,1%)	Нестабильность дохода (83,7%)
Восприятие коммуникационного риска	Отсутствие общения с коллегами (28,5%)	Отсутствие команды, общения (45,5%)

Экономические риски лидируют в обеих группах, но их острота выше среди IT-специалистов. Анализ открытых ответов (n=30) позволил выявить темы, остававшиеся за рамками стандартизированного опросника, которые мы структурировали в три ключевых кластера: правовая и административная уязвимость; коммуникационные издержки и ролевой стресс; размывание границ между трудом и личной жизнью. Примечательно, что именно проблемы, связанные с нарушением баланса личной жизни, составили наиболее многочисленный и содержательно насыщенный блок самостоятельно описанных респондентами трудностей. Упоминания о постоянной доступности и утрате чувства выходных свидетельствуют о том, что хроническая тотальность трудовой деятельности воспринимается как один из наиболее деструктивных факторов прекарной занятости.

Также проведенный анализ выявил четкую иерархию трудовых мотиваторов среди IT-специалистов. Полученные данные позволяют выделить три группы ценностей. Первая группа – доминирование инструментальных и социально-гигиенических мотиваторов. На первом месте со значительным отрывом находится высокий доход, материальное благополучие (M=4.59). Этот фактор не только обладает наивысшим средним баллом, но и демонстрирует наибольший консенсус в группе, о чем свидетельствует самое низкое стандартное отклонение (SD=0.71). Столь же высокую значимость имеют комфортные условия труда (M=4.19) и возможность реализовать свой потенциал (M=4.13). Вторая группа – умеренная значимость карьерных и социальных аспектов. Сюда вошли ориентации на карьерный рост, стабильность и хороший социально-психологический климат. Примечательно, что безопасность, стабильность, социальные гарантии (M=3.98) оказались практически равны по значимости показателю возможности построить карьеру (M=4.03). Третья группа – периферийные ценности: альтруизм, влияние и корпоративная идентичность. Наименьшую значимость респонденты присвоили ценностям, связанным с влиянием на других, разделением миссии компании и альтруистическими мотивами. Особенно показателен низкий рейтинг миссии компании (M=2.89). Отсюда, можно сделать следующий вывод: структура

трудовых ценностей IT-специалистов носит выраженный инструментально-индивидуалистический характер.

Проведенное сравнение позволяет выявить качественное различие в природе прекарных установок. Выявленный контраст свидетельствует о существовании эффекта профессионального капитала: чем выше квалификация, опыт и стабильная позиция на рынке труда, тем ниже готовность к полной прекаризации, несмотря на высокую ценность автономии. IT-специалисты не отвергают прекарные формы, но используют их избирательно, в рамках гибридной стратегии для повышения своего дохода (87%) и получения новых навыков (50%).

Кроме того, в отличие от начинающих специалистов, для которых характерна доминанта инструментальной мотивации, у активных профессионалов формируется сбалансированная мотивационная система, где материальные стимулы интегрированы в комплекс ценностей, включающий самореализацию и комфорт.

Анализ открытых ответов выявил качественно новое измерение рисков – хроническую тотальность труда. Это позволяет расширить классические модели прекариата, добавив к экономическому и социальному измерениям личностно-временное измерение, где основной ценой автономии становится размывание границ между трудом и отдыхом, ведущее к самоэксплуатации.

Универсальные модели мотивации сегодня оказываются неэффективными. Для высококвалифицированных специалистов управление должно быть направлено на легитимацию гибридных стратегий, создание насыщенной профессиональной среды и разработку систем вознаграждения, признающих комплексность их мотивационной структуры. Осознание рисков самоэксплуатации требует от организаций развития корпоративных практик, направленных на защиту личного времени сотрудников.

Список литературы

1. Herzberg, F., Mausner, B. and Snyderman, B.B. The Motivation to Work. – New York : Wiley, 1959. – 157 p.

2. Ryan, R.M. and Deci, E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78.

I.I. Korsun

ORIENTATION TOWARDS PRECARIOUS EMPLOYMENT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF NOVICE AND ESTABLISHED IT SPECIALISTS

The article presents a comparative analysis of orientations towards precarious employment among two groups: young individuals (n=641) who are just entering the professional workforce and established workers in the IT industry (n=312). The survey data analysis reveals a fundamental difference in work attitudes. While novice specialists demonstrate a high readiness for unstable employment, established IT professionals exhibit pronounced strategic conservatism. The research findings indicate the presence of a professional capital effect, which mitigates the appeal of full precarization, even against a background of high value placed on autonomy. The analysis of respondents' open-ended responses uncovered a new dimension of precarity — the chronic totality of work, leading to self-exploitation.

Keywords: precarious employment, orientation towards precarious employment, work motivation, youth, IT specialists, freelancing, comparative analysis, professional capital, self-exploitation.

УДК 331.56

Е.А. Кузнецов

ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА И ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЁЖИ

В статье рассматриваются ключевые проблемы трудоустройства молодёжи в России, включая структурные дисбалансы между образованием и требованиями рынка труда, региональную дифференциацию занятости и психологические барьеры. Анализируются меры государственной поддержки, роль бизнеса и образовательных институтов в решении этих проблем.

Ключевые слова: молодёжная безработица, трудоустройство, государственная политика.

Данная тема актуальна, так как молодёжь, люди в возрасте от 14 до 35 лет, выступают ключевой силой на рынке труда, отличаясь высоким потенциалом, готовностью к переменам и энергичностью. Они характеризуются творческим мышлением, стремлением к инновационным решениям и способностью быстро адаптироваться к новым технологиям. В условиях цифровизации и глобализации безработица среди молодежи становится особенно актуальной проблемой. Рынок труда, который постоянно меняется под влиянием технологических инноваций, глобализации и трансформации социально-экономических условий, ставит молодых людей перед серьезными трудностями при поиске работы и начале профессиональной деятельности. Актуальность проблемы поиска работы для молодежи обусловлена рядом причин. Одна из них - молодёжь в возрасте от 18 до 30 лет является ключевой демографической группой-это связано с тем, что они впервые выходят на рынок труда, поэтому важно оказать им первоначальную поддержку и уменьшить количество барьеров трудоустройства. Однако именно эта категория населения чаще других страдает от структурной и фрикционной безработицы, вызванной несоответствием навыков выпускников требованиям работодателей. Во-вторых, последствия безработицы среди молодежи выходят за рамки экономики: они включают рост миграционных настроений, снижение уровня жизни, а в крайних случаях — радикализацию и маргинализацию. В-третьих, система образования зачастую отстает от динамики рынка труда, что усугубляет разрыв между теорией и практикой.

Молодёжный рынок труда — сегмент экономики, охватывающий спрос и предложение рабочей силы среди лиц 18–30 лет. Его особенности: преобладание «вчерашних» выпускников без практических навыков; высокие ожидания к заработной плате и карьерному росту; частая смена работы (фрикционная безработица). Специфика спроса: осторожность работодателей (риски

© Кузнецов Е.А., 2026

инвестиций в обучение); требования к гибким навыкам (soft skills) и цифровой грамотности. Программы господдержки (например, квотирование рабочих мест); деятельность центров занятости и карьерных служб вузов.

Стоит отметить колоссальное влияние образования на безработицу - несоответствие программ вузов и колледжей запросам рынка (например, избыток юристов при дефиците инженеров) приводит к структурной безработице. Зачастую работодатели требуют от выпускников навыки работы, которые редко преподаются на занятиях и производственно-учебных практиках. Автор считает, что отсутствие стажировок и проектного обучения также снижает конкурентоспособность выпускников. По данным НИУ ВШЭ (2023 г.), 40% работодателей считают, что вузы не готовят студентов к реальным задачам[1].

Трудоустройство молодёжи зависит и от спроса на рынке труда, например в периоды кризиса (например, пандемия COVID-19) в 2020 г. уровень молодежной безработицы в РФ вырос до 18% (против 12% в доковидный период), молодёжь страдает сильнее из-за сокращения временных и низкоквалифицированных позиций, которые они зачастую занимают при отсутствии желаемых рабочих мест. Тенденция развития цифровых технологий увеличивает спрос на IT-специалистов, тогда как традиционные сектора (промышленность, розница) сокращают рабочие места, условно на металлургический завод не нужно 5специалистов-сверловщиков, нужен 1IT-специалист, который напишет программу для станка. В Москве и Санкт-Петербурге сосредоточено 60% вакансий для молодых специалистов по данным HeadHunter, 2023 — это связно с тем, что в моногородах и сельской местности выбор вакансий ограничен, что вынуждает молодёжь мигрировать[2].

Государство вносит свою лепту в трудоустройство выпускников, предоставив различные меры поддержки: квотирование рабочих мест - законодательное резервирование позиций для молодежи на предприятиях (например, квоты для выпускников-инвалидов). Программы трудоустройства «Первое рабочее место» (субсидии работодателям за прием молодых специалистов); «Старт карьеры» (стажировки в госучреждениях и госкомпаниях); Налоговые льготы, то есть снижение страховых взносов для компаний, нанимающих выпускников. Несмотря на различные поддержки от государства, выпускники сталкиваются с некоторыми проблемами, например бюрократические барьеры при участии в программах, недостаточное информирование молодежи о существующих мерах. Примером успешной программы является Республика Татарстан, в данном субъекте в 2022 г.

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Исследование подготовки выпускников. 2023

[2] HeadHunter. Анализ трудоустройства выпускников. 2023. URL: https://hh.ru

благодаря программе «Молодежная практика» трудоустроились 2,5 тыс. человек[1].

Не малое количество выпускников сталкиваются с психологическими барьерами — это проявляется в страхе отказа из-за «пустого» резюме, страхе пойти на собеседование, как следствие молодёжь старается, избегает конкуренции за должности, где это необходимо. По данным ВЦИОМ У 30% выпускников наблюдается синдром самозванца[2]. Молодёжи приходиться отказаться от трудоустройства в пользу таких профессий, как: курьер, грузчик, дворник, уборщик, посудомойка, разнорабочий и т.д. Это профессии, где трудоустроиться не составит труда, даже людям без образования. Другая категория выпускников с завышенными ожиданиями, желание получить высокую зарплату и статусную должность сразу после вуза, что не соответствует реалиям рынка.

Резюмируя все выше сказанное, мы можем сделать вывод, что даже при высоком образовательном уровне выпускник может остаться без работы из-за экономического спада (циклическая безработица) или психологических барьеров. Но есть и обратная сторона, помощь государства - госпрограммы способны компенсировать недостаток опыта, стимулируя работодателей к найму молодежи. В целом проблема трудоустройства молодых специалистов требует комплексного подхода, объединяющего реформу образования, адаптацию гос. политики к экономическим трендам и работу с психологическими установками молодого поколения.

Молодёжная безработица остается структурной проблемой, несмотря на общее снижение показателей. Региональные дисбалансы усугубляются миграцией в города и отсутствием (нехваткой) программ развития сельских территорий.

Разрыв между образованием и требованиями работодателей, учебные программы вузов и колледжей зачастую не успевают за изменениями рынка труда. Например, 67% работодателей в IT-сфере отмечают, что выпускникам не хватает навыков работы с современными инструментами (данные HeadHunter, 2023)[3]. Избыток юристов и экономистов при дефиците инженеров и data-аналитиков. Только 30% вузов включают в программы курсы по искусственному интеллекту или Big Data (исследование НИУ ВШЭ, 2023)[4]. В итоге выпускники тратят 6–12 месяцев на дополнительное обучение.

[1] Министерство труда Республики Татарстан. Отчет о программе «Молодежная практика». 2022.
[2] ВЦИОМ. Исследование психологических барьеров молодежи. 2023. URL: https://wciom.ru
[3] HeadHunter. Анализ трудоустройства выпускников. 2023. URL: https://hh.ru
[4] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Исследование подготовки выпускников. 2023

В следствии чего, мы можем отметить рост структурной безработицы (до 40% среди молодежи). Отсутствие программ стажировок и менторства - только 15% российских компаний предлагают оплачиваемые стажировки (по сравнению с 60% в ЕС). Из-за чего выпускники не в силах в полной мере конкурировать на рынке труда. Дискриминация (возраст, отсутствие опыта). 45% вакансий в РФ содержат требование «опыт работы от 3 лет», что исключает выпускников (анализ SuperJob, 2024). Работодатели считают молодёжь «ненадежной» из-за частой смены работы. В тоже время девушки сталкиваются с двойной дискриминацией: 30% работодателей неохотно берут женщин 20–25 лет из-за риска декрета. В итоге это приводит к тому, что молодёжь соглашается на низкооплачиваемые позиции без карьерных перспектив.

Положение молодёжи в обществе двойственно: она, с одной стороны, выступает главным проводником инноваций и новых идей, **но с другой — её социальная незрелость и недостаток практического опыта становятся барьером, делая её уязвимой в конкурентной борьбе за ресурсы, карьерные позиции и жизненные возможности с более старшими и устоявшимися группами. Этот «разрыв» между готовностью к новому и недостатком ресурсов часто определяет ключевые социальные вызовы, с которыми сталкивается молодое поколение.**

Список литературы

1. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Исследование подготовки выпускников. 2023[Электронный ресурс] URL: https://ege.hse.ru/ (Дата обращения 10.06.25)

2. HeadHunter. Анализ трудоустройства выпускников. 2023. [Электронный ресурс]URL: https://hh.ru (Дата обращения 10.06.2025)

3. Министерство труда Республики Татарстан. Отчет о программе «Молодежная практика». 2022. [Электронный ресурс] URL: https://clck.ru/3LYHh2 (Дата обращения 10.06.25)

4. ВЦИОМ. Исследование психологических барьеров молодежи. 2023. [Электронный ресурс]URL: https://wciom.ru(Дата обращения 10.06.25)

E.A. Kyznetsov

CHALLENGES OF YOUTH EMPLOYMENT

The article examines key issues of youth employment in Russia, including structural imbalances between education and labor market requirements, regional differentiation of employment, and psychological barriers. It analyzes government support measures, the role of business and educational institutions in solving these problems.

Keywords: youth unemployment, labor market, government policy.

УДК 378.145

О.В. Мороз

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАК ДИЗАЙНЕР ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

В статье рассмотрены основные направления деятельности преподавателя при создании цифрового контента в современных условиях обучении. Рассматриваются понятия креативности и педагогической цели в контексте разработки цифровых материалов. Анализируются возможности дизайна для использования в процессе обучения, мотивации студентов. Характеризуются компетенции преподавателя.

Ключевые слова: цифровой контент, преподаватель, компетенции.

Современное образование переживает значительные изменения: все чаще студенты переходят в цифровое пространство, преподаватели стараются процесс обучения персонализировать, сделать интерактивным и интересным, но нельзя забывать о том, что подобная информационная деятельность требует и от преподавателя новых навыков и компетенций. От государства, академической среды и системы образования в целом зависит умение адаптироваться к меняющимся требованиям рынка труда, обеспечить качество подготовки кадров и поддержку исследований. В этом контексте важно рассмотреть, как современный преподаватель формирует и реализует образовательный контент в соответствие с потребностями общества.

Преподаватель учится проектировать цифровой контент так, чтобы не просто передавались знания, а присутствовала и мотивационная составляющая. В соответствие с Концепцией развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021-2025 годы[1] традиционные компетенции не изменяются, а «…ориентируют на формирование у педагогических работников широкого спектра новых, востребованных временем компетенций, удовлетворяющих ожидания социума и нанимателей».

И преподаватель уже не только эксперт в своей области, но и дизайнер цифрового контента: нужно спланировать и объединить опыт и визуальный язык в соответствие с образовательной стратегией. Бесспорно, подобный подход позволяет создать доступную среду обучения, где каждый студент может двигаться в собственном темпе и выбирать тот формат, который удобен.

Вместе с этим, возникает дополнительная нагрузка на преподавателя, включающая, кроме традиционного целеполагания и проектирования

© Мороз О.В., 2026

[1] Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021-2025 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальный образовательный портал. URL: https://adu.by/images/2021/06/koncepcija-razvitija-pedagogicheskogo-obrazovanija.pdf (Дата обращения 25.09.2025). С. 12-14.

образовательных задач в соответствии с образовательной программой, необходимость создания комплексов материалов (конспекты лекций или презентации, видеоролики, интерактивные модули, инфографику, тестовые задания и иные формы визуального представления), также важно определить критерии оценки и возможности обратной связи. Техническим специалистам необходимо обеспечить доступность цифрового контента, в идеале полную адаптивность под различные устройства.

Понимание новых подходов к образованию и применение цифровых технологий является важным шагом для преподавателей, которые стремятся обеспечить своим студентам качественное и инновационное обучение.

Можно говорить о том, что цифровой контент представляет собой контент, созданный и распространенный в цифровом формате, включая текст, изображения, видео и аудио[1].

Рассмотрим, какими компетенциями должен обладать преподаватель или иметь возможность их развивать.

Педагогическая цель как результат взаимодействия педагога и учащегося, формируемая в сознании педагога в виде обобщенных мысленных представлений, в соответствии с которыми затем отбираются и соотносятся между собой все остальные компоненты педагогического процесса.[2]

Умение моделировать образовательные траектории, включая выбор форматов и инструментов (умение работать с изображениями, видео, аудио, анимацией, чтобы материалы были понятны и привлекательны); взаимосвязь сбора и анализа данных об успехах обучения для последующей адаптации материалов под результаты.

Умение давать конструктивную своевременную обратную связь, мотивировать и поддерживать студентов и соблюдение прав авторов, защиту данных студентов и этическое использование материалов.

Креативность как способность генерировать новые идеи, мысли, концепции и находить оригинальные решения проблем. В педагогике, креативность играет ключевую роль в развитии и совершенствовании образовательного процесса.[3]

В процессе работы над цифровым контентом необходимо четко понимать важность образовательного контекста, который включает несколько взаимосвязанных элементов.

---

[1] Цифровизация системы образования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Цели устойчивого развития в Беларуси. URL: https://sdgs.by/news/czifrovizacziya-sistemy-obrazovaniya/ (Дата обращения 20.09.2025)

[2] Коджаспирова Г.М., Словарь по педагогике. – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. 288.

[3] Зубайдова Н. Н. Роль креативности в педагогике / Н. Н. Зубайдова, Д. Муртазоева // Science and Education. 2023. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kreativnosti-v-pedagogike (дата обращения: 26.09.2025).

Какие знания и навыки студента должны быть приобретены в рамках данной дисциплины, какие барьеры существуют, какие форматы предпочтительнее.

Учебно-методическая карта, предполагающая четкую последовательность модулей или разделов, задачи (получаемые знания и навыки) и сроки контроля.

Важный блок по созданию содержания (включая визуализацию текстов) лекций и практических занятий, подготовку видеоматериалов (поиск или создание), разработку интерактивных элементов (игры, тестовые задания), примеры.

Немаловажное значение имеет дизайн интерфейса и визуальная идентичность, включая единый стиль и возможности навигации.

Ну и конечно, поддержка и обновление, как важный шаг саморазвития и мотивации, ведь регулярное обновление контента, добавление новых примеров и актуализация данных свидетельствуют о заинтересованности преподавателя в дисциплине и высоких успехах студентов.

Еще о чем следует помнить – это оценка эффективности дизайна. Цифровые лекции или задания не будут эффективно работать, если не осуществлять оценивание, например, через метрики вовлеченности (на платформах можно увидеть время, затрачиваемое на изучение, работу в рамках разделов, модулей; использование тестов позволит оценить достигаемые результаты обучения (сравнение до и после изучения материала) и другие характеристики.

Цифровое пространство предполагает также этические и профессиональные аспекты, требующие ответственности: корректное использование материалов, указание источников, защита личных данных, безопасная передача материалов, точность информации, соблюдение академических стандартов.

Нужно помнить, что в современном мире развитие технологий несет огромные возможности: искусственный интеллект, автоматизация, адаптивное обучение, расширенная реальность. И преподаватели в своей деятельности могут использовать все эти возможности для персонализации заданий, для создания адаптивных материалов и даже анализа данных об успеваемости тем самым продолжая и свое развитие, формируя новые подходы к обучению в условиях постоянно меняющейся среды.

Таким образом, преподаватель, становясь дизайнером цифрового контента образовательного процесса связывает цели обучения, методы, средства и оценки в единое целое, ориентированное на успешное усвоение знаний. Важно помнить, что дизайн контента постоянно развивается, и преподаватели должны быть

готовы адаптироваться и обновлять свои подходы, чтобы обеспечить наилучший опыт обучения для своих студентов.

И это не просто грамотный подбор материалов, это уже возможность для студента эффективного освоения знаний и развития компетенции, востребованных на рынке труда.

Список литературы

1. Зубайдова Н. Н. Роль креативности в педагогике / Н. Н. Зубайдова, Д. Муртазоева // Science and Education. 2023. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kreativnosti-v-pedagogike (дата обращения: 26.09.2025).

2. Коджаспирова Г.М. Словарь по педагогике. / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. 448 с.

3. Концепция развития педагогического образования в Республике Беларусь на 2021-2025 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальный образовательный портал. URL: https://adu.by/images/2021/06/koncepcija-razvitija-pedagogicheskogo-obrazovanija.pdf (Дата обращения 25.09.2025)

4. Цифровизация системы образования 4 октября 2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Цели устойчивого развития в Беларуси. URL: https://sdgs.by/news/czifrovizacziya-sistemy-obrazovaniya/ (Дата обращения 20.09.2025)

A.V. Maroz

THE TEACHER AS A DESIGNER OF DIGITAL CONTENT IN THE LEARNING PROCESS

This article examines the main areas of teacher activity when creating digital content in modern learning environments. The concepts of creativity and pedagogical purpose are explored in the context of digital materials development. The potential of design for use in the learning process and student motivation is analyzed. Teacher competencies are characterized.

Keywords: digital content, teacher, competencies

УДК 316.35

Я.А. Назарец

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ МАСТЕРОВ НАРОДНОГО ПРОМЫСЛА

В данной статье рассмотрены особенности профессионального становления в контексте социологии. Описаны механизмы вхождения в профессию, выделены основные барьеры, с которыми сталкиваются мастера народного промысла: недостаток профильных образовательных организаций, низкие зарплаты, старение кадров, распространенность менее качественных дешевых товаров, устаревшие места сбыта. Сделан вывод о необходимости создания условий, позволяющих сочетать традиционные механизмы передачи знания с функционированием в условиях современного рыночного общества.

Ключевые слова: профессиональное становление, мастер, народный промысел.

Процесс вхождения в профессию имеет большое значение для общества в целом и представляет интерес для научного сообщества по ряду причин. Профессиональное становление связано с обеспечением экономической и социальной стабильности. С одной стороны, общество определяет эталонный образ специалиста, формирует набор профессиональных компетенций и создает условия для их развития. С другой стороны, личность преследует свои интересы, самореализовывается в трудовой деятельности, достигает жизненные цели. Общество заинтересовано в том, чтобы профессионалы реализовывали свой потенциал в областях, наиболее востребованных для экономики государства[1].

Понимание особенностей протекания процесса профессионального становления также необходимо для повышения эффективности системы образования: актуализации теоретических материалов и разработки карьерных рекомендаций. На рынке труда появляются новые тенденции, видоизменяются профессии и требования, предъявляемые к сотрудникам. В условиях цифровизации экономики и активного использования соцсетей вузы подчеркивают необходимость разработки обновленной модели профориентации и профессионального самоопределения – многоуровневой интеллектуальной IT-платформы в виде образовательной экосистемы[2].

Понятие профессионального становления входит в предметную область таких наук, как психология, педагогика и социология. В контексте психологии и педагогики профессиональное становление зачастую сводится к вопросам

© Назарец Я.А., 2026

[1] Шаталова Н.И. Функции профессиональной социализации / Н.И Шаталова, Я.Н. Жеманов // Дискуссия. 2013. №9 (39). С. 147.

[2] Дочкин С.А. Цифровая трансформация профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодежи / С.А. Дочкин, И.Ю. Кузнецова // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. №3 (39). С. 28.

профориентации, развитию личности в процессе выбора профессии[1]. В социологии профессиональное становление рассматривается через понятие профессионального самоопределения и вхождения индивида в социально-профессиональную структуру общества, механизм воспроизводства социальной структуры[2].

Интерес к проблеме профессионального становления в целом появился давно, но его развитие всегда зависело от уровня реальной свободы в данном обществе[3]. В 1930-е гг., после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса», прекращается системная профориентационная работа. В 1970-80-е гг. качество разработок не становится лучше, используются однотипные лозунги, призывающие к работе в сфере народного хозяйства или промышленности. В 1990-00-е гг. сокращается финансирование образовательных учреждений, происходит путаница в полномочиях Минобразования РФ и Минтруда РФ[4]. Так, на разных этапах профессиональному становлению препятствуют политические, бюрократические и экономические проблемы.

В работах зарубежных исследователей описаны механизмы вступления в профессию, а также его ключевые элементы. М. Вебер считает профессией любое занятие, приносящее доход, и выделяет такие признаки, как образование, уровень квалификации, наличие способности к занятию той или иной профессией[5]. Т. Парсонс воспринимает идеи М. Вебера касательно профессионализма и считает, что профессионал – это человек, получивший теоретическую подготовку и социализированный в профессиональное сообщество[6]. Г. Мюнстерберг и Ф. Парсонс формируют теорию черт и факторов, согласно которой человек наиболее оптимально подходит к одной профессии; профессиональная успешность обусловлена степенью соответствия индивидуальных качеств и требований профессии; процесс профессионального выбора является осознанным и рациональным[7].

---

[1] Адольф В.А. Профессиональное становление педагога: сущность процесса и инновационная модель / В.А. Адольф, Н.Ф. Ильина // Сибирский педагогический журнал. 2008. №10. С. 25.

[2] Никифорова М.А. Профессиональное становление начинающего учителя: сущность понятия в контексте развития / М.А. Никифорова // Сборник статей магистрантов «Управление образованием». 2012. №1. С. 46.

[3] Пряжникова Е.Ю. Поучительная история о развитии профессионального самоопределения в России / Е.Ю. Пряжникова // Школьный психолог. 2000. №24. С. 16.

[4] Пряжникова Е.Ю. К вопросу об истории развития профориентации и профессионального самоопределения / Е.Ю. Пряжникова // Вопросы образования. 2006. №3. С. 226.

[5] Борисова С.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению профессий и профессиональных групп в западной социологии / С.Н. Борисова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №2 (26). С. 11.

[6] Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) / Р.Н. Абрамов // СОЦИС. 2005. №1. С. 54.

[7] Волегов В.С. Социологические подходы к изучению профессионального самоопределения / В.С. Волегов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. №2. С. 168.

В современности под мастером народного промысла понимается «физическое лицо, которое на постоянной основе изготавливает в месте традиционного бытования народного художественного промысла изделия в соответствии с традициями и художественно-стилевыми особенностями данного промысла»[1]. При изготовлении изделий применяется ручной труд и (или) ручной труд с использованием средств механизации. Приведенная характеристика не соответствует модели классиков, так как в определении отсутствуют некоторые признаки профессии, а именно образование и уровень квалификации. Кроме того, знания мастера специфичны для конкретного промысла и места, с позиции классиков – знания универсальны.

Профессиональная деятельность мастеров народного промысла не институционализирована в полной мере, так как вхождение в профессию может осуществляться посредством передачи знаний из поколения в поколение, а в таком случае отсутствует сертификация. Однако, мастером можно стать, получив профильное образование по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы (по видам)»[2]. Зачастую образовательные учреждения, которые осуществляют набор по данной специальности, располагаются в исторических местах бытования промыслов, а обучение проводится по единственному профилю.

На федеральном уровне возможность получить образование в этой сфере предоставляют 10 творческих образовательных учреждений, по программам повышения квалификации в 2022 году отучились более 860 человек, 80% выпускников устраиваются работать по специальности[3]. По данным сервиса по поиску работы hh.ru большинство выпускников, напротив, не работает по специальности из-за низких зарплат в отрасли (в среднем 20 тыс. руб.)[4]. В Перми количество учебных заведений, ориентированных на подготовку мастеров, достаточно ограничено. Для поступающих доступны ПКК «ОНИКС» и Уральский филиал РАЖВиЗ Ильи Глазунова.

Тем не менее, для мастеров народного промысла отсутствуют обязательные требования к образованию. Нередко мастера обучаются у наставников или осваивают навыки самостоятельно, что не препятствует даже в преподавательской деятельности. Количество педагогов, имеющих профильное

---

[1] О народных художественных промыслах [Электронный ресурс] : федеральный закон от 06.01.1999 N 7-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21497/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/ (дата обращения: 25.09.2025).

[2] Талеева А.С. Методологические основы формирования профессиональных компетенций будущего художника народных промыслов / А.С. Талеева // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. №4 (76). С. 76.

[3] Минкультуры: по специальности устраиваются 80% выпускников в сфере народных промыслов [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: https://tass.ru/kultura/18196297 (дата обращения: 25.09.2025).

[4] Канюк А.С. Развивающиеся рынки в аспекте некоммерческой деятельности: пример российского рынка креативных индустрий / А.С. Канюк, С.Г. Кудинова, В.А. Герба // Образование и право. 2022. №6. С. 245.

образование в области народных художественных промыслов, составляет менее 10%[1]. В таком случае главным критерием трудоустройства становится не наличие диплома о профессиональном образовании, а качество работ мастера.
Ещё в 2019 г. 60% предприятий народных художественных промыслов были убыточными или низкорентабельными[2]. После преодоления последствий пандемии COVID-19 с помощью запуска механизма субсидирования и внесения изменений в законодательство ситуация на рынке труда улучшилась. В 2023 г. суммарный годовой доход российских предприятий народных художественных промыслов (НХП) составил более 24 млрд руб[3]. В сфере занято более 15,5 тыс. чел[4], но происходит старение кадров – средний возраст работающих составляет 50 лет[5].

В связи с цифровизацией и развитием Интернета мастера вынуждены адаптироваться: конкурировать с масс-маркетом и искать новые рынки сбыта. В настоящее время продукция мастеров реализуется через музеи, выставки, фестивали, онлайн-платформы (например, Ярмарка Мастеров). Основные потребители – туристы, приобретающие сувениры, студенты, участники международных мероприятий. В 2024 г. объем потребления изделий народных художественных промыслов вырос на 6,3% по сравнению с 2022 г. и достиг 22,7 млрд руб[6].

Так, мастера народного художественного промысла участвуют в сохранении традиций и культурного наследия. Сегодня перед ними стоит задача сочетания традиционных механизмов передачи знания (неформальное ученичество, наследование) с необходимостью функционирования в условиях современного рыночного общества. Ключевыми проблемами являются: недостаток профильных образовательных организаций, низкие зарплаты, старение кадров, распространенность менее качественных дешевых товаров, устаревшие места сбыта. Преодоление данных барьеров возможно в результате реализации Концепции развития творческих индустрий, принятой в 2021 г. Согласно

[1] Максимович В.Ф. Традиционные художественные промыслы и образование: основные проблемы и пути их решения / В.Ф. Максимович // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. №3 (29). С. 10.
[2] Шапкин В.В. Художник традиционного прикладного искусства и народных художественных промыслов в условиях современного рынка труда / В.В. Шапкин // Традиционное прикладное искусство и образование. 2024. №2. С. 137.
[3] В РФ ремесленники народных промыслов в 2023 году заработали более 24 млрд рублей [Электронный ресурс] // МИНФИН РОССИИ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39183-v_rf_remeslenniki_narodnykh_promyslov_v_2023_godu_zarabotali_bolee_24_mlrd_rublei (дата обращения: 26.09.2025).
[4] Кто такие самозанятые мастера народных и художественных промыслов [Электронный ресурс] // Клерк. URL: https://www.klerk.ru/blogs/yazanyat/603725/ (дата обращения: 26.09.2025).
[5] Нужна ли художественным народным промыслам господдержка [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/12/16/nuzhna-li-hudozhestvennym-narodnym-promyslam-gospodderzhka.html (дата обращения: 26.09.2025).
[6] Рынок изделий народного промысла достиг почти ₽23 млрд в 2024 году [Электронный ресурс] // РБК Отрасли. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/683d99ae9a794730029446ea (дата обращения: 26.09.2025).

Концепции к 2030 г. доля креативных индустрий, куда относятся народные промыслы, может возрасти в российской экономике с 2 до 6%[1].

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) / Р.Н. Абрамов // Социологические исследования. 2005. №1. С. 54-65.
2. Адольф В.А. Профессиональное становление педагога: сущность процесса и инновационная модель / В.А. Адольф, Н.Ф. Ильина // Сибирский педагогический журнал. 2008. №10. С. 25-33.
3. Борисова С.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению профессий и профессиональных групп в западной социологии / С.Н. Борисова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №2 (26). С. 7-14.
4. В РФ ремесленники народных промыслов в 2023 году заработали более 24 млрд рублей [Электронный ресурс] // МИНФИН РОССИИ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39183-v_rf_remeslenniki_narodnykh_promyslov_v_2023_godu_zarabotali_bolee_24_mlrd_rublei (дата обращения: 26.09.2025).
5. Волегов В.С. Социологические подходы к изучению профессионального самоопределения / В.С. Волегов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. №2. С. 167-173.
6. Гжельская керамика и вологодское кружево. Как развиваются народные ремесла [Электронный ресурс] // Ведомости.Город. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/othercities/articles/kak-razvivayutsya-narodnie-remesla-rossii (дата обращения: 27.09.2025).
7. Дочкин С.А. Цифровая трансформация профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодежи / С.А. Дочкин, И.Ю. Кузнецова // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. №3 (39). С. 27-35.
8. Канюк А.С. Развивающиеся рынки в аспекте некоммерческой деятельности: пример российского рынка креативных индустрий / А.С. Канюк, С.Г. Кудинова, В.А. Герба // Образование и право. 2022. №6. С. 235-248.
9. Кто такие самозанятые мастера народных и художественных промыслов [Электронный ресурс] // Клерк. URL: https://www.klerk.ru/blogs/yazanyat/603725/ (дата обращения: 26.09.2025).

[1] Гжельская керамика и вологодское кружево. Как развиваются народные ремесла [Электронный ресурс] // Ведомости.Город. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/othercities/articles/kak-razvivayutsya-narodnie-remesla-rossii (дата обращения: 27.09.2025).

10. Максимович В.Ф. Традиционные художественные промыслы и образование: основные проблемы и пути их решения / В.Ф. Максимович // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. №3 (29). С. 7-14.

11. Минкультуры: по специальности устраиваются 80% выпускников в сфере народных промыслов [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: https://tass.ru/kultura/18196297 (дата обращения: 25.09.2025).

12. Никифорова М.А. Профессиональное становление начинающего учителя: сущность понятия в контексте развития / М.А. Никифорова // Сборник статей магистрантов «Управление образованием». 2012. №1. С. 45-51.

13. Нужна ли художественным народным промыслам господдержка [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/12/16/nuzhna-li-hudozhestvennym-narodnym-promyslam-gospodderzhka.html (дата обращения: 26.09.2025).

14. О народных художественных промыслах [Электронный ресурс] : федеральный закон от 06.01.1999 N 7-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21497/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/ (дата обращения: 25.09.2025).

15. Пряжникова Е.Ю. К вопросу об истории развития профориентации и профессионального самоопределения / Е.Ю. Пряжникова // Вопросы образования. 2006. №3. С. 226.

16. Пряжникова Е.Ю. Поучительная история о развитии профессионального самоопределения в России / Е.Ю. Пряжникова // Школьный психолог. 2000. №24. С. 14-21.

17. Рынок изделий народного промысла достиг почти ₽23 млрд в 2024 году [Электронный ресурс] // РБК Отрасли. URL: https://www.rbc.ru/industries/news/683d99ae9a794730029446ea (дата обращения: 26.09.2025).

18. Талеева А.С. Методологические основы формирования профессиональных компетенций будущего художника народных промыслов / А.С. Талеева // Инновационные проекты и программы в образовании. 2021. №4 (76). С. 74-79.

19. Шапкин В.В. Художник традиционного прикладного искусства и народных художественных промыслов в условиях современного рынка труда / В.В. Шапкин // Традиционное прикладное искусство и образование. 2024. №2. С. 135-142.

20. Шаталова Н.И. Функции профессиональной социализации / Н.И. Шаталова, Я.Н. Жеманов // Дискуссия. 2013. №9 (39). С. 142-148.

Y.A. Nazarets

SPECIFIC FEATURES OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF FOLK CRAFTSMEN

This article examines the specifics of professional development in the context of sociology. It describes the mechanisms for entering the profession and identifies the main barriers faced by folk craftsmen: a lack of specialized educational institutions, low salaries, an aging workforce, the prevalence of lower-quality, cheap goods, and outdated distribution channels. It concludes that it is necessary to create conditions that allow for the combination of traditional knowledge transfer mechanisms with functioning in a modern market society.

Keywords: professional development, craftsman, folk crafts.

УДК 331.53

А.В. Некрасова

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена рассмотрению перспектив трудоустройства по специальности на современном рынке труда. На основе анализа эмпирических данных рассмотрена специфика трудоустройства различных социально-демографических групп по полу, возрасту, наличию высшего образования и ежемесячному доходу. На основе нескольких массивов данных проанализированы уровень трудоустройства относительно специальности, желание сменить сферу деятельности, меры, на которые готовы пойти работники, а также соответствие полученного образования требуемым навыкам для качественного выполнения работы. Как итог можно сказать, что перспективы трудоустройства по специальности не улучшаются с годами, а постепенно будут лишь ухудшаться.

Ключевые слова: трудоустройство, специальность, перспективы.

Трудоустройство после выпуска является одним из самых главных решений в профессиональной жизни и определяет дальнейший путь профессиональной адаптации работника в качестве представителя определенной сферы труда. После окончания высшего учебного заведения с присвоенной квалификацией определенного направления у выпускника есть возможность при поиске работы рассматривать вакансии не только по своему направлению, но и по другим. В современных реалиях рынка труда должность, соответствующая полученной квалификации, не гарантирует успех. С учетом количества выпускников с высшим образованием на рынке труда, становится все сложнее найти работу по специальности. Следовательно, выпускники вынуждены менять сферу деятельности. Более того, качество получаемого в высшем заведении образования напрямую влияет на количество безработных и работников не по специальности. Это связанно с тем, что вузы продолжают обучать по устаревшим программам, а рынок труда уже нуждается в других компетенциях нежели ранее[1]. Соответственно, важно понять, насколько у современных выпускников имеются перспективы трудоустроиться в соответствии с полученной квалификацией.

При рассмотрении трудоустройства по специальности как социального процесса, важно выделить следующие показатели:

1. *Соответствие образования и выполняемой работы.* Для работодателей наличие квалификации определенной сферы и уровня является знаком того, что по умолчанию работник должен обладать полным набором

© Некрасова А.В., 2026

[1] Ермашкевич Н.С. Развитие профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики / Н.С. Ермашкевич, М.Л. Панявина, З.В. Родионова // Лидерство и менеджмент. 2021. № 4. С. 488.

необходимых профессиональных знаний и навыков, чего в полной мере невозможно. Отсюда и формируется разрыв1.

2. *Желание сменить род деятельности.* Работник постоянно будет стремиться к балансу между образованием и требованиями должности, пока он не будет удовлетворен условиями.
3. *Факторы, влияющие на решение сменить сферу деятельности.* Сюда можно отнести меры, на которые работник готов пойти для получения новой должности.

Так как вопрос о трудоустройстве по специальности весьма актуален, помимо официальных статистических сборников Росстата, многие исследователи и исследовательские центы собирают собственные данные по этой теме. Из-за большого разнообразия существующих данных необходимо рассмотреть имеющиеся актуальные показатели и выявить насколько перспективно трудоустройство по специальности на рынке труда для разных социально-демографических групп.

По данным Федеральной службы государственной статистики на момент окончания 2 квартала 2025 года в РФ насчитывается 74449 тысяч человек занятого населения, среди которого большая часть имеет должность, связанную с полученной профессией, 37% же трудоустроились не по специальности. Причем, уровня образования для качественной работы не хватает 45% занятого населения[2].

Согласно данным еженедельного всероссийского телефонного опроса, проведенного ФОМ 25 – 27 сентября 2020 года, среди 47% опрошенных, работающих по найму, больше половины работают по другой специальности, относительно которой обучались в вузах. Причем мужчины заметно чаще меняют свой род деятельности после завершения обучения. Возраст респондента напрямую не влияет на выбор сферы деятельности, потому что процент тех, кто работает не по специальности высок у всех возрастных групп. Однако если добавить к возрасту в качестве критерия наличие высшего образования, то можно заметить у людей среднего возраст большую приверженность к работе по специальности[3]. По данным еженедельного всероссийского поквартирного опроса, проведенного 19 – 21 ноября 2021 г., среди работающих респондентов 30% на момент проведения исследования работали в другой сфере, отличной от полученной квалификации. По специальности работали на треть меньше.

---

[1] Сенашенко В.С. Особенности сопряжения высшего образования и сферы труда в условиях структурных преобразований отечественной системы высшего образования / В.С. Сенашенко, Е.П. Стручкова // Высшее образование в России. 2025. № 3. С. 36.

[2] Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 17.09.25).

[3] Отношение к своей работе: база данных / ФОМ, 2020. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14472 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

Возраст как самостоятельный фактор также не повлиял на трудоустройство, однако в сочетании с наличием высшего образования заметна обратная тенденция: молодежь чаще работала по специальности, а люди среднего возраста – не по специальности[1].

Сравнив данные упомянутых опросов, можно заметить, что общие показатели не изменились: во всех данных разница между работающими по специальности и нет составляет примерно одну треть. Однако за год поменялась тенденция среди молодежи и людей среднего возраста с высшим образованием: молодежь стала чаще выбирать работу по специальности, а люди старше наоборот.

Важным аспектом является соответствие уровня полученной квалификации требованиям выполняемой работы. Исследователями выделяются два варианта типологии несоответствия полученной квалификации и профессиональной деятельности. Первый заключается в разделении на вертикальный (выполнение работы, предназначенной для более низкоквалифицированных работников) и горизонтальный (работа не по специальности) типы[2]. Второй вариант типологии зависит от объекта фиксации несоответствия:

Связанные с рынком труда – несоответствие спроса и предложения на навыки на рынке труда, отличие имеющихся у работника навыков от требуемых для выполнения положенной работы, устаревание навыков из-за несогласованности системы образования и рынка труда.

Связанные с самим работником – несоответствие квалификации должности, отличие сферы получения образования от должности, недостаток или переизбыток опыта работы, недостаток или слишком высокий уровня квалификации[3].

Среди всех работающих респондентов 74% считают, что их квалификация полностью соответствует работе. Квалификация выше, чем того требует профессиональная деятельность, у 14% респондентов, а для 11% образования недостаточно. Тенденция в зависимости от возраста следующая: у людей среднего возраста квалификации достаточно, но к пенсионному возрасту требуется дообучение[4]. По данным Росстата за 2 квартал 2025 года о несоответствии квалификаций и навыков, из всего занятого населения уровень

[1] Трудовая мобильность: база данных / ФОМ, 2021. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

[2] Леонидова Г.В. Риски и возможности трудоустройства не по специальности (на материалах регионального мониторинга) / Г.В. Леонидова // Проблемы развития территории. 2023. № 3. С. 64.

[3] Мальцева В.А. Концепция skill mismatch и проблема оценки несоответствия когнитивных навыков в межстрановых исследованиях / В.А. Мальцева // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 47.

[4] Образование: база данных / ВЦИОМ-Спутник, 2024. Данные в формате SPSS. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

образования у 26% респондентов полученное образование ниже, чем требует должность. Почти все респонденты имеют навыки, которые соответствуют требованиям текущей работы, в то время как лишь 5% обладают навыками для выполнения более сложных трудовых задач[1].

На основе эмпирических данных можно сказать, что на рынке труда наиболее представлено горизонтальное несоответствие работы и образования, связанное с выбором самого работника. Также за год более чем в 2 раза увеличилось количество респондентов, которым не хватает навыков для качественного выполнения работы. Соответственно квалификация респондентов все меньше начинает соответствовать современным требованиям, что говорит о необходимости повышения квалификации.

Среди работающих по найму респондентов ровно половина не стали бы менять сферу деятельности, в то время как 47% хотели бы сменить специальность, если бы появилась такая возможность. По данным опроса можно заметить, что респонденты средних и старших возрастов в целом не испытывают потребности в смене рода деятельности. Важным аспектом также является ежемесячный доход. Изучив данные, можно заметить, что при росте уровня дохода изменяется отношение к смене рода деятельности: чем выше уровень дохода, тем меньше желание что-либо менять в профессиональном плане[2]. По данным другой базы среди работающих респондентов лишь 10% процентов хотели бы сменить сферу работы[3]. Важно учитывать желание сменить род деятельности не только после выпуска, но и в случае потери работы. Так, среди работающих и временно безработных каждый четвертый готов пройти курсы переквалификации и получить другую специальность, но 15% респондентов на такой шаг не готовы[4].

Можно заметить, что за год сильно изменилось отношение к смене сферы деятельности. Однако это может быть связанно с наступлением пандемии коронавируса в 2020 году, из-за чего люди были вынуждены для сохранения заработка искать другие варианты. К концу 2021 года ситуация стабилизировалась, поэтому, вероятнее всего, процент желающих снизился.

При смене работы, независимо от сохранения или смены специальности, возможно придется пойти на жертвы. Особенно это было актуально в 2020 году во время эпидемии коронавируса, когда не все сферы можно было перенести в

[1] Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 17.09.25).

[2] Отношение к своей работе: база данных / ФОМ, 2020. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14472 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

[3] Трудовая мобильность: база данных / ФОМ, 2021. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

[4] Работа: база данных / ФОМ, 2020. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14419 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

дистанционный формат. Условия, на которые будет согласен работник, будут показывать его личные требования к работе и лояльность к определенной сфере труда. Можно выделить ряд мер, на которые может пойти работник при смене работы:

Готовность трудоустройства на должность, где заработная плата меньше. По данным еженедельного всероссийского телефонного опроса, проведённого ФОМ 26 – 28 июня 2020 г. чем выше возраст, тем чаще респондент готов согласиться на меньший заработок. Это связано с тем, что у молодежи есть больше возможностей и времени, чтобы реализовать себя и получить более высокую заработную плату за свой труд, а пожилые граждане в силу своего возраста подобной возможности лишаются, поэтому они вынуждены работать за более зарплату. Похожая тенденция наблюдается в разрезе дохода: чем выше доход, тем чаще респонденты готовы согласиться на более низкий заработок.

Увеличение затрачиваемых на работу физических и временных ресурсов. С учетом статистической погрешности можно сказать, что мнения разделились почти поровну[1].

Повышение квалификации, на что готовы 28%, или переквалификация (25% при совмещении с работой и 11% с перерывом на работе).

Больше трети респондентов готовы переехать, из них 10% в другой населенный пункт региона, 13% в другой регион России и 10% в другую страну[2].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что перспективы выбора должности не по полученной в ВУЗе квалификации неутешительные: за 5 лет доля работающих по специальности никак не увеличился. Процент тех, кто желает сменить сферу деятельности, не велик, следовательно положение дел в профессиональной жизни большинство населения устраивает. Однако важно отметить, что на рынке труда становится все больше тех, чье образование не соответствует требованиям работодателя. Можно предположить, что в течении ближайших лет трудоустройство по специальности станет еще сложнее.

Список литературы

1. Ермашкевич Н.С. Развитие профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики / Н.С. Ермашкевич, М.Л. Панявина, З.В. Родионова // Лидерство и менеджмент. 2021. № 4. С. 482 – 502.

2. Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/13265 (дата обращения 17.09.25).

[1] Работа: база данных / ФОМ, 2020. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14419 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

[2] Трудовая мобильность: база данных / ФОМ, 2021. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

3. Леонидова Г.В. Риски и возможности трудоустройства не по специальности (на материалах регионального мониторинга) / Г.В. Леонидова // Проблемы развития территории. 2023. № 3. С. 61 – 78.

4. Мальцева В.А. Концепция skill mismatch и проблема оценки несоответствия когнитивных навыков в межстрановых исследованиях / В.А. Мальцева // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 43 – 76.

5. Образование: база данных / ВЦИОМ-Спутник, 2024. Данные в формате SPSS. URL: https://wciom.ru/obuchenie-dlinoju-v-zhizn (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

6. Отношение к своей работе: база данных / ФОМ, 2020. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14472 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

7. Работа: база данных / ФОМ, 2020. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14419 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

8. Сенашенко В.С. Особенности сопряжения высшего образования и сферы труда в условиях структурных преобразований отечественной системы высшего образования / В.С. Сенашенко, Е.П. Стручкова // Высшее образование в России. 2025. № 3. С. 31-51.

9. Трудовая мобильность: база данных / ФОМ, 2021. Данные в формате Excel. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656 (дата обращения: 17.09.2025). Режим доступа: открытый.

A.V. Nekrasova

EMPLOYMENT PROSPECTS IN THE SPECIALTY: SOCIO-DEMOGRAPHIC SPECIFICITIES

This article examines the prospects for employment in one's specialty in the current labor market. The empirical data examines the employment patterns of various socio-demographic groups by gender, age, higher education attainment, and monthly income. The employment rates relative to specialty, desire to change fields of work, the measures workers are willing to take, and the correspondence of the education received with the skills required by employers for high-quality work performance were analyzed using several data sets. As a result, it can be said that employment prospects in one's specialty do not improve over the years, but will gradually worsen.

Keywords: employment, specialty, prospects.

УДК 316.346.32-053.9

Д.С. Носова

СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена анализу роли содействия занятости молодежи как ключевого фактора в развитии человеческого потенциала в современной России. Актуальность исследования обусловлена стратегической важностью устойчивой интеграции молодых специалистов в рынок труда для обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны и раскрытия их индивидуальных способностей. В работе проводится комплексный анализ существующей государственной политики Российской Федерации в сфере занятости молодежи. Исследуются основные направления, механизмы и инструменты, используемые государством для стимулирования трудоустройства молодых граждан, повышения их конкурентоспособности и адаптации к меняющимся требованиям рынка труда. Подчеркивается необходимость синергии усилий государства, образовательных учреждений, бизнеса и самого молодежного сообщества для создания благоприятных условий для самореализации и развития человеческого капитала страны.

Ключевые слова: занятость молодежи, человеческий потенциал, государственная политика, рынок труда, Россия, молодежная безработица, развитие компетенций.

Государственное регулирование рынка труда является неотъемлемой частью социально-экономической политики государства и его субъектов. Его цель – обеспечение полной, производительной и свободно выбираемой занятости путем сбалансирования спроса и предложения рабочей силы и защиты уязвимых групп населения. Для этого органы государственной и муниципальной власти используют дифференциальные механизмы управленческого воздействия, которые включают аспекты административного, организационного, экономического, законодательного и информационного регулирования.

Для достижения социально-экономических целей в сфере занятости населения государство и его субъекты разрабатывают и реализуют социальные программы и проекты. Ключевым инструментом на федеральном уровне выступает государственная программа «Содействие занятости населения», задачей которой является снижение уровня фактической безработицы до менее чем 1% к 2030 году. Эта программа многогранна и включает в себя не только меры по формированию культуры безопасного труда и улучшению охраны здоровья работников, но и широкий спектр инициатив по содействию занятости для различных социально-уязвимых групп. В частности, программа

© Носова Д.С., 2026

предусматривает целевые мероприятия по поддержке молодежи, лиц предпенсионного и пенсионного возраста, инвалидов, а также других категорий населения, испытывающих трудности с трудоустройством. Реализация этих мероприятий основана на комплексном подходе, включающем профессиональное обучение, переподготовку, содействие в поиске работы, финансовую поддержку и другие инструменты. Результативность программы оценивается по динамике уровня безработицы, росту занятости в целевых группах и другим релевантным показателям[1].

В дополнение к вышеупомянутой программе, на федеральном уровне реализуется национальный проект «Демография», направленный на улучшение демографической ситуации через повышение качества жизни населения. Одним из направлений проекта является модернизация системы государственной службы занятости, развитие программ профессионального обучения и переобучения, а также внедрение системы независимой оценки квалификации сотрудников[2].

Содействие занятости молодежи является одним из приоритетных направлений государственной политики. Долгосрочная программа, утвержденная Правительством РФ в 2021 году и рассчитанная до 2030 года, предусматривает реализацию более чем 30 мероприятий, направленных на решение актуальных проблем трудоустройства молодых людей. Программа охватывает широкий спектр направлений: от профессиональной ориентации и поддержки трудоустройства несовершеннолетних до совершенствования системы практик для студентов и развития цифровой платформы «Работа в России».

Одним из приоритетных направлений в сфере занятости молодежи является содействие профессиональному самоопределению учащихся. Профориентационный минимум (профминимум), внедренный Министерством просвещения России с 1 сентября 2023 года, представляет собой Единую модель профессиональной ориентации, разработанную в рамках стратегии развития экономики и обеспечения технологического суверенитета страны. Цель программы – систематизировать и стандартизировать процесс профессионального самоопределения обучающихся в общеобразовательных организациях, обеспечив им доступ к необходимой информации и инструментам

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»: Постановление Правительства // КонсультантПлюс : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162169/377c6dbb6a2a196b6810b40b11f39fb10909ff8f/?ysclid=m96r324pj3649231152 (дата обращения: 19.02.2025).

[2] Информационная справка о национальном проекте «Демография» // Национальные проекты Российской Федерации: офиц. интернет-ресурс. 2025. [Электронный ресурс]. – URL: национальныепроекты.рф/projects/demografiya/ (дата обращения: 19.02.2025)

для выбора будущей профессии, соответствующей потребностям российской экономики.

Основными инструментами в достижении цели программы выступают: предоставление учащимся информации о различных профессиях, перспективах карьерного роста и возможностях обучения; организация экскурсий на предприятия, профессиональные практики, встречи с работодателями для знакомства с условиями работы в различных отраслях; включение в образовательный процесс мероприятий, направленных на развитие у учащихся ключевых компетенций, необходимых на современном рынке труда (коммуникативные навыки, работы в команде, креативное мышление и др.); использование тестов и оценочных инструментов для определения способностей, интересов и склонностей учащихся, помогающих им в выборе подходящей профессии[1].

Стоит отметить, что оценка результативности проекта не сводится исключительно к количественным показателям. Стратегическая цель проекта направлена на развитие у школьников способности к самостоятельному, критическому анализу перспектив различных профессий, умению адекватно оценивать собственные способности в контексте современного рынка труда. В долгосрочной перспективе проект должен способствовать более взвешенному и осмысленному профессиональному выбору, а следовательно, и повышению эффективности кадров в будущем. Для объективной оценки эффективности проекта необходимо провести комплексное исследование с использованием качественных методик, включая мониторинг дальнейшего образования и трудовой деятельности выпускников. Результаты данного исследования могут послужить основой для разработки рекомендаций по усовершенствованию проекта «Билет в будущее» и повышения его эффективности в контексте реализации профориентационного минимума.

Государственная молодежная политика в сфере профессиональной ориентации имеет ряд слабых сторон, препятствующих результативному самоопределению молодежи: отсутствие единого публично доступного реестра всех действующих программ субъектов в сфере профессиональной ориентации (информация разрознена и часто находится на сайтах региональных органов власти, министерств и ведомств); отсутствие единой, постоянно обновляемой и достоверной базы данных о профессиях и тенденциях на рынке труда; отсутствие адекватной система обратной связи от выпускников, позволяющая оценить эффективность программы и внести коррективы; отсутствие четкой системы

[1] О внедрении Единой модели профессиональной ориентации : Письмо Министерства просвещения // КонсультантПлюс : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450353/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/?ysclid=m96rvrom77866370304 (дата обращения: 19.02.2025).

взаимодействия между школами, вузами и работодателями; программы и проекты ориентированы на массовое воздействие, не учитывая индивидуальные потребности, способности и интересы каждого учащегося; результаты тестирования профессиональной ориентации трактуются формально, без учета социокультурных факторов и жизненных обстоятельств учащегося.

Одним из инструментов содействия занятости молодежи является организация стажировок, которые позволяют молодым людям получить практический опыт работы и необходимые навыки. Программа «ГосСтарт» — это федеральный проект, направленный на привлечение талантливой молодежи в государственную службу. Она предоставляет уникальную возможность пройти стажировку в органах государственной власти и органах местного самоуправления различного уровня, познакомиться с работой государственного аппарата изнутри и получить практический опыт работы в ведомствах[1].

В 2024 году государственная программа по вовлечению молодежи в государственное управление продемонстрировала впечатляющий охват: более 40 000 человек приняли участие в ее мероприятиях. Однако, масштаб программы, выраженный в этих цифрах, требует критической оценки. Основная проблема заключается в отсутствии открытой информации о ключевом показателе эффективности – количестве участников, успешно трудоустроенных в государственном секторе после прохождения стажировки или обучения в рамках программы. Без этих данных сложно оценить реальный вклад программы в развитие кадрового потенциала госаппарата. Заявленный охват в 40 000 человек может представлять собой лишь общую численность зарегистрированных участников, без учета уровня их вовлеченности и дальнейшего профессионального развития.

В рамках содействия трудоустройству молодежи реализуется программа субсидирования найма. Программа предусматривает государственные выплаты работодателям, которые трудоустраивают отдельные категории граждан, в том числе лиц в возрасте до 30 лет. Целью программы является стимулирование создания новых рабочих мест и снижение уровня безработицы среди молодежи. Размер субсидии, как правило, определяется с учетом специфики региона, отрасли и квалификации принимаемого на работу молодого специалиста.

В условиях рыночной экономики полная занятость молодежи напрямую зависит от результативной социальной политики. Относительно низкая конкурентоспособность молодых людей по сравнению со взрослым населением, обладающим значительным опытом и профессиональными компетенциями,

[1] Информационная справка о программе сопровождения молодых государственных и муниципальных служащих «ГосСтарт» // Программа от Росмолодежь «ГосСтарт» : офиц. интернет-ресурс [Электронный ресурс]. – URL: госстарт.рф/?ysclid=m91myndj8u198814675 (дата обращения: 19.02.2025).

создает существенные барьеры для их интеграции на рынок труда. Несмотря на позитивные характеристики молодежи (высокий уровень энергии, здоровья, актуальность знаний), эти факторы часто не компенсируют недостаток опыта. Существующие государственные программы поддержки трудоустройств молодежи, хотя и направлены на решение этой проблемы, часто оказываются недостаточно результативными.

Во-первых, ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Особенно остро эта проблема стоит в сельской местности, где отсутствие доступа к современным технологиям затрудняет обучение базовым цифровым навыкам, необходимым для успешной интеграции на рынок труда. В результате сельская молодежь оказывается практически неконкурентоспособной из-за недостатка информации[1].

Во-вторых, низкая востребованность государственной службы занятости. Это приводит к тому, что молодежь чаще использует неформальные каналы поиска работы и онлайн-платформы. Для повышения результативности работы службы занятости необходимо ее модернизировать и развивать специализированные платформы, обеспечивающие взаимодействие между работодателями и выпускниками. Это включает в себя создание молодежных бирж труда и онлайн-ресурсов[2].

В-третьих, рост нестандартных форм занятости и теневой занятости. Особенно это наблюдается из-за активного использования цифровых платформ для поиска работы. Необходимо стимулировать создание рабочих мест с постоянным договором, обеспечивающих социальные гарантии и возможности профессионального роста. В то же время необходимо усиливать борьбу с теневой занятостью и обеспечивать надлежащий контроль за соблюдением трудового законодательства[3].

В-четвертых, низкая осведомленность молодежи о состоянии современного рынка труда. Переход к рыночной экономике требует создание новой системы профессионального ориентирования. Несмотря на значительные достижения, проблема низкой осведомленности молодежи о рынке труда остается актуальной. Для решения этой проблемы необходимо активизировать профориентационные мероприятия, направленные на формирование карьерных траекторий. Международный опыт демонстрирует продуктивность многоуровневых систем профориентации, включающих не только школьные и

[1] Лукашкин Н. А. Информационные технологии и инфраструктура сельских территорий / Н. А. Лукашкин // Креативная экономика. 021. № 6. С. 2603-2614.
[2] Кириллова А. Д. Государственная политика России по содействию занятости молодежи в условиях вызовов современности / А. Д. Кириллова, А. В. Попов // Российский журнал экономики и права. 2024. № 3. С. 686-698.
[3] Резникова О. С. Особенности новых форм занятости населения в условиях цифровизации / О. С. Резникова, И.В. Цыганкова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2024. № 3. С. 121-131.

вузовские программы, но и специализированные центры содействия трудоустройству и центры профессионального выбора[1].

Полученные результаты подчеркивают необходимость преодоления системных препятствий, затрудняющих переход молодых людей от образования к устойчивой занятости. Помимо традиционных мер, таких как профессиональная ориентация, развитие востребованных навыков, снижение цифрового неравенства и согласование образовательных программ с потребностями рынка труда, критически важно обеспечить молодым специалистам стабильные начальные условия на рынке труда. Это требует не только актуализации трудового законодательства, но и значительного расширения доступа к качественным и своевременным данным о занятости молодежи для более объективного анализа и принятия информированных решений на всех уровнях. Недостаток статистической информации, особенно на муниципальном уровне, препятствует формированию полной и достоверной картины ситуации на рынке труда и ограничивает возможности результативного государственного регулирования. Для решения этой проблемы необходимо разработать и внедрить современные методы сбора и анализа статистических данных, обеспечивающие прозрачность и доступность информации для всех заинтересованных сторон.

Отдельного внимания заслуживает проблема трудоустройства выпускников не по специальности. В условиях рыночной экономики правовое регулирование этого явления ограничено, поэтому необходимо сосредоточиться на экономическом стимулировании и развитии целевого обучения, в сочетании с профориентационными мероприятиями.

Проблемы занятости молодежи, актуальные как на федеральном, так и на региональном уровнях, усугубляются в условиях глобальной неопределенности. Необходимо использовать накопленный отечественный и зарубежный опыт, учитывая специфику российского рынка труда.

В заключение следует отметить, что анализ и оценка государственных мер поддержки в сфере содействия занятости молодежи показали как наличие позитивных аспектов, так и существенные недостатки. С одной стороны, ряд программ способствует созданию рабочих мест, предоставляет финансовую поддержку молодым людям и работодателям, а также стимулирует профессиональное обучение и повышение квалификации. С другой стороны, ее эффективность ограничена недостаточной целевой направленностью,

[1] Забелина О. В. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи / О. В. Забелина, А. М. Асалиев, Е. С. Дружинина // Экономика труда. 2021. № 9. С. 985-1002.

недостаточной информированностью целевой аудитории и отсутствием механизмов постоянного мониторинга.

Исследование выявило необходимость совершенствования существующих государственной молодежной политики в сфере занятости молодежи с учетом реальных потребностей молодежи и работодателей. Для повышения результативности необходимо упростить процедуры получения государственной поддержки, усилить целевую направленность программ, улучшить систему информирования. Кроме того, важно обеспечить тесное взаимодействие между государственными органами, образовательными учреждениями и работодателями для более продуктивной координации действий и достижения синхронизации программ.

Список литературы

1. Забелина О. В. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи / О.В. Забелина, А.М. Асалиев, Е.С. Дружинина // Экономика труда. – 2021. – № 9. – С. 985-1002.

2. Информационная справка о национальном проекте «Демография» // Национальные проекты Российской Федерации : офиц. интернет-ресурс. 2025. [Электронный ресурс]. – URL: национальныепроекты.рф/projects/demografiya/ (дата обращения: 19.02.2025).

3. Информационная справка о программе сопровождения молодых государственных и муниципальных служащих «ГосСтарт» // Программа от Росмолодежь «ГосСтарт» : офиц. интернет-ресурс [Электронный ресурс]. – URL: госстарт.рф/?ysclid=m91myndj8u198814675 (дата обращения: 19.02.2025).

4. Кириллова А.Д. Государственная политика России по содействию занятости молодежи в условиях вызовов современности / А.Д. Кириллова, А.В. Попов // Российский журнал экономики и права. – 2024. – № 3. – С. 686-698.

5. Лукашкин Н.А. Информационные технологии и инфраструктура сельских территорий / Н.А. Лукашкин // Креативная экономика. – 2021. – № 6. – С. 2603-2614.

6. О внедрении Единой модели профессиональной ориентации: Письмо Министерства просвещения // КонсультантПлюс : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https - FORBIDDEN - www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450353/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/?ysclid=m96rvrom77866370304 (дата обращения: 19.02.2025).

7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» : Постановление Правительства // КонсультантПлюс : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https -

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162169/377c6dbb6a2a196b6810b40b11f39fb10909ff8f/?ysclid=m96r324pj3649231152 (дата обращения: 19.02.2025).

8. Резникова О.С. Особенности новых форм занятости населения в условиях цифровизации / О. С. Резникова, И.В. Цыганкова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2024. – № 3. – С. 121-131.

D.S. Nosova

EMPLOYMENT ASSISTANCE FOR YOUTH AS A FACTOR IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA: ANALYSIS OF STATE POLICY

The article is devoted to the analysis of the role of promoting youth employment as a key factor in the development of human potential in modern Russia. The relevance of the study is due to the strategic importance of effectively integrating young professionals into the labor market to ensure sustainable socio-economic development of the country and to unlock their individual abilities. The paper provides a comprehensive analysis of the existing state policy of the Russian Federation in the field of youth employment. It examines the main directions, mechanisms, and tools used by the government to stimulate the employment of young citizens, increase their competitiveness, and adapt them to the changing requirements of the labor market. The need for synergy between the state, educational institutions, business, and the youth community itself is emphasized to create favorable conditions for self-realization and the development of the country's human capital.

Keywords: youth employment, human potential, public policy, labor market, Russia, youth unemployment, competence development.

УДК 316.454.2

В.А. Родачев

ГРАНИЦЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ

Данная работа рассматривает границы профессиональной идентичности молодых педагогов как один из факторов, влияющих на их успешную адаптацию в профессии. На основании теории Э. Хьюза профессиональная идентичность понимается через формирование образа профессии, фиксацию ролевых моделей, а также определения границ профессиональной группы. На основании анализа серии глубинных интервью с молодыми педагогами делается вывод о идентичность строится через абстрактный образ профессии, а реальный педагогический коллектив воспринимается как внутренне дифференцированный. Не менее значимыми оказываются и границы с другими группами, вовлеченными в образовательный процесс.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, профессиональная идентичность, молодые педагоги, общее образование.

Современная система общего образования в России сталкивается со старением и дефицитом учителей. Так, например, в Пермском крае более 60% учителей имеет педагогический стаж более 20 лет[1], а потребность в педагогических кадрах стабильно выше среднероссийских показателей и превышает 2% от общей численности ставок в регионе[2]. При этом, несмотря на традиционное представление о слабом притоке выпускников вузов, статистические данные говорят об обратном: выпускники направления «Педагогическое образование» характеризуются высокими показателями трудоустройства по специальности, и, в большей степени, проблема связана именно с оттоком молодых работников школьного образования. Одними из возможных факторов, влияющих на привлечение молодых педагогов, могут являться проблемы формирования профессиональной идентичности у будущих и начинающих учителей.

Традиционно, в социологии привлечение молодых сотрудников рассматривается с точки зрения структурного функционализма через процессы включения молодого поколения в имеющуюся социально-профессиональную структуру, при помощи сложной системы механизмов интеграции, включая деятельность системы образования, общественного мнения и экономического

© Родачев В.А., 2026

[1] Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2024/25 учебного года / Банк документов [сайт]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/db9c1cdaa94b963299f927390b334c28/ (дата обращения 12.09.2025).

[2] Родачев В.А. Методы оценки кадрового дефицита общеобразовательных организаций Пермского края / В.А. Родачев // Материалы II Всероссийского форума молодых исследователей социальных наук (г. Вологда, 15–17 февраля 2024 г.). Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. С. 217-219.

расслоения[1]. Однако, проблемы адаптации начинающих учителей в рамках социологического анализа могут быть рассмотрены через микросоциальные процессы: особенности взаимодействия в педагогических коллективах, специфику конструирования представлений о профессии у будущих учителей и формирования их профессиональной идентичности.

Теоретическая рамка исследования задается микросоциологической парадигмой, прежде всего теорией профессиональной идентичности Э. Хьюза. Профессиональная идентичность понимается им как результат осознания индивидом своей принадлежности к профессиональному сообществу, а также принятия норм, ценностей и ролевых моделей профессии[2]. Одним из показателей сформированности профессиональной идентичности является установление границ, обозначающих референтную группу[3]. Таким образом, для определения возможных причин оттока начинающих учителей следует выделить те особенности восприятия профессиональной группы способны повлиять на профессиональную адаптацию молодых педагогов.

В качестве источников в исследовании использовались расшифрованные глубинные интервью с молодыми педагогами общеобразовательных организаций Пермского края. Выборочная совокупность формировалась при помощи сочетания методов снежного кома и доступного случая. Критериями отбора информантов являлись: уровень и профиль образования, предметная область, опыт смены работы, а также типом населенного пункта. Исходя из существующих в социологической науке представлений, последний из критериев предполагает сравнение городского и сельского населения. Однако, проведенные ранее исследования позволили выделить наличие существенных различий в воспроизводстве педагогических кадров между региональным центром и всеми остальными населенными пунктами независимо от их типа[4]. Поэтому, тип населенного пункта предполагал дифференциацию на школы города Перми и все остальные школы. Общий объем выборки составил 24 интервью.

Согласно представлениям Эверетта Хьюза, демонстрация профессиональной идентичности проявляется через конструирование миссии

---

[1] Davis, K., Moore, W. E. Some Principles of Stratification / ИОФ // American Sociological Review. 1945. Vol. 10. № 4. P. 242-249.

[2] Хьюз Э. ИСТОЧНИК / Э. Хьюз // Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2015. С. 93.

[3] Цит. по Истомина А.Г. Профессиональная идентичность учителей: конструирование негативной и позитивной свободы / А.Г. Истомина, О.А. Оберемко // Профессии социального государства; под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. – С. 163.

[4] Родачев В.А., Волегов В.С. Сравнительный анализ показателей воспроизводства педагогических кадров: кейс Пермского края / ИОФ, ИОФ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. № 1. С. 125-138.

(И.6.: «ты ведешь ребенка во взрослую жизнь, показываем ему правила взаимодействия с людьми, с учебным материалом, каким-то, вообще, с организацией своего времени», И.2.: «заинтересовать в науке, передать знания о ней в максимально доступной простой и доступной форме») или обоснование значимости выполняемого труда. В рамках проведенного исследования образ профессии учителя описывается через понятия, отсылающие к моральному долгу перед обществом и учениками. Более того, формирование образа учителя происходит через ненормированное рабочее время и через отсутствие границ между рабочим и свободным временем (И.2.: «щадящая нагрузка. Не учитывая, конечно, того бесконечного времени, которое иногда требуется на подготовку», И.8.: «Чисто математики, сорок восемь, но плюсом там идут индивидуальные консультации, плюсом, те же самые разговоры о важном, ходящие нагрузки»).

В профессиональной идентичности молодых педагогов чётко выделяются границы групп, вовлеченных в образовательный процесс (обучающиеся, родители, преподаватели вузов), в том числе через противопоставления. Так, например, одним из распространенных сюжетов является критическое восприятие родителей (И.5.: «претензий от разных родителей, разных учеников, и нужно было как-то разруливать», И.7.: «Меня пытались отчитывать, меня саму, пытались повоспитывать. Поскольку я ненавижу, когда меня воспитывают, уходила в конфронтацию, в общем, толку с этого было мало»). При этом часть педагогов воспринимают родителей как потенциальных союзников, которых необходимо переманить на свою сторону. Граница во взаимоотношении с учениками может зависеть от нескольких параметров:

- возрастная группа учеников (И.7.: «я маленьких детей терпеть не могу, подростки - это любовь моя», И.8.: «неформально обсуждаю с учениками, но если дети постарше, это класс десятый, одиннадцатый»);
- социальное положение семей (И.7.: «смотрела на этих детей, я могла просто вот в любого ткнуть пальцем: у него либо неполная семья, либо его там вообще какая-нибудь бабушка воспитывает, либо у него, не знаю, отец-брат сидят, либо у него, отец страшно пьет, и мать страшно пьет, и все колотят детей», «после этого я поняла, что в школы со сложным контекстом я, скорее всего, не могу устроиться»);
- уровень входных знаний (И.6.: «здесь комфортнее работать, в плане того, что все дети замотивированы», И.8.: «здесь сделали, так, что этих гуманитариев всех спихнули в один класс, и по результату работать вообще невозможно, особенно там одни женщины, девушки»).

Однако, это не единственная группа границ, обнаруженная в ходе анализа. Внутри педагогического коллектива также происходит дифференциация по разным основаниям: предметной области (И.4.: «мы сидим в отдельном крае, у

нас никто не проходит») и выполнению административных функций (И.3.: «[про должность заместителя директора] это возможность поощрить какого-то человека, которого тебе нужно задержать в этой школе», «с основным завучем все было в порядке, остальных завучей, я просто воспринимала как “ну вы как бы директорские шестерки”»). Не менее важным оказывается противопоставление по возрасту. Взаимодействие молодых педагогов и "педагогов-стажистов" затруднено как поколенческим разрывом (И.10.: «они все уже бабушки, то есть, им вообще со мной не интересно», И.8.: «нет таких старых бабок, которые обсуждают, в чем приходит молодежь»), так и организационными условиями: несовпадение расписания, нагрузка, изолированный характер работы.

Более того, в отдельных случаях, демонстрируется идентичность с абстрактной профессиональной группой (И.1.: «Они же для меня же практически святые были», И.3.: «это просто классика, образование, это нытье»), а не с реальным трудовым коллективом.

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Закрепление молодых педагогов происходит не только под воздействием макросоциальных факторов, но и в результате сложного процесса конструирования у них профессиональной идентичности. Причем формирование образа профессии и восприятие ее миссии происходит задолго до получения первого профессионального опыта: либо в период получения специальности или в период обучения в школе. Для молодых педагогов характерна самоидентификация с абстрактной профессиональной группой педагогов, обладающей высоким социальным призванием, а не реальным трудовым коллективом, обладающим рядом негативных качеств. Репрезентация профессионального образа производится через высокую моральную значимость и отсутствие границ между частным и профессиональным. При этом, проведенные интервью позволили зафиксировать четкие границы для противопоставления внутри учительского сообщества, которые способны повлиять на успешность профессиональной адаптации начинающих учителей.

Список литературы

1. Истомина А.Г. Профессиональная идентичность учителей: конструирование негативной и позитивной свободы / Профессии социального государства / А.Г. Истомина, О.А. Оберемко / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

2. Родачев В.А. Методы оценки кадрового дефицита общеобразовательных организаций Пермского края / В.А. Родачев // Материалы

II Всероссийского форума молодых исследователей социальных наук (г. Вологда, 15–17 февраля 2024 г.). – Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. – С. 217-219.

3. Родачев В.А. Сравнительный анализ показателей воспроизводства педагогических кадров: кейс Пермского края / В.А. Родачев, В.С. Волегов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2025. – № 1. – С. 125-138.

4. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2024/25 учебного года / Банк документов [сайт]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/db9c1cdaa94b963299f927390b334c28/ (дата обращения 12.09.2025).

5. Хьюз Э.Ч. Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2015. – 430 с.

6. Davis K. Some Principles of Stratification / K. Davis, W. E. Moore // American Sociological Review. – 1945. – Vol. 10, № 4. – Pp. 242-249

V.A. Rodachev

BOUNDARIES OF PROFESSIONAL IDENTITY OF YOUNG TEACHERS

This paper examines the boundaries of young teachers' professional identity as one of the factors influencing their successful adaptation to the profession. Based on E. Hughes's theory, professional identity is understood through the formation of a professional image, the establishment of role models, and the definition of professional group boundaries. Based on an analysis of a series of in-depth interviews with young teachers, it is concluded that identity is constructed through an abstract image of the profession, while the actual teaching staff is perceived as internally differentiated. Boundaries with other groups involved in the educational process are no less significant.

Keywords: professional adaptation, professional identity, young teachers, general education.

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

УДК 316

Е.С. Горина, В.В. Слеб, И.А. Гареева

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена изучению социальных причин, которые делают современное материнство главным препятствием для увеличения рождаемости в России. В ней рассматривается парадоксальная ситуация, когда усиление государственной помощи семьям не оказывает существенного влияния на рост общего показателя рождаемости. Семейное планирование всё чаще основывается не на финансовых показателях, а на более широком спектре факторов, таких как карьера, эмоциональные аспекты и доступность инфраструктуры. Это свидетельствует о необходимости пересмотра демографических программ с фокусом на уменьшение неэкономических тягот, которые несут женщины.

Ключевые слова: репродуктивные установки, рождаемость, материнство.

Современная ситуация в российской демографической политике демонстрирует социальный парадокс: несмотря на масштабную финансовую поддержку семей, включающую материнский капитал, разнообразные пособия, наблюдается противоречивая ситуация, показывающая, что коэффициент суммарной рождаемости демонстрирует устойчивую негативную динамику[1]. По данным Росстата[2] за период 2023-2024 годов, средний возраст рождения первого ребенка все больше отходит от 20-летнего рубежа, достигнув 28 лет, а доля семей, ограничивающихся одним ребенком, превысила 67%. Это свидетельствует о том, что существующие программы поощрения рождаемости, основанные на экономическом стимулировании, исчерпала свой потенциал. Цель данной статьи-доказать, что современное материнство как социальный институт стало ключевым фактором, тормозящим демографический рост, вследствие неподъемной комплексной нагрузки на женщину, выходящей далеко за рамки финансовых проблем.

Если рассматривать «экономику материнства»-концепцию, введённую для анализа экономических последствий репродуктивных решений,-то решение о

© Горина Е.С., Слеб В.В., Гареева И.А., 2026

[1] Богданова И. Н. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях // Богданова И. Н., Артамонова Я. В. [Электронный ресурс] // Caucasian Science Bridge. 2022. №3 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-semya-kak-uskolzayuschiy-sotsialnyy-fenomen-v-sovremennyh-rossiyskih-usloviyah (дата обращения: 17.09.2025).

[2] Труд и занятость в России – 2023 : стат. сб. / Росстат. – Москва – 178: [Электронный ресурс] – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

рождении ребёнка всё чаще сопряжено с расчётом долгосрочных альтернативных издержек.

Прямые финансовые потери становятся первым вызовом. Усиливает эти потери так называемый «штраф за материнство»-термин, введённый для описания системного снижения заработной платы и карьерных возможностей матерей. Согласно исследованиям[11], наибольшее влияние на заработную плату оказывает наличие ребенка младше 3 лет, что уменьшает доход на 13,2 %. Эти потери обусловлены как дискриминационными практиками работодателей, так и вынужденным выбором более гибких, но менее оплачиваемых форм занятости.

Экономика материнства» раскрывает глубокую структурную проблему: высокие альтернативные издержки и системная дискриминация создают для женщин серьёзные финансовые и карьерные риски, что требует не только индивидуальных стратегий, но и системных мер поддержки.

Также в трансформации репродуктивных установок ключевым аспектом выступает кризис института расширенной семьи. Исторически именно поддержка старшего поколения была ключевым ресурсом для многодетных семей, однако сегодня этот институт переживает глубокий системный кризис.

Одной из главных причин является географическая мобильность, вызванная массовой миграцией молодежи из малых городов и сел в региональные центры и мегаполисы, что привело к физическому разрыву семейных связей. Это создает контраст между мегаполисами и провинцией, формируя острый региональный дисбаланс. В городах-миллионниках молодые семьи зачастую оказываются в состоянии «социального одиночества» - объективной нехватки социальных контактов и поддержки со стороны родственников. В таких условиях рождение даже второго ребенка сопровождается для родителей колоссальным стрессом, что напрямую влияет на репродуктивные планы.

Таким образом, трансформация репродуктивных установок в сторону малодетности является следствием кризиса института расширенной семьи. «Социальное одиночество», вызванное ослаблением межпоколенческих связей, лишает молодые семьи поддержки старшего поколения. Это приводит к тому, что репродуктивные планы вступают в противоречие с социально-экономическими реалиями, вынуждая семьи снижать свои репродуктивные установки.

При анализе значимым фактором выступает культ «идеальной матери», выражающийся в идеализации родительства. На смену традиционной модели

---

[1] Макаренцева А. О. Динамика вступления в материнство в современной россии [Электронный ресурс] // Мир России. Социология. Этнология. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-vstupleniya-v-materinstvo-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 16.09.2025).

пришел нормативный конструкт «интенсивного родительства», который предписывает женщине тотальную самоотдачу. Давление цифровой эпохи создает образ «успешной мамы», что ведет к эмоциональному выгоранию.

Важным аспектом является коммодификация детства - процесс превращения детства и родительства в товар, когда потребности ребенка становятся сферой рыночных отношений. Это проявляется в росте рынка услуг для родителей, что превращает родительство в капиталоемкий проект, требующий постоянных финансовых инвестиций.

Психологическая цена этого явления высока: количественные показатели выраженности симптомов эмоционального выгорания у матерей, принявших участие в исследовании, по «Методике диагностики уровня эмоционального выгорания у матерей»[1] показывают, что большинство матерей (62,5%) имеют не сложившийся синдром эмоционального выгорания, 20%-складывающийся синдром, что может говорить о прогрессирующей картине в результате каких-либо изменений в себе или в жизни испытуемых. И 17,5% имеют сложившийся синдром эмоционального выгорания.

Таким образом, культ «идеального материнства», подпитываемый цифровой средой и коммодификацией детства, становится серьезным психологическим барьером. Высокий риск эмоционального выгорания, связанного с необходимостью соответствия нереалистичным стандартам, заставляет женщин пересматривать планы на рождение последующих детей или откладывать материнство, что вносит вклад в снижение рождаемости[2].

Проведенная работа позволяет утверждать, что современное материнство в России трансформировалось в социальный институт с неподъемными альтернативными издержками. Решение о рождении, особенно последующего ребенка, все реже является интуитивным или экономически мотивированным. Оно превратилось в сложное уравнение, где женщина вынуждена оценивать карьерные риски профессиональной стагнации и потери дохода, потенциальную социальную изоляцию из-за отсутствия поддержки со стороны семьи или доступной инфраструктуры, а также эмоциональную готовность выдержать давление общественных ожиданий и идеалов «перфектной» матери.

До тех пор, пока материнство будет восприниматься как личная аскеза, сопряженная с высокими рисками и тотальной ответственностью, даже

[1] Андреева М. В. Эмоциональное выгорание матерей с детьми младенческого возраста // Андреева М. В., Кондаурова О.П. [Электронный ресурс]// КПЖ. 2022. №5 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-materey-s-detmi-mladencheskogo-vozrasta (дата обращения: 17.09.2025).

[2] Наберушкина Э. К. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения [Электронный ресурс] // Э.К. Наберушкина, О.В. Бессчетнова, О.А. Судоргин ЖИСП. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-semeynye-tsennosti-v-predstavleniyah-molodogo-pokoleniya (дата обращения: 17.09.2025).

значительное увеличение размеров пособий не сможет переломить устойчивую демографическую тенденцию. Ключ к изменению ситуации лежит в комплексной демографической политике, признающей ценность не только экономических, но и социальных и эмоциональных ресурсов семьи. Трансформация репродуктивных установок в России свидетельствует о необходимости перехода от экономически ориентированной демографической политики к комплексной стратегии, направленной на снижение альтернативных издержек материнства через создание инфраструктуры поддержки, компенсирующей кризис института старшего поколения (ясли, услуги нянь), трансформацию гендерных ролей (сокращение «штрафа за материнство» через продвижение гибкой занятости), а также публичную деконструкцию мифа об «идеальной матери» и пропаганду реалистичных моделей родительства.

Список литературы

1. Андреева М.В. Эмоциональное выгорание матерей с детьми младенческого возраста // Андреева М. В., Кондаурова О. П. [Электронный ресурс]// КПЖ. 2022. №5 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-materey-s-detmi-mladencheskogo-vozrasta (дата обращения: 17.09.2025).

2. Богданова И.Н. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях // Богданова И.Н., Артамонова Я.В. [Электронный ресурс] // Caucasian Science Bridge. 2022. №3 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodaya-semya-kak-uskolzayuschiy-sotsialnyy-fenomen-v-sovremennyh-rossiyskih-usloviyah (дата обращения: 17.09.2025).

3. Макаренцева А.О. Динамика вступления в материнство в современной россии [Электронный ресурс] // Мир России. Социология. Этнология. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-vstupleniya-v-materinstvo-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 16.09.2025).

4. Наберушкина Э.К. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения [Электронный ресурс] // Э. К. Наберушкина, О. В. Бессчетнова, О. А. Судоргин ЖИСП. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-semeynye-tsennosti-v-predstavleniyah-molodogo-pokoleniya (дата обращения: 17.09.2025).

5. Труд и занятость в России – 2023 : стат. сб. / Росстат. – Москва – 178: [Электронный ресурс] – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

E.S. Gorina, V.V. Sleb, I.A. Gareeva

TRANSFORMATION OF REPRODUCTIVE ATTITUDES IN MODERN SOCIETY

The article is devoted to the study of the social reasons that make modern motherhood the main obstacle to increasing the birth rate in Russia. It examines the paradoxical situation where increased government assistance to families does not significantly affect the growth of the overall birth rate. Family planning is increasingly based not on financial indicators, but on a broader range of factors such as career, emotional aspects and accessibility of infrastructure. This indicates the need to review demographic programs with a focus on reducing the non-economic burdens borne by women.

Keywords: reproductive attitudes, fertility, motherhood.

УДК 316.356.2

Д.С. Калашникова

ВОСПРИЯТИЕ РОЛИ ОТЦА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается концепт вовлеченного отцовства как современная модель, предполагающая активное участие отца в воспитании и развитии ребенка. На основе анализа данных ФОМ изучено общественное мнение относительно взглядов россиян на роль отца. Отмечаются различия в восприятии отцовства в зависимости от пола, возраста, уровня образования и дохода респондентов. Несмотря на сохраняющиеся стереотипы и социальные барьеры, растет число мужчин, стремящихся к более близким отношениям с детьми и активной роли в их жизни.

Ключевые слова: вовлеченное отцовство, роль отца, общественное мнение.

В современном обществе все больше признается роль отца в воспитании и развитии ребенка. Вовлеченное отцовство — концепт, который вошел в спектр научных интересов в связи со стремительными изменениями отцовских практик в современном мире. Данная модель отцовства, в отличии от традиционной, предполагает выполнение отцом не только традиционных обязанностей, но и активное участие в жизни и формировании личности ребенка[1]. К отличительным особенностям, в числе прочего, можно отнести делегирование матерями, части своих конвенциональных функций по отношению к детям, отцам. Например, популяризировалась такая практика, как выход отца в отпуск по уходу за ребенком, более того данное явление в России закреплено законодательно[2]. Общественное мнение постепенно меняется, подчеркивая важность присутствия и поддержки отца для гармоничного развития всей семьи. Однако, по-прежнему некоторый вес имеет давление на мужчин со стороны общества, которое способствует формированию у них стереотипов о функционировании семьи и не позволяет им выстраивать близкие отношения со своими детьми[3]. Целью данной статьи является оценить общественное мнение относительно роли отца.

Для достижения поставленной цели, был проведен вторичный анализ данных исследования ФОМ «Роль отца в семье», которое было проведено в период с 15 по 17 октября 2021 года. Целью было изучение представления россиян о роли отца в воспитании детей, а также о том, каким должен быть

© Калашникова Д.С., 2026

[1] Социальные практики отцовства в современной российской семье: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Янак Алина Леонидовна; [ФГАОУ ВО "Нац. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского"]. Нижний Новгород, 2019. 23 с.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 30 декабря 2001 г. №193-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.)

[3] Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С.155-185.

хороший отец. Методом исследования – поквартирный опрос, выборка составила 1500 респондентов. Исследование проводилось в 53 регионах страны, в 104 населенных пунктах[1].

На основе данных ФОМ, полученных в ходе исследования, можно сделать следующие выводы. Если рассматривать население в целом, стоит отметить высокий уровень важности отцовства для людей. Подавляющее число респондентов (93%) придерживаются мнения о том, что в воспитании детей, в равной степени, играет роль как отец, так и мать. Однако, многие не согласны с тем, что большая часть отцов в современной России принимает активное участие в воспитании детей. Стоит отметить, что мнения в данном вопросе разделились между мужчинами и женщинами. Последние более пессимистично настроены относительно данного вопроса.

На открытый вопрос «Кто «такой хороший отец», каким он должен быть?» россияне давали разные ответы. Большая доля от числа респондентов придерживается мнения о том, что хороший отец тот, который заботится о детях, уделяет им внимание и принимает участие в воспитании. Важной характеристикой «хорошего отца для россиян» оказалось обладание такими личными чертами характера как: доброта, отзывчивость, проявление ласки в отношении детей, а также ответственность и надежность. Часто, также, респонденты отмечали важность материального обеспечения со стороны отца.
Среди причин празднования в России Дня отца, названных респондентами, наиболее популярной является равноценный вклад отцов и матерей в развитие детей. (Так как в России отмечается день матери, следует отмечать и День отца). Некоторое число респондентов отметило, что данный праздник будет способствовать повышение авторитету отцов в семье и обществе.

Для получения более детального анализа, данные были проанализированы в разрезе социально-демографических характеристик. Наиболее сильно обуславливает отношение к отцовству уровень образования. Так, уровень вовлечения в воспитание детей выше среди людей с высшим образованием. Больше всех обладателей (41%) несовершеннолетних детей именно в данной социальной группе, и, практически все проживают совместно с ними. Большинство людей (70%) с высшим образованием считают, что их отцы принимали активное участие в их воспитании и выстраивали доверительные отношения. Четверть с из них считают, что проводят со своими детьми достаточно времени, и чуть меньшая часть, что выстраивают более близкие отношения со своими, чем были у них с отцом. Люди с более низким уровнем образования высказывают меньшую степень согласия с достаточным уровнем

[1] Роль отца в семье [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14634?ysclid=mf5b67qjio876459633 (Дата обращения 15.09.2025)

вовлечения отцов в их детстве. Это отражается на их собственном вовлечении в воспитание своих детей, оно остается на том уровне либо снижается. Более того, люди с высшим образованием более пессимистично оценивают уровень вовлеченности отцов в России.

Можно сделать вывод о том, что обладатели высшего образования являются наиболее подготовленной группой к тому, чтобы завести ребенка. Это выражается как в предполагаемой психологической зрелости, так и в достижении материального благополучия, для создания необходимых условий для детей. Благодаря положительному опыту детства у большинства обладателей высшего образования, они стремятся к более активному участию в развитии своих детей и выстраивании с ними близких отношений. При этом, остаются пессимистично настроены и не считают свою вовлеченность достаточной. Это доказывает, что высокий уровень образования наделяет критическим мышлением.

Одним из наиболее сильно влияющих на общественное мнение факторов оказался уровень доходов. Больше всего обладателей (52%) несовершеннолетних детей среди людей с наибольшим доходом. Группы людей со средним доходом менее других обладают несовершеннолетними детьми (24%), причем доля данной группы населения является самой большой от всех опрошенных. Интересно, что часто обладателями (41%) несовершеннолетних детей, являются люди с самым низким доходом или его отсутствием, и внушительная доля проживает вместе со своими детьми. Они проявили наибольший уровень согласия (70%) с необходимостью введения в России праздника «День отца», а также с тем, что решающую роль в воспитании детей должен решать отец. Среди людей с отсутствием доходов наибольшее количество (71%) считают, что отец принимал участие в их воспитании, имели доверительные отношения с отцом, проводят достаточное количество времени со своим ребенком. Несмотря на это, практически отсутствуют представители данной группы согласные с тем, что проводят больше или столько же времени со своим ребенком, чем их отец в детстве, и что со своим ребенком выстраивают более доверительные и близкие отношения. Наивысшие показатели включенности наблюдается среди обладателей наивысшего дохода. Так, пятая часть из этой группы считают, что проводят больше времени со своими детьми, чем их отец и выстраивают более доверительные отношения, чем были у них.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать некоторые выводы. Можно предположить, что люди с наименьшим уровнем доходов или их отсутствием отличаются некоторой безответственностью и инфантильностью. Они заводят детей, несмотря на предположительную невозможность

обеспечивать их необходимыми инструментами развития и даже хозяйственно-бытовыми условиями.

Также несмотря на то, что большая доля из группы людей с отсутствием личного дохода или с низким его уровнем, говорят о том, что их отцы принимали участие в их развитии и выстраивали с ними близкие отношения, сами представители данных групп не стремятся следовать примеру своих отцов и не предпринимают должного участия в воспитании своих детей.

Также рассмотрим, как отличаются ответы респондентов в зависимости от возраста. Наибольшее количество (79%), поддержавших введение «Дня отца» в России, оказалось среди младшей возрастной группы (от 18 до 30 лет), а наименьшее (57%) среди людей в возрасте старше 60 лет. Это говорит о том, что молодые люди более толерантны к каким-либо нововведениям. Подавляющее большинство (92-96%) респондентов из всех возрастных групп считает, что решающую роль в воспитании детей должны играть оба родителя. Несмотря на это доля согласия с достаточным участием отцов в воспитании детей остается довольно низкой, при чем старшая возрастная группа наиболее пессимистично настроена.

Причины, низкой степени согласия с вовлеченностью в воспитательный процесс среди людей старшей возрастной категории, могут скрываться в их жизненном опыте. Раньше наиболее популярен был традиционный тип отцовства. Главными функциями отца были обеспечение материального благополучия семьи и ее защита. При этом воспитательная функция в основном ложилась на матерей. Однако это не подтверждается дальнейшими ответами. Так, большая часть людей старше 60 лет сказали, что отец принимал активное участие в их воспитании, а также, что имели близкие, доверительные отношения со своим отцом в детстве. Стоит сказать, что практически никто из старшей возрастной группы не имеют несовершеннолетних детей. Из этого следует предположение, что они не обладают необходимыми знаниями, относительно современных практик отцовства, и делают выводы на основе своего жизненного опыта и стереотипов.

Подводя итоги, стоит сказать, что внимание к теме отцовства среди разных социальных групп значительно. Общественное мнение, относительно роли отца, обусловлено социально-демографическими характеристиками: пол, возраст, уровень доходов, образование и др. Многие считают, что в России необходим праздник «День отца», и, что вклад отцов в воспитание детей необходим наравне с материнским. Так, представители молодежи в большей степени стремятся к изменениям и более оптимистично отзываются о вовлеченности отцов России. Несмотря на то, что матери занимают лидирующую позицию в вопросе воспитания детей, проводят с ними больше времени, чем отцы, последние

проявляют попытки к большему вовлечению. Растет число мужчин, считающих, что проводят больше времени со своими детьми и стремятся выстроить с ними более близкие отношения, чем были у них с отцом.

Список литературы

1. Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы изучения отцовства в социологии / А.Е. Звонарева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 3. С. 25-31.

2. Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность / Е.Ю. Рождественская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С.155-185.

3. Роль отца в семье [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14634?ysclid=mf5b67qjio876459633 (Дата обращения 15.09.2025)

4. Трудовой кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 30 декабря 2001 г. №193-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.)

5. Социальные практики отцовства в современной российской семье: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Янак Алина Леонидовна; [ФГАОУ ВО «Нац. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского»]. Нижний Новгород, 2019. 23 с.

D.S. Kalashnikova

PERCEPTION OF THE ROLE OF THE FATHER IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

This article examines the concept of involved fatherhood as a modern model that envisions the father's active participation in the upbringing and development of his child. Based on an analysis of FOM data, public opinion regarding Russians' views on the role of the father is examined. Differences in perceptions of fatherhood are noted depending on respondents' gender, age, education level, and income. Despite persistent stereotypes and social barriers, the number of men seeking closer relationships with their children and an active role in their lives is growing.

Keywords: involved fatherhood, role of the father, public opinion.

УДК 316.36

И.Д. Кривоносова

СОЖИТЕЛЬСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА, ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье представлен комплексный анализ феномена сожительства в России. Актуальность изучения данной социальной тенденции обосновывается ростом незарегистрированных браков, что в дальнейшем влияет на трансформацию института семьи и брака. Сожительство как альтернатива зарегистрированному союзу вызывает бурные обсуждения общественных мнений, где возникает противоречие между социально одобряемой формой отношений и новым образом брачных отношений. Целью работы является выделение ключевых факторов, влияющих на распространение незарегистрированных союзов, таких как уровень образования, экономическая стабильность и ценностные ориентации. Особое внимание уделяется последствиям сожительства: неоднозначному социальному статусу партнеров, инициирующему неуверенность, высокому риску распада союза в сравнении с супружескими парами, сложностям раздела имущества и низкому уровню репродуктивных установок.

Ключевые слова: брак, сожительство, незарегистрированный брак, ценности, общественное мнение, брачно-семейные отношения.

В современном обществе, где взаимодействие между людьми приобретает новые формы под влиянием цифровизации и усложнения социальных структур, институт брака также претерпевает значительные трансформации. Согласно данным недавнего исследования ВЦИОМ (2025 г.), посвященного изменениям представлений россиян о браке за последние два десятилетия, выявлено, что традиционные основания для его заключения постепенно уступают место индивидуализированным мотивам. Наблюдается также размывание привычных границ брачных отношений, проявляющееся в широком распространении сожительства, гостевых и других альтернативных форм партнёрства[1]. Большое количество возможностей, предоставленных людям, способствует их ценностным установкам в сторону достижения личных целей, что снижает их потребности в заключении брака.

Сожительство как социальный феномен и альтернативная форма брачных отношений становится всё более распространенной в России, особенно среди молодежи. Под незарегистрированным сожительством следует понимать «совместное проживание партнеров, ведущих общее хозяйство и подразумевающее рождение детей в условиях отсутствия официальной

© Кривоносова И.Д., 2026

[1] Семья и брак в России XXI века [Электронный ресурс]: [рез-ты инициативного Всероссийского опроса ВЦИОМ 12 мая 2025 г.] // Официальный сайт ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka (Дата обращения: 20.10.2025)

регистрации брака»[1]. Данный вид союза можно приравнять к такому понятию, как «пробный брак», которое основывается на временной совместной жизни без официальной регистрации и предоставляет возможность прочувствовать семейную жизнь и оценить свою готовность к ней в плане самостоятельности, эмоциональной удовлетворенности и финансового благополучия. Однако, так как официальный брак продолжает сохранять свою символическую и социальную значимость, легализация сожительств до сих пор не устанавливается государством. Согласно данным ВЦИОМ за 2021 год, большинство россиян (71%) по-прежнему считают предпочтительным вступление в брак и совместную семейную жизнь. Однако 10% опрошенных (среди молодежи эта доля выше – 13-14%) выбирают жизнь в семье без официальной регистрации брака. 11% респондентов предпочитают жить в одиночестве и не вступать в брак, а 2% допускают фиктивный брак при раздельном проживании. Отмечается небольшое снижение доли тех, кто выступает за традиционный брак, по сравнению с 2017 годом (тогда этот показатель составлял 78%)[2]. Со стороны общества, официально зарегистрированный союз является приемлемой, социально одобряемой и законной формой отношений между мужчиной и женщиной. Исходя из этого, общественное мнение о распространяющейся тенденции незарегистрированных форм брака идет вразрез с устоявшимися нормами[3].

Отношение общества к сожительству делится на несколько позиций:

- либеральная, рассматривающая сожительство как частное дело двух взрослых людей, основанное на добровольном согласии, где официальная регистрация брака не является обязательной для признания их семьи обществом и не умаляет их взаимных прав и обязанностей.
- консервативная, настаивающая на необходимости формализации отношений (через религиозный или гражданский брак) как на акте принятия моральной и социальной ответственности перед Богом, обществом и государством.
- формально-юридическая, которая акцентирует внимание на практических сложностях правового регулирования сожительства, таких

[1] Коблева З.Х. Незарегистрированное сожительство как модель брачной стратегии современной молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. 2022. №3 (304). С. 69.

[2] Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели [Электронный ресурс]: [рез-ты инициативного Всероссийского опроса ВЦИОМ 8 июля 2021 г.] // Официальный сайт ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli

[3] См. Чугунова Е.Н. Метаморфозы социального института брака / Е.Н. Чугунова, А.В. Ручкин // Социально-гуманитарные науки: современные проблемы: сборник статей. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2022. С. 403-406.

как доказывание факта совместной жизни и раздела имущества, что может привести к значительной нагрузке на судебную систему[1].

Несмотря на критику со стороны общества, в России сожительства становятся новым образцом партнерских отношений в общественном сознании и постепенно преобразуются в самостоятельный институт, ценности которого основываются на самореализации и личностном развитии[2]. Детерминанты сожительства среди молодежи связаны с тем, что «молодые люди чаще ставят свои интересы и карьерные ожидания выше семейных. Вместо традиционной семьи молодое поколение предпочитает альтернативную форму отношений»[3]. При всем этом, такие союзы не гарантируют стабильности отношений, вступления в зарегистрированный брак и рождения детей. Они лишь удовлетворяют потребности партнеров в желании иметь близкого человека, с которым будет полное взаимопонимание, так же способствуют удовлетворению сексуальных потребностей, ощущению финансовой независимости и не препятствуют самореализации каждого индивидуума[4]. Можно отметить, что ключевым фактором сожительства среди молодежи является удобство данной формы отношений за счет отсутствия дополнительных трудностей, в том числе чувства ответственности за дальнейшее благополучие семьи. Для данной социальной группы «штамп в паспорте» является формальностью, которая никак не влияет на их отношения со своими партнерами[5]. А брак становится не социальной обязанностью, а личным выбором, базирующимся на эмоциональной близости и взаимопонимании[6]. Кроме того, в случае получения образования обоими или одним из партнеров брак затрудняет совмещение семейной жизни и учебы, из-за чего вступление в него может откладываться[7]. Также к числу основных детерминант, влияющих на преимущество незарегистрированных форм брака, относятся: низкий уровень материального

[1] См. Фарахутдинов Ш.Ф. Эволюция института брака и общественное мнение / Ш.Ф. Фарахутдинов, О.В. Устинова // Социология. 2021. №4. С. 136-145.
[2] См. Там же.
[3] Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №4. С. 109-113.
[4] См. Чугунова Е.Н. Метаморфозы социального института брака / Е.Н. Чугунова, А.В. Ручкин // Социально-гуманитарные науки: современные проблемы: сборник статей. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2022. С. 403-406. // См. Фарахутдинов Ш.Ф. Эволюция института брака и общественное мнение / Ш.Ф. Фарахутдинов, О.В. Устинова // Социология. 2021. №4. С. 136-145.
[5] См. Попова А.В. Отношение студенческой молодёжи к браку и семье в трансформирующемся обществе / А.В. Попова // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции, Иркутск, 16–17 июня 2023 года. С. 662-663.
[6] См. Чистопашин Я.А. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью / Я.А. Чистопашин, М.И. Черепанова // Society and Security Insights. 2025. №1. С. 195-209.
[7] См. Vakulenko A.A. The attitude of SPCPU students to student marriages / A. A. Vakulenko, A. A. Demidenko // Young Pharmacy - Potential of the Future: Proceeding of the XV All-Russian scientific conference with international participation of the Youth Scientific Society SPHFC, St. Petersburg, 07–08 апреля 2025 года. – St. Petersburg: Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 2025. P. 1112-1114.

обеспечения сожителей, влияющий на осознание партнерами необходимости экономической способности содержать семью; отсутствие собственного жилья; снижение брачного возраста; увеличение количества разводов и изменение репродуктивных установок молодежи[1].

К проблемам и последствиям, которые становятся результатом распространения сожительства в России, относятся: ослабление института семьи, снижение социальной значимости традиционной формы брачно-семейных отношений, отказ от регистрации брака, рост внебрачной рождаемости и увеличение количества неполных семей[2]. А также формирование новых представлений о семейно-брачных отношениях, в основе которых преобладает эмоциональный и психологический комфорт, способствующий удовлетворению партнерами незарегистрированных отношений[3].

Помимо этого, к немаловажным проблемам незарегистрированного брака относят: неоднозначный социальный статус мужчин и женщин, отсутствие стабильности, высокий риск распада союза, неопределенный юридический и социальный статусы детей, трудности с разделом или наследованием имущества, в случае распада сожительства[4].

Несмотря на отрицательные стороны данной формы союза, к позитивной стороне сожительства можно отнести создание более гармоничной семьи за счет изменения семейно-брачных отношений, где стратегия заключается в нахождении баланса между личными делами и семейными целями, а также в более ответственном отношении к родительству в зрелом возрасте[5].

Таким образом, современные тенденции в брачно-семейных отношениях указывают на изменение ценностных установок молодого поколения. Эти установки смещаются в сторону самореализации, стремления к экономической и социальной независимости от партнера, а также демонстрируют снижение уровня ответственности за долгосрочное развитие партнерства и полноценное создание семьи. Общественное мнение по вопросу незарегистрированных браков в России крайне неоднородно и противоречиво. Эта ситуация обуславливает потребность в правовом регулировании таких союзов или создании федеральных программ. Их целью стала бы поддержка людей,

---

[1] См. Коблева З.Х. Добрачное сожительство в современной молодежной среде/ З.Х. Коблева, И.А. Каратабан, Н.К. Губжокова, З.Х. Мамижева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 38-43.

[2] См. Коблева З.Х. Добрачное сожительство в современной молодежной среде/ З.Х. Коблева, И.А. Каратабан, Н.К. Губжокова, З.Х. Мамижева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 38-43.

[3] См. Коблева З.Х. Незарегистрированное сожительство как модель брачной стратегии современной молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. 2022. №3 (304). С. 64-74.

[4] См. Кочеткова Т.Н. Анализ проблем незарегистрированных браков // Мир науки. 2022. №2. С. 1-7.

[5] См. Чистопашин Я.А. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью / Я.А. Чистопашин, М.И. Черепанова // Society and Security Insights. 2025. №1. С. 195-209.

выбравших альтернативные формы отношений, снижение социального давления на них, а в конечном счёте — укрепление института семьи в целом и стимулирование рождаемости для улучшения демографической ситуации.

Список литературы

1. Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели [Электронный ресурс]: [рез-ты инициативного Всероссийского опроса ВЦИОМ 8 июля 2021 г.] // Официальный сайт ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli (Дата обращения: 20.10.2025)
2. Коблева З.Х. Добрачное сожительство в современной молодежной среде/ З.Х. Коблева, И.А. Каратабан, Н.К. Губжокова, З.Х. Мамижева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 38-43.
3. Коблева З.Х. Незарегистрированное сожительство как модель брачной стратегии современной молодежи / З.Х. Коблева // Вестник Адыгейского государственного университета. 2022. №3 (304). С. 64-74.
4. Кочеткова Т.Н. Анализ проблем незарегистрированных браков / Т.Н. Кочеткова // Мир науки. 2022. №2. С. 1-7.
5. Попова А.В. Отношение студенческой молодёжи к браку и семье в трансформирующемся обществе / А.В. Попова // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции, Иркутск, 16–17 июня 2023 года. С. 662-663.
6. Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном обществе: установки и ценности / К.Р. Семенцова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №4. С. 109-113.
7. Семья и брак в России XXI века [Электронный ресурс]: [рез-ты инициативного Всероссийского опроса ВЦИОМ 12 мая 2025 г.] // Официальный сайт ВЦИОМ URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka (Дата обращения: 20.10.2025)
8. Фарахутдинов Ш.Ф. Эволюция института брака и общественное мнение / Ш.Ф. Фарахутдинов, О.В. Устинова // Социология. 2021. №4. С. 136- 145.
9. Чистопашин Я.А. Отложенное вступление в брак и семейные ожидания молодежи: между карьерой и личной жизнью / Я.А. Чистопашин, М.И. Черепанова // Society and Security Insights. 2025. №1. С. 195-209.
10. Чугунова Е.Н. Метаморфозы социального института брака / Е.Н. Чугунова, А.В. Ручкин // Социально-гуманитарные науки: современные

проблемы: сборник статей. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2022. С. 403-406.

11. Vakulenko A.A. The attitude of SPCPU students to student marriages / A. A. Vakulenko, A. A. Demidenko // Young Pharmacy - Potential of the Future: Proceeding of the XV All-Russian scientific conference with international participation of the Youth Scientific Society SPHFC, St. Petersburg, 07–08 апреля 2025 года. – St. Petersburg: Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 2025. P. 1112-1114.

I.D. Krivonosova

COHABITATION AS A SOCIAL PHENOMENON IN MODERN SOCIETY: DYNAMICS, DETERMINANTS AND CONSEQUENCES

The article presents a comprehensive analysis of the phenomenon of cohabitation in Russia. The relevance of studying this social trend is justified by the growth of unregistered marriages, which further affects the transformation of the institution of family and marriage. Cohabitation as an alternative to a registered union causes heated discussions of public opinion, where a contradiction arises between a socially approved form of relationship and a new way of marital relations. The aim of the work is to identify the key factors influencing the spread of unregistered unions, such as the level of education, economic stability and value orientations. Special attention is paid to the consequences of cohabitation: the ambiguous social status of the partners, which initiates insecurity, the high risk of union breakdown in comparison with married couples, the complexity of the division of property and the low level of reproductive attitudes.

Keywords: marriage, cohabitation, unregistered marriage, values, public opinion, marital and family relations.

УДК 316.36

В.Д. Радионова

РОЛЬ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ И ИХ СЕМЕЙ

Статья посвящена проблеме исследования взаимодействия и конфликтов между поколениями. Изучены основные стереотипы и проявление эйджизма молодого поколения по отношению к другим поколениям. Представлены результаты авторского исследования социальных стереотипов старости в сознании молодёжи?

Ключевые слова: семья, поколения, традиционные ценности, межпоколенные конфликты и взаимодействия.

Современные семейные структуры изменяются с увеличением распространённости нуклеарных семей, что влияет на межпоколенческое взаимодействие и традиционные ценности. Утрата классической модели семьи меняет восприятие старости и заботу о пожилых родственниках. Новые формы семейных отношений требуют адаптации к современным реалиям для сохранения взаимопонимания и уважения.

Можно сделать вывод, что в качестве важного ресурса развития межпоколенных связей следует рассматривать отношения молодёжи к культурному и историческому наследию старших поколений.

За очень длительный промежуток времени брак из практически обязательного, недобровольного ритуала перерос в добровольный союз мужчины и женщины. Наличие супруга и детей у человека перестало быть фактором, необходимым для принятия взрослого индивида в социуме. В настоящее время брак – это действительно добровольный союз мужчины и женщины, основанный на взаимной любви и уважении, направленный на создание семьи[1].

При построении своей семьи, пара смотрит на предыдущие поколения, чтобы выяснить для себя лучшие моменты и ошибки. Желание позаимствовать у старших поколений такие качества, как целеустремленность, активность, трудолюбие, любовь к своему делу может стать отправной точкой сохранения культурной и исторической памяти и связи поколений. Успешность реализации данной стратегии зависит, прежде всего, от молодого поколения, которое в скором времени будет создавать свои семьи[2].

© Радионова В.Д., 2026

[1] Кривов Н. А. Трансформация института семьи и брака в современном социуме: взгляд двух поколений // Скиф. 2020. №4 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-i-braka-v-sovremennom-sotsiume-vzglyad-dvuh-pokoleniy (дата обращения: 06.05.2025).

[2] Коган Е.А. Семья и связь поколений в представлении студенческой молодежи / Е.А. Коган, Е.И. Пронина // Primo aspectu. 2024. №4 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-svyaz-pokoleniy-v-predstavlenii-studencheskoy-molodezhi (дата обращения: 06.05.2025).

Главную роль в понятии «семья» для новых поколений играет понятие в предыдущих поколениях, в своих родительских семьях. Среди основных институтов социализации, повлиявших на формирование образа СССР, следует особенно отметить семью. Однако, ее роль существенно различалась у представителей старшей и более молодой возрастной группы[1].

Конечно, эти понятия будут различными из-за разных ценностей. Можно сделать вывод, что в качестве важного ресурса развития межпоколенных связей следует рассматривать отношения молодёжи к культурному и историческому наследию старших поколений[2].

Семья – одна из основных ячеек общества. Именно в семье новое поколение готовиться выйти в общество после взросления, обучается морали и нравственным ценностям. Роль нравственных ценностей в развитии и стабильности общества в современных условиях, отмечая, что в результате разумной политики государства и власти в стране создана морально-психологическая среда, благоприятная творческие условия. На основе культурной политики государства вырос духовный потенциал, проделана значительная работа по укреплению национальной идентичности[3].

Подводя итог сказанному, следует согласиться с утверждением с Т. Ю. Астаповой, о том, что традиционные ценности, в том числе и семейные, могут быть сохранены и развиты в том случае, если они имплементированы в правовую систему[4].

Для достижения поставленных целей было проведено полевое социологическое исследование с использованием онлайн-анкетирования. Был разработан структурированный опрос, состоящий из 10 вопросов, реализованный на платформе Google Forms. Такой формат позволил собрать первичную социологическую информацию от 54 студентов Тихоокеанского государственного университета (направление «Социальная работа») и членов их семей.

Выборка исследования является эмпирической, целевой и доступной. Формирование группы респондентов основывалось на их фактической

[1] Долгов А.Ю. От ностальгии к осмыслению настоящего: ссср в представлениях разных поколений / А.Ю. Долгов, Е.Ю. Мелешкина, О.А. Толпыгина // Полит. наука. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-nostalgii-k-osmysleniyu-nastoyaschego-sssr-v-predstavleniyah-raznyh-pokoleniy (дата обращения: 06.05.2025).

[2] Гриценко Г.Д. Межпоколенные связи в процессе социализации современной молодежи: точки сближения и напряжения / Г.Д. Гриценко, Т.Ф. Маслова, М.В. Смагина // KANT: SS&H. 2023. №3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennye-svyazi-v-protsesse-sotsializatsii-sovremennoy-molodezhi-tochki-sblizheniya-i-napryazheniya (дата обращения: 06.05.2025).

[3] Усмонзода, Х. У. Нақши арзишҳои ахлоқӣ дар рушд ва суботи ҷомеа дар шароити муосир / Х. У. Усмонзода, С.И. Зокиров // Вестник педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2022. – No. 1(5). – P. 88-92. – EDN XIVMZD. https://elibrary.ru/item.asp?id=48649175 (дата обращения: 06.05.2025).

[4] Несмеянова И.А. Современные семейные ценности и их особенности // Legal Bulletin . 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-semeynye-tsennosti-i-ih-osobennosti (дата обращения: 06.05.2025).

принадлежности к указанной студенческой общности и их ближайшему окружению. К участию были приглашены студенты и члены их семей, выразившие согласие. Общий объем выборки составил 54 респондента. Структурно выборка представлена студентами и членами их семей; для полноценного анализа требуется детальное описание процентного соотношения между данными группами, а также демографических характеристик (пол, возраст, семейное положение, состав семьи, наличие детей, образование), если они были собраны.

Онлайн-анкетирование на платформе Google Формы обеспечило стандартизацию процедуры опроса, автоматизацию ввода и первичной обработки данных, удобный доступ для респондентов и сохранение их анонимности. Анкета включала следующие типы вопросов: социально-демографические характеристики: пол, возраст, семейное положение, состав семьи, наличие детей, образование (для членов семей) и основные тематические блоки: мнения респондентов об отношении к семье, межпоколенческих различиях, причинах и способах разрешения внутрисемейных конфликтов, а также детско-родительских отношениях.

Применялись закрытые, полузакрытые типы вопросов. Процедура проведения опроса включала распространение ссылки на анкету через групповой чат и передачей ссылкой на опрос посредством «сарафанного радио» с предварительным вводным обращением, разъясняющим цели исследования, гарантии анонимности и конфиденциальности, а также инструкции по заполнению. Ответы автоматически фиксировались в Google Таблицах.

Анализ собранных данных включал первичную обработку: кодирование ответов на открытые и полузакрытые вопросы для дальнейшей количественной обработки, количественный анализ: применялась дескриптивная статистика для описания выборки и основных характеристик исследования, включая расчет частотных распределений и процентных соотношений, интерпретация результатов, и синтез количественных данных позволил сформулировать выводы, соответствующие задачам исследования.

Выборка исследования включала 62,7 % женщин и 37,3 % мужчин, преимущественно в возрасте 18–25 лет, что свидетельствует о преобладании молодого поколения. Установлено, что большинство участников проживают в полной семье, меньшая часть — в полной и расширенной семье, а 17,6 % — в неполной и расширенной семье, что демонстрирует разнообразие семейных структур. Около половины опрошенных состоят в браке и имеют детей, что отражает их семейный статус и жизненные этапы.

88,2 % респондентов считают, что отношение разных поколений к семье различается, что указывает на межпоколенческие различия как потенциальный

источник конфликтов. Большинство участников полагают, что межличностные конфликты в семье неизбежны, что отражает реалистичное восприятие семейных отношений.

Основные причины внутрисемейных конфликтов, по мнению респондентов, связаны с различиями в ценностях и убеждениях (76,5 %), а также с проблемами в коммуникации (74,5 %), что подчеркивает роль несовпадения взглядов и недостатка взаимопонимания. Разрешение внутрисемейных конфликтов видится в обмене мнениями и предложениями.

Причины конфликтов в детско-родительских отношениях ассоциируются с непониманием возрастных особенностей, что указывает на необходимость улучшения коммуникации и взаимного учета.

На основе опроса можно сделать вывод, что молодые люди в основном живут в разных семейных структурах и не состоят в браке. Они отмечают, что восприятие семейных ценностей различается между поколениями, что приводит к неизбежным межличностным конфликтам. Основная причина конфликтов связана с различиями в ценностях и непониманием возрастных особенностей. Респонденты уверены, что предложенные способы разрешения конфликтов могут быть эффективными. Важно развивать диалог и взаимопонимание для улучшения межпоколенческих отношений.

Таким образом, семейные ценности и восприятие семейных структур между поколениями действительно различаются, что может вызывать напряжённость и конфликты. Молодёжь чаще выбирает неклассические формы семейных отношений и не стремится к браку, что вызывает непонимание со стороны старшего поколения. Основные конфликты происходят из-за различий в ценностях и возрастных особенностях. Однако существует значительный потенциал для улучшения межпоколенческих отношений. Развитие диалога и взаимопонимания может привести к более гармоничным отношениям и укреплению связей между поколениями. Важно адаптировать модели взаимодействия, чтобы совместно находить решения и достигать компромиссов, что создаст более дружелюбную атмосферу внутри семей.

Список источников

1. Гриценко Г.Д. Межпоколенные связи в процессе социализации современной молодежи: точки сближения и напряжения / Г.Д. Гриценко, Т.Ф. Маслова, М.В. Смагина // KANT: SS&H. 2023. №3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennye-svyazi-v-protsesse-sotsializatsii-sovremennoy-molodezhi-tochki-sblizheniya-i-napryazheniya (дата обращения: 06.05.2025).

2. Долгов А.Ю. От ностальгии к осмыслению настоящего: ссср в представлениях разных поколений / А.Ю. Долгов, Е.Ю. Мелешкина, О.А. Толпыгина // Полит. наука. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-nostalgii-k-osmysleniyu-nastoyaschego-sssr-v-predstavleniyah-raznyh-pokoleniy (дата обращения: 06.05.2025).

3. Коган Е.А. Семья и связь поколений в представлении студенческой молодежи / Е.А. Коган, Е.И. Пронина // Primo aspectu. 2024. №4 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-svyaz-pokoleniy-v-predstavlenii-studencheskoy-molodezhi (дата обращения: 06.05.2025).

4. Кривов Н. А. Трансформация института семьи и брака в современном социуме: взгляд двух поколений // Скиф. 2020. №4 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-semi-i-braka-v-sovremennom-sotsiume-vzglyad-dvuh-pokoleniy (дата обращения: 06.05.2025).

5. Несмеянова И.А. Современные семейные ценности и их особенности // Legal Bulletin . 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-semeynye-tsennosti-i-ih-osobennosti (дата обращения: 06.05.2025).

6. Усмонзода, Х. У. Нақши арзишҳои ахлоқӣ дар рушд ва суботи ҷомеа дар шароити муосир / Х. У. Усмонзода, С. И. Зокиров // Вестник педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2022. – No. 1(5). – P. 88-92. – EDN XIVMZD. https://elibrary.ru/item.asp?id=48649175 (дата обращения: 06.05.2025).

V.D. Radionova

FAMILY AS A FOUNDATION: VALUES THAT UNITE GENERATIONS

The article is devoted to the problem of studying the interaction and conflicts between generations. The main stereotypes and manifestations of ageism of the younger generation in relation to other generations are studied. The results of the author's research on social stereotypes of old age in the minds of young people are presented

Keywords: family, generations, traditional values, intergenerational conflicts and interactions.

УДК 314.15

В.В. Слеб, Е.С. Горина, И.А. Гареева

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС: СОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется современная государственная демографическая политика в Российской Федерации, направленная на поддержку семей с детьми. На основе данных Росстата и региональной статистики исследуется эффективность мер материального стимулирования (материнский капитал, пособия) и инфраструктурных проектов (строительство детских садов, развитие электронных сервисов). Особое внимание уделяется успешным федеральным практикам, таким как программы «Земский доктор» и социальная ипотека для молодых ученых, которые способствуют закреплению кадров в регионах. Предлагается дальнейшее развитие комплексного подхода, сочетающего финансовую поддержку с инвестициями в инфраструктуру и внедрением технологий, для создания благоприятных условий для семей во всех субъектах РФ.

Ключевые слова: региональные меры поддержки, семья, демографическая политика, материнский капитал, социальная инфраструктура, доступность детских садов.

Согласно официальной статистике, в Хабаровском крае отмечается положительная динамика ключевых демографических показателей. Меры государственной поддержки семей способствуют росту рождаемости и улучшению социального самочувствия населения. По данным Росстата, в 2023 году естественная убыль населения в Хабаровском крае сократилась на 15% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует об эффективности принимаемых мер [1].

Например, в Хабаровском крае за последние годы значительно выросла доступность детских садов для малышей. Это результат серьезной работы властей. Однако, как отмечает эксперт Демешин в своем исследовании, некоторые семьи все еще сталкиваются с тем, что мест в яслях может не хватать именно в их район[2]. Это не отменяет общего прогресса, но показывает, куда можно направить усилия дальше.

Таким образом, можно предложить дополнительно стимулировать развитие местной инфраструктуры — строить больше детских садов в растущих районах и развивать программы доступного жилья в малых городах. Это

© Слеб В.В., Горина Е.С., Гареева И.А., 2026

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) - Раздел "Демография" по Дальневосточному федеральному округу.

[2] Демешин, А.С. Социально-демографическое развитие Хабаровского края в условиях реализации государственной семейной политики / А.С. Демешин // Вопросы территориального развития. – 2022. – № 4(66). – С. 12-15

поможет еще большему числу семей в полной мере воспользоваться помощью государства.

Важно подчеркнуть масштабные и системные усилия государства, направленные на выравнивание ситуации. Ярким примером успешной федеральной практики являются программы «Земский доктор»[1] и «Земский учитель»[2], которые доказали свою эффективность в решении кадрового вопроса в социальной сфере и мотивируют специалистов переезжать в сельскую местность за счет существенных мер материальной.

В результате, дальнейшее развитие доказавших свою эффективность федеральных инициатив на региональном уровне представляется ключевым направлением для достижения единых высоких стандартов качества жизни для семей с детьми в любом субъекте Российской Федерации.

В качестве показательного примера эффективной реализации государственной демографической политики следует выделить программу «Социальная ипотека для молодых ученых», реализуемую в рамках национального проекта «Наука и университеты»[3]. Данная программа предусматривает предоставление молодым кандидатам и докторам наук ипотечных кредитов по льготной ставке 5% годовых на приобретение жилья в регионе работы. Например, молодой кандидат биологических наук, принявший приглашение на работу в научный центр Новосибирского Академгородка, получает возможность приобретения жилья с государственной поддержкой: федеральный бюджет компенсирует разницу между рыночной и льготной ставкой по ипотечному кредиту. Помимо жилищных льгот, программа предусматривает дополнительные меры поддержки: подъемные средства для приобретения жилья, компенсацию аренды жилья на период трудоустройства, а также возможность устройства детей в дошкольные и образовательные учреждения в первоочередном порядке. Такая комплексная поддержка позволяет не только привлечь высококвалифицированные кадры в научные центры страны, но и создает условия для долговременного закрепления молодых ученых и их семей, способствуя тем самым устойчивому демографическому и научно-технологическому развитию регионов.

Наблюдается устойчивая положительная динамика в обеспечении доступности дошкольного образования. Строительство новых детских садов и

[1] О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения» : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 нояб. 2017 г. № 1372

[2] О проведении в 2020-2022 годах эксперимента по осуществлению выплаты единовременной компенсации учителю, прибывшему (переехавшему) на работу в сельские населенные пункты, рабочие поселки, поселки городского типа, города с населением до 50 тысяч человек : постановление Правительства Рос. Федерации от 27 дек. 2019 г. № 1830

[3] . Об утверждении правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление мер социальной поддержки молодых ученых : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2022 г. № 2545

модернизация существующей инфраструктуры в рамках государственных программ способствуют полному удовлетворению потребностей семей

Проводимая в Российской Федерации демографическая политика демонстрирует высокую эффективность в части материальной поддержки семей. Меры в виде материнского капитала и различных пособий создают важную финансовую основу для принятия решения о рождении детей. Однако, как показывают исследования, для достижения максимального эффекта важно не только наличие финансовых стимулов, но и комплексная готовность семьи, включающая социально-бытовые условия и психологическую уверенность в завтрашнем дне.

Подведем итоги, в качестве стратегического вектора предлагается синтез мер материального стимулирования и целевых инвестиций. Ключевые направления: выравнивание инфраструктурной обеспеченности регионов, поддержка социальных работников и внедрение времясберегающих технологий. Данный подход направлен на стимулирование рождаемости через укрепление института семьи и создание условий для совмещения родительства с профессиональной реализацией.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) - Раздел «Демография» по Дальневосточному федеральному округу. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 17.09.2023).

2. Демешин, А.С. Социально-демографическое развитие Хабаровского края в условиях реализации государственной семейной политики / А.С. Демешин // Вопросы территориального развития. – 2022. – № 4(66). – С. 12-15. URL:https://prokhab.ru/habarovskij-kraj-ukreplyaet-podderzhku-semej/?ysclid=mholpvtxd7638411267

3. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 нояб. 2017 г. № 1372 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://base.garant.ru/71848440/?ysclid=mhoopq7sjg545695573

4. О проведении в 2020-2022 годах эксперимента по осуществлению выплаты единовременной компенсации учителю, прибывшему (переехавшему) на работу в сельские населенные пункты, рабочие поселки, поселки городского типа, города с населением до 50 тысяч человек: постановление Правительства Рос. Федерации от 27 дек. 2019 г. № 1830 // Официальный интернет-портал правовой информации URL:

http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=154309182&backlink=1&&nd=154166679&rdk=6&refoid=154309190&ysclid=mhooszdwhy894000389

5. Об утверждении правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на осуществление мер социальной поддержки молодых ученых: постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2022 г. № 2545 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403237145/?ysclid=mhooty6x9p731463327

V.V. Sleb, E.S. Gorina, I.A. Gareeva

DEMOGRAPHIC PARADOX: MODERN STATE SUPPORT FOR FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the current state demographic policy in the Russian Federation aimed at supporting families with children. Based on data from Rosstat and regional statistics, the effectiveness of financial incentive measures (maternity capital, benefits) and infrastructure projects (construction of kindergartens, development of electronic services) is being investigated. Special attention is paid to successful federal practices, such as the Zemsky Doktor and social mortgage programs for young scientists, which contribute to the consolidation of personnel in the regions. It is proposed to further develop an integrated approach combining financial support with investments in infrastructure and the introduction of technology to create favorable conditions for families in all regions of the Russian Federation.

Keywords: regional support measures, family, demographic policy, maternity capital, social infrastructure, accessibility of kindergartens.

УДК 316.346.2

Е.В. Харина

ВЛИЯНИЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОМАШНИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

В статье обоснована актуальность исследований профессиональных ориентаций подростков через призму гендерной социализации в семье. На основе теоретических концепций Э. Дюркгейма и Т. Парсонса проанализированы механизмы влияния распределения домашних обязанностей между родителями на профессиональный выбор детей. Выявлено, что традиционная модель распределения ролей, описанная Парсонсом как система «инструментального» мужчины и «экспрессивной» женщины, формирует у подростков ригидные представления о «мужских» и «женских» профессиях. Концепция Дюркгейма объясняет устойчивость этой модели через связь с органической солидарностью в семье. Сделан вывод о том, что эгалитарная модель семьи является ключевым фактором преодоления гендерных стереотипов в профессиональной сфере.

*Ключевые слова***:** семья, распределение обязанностей, профессиональные ориентации, подростки, гендерная социализация.

Современный рынок труда демонстрирует устойчивую гендерную асимметрию в распределении профессий, которая во многом формируется под влиянием процессов первичной социализации в семье. Хотя этот феномен часто называют «сегрегацией»[1], он носит не принудительный, а скорее структурный и социально-обусловленный характер. Стереотипы[2], усвоенные в детстве через игрушки, ожидания родителей и примеры социальных ролей, предопределяют профессиональные траектории мальчиков и девочек, что в итоге приводит к доминированию женщин в «человеко-ориентированных» сферах (например, образование, здравоохранение), а мужчин — в «технических» и «руководящих»[3]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления механизмов воспроизводства гендерной асимметрии на современном рынке труда. Анализ гендерной специфики профессионального выбора показывает ее устойчивую связь с процессами первичной социализации в семье, где через традиционное распределение ролей, дифференциацию занятий и родительские ожидания формируется гендерно-стереотипный профессиональный выбор[4].

© Харина Е.В., 2026

[1] Гневашева В.А. Гендерная сегрегация рынка труда: современные тренды // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 12. С. 123-135. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-segregatsiya-rynka-truda-sovremennye-trendy (дата обращения: 30.11.2025).

[2] Здравомыслова Е.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 168 с.

[3] Воронова К.А. Гендерные различия мужчин и женщин в профессиональной сфере в современной России // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. №2(9). С. 33-47.

[4] Попова И.П. Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий / И.П. Попова // Мир России. 2021. Т. 30. №2. С. 121-143. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravenstvo-kak-faktor-professionalnoy-kariery-v-sfere-nauki-i-tehnologiy (дата обращения: 04.10.2025).

Изучение этой взаимосвязи представляет особую значимость для разработки мер, направленных на преодоление структурного неравенства в профессиональной сфере через трансформацию подходов к семейному воспитанию.

Цель исследования заключается в теоретическом осмыслении связи между повседневными практиками распределения домашнего труда в нуклеарной семье и формированием профессионального самоопределения подростков. В частности, требует изучения вопрос о том, каким образом усвоенная в детстве гендерная модель влияет на выбор профессий, традиционно считающихся «мужскими» или «женскими».

Теоретическую базу исследования составляют работы классиков социологии – Э. Дюркгейма («О разделении общественного труда», «Самоубийство») и Т. Парсонса («Американская семья», «О социальных системах»). В качестве основного метода используется сравнительный теоретический анализ, позволяющий сопоставить объяснительный потенциал концепций применительно к заявленной проблеме.

Согласно Дюркгейму, разделение труда – включая гендерное – является основой социальной солидарности. В работе «О разделении общественного труда» он рассматривает дифференциацию как естественный процесс, усиливающийся с развитием цивилизации. Дюркгейм констатирует, что «женщина удалилась от военных и общественных дел… у культурных народов женщина ведет существование, совершенно отличное от существования мужчины»[1]. С точки зрения Дюркгейма, произошла дифференциация функций полов по принципу дополнительности: «один из полов завладел эмоциональными функциями, а другой – интеллектуальными». Это разделение создает основу супружеской солидарности, которую Дюркгейм называет органической: «Разделение полового труда – вот источник супружеской солидарности»[2].

Парсонс развивает идеи Дюркгейма применительно к нуклеарной семье середины XX века. Он выделяет два типа ролей:

1. *Инструментальная* (исполнитель – муж): направлена на связь семьи с внешним миром.

2. *Экспрессивная* (исполнитель – жена): направлена на поддержание внутренней гармонии.

[1] Ильяева И.А., Савенкова И.А. Историко-социологический взгляд на влияние гендерных отношений в управлении // Власть. 2022. Т.30. №4. С. 158-162. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-sotsiologicheskiy-vzglyad-na-vliyanie-gendernyh-otnosheniy-v-upravlenii (дата обращения: 27.11.2025).

[2] Зырянова А.Н. К вопросу об определении понятия «брак» с позиций зарубежных социологов // Социологические науки. 2024. №3(58). С. 114-166. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-brak-s-pozitsiy-zarubezhnyh-sotsiologov (дата обращения: 25.11.2025).

Согласно Парсонсу[1], «фундаментальное объяснение распределения ролей между биологическими полами заключается в том, что вынашивание и выкармливание детей создает преимущественную связь между матерью и маленьким ребенком, что в свою очередь предполагает, что мужчина, лишенный этих биологических функций, должен специализироваться в другом, инструментальном направлении». Анализ теорий Дюркгейма и Парсонса позволяет выявить несколько ключевых механизмов влияния семейных ролей на профессиональные ориентации подростков:

1) *Социализационный механизм*

Подросток усваивает не просто набор действий, а целостные социальные роли. Дочь, идентифицируя себя с экспрессивной ролью матери, с большей вероятностью будет рассматривать профессии в сфере обслуживания, образования, здравоохранения. Сын, ориентируясь на инструментальную роль отца, будет склонен к карьере в технических, управленческих и промышленных отраслях.

2) *Нормативный механизм*

Основой нормативного механизма является принудительная сила социальных норм, закрепленных в институте семьи. Согласно Дюркгейму, брак выступает как социальный факт, легитимирующий сложившееся в обществе разделение гендерных ролей. В результате семья как институт воспроизводит и транслирует подростку нормативные представления о «правильном» профессиональном выборе, соответствующий его полу. Это приводит к тому, что подросток воспринимает гендерно-маркированные профессиональные траектории как естественные и социально одобряемые, даже при отсутствии прямого давления со стороны родителей.

3) *Конфликтный механизм*

Основой конфликтного механизма являются структурные противоречия, порождаемые дифференциацией гендерных ролей. Согласно Парсонсу, асимметрия в распределении ресурсов и статуса между супругами создает постоянный источник напряжения в семье. В результате подросток, наблюдая ограниченность традиционных гендерных ролей (невозможность для женщины построить карьеру, узкая специализация мужчины-добытчика), может сознательно отвергать родительские профессиональные модели. Это проявляется либо в выборе альтернативных профессиональных траекторий, либо в невротическом неприятии любой гендерно-детерминированной карьеры[2].

Проведенный анализ позволяет сформулировать гипотетическое положение: чем более традиционно распределены домашние обязанности в

[1] Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. № 2. С. 95-103.

[2] Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса / Г.С. Батыгин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. №4-5. С. 15-32. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnyy-funktsionalizm-tolkotta-parsonsa (дата обращения: 04.10.2025).

семье, тем с большей вероятностью профессиональные ориентации подростков будут соответствовать гендерным стереотипам. При этом теория Дюркгейма объясняет, почему данная модель демонстрирует высокую устойчивость, будучи встроенной в систему макросоциальных норм и солидарности. Парсонс, в свою очередь, фокусируется на микросоциальных механизмах ее воспроизводства: он детально анализирует, как через повседневные практики семейного взаимодействия происходит трансляция гендерных стереотипов. В своей теории социального действия социолог показывает, что семья функционирует как система позиций и ролей, где дети усваивают не только конкретные модели поведения, но и ценностные ориентации, определяющие их будущий профессиональный выбор. Именно через механизм идентификации с родительскими ролями (инструментальной отцовской и экспрессивной материнской) у подростков формируются устойчивые представления о «мужских» и «женских» профессиях[1].

Результаты показывают, что классические теории Дюркгейма и Парсонса, взаимодополняя друг друга, предоставляют мощный инструментарий для объяснения трансляции гендерных стереотипов. В перспективе представляется необходимым эмпирическая верификация выдвинутой гипотезы с помощью количественных и качественных методов. Дальнейшее исследование могло бы быть сосредоточено на анализе конкретных кейсов семей с эгалитарной моделью распределения обязанностей и их влиянии на преодоление профессиональной асимметрии.

Список литературы

1. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса / Г.С. Батыгин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2003. – № 4-5. – С. 15-32. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnyy-funktsionalizm-tolkotta-parsonsa (дата обращения: 04.10.2025).

2. Воронова К.А. Гендерные различия мужчин и женщин в профессиональной сфере в современной России // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 33-47.

3. Гневашева В.А. Гендерная сегрегация рынка труда: современные тренды // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 12. – С. 123-135. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-segregatsiya-rynka-truda-sovremennye-trendy (дата обращения: 30.11.2025).

[1] Попова И.П. Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий / И.П. Попова // Мир России. 2021. Т.30. №2. С. 121-143. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravenstvo-kak-faktor-professionalnoy-kariery-v-sfere-nauki-i-tehnologiy (дата обращения: 04.10.2025).

4. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О.М. Здравомыслова. – М.: УРСС, 2003. – 216 с.

5. Здравомыслова Е.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 168 с.

6. Зырянова А.Н. К вопросу об определении понятия «брак» с позиций зарубежных социологов // Социологические науки. – 2024. – № 3 (58). – С. 114-166. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatiya-brak-s-pozitsiy-zarubezhnyh-sotsiologov (дата обращения: 25.11.2025).

7. Ильяева И.А., Савенкова И.А. Историко-социологический взгляд на влияние гендерных отношений в управлении // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 4. – С. 158-162. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-sotsiologicheskiy-vzglyad-na-vliyanie-gendernyh-otnosheniy-v-upravlenii (дата обращения: 27.11.2025).

8. Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Южно-российский журнал социальных наук. – 2006. – № 2. – С. 95-103.

9. Попова И.П. Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий / И.П. Попова // Мир России. – 2021. – Т. 30. – № 2. – С. 121-143. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravenstvo-kak-faktor-professionalnoy-kariery-v-sfere-nauki-i-tehnologiy (дата обращения: 04.10.2025).

E.V. Kharina

THE INFLUENCE OF THE DISTRIBUTION OF HOUSEHOLD DUTIES ON THE PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF ADOLESCENTS

The article substantiates the relevance of research on the professional orientations of adolescents through the lens of gender socialization in the family. Based on the theoretical concepts of É. Durkheim and T. Parsons, the mechanisms of the influence of the distribution of household duties between parents on the professional choices of children are analyzed. It was revealed that the traditional model of role distribution, described by Parsons as a system of an "instrumental" man and an "expressive" woman, forms rigid perceptions of "male" and "female" professions among adolescents. Durkheim's concept explains the stability of this model through its connection with organic solidarity in the family. It is concluded that the egalitarian model of the family is a key factor in overcoming gender stereotypes in the professional sphere.

Keywords: nuclear family, distribution of duties, professional orientations, adolescents, gender socialization.

УДК 316.356.2

Н.А. Шипигузова

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ценность детей является одной из категорий семейных ценностей, оказывающая значительное влияние на репродуктивные установки индивидов, и тем самым определяющая потребность в детях. Молодежь, в свою очередь является социально-демографической группой, оказывающей огромное влияние на развитие института семьи и демографическое состояние страны. Социально-экономические изменения российского общества в 20-21 вв. привели к трансформации различных социальных институтов, в том числе института семьи, а также повлекли за со собой негативные демографические процессы, связанные со снижением рождаемости. В статье представлены результаты исследования по проблеме репродуктивных установок и ценности детей среди российской молодежи. Исследование основано на вторичном анализе базы данных ВЦИОМ (2024 г.).

Ключевые слова: семья, репродуктивные установки, дети, ценность детей, молодежь.

В последние годы многие ученые отмечают кризисное состояние института семьи, одной из важнейших функций которого является воспроизводство человечества, в значительной степени определяющее демографическое развитие общества, в том числе и российского. Уже нескольких десятков лет в российском обществе прослеживается значительное снижение уровня рождаемости (по данным Росстата суммарный коэффициент рождаемости в 2023 году равен 1,41)[1]. Данный процесс обусловлен в первую очередь такими факторами как повышение возраста женщин при рождении первого ребенка (на 2023 год средний возраст составил 29 лет[2]), рост числа приверженцев «чайлдфри».

За последние несколько лет государственной властью предпринимаются значительные меры для повышения уровня рождаемости. Указом Президента РФ 2024 год был объявлен Годом семьи[3]. Целью данного мероприятия являлась популяризация государственной политики в сфере защиты семьи и сохранение традиционных семейных ценностей. С 1 января 2025 г. началась реализация национального проекта «Семья»[4], целью которого является повышение качества жизни российских семей с детьми, в том числе многодетных, поддержка

© Шипигузова Н.А., 2026

[1] Суммарный коэффициент рождаемости. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕМИСС Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (Дата обращения 11.06.2025)

[2] Демографический ежегодник России. 2023 / Статистический сборник. Росстат. Москва. 2023. С. 66.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 "О проведении в Российской Федерации Года семьи". [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=m8ri83v12s869103771 (Дата обращения 16.06.2025)

[4] Национальный проект «Семья». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/915/about/ (Дата обращения 16.06.2025)

рождаемости в стране, укрепление семейных ценностей. Предполагается, что данный проект позволит повысить коэффициент рождаемости до 1,59 к 2030 году[1]. Также с 2024 года на основании федерального закона установлена административная ответственность за пропаганду «чайлдфри»[2].

На формирование репродуктивных установок оказывает влияние множество факторов. В условиях рыночной экономики и преобладающей городской среды это могут быть финансовые и материальные трудности, связанные со сложностью трудоустройства, низкими заработными платами, отсутствием собственного жилья и т.п. Другие факторы - желание саморазвития и самореализации, например, построение карьеры, в связи с чем рождение детей откладывается на более поздний срок, или приводит к полному отказу от детей[3]. Также огромное влияние оказывают сформировавшиеся у индивидов семейные ценности. В многочисленных российских исследованиях, посвященных изучению структуры семейных ценностей россиян, дети как ценностная категория занимают одно из ведущих мест. Особый интерес вызывает ценность детей для молодого поколения, т.к. в большей мере именно от него зависит будущее демографического состояния страны.

С целью изучения репродуктивных установок и выявления аспектов ценности детей среди молодого поколения был проведён вторичный анализ данных. В качестве эмпирической базы использовано исследование ВЦИОМ (2024 г.) «Сколько детей нужно для счастья?»[4]. Анализ осуществлялся с помощью статистического программного обеспечения SPSS Statistics. Исследование ВЦИОМ проводилось по случайной выборке, репрезентирующей население России. Для вторичного анализа из общей совокупности данных были отобраны наблюдения респондентов в возрастном диапазоне от 18 до 34 лет, что составило выборочную совокупность в 398 человек (из них 201 мужчина и 197 женщин). Данный возрастной диапазон был выбран для фокуса на репродуктивном потенциале и ценностных ориентациях именно молодого поколения.

Для обработки данных применялись методы одномерного частотного анализа (распределение частот) для описания репродуктивных установок

[1] Национальный проект «Семья» (паспорт национального проекта). [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_semya?ysclid=mbkd851sn3980186019 (Дата обращения 16.06.2025)

[2] Федеральный закон "О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 23.11.2024 N 401-ФЗ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87133.html (Дата обращения 16.06.2025)

[3] Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи / Т.К. Ростовская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 194.

[4] Сколько детей нужно для счастья? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja (Дата обращения 11.06.2025)

молодых индивидов в возрастных категориях 18-24 лет и 25-34 лет. Ключевыми переменными стали «необходимость детей», «идеальное число детей», «приемлемый возраст для рождения первенца», которые позволили выяснить предпочтения респондентов относительно планирования семьи, осознание ими значимости деторождения, понимание оптимальной возрастной границы для вступления в родительские обязанности. Для изучения факторов, стимулирующих стремление к рождению и факторов, снижающих мотивацию к родительству, был проведен анализ множественных ответов с использованием категориального метода.

Результаты анализа показали, что для большинства молодежи важно иметь детей (79% и 89% опрошенных в возрасте 18-24 лет и 25-34 лет соответственно). Но стоит обратить внимание на то, что существует немалый процент тех, кому дети не нужны. Большая часть таких сторонников приходится на более молодое поколение индивидов: каждый пятый (21%) в возрасте 18-24 лет считает, что дети не нужны, а среди молодого поколения 25-34 лет этот показатель почти в 2 раза ниже (11%). Каждый второй (54%) независимо от возрастной категории считает, что в идеале должно быть двое детей, чуть менее трети (31%) - трое. Гораздо ниже процент тех, кто выбрал одного или четырех и более детей. Причем, в данном случае снова прослеживается разница в результатах – более молодая группа больше склоняется к варианту – один ребенок, более старшая, наоборот в сторону многодетности (рис).

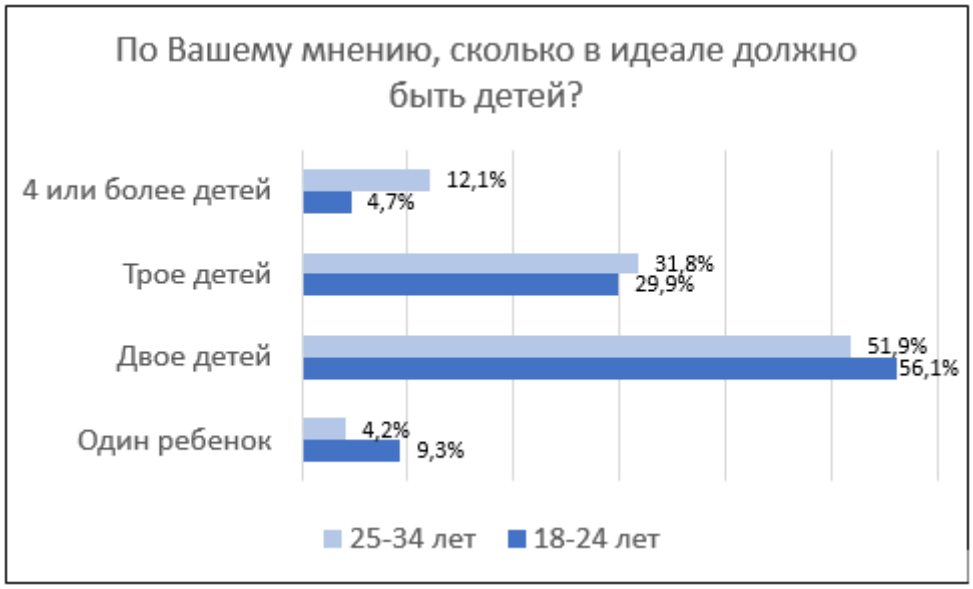

Рис. Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, сколько в идеале должно быть детей?» (%).

Тот факт, что большинство молодежи (79-89%) считает важным иметь детей, свидетельствует о сохранении фамилизма – ценностной ориентации на семью и детей – в российском обществе, несмотря на процессы модернизации.

Это находит свое подтверждение в исследовании Э.К. Наберушкиной, О.В. Бессчетновой и О.А. Судоргина в рамках изучения семейных ценностей молодежи[1].

Одновременно значительный процент (особенно среди 18-24 лет – 21%) тех, кому дети не нужны, указывает на распространение феномена «чайлдфри» (childfree)[2]. Это объясняется процессами индивидуализации, характерными для постиндустриального общества. В эпоху постмодерна повышается значимость личной свободы и независимости, саморазвития и самореализации, что ведет либо к откладыванию рождения детей, либо к полному отказу от детей[3].

Предпочтение двух (54%) и трех детей (31%) отражает преобладающую в современном российском обществе норму двухдетности, характерную для стран, завершивших демографический переход[4]. В процессе модернизации и под влиянием ряда социально-экономических потрясений (перестройка, голод, война, репрессии и пр.) российское общество трансформировалось к модели низкой рождаемости, которая, в свою очередь, сформировалась благодаря приобретению массового опыта индивидуального контроля над рождаемостью[5]. Также по результатам анализа было выявлено, что средний возраст для рождения детей у мужчин равен 25 годам, у женщин – 23-24 года. Более половины молодых индивидов считают, что для рождения первого ребенка оптимальный возраст у мужчин 25-30 лет (55%), у женщин – 19-24 лет (58%). Такая тенденция говорит о том, что молодое поколение планирует создание семьи уже после, того, как реализует свою самостоятельность и независимость от родительской семьи.

В основном молодежь считает, что детей заводят по любви и, что они укрепляют семью (60% опрошенных). Также 15% указали, на то, что дети – это счастье и смысл жизни, и каждый десятый указал, что дети нужны для передачи наследства (культурного, материального и т.п.), они помощники в старости, и что иметь детей – это заложено природой.

По мнению большей части молодых индивидов, основными причинами, по которым люди не заводят детей, являются финансовые и материальные трудности (41%). Каждый третий (32%) указывает на эгоизм и нежелание тратить на них время. Пятая часть (17%) считает, что дети – это слишком большая ответственность. Около 15% указали ограничительными факторами

[1] Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В., Судоргин О.А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э.К. Наберушкина // Журнал исследований социальной политики. 2024. № 22 (4). С. 703.

[2] Переселкова З.Ю. Установки на бездетность в сознании студенческой молодежи под влиянием идеологии «чайлдфри» (региональный аспект) / З.Ю. Переселкова // Социология. 2024. №6. С. 55.

[3] Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Семейные ценности современной молодежи / Л.В. Рожкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. вып. 2. С. 141.

[4] Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению / С.В. Захаров // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (1). С. 16.

[5] Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению / С.В. Захаров // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (1). С. 27.

проблемы со здоровьем и нестабильную ситуацию в стране (сложное состояние экономики, СВО и пр.).

Для решения проблемы рождаемости необходимо повысить привлекательность отцовства и материнства и престиж многодетной семьи среди молодежи. Для этого нужен комплексный подход, который должен включать в себя не менее пяти составляющих:

1) финансовая поддержка, которую государственная власть уже оказывает в виде материнского капитала и прочих пособий;

2) разработка и проведение мероприятий интенсивной пропаганды в СМИ (социальная реклама, короткометражные и полнометражные фильмы, видео-блоги, короткие интервью с молодыми, в том числе многодетными, родителями и т.п.) о ценности многодетной семьи, материнства и отцовства, о важности рождения детей в молодом возрасте, а также проведение мероприятий по проверке и дальнейшей блокировке информационных ресурсов, которые могут оказывать негативное влияние на репродуктивные установки молодых индивидов;

3) мероприятия, направленные на создание условий, позволяющих молодежи одновременно получать образование и заводить детей, избавляя их от необходимости выбирать между этими важными аспектами жизни;

4) предоставление жилья для молодых пар, заключивших брак и планирующих рождение детей, с возможностью его приобретения в собственность при определенных условиях (например, после рождения третьего ребенка);

5) государственное регулирование в сфере строительства многоквартирных домов (например, запрет на строительство домов, где минимальная площадь квартир будет не пригодна для проживания семей хотя бы с одним ребенком, также необходим контроль за повышением стоимости жилья и пр.).

Таким образом можно заключить, что для большинства молодежи ценность детей сохраняется. Однако, есть и те, кому дети не нужны, и больший процент нежелающих заводить детей среди индивидов 18-24 лет. Основная часть молодежи ориентируется на модель семьи с двумя детьми, каждый третий считает, что в семье должно быть трое детей, и лишь малая часть молодежи отдает предпочтение модели многодетной семьи. Большинство склоняется к тому, что женщины должны рожать первенца до 25 лет, а для мужчины оптимальный возраст для рождения детей в пределах 25-30 лет. В основном, потребность в детях проявляется в любви и служит для укрепления семьи, также дети – это смысл жизни, и они нужны для передачи наследия. Ключевыми демотивирующими факторами к рождению детей являются финансовые и

материальные трудности, эгоизм, страх ответственности и нестабильная обстановка в стране. Для улучшения демографической ситуации с помощью стимулирования рождаемости необходимо учитывать все факторы влияния на репродуктивные установки молодых индивидов, поэтому более эффективной будет реализация систематизированного комплекса мероприятий, который должен учитывать духовно-нравственный и культурно-развивающий аспекты, и обязательно включать в себя финансовую и материальную поддержку молодого поколения при планировании семьи.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России. 2023 / Статистический сборник. Росстат. Москва. 2023. 256 с.
2. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению / С.В. Захаров // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (1). С. 4-43.
3. Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В., Судоргин О.А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э.К. Наберушкина // Журнал исследований социальной политики. 2024. № 22 (4). С. 697-714.
4. Национальный проект «Семья» (паспорт национального проекта). [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минтруд России. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_semya?ysclid=mbkd851sn398 0186019 (Дата обращения 16.06.2025)
5. Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительство России. URL: http://government.ru/rugovclassifier/915/about/ (Дата обращения 16.06.2025)
6. Переселкова З.Ю. Установки на бездетность в сознании студенческой молодежи под влиянием идеологии «чайлдфри» (региональный аспект) / З.Ю. Переселкова // Социология. 2024. №6. С. 55-60.
7. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Семейные ценности современной молодежи / Л.В. Рожкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. вып. 2. С. 138-142.
8. Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи / Т.К. Ростовская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 184-199.
9. Сколько детей нужно для счастья? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja (Дата обращения 11.06.2025)

10. Суммарный коэффициент рождаемости [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕМИСС Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (Дата обращения 11.06.2025)

11. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=m8ri83v12s869103771 (Дата обращения: 16.06.2025)

12. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 23.11.2024 N 401-ФЗ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87133.html (Дата обращения 16.06.2025)

N.A. Shipiguzova

REPRODUCTIVE ATTITUDES AND VALUE OF CHILDREN AMONG MODERN RUSSIAN YOUTH

The value of children is one of the categories of family values that has a significant impact on the reproductive attitudes of individuals, and thus determines the need for children. Youth, in turn, is a socio-demographic group that has a huge impact on the development of the family institution and the demographic state of the country. Socio-economic changes in Russian society in the 20th and 21st centuries led to the transformation of various social institutions, including family and marriage, and also led to negative demographic processes associated with a decrease in the birth rate. The article presents the results of a study on the problem of reproductive attitudes and the value of children among Russian youth. The research is based on a secondary analysis of the All-Russian Public Opinion Research Center database.

Keywords: family, reproductive attitudes, children, value of children, youth.

УДК [316.361/.364+314.01:316.36](476):303.71

А.В. Шурко

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ БЕЛОРУСОВ В СТАТИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В данной работе рассматриваются демографические показатели Республики Беларусь, касающиеся брачности и разводимости, рождаемости. Описываются некоторые социальные детерминанты существующих тенденций отношений в семьях, приводятся отдельные матримониальные и репродуктивные стратегии.

Ключевые слова: демография, семья, родительство, брак.

Согласно Закону Республики Беларусь о демографической безопасности (от 4 января 2002 г.), государственная политика должна быть направлена на обеспечение равенства прав и ответственности мужчин и женщин в воспитании детей, однако успешность и эффективность реализации этой политики нуждается в научном сопровождении. Кроме того, в исследовании факторов демографической безопасности важно учитывать не только сам факт рождаемости и брачности, но и сопутствующие факторы: распределение домашних обязанностей в семье, материальное положение и т.д.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь по итогам переписей 1999-2019 годов количество людей, находящихся в браке, снижается[1]. Принимая во внимание общую тенденцию сокращения численности населения, а также количественное неравенство мужчин и женщин, к рассмотрению будет представлено отношение мужчин и женщин к соответствующим половым группам. Так, общая доля населения (по отношению к своим половым группам), состоящего в браке, с 1999 года несколько снизилась (у женщин на 3,4%, у мужчин на 3,9%), однако, с 2009 года практически не изменилась (у женщин на 0,3%, у мужчин на 0,2%), и составляет более половины от всех граждан соответствующего пола в возрасте от 15 лет.

Вместе с тем, доля разведенных, разошедшихся граждан Республики Беларусь растет (с 1999 г. по 2019 у женщин на 2,8%, у мужчин – 2,5%), причем разведенных женщин больше, что может быть объяснено субъективным определением своего статуса опрашиваемыми или другими причинами.

За 2019-2023 года количество заключенных браков варьировалось от 50384 (2020 год) до 56044 (2023 год), а расторгнутых – от 33962 (2023 год) до 35144 (2020 год). С 2020-ым годом связано резкое падение количества созданных

© Шурко А.В., 2026

[1] Статистика населения. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063261 (Дата обращения: 13.12.2024)

браков и незначительное повышение количества разводов, что может быть объяснено общественно-политическими и социально-экономическими событиями в стране. При этом, уже с 2021-ого года число союзов возросло и на данный момент находится в поиске стабилизирующего значения.

Доля вдов и вдовцов также незначительно увеличилась (с 1999 г. по 2019 у женщин на 1,3%, у мужчин – 0,6%), причем разница между вдовами и вдовцами довольна заметна, в среднем женщин, потерявших партнера, в 5 раз больше, чем мужчин, что во многом объясняется разницей в продолжительности жизни.

Средний возраст вступления в первый брак у мужчин и женщин различается примерно на два года (женщины вступают в брак раньше), при этом, данный показатель постепенно, но неуклонно растет (рисунок 1).

Рис. 1. Средний возраст вступления в первый брак мужчин и женщин (лет)

Наблюдается тенденция к более позднему вступлению в брак как мужчин, так и женщин, что может быть связано с желанием молодых людей сначала самореализоваться в профессиональной/образовательной сфере, а потом уже в брачно-семейной. Об этом же может говорить увеличение среднего возраста женщин при рождении первого ребенка (в 2017 году – 26,5 лет, в 2018 году – 26,7 лет, в 2019 году – 26,8 лет).

Можно отметить, что средний возраст женщин при рождении первого ребенка совсем немного выше среднего возраста вступления в брак, в связи с чем можно предположить ориентацию женщин на рождение детей именно в браке, что соответствует существующим в обществе нормам и представлениям.

При этом, в Республике Беларусь наблюдается снижение уровня рождаемости (в 2017 году – 10,8‰, в 2018 году – 10,0‰, в 2019 году – 9,3‰), что может быть обусловлено множеством факторов, включая изменения в социальных и экономических условиях, смещением индивидуальных приоритетов граждан.

Население страны снижается, так как родившиеся не замещают умерших. В 2019 году на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 433 лица старше трудоспособного возраста и 313 – моложе. К 2023 году показатель снизился: 401 человек старше трудоспособного возраста и 303 – моложе.

Неполные семьи (семьи с одним родителем) подвержены значительным экономическим и социальным рискам, так как забота о детях, их эмоциональная поддержка, воспитание и материальное обеспечение становятся зоной

ответственности только одного человека. Среди причин формирования таких семей может быть смерть или уход из семьи одного из родителей или рождение ребенка без намерения создавать семью с его отцом или матерью. В Республике Беларусь по последним данным (на 2019 год) зарегистрировано 249874 семьи с детьми до 18 лет с одним родителем. Таким образом, в 2019 году 3,2% населения страны воспитывало детей единолично[1].

Воспитывают детей без партнера преимущественно женщины, однако, согласно последним доступным данным (на 2019 год), наблюдается рост доли мужчин, выступающих в роли единственного родителя (рисунок 2). С точки зрения социального контекста, можно предположить, что данный рост связан с изменениями представлений о гендерных ролях и большей вовлеченности мужчин в родительство.

Рис. 2. Доля мужчин и женщин, воспитывавших детей до 18 лет без партнера за 1999, 2009, 2019 годы, в %

В вопросе занятости, на фоне общего небольшого роста данного показателя, мужчины продолжают быть более задействованы в экономической сфере. Так, разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами, состоящими в браке, по последним данным составляет 6,5%.

Материальная составляющая является довольно важной в жизни каждой семьи, особенно имеющей детей. Необходимо заметить, что доходы населения (в частности семей с детьми до 18 лет) постепенно увеличиваются: у домохозяйств без детей, состоящих из двух человек и более располагаемые ресурсы в 2017 г. составляли 1154,7 белорусских рубля, в 2021 г. – 1816,6, в 2022 г. – 2015,2.

Стоит заметить, что доля потребительских расходов постепенно сокращается (в 2017 г. они составляли 73,9% от доходов семей с детьми до 18 лет, в 2021 г. – 70,9%, в 2022 г. – 69,9%), что означает возможность семей откладывать деньги на более дорогие покупки или непредвиденные ситуации (таблица 1).

[1] Гендерная статистика. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: https://gender.belstat.gov.by/home/ (Дата обращения: 20.12.2024)

Стоит обратить внимание на различия в целеполагании сбережений между семьями с разным составом. Домашние хозяйства с детьми в возрасте до 18 лет откладывают больше средств на крупные покупки, ремонт и покупку недвижимости, оплату отдыха вне дома, оплату образования. Такое распределение может быть обусловлено «семейной» направленностью в обращении с доходами: желанием обеспечить супруга/супругу и детей комфортной жилищной площадью, вместе отдохнуть, оплатить образование детей. В то же время, некоторые причины для сбережения средств находятся в меньшем приоритете у домохозяйств с детьми, среди них непредвиденные расходы, оказание помощи родственникам, знакомым, оплата лечения и обрядовые услуги. Подобный расклад может быть также связан с возрастом членов домохозяйств (возможно, в семьях с детьми до 18 лет родители ещё не так задумываются о необходимости лечения и обрядовых услуг).

Таблица 1

Распределение целей сбережений домашних хозяйств с различным составом в 2022 году, в%

	Домашние хозяйства без детей	**Домашние хозяйства с детьми в возрасте до 18 лет**	**Домашние хозяйства пенсионеров**
Непредвиденные расходы в будущем	75,4	62,3	79,2
Крупные покупки	29,3	46,5	18,6
Ремонт и покупку недвижимости	28,4	46,2	22,0
Оказание помощи родственникам, знакомым	36,1	7,4	39,7
Оплату лечения	30,5	14,2	38,9
Оплату отдыха вне дома	13,5	21,9	8,8
Оплату образования	5,8	36,2	1,5
Обрядовые услуги	16,9	2,6	24,0
Другое	0,6	1,5	0,4

Недостаточное материальное обеспечение может быть одной из причин сознательного отказа от рождения детей или переноса этого события на другое время. В Республике Беларусь количество семей, неудовлетворенных своим материальным положением, снижается (в 2017 году – 19,0 %, в 2021 году – 8,4 %, в 2022 году – 7,9 %).

Что касается принятия решений о распоряжении финансовыми средствами, то, по результатам выборочного обследования домашних хозяйств

по уровню жизни, проведенного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, как в 2019 г., так и в 2022 г., они, преимущественно (по мнению женщин), осуществлялись супругами совместно (74,6% и 76,5% соответственно).

По поводу большинства ситуаций, касающихся всей семьи, по утверждению участвовавших в обследовании женщин, решения принимаются совместно с супругом, исключением является совершение повседневных покупок для домохозяйств, которые, в основном, находятся в ответственности женщин (в 2019 г. такой ответ дали 73,5%, в 2022 г. – 72,4%). Решения в личных сферах, таких как собственная работа, личная социальная активность и образование, как правило, принимаются самими женщинами. Данное распределение косвенно подтверждает то, что для женщин характерна «двойная занятость» в виду того, что повседневные покупки образуют каждодневный быт домохозяйства.

По данным 2022 года бытующие семейные гендерные стереотипы вызывали несогласие большинства мужчин и женщин (представители обоих полов чаще не соглашались с тем, что больший заработок жены ставит под угрозу семейные отношения, а забота о родителях должна быть в основном ответственностью дочерей, а не сыновей), что контрастирует с транслируемыми представлениями о гендерных ролях в обществе (таблица 2).

Таблица 2

Отношение к гендерным стереотипам, по полу в%

	Женщины		**Мужчины**	
	Согласна	**Не согласна**	**Согласен**	**Не согласен**
Если женщина зарабатывает больше своего партнера, это отрицательно влияет на их отношения	24,6	75,4	28,0	72,0
Если в семье есть сын и дочь, то дочь должна взять на себя большую ответственность за заботу о пожилых родителях, чем сын	21,6	78,4	23,5	76,5
Мужчины являются лучшими и более успешными политическими или общественными деятелями, чем женщины	60,1	39,9	78,3	21,7

Таким образом, в Республике Беларусь происходят комплексные изменения в демографической и социально-экономической структуре, характеризующиеся снижением количества заключаемых браков, ростом

среднего возраста вступления в брак и увеличением числа разводов, что свидетельствует о трансформации существующих в обществе ценностей и моделей поведения. Вместе с тем, снижается рождаемость, растет средний возраст женщины при рождении первого ребенка, что может быть связано с изменением приоритетов граждан, появлением новых взглядов относительно планирования семьи. При этом, нельзя сказать, что происходящие процессы могут быть обусловлены ухудшением материального положения семей. Рассматривая гендерное распределение ролей, стоит отметить, что, несмотря на сохранение некоторых различий в распределении работы и принятии решений, существует тенденция к снижению влияния половых различий на социальные процессы. Наблюдается рост обеспеченности домохозяйств, снижение доли расходов над доходами в структуре бюджета, что позволяет семьям делать накопления.

Принимая во внимание обозначенное, можно отметить, что на установки в области вступления в брак и рождение детей зачастую начинают оказывать влияние не только материальные факторы, но и новые социальные установки на приоритет профессиональной и личностной самореализации. В связи с этим, будущие демографические программы должны иметь значительный упор на социальную пропаганду эмоционально и личностно окрашенных жизненных стратегий с приоритетом семейной компоненты (не в ущерб профессиональной). Обращает на себя внимание то, что не все статистические данные имеются в открытом доступе. Отсутствие данных лишает научное сообщество возможности экспертной практико-ориентированной работы с ними в интересах развития научного обеспечения реализации политики государства и принятия обоснованных управленческих решений.

Список литературы

1. Гендерная статистика. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: https://gender.belstat.gov.by/home/ (Дата обращения: 20.12.2024)

2. Статистика населения. Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063261 (Дата обращения: 13.12.2024)

A.V. Shurko

MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS AND REPRODUCTIVE STRATEGIES OF BELARUSIANS IN STATISTICAL TERMS

This paper examines the demographic indicators of the Republic of Belarus regarding marriage and divorce, fertility. Some social determinants of existing trends in family relationships are described, and individual matrimonial and reproductive strategies are presented.

Keywords: demographics, family, parenthood, marriage.

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

УДК 316.334

В.С. Волегов

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

На современном этапе развития образования школа оказывается не единственным местом для получения общего образования. Наряду с традиционными общеобразовательными организациями возникают частные школы, онлайн-школы, развивается семейное обучение и другие формы. В данной статье ставится не только цель описать существующие тенденции в использовании «нетрадиционных» форм получения образования в России, но и попытаться интегрировать эти данные с концепциями социологии образования. В качестве источника эмпирической базы в статье используются данные официальной ведомственной статистики Министерства просвещения России. Делается вывод о постепенном росте популярности альтернативных форм образования, прежде всего, за счет увеличения доли частных образовательных организаций.

Ключевые слова: общее образование, «нетрадиционное» образование, социология образования.

Современное состояние системы образования характеризуется сложным набором различных тенденций. С одной стороны, демографические процессы задают волнообразный характер потребности в педагогических кадрах[1]: резкий рост начальных классов постепенно сокращается, обеспечивая рост основной ступени и делая более заметным дефицит учителей-«предметников». В то же время, усиливается внимание к проблемам воспроизводства педагогических кадров и нехватки молодых педагогических работников.

Существующие нормативно-правовые условия позволяют получать образование вне стен традиционной образовательной организации, отводя последней только роль оценки фактического результата. Семейное обучение, самообразование, экстернат дополняются возможностью обучаться с применением цифровых образовательных технологий, осваивая предметы вне школы. Развивается и сегмент частного образования, которое, оставаясь примером «традиционного» обучения, все больше ориентируется на инновационные форматы работы и индивидуализацию процесса получения знаний. При этом, частное образование стремится продемонстрировать отказ от наиболее проблемных характеристик «обычной» школы: высокого объема

© Волегов В.С., 2026

[1] Чуркин К.А. К вопросу о потребности в педагогических кадрах / К.А. Чуркин, Л.М. Нуриева, С.Г. Киселёв // Экономика образования. 2014. № 4. С. 11-21.

домашних заданий, слабой материально-технической базы, «возрастных» сотрудников и т.д.[1]. Всплеск интереса к семейному обучению, зафиксированный исследователями в 2024 г., получает различную трактовку: от роста вовлеченности родителей в воспитательный процесс до влияния миграционных процессов 2022-2023 годов, однако детальный анализ статистических данных не проводился[2].

Таким образом, традиционная муниципальная общеобразовательная школа оказывается не единственным местом для получения образования, в том числе формального, вступая в конкурентную борьбу за обучающихся. Возникает вопрос о наличии социальных причин, способных повлиять на популярность альтернативных форм получения образования, а также социального эффекта от подобных форм образования.

В теоретических положениях социологии образования можно выделить немало работ, объясняющих социальную функцию школьного класса и формальной системы образования, в целом. Чаще всего, они рассматриваются как механизмы формирования социально-значимых черт личности, усвоившей нормы коллективного взаимодействия, а также сложную систему социальных ролей. Так, Т. Парсонс указывал, что именно школьный класс с его устоявшимися правилами взаимодействия адаптирует обучающегося к культурно-нормативной системе общества, тем самым формируя те модели поведения, которые необходимы для взрослой жизни. Важнейшей особенностью таких отношений является формально-ролевой характер взаимодействия[3].

Утверждение Парсонса о двойственности нормативной системы, к которой должен адаптироваться обучающийся (формальные требования, нормы учебного заведения и нормы коллектива учеников), развиваются в работах К. Мангейма, уделяющего внимание механизмам социального контроля и связи образовательного процесса с социальными структурами[4]. Рассматривая проблему воспроизводства и развития коллективных норм, Мангейм приходит к выводу о том, что именно класс должен быть объектом педагогического воздействия, так как в подобном случае «силы группового взаимодействия превратятся в сильное средство воспитания»[5].

Иначе роль традиционного школьного образования трактуется в работе А. Иллича. Разделяя процесс и сущность образования, он рассматривает школу

[1] Учителя, дети и родители: что они думают о школе? / А. А. Музаев и др. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. С. 82.
[2] Школьные годы домашние: родители все чаще предпочитают учить детей не в классах // НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: https://ioe.hse.ru/news/966363928.html?ysclid=mgdpq4qaqa374405776 (дата обращения: 21.09.2025).
[3] Parsons T. The school class as a social system: same of it’s functions in the American society. – The Sociology of education. A Sourcebook. Ed. by Bell R., Stub. H. 1968. p. 130.
[4] Зборовский Г.Е От Дюркгейма до Мангейма // Образование и наука. 1999. № 92 (2). С. 207.
[5] Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. С. 623.

как бюрократизированный и замкнутый в себе процесс, не имеющий реальной связи с приобретением знаний. Центральным моментом критики школы является тезис о том, что «школа — учреждение, построенное на аксиоме, что учение является результатом обучения»[1], в то время как «ученики научаются не благодаря учителям, а часто, несмотря на своих учителей»[2].

Несмотря на диаметрально противоположные оценки роли школьного обучения, обе позиции сходятся в том, что существующая система формального образования формирует у обучающихся (а значит, и у всех членов общества) коллективные представления, соответствующие требованиям социальной структуры. Рост популярности «альтернативных форм» может, в этой связи, рассматриваться как результат модернизации социальных норм, с одной стороны, и эффект отставания институциональных норм школьной деятельности, с другой.

Для анализа процессов, связанных с популярностью альтернативных форм получения образования (то есть вне традиционного очного обучения в общеобразовательной организации), использованы данные федерального статистического наблюдения по форме № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало соответствующего учебного года[3].

Таблица

Динамика доли обучающихся, охваченных альтернативным образованием

	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Доля учащихся негосударственных ОО	0,804	0,871	0,928	1,023	1,168	1,345
Доля учащихся в государственных ОО, обучающихся по программам семейного образования	0,067	0,091	0,160	0,174	0,238	0,265
Доля учащихся в государственных ОО, обучающихся в форме самообразования	0,007	0,011	0,024	0,024	0,028	0,034
Доля учащихся в негосударственных ОО, обучающихся по программам семейного образования	1,019	0,675	14,178	10,767	10,857	11,942
Доля учащихся в негосударственных ОО, обучающихся в форме самообразования	0,035	0,350	0,602	1,214	0,887	2,313

[1] Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006. С. 45.
[2] Там же.
[3] Банк документов // Министерство просвещения Российской Федерации: [сайт]. URL: https://docs.edu.gov.ru/#activity=8 (дата обращения 20.09.2025).

Как можно заметить из данных, представленных в Таблице, охват обучающихся различными формами альтернативного образования крайне мал. Однако, по всем трем формам (обучение в негосударственных школах, обучение по программам семейного образования или в форме самообучения) с 2019/20 по 2024/25 учебные годы наблюдается постепенный рост контингента. Рост популярности «нетрадиционных» вариантов получения образования совпадает не в полной мере. Так, повышенная динамика перехода к семейному обучению и самообразованию на базе государственных образовательных организаций наблюдается в период дистанционного обучения, вызванного пандемией 2020-2021 г. В то же время рост популярности обучения в частных образовательных организациях, напротив, замедляется, что может быть объяснено снижением доходов населения и меньшей готовностью населения к платным образовательным услугам. Не подтверждает статистика и влияния миграционных процессов 2022 г. на популярность семейного образования: напротив, 2022-2023 учебный год демонстрирует снижение темпов роста этой формы обучения. С 2023 года ускоряется рост популярности негосударственных образовательных организаций. Однако, именно в частном секторе образования фиксируется наибольший показатель распространения семейного обучения: с 2021 года доля учащихся частных образовательных организаций, осваивающих программу в форме семейного обучения, превышает 10% от всего контингента негосударственных школ.

Подводя итог, необходимо отметить, что доля школьников, включенных в те или иные альтернативные формы получения образования, остается крайне низкой, однако, суммарный охват обучающихся за шесть учебных годов увеличился в два раза. Наибольшими темпами, при этом, развивается негосударственный сектор образования, постепенно наращивающий контингент обучающихся. В то же время, экстернальная форма обучения (семейное обучение и самообразование), ставшая более распространенной в период противоковидных ограничений и вынужденного дистанционного обучения, сохраняет свою популярность у заметной части населения. Устойчивый тренд, связанный с выбором подобных форм обучения, указывает на необходимость более тщательного анализа социальных и экономических факторов, направляющих родителей к новым вариантам получения образования.

Список литературы

1. Банк документов // Министерство просвещения Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://docs.edu.gov.ru/#activity=8 (дата обращения 20.09.2025).

2. Зборовский Г.Е От Дюркгейма до Мангейма // Образование и наука. – 1999. – №9 2 (2). – С. 199-211.

3. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. – М.: Просвещение, 2006. – 179 с.

4. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.

5. Учителя, дети и родители: что они думают о школе? / А.А Музаев и др. – Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. – 656 с.

6. Чуркин К.А. К вопросу о потребности в педагогических кадрах / К.А. Чуркин, Л.М. Нуриева, С.Г. Киселёв // Экономика образования. – 2014. – № 4. – С. 11-21.

7. Школьные годы домашние: родители все чаще предпочитают учить детей не в классах // НИУ ВШЭ: [сайт]. – URL: https://ioe.hse.ru/news/966363928.html?ysclid=mgdpq4qaqa374405776 (дата обращения: 21.09.2025).

8. Parsons T. The school class as a social system: same of it's functions in the American society // The Sociology of education: a Sourcebook. Ed. by Bell R., Stub. H. 1968. p. 129-154.

V.S. Volegov

ALTERNATIV FORMS OF EDUCATION: TRENDS AND PROBLEMS OF INTERPRETATION

At the current stage of educational development, school is no longer the only place to obtain a general education. Alongside traditional general education institutions, private schools, online schools, and homeschooling are emerging, along with other forms of education. This article aims to simply describe current trends in the use of «non-traditional» forms of education in Russia and also attempt to integrate these data with concepts from the sociology of education. The article uses official departmental statistics from the Russian Ministry of Education as its empirical basis. It concludes that alternative forms of education are gradually gaining popularity, primarily due to the increasing share of private educational institutions.

Keywords: general education, «non-traditional» education, sociology of education.

УДК 316.35

В.Р. Казакова, Ю.Н. Кибанова

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МЕСТНЫХ И ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается тема формирования социального капитала студентов. Представлен подход к пониманию социального капитала Р. Патнэма. Рассмотрены определение и виды студентов. Проанализированы конкретные университетские проекты в разрезе участия в них местных и иногородних студентов. Рассмотрен фактор места жительства и его влияние на формирование социального капитала студентов.

Ключевые слова: социальный капитал, студенты, иногородние, местные, факторы социального капитала, доверие, социальные сети.

Социальный капитал представляет собой качество и совокупность ресурсов, которые человек сумел накопить за профессиональную или другую деятельность, например, связи в студенческой группе или в группе по интересам[1].

Говоря о структуре социального капитала, стоит указать на теорию Р. Патнема[2]. По мнению данного исследователя, социальный капитал состоит из доверия, социальных сетей и норм взаимности. Доверие и нормы взаимности являются неотъемлемой частью индивида, автор делит данные факторы на индикаторы – участие в различных объединениях, доверие близким, интенсивность контактов и их сила и др. Еще одним из факторов социального капитала являются социальные сети. Они представляют собой совокупность контактов и связей между индивидами.

В данной статье мы будем рассматривать социальный капитал такой специфической группы, как студенты. Следовательно, стоит рассмотреть определение и виды данной возрастно-профессиональной группы. Студент – представитель социальной категории, в которой готовятся к воспроизводству труда благодаря обучению в учебном заведении. Стоит рассмотреть виды молодежи по различным основаниям.

По территориальной принадлежности студенты делятся на городскую и сельскую молодежь. По месту жительства относительно учебного заведения на

© Казакова В.Р., Кибанова Ю.Н., 2026

[1] Bourdieu P.The forms of capital //Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed.by J.G.Richardson. N.Y.:GreenwoodPress, 1986. P.241–258

[2] Гуськова Н. Д., Клюева А. П. Современные теории социального капитала // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-sotsialnogo-kapitala (дата обращения: 09.09.2025)

местных и иногородних[1]. В дальнейшем анализе мы будем опираться именно на эту типологию.

Теоретические и эмпирические данные в изучении вопроса социального капитала студентов остаются ограниченными. Можно сделать вывод о недостаточном внимании к данной теме в научных исследованиях. Тем не менее, проблема изучения различий социального капитал местных и иногородних студентов является актуальной. Например, социальные сети благоприятно влияют на успешное обучение, общение, трудоустройство, то есть в общем на интеграцию в общество. А анализ различий социального капитала иногородних и местных студентов помогает указать на различный доступ к ресурсам.

На развитие социального капитала студентов влияет множество факторов. Во-первых, внутренние различия данной группы: социальное происхождение, этническая принадлежность, возраст, уровень общеобразовательной подготовки и культурного развития. Накопление социального капитала, успешная социализация и самореализация будет успешна лишь в случае высокого уровня доверия, которое формируется в процессе активных взаимодействий. Как правило в высших учебных заведениях предусматривается создание среды для развития в студенчестве творческих, интеллектуальных, спортивных способностей.

Иногородние студенты сталкиваются с разрывом социальных связей при переезде, местные же студенты имеют возможность "подпитывать" уже существующие социальные сети. Однако, различие в социальном капитале можно наблюдать в том, что у местных студентов в основном укрепляются уже существующие связи, а иногородние, в свою очередь, развивают слабые связи. «Слабые связи – это люди, с которыми мы пока еще не знакомы, но мы знакомы с их друзьями и друзьями их друзей. Это люди, которых мы плохо знаем, которые, возможно, уже мелькали перед нашими глазами... В нашей жизни слабых связей намного больше, чем сильных, что подтверждает теория шести рукопожатий»[2].

Стоит указать на доверие, местные студенты овладели этим фактором социального капитала на более высоком уровне, чем иногородние, которым приходится практически с нуля наращивать социальный капитал через этот фактор.

[1] Накашидзе Д. Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе // Science Time. 2016. №8 (32). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-osobaya-sotsialno-vozrastnaya-gruppa-v-sovremennom-obschestve

[2] Granovetter M.S.The strength of weak ties // The American Journal of Sociology. 1973.Vol.78, no.6. P.1360–1380. DOI: https://doi.org/10.1086/225469

Хотим обратить внимание на различную степень активности молодых людей. Рассмотрим это с помощью проектов университета[1].

- Неделя первокурсников. В данной форме проекта наибольшую активность проявляют молодые люди, относящиеся к иногородним студентам. Это может быть связано с их необходимостью наращивать слабые связи, то есть знакомиться с новыми людьми. Это происходит, потому что данная группа студентов имеет желание быстрее интегрироваться в университет. Разница с местными студентами заключается в том, что они уже имеют крепкие сложившиеся связи, и они не видят необходимости наращивать слабые связи.

- Конкурс студенческих инициатив. Данный проект демонстрирует наращивание доверия иногородних и местных студентов. Иногородние студенты также более активно участвует в данном конкурсе, так как в новом городе для безопасной и комфортной жизни им необходимо наращивать доверие, а командная деятельность это предполагает. Местные же студенты чаще всего не испытывают нехватку доверия, и они реже участвуют в таких мероприятиях.

Таким образом существует разница в доверии, как в межличностном, так и к обществу в целом. Иногородние студенты более охотно участвуют в программах и проектах университетов, наращивая данный фактор социального капитала. А местные студенты не имеют потребности в более активном накоплении социального капитала через такой фактор, как доверие.

Место жительства студента выступает ключевым фактором определяющим изменения и динамику его социального капитала в данной совокупности устойчивых социальных связей, обеспечивающих доступ к ресурсам.

Согласно исследованию ВЦИОМ в современных реалиях наблюдается устойчивый рост образовательной миграции: лишь 37% россиян продолжают обучение в своих населенных пунктах. 59% переезжают в более крупные города и регионы для продолжения учебы и 4% отправляются учиться за границу.[2]
Социальный капитал студентов в контексте жизни вдали от семьи в другом городе с отстаивающими связями может существенно отличаться от социального капитал студентов, проживающих дома с родителями. Факторы социализации в новой среде, доступности социальной поддержки, включенности в университетские и городские сообщества – все это оказывает влияние на динамику социального капитала.

[1] Сайт ПГНИУ “Календарный план воспитательной работы на 2024-2025 учебный год“ URL: http://www.psu.ru/universitetskaya-zhizn/vneuchebnaya-rabota (дата обращения: 16.09.2025)
[2] ВЦИОМ: “Охота к перемене мест” URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest (дата обращения 13.09.2025)

В данном вопросе следует уделить особое внимание социальному капиталу студентов, проживающих в общежитиях: эмпирические данные исследований, посвященных студенческой жизни в общежитиях, показывают, что такие студенты испытывают меньшее чувство благополучия и для них характерна меньшая открытость к новому. При этом у них более выражена потребность в формировании межличностных связей.[1]

Таким образом, социальный капитал студентов, проживающих в общежитиях, напрямую зависит от их благополучия, поскольку уверенность и открытость новому опыту способствуют формированию доверия, межличностных связей и активному участию в социальных сетях.

Итак, местным студентам, проживающим дома с родителями присущи связывающие формы социального капитала – тесные семейно-локальные связи, которые обеспечивают поддержку и доступ к родительским контактам. Однако слабые связи таких студентов ограничены. Иногородние студенты, проживающие в общежитиях, вынужденно сталкиваются с интенсивностью общения и формируют соединяющие связи через повседневные взаимодействия за счет проживания на одной территории. Однако возникает феномен отчуждения из-за отсутствия общих тем, который может снизить наращивание социального капитала.[2]

Неравенство местных и иногородних студентов в доступе к наращиванию социального капитала в новой среде подтверждают данные исследований: 67% опрошенных студентов, проживающих с родителями, находятся во внутреннем равновесии и чувствуют себя безопасно и только 33% испытывают беспокойство. В то время как среди студентов, проживающих в общежитии, 40% опрошенных чувствуют себя относительно спокойно в новой среде, а 60% опрошенных испытывают сильный стресс.[3] Меняющиеся жизненные условия иногородних студентов способствуют нарастающим отчужденности и социальной закрытости, в то время как положение местных студентов не меняется.

Это свидетельствует о разном положении местных и иногородних студентов относительно нового социального окружения, что тормозит наращивание социального капитала.

Таким образом, местные студенты, уже интегрированные в городскую среду, имеют преимущество в формировании социального капитала по

[1] Баева И.А. Психологическая безопасность студентов, проживающих в общежитии: проблемы и ресурсы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 174.
[2] Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of the American Community. – New York: Simon and Schuster, 2000. – 544 p.
[3] Нечаенко, И. Я. Специфика стресса у студентов, проживающих в общежитии и студентов, проживающих с родителями / И. Я. Нечаенко // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 7-9. – С. 96- 98.

сравнению с иногородними, которые сталкиваются с барьерами, связанными со сменой места жительства и социального окружения.

Социальный капитал местных и иногородних студентов существенно различается из-за их жизненных условий и социальной среды. Местные, живущие с семьей, опираются на тесные семейно-локальные связи, Иногородние формируют соединяющие связи в гетерогенной среде. Стратегии наращивания социального капитала отличаются: местные используют стабильные сети, иногородние — адаптацию к новым связям. Для глубокого понимания влияния на интеграцию и успех требуется дальнейшее исследование.

Список литературы

1. Баева И.А. Психологическая безопасность студентов, проживающих в общежитии: проблемы и ресурсы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 174.
2. Гуськова Н.Д., Клюева А.П. Современные теории социального капитала // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-sotsialnogo-kapitala
3. Нечаенко И.Я. Специфика стресса у студентов, проживающих в общежитии и студентов, проживающих с родителями / И. Я. Нечаенко // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 7-9. – С. 96-98. https://elibrary.ru/item.asp?id=24918491
4. Накашидзе Д. Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе // Science Time. 2016. №8 (32). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-osobaya-sotsialno-vozrastnaya-gruppa-v-sovremennom-obschestve
5. Bourdieu P.The forms of capital //Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed.by J.G.Richardson. N.Y.:GreenwoodPress, 1986. P. 241–258
6. Granovetter M.S.The strength of weak ties // The American Journal of Sociology. 1973.Vol.78, no.6. P.1360–1380. DOI: https://doi.org/10.1086/225469
7. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of the American Community. – New York: Simon and Schuster, 2000. – 544 p
8. ВЦИОМ: “Охота к перемене мест” URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest
9. Сайт ПГНИУ “Календарный план воспитательной работы на 2024-2025 учебный год“ URL: http://www.psu.ru/universitetskaya-zhizn/vneuchebnaya-rabota

V.R. Kazakova, Yu.N. Kibanova

THE SOCIAL CAPITAL OF LOCAL AND NON-RESIDENT STUDENTS IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

This article examines the development of student social capital. R. Putnam's approach to understanding social capital is presented. The definition and types of students are discussed. Specific university projects are analyzed, including the participation of local and out-of-town students. The influence of place of residence on the development of student social capital is also explored.

Keywords: social capital, students, out-of-towners, locals, social capital factors, trust, social networks.

УДК 378

В.Н. Кудымова, Л.Э. Панкратова

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА К УСЛОВИЯМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена вопросам социальной адаптации и интеграции студентов с расстройствами аутистического спектра (РАС) в системе высшего образования. Рассматриваются основные характеристики и проявления этого расстройства, включая нарушения в социальном взаимодействии, коммуникации и стереотипах поведения. Подчеркивается важность комплексного подхода к решению вопросов социальной адаптации студентов с РАС, обеспечивая равные права на получение качественного образования и профессиональной самореализации. В статье предлагается комплексный подход к подготовке образовательный среды для обучающихся с расстройством.

Ключевые слова: социальная адаптация, высшее образование, расстройства аутистического спектра, инклюзивное образование, образовательная среда.

Расстройства аутистического спектра представляют собой группу расстройств, характеризующихся нарушениями в области социального взаимодействия, коммуникации и ограниченными или повторяющимися паттернами поведения и интересов. Расстройства аутистического спектра включает различные состояния, проявления которых могут варьироваться от лёгкой до тяжёлой степени. Данное расстройство – определенная особенность нервной системы, при которой мозг обрабатывает внешний мир не так, как у нейротипичных людей. Также он сопровождается такими нарушениями, как: эпилепсия, депрессия, склонности к самоповреждению, тревожное состояние и расстройство сна.[1]

Актуальность проблемы адаптации и социализации людей с расстройством аутистического спектра в высшем образовании обусловлена тем, что в мире наблюдается тенденция увеличения числа студентов с данным расстройством. По данным ВОЗ, данное расстройство диагностируется примерно у 1 ребенка из 100 [2]. Чем больше людей с расстройством аутистического спектра – тем больше и потенциальных абитуриентов с этим диагнозом. С улучшением диагностики данной особенности развития, увеличивается и количество людей с диагнозом расстройство аутистического спектра. Данный диагноз не предполагает

© Кудымова В.Н., Панкратова Л.Э., 2026

[1] Дошлакиева З.Б. Кодзоева М.М. Психологические особенности детей с расстройствами аутистического спектра // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2022 г. №11 (124). С. 38-39.

[2] Расстройства аутистического спектра // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders. (дата обращения: 10.09.2025).

обязательных нарушений интеллекта, поэтому часть таких выпускников школ может и желает поступить в высшие учебные заведения, что требует адаптации образовательной среды к их особенным потребностям. Социальные нарушения, трудности в общении, сенсорные перегрузки могут привести к академическим и повседневным проблемам, возникающим из-за сложности исполнительных функций, низкой самооценки и сенсорной стимуляции[1]. Изучение этих проблем имеет важное значение для повышения качества образования и создания комфортной образовательной среды для всех студентов.

Ключевые особенности людей с расстройством аутистического спектра включают различные социальные трудности, которые включают в себя проблемы с пониманием социальных сигналов, установлением и поддержанием межличностных отношений. Еще одна особенность – это нарушения общения. Это проявляется как ограниченная вербальная и невербальная коммуникация, нарушения в умении поддерживать разговор. Третья особенность — это повторяющиеся движения или ритуалы, ограниченные интересы, а также необычные реакции на звуки, свет, текстуры. Мозг человека, у которого диагностировано расстройство аутистического спектра, считывает определенные структуры, цвета и звуки как раздражитель. Если все это кратко резюмировать, то у людей на спектре диагноз выстраивается по трем факторам – это склонность к повторяющимся действиям, необходимость однообразия, а также сложностью общении. Все эти особенности являются факторами, которые делают учебу в университете очень тяжелой.

Социальная адаптация студентов с расстройствами аутистического спектра (РАС) к условиям высшего образования играет ключевую роль по ряду значимых причин. Во-первых, она обеспечивает равные возможности для всех обучающихся, позволяя каждому реализовать своё право на качественное образование независимо от особенностей развития. Во-вторых, такая адаптация значительно влияет на профессиональное становление, поскольку многие профессии подразумевают активное общение и командную работу. Эффективная интеграция в университетской среде способствует приобретению необходимых социальных навыков, что существенно облегчает последующее трудоустройство и достижение успеха в карьере. Важна также психологическая составляющая: комфортная среда, созданная специально для поддержки студентов с РАС, предотвращает стресс и депрессию, укрепляет общее самочувствие и мотивацию к обучению. Ещё одним важным аргументом выступает экономический эффект:

[1] Сарри К. Сириопулу-Делли К.К. Профессиональная реабилитация подростков и молодых людей с расстройствами аутистического спектра: обзор // Международный журнал нарушений развития. 2023 г. №71. С. 41–60.

высокая степень адаптации сокращает расходы на социальное обслуживание и повышает производительность труда будущих специалистов. Наконец, включение студентов с особенностями развития формирует атмосферу толерантности и взаимного уважения в обществе, воспитывая молодых людей, готовых воспринимать разнообразие как ценность. Отсутствие педагогических условий инклюзивного образования в вузе и предъявление студентам с РАС высоких требований, связанных с наличием определённых навыков самостоятельной жизни, взаимопонимания и доверительных контактов с педагогами и одногруппниками, соблюдением режима учёбы и отдыха, проживания в общежитии, является существенной проблемой для социальной и образовательной адаптации этих студентов[1]

Вопрос социальной адаптации стал предметом особого внимания. Данной проблеме посвящены работы таких авторов, как Ю.С. Джейгало, С.В. Довбня, О.И Ефимов, И.А. Костин.

Социальная адаптация студентов с расстройством аутистического спектра (РАС) в вузах представляет собой сложный процесс, направленный на преодоление трудностей, возникающих в связи с нарушением способности к общению и восприятию окружающей действительности. Процесс включает ряд последовательных шагов, охватывающих организацию образовательного пространства, разработку методов обучения и предоставление психологической поддержки.

1. Организационные мероприятия. К подготовке образовательной среды, прежде всего относится создание условий, соответствующих специфическим потребностям студентов с расстройствами аутистического спектра. Это подразумевает наличие специальных пространств с минимизацией шума и регулированием уровня освещенности. Далее, важный аспект — это обучение преподавательского состава, которое включает в себя курсы, направленные на осознание потребностей студентов с РАС и освоение эффективных методов их поддержки. Информационная работа со студентами и преподавателями направлена на преодоление стигматизации и формирование адекватного понимания особенностей студентов с РАС, что способствует созданию благоприятных условий.

2. Применение образовательных технологий: Включение визуальных учебных материалов, таких как карточки, диаграммы, таблицы и графические

[1] Грейсанин Д., Коффман М., Лаконте С., Оллендик Т.Х., Ричи Дж.А., Уайт С.В., Элиас Р. Психосоциальное и компьютерное вмешательство для студентов колледжа с расстройствами аутистического спектра: Предварительная поддержка для обоснования целесообразности. // Образование и подготовка в области аутизма и отклонений в развитии. 2016 г. №51. С. 307–317.

изображения, способствует эффективному освоению студентами информации. Использование игровой методики обучения, в том числе групповых игр и упражнений, способствует развитию коммуникативных навыков и взаимодействия, что является важным аспектом, потому что коммуникация у людей с расстройством аутистического спектра дается сложно. Внедрение инновационных подходов, включая современные образовательные технологии, дистанционное обучение и онлайн-курсы, обеспечивает гибкость в образовательном процессе.

3. Психолого-педагогическая поддержка. Даже при потенциально сохранном интеллекте и определенных способностях, обучение аутичных детей в учебном заведении требует специальной психолого-педагогической поддержки [1]. Данная поддержка студентов с расстройствами аутистического спектра (РАС) включает регулярное наблюдение, направленное на определение актуальных потребностей и уровня подготовки обучающихся. Эта процедура позволяет выявить сильные и слабые стороны. На основе полученных данных разрабатываются индивидуальные планы работы. Программы коррекции направлены на устранение таких проблем, как дефицит внимания, нарушения памяти и недостаток мотивации. Поддержка семей студентов с РАС включает предоставление информации о специфике заболевания и рекомендаций по оказанию эффективной поддержки членам семьи. Это способствует созданию благоприятной семейной среды, поддерживающей процесс обучения и социальной адаптации студента.

4. Участие студентов в общественной жизни и общественных инициативах. В рамках университета студентам предлагается активное участие в социальной жизни через присоединение к различным клубам, секциям и иным формам деятельности, которые соответствуют их личным интересам. Это способствует не только расширению профессиональных и личных контактов, но и развитию новых компетенций и навыков. Важным аспектом социальной работы является привлечение общественного внимания к проблемам, с которыми сталкиваются студенты, в том числе и те, кто имеет расстройства аутистического спектра (РАС).

5. Мониторинг результатов. Контроль за эффективностью учебного процесса у студентов является ключевым аспектом для поиска недостатков и корректировки плана обучения. Проведение количественного и качественного анализа результатов способствует оценке результативности отдельных методик и определению вклада каждой составляющей в достижение общей цели

[1] Буслаева Е.Н. Плескачев Д.С. Оссобенности организации системы образования детей с расстройствами аутистического спектра в России. // Вестник Калужского университета. 2021 г. №3 (52). С. 145-149.

процесса. Это помогает понять, какие методики создают более комфортные условия для студентов, у которых было диагностировано расстройство аутистического спектра.

Всесторонняя поддержка студентов с РАС включает организационную подготовку среды, внедрение инноваций в обучение, применение новейших технологий и постоянное наблюдение за состоянием студентов. Комплексная стратегия направлена на создание инклюзивной среды, в которой каждый студент сможет раскрыть свой потенциал и успешно завершить обучение.

Расстройство аутистического спектра не должно создавать различные барьеры для получения качественного высшего образования. Перед педагогами стоит важная задача – создать такую образовательную среду, в которой каждому будет комфортно получать знания, знакомится и проводить свое время.

Список литературы

1. Буслаева Е.Н. Особенности организации системы образования детей с расстройствами аутистического спектра в России. / Е.Н. Буслаева (Д.С. Плескачев) // Вестник Калужского университета. 2021 г. №3 (52). С. 145- 149.

2. Расстройства аутистического спектра. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders. (дата обращения: 10.09.2025).

3. Грейсанин Д. Психосоциальное и компьютерное вмешательство для студентов колледжа с расстройствами аутистического спектра: Предварительная поддержка для обоснования целесообразности. / Д. Грейсанин (М. Коффман, С. Лаконте, Т.Х. Оллендик, Дж.А. Ричи, С.В. Уайт, Р.Элиас) // Образование и подготовка в области аутизма и отклонений в развитии. 2016 г. №51. С. 307–317.

4. Дошлакиева З.Б. Психологические особенности детей с расстройствами аутистического спектра / З.Б. Дошлакиева (М.М. Кодзоева) // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2022 г. №11 (124). С. 38-39.

5. Сарри К. Профессиональная реабилитация подростков и молодых людей с расстройствами аутистического спектра: обзор / К. Сарри (К.К.Сириопулу-Делли) // Международный журнал нарушений развития. 2023 г. №71. С. 41–60.

6. Ефимов О.И. Аутизм дружбе не помеха / О.И. Ефимов. Санкт-Петербург: Диля, 2015 г. 36 С.

7. Джейгало Ю.С. Адаптация ребенка с аутистическими нарушениями в учреждениях дошкольного образования / Ю.С. Джейгало. Минск: Аверсэв, 2022 г. 48 с.

V.N. Kudymova, L.E. Pankratova

PROBLEMS OF ADAPTATION OF STUDENTS WITH AUTISTIC SPECTRUM DISORDERS TO THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION

The article is devoted to the issues of social adaptation and integration of students with autism spectrum disorders (ASD) in the system of higher education. The main characteristics and manifestations of this disorder are considered, including disturbances in social interaction, communication and behavioral stereotypes. The importance of an integrated approach to solving the issues of social adaptation of students with ASD is emphasized, ensuring equal rights to receive quality education and professional self-realization. The article proposes an integrated approach to the preparation of the educational environment for students with the disorder.

Keywords: social adaptation, higher education, autism spectrum disorders, inclusive education, educational environment

УДК 316.013

А.Н. Магдеева

ОТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К АСПЕКТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается роль образования как ключевого социального института в условиях современных вызовов. Центральное внимание уделяется противоречию между целями реформ и их восприятием обществом. На основе вторичного анализа данных социологических исследований выявляется низкий уровень удовлетворённости проводимыми реформами. Главным индикатором кризиса доверия к традиционной системе признается рост популярности альтернативных форм обучения. Делается вывод о наличии разрыва между официальной образовательной политикой и ожиданиями ключевых субъектов (учителей, родителей, учащихся).

Ключевые слова: образовательные реформы, субъекты образования, удовлетворённость.

Образование является ключевым социальным институтом, выполняющим важные функции для развития всего общества. Классики социологии, такие как Э. Дюркгейм, подчёркивали роль образования в достижении социальной солидарности и согласия[1]. Дюркгейм пишет, что образование есть «...влияние, оказываемое взрослыми поколениями, на тех, кто еще не готов к социальной жизни. Целью его является воспитание и развитие в ребенке определённого набора физических, интеллектуальных и моральных качеств, которые требует от него как политическая система в целом, так и конкретная среда, для которой он специально предназначен...»[2]. В современном мире образование определяет не только интеллектуальный потенциал нации, но и её конкурентоспособность на глобальной арене. Государственная политика в этой сфере, включая национальные проекты, направлена на повышение доступности и качества образования, а также формирует определённую культурную модель в обществе.

В условиях глобализации, цифровизации и стремительных изменений в технологической сфере образование становится не только инструментом передачи знаний, но и важным фактором формирования конкурентоспособного общества, обеспечения социальной мобильности и устойчивого развития. Однако успешность образовательных реформ и их внедрение напрямую зависят от того, насколько они соответствуют ожиданиям и потребностям различных социальных групп, вовлечённых в образовательный процесс и образовательную

© Магдеева А.Н., 2026

[1] Зборовский, Г. Е. От Дюркгейма до Мангейма / Г. Е. Зборовский // Образование и наука. Известия Научно-образовательного центра РАО.1999. № 2. С.201.

[2] Чекменёва Т. Г. Образование как социальный институт: теоретические подходы//Вестник ВГТУ. 2010. №4. С. 2

политику. В этой связи изучение общественного отношения к направлениям образовательной политики приобретает особую значимость.

Образовательная политика – курс правительства, разработанный и реализуемый субъектами образовательной политики комплекс мер для воздействия на образование как на социальный институт[1]. С точки зрения нормативно-правовой стороны, государственная политика в области образования – это комплекс законодательных актов и практических мероприятий в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, а также образования взрослых[2]. Образовательная политика включает в себя:

- Целеполагание: определение стратегических целей, задач и приоритетов развития системы образования на конкретном этапе (например, повышение качества, обеспечение доступности, вхождение в мировые рейтинги, подготовка кадров для конкретных отраслей экономики).
- Нормативно-правовое регулирование: разработка и принятие законов, стандартов (ФГОС), учебных программ, санитарных норм и других документов, регламентирующих деятельность образовательных учреждений.
- Финансирование: формирование бюджета и определение механизмов распределения финансовых средств (бюджетное, внебюджетное, подушевое финансирование), а также разработка системы оплаты труда педагогических работников.
- Кадровая политика: разработка стандартов профессиональной деятельности, организация системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических и управленческих кадров.
- Определение содержания образования: утверждение федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), примерных основных образовательных программ, перечня учебников, рекомендованных к использованию.
- Обеспечение инфраструктуры: политика в области строительства, ремонта и оснащения образовательных учреждений, включая цифровизацию и создание современной образовательной среды.

Механизмы контроля и оценки качества: создание системы оценки образовательных результатов (ЕГЭ, ОГЭ, ВПР), лицензирование и аккредитация образовательных организаций, проведение контрольно-надзорных мероприятий.

[1] Труханович Д. С. Образовательная политика как направление социальной политики: основные признаки и элементы / Труханович Д. С., Черткова М. В., Зерщикова М. А. // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3, № 4. С. 2.
[2] Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. — 3-е изд., стер. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2009. — 527 с. : ил., портр. : 27 см

Современная образовательная политика представляет собой поле напряженного взаимодействия двух ключевых направлений — стандартизации и индивидуализации. Государственное целеполагание на данный момент направлено на сохранение национальных традиций, суверенности и высокий уровень стандартизации. Стандартизацию и согласование учебных программ (также называемых сужением учебных программ) можно определить как метод контроля качества образования, при котором «процесс преподавания и обучения заранее определён, задан темп и заранее структурирован. У учителей и учеников мало места для оригинальности или творчества, и на конкретные, прямые вопросы выявляются конкретные, правильные ответы»[1].

В противовес этому направлению образовательной политики существует так называемая вариативная (индивидуалистическая) концепция образования. Вариативное образование – это подход к обучению и воспитанию, ориентированный на развитие индивидуальных способностей, потребностей и интересов каждого учащегося. Этот подход уделяет особое внимание уникальным чертам личности каждого ребёнка и стремится создать условия для максимального раскрытия его потенциала. В этом направлении образования учителя и педагоги стремятся учесть индивидуальный темп усвоения материала, предпочтения в методах обучения, уровень развития способностей и интересы учащихся. Этот подход признает различия между учащимися и стремится создать гибкую, персонализированную систему образования, которая была бы максимально адаптирована к индивидуальным потребностям каждого учащегося.

Крайне важно изучать отношение общества к образовательной политике, потому что это обеспечивает легитимность и широкую поддержку реформ, повышает их эффективность за счёт учёта реального опыта и потребностей учителей, родителей и учащихся, а также позволяет выявить и смягчить возможные социальные риски и сопротивление до их внедрения, превращая тем самым население из пассивного объекта в активного участника преобразований. В период 2011-2015 гг. образовательная политика была сфокусирована на нескольких ключевых направлениях:

Как показывают исследования, 10 лет назад учителя в большей степени в качестве проблем выделяли уровень заработной платы, образовательные стандарты, престиж профессии и материально-техническое оснащение.[2] Это же подтверждают и данные исследования за 2021 год[3]. Можно сказать, что

[1] Mahiri, J. (2005). From 3 R's to 3 C's: Corporate curriculum and culture in public schools. Social Justice, 32(3), 72-88.
[2] Учителя и реформы: региональный аспект [Текст]: монография / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. С.51.
[3] Учителя, дети и родители: что они думают о школе? / А. А. Музаев и др. Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021..С.604

выделенные пункты соответствовали образовательным реформам тех лет и тенденции стандартизации, внедряемой по сей день. Среди них:

Оптимизация сети образовательных учреждений, то есть массовое закрытие и слияние малокомплектных школ, прежде всего в сельской местности. Цели — экономия бюджетных средств и концентрация ресурсов в более крупных учреждениях.

Внедрение новых экономических механизмов. Подушевое финансирование и новая системе оплаты труда, которая привязывала зарплату педагога к множественным, часто формальным, показателям (баллы, рейтинги, результаты учеников на экзаменах).

Формализация контроля и отчетности: массовый переход на электронные журналы, внедрение системы ВПР (Всероссийских проверочных работ) как инструмента контроля не только за учениками, но и за учителями[1].

Немного иная ситуация среди родителей обучающихся, наименьшую удовлетворённость вызывают качество образования и возможность получения дополнительного образования[2]. Среди факторов, определяющих общий уровень удовлетворённости образовательным процессом у родителей: условия обучения (школьные мероприятия, содержание предметов, работа классного руководителя и т.д.), а также расположение и безопасность школы.

По данным опроса от 2023 года число тех, кто недоволен качеством обучения детей, за 3 года возросло – 71% довольных против 29% недовольных родителей в 2020 году и 67% довольных и 33% недовольных в 2023 году[3].

Также, несмотря на государственную политику стандартизации системы образования, в обществе растёт популярность альтернативных форм получения образования. За период с 2016 по 2023 годы количество детей, получающих образование вне стен школы, увеличилось в десять раз[4]. Если в 2016 году не очно получали образование лишь 17,9 тыс. школьников, то в 2023 году их стало 174,7 тыс. (Рис). Можно сказать, что увеличение числа детей и подростков, получающих образование альтернативным способом, показывает рост интереса и потребности в индивидуальном подходе к обучению.

[1] О введении новой системы оплаты труда в школах : письмо Минобрнауки России от 31.05.2011 г. № 03-858 // КоммерсантЪ.2011. 31 мая.URL: https://www.kommersant.ru/doc/2073465 (дата обращения: 17.09.2025).

[2] Учителя, дети и родители: что они думают о школе? / А. А. Музаев и др. Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021, С.77.

[3] Исследовательский центр портала Superjob.ru. Стресс перед 1 сентября испытывают 28% родителей – URL: https://www.superjob.ru/research/articles/114222/stress-pered-1-sentyabrya-ispytyvayut-28/ (дата обращения: 07.09.2025).

[4] Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» с 2016-2023/24 учебных годов. Минобрнауки, 2016-2023гг.

Рис. Динамика численности обучающихся в альтернативных форматах (тыс. чел)[1]

Таким образом, динамика отношения к аспектам образовательной политики и её реформам неоднозначна и зависит от многих факторов: субъекта, года, конкретной реформы и т.д. Тем не менее, существует глубокий системный кризис доверия к проводимой образовательной политике. Проводимые реформы, основанные на оптимизации и стандартизации, не находят поддержки у ключевых участников образовательного процесса. Учителя, являясь главными исполнителями этих изменений, первые начали проявлять неудовлетворённость, отвергая их. А с появлением возможностей и семьи все чаще стали переходят на альтернативные формы обучения. Иными словами, возникает фундаментальное противоречие: государственная политика, направленная на стандартизацию и унификацию, входит в конфликт с растущими потребностями общества в вариативности и персонализации. Успех будущих преобразований будет напрямую зависеть от способности государства преодолеть этот разрыв, учитывая мнение и ожидания всех участников образовательного процесса.

Список литературы

1. Исследовательский центр портала Superjob.ru. Стресс перед 1 сентября испытывают 28% родителей. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/114222/stress-pered-1-sentyabrya-ispytyvayut-28/ (дата обращения: 07.09.2025).

2. Леонидова Г.В. Учителя и реформы: региональный аспект : монография / Г. В. Леонидова, М. А. Головчин, Т. С. Соловьева ; под ред. д.э.н. А. А. Шабуновой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. 108 с.

3. Музаев А.А. Учителя, дети и родители: что они думают о школе? / А.А. Музаев [и др.]. Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. 656 с.

[1] Ячменникова, П. Школьные годы домашние // Газета «Коммерсантъ». 2024. № 169 (17 сент.).

4. Зборовский Г. Е. От Дюркгейма до Мангейма / Г. Е. Зборовский // Образование и наука. Известия Научно-образовательного центра РАО. 1999. № 2.

5. О введении новой системы оплаты труда в школах : письмо Минобрнауки России от 31.05.2011 г. № 03-858 [Электронный ресурс] // КоммерсантЪ. 2011.31 мая. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2073465 (Дата обращения: 17.09.2025).

6. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. — 3-е изд., стер. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2009. — 527 с. : ил., портр. : 27 см — (Золотой фонд. Энциклопедический словарь).

7. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года». Минобрнауки, 2023.

8. Труханович Д. С. Образовательная политика как направление социальной политики: основные признаки и элементы / Труханович Д. С., Черткова М. В., Зерщикова М. А. // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3, № 4.

9. Чекменёва Т. Г. Образование как социальный институт: теоретические подходы//Вестник ВГТУ. 2010. №4.

10. Ячменникова П. Школьные годы домашние [Электронный ресурс] // Газета «Коммерсантъ». 2024. № 169 (17 сент.). URL: https://www.kommersant.ru/doc/7159369 (Дата обращения: 17.09.2025).

11. Mahiri, J. (2005). From 3 R's to 3 C's: Corporate curriculum and culture in public schools. Social Justice, 32(3), 72-88.

A.N. Magdeeva

THE ATTITUDE OF SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL SYSTEM TOWARDS ASPECTS OF STATE EDUCATIONAL POLICY

The article examines the role of education as a key social institution in the face of modern challenges. Central attention is paid to the contradiction between the goals of reforms and their perception by society. Based on sociological research data, a low level of satisfaction with the ongoing reforms is revealed. The rapid growth in the popularity of alternative forms of learning is recognized as the main indicator of a crisis of trust in the traditional system. The conclusion is made about a gap between official educational policy and the expectations of key subjects (teachers, parents, students).

Keywords: educational reforms, subjects of education, satisfaction.

УДК 316.624

С.С. Селина

БУЛЛИНГ В ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО И ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

В статье приведены зарубежные успешные программы при борьбе с буллингом, а также разработки программ РФ. Также проведен анализ буллинга как формы социального контроля. В работе определена роль учителей в ситуациях буллинга и изучены методы социального контроля.

Ключевые слова: буллинг, девиация, социальный контроль.

Согласно исследованиям ООН по вопросам образования по всему миру около 246 млн детей и подростков ежегодно сталкиваются с различными формами насилия, почти каждый третий ребенок в возрасте от 9 до 15 лет хотя бы раз за последний месяц сталкивался с травлей в школе[1]. Данная тенденция развивается и в РФ. По данным Общероссийского общественного движения «Народный фронт - “За Россию”, треть детей стали жертвами буллинга, каждый десятый участник никому не говорил о своей проблеме, а около 10 % ребят участвовали в буллинге в роли агрессора или свидетеля[2].

В 2021 г. уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Мария Львова-Белова предложила развивать институт медиации как механизм предупреждения и разрешения конфликтов и дополнить Федеральный закон «Об образовании» соответствующим положением[3]. В 2022 г. в Государственной Думе РФ 4 политические фракции стали инициаторами законопроекта, что прогнозирует формирование правовых норм, пресекающие случаи буллинга[4]. В марте 2023 г. состоялся I Всероссийский антибуллинговый форум «Надо поговорить», организованный при поддержке Министерства культуры РФ[5]. Были представлены антибуллинговые проекты, раскрывающие последствия

© Селина С.С., 2026

[1] См.: Противодействие насилию в школе, травле и кибербуллингу. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. URL: https://iite.unesco.org/ru/stop-nasilie-v-shkole-i-kiberbulling/ (дата обращения: 07.04.2023)

[2] Юристы, психиатры, педагоги и представители НКО на площадке ОНФ обсудили школьную травлю и механизмы ее профилактики. [Электронный ресурс] // Общероссийское общественное движение «Народный фронт „За Россию“». (15 декабря 2020) URL:https://onf.ru/2020/12/15/yuristy-psihiatry-pedagogi-i-predstaviteli-nko-na-ploshchadke-onf-obsudili-shkolnuyu/ (дата обращения: 08.04.2023)

[3] См.: Гончарук Д. Детский омбудсмен назвала меру против травли в школах. [Электронный ресурс] / Д. Гончарук // Российская газета.8 ноября 2021. URL:https://rg.ru/2021/11/08/detskij-ombudsmen-nazvala-meru-protiv-travli-v-shkolah.html (дата обращения: 11.04.2023)

[4]См.: Замахина Т. В Госдуме подготовлен законопроект о борьбе с травлей детей в школах. [Электронный ресурс] / Т. Замахина // Российская газета. 12 октября 2022. URL:https://rg.ru/2022/10/12/v-gosdume-podgotovlen-zakonoproekt-o-borbe-s-travlej-detej-v-shkolah.html (дата обращения: 12.05.2023)

[5] См.: Всероссийский антибуллинговый форум «Надо поговорить». [Электронный ресурс] // Добро.ru. URL: https://dobro.ru/event/10338289 (дата обращения: 12.04.2023)

травли и инструменты для ее минимизации. Проблема данного явления масштабируется и принимает новые формы, но в нашей стране органы государства и ученые находятся на этапе разработки различных программ для борьбы с травлей среди учеников, что не дает четких результатов эффективности принятых мер.

Еще в 1980-х годах Д. Олвеус провел исследование программы вмешательства в издевательства. Проект внедрили во всех норвежских начальных и средних школах (сейчас она известна как OBPP — Olweus Bullying Prevention Program). Ее цель — изменить «структуру возможностей и наград» в ситуации травли. Многолетние систематические исследования показывают, что применение программы Ольвеуса на 30–50%, снижает число учащихся — зачинщиков буллинга и пострадавших от него. Также в Финляндии с 2009 года введена программа профилактики школьной травли - «Kiusaamista Vastaan» («Против издевательств»)[1]. Программа KiVa отличается от OBPP направлением, а не целевыми группами. KiVa, как и OBPP, ориентируется на работу со сверстниками, педагогическим составом и местными сообществами.

В России проблему буллинга рассматривали И.С. Кон, И.С. Бердышев, С.В. Кривцова. А.А. Бочавер и К.Д. Хломов выделили три основных подхода: индивидуально-личностный, темпоральный, контекстуальный. Первые два относятся к психолого-педагогической методологии, а последний - к социологической[2].

На наш взгляд, важнейшим направлением исследования является изучение школы как института социального контроля. Такое исследование позволит а) классифицировать буллинг как форму социального контроля; б) определить роли учителей в ситуации буллинга; в) рассмотреть методы социального контроля, применяемые учителями.

Буллинг - «преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы»[3]. И.С. Кон определяет его как “физический и психический террор в форме подчинения личности через страх. Это международный социально-психологический и педагогический термин, включающий совокупность социальных, психологических и педагогических проблем[4].

---

[1] См.: Salmivalli C. Reactive, but not proactive aggression predicts victimization among boys / C. Salmivalli, T. Helteenvuori // Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression. 2007. Vol. 33, №. 3. P. 198–206.

[2] Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов// Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 155.

[3] Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do / D. Olweus. Malden: Blackwell Publishing, 1993. P. 140.

[4] Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? / И.С. Кон // Семья и школа. 2006. № 11. С.5–18.

Буллинг характеризуется агрессивным поведением (косвенное или прямое); неравенством сил между инициатором травли и его жертвой; повторностью[1]. Формы буллинга: физический, вербальный, социальный, кибербуллинг. Само явление можно классифицировать как негативную форму социального контроля, проявляющаяся в агрессивном поведении и преследовании отдельных индивидов или групп. Социальный контроль в данном контексте может быть как формальным и неформальным. Первый проявляется в применении санкций, например, применение физического буллинга к жертве. Неформальный социальный контроль проявляется в таких формах, как вербальный, социальный буллинг.

Также следует выделить несколько причин, почему школа является ареной буллинга. Во-первых, школьная среда наполнена разнообразием социальных взаимодействий, что может сказаться на конфликты и конкуренцию между учениками. Во-вторых, ученики, желая соответствовать сверстникам, могут вести себя агрессивно для подтверждения статуса в своей группе. В-третьих, в больших классах ученики ощущают на себе меньше ответственности за свои действия, что может повлиять на более часто встречающуюся агрессию. Учителя не всегда могут проконтролировать буллинг, что способствует безнаказанно действовать. В школе может сформироваться культура поддержки агрессивного поведения как способа разрешения конфликта. Социальные условия семьи влияют на проявленность травли в случае, если ученика обидят другие учащиеся, то он проявит себя агрессивно для компенсации своих комплексов.

Учителя являются агентами социального контроля, применяют действия для поддержания порядка в школе. В одной из методических рекомендаций по профилактике буллинга приведены следующие меры:

- «обучение учащихся знаниям и навыкам, необходимым для распознавания проявлений буллинга и насилия, своевременного и адекватного реагирования на них;
- информирование, обучение и консультирование родителей;
- создание и распространение информационных материалов, проведение мероприятий в целях профилактики буллинга и насилия;
- обучать детей конструктивным способам решения конфликтов;
- развивать у детей чувство эмпатии и толерантности;
- обучать навыкам самоконтроля и саморегуляции;
- проводить групповые внеклассные мероприятия, направленные на сплочение класса;

[1] См.: Реан А.А. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта / А.А. Реан, И.А. Коновалов, М.А. Новикова, Д.В. Молчанова // СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2021. С. 25–32.

- «хвалить при всех, ругать наедине»;
- устраивать совместные праздники и чаепития;
- помогать детям решать конфликтные ситуации, стараясь не принимать сторону одного из участников, помогать находить компромисс»[1].

Данные методы помогут учителям контролировать учеников. Однако действия учителя могут виктимизировать учащихся в целях поддержания порядка: повышение голоса, внушение стыда в присутствии других учеников.

Изучая роль учителей в ситуации буллинга, можно увидеть, что они используют методы социального контроля для поддержания дисциплины, успеваемости и здоровой атмосферы в классах, поэтому они вполне могут применять санкции по отношению к ученикам. Но не стоит исключать, что кто-то из учителей может сам стать тем, кто провоцирует буллинг. Также учителя могут обратиться к педагогу-психологу, социальному педагогу школы, директору, а также к родителям ученика для решения проблемы. И они сами могут давать устные замечания, вести запись в журнале, временно отстранять от занятий, исключать из школьных мероприятий.

Список литературы

1. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / Бочавер А.А., Хломов К.Д. // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159.

2. Всероссийский антибуллинговый форум «Надо поговорить». [Электронный ресурс] // Добро.ru. URL: https://dobro.ru/event/10338289 (дата обращения: 12.04.2023)

3. Гончарук Д. Детский омбудсмен назвала меру против травли в школах. [Электронный ресурс] / Д. Гончарук // Российская газета. 8 ноября 2021. URL:https://rg.ru/2021/11/08/detskij-ombudsmen-nazvala-meru-protiv-travli-v-shkolah.html (дата обращения: 11.04.2023)

4. Замахина Т. В. Госдуме подготовлен законопроект о борьбе с травлей детей в школах. [Электронный ресурс] / Т. Замахина // Российская газета. 12 октября 2022. URL: https://rg.ru/2022/10/12/v-gosdume-podgotovlen-zakonoproekt-o-borbe-s-travlej-detej-v-shkolah.html (дата обращения: 12.05.2023)

5. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? / И.С. Кон // Семья и школа. 2006. № 11. С.5–18.

6. Методические рекомендации по профилактике буллинга в школе. [Электронный ресурс] // Тверь, 2023. С. 15. URL:

[1] Методические рекомендации по профилактике буллинга в школе. [Электронный ресурс] // Тверь, 2023. С. 15. URL:https://dmgora.tver.eduru.ru/media/2023/12/15/1336594899/5Metodicheskie_rekomendacii_po_profilaktike_bullinga_v_shkole.pdf. (дата обращения: 10.02.2025)

https://dmgora.tver.eduru.ru/media/2023/12/15/1336594899/5Metodicheskie_rekomendacii_po_profilaktike_bullinga_v_shkole.pdf. (дата обращения: 10.02.2025)

7. Противодействие насилию в школе, травле и кибербуллингу. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. URL: https://iite.unesco.org/ru/stop-nasilie-v-shkole-i-kiberbulling/ (дата обращения: 07.04.2023)

8. Реан А.А. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта / А.А. Реан, И.А. Коновалов, М.А. Новикова, Д.В. Молчанова // СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2021. — 296 с.

9. Юристы, психиатры, педагоги и представители НКО на площадке ОНФ обсудили школьную травлю и механизмы ее профилактики. [Электронный ресурс] // Общероссийское общественное движение «Народный фронт „За Россию“». (15 декабря 2020). URL: https://onf.ru/2020/12/15/yuristy-psihiatry-pedagogi-i-predstaviteli-nko-na-ploshchadke-onf-obsudili-shkolnuyu/ (дата обращения: 08.04.2023)

10. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do / D. Olweus. Malden: Blackwell Publishing, 1993. 140 p.

11. Salmivalli C. Reactive, but not proactive aggression predicts victimization among boys / C. Salmivalli, T. Helteenvuori // Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression. 2007. Vol. 33, №. 3. P. 198– 206.

S.S. Selina

BULLYING AT SCHOOL AS A MEANS AND OBJECT OF CONTROL

The article presents foreign successful programs in the fight against bullying, as well as the development of programs in the Russian Federation. It also analyzes bullying as a form of social control. The article defines the role of teachers in bullying situations and examines methods of social control.

Keywords: bullying, deviation, social control.

УДК 378.1.

Ю.Н. Толмачева

ОЦЕНКА СТУДЕНТАМИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТЬЮТОРСКИМ СОПРОВОЖДЕНИЕМ КАК МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТА

Статья посвящена осмыслению опыта тьюторского сопровождения студентов в университете посредством применения внутренней оценочной процедуры по исследованию удовлетворенности качеством образовательной деятельности. Автор статьи описывает результаты анализа удовлетворенности студентов дефектологического факультета деятельностью Тьюторского центра, анализирует возможные причины их мнений сопоставляя с теми активностями, которые предлагает тьюторский центр студентам в течение года. На основе анализа полученных данных автор описывает возможности совершенствования образовательной среды университета в рамках введения факультативной дисциплины в учебный план, указывает на актуальные среди студентов запросы на проведение индивидуальных и групповых тьюториалов в рамках тьюторского сопровождения.

Ключевые слова: тьютор, сопровождение, удовлетворенность, образовательная среда, студенты.

На современном этапе деятельность университета в системе высшего образования имеет множество направлений деятельности, помимо учебной, внеучебной и научной. Вчерашний абитуриент, попав на порог организации высшего образования имеет возможность сопровождения и со стороны психологической службы, и со стороны центров карьеры и развития компетенций, так и со стороны тьюторских центров или служб. Появление во многих вузов таких центров, имеющих тьюторов для сопровождения студентов в процессе их саморазвития и самообразования является отчетливой приметой сегодняшнего времени. Ж.Делез в своих работах указывал, что постоянные потоки информации создают для современного человека ощущения «размытости идентичности и границ собственной личности, а фрагментарность и множественность мира не дают стабильных ориентиров»[1]. Соответственно в современном образовательном пространстве нужна такая практика организации сопровождения личности, которая будет учитывать и особенности современного поколения в юношеском возрасте, заключающиеся в желании быть свободным и активным, действовать исходя из своих целей, желаний, потребностей, так и тех рисков, которые сегодня имеются в информационном обществе XXI века. Т.М. Ковалева в своих работах указывает на важность организации системного процесса поддержки и развития личности обучающихся. Поддерживающая среда

© Толмачева Ю.Н., 2026

[1] Жиль Д. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: Пер. с франц. — М.: ПЕР СЭ, 2001 – 420 с.

должна быть направленной на формирование мотивации обучающегося, понимания и осознанного использования имеющихся у него ресурсов и самореализации. Особо автор выделяет навыки самообразования, которые в современных контекстах образования играют ключевую роль для освоения личностью профессиональной деятельности при обучении в вузе[1].

Продолятченко П.А. считает, что тьюторская деятельность в университете должна быть направлена на «создание условий для наиболее эффективного овладения студентами профессиональных компетенций с учетом развития индивидуализации и персонализации образовательного процесса»[2].

Л.Р. Салаватулина в своем исследовании указывает, что «сопровождение тьютором индивидуальных образовательных траекторий студента в рамках научно-исследовательской работы, способствует проявлению студентами самостоятельности и большей осознанности при выполнении различных видов действий, необходимых при оргнаизации научного исследования»[3].

О значительном влиянии тьюторского сопровождения студентов в вузе также пишут О.И. Башеров, Н.И. Мерзликина, К.В. Тростина, И.А. Синицына. Так на основе опроса 327 студентов из 12 университетов авторы пришли к выводу: при организованном тьюторском сопровождении у обучающихся повысилась успеваемость по изучению технических наук, в два раза чаще студенты стали участвовать во внеучебной жизни университета, и быстрее интегрировались в сообщество студентов. Авторы делают вывод о том, что тьюторское сопровождение в университете обеспечивает многогранные преимущества для студентов, способствуя их личностному и профессиональному развитию[4].

В работах А.Е. Чувилиной указывается, что поддержка со стороны преподавателя в роли тьютора, позволила достичь большей вовлеченности студентов в образовательный процесс. При этом, автор использовал такие техники работы, которые все время стимулировали и позволяли студентам проявлять активность. Автор отмечает, что ключевыми аспектами тьюторского сопровождения является поддержка инициативы и субъектности студента,

---

[1] Ковалева Т.М. Самостоятельное действие в контексте самообразования//Современная дидактика и качество образования: проблемы и подходы в становлении учебной самостоятельности. материалы XII Всероссийской научно-методической конференции. Красноярск, 2020. С. 66.

[2] Продолятченко П.А. Тьюторство в образовательном процессе вуза//Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Курск, 2025. С. 270.

[3] Салаватулина Л.Р. Тьюторское сопровождение научно-исследовательской деятельности студентов// Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 177.

[4] Башеров О.И., Мерзликина Н.И., Тростина К.В., Синицына И.А. Роль тьюторского сопровождения в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах//Управление образованием: теория и практика. 2024. № 3-1. С. 57-67.

формирование профессиональных компетенций через совместную деятельность студентов с преподавателями, фасилитацию личностного и профессионального роста студента.

В ЯГПУ им.К.Д.Ушинского с 2023 г. функционирует Тьюторский центр. За каждым факультетом закреплены тьюторы, к которым студент может обратиться за консультацией. Помимо консультаций, тьюторский центр проводит со-бытийные мероприятия для студентов целевого набора, студентов-первокурсников, конференцию в активных форматах работы участников под названием «Тьюторская неконференция». Студенты дефектологического факультета в рамках своей профессиональной деятельности обучаются навыкам тьюторской деятельности для сопровождения детей с особыми образовательными потребностями, но формат Тьюторского центра позиционирует сопровождение для самого студента, его самообразования и саморазвития, что является для них новой гранью понимания тьюторства в системе образования. В целях оценки удовлетворенности студентов деятельностью Тьюторского центра в декабре 2024 г. было инициирован опрос. В опросе приняло участие 89 студентов 1, 2 и 3 курса очной формы обучения. Опрос проводился анонимно, посредством онлайн инструментов платформы «Яндекс».

Для студентов был предложен следующий блок вопросов, которые предлагалось оценить по 5 балльной шкале, где 1 означало - не удовлетворены, а 5 - полностью удовлетворены, а 0 – предполагал ответ «не знаю, не владею информацией»:

1. Мне интересны и полезны мероприятия Тьюторского центра университета
2. Мне помогает взаимодействие с тьютором нашего факультета
3. Я считаю необходимым тьюторское сопровождение будущего педагога/специалиста на этапе профессионального самоопределения и профессионального обучения**.**

4 вопрос был свободной формы, где студентам предлагалось указать, пожелания или предложения по совершенствованию работы тьюторов.

По итогам опроса были получены следующие результаты: так, треть опрошенных студентов по всем направлениям подготовки поставили максимальный балл, свидетельствующий о высокой степени удовлетворенности как мероприятиями центра, так и взаимодействием с тьютором факультета. Также, суждению о необходимости сопровождения тьютором этапа профессионального самоопределения и обучения, было оценено респондентами

на высокий балл (5), что свидетельствует о высокой степени значимости для них тьюторского сопровождения (рис.).

Одна пятая опрошенных студентов оценили мероприятия тьюторского центра и деятельность тьюторов на факультетах на 0, поясняя, что им неизвестно о деятельности Тьюторского центра. В целом, 51% участников опроса продемонстрировали высокую и выше среднего степень удовлетворенности, оценивая деятельность тьюторского центра на «4» и «5».

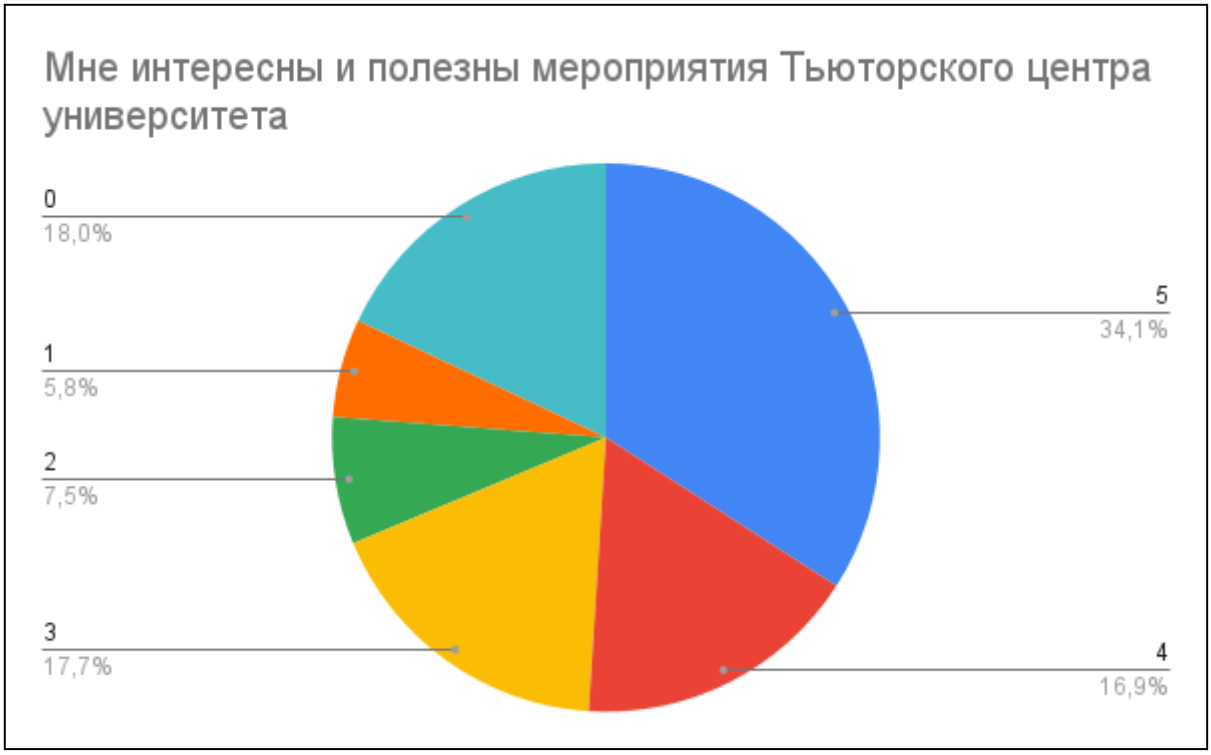

Рис. Распределение ответов студентов по оценке мероприятий Тьюторского центра.

По второму вопросу «Мне помогает взаимодействие с тьютором нашего факультета» разброс оценок студентов оказался значительный — от 0 до 5. Наличие оценок от 0 до 1 говорит о том, что некоторые студенты вообще не взаимодействуют с тьютором, в общем массиве – из 100%, процент респондентов, выбравших данные значения составляет 7,2%. В то же время 39,2% студентов высоко оценивают помощь тьютора, выставляя максимальную оценку в 5 баллов. Основной процент опрошенных – 53,6% оценили данный ответ на 3 и 4 балла, что говорит о том, что не все мероприятия, проводимые тьюторами на факультете попадают в целевой запрос студентов.

По вопросу «Я считаю необходимым тьюторское сопровождение будущего педагога/специалиста на этапе профессионального самоопределения и профессионального обучения». более 700 студентов поставили высокие оценки (4 и 5 баллов), что говорит о признании студентами важности и необходимости тьюторского сопровождения в целом. Уровень удовлетворённости выше

среднего, об этом свидетельствуют средние значения баллов - 3,9. Высокий уровень согласия с данным утверждением о необходимости тьюторского сопровождения говорит о том, что студенты видят в нём потенциал для улучшения качества своего обучения и профессиональной подготовки. Этот факт может быть использован для дальнейшего развития и продвижения услуг тьюторского центра, а также для обоснования необходимости усиления тьюторской поддержки в университете. Отвечая на четвертый вопрос, студенты отмечали: они не имеют возможности посещать тьюторские мероприятия в вечернее время из-за большой учебной нагрузки, указывали на то, что им были бы интересны такие темы групповых тьюториалов, которые бы помогли им понять себя, свои особенности, помогли бы находить контакт с будущими коллегами по работе и родителями детей, имеющих особенности развития. Также ряд ответов студентов были связаны с запросом на формирование компетенций, которые помогут им быть успешными в будущей профессиональной деятельности.

Анализ ответов студентов позволил обнаружить разрыв в оценках студентов между признанием важности тьюторского сопровождения в целом и удовлетворённостью его конкретными аспектами по первым двум вопросам, что указывает на необходимость пересмотреть перечень мероприятий по реализации тьюторской деятельности на факультете. Для решения обозначенных проблем командой Тьюторского центра было предложено ввести в учебный план 1 года обучения факультативную дисциплину «Тьюторский практикум», который бы сформировал у студентов навыки самообразования, саморефлексии и самопознания. Все это помогло бы студентам самоопределиться в пространстве вуза и внутри образовательной программы построить свой образовательный маршрут по самообразованию, таким образом, курс становится первым местом регулярной встречи тьютора и тьюторанта. Практикум ведут преподаватели, которые являются тьюторами Тьюторского центра. Помимо этого, тьюторы дефектологического факультета разработали сценарии групповых тьюториалов, направленных на развитие компетенций заботы о себе, тайм-менеджмента, коммуникативных навыков. Для оперативной связи и индивидуальных консультаций было создано сообщество в социальных сетях, где тьюторы размещают краткие посты не только о ключевых общеуниверсиетских мероприятиях Тьюторского центра, но и информацию, продвигающую студентов в процессе самообразования. К такоей информации относятся посты о том, как эффективнее работать с учебной информацией, как отличить усталость от стресса, что такое профессиональное проба, как лучше понять профессию,

каким потенциалом обладает педагогическая практика в организации, может ли старшекурсник стать твоим наставником и другие.

Таким образом, оценка удовлетворенности студентов — это не просто измерение качества одного из видов деятельности университета, а именно деятельности Тьюторского центра. Это стратегический инструмент диагностики образовательной среды, поскольку он показывает, насколько эффективно в университет встраивается новая персонализированная модель сопровождения студентов, которая ориентирована на формирование компетентного, самостоятельного и мотивированного выпускника. Также опрос позволил принять ряд управленческих решений по изменению образовательной среды под запросы студентов – внедрение факультатива, обновление тематики групповых тьюториалов по интересам студентов, чат для оперативной связи.

Список литературы

1. Башеров О.И., Мерзликина Н.И., Тростина К.В., Синицына И.А. Роль тьюторского сопровождения в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах//Управление образованием: теория и практика. 2024. № 3-1. С. 57-67.

2. Жиль Д. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: Пер. с франц. — М.: ПЕР СЭ, 2001 – 420 с.

3. Ковалева Т.М. Самостоятельное действие в контексте самообразования//Современная дидактика и качество образования: проблемы и подходы в становлении учебной самостоятельности. материалы XII Всероссийской научно-методической конференции. Красноярск, 2020. С. 65-69.

4. Салаватулина Л.Р. Тьюторское сопровождение научно-исследовательской деятельности студентов// Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 167-178.

5. Чувилина А.Е. Тьюторское сопровождение в рамках процесса формирования экологической компетентности будущих специалистов// ЦИТИСЭ. 2020. № 4 (26). С. 250-259.

6. Продолятченко П.А. Тьюторство в образовательном процессе вуза//Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Курск, 2025. С. 269-272.

Yu.N. Tolmacheva

STUDENT SATISFACTION ASSESSMENT WITH TUTOR SUPPORT AS A MECHANISM FOR IMPROVING THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

The article is devoted to understanding the experience of tutor support of students at the university through the use of an internal assessment procedure for the study of satisfaction with the quality of educational activities. The author of the article describes the results of the analysis of the satisfaction of students of the defectology department with the activities of the Tutor Center, analyzes the possible reasons for their opinions, comparing with the activities that the tutor center offers to students during the year. Based on the analysis of the data obtained, the author describes the possibilities of improving the educational environment of the university as part of the introduction of an optional discipline into the curriculum, indicates current requests among students for individual and group tutorials within the framework of tutorial support

Keywords: tutor, support, satisfaction, educational environment, students.

РАЗДЕЛ 5. ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 159.98

Ю.С. Галынская

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОПОСРЕДОВАННЫХ ФОРМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

В статье представлен анализ статистики распространенности очных и дистанционных форм психологического консультирования и результаты интервью с психологами МБУ ЦЕНТР «РОДНИК» г. Новосибирска.

Ключевые слова: дистанционное психологическое консультирование, телефон доверия, психологическая помощь.

Современную эпоху называют веком стресса. Продолжающийся кризис института семьи и брака, рост отчуждения между людьми, живущими в высоко технологичной, но индивидуалистической культуре, заставляет людей в трудных жизненных ситуациях искать эмоциональную, нравственную, психологическую поддержку за пределами семьи. Один из видов и способов оказания профессиональной психологической помощи человеку – психологическое консультирование[1]. Психологическое консультирование наряду с психотерапией представляет собой серию контактов психолога с клиентом, направленных на изменение его психических установок и поведения, совладение с трудной ситуацией[2].

Опосредованные формы оказания услуг психологического консультирования в современном обществе стремительно развиваются. Факторы гибкости выбора и экономии времени, возможность для клиента находиться в комфортной домашней обстановке, анонимность, широкие возможности выбора специалистов, технологические возможности современных средств коммуникации обусловливают популярность у людей дистанционных форм психологического консультирования.

Цель исследования: выявить уровень востребованности дистанционных форм психологического консультирования у клиентов.

Задачи исследования:

1. Изучить мнения практикующих психологов о преимуществах и недостатках опосредованных форм психологического консультирования.

© Галынская Ю.С., 2026

[1] Бохан Т.Г. Методологические и методические основы психологического консультирования: учебное пособие / Т.Г. Бохан, А.Л. Ульянич, О.В. Терехина. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 4-5.

[2] Роджерс К.Р. Новейшие подходы в психологической практике. Консультирование и психотерапия / К.Р. Роджерс. М.: ИОИ, 2016. С. 9.

2. Провести сравнительный анализ распространенности очных и дистанционных услуг психологического консультирования.

База исследования: Муниципальное бюджетное учреждение города Новосибирска «Городской Центр психолого-педагогической поддержки молодёжи «РОДНИК».

Дистанционное психологическое консультирование – это процесс предоставления психологической помощи и поддержки через различные формы связи на расстоянии.

Интервью с тремя специалистами МБУ Центр «РОДНИК» показало, что все они практикуют дистанционный формат как минимум раз в неделю. На вопрос о предпочтении очных или живых консультаций специалисты ответили по-разному.

Среди преимуществ дистанционных консультаций назывались удобство для клиента, большая безопасность и экономия времени. Из недостатков дистанционного консультирования отмечались возможные технические неполадки, невозможность увидеть сигналы тела и использовать телесные практики.

Эксперты подтвердили, что клиенты часто отменяют консультации, при этом дистанционные консультации отменяют чаще.

Категории клиентов, обращающихся за дистанционными консультациями, практически такие же, что и в очных консультациях. Исключение составляют люди с ОВЗ и немобильные граждане, которые предпочитают подключаться дистанционно.

На практике встречаются случаи, когда клиенты меняют очный формат консультации на дистанционный по разным личным обстоятельствам. Многие клиенты, кто ходил на живые консультации и переехал в другие города, предпочитают остаться со своими специалистами. Все специалисты отметили, что у них есть клиенты из других городов и стран.

По словам специалистов, проблемы, с которыми обращаются клиенты в дистанционном режиме, такие же, как и в очных консультациях. Дистанционный формат консультирования набирает обороты, и возможно, в будущем он станет главным способом получения психологической помощи.

Представим сравнительный анализ статистических данных распространенности очных и дистанционных консультаций в МБУ Центр «РОДНИК» за 2024 г.

Количество очных консультаций, проведенных за 2024 г., в 2,6 раз превышает число дистанционных. Доля дистанционных консультаций при этом составляет больше четверти (27,4 %) от общего числа.

Причины, по которым клиенты выбирают именно дистанционную консультацию, следующие. Почти половина (45%) обратившихся отметили, что

им было сложно приехать, есть маленькие дети. Четверть (25%) клиентов далеко живут, например, за городом или же и вовсе в другом городе. Пятая (20%) часть респондентов выбрали дистанционный формат, потому что боятся живых консультаций, им гораздо комфортнее в своей домашней обстановке. 10 % клиентов отмечают временной фактор.

Таким образом, только пятая (20%) часть респондентов избегают живого общения и поэтому выбирают дистанционный формат. Остальные причины выбора опосредованных форм консультирования связаны с удобной пространственно-временной организацией.

Половина (50%) граждан выбирают живые консультации, так как, по их мнению, только они могут помочь. Пятая (20%) часть клиентов предпочитают очные консультации из-за наличия непосредственного общения, ведь даже звонок по видеосвязи не сможет передать живую атмосферу. Многим людям требуется именно живое общение для успешной работы, для раскрытия своей личности. 15% граждан выбирают очные консультации за счет возможности работы в группе, которую провести дистанционно гораздо сложнее.

Таким образом, абсолютное большинство (85 %) людей, выбирающих очный формат, так или иначе, связывают его с полноценным общением. А клиенты, предпочитающий дистанционный формат, делают такой выбор по преимуществу из-за пространственно-временного фактора (удобства).

Рассмотрим причины, по которым люди обращались к специалистам в очном формате (рис. 1). На первом месте – почти треть (29,1%) – обращения с проблемами тревоги и страха. На втором месте (21,4%) семейные отношения, третью позицию занимают две проблемы – трудности при общении со сверстниками (17,2%) и сложности в детско-родительских отношениях (17,2 %).

Рис.1. Тематика обращений в очных консультациях

Дистанционное консультирование рассмотрим на примере работы службы телефона доверия МБУ Центр «РОДНИК» в 2024 г. Большая часть обращений (62,8%) состоит из неадекватных звонков. Почти четверть (28,2%) звонков было без ответа, третья часть (34,6 %) звонивших манипулировали консультантом. Полученные данные свидетельствуют о недостаточной востребованности услуг телефона доверия горожанами для получения помощи в трудных ситуациях.

Тематика адекватных звонков, поступивших на телефон доверия в 2024 г., представлена на рис. 2. На первом месте (треть обращений, или 34,6 %) стоят проблемы психического здоровья (тревога и страх, стрессовые состояния, психические отклонения), на втором месте – конфликты (пятая часть, или 19,5 % респондентов), третье место занимают проблемы общения (11,3 %).

Получается, что по тематике обращения в очных и в дистанционных консультациях распределены примерно одинаково. Людей волнуют проблемы тревоги и страха, трудности в построении коммуникаций.

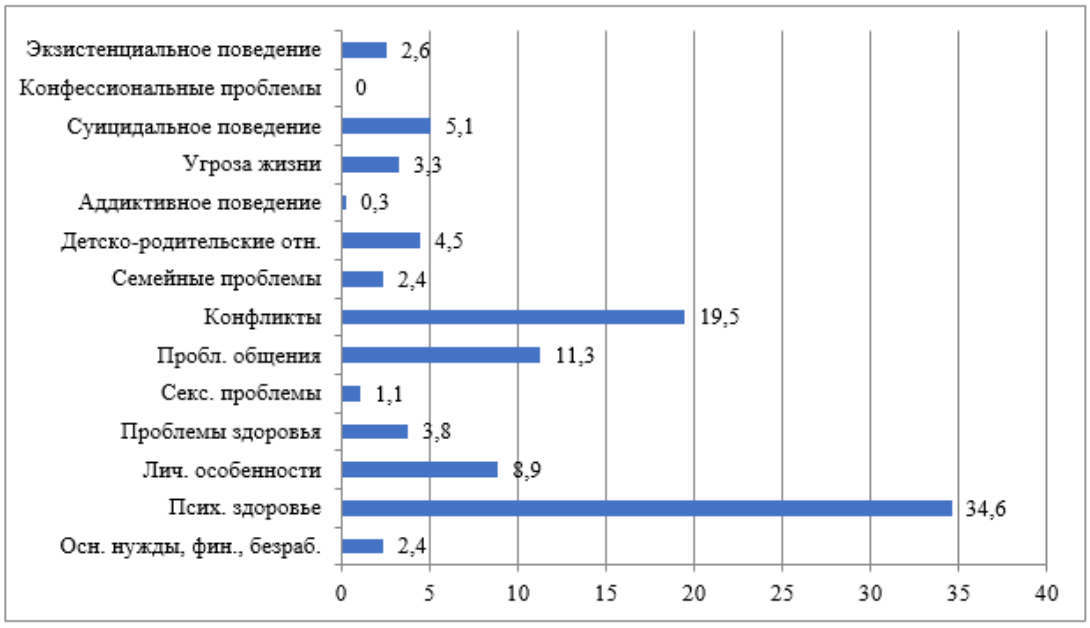

Рис. 2. Тематика звонков, поступивших на телефон доверия

За счет большего выбора методик и подходов на очных консультациях разбирается и решается больший спектр проблем, с которыми люди не обращаются дистанционно. Хотя есть темы, которые являются прерогативой дистанционного формата. Так, например, с вопросами жестокого обращения с ребенком в семье и вне семьи, травли ребенка люди обращаются только на телефон доверия. Обращений по теме суицидального поведения в дистанционном формате в 15 раз больше, чем в очном консультировании.

Таким образом, несмотря на то что опосредованные формы психологического консультирования становятся все более востребованными, спрос на услуги непосредственного психологического консультирования

гораздо выше, особенно в условиях эмоционального голода человека современной эпохи. На наш взгляд, обе формы консультирования будут развиваться параллельно. Дистанционный формат психологического консультирования подходит в том случае, когда вопросы организации пространства и времени играют для клиента большую роль.

Список литературы

1. Бохан Т.Г. Методологические и методические основы психологического консультирования: учебное пособие / Т.Г. Бохан, А.Л. Ульянич, О.В. Терехина. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 98 с. ISBN 978–5–94621–816–0.

2. Роджерс К.Р. Новейшие подходы в психологической практике. Консультирование и психотерапия / К.Р. Роджерс. М.: ИОИ, 2016. 201 с. ISBN 978–5–94193–880–3.

Y.S. Galynskaya

DISTRIBUTION OF INDIRECT FORMS OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING

The article presents an analysis of the prevalence statistics of in-person and remote forms of psychological counseling and the results of interviews with psychologists from the Rodnik Center in Novosibirsk.

Keywords: remote psychological counseling, helpline, and psychological assistance.

УДК 316.344+614.2

С.С. Гордеева, С.Ю. Шарыпова

ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН НА РЫНКЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ И СТРАХОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОДЕЛИ АНДЕРСЕНА

В работе представлен социологический анализ медицинского поведения населения России, включая практики использования страховых и медицинских услуг. Исследование было выполнено с применением модели Андерсена на основе вторичного анализа данных ВЦИОМ (2023-2025 гг.). Полученные результаты выявили значительные различия в обращении за медицинской помощью по гендерному и возрастному признакам. На основе проведённого анализа были сделаны выводы о состоянии и перспективах развития российской телемедицины, добровольного медицинского страхования, а также о корреляции самооценки здоровья с частотой обращений за медицинской помощью.

Ключевые слова: медицинские услуги, медицинское страхование, модель Андерсена, поведение в сфере здоровья.

В современном российском обществе здоровье населения рассматривается не только как личная, но и как общественная ответственность, что обусловливает его приоритетный статус в государственной политике. В этих условиях социологический анализ медицинского поведения россиян, включая их практики использования медицинской помощи и страхования, а также детерминирующих эти практики факторов, приобретает особую актуальность. Социологическое исследование медицинской активности россиян играет важную роль в осмыслении комплексных и подчас противоречивых связей между социальными структурами общества, его культурными установками и состоянием здоровья населения. Понимание данных процессов даст возможность разрабатывать адресные и действенные стратегии, нацеленные на улучшение доступности и качества медицинской помощи и сокращение социального неравенства в этой сфере.

В социологических исследованиях одна из наиболее влиятельных концептуальных моделей для всестороннего осмысления причин обращения индивидов за медицинской помощью — это поведенческая модель использования медицинских услуг, разработанная социологом Рональдом М. Андерсеном. Центральная идея, которая лежит в основе концепции Р. М. Андерсена[1], состоит в утверждении, что потребление медицинских услуг является многогранным социальным феноменом, выходящим за рамки простой

© Гордеева С.С., Шарыпова С.Ю., 2026

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РНФ № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности», https://rscf.ru/project/23-18-00480/

[1] Andersen R. M. Revisiting the behavioral model and access to medical care: Does it matter? // J Health Soc Behav. 1995. Vol. 36. № 1. P. 1–10. DOI 10.2307/2137284.

биологической реакции на болезнь. Для систематизации факторов, влияющих на использование медицинских услуг, модель Андерсена упорядочивает их в три базовые категории детерминант: предрасполагающие характеристики (охватывающие индивидуальные особенности человека), способствующие факторы (связанные с доступными ресурсами и существующими барьерами) и факторы потребности (отражающие фактическую потребность в лечении).

Предрасполагающие характеристики (Predisposing Characteristics) – это набор индивидуальных и социальных факторов, существующих до того, как у человека возникла потребность в медицинской помощи или появилась возможность ее получить. Эти характеристики формируют изначальную предрасположенность индивида к определенным видам поведения в отношении здоровья. К ним относятся: социально-демографические показатели, социальное положение и место жительства, а также отношение и убеждения относительно здоровья.

Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)[1] убедительно демонстрируют высокую активность женщин в обращении за медицинской помощью в государственные и муниципальные учреждения по полису обязательного медицинского страхования (ОМС). Так, в 2023 году доля женщин, обращавшихся за медицинской помощью менее года назад, составила 70%. Это значительно превышает аналогичный показатель среди мужчин (49%). Такой разрыв подтверждается и анализом обращений в более отдалённые сроки: показатели для женщин в категориях «1-2 года назад», «3-5 лет назад» и «6 лет назад и более» последовательно ниже, чем у мужчин. Активное медицинское поведение женщин объясняется как их репродуктивными особенностями, требующими регулярных визитов к медицинским специалистам, так особенностями социокультурной социализации. Женщины, как правило, формируют нормы и ценности, ориентированные на активную заботу о собственном здоровье и здоровье членов семьи, проявляя более высокую внимательность к здоровью и практикам его сохранения. Мужчины же нередко воспитываются в рамках «культуры маскулинности», которая поощряет стойкость, выносливость и стремление не демонстрировать слабость через жалобы на боль. Подобные социокультурные установки могут приводить к тому, что мужчины откладывают визиты к врачу до наступления критического состояния здоровья и реже проходят профилактические осмотры.

[1] Медицина для всех: мониторинг 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/medicina-dlja-vsekh-monitoring (Дата обращения 20.07.2025)

Также результаты исследования ВЦИОМ[1] позволяют выявить существенные различия в обращении за медицинской помощью по полису ОМС в зависимости от возраста респондентов. Наблюдаются два выраженных полюса активности. Как и ожидалось, респонденты в возрастной группе 60 лет и старше являются наиболее активными пользователями системы обязательного медицинского страхования. Их высокая обращаемость объясняется прежде всего накоплением хронических заболеваний и общим ухудшением состояния здоровья, что требует более частого медицинского наблюдения и лечения. При этом группа 18-24 года также демонстрирует высокую частоту обращений за медицинской помощью. Это может быть обусловлено более высокой распространённостью острых состояний, таких как травмы и вирусные заболевания, характерных для этой возрастной категории.

Способствующие факторы (Enabling Factors) представляют собой ресурсы и условия, которые обеспечивают физическую и экономическую доступность медицинских услуг. К ним относятся элементы на уровне системы и сообщества: инфраструктура здравоохранения – наличие медицинских учреждений и транспорт. Кроме того, важную роль играют личностные факторы, включающие индивидуальные ресурсы и навыки (например, доход, наличие личной страховки, умение ориентироваться в системе здравоохранения и уровень социальной поддержки). Эти факторы, по сути, отвечают на вопрос: есть ли у человека возможность (ресурсы и условия) получить медицинскую помощь?

Согласно данным ВЦИОМ[2], подавляющее большинство россиян (75%) на текущий момент не имеют полиса добровольного медицинского страхования (ДМС). Эти результаты указывают на то, что приобретение ДМС на сегодняшний день остаётся скорее дополнительной практикой, чем распространенным явлением, и основная часть населения полагается на государственную систему обязательного медицинского страхования (ОМС). Помимо текущего уровня владения ДМС, важным аспектом является потенциальный спрос на этот вид страхования среди россиян, которые его не имеют. Опрос ВЦИОМ показал неоднозначное отношение к подобной перспективе. Так, 48% опрошенных, не имеющих ДМС, заявляют, что скорее не хотели бы его иметь, а 41%, напротив, выражают желание скорее приобрести такой полис. Значительная часть респондентов (11%), затруднились ответить, что может указывать на неопределённость в их отношении к ДМС или недостаток информации для принятия окончательного решения.

[1] Медицина для всех: мониторинг 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/medicina-dlja-vsekh-monitoring (Дата обращения 20.07.2025)
[2] Страховая медицина: трудный путь к человеку 2025. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strakhovaja-medicina-trudnyi-put-k-cheloveku (Дата обращения 20.07.2025)

В современном цифровом обществе телемедицина, предполагающая дистанционные консультации с врачом по телефону или через интернет, становится важным ресурсом, влияющим на доступность медицинских услуг. Данные ВЦИОМ за 2025 г.[1] показывают, что несмотря на активное развитие цифровых технологий, телемедицина ещё не вошла в повседневную практику большинства граждан России. Лишь 22% опрошенных уже пользовались такими услугами, а подавляющее большинство россиян (77%) не имеют опыта получения дистанционных медицинских консультаций. Анализ по возрастным группам показывает чёткую зависимость: молодёжь (18-24 года) является наиболее активной категорией пользователей (43%), в то время как среди людей 60 лет и старше этот показатель резко снижается (7%). Перспективы развития телемедицины в России значительны: 62% россиян выражают готовность в будущем обратиться за дистанционной консультацией вместо личного визита, что указывает на высокий потенциал этого направления. Однако существует «цифровой разрыв», который проявляется в зависимости от социально-демографических характеристик. Наряду с возрастными особенностями (молодёжь значительно опережает старшее поколение), жители крупных городов (мегаполисов) демонстрируют более высокую активность и готовность к телемедицине по сравнению с жителями регионов. Кроме того, респонденты с более высоким образованием и доходом также показывают большую открытость к телемедицинским сервисам, что связано с их общей цифровой грамотностью и готовностью к освоению инновационных практик.

Факторы потребности (Need Factors) отражают реальное или воспринимаемое индивидом состояние здоровья, требующее профессионального медицинского вмешательства. Эти факторы могут быть объективными (например, диагностированное заболевание), субъективными (восприятие собственного состояния здоровья самим человеком) и включать ожидаемые результаты лечения (устранение симптомов, выздоровление, улучшение качества жизни). Факторы потребности объясняют, почему человек ощущает необходимость в медицинской помощи именно в данный момент.

Результаты опроса ВЦИОМ[2] по самооценке состояния здоровья россиян демонстрируют важные тенденции в восприятии личного самочувствия и косвенно указывают на изменяющиеся потребности в медицинских услугах. На протяжении всего исследуемого периода (с 2012 по 2024 гг.) доминирующей

[1]Телемедицина в России: спрос и предложение 2025. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-spros-i-predlozhenie (Дата обращения 20.07.2025)

[2] Здоровый образ жизни: мониторинг 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (Дата обращения 20.07.2025)

оценкой собственного здоровья остаётся «удовлетворительное». На протяжении всего исследуемого периода категория «удовлетворительное» состояние здоровья остаётся наиболее распространённой оценкой, демонстрируя стабильные показатели с колебаниями от 42% до 53% в разные годы. Однако наибольшую тревогу вызывает тенденция к относительному ухудшению самооценки здоровья россиян. Доля тех, кто оценивает своё здоровье как «хорошее», сократилась с 31% в 2020 году до 25% в 2024 году. Одновременно заметно выросла доля негативных оценок: показатель «слабого» здоровья увеличился с 8% до 12%, а «очень слабого» — с 2% до 4%. Таким образом, суммарная доля россиян, оценивающих своё здоровье как «слабое» или «очень слабое», выросла с 10% до 16% за этот период. Увеличение доли граждан, воспринимающих своё здоровье как слабое или очень слабое, с высокой вероятностью приведёт к росту их потребности в медицинском обслуживании. Эта закономерность находит подтверждение в данных ВЦИОМ[1]: в период с 2017 по 2023 год наблюдается устойчивый рост доли россиян, которые обращались за медицинской помощью по полису ОМС менее года назад. Если в 2017 году этот показатель составлял 53%, то к 2019 году он вырос до 61% и сохранился на этом уровне в 2023 году. Можно смело утверждать, что это свидетельствует о возросшей регулярности взаимодействия населения с государственной системой здравоохранения и, следовательно, нагрузке на ее функционал.

Модель Андерсена демонстрирует, что медицинское поведение формируется под влиянием ряда социально-демографических, социокультурных, экономических и индивидуальных факторов. Это подтверждается результатами вторичного анализа данных ВЦИОМ за 2023-2025 гг. Были выявлены возрастные и гендерные различия в обращении за медицинской помощью, а также тенденция значительного ухудшения самооценки здоровья в последние годы. Эти результаты позволяют разрабатывать адресные и эффективные меры государственной политики, оптимально распределять ресурсы, целенаправленно преодолевать социальное неравенство и «цифровой разрыв» в доступе к помощи.

Список литературы

1. Andersen R. M. Revisiting the behavioral model and access to medical care: Does it matter? // J Health Soc Behav. 1995. Vol. 36. № 1. P. 1–10. DOI 10.2307/2137284.

2. Здоровый образ жизни: мониторинг 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-

[1] Медицина для всех: мониторинг 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/medicina-dlja-vsekh-monitoring (Дата обращения 20.07.2025)

reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (Дата обращения 20.07.2025)

3. Медицина для всех: мониторинг 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/medicina-dlja-vsekh-monitoring (Дата обращения 20.07.2025)

4. Страховая медицина: трудный путь к человеку 2025. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strakhovaja-medicina-trudnyi-put-k-cheloveku (Дата обращения 20.07.2025)

5. Телемедицина в России: спрос и предложение 2025. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-spros-i-predlozhenie (Дата обращения 20.07.2025)

S.S. Gordeeva, S.Yu. Sharypova

THE BEHAVIOR OF RUSSIANS IN THE MEDICAL SERVICES AND INSURANCE MARKET THROUGH THE LENS OF THE ANDERSEN MODEL

The article reviews a sociological analysis of the medical behavior of the Russian population, including the practice of using insurance and medical services. The study was performed using the Andersen model, based on a secondary analysis of VCIOM data (2023-2025). The results revealed significant differences in medical treatment by gender and age. Based on the analysis, conclusions were drawn about the state and prospects of development of Russian telemedicine, voluntary medical insurance, as well as the correlation of self-assessment of health with the frequency of requests for medical help.

Keywords: healthcare services, health insurance, Andersen's Behavioral Model, health behavior.

УДК 316.6:159.9

Е.С. Игнатова

ГЕНЕЗИС И ДЕТЕРМИНАНТЫ АБЬЮЗИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются природа и детерминанты абьюзивного поведения в современных социальных условиях. Описываются генетические, биологические, психологические и экологические факторы, влияющие на формирование паттернов насилия. Основное внимание уделяется влиянию негативного детского опыта, семейной атмосферы и процесса социализации на возникновение абьюзивного поведения. Выделены личностные особенности абьюзеров и различия в восприятии насилия мужчинами и женщинами. Обозначены факторы риска в профессиональной среде и меры профилактики корпоративного абьюзинга. Предлагаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: абьюзинг, абьюзивное поведение, травматизация.

Современное общество находится в состоянии постоянных трансформаций во всех ключевых социетальных сферах[1], преодоление которых сопряжено с наличием как локальных, так и глобальных барьеров для личности. Насилие проявляется как крайняя форма реагирования на препятствия, возникающие при попытках удовлетворения жизненно важных потребностей, связанных с социально-экономическим статусом, уровнем власти и возможностью самореализации. Такое поведение становится средством самоутверждения, когда институциональные и личностные ресурсы ограничивают возможность достижения цели иными способами[2].

Абьюзивное поведение детерминировано сложным взаимодействием генетических, биологических, психологических и средовых факторов, функционирующих в рамках экологической системы человека, разработанной У. Бронфенбреннером[3]. Совокупность указанных факторов создает условия для формирования и закрепления устойчивых моделей насильственного поведения.

Любой человек потенциально может проявлять абьюзивное поведение, независимо от возраста, культуры или национальных особенностей, при наличии внутренней предрасположенности или неблагоприятных жизненных обстоятельств. Главную роль в формировании и закреплении абьюзивного

© Игнатова Е.С., 2026

[1] Карепова С.Г. Ключевые трансформационные процессы современного российского общества: социокультурный аспект / С.Г. Карепова, С.В. Некрасов // Социология. 2025. № 3. С. 161-167.

[2] Гилинский Я.И. Социальное насилие: [монография] / Я.И. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2019. 212 с.

[3] Столярова В.К. Трансформационные процессы в мире и России и их влияние на экологическую культуру / В.К. Столярова, Н.А. Коноплева // Ценности и смыслы. 2025. № 1 (95). С. 95-110.

поведения играют среда и детская травматизация[1] [2] [3]. Базовым механизмом распространения негативных поведенческих паттернов является процесс социализации, обеспечивающий передачу последующим поколениям способности воспроизводить модели взаимодействия[4]. Интернализация абьюзивных схем, даже при наличии альтернативных социальных установок, способствует восприятию насилия как естественного способа взаимодействия.

Важное значение для понимания генезиса абьюзивного поведения имеет теория социального научения А. Бандуры, согласно которой наблюдение и имитация поведения авторитетных фигур (особенно членов семьи) играют ведущую роль в усвоении девиантных форм поведения[5]. Вследствие этого дети, воспитываемые в условиях бытого насилия, воспринимают абьюзивное поведение как норму.

Травматический детский опыт негативно отражается на здоровье ребенка. Жестокое обращение в детстве приводит к преждевременной активации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, что обусловливает рост уровня кортизола, провоцируя нейробиологические изменения в головном мозге, увеличивая риск психических расстройств и хронических заболеваний[6] [7]. На клиническом уровне последствия жестокого обращения выражаются в виде физических повреждений, когнитивных дефицитов, сенсорной сверхчувствительности и поведенческих нарушений, выступают факторами риска агрессивных и насильственных действий[8]. Генезис абьюзивного поведения тесно связан с внутрисемейными условиями, культурой транслируемого абьюзивного поведения и эпизодами насилия в детстве. Подобные факторы способствуют снижению самооценки ребенка, препятствует формированию

---

[1] Балгимбаева З.М. Профиль абьюзера и помощь жертвам домашнего насилия (на примере США) / З.М. Балгимбаева // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2024. № 2. С. 36-45.

[2] Даттон Д. Абьюзивная личность. Насилие и контроль в близких отношениях / Д. Даттон. М.: ИД «Городец», 2022. 352 с.

[3] Реснянская А.А. Абьюзивные отношения у людей до 20 лет / А.А. Реснянская, А.А. Чернова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-4. С. 28-34.

[4] Клейберг Ю.А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология / Ю.А. Клейберг // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 262-269.

[5] Петриченко А.М. Формирование личности: поведенческая теория и ее вклад в понимание человеческого поведения / А.М. Петриченко, В.А. Печень // 81-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф. Минск, 15-25 мая 2024 г. В 3 ч. Ч. 3 / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Блохин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. – С. 538-541.

[6] Parano E. The Many Faces of Child Abuse: How Clinical, Genetic and Epigenetic Correlates Help Us See the Full Picture / E. Parano, V. Pavone, M. Ruggieri, I. Castagnola, G. Ettore, G. Fusto, R. Rizzo, P. Pavone // Children. 2025. Vol. 12. № 6. DOI: 10.3390/children12060797

[7] Silva A. The relationship between childhood abuse and adult attachment styles: The mediator role of sensory over-responsivity / A. Silva, S. Ferreira, E. Pinto, S. Rocha, N. Rocha // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2024. Vol. 33. № 2. C. 236-25.

[8] Pusch N. A meta-analytic review of social learning theory and teen dating violence perpetration / N. Pusch // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2024. Vol. 61. № 2. C. 171-223.

конструктивной картины мира и увеличивает вероятность вовлечения в цикл абьюзивных отношений в будущем.

Анализ результатов современных эмпирических исследований позволяет говорить о следующих личностных особенностях абьюзеров[1] [2] [3] [4] [5]:

- низкий уровень эмоционального интеллекта;

- выраженные темные черты личности (нарциссизм, психопатия, маккиавиализм, садизм), связанные с ранними дезадаптивными схемами и соответствующим мировоззрением;

- нестабильный эмоциональный фон, склонность к девиантному поведению.

Установлены половые различия в представлениях об абьюзинге: женщины рассматривают его как прямой акт насилия, сопровождаемый физической силой и болезненными переживаниями, тогда как мужчины акцентируют внимание на психологических аспектах, таких как манипуляции, эмоциональная напряженность и вербальная агрессия. Вариативность восприятия обусловлена социально-культурными факторами и подчеркивает субъективность оценки насилия, а также зависимость его восприятия от индивидуального контекста. Дополнительно выявлено, что представления женщин об абьюзинге отличаются большей детализацией, чем у мужчин[6] [7], что, вероятно, связано с активной практикой обмена опытом и открытых обсуждений в женских сообществах. Данное обстоятельство способствует укреплению психологической защищенности женщин за счет повышения их осведомленности и осознанности потенциальных угроз.

Кроме того, в соответствии с теорией аффективных событий выявлены два основных фактора риска корпоративного абьюзинга, связанные с профессиональной средой[8] [9]: 1) субъективное восприятие неблагоприятных

---

[1] Furnham A. Correlates of the dark tetrad / A. Furnham, S. Cuppello // Acta psychologica. 2024. Vol. 245. DOI:10.1016/j.actpsy.2024.104222.

[2] Gómez-Leal R. The Dark Tetrad: analysis of profiles and relationship with the Big Five personality factors / R. Gómez-Leal, P. Fernández-Berrocal, M.J. Gutiérrez-Cobo, R. Cabello, A. Megías Robles // Scientific Reports. 2024. Т. 14. № 1. https://doi.org/10.1038/s41598-024-55074-w

[3] Ray J.S. Working in the dark? Exploring the relationship between the Dark Triad and early maladaptive schemas / J.S. Ray, K. Fritzon // Trends in Psychology. 2024. С. 1-21.

[4] Балгимбаева З.М. Профиль абьюзера и помощь жертвам домашнего насилия (на примере США) / З.М. Балгимбаева // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2024. № 2. С. 36-45.

[5] Седых О.Г. Понятие «абьюз»: контент-анализ интерпретаций / О.Г. Седых, Ю.Г. Алсаева // Социодинамика. 2024. № 11. С. 1-13.

[6] Mathews B. Disclosure and non-disclosure of childhood sexual abuse in Australia: Results from a national survey / B. Mathews, D. Finkelhor, D. Collin-Vézina, E. Malacova, H. Thomas, J. Scott, D. Higgins, F. Meinck, R. Pacella, H. Erskine, D. Haslam, D. Lawrence // Child Abuse & Neglect. 2025. Vol. 160. DOI: 10.1016/j.chiabu.2024.107183

[7] McLindon E.V. Development and validation of the psychological abuse in relationships scale / E.V. McLindon, C. Brown, M. McKenzie, L. Tarzia, K. Hegarty // Journal of Interpersonal Violence. 2025. DOI:10.1177/08862605251325912

[8] Moin M.F. The determinants of abusive supervision / M.F. Moin, A.N. Khan // International Journal of Conflict Management. 2025. Vol. 36. №. 2. С. 257-270.

[9] Nguyen H. Abusive Supervision Dispersion: An Affective Events Theory Perspective / H. Nguyen, N.M. Ashkanasy, S. Parker // Emotion in Organizations. Emerald Publishing Limited, 2024. Vol. 19. С. 57-83.

условий труда. Сложности коммуникации, в т. ч. связанные с деструктивным психоэмоциональным воздействием, кризис личностной и профессиональной идентичности повышают тревожность, снижают уверенность в себе и способствуют развитию эмоционального выгорания. 2) Внешняя социальная среда. Высокая конкуренция, чрезмерные нагрузки, дефицит ресурсов, непредсказуемость изменений выступают катализаторами предрасположенности к абьюзивному поведению. Профилактика корпоративных абьюзивных отношений предусматривает раннее выявление указанных рисков, формирование и поддержание здоровой коммуникативной культуры, основанной на принципах взаимоуважения, открытости и доверия.

Итак, абьюзивное поведение определяется множеством факторов, включая генетические, биологические, психологические и социальные. Истоки этого поведения находятся в условиях воспитания и личного опыта, особенно в случаях жестокого обращения в детстве. Социализация служит основным механизмом передачи и укрепления паттернов насилия в обществе. Следующим этапом исследований могут стать выяснение конкретных механизмов воздействия абьюзинга, выделение центральных черт личности абьюзера, учет половых различий и изучение вариабельности проявлений корпоративного абьюзивного поведения.

Список литературы

1. Балгимбаева З.М. Профиль абьюзера и помощь жертвам домашнего насилия (на примере США) / З.М. Балгимбаева // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2024. № 2. С. 36-45.

2. Гилинский Я.И. Социальное насилие: [монография] / Я.И. Гилинский. СПб.: Алетейя, 2019. 212 с.

3. Даттон Д. Абьюзивная личность. Насилие и контроль в близких отношениях / Д. Даттон. М.: ИД «Городец», 2022. 352 с.

4. Карепова С.Г. Ключевые трансформационные процессы современного российского общества: социокультурный аспект / С.Г. Карепова, С.В. Некрасов // Социология. 2025. № 3. С. 161-167.

5. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология / Ю.А. Клейберг // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 262-269.

6. Петриченко А.М. Формирование личности: поведенческая теория и ее вклад в понимание человеческого поведения / А.М. Петриченко, В.А. Печень // 81-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конф., Минск, 15-25 мая 2024 г. В 3 ч. 3. Минск: БГУ, 2024. С. 538-541.

7. Реснянская А.А. Абьюзивные отношения у людей до 20 лет / А.А. Реснянская, А.А. Чернова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12 (4). С. 28-34.

8. Седых О.Г. Понятие «абьюз»: контент-анализ интерпретаций / О.Г. Седых, Ю.Г. Алсаева // Социодинамика. 2024. № 11. С. 1-13.

9. Столярова В.К. Трансформационные процессы в мире и России и их влияние на экологическую культуру / В.К. Столярова, Н.А. Коноплева // Ценности и смыслы. 2025. № 1 (95). С. 95-110.

10. Furnham A. Correlates of the dark tetrad / A. Furnham, S. Cuppello // Acta psychologica. 2024. Vol. 245. DOI:10.1016/j.actpsy.2024.104222.

11. Gómez-Leal R. The Dark Tetrad: analysis of profiles and relationship with the Big Five personality factors / R. Gómez-Leal, P. Fernández-Berrocal, M.J. Gutiérrez-Cobo, R. Cabello, A. Megías Robles // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. № 1. https://doi.org/10.1038/s41598-024-55074-w

12. Mathews B. Disclosure and non-disclosure of childhood sexual abuse in Australia: Results from a national survey / B. Mathews, D. Finkelhor, D. Collin-Vézina, E. Malacova, H. Thomas, J. Scott, D. Higgins, F. Meinck, R. Pacella, H. Erskine, D. Haslam, D. Lawrence // Child Abuse & Neglect. 2025. Vol. 160. DOI: 10.1016/j.chiabu.2024.107183

13. McLindon E.V. Development and validation of the psychological abuse in relationships scale / E.V. McLindon, C. Brown, M. McKenzie, L. Tarzia, K. Hegarty // Journal of Interpersonal Violence. 2025. DOI:10.1177/08862605251325912

14. Moin M.F. The determinants of abusive supervision / M.F. Moin, A.N. Khan // International Journal of Conflict Management. 2025. Vol. 36. №. 2. С. 257-270.

15. Nguyen H. Abusive Supervision Dispersion: An Affective Events Theory Perspective / H. Nguyen, N.M. Ashkanasy, S. Parker // Emotion in Organizations. Emerald Publishing Limited, 2024. Vol. 19. С. 57-83.

16. Parano E. The Many Faces of Child Abuse: How Clinical, Genetic and Epigenetic Correlates Help Us See the Full Picture / E. Parano, V. Pavone, M. Ruggieri, I. Castagnola, G. Ettore, G. Fusto, R. Rizzo, P. Pavone // Children. 2025. Vol. 12, № 6. DOI: 10.3390/children12060797

17. Pusch N. A meta-analytic review of social learning theory and teen dating violence perpetration / N. Pusch // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2024. Vol. 61. № 2. С. 171-223.

18. Ray J.S. Working in the dark? Exploring the relationship between the Dark Triad and early maladaptive schemas / J.S. Ray, K. Fritzon // Trends in Psychology. 2024. С. 1-21.

19. Silva A. The relationship between childhood abuse and adult attachment styles: The mediator role of sensory over-responsivity / A. Silva, S. Ferreira, E. Pinto, S. Rocha, N. Rocha // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2024. Vol. 33. № 2. C. 236-254.

E.S. Ignatova

THE GENESIS AND DETERMINANTS OF ABUSIVE BEHAVIOR IN MODERN SOCIAL CONDITIONS

The article examines the nature and determinants of abusive behavior in modern social conditions. The genetic, biological, psychological, and environmental factors that influence the formation of patterns of violence are described. The main focus is on the impact of negative childhood experiences, family atmosphere and the process of socialization on the occurrence of abusive behavior. The personal characteristics of abusers and differences in the perception of violence by men and women are highlighted. The risk factors in the professional environment and measures to prevent corporate abuse are outlined. Prospects for further research are offered.

Keywords: abusing, abusive behavior, traumatization.

УДК 316.624

В.А. Калинина

МОТИВЫ НАРКОТИЧЕСКОЙ ИНИЦИАЦИИ У МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена рассмотрению мотивов подражания в девиантной среде на примере наркозависимых. Рассмотрены две социологические теории, Г. Тарда и Г. Беккера. Основные тезисы теорий применены к рассмотрению причин в реальном времени. Основной изучаемой категорией населения в статье является молодежь. Выявлено несколько причин употребления наркотических средств индивидов. Рассмотрена взаимосвязь между индивидом и девиантной социальной группой.

Ключевые слова: наркотики, подражание, молодежь.

За последние месяцы 2025 года увеличилось количество преступлений связанных с оборотом наркотически средств и психотропных веществ, в том числе с целью хранения и сбыта. По данным МВД количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ за период январь-апрель 2025 года составило 79,4 тыс, а в период январь-июль 2025 года 131,3 тыс, исходя из этих данных, можно делать вывод о том, что в Росси произошло увеличение числа преступлений, связанных с оборотом наркотиков на 51,9 тыс. Наркомания – болезнь современного общества набирает свои обороты. Можно предположить, что наркомания в некоторых социальных группах воспринимается как норма. Замечен рост разновидностей и маршрутов поставки наркотических веществ. Вероятно, они становятся доступнее, а контроль за их распространением затрудняется. Можно говорить о том, что темпы наркотизации в современном обществе остаются высокими.

Наркомания – это болезнь общества, которая проникает во все лои населения и никак не может контролироваться. Часто наркоманы организуют свои группы с правилами и нормами. Они не принимают условия общества, против него формируют свои идеологии для оправдания девиантного поведения. можно ли считать наркоманов изгоями общества? Сложно сейчас наркомана назвать изгоем. Торговать наркотиками и их употреблять начинают люди, имеющие достаточное количество средств. В некоторых странах легализована торговля наркотиками, проституция и т.д. Парадокс состоит в том, что за сбыт, хранение, перевозку т.д. применяются законно установленные санкции ст. 228 УК РФ, а просто за употребление лишь общественное порицание, а не административная ответственность и направление на лечение к наркологу?

© Калинина В.А., 2026

Главный вопрос стоит в том: «Зачем индивид начинает употреблять наркотические вещества?»

Рассмотрим несколько причин употребления: 1) психологическая – желание уйти от реальности; 2) подражание – стать как люди из моего окружения, чтобы не быть девиантом в их среде; 3) интерес – все пробуют, я тоже хочу, интерес приводит снова к подражанию, т.к. тот, кто пробует становится как другие в его группе; 4) престижность протестного и девиантного поведения у молодежи – пренебрежение запретами как демонстрация личной независимости. Если взять теорию Г. Тарда, то увидим, что употребление наркотиков объединяет все три психологических процесса. Поэтому стимуляция к началу употребления особенно сильна.

Г. Тард рассматривает общество как продукт взаимодействия индивидуальных сознаний на основе общения людей. Основа его теории подражания заключается в том, что есть уникальные люди, чье творчество способствует развитию общества. Своими действиями они вызывают интерес у серой массы людей, которые стремятся им подражать. Тард развивает теорию «трех основных социальных процессов»: *а) подражание (повторение), б) противоположение (оппозиция), в) приспособление (адаптация).* Сопоставляя причины употребления наркотиков и социальные процессы по Тарду, можно говорить о том, что подражание приравнивается к контролю, как следствие становится типом приспособления. Интерес, к употреблению – это мотив, который в теории Тарда становится подражанием. Престижность девиантного поведения у молодежи – это противоположение. Подражание - «владычество примера», когда всякая новация в сфере общественной жизни усваивается и повторяется многими людьми, обогащая их разнообразную деятельность, жизнь. Тард выделяет три основных типа подражания: *а) взаимное подражание; б) подражание обычаям и образцам; в) обдуманное подражание*. Их механизмами являются мода, обычаи, традиции, которые формируют групповые ценности, а индивиды, усваивая их, социализируются.[1] Согласно теории Тарда индивиды усваивают поведение, наблюдая за другими, и, если они находятся в окружении, где девиантное поведение нормализуется, они с большей вероятностью станут его частью. Подражание Тарда не объясняет. Он связывает его не с социальной сферой, а с привычкой, унаследованной из животного мира.

По теории Тарда индивид, оказавшись в девиантной среде, наблюдает за поведение лидеров, усваивает их манеры поведения и неосознанном подражает им. Так он становится девиантом для общества, но при том перестает быть «изгоем» в среде наркоманов.

[1] Tarde G. Social Laws: An Outline of Sociology / G. Tarde; transl. by H. C. Warren. N. Y.: Macmillan, 1899. 213 p

К сожалению, употребление наркотиков молодежью не только может становиться все более престижным и распространенным, но оно соответствует специфической нормативной модели, сложившейся в обществе ранее. Гипертрофированная ценность конфликта поколений (преувеличенное значение взрослого контроля переходит в оппозицию, когда в действительности современная молодежь слабо поддается контролю, а многие взрослые не утруждаются контролем. Ценность демонстративной стороны поведения (подражание): престижно выглядеть, а не быть независимой личностью – независимость понимается как демонстрация неконтролируемости, а не способности оригинально и творчески проявлять себя в решении значимых для взрослого общества задач. Некомпетентность в отношениях, учебе и работе демонстрируется как независимость – сознательное уклонение от выполнения задач, которые несут риск неудачи и позора. Необходима смена ценностной парадигмы – от глорификации инфантилизма к возвращению ценности компетентности и самостоятельности. В молодежной среде каждый индивид снова должен ценить свою личность, а не становиться частью социальной группы, которой он принадлежит.

Г. Беккер в своем труде «Аутсайдеры» отдельным примером рассматривает употребление марихуаны в США. Он выдвигает следующий аргумент: «не девиантные мотивы ведут к девиантному поведению, а, наоборот, девиантное поведение со временем приводит к появлению девиантных мотивов». [1] Когда новичок впервые пробует наркотик, он не сразу получает нужный эффект, за что чаще всего становится объектом для стигматизации, поэтому неопытные чаще всего учатся путем намеренности и подражания, чтобы не казаться «аутсайдерами». В дальнейшем индивид из раза в раз употребляющий марихуану начинает различать эффекты после нее, получает удовольствие. Так он набирается опыта девиантного поведения, и оно становится его привычкой, а затем входит в норму. Тут возникает проблема для индивида, а как реагировать на осуждения со стороны общества? Г. Беккер выделяет 3 этапа на каждом из которых происходит принципиальный сдвиг в его отношениях с механизмами социального контроля в окружающем обществе и с механизмами социального контроля в субкультуре, в которой практикуется потребление марихуаны. Первую стадию олицетворяет *начинающий* — человек, курящий марихуану в первый раз; вторую — *нерегулярный потребитель*, употребляющий марихуану спорадически в зависимости от обстоятельств; третью —*регулярный потребитель*, для которого потребление становится систематической, чаще

[1] Беккер Г. «Аутсайдеры» : исследования по социологии девиантности / Г. Беккер ; пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова; под ред. А. М. Корбута. Москва: Элементарные формы. С. 62.

всего каждодневной, рутинной практикой.[1] Часто употребление входит в норму. И вот индивид больше не является отдельной личностью в среде наркоманов, он становится как они. Порицания общества не могут его вразумить и заставить бросить употребление наркотиков.

В заключение можно сказать о том, что среди молодежи употребление некротических веществ становится популярным способом вовлечения в сообщество, также оно выступает в качестве символа протеста молодого поколения. Молодежь через употребление наркотиков пытается выражать свою «индивидуальность» и «самостоятельность», но на самом деле ассоциируется с рядом девиантных групп.

Список литературы

1. Беккер Г. «Аутсайдеры»: исследования по социологии девиантности / Г. Беккер; пер. с англ. Н. Г. Фархатдинова; под ред. А. М. Корбута. Москва: Элементарные формы 2018. 272с.

2. МВД РФ. Статистика правонарушений за январь - июль 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/68795497/ (дата обращения: 10.09.2025)

3. МВД РФ. Статистика правонарушений за январь - июнь 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/67755056/ (дата обращения: 10.09.2025)

4. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 / (дата обращения: 10.09.2025).

5. Tarde G. Social Laws: An Outline of Sociology / G. Tarde; transl. by H.C. Warren. N. Y.: Macmillan, 1899. 213 p.

V.A. Kalinina

MOTIVES OF INITIATION INTO DRUG USE AMONG YOUNGSTERS

The paper considers motives, specifically imitation, to become drug users and addicts among the young people. Two sociological theories, G. Tarde's and H. Becker's, are epmployed to highlight reasons to get initiated. Consequences for deviant behaviour and joining deviant groups are proposed.

Keywords: drugs, behavioural imitation, youth.

[1] Беккер, Г. «Аутсайдеры» : исследования по социологии девиантности / Говард Беккер ; пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова ; под ред. А. М. Корбута. — Москва : Элементарные формы // Глава 4 «употребление марихуаны и социальный контроль стр.81

УДК 316.4

С.В. Коробейникова

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В данной статье рассматриваются современные цифровые методы заботы о здоровье (eHealth) в контексте российской реальности. Важным аспектом становится становление новой цифровой медицины ключевым фактором в переходе к новой модели медицины «4П», в которой пациенты становятся более независимыми участниками процесса. На основе вторичного анализа детально рассматриваются цифровые практики: с одной стороны, это расширение доступа к медицинской информации и различным инструментам для самостоятельного мониторинга показателей своего здоровья, оптимизация обмена знаний в данной области. С другой же стороны, это несет в себе определенные риски, такие как распространение ложной или недостоверной информации. Цифровые технологии глубоко проникли в повседневные практики сохранения здоровья, при этом сохраняя традиционную модель поведения, однако пока с осторожностью к новому формату здравоохранения.

Ключевые слова: цифровые практики, цифровое здравоохранение, eHelath, телемедицина

Термин цифровое здравоохранение (eHealth) означает медицинские услуги и информацию о них, предоставляемые и распространяемые через сеть Интернет и другие связанные с ним технологии. В широком смысле данное понятие включает в себя, помимо технического процесса, отношение к глобальному повышению уровня здравоохранения с использованием информационных технологий[1]. Программы eHealth отличаются своей гибкостью и подстраиваются под индивидуальные запросы пользователей. В современном мире все большее количество мобильных приложений в сфере технологий здравоохранения (mHealth) разрабатывается для самостоятельного контроля образа жизни и медицинской поддержки. Возможности интернет-платформ позволяют пользователям рассчитывать калории, вести дневники питания, следовать программе тренировок и получать напоминания о приеме лекарств. Помимо этого, распространение интересующей медицинской информации в Интернете оптимизирует передачу знаний от медицинских работников населению, помогая заботиться о своем здоровье.

Такие термины, как «телемедицина», «единая электронная карта пациента», «цифровой самоконтроль» уже становятся частью повседневной жизни каждого человека, описывая новые подходы к оказанию медицинской помощи и указывая на значительные изменения в системе здравоохранения. Цифровизация здоровья (digital health или d-Health) перестает быть чем-то далеким, этому также поспособствовала глобальная пандемия COVID-19 в 2020

© Коробейникова С.В., 2026

[1] Пятаева С.М. Использование интренет-платформ для поддержания здорового образа жизни // Вестник магистратуры. 2021. № 6-1 (117). С. 90-91.

году. Сейчас интеграция цифровых технологий в диагностику, лечение и профилактику различных заболеваний находится на повестке у международных организаций, таких как ВОЗ и ООН, где цель цифрового здравоохранения они видят в обеспечении для каждого человека доступной медицины, получения качественных медицинских услуг, учитывая финансовые возможности каждого[1]. В России процессы преобразования в области медицины регулируются специальными нормативными актами (Указ Президента РФ в 2017 г.)[2]

Концепция e-Health начала формироваться в 1990-х годах, но сам термин появился в 2000 г. На тот момент уже существовало довольно много сайтов, распространяющих информацию о здоровье, пользователями которых были как специалисты, так и обычные пользователи. Чаще всего потребители интернет-здоровья искали необходимую информацию, которая была связана с поддержанием своего здоровья, например, здоровое питание или физическая активность. Однако одним из немногих исследователей в этой области профессором Е.А. Тарасенко[3], было отмечено, что западные тенденции в онлайн-здоровье начали проникать в российское пространство в 1990-х годах. Он также подчеркивает высокий уровень интернет-активности российских пациентов, использующих социальные медиа для решения своих проблем со здоровьем, и оказывающих поддержку людям, находящимся в схожих ситуациях. Однако, возникает вопрос о качестве данной информации, поскольку публикуются непроверенные данные. Не мало важным является тот факт, что Интернет-ресурсы несут в себе определенные риски: огромный объем недостоверной информации может затруднять выбор между полезной и потенциально вредной информацией, которая может иметь за собой определенные последствия.

Несмотря на это, пользование электронными технологиями может изменить традиционное отношение между врачом и пациентом, приводя к негативным последствиям, например, из-за неправильного использования информации или недостаточной конфиденциальности.

Процесс цифровизации здравоохранения является не только технологическим, но и выступает одним из этапов в развитии медицины, именуемой «4П»: превентивной, профилактической, персонализированной, партисипаторной. Так, мы говорим о новой модели медицинской помощи, где пациент становится более автономным и ответственным, самостоятельно принимая клинические решения. Помимо всего, пациент должен быть готов

[1] Русанова Н.Е. История и проблемы цифрового здравоохранения в России // Население и экономика. 2018. № 2 (2). С. 5–40.

[2] Указ Президента Российской Федерации. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы № 203 от 09.05.2017 г.

[3] Бугрезова Е.Р. Роль социальных медиа в формировании практик заботы о здоровье среди российской молодёжи // Экономическая социология. 2016. № 5. С. 103-129.

интегрировать цифровые инновации в свои практики заботы о здоровье и придерживаться технологически обоснованных путей лечения[1].

Одной из современных цифровых практик можно назвать распространенный на данный момент термин «погуглить», который стал привычным почти для каждого[2]. Так, ища какую-либо информацию для решения проблемы со здоровьем, человек ориентируется в большинстве случаев на отзывы других, нежели на информацию с сайтов медицинских учреждений. Сейчас уже можно проследить конкуренцию между медицинскими специалистами и цифровыми «знатоками», в число которых входят блогеры, гаджеты и мобильные приложения для селф-трекинга. В нынешних реалиях все эти элементы становятся распространенным источником информации о здоровье, как в позитивном, так и негативном ключе. В числе первых сюда же можно отнести фитнес-тренеров, модных на сегодняшний день нутрициологов, психологов, совмещающих практики с ведением личного блога. Гаджеты выступают главными «помощниками» цифровизации, давая рекомендации о том, какие лучше практики здоровьясбережения применять. Сейчас также наиболее распространенными цифровыми практиками можно назвать отслеживание блогеров, связанных с темой здоровья, участие в онлайн-марафонах, например, по снижению лишнего веса или налаживанию режима сна. В самом начале цифровые технологии подразумевались в качестве проводников между пациентом и врачом, налаживая и укрепляя доверие. Одним из маркеров на данный момент времени служит готовность пациента брать информацию из телемедицинских сервисов и получать рекомендации от незнакомых специалистов. Такие практики мало распространены, поскольку люди все же предпочитают обращаться дистанционно к проверенным специалистам.

На основе вторичного анализа рассмотрим наиболее распространенные цифровые практики (табл.).

Таблица

Цифровые практики заботы о здоровье, %

Вид практики	В течение последней недели	Когда-либо	Никогда
Поиск информации о здоровье в Интернете	49,8	158,7	37
Просмотр ТВ-передачи, где рассматривались вопросы здоровья	28,4	123,3	72,6

[1] Гребенщикова Е.Г. Трансформация роли пациента в «мобильном здравоохранении»: Автономия, полномочия, принятие решений. М.: ИНИОН РАН. 2020. С. 49–60.

[2] Богомягкова Е.С. "Доверяй, но проверяй": практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // ЖИСП. 2022. № 2. С. 215-230.

Контроль питания, потребляемых калорий с помощью мобильных приложений	79,2	113,7	85,6
Контроль показателей с помощью гаджетов и мобильных приложений	66,3	97,7	100,6
Чтение пабликов, постов, просмотр блогеров в Интернете, посвященных вопросам здововья	34,1	95,3	100,4
Посещение форумов и сетевых сообществ, посвященных вопросам здоровья	10,4	65,6	132,5
Участие в онлайн-марафонах	3,4	56,8	142,5
Общение с врачом дистанционно с помощью электронных средств связи	9,5	50,3	149
Размещение информации и своем здоровье, рекомендаций по выздоровлению в онлайн сообществах на специализированных форумах	3,8	18,2	181,2

Источник: Богомягкова Е. С. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье: гендерные различия в российском контексте // Женщина в российском обществе. 2022. №3. С. 90-107 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-praktikah-zaboty-o-zdorovie-gendernye-razlichiya-v-rossiyskom-kontekste (дата обращения: 18.09.2025).

Итак, можно наблюдать, что поиск какой-либо информации в Интернете на тему здоровья занимает первое место – 158,7 %, что свидетельствует о его широком распространении среди респондентов, высока вероятность, что данная практика будет использована повторна каждым из них. Весьма популярны также телемедицина (123,3 %) и отслеживание калорий в мобильных приложениях (113,7 %). В современных реалиях все большей популярностью пользуются блогеры, являясь новым источником информации, в том числе в области медицины (95,3 %), а дистанционные консультации с врачом остаются менее востребованными, несмотря на активное развитие телемедицины. Таким образом наиболее интегрированными в повседневную жизнь являются связанные с самостоятельным мониторингом своего здоровья практики – Интернет, ТВ, социальные сети. Интерактивные и коммуникативные практики – форумы, марафоны – менее распространены и носят эпизодический характер, данные таблицы подтверждают высокую роль цифровых источников информации.

Список литературы

1. Богомягкова Е.С. "Доверяй, но проверяй": практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // ЖИСП. 2022. № 2. С. 215- 230.

2. Богомягкова Е.С. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье: гендерные различия в российском контексте // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 90-107.

3. Бугрезова Е.Р. Роль социальных медиа в формировании практик заботы о здоровье среди российской молодёжи // Экономическая социология. 2016. № 5. С. 103-129.

4. Гребенщикова Е.Г. Трансформация роли пациента в «мобильном здравоохранении»: Автономия, полномочия, принятие решений. М.: ИНИОН РАН. 2020. С. 49–60.

5. Пятаева С.М. Использование интренет-платформ для поддержания здорового образа жизни // Вестник магистратуры. 2021. № 6-1 (117). С. 90-91.

6. Русанова Н.Е. История и проблемы цифрового здравоохранения в России // Население и экономика. 2018. № 2 (2). С. 5–40.

7. Указ Президента Российской Федерации. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы № 203 от 09.05.2017 г.

S.V. Korobejnikova

THE DIGITAL SPACE IN HEALTHCARE

This article examines modern digital methods of health care (eHealth) in the context of Russian reality. An important aspect is the emergence of a new digital medicine, a key factor in the transition to a new model of "4P" medicine, in which patients become more independent participants in the process. Based on the secondary analysis, digital practices are considered in detail: on the one hand, this is an expansion of access to medical information and various tools for self-monitoring of one's health, optimizing the exchange of knowledge in this area. On the other hand, it carries certain risks, such as spreading false or unreliable information. Digital technologies have penetrated deeply into everyday health practices, while preserving the traditional model of behavior, but so far with caution towards the new format of healthcare.

Keywords: digital practices, digital healthcare, eHelath, telemedicine

УДК 316.344.6

А.О. Кравченко

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К ПРОФИЛАКТИКЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

В статье рассматривается проблема противодействия распространению ВИЧ-инфекции среди студенческой молодежи Свердловской области – региона с генерализованной эпидемией. На основе анализа региональной нормативной базы и результатов социологического исследования автором выявлена недостаточная эффективность традиционных форм профилактической работы. В качестве решения предложен социальный проект «Интерактивная квест-выставка с дополненной реальностью», направленный на преодоление «цифрового разрыва» и повышение вовлеченности в профилактику целевой аудитории. Проект представляет собой синтез офлайн- и онлайн-форматов и реализуется через межсекторное взаимодействие учреждений здравоохранения и образования. Доказывается, что внедрение подобных инновационных практик способствует не только снижению эпидемиологических рисков, но и укреплению здоровья молодежи как ключевого компонента человеческого потенциала региона.

Ключевые слова: человеческий потенциал, ВИЧ-инфекция, студенческая молодежь, проектный подход, социальное проектирование, профилактика, Свердловская область, интерактивные методы, межсекторное взаимодействие.

Сохранение и развитие человеческого потенциала является стратегическим приоритетом для любого региона. Одной из серьезных угроз для его реализации выступают социально значимые заболевания, в частности такие, как ВИЧ-инфекция. Свердловская область относится к числу субъектов Российской Федерации с наиболее неблагополучной эпидемиологической обстановкой: на ее территории проживает 67 819 человек с ВИЧ (по данным на ноябрь 2023 года), что составляет 1,6% населения – показатель, вдвое превышающий среднероссийский[1]. Особую тревогу вызывает высокая вовлеченность в эпидемический процесс молодежи в возрасте 18–29 лет, на долю которой приходится 45,5% всех зарегистрированных случаев. Доминирование полового пути передачи (77,1% в 2023 году) свидетельствует о необходимости качественного усиления профилактической работы, в том числе в вузах, где сконцентрирована наиболее социально активная часть представителей данной возрастной группы.

© Кравченко А.О., 2026

[1] Ситуация по ВИЧ-инфекции на 01.11.2023 в Свердловской области // ГАУЗ СО ОЦ "СПИД". – [Электронный ресурс]. – URL: https://livehiv.ru/novosti/novosti-sverdlovskoy-oblasti-i-ekaterinburga/situatsiya-po-vich-infektsii-na-01-11-2023-v-sverdlovskoy-oblasti.html (дата обращения: 10.09.2025).

Отметим, что противодействие распространению ВИЧ-инфекции в Свердловской области реализуется в рамках нормативно выстроенной межведомственной системы, действующей на разных уровнях власти, регламентированной Постановлением Правительства Свердловской области от 28.10.2021 № 720-пп[1]. Координацию осуществляет ГАУЗ СО «Областной центр профилактики и борьбы со СПИД»[2], обладающий разветвленной сетью, состоящей из 5 филиалов и 47 кабинетов в муниципалитетах области. В 2023 году на профилактические мероприятия из бюджетов различных уровней было направлено более 24 млн. рублей.

Целью исследования являлась разработка научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности профилактики ВИЧ-инфекции среди молодёжи в студенческой среде на региональном уровне. Нами в марте-апреле 2024 года было проведено онлайн-анкетирование студентов из 21 учреждения высшего образования Свердловской области (n=2376, стихийный вид отбора). Всего опрошено 40% юношей и 60% девушек в возрасте от 18 до 35 лет.

Результаты исследования показали, что несмотря на сформированную нормативную и организационную базу профилактики, существуют лакуны в работе со студенческой аудиторией.

Во-первых, наблюдается «цифровой разрыв»: основными применяемыми методами в вузах студенты назвали раздачу информационных материалов (25,2%) и лекции (15,9%), в то время как наиболее результативными каналами информирования респонденты считают социальные сети и мессенджеры (38,5%).

Во-вторых, опрошенные подчеркнули дефицит интерактивности: только 1% студентов отметил участие в конкурсах и квестах, что свидетельствует о недостаточном использовании игровых и интерактивных технологий, которые были бы интересны молодому поколению.

В-третьих, студентами выделена в проблемную зону «публично-локальное отчуждение»: ни один из опрошенных не сообщил о проведении профилактических мероприятий в студенческих общежитиях и общественных пространствах вузов.

В-четвертых, респонденты указали на низкий уровень вовлеченности педагогического состава: лишь 1,3% студентов упомянули беседы с

[1] О мерах противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Свердловской области на 2021–2030 годы : Постановление Правительства Свердловской области от 28.10.2021 № 720-пп. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/402011952/ (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Устав государственного автономного учреждения здравоохранения Свердловской области "Областной центр профилактики и борьбы со СПИД" : утв. 09.11.2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://livehiv.ru/o-tsentre/dokumenti/ustav.html (дата обращения: 10.09.2025).

преподавателями, что указывает на их недостаточную подготовку для ведения просветительской работы.

Данные проблемы обусловили необходимость разработки принципиально нового, ориентированного на молодежную аудиторию, инструментария - проекта «Интерактивная квест-выставка с дополненной реальностью о вопросах ВИЧ для студентов».

К ключевым особенностям проекта отнесем следующие.

•Игрофикация и интерактивность: посредством QR-кодов участники попадают на портал, где их ждет не пассивный просмотр, а интерактивный квест с AR-активностями, что значительно повышает степень вовлеченности и усвоения информации.

•Ориентация на запросы аудитории: проект реализует предпочтения студентов, выявленные в исследовании: короткие видеоролики, истории «открытых лиц» (людей, живущих с ВИЧ), а также подкасты с экспертами.

•Межсекторный характер: реализация проекта планируется силами волонтёров ОЦ СПИД при организационной, информационной и ресурсной поддержке ВУЗов-партнеров, что закрепляет его в региональной системе профилактики и обеспечивает устойчивость

•Масштабируемость: созданный контент остается в постоянном доступе, а сама модель выставки может тиражироваться на базе любой организации высшего и среднего профессионального образования без значительных дополнительных материальных затрат.

Мы считаем, что внедрение проектного подхода позволяет перейти от эпизодических информационных кампаний к созданию устойчивой интерактивной среды для профилактики ВИЧ-инфекции. Проектный подход будет способствовать повышению медицинской грамотности и формирование ответственного поведения молодёжи, что напрямую снизит риски заражения ВИЧ среди молодой возрастной группы. Проект ориентирован на развитие толерантной социокультурной среды через преодоление стигмы и дискриминации в отношении людей, живущих с ВИЧ. Подчеркнем и важность укрепления межведомственного сотрудничества между системой здравоохранения и высшего образования, что повысит эффективность социальной политики региона.

В целом, профилактические проекты, основанные на запросах и потребностях целевых аудиторий, являются научно обоснованными и практико-ориентированными решениями, адекватными современным вызовам. Их реализация будет способствовать не только снижению эпидемиологических рисков, но и комплексному укреплению здоровья молодежи, формированию ее

ответственной гражданской позиции и, в конечном счете, сохранению и приумножению человеческого потенциала Свердловской области.

Список литературы

1. О мерах противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Свердловской области на 2021–2030 годы : Постановление Правительства Свердловской области от 28.10.2021 № 720-пп. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/402011952/ (дата обращения: 10.09.2025).

2. Ситуация по ВИЧ-инфекции на 01.11.2023 в Свердловской области // ГАУЗ СО ОЦ "СПИД". – [Электронный ресурс]. – URL: https://livehiv.ru/novosti/novosti-sverdlovskoy-oblasti-i-ekaterinburga/situatsiya-po-vich-infektsii-na-01-11-2023-v-sverdlovskoy-oblasti.html (дата обращения: 10.09.2025).

3. Устав государственного автономного учреждения здравоохранения Свердловской области "Областной центр профилактики и борьбы со СПИД" : утв. 09.11.2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://livehiv.ru/o-tsentre/dokumenti/ustav.html (дата обращения: 10.09.2025).

A.O. Kravchenko

A PROJECT-BASED APPROACH TO HIV PREVENTION AMONG STUDENTS AS A TOOL FOR DEVELOPING THE REGION'S HUMAN POTENTIAL

The article discusses the problem of countering the spread of HIV infection among students in the Sverdlovsk region, a region with a generalized epidemic. Based on the analysis of the regional regulatory framework and the results of sociological research, the author has identified the insufficient effectiveness of traditional forms of preventive work. As a solution, a detailed project "Interactive Quest Exhibition with Augmented Reality" is proposed, aimed at bridging the digital divide and increasing the engagement of the target audience. The project is a synthesis of offline and online formats and is implemented through intersectoral collaboration between healthcare institutions and higher education institutions. It is proved that the introduction of such innovative practices contributes not only to reducing epidemiological risks, but also to strengthening youth health as a key component of the territory's human potential.

Keywords: human potential, HIV infection, student youth, project approach, social engineering, prevention, Sverdlovsk region, interactive methods, intersectoral interaction.

УДК 614.39

Э.А. Курума, И.А. Гареева

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В статье рассматривается «здоровьесбережение» как приоритетное направление современной социальной работы в условиях демографических вызовов. Исследуется социальная значимость здоровьесбережения и его влияние на качество и продолжительность жизни. Авторы анализируют роль социальных детерминант здоровья, их взаимосвязь и комплексное воздействие на благополучие населения, выявляя ключевые проблемы и перспективы развития здоровьесберегающих практик в социальной работе.

Ключевые слова: здоровьесбережение, социальная работа, детерминанты здоровья, качество жизни, демографические вызовы.

В современном мире человеческий капитал – ключевой ресурс развития государства. Крепкое здоровье граждан – основа их активного участия в жизни общества и продуктивной деятельности, напрямую влияя на экономический рост, социальную стабильность и общее благополучие страны. Сохранение и укрепление здоровья, повышение продолжительности жизни – первостепенные стратегические задачи любого государства, особенно в условиях демографических вызовов. Демографическая ситуация в России подчеркивает актуальность этих задач: по данным Росстата, в 2024 году средняя продолжительность жизни в России составила 72,8 года, при этом естественная убыль населения увеличилась на 20%, достигнув 596,2 тыс. человек[1]. Прогнозы ВОЗ также указывают на возможное снижение численности населения России почти на 7% к 2050 году[2]. В этих условиях здоровьесбережение приобретает особую значимость – это не просто лечение болезней, а активное создание условий для поддержания и улучшения здоровья, формирование культуры здорового образа жизни. Проактивный подход требует междисциплинарного сотрудничества, где особая роль принадлежит специалистам социальной работы, которые являясь связующим звеном между системой здравоохранения и населением, сталкиваются с широким спектром постоянно меняющихся социальных проблем, оказывающих непосредственное влияние на здоровье граждан.

© Курума Э.А., Гареева И.А., 2026

[1] Щербакова, Е. Первые демографические итоги 2024 года в России (часть II) // Демоскоп Weekly. — 2025 — 14 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01069/barom04.php (дата обращения: 10.09.2025).

[2] World Health Organization: official site. [Электронный ресурс]. URL: https://data.who.int/countries/643 (дата обращения: 10.09.2025).

Несмотря на признаваемую важность темы здоровья и возросшее внимание к ней, в последние годы, в том числе и под влиянием пандемии COVID-19, ожидаемых кардинальных перемен в здоровьесберегающем поведении населения не произошло. Пандемия актуализировала вопросы здоровья и вызвала публичный дискурс о его важности, однако, оставила после себя скорее подсознательную настороженность, чем осознанную ответственность[1]. Слабая выраженность изменений в поведении особенно заметно на фоне текущей ситуации со здоровьем населения, которая характеризуется ростом неинфекционных заболеваний: болезни системы кровообращения (46,2% смертей в 2023 году), онкологические заболевания (рост смертности на 2,7%) и сахарный диабет (рост смертности на 14,4%, 48 469 человек)[2]. Усугубляют положение социальное неравенство, ограниченный доступ к качественной медицинской помощи и информационная перегрузка. В условиях подобных вызовов, включая долгосрочные последствия пандемии, особую значимость приобретает роль социальных работников в сфере здоровьесбережения. Для более глубокого понимания этой роли необходимо четко определить, что подразумевается под «здоровьесбережением» в контексте социальной работы.

В контексте социальной работы «здоровьесбережение» – это комплекс мероприятий, направленных на содействие клиентам в достижении и поддержании оптимального уровня физического, психического и социального благополучия через расширение их возможностей, преодоление социальных барьеров и формирование навыков здорового образа жизни. Отличие здоровьесбережения от медицинской помощи в фокусе на социальных аспектах здоровья, а не на лечении заболеваний, и от профилактики – в более широком охвате социальных детерминант.

Цель данной работы – исследовать социальную значимость здоровьесбережения и его влияние на качество жизни. В рамках исследования будут рассмотрены социальные детерминанты здоровья, выявлены основные проблемы и перспективы развития здоровьесберегающего направления.

Особое внимание будет уделено взаимосвязи этих факторов и их комплексному влиянию на здоровье населения.

Социальные детерминанты здоровья играют решающую роль в формировании здоровья и благополучия людей и сообществ, влияя на широкий спектр сил и систем, определяющих условия их жизни. Ключевые социальные

[1] Лебедева-Несевря Н. А., Шарыпова С. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на повседневные практики заботы о здоровье: (не)закрепление эффектов // Социологические исследования. 2024. Том 50. № 6. С. 88–98.

[2] Шамардина, Л. Смертность от диабета выросла в России на 14% // Медвестник. — 2024 — 23 августа [Электронный ресурс]. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Smertnost-ot-diabeta-vyrosla-v-Rossii-na-14.html (дата обращения: 10.09.2025).

детерминанты здоровья, определяемые ВОЗ, включают: доход и социальную защиту, образование, безработицу и отсутствие гарантий занятости, условия трудовой жизни, доступные медицинские услуги достойного качества, продовольственную безопасность, жилье, основные удобства и окружающую среду, раннее развитие детей, структурный конфликт, социальную интеграцию и недискриминацию[1].

Рассматривая взаимосвязь этих детерминант, важно подчеркнуть, что они тесно взаимосвязаны и образуют сложную систему, оказывающую воздействие на здоровье. Например, низкий уровень дохода часто коррелирует с ограниченным доступом к качественной медицинской помощи и здоровому питанию, что в совокупности значительно повышает риск развития хронических заболеваний. Низкий уровень образования может препятствовать своевременному обращению за медицинской помощью и пониманию важности профилактики.

С другой стороны, развитая система социальной поддержки и высокая степень социальной интеграции могут частично компенсировать негативное влияние низкого дохода или стрессовых условий труда, демонстрируя важность комплексного подхода к здоровьесбережению. Понимание социальных детерминант здоровья является основополагающим для формирования принципов здоровьесбережения в социальной работе.

Эти принципы, направленные на улучшение качества жизни, включают: комплексный и интегрированный подход, учитывающий все сферы жизни клиента; развитие личной ответственности и мотивации к здоровому образу жизни; индивидуальный подход, ориентированный на особенности каждой ситуации; и снижение влияния социальных рисков через обеспечение доступа к качественной информации о здоровье. Здоровьесбережение, основанное на перечисленных принципах, способствует не только физическому и психическому благополучию, но и повышает социальную активность и самоэффективность клиентов в сфере здоровья.

Учёт социальных детерминант здоровья и использование основанных на них принципов – необходимое условие для развития здоровьесбережения в современной социальной работе. Научная разработанность и профессиональная подготовленность специалистов социальной работы во многом определяют эффективность реализации этого остроактуального направления. Перспективными векторами исследования являются обогащение теоретической базы знаниями о влиянии социальных факторов на здоровье различных групп населения, анализ существующих практик здоровьесбережения, разработка

[1] Тарасенко Е. А Социальные детерминанты здоровья как методологическая основа для разработки стратегий по улучшению общественного здоровья: зарубежный опыт и уроки для России / Е. А. Тарасенко, С. В. Русских, С.М. Смбатян, О. А. Бенеславская // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. №70(2). С. 42-48.

моделей оценки их эффективности, а также создание методических рекомендаций для специалистов социальной работы. Однако внедрение здоровьесберегающего подхода в социальной работе затруднено рядом системных проблем, таких как недостаточная адаптация существующей научно-методической базы к специфике российского контекста, в том числе с учётом региональных особенностей и различий между городскими и сельскими территориями; дефицит квалифицированных специалистов, владеющих современными здоровьесберегающими технологиями; а также затруднённый обмен международным опытом, ограничивающий доступ к инновационным подходам и практикам.

Таким образом, в условиях демографических вызовов здоровьесбережение выступает как стратегический ресурс социальной работы, обладающий потенциалом для позитивного воздействия на демографические процессы. Социальная работа, ориентированная на здоровьесбережение, способствует не только улучшению качества жизни, но и увеличению продолжительности здоровой жизни, что имеет фундаментальное значение для развития человеческого капитала и национальной безопасности. Достижение этой цели предполагает кумулятивный эффект множества последовательных шагов, включающих внедрение инноваций, использование передового международного опыта и обеспечение преемственности в сфере здоровьесберегающих технологий.

Список литературы

1. Елисеева С. Ю. Социальный капитал в практиках сохранения и восстановления физического здоровья индивида // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии. 2020. С. 2584–2593.

2. Лебедева-Несевря Н. А., Шарыпова С. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на повседневные практики заботы о здоровье: (не)закрепление эффектов // Социологические исследования. 2024. Том 50. № 6. С. 88–98.

3. Тарасенко Е. А Социальные детерминанты здоровья как методологическая основа для разработки стратегий по улучшению общественного здоровья: зарубежный опыт и уроки для России / Е. А. Тарасенко, С. В. Русских,

4. М. Смбатян О. А. Бенеславская // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. №70(2). С. 42-48.

5. Шамардина Л. Смертность от диабета выросла в России на 14% // Медвестник. — 2024 — 23 августа [Электронный ресурс]. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Smertnost-ot-diabeta-vyrosla-v-Rossii-na-14.html (дата обращения: 10.09.2025).

6. Щербакова Е. Первые демографические итоги 2024 года в России (часть II) // Демоскоп Weekly. — 2025 — 14 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01069/barom04.php (дата обращения: 10.09.2025).

7. World Health Organization: official site. [Электронный ресурс]. URL: https://data.who.int/countries/643 (дата обращения: 10.09.2025).

E.A. Kuruma, I.A. Gareeva

HEALTH CARE AS A PRIORITY AREA OF MODERN SOCIAL WORK

The article considers «health care» as a priority area of modern social work in the context of demographic challenges. The social significance of health care and its impact on quality and life expectancy are investigated. The authors analyze the role of social determinants of health, their interrelationship and their complex impact on the well-being of the population, identifying key problems and prospects for the development of health-saving practices in social work.

Keywords: health care, social work, determinants of health, quality of life, demographic challenges.

УДК 316.6+37.04

А.В. Леухина

УПРАВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫМ ЗДОРОВЬЕМ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

На основе результатов экспертных интервью (n=13) описываются существующие проблемы и рекомендации по улучшению работы, направленной на сохранение ментального здоровья студенческой молодежи. В качестве основных проблем отмечаются трудности в адаптации к новому формату учебной деятельности, новому жизненному этапу, а также потребность в доступной и качественной психологической помощи.

Ключевые слова: ментальное здоровье, стресс, студенческая молодежь, адаптация.

Период адаптации и обучения в вузе, как правило, является одним из самых эмоционально напряжённых жизненных этапов[1]. Студентам приходится не только справляться с возросшей учебной нагрузкой, но и взаимодействовать с другими людьми, планировать свои финансы и часто менять место жительства. Опрос, проведённый Американской ассоциацией здоровья студентов в 2024 г., показал, что стресс стал самым серьёзным препятствием для получения образования среди студентов более чем сотни колледжей и университетов в США.У части студентов были диагностированы стресс (37%), тревожность (31%), нарушения сна (21%) и депрессия (21%)[2].

Для российской молодежи период студенчества также характеризуется высоким уровнем нервного напряжения и риска развития нарушений ментального здоровья. Так, в исследовании, проведенном среди студентов 7 российских регионов, было выявлено, что средний уровень стресса в межсессионный период составил 5,1 по 10-балльной шкале, а в период сессии он увеличился до 5,9[3].

Стресс может быть вызван не только учебным процессом, но неспособностью адаптироваться к жизни за пределами зоны комфорта и взаимодействовать с новым кругом общения, далёким от друзей и семьи.

Это актуализирует потребность в изучении мер, направленных на сохранение ментального здоровья студенческой молодежи.

© Леухина А.В., 2026

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00480 (https://rscf.ru/project/23-18-00480/).

[1] Семина М.В. Проявление академического стресса у студентов: теоретические аспекты исследования / М.В. Семина, Е.П. Фёдорова // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. №3. С. 68.

[2] 50 Current Student Stress Statistics: 2025 Data, Analysis & Predictions [Электронный ресурс] // Официальный сайт Research.com URL: https://research.com/education/student-stress-statistics (дата обращения: 04.10.2025)

[3] Димитрова Е. А. Исследование учебного стресса обучающихся современных российских вузов и меры его профилактики / Е.А. Димитрова // МНИЖ. 2023. №7 (133). С.3.

Целью исследования являлось описание на примере Пермского края ключевых проблем в сфере ментального здоровья студенческой молодежи и возможных способов их институционального решения.

Материалы и методы.

Эмпирическая база была сформирована из материалов экспертных интервью (n=13), проведенных в августе-сентябре 2024 гг. со специалистами, участвующими в работе по организации системы профилактики, диагностики и лечения нарушений ментального здоровья г. Перми и Пермского края. Основанием для интенсивного отбора выступили критерии опыта и сферы деятельности.

В выборочную совокупность были включены главные внештатные специалисты, руководители лечебно-профилактических учреждений и подразделений, НКО, психологи и медицинские специалисты, а также специалисты отдела социальной политики Администрации губернатора Пермского края.

Результаты.

Основные проблемы, связанные с необходимостью сохранения ментального здоровья студенческой молодежи, можно классифицировать на 3 группы: 1) необходимость адаптации студентов к условиям образовательной деятельности, включая новую социокультурную среду (как для местных, так и для иностранных / иногородних студентов), а также новый формат обучения (расписание, экзамены, промежуточный контроль); 2) необходимость адаптации к этапу неопределенности, т.к. именно он формирует у молодежи уязвимость и склонность к нарушениям ментального здоровья. Это связано с периодом повышения потребности в гармонизации личных, семейных, дружеских и профессиональных отношений; 3) необходимость получения квалифицированной и доступной психологической помощи, что на данный момент затрудняется наличием широкого выбора техник и специалистов, но отсутствием достоверных способов идентификации квалифицированного специалиста (таблица).

Следовательно, важно обратить внимание на расширение внеучебной деятельности студентов, разработку различных форматов диагностики и психологического консультирования как в рамках обучения (подготовка к экзаменам), так и в сфере личной жизни.

Таблица

Проблемы и рекомендации, направленные на сохранение ментального здоровья студенческой молодежи

Проблема		Решение
Адаптация к новому формату учебной деятельности	Новая социокультурная среда	
	«Обращаются ребята, которые приехали из других городов и из края, кто испытывает сложности в коммуникации. Высокая потребность в дружбе и друге» (эксперт-психолог). *«Это и адаптация, поскольку наше внимание должно быть связано с сопровождением всех участников образовательного пространства»* (эксперт из администрации).	*«Уравновесить программу в ВУЗе на то, чтобы была обязательно вот эта межвузовская жизнь, куда включают студентов, чтобы еще была какая-то социальная коммуникативная среда»* (эксперт-психолог)». *«Мы проводим мероприятия не только индивидуальные, но и групповые. Мы всегда интегрируемся и включаемся в большие университетские мероприятия, кампусы, фесты, какие-то дни рождения университета»* (эксперт-психолог).
	Учебная нагрузка	
	«*… высокая программа, высокая нагрузка»* (эксперт-психотерапевт). *«Экзаменационный стресс бывает, ближе к сессии, сложности в мотивации к обучению»* (эксперт-психолог).	*«Арт-терапия, форматы и индивидуальные, и групповые, социально-психологическое тестирование, игровые практики»* (эксперт-психолог). *«Периодические какие-то срезы, скрининги. Насколько справляются с программой…»* (эксперт-специалист по медицинской профилактике).
Адаптация к новому жизненному периоду	Ситуация неопределенности	
	«Студенческий возраст, молодежный возраст - он находится в группе риска. Более того, мы сейчас	*«Я бы предоставляла уровень самодиагностики. Они же много читают информации, много знают. Вот предоставить для какой-то*

	говорим о том, что студенчество — это все-таки еще и часть подросткового возраста» (эксперт-психотерапевт).	*скрининговой диагностики инструментарий и путь, куда ты можешь обратиться»* (эксперт-представитель НКО).
	Актуализация личных проблем	
	«… одиночество, сложности в отношениях самых разных - семейных, личных, партнерских, дружеских, профессиональных» (эксперт-психиатр).	*«…надо проверять, насколько они социально удовлетворены, что можно скорректировать, чтобы не потерять человека, который где-то там заперся и страдает»* (эксперт-специалист по мед.профилактике).
Потребность в доступной качественной психологической помощи	Прогрессивные изменения технологий психологической помощи	
	«Сейчас очень сильно изменилась система оказания психологической помощи, и многие старые методы могут просто не работать» (эксперт-психиатр-нарколог).	*«Обмен опытом: «Мы и с МГУ, и с ВШЭ, то есть ведущими вузами России на связи. Мы регулярно обмениваемся опытом, встречаемся оффлайн, онлайн, то есть всегда на передовой»* (эксперт-психолог)
	Проблема поиска квалифицированного специалиста	
	«Два часа вебинаров, и человек уже говорит: «Я психолог, записывайтесь ко мне на терапию». И, может быть, в этом тоже есть определенный страх населения. А к кому я попаду» (эксперт-представитель НКО).	*«Мы настраиваем и вертикальные и горизонтальные связи, то есть сверху спускается информация нам, мы туда поднимаем кураторам, тьюторам, заместителям деканов, то есть на факультетах у всех есть наши контакты»* (эксперт-психолог).

По мнению экспертов, психологическая помощь должна быть неотъемлемым компонентом повседневной жизни молодежи: *«Да и вы, молодежь, вообще живете в веке психологии – у вас он должен быть такой стабильный врач, как стоматолог и гинеколог»* (эксперт-психолог)

Заключение.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что сохранение ментального здоровья студенческой молодежи сегодня является важнейшей управленческой задачей. В условиях социально-экономической и политической нестабильности психологическая и институциональная поддержка студентов обретает еще большую актуальность. Необходимо обратить внимание как на сферу сопровождения учебного процесса, так и помощь в решении личных проблем с коммуникацией, адаптацией к новой социокультурной среде и формированием социальных отношений.

Список литературы

1. 50 Current Student Stress Statistics: 2025 Data, Analysis & Predictions [Электронный ресурс] // Официальный сайт Research.com URL: https://research.com/education/student-stress-statistics (дата обращения: 04.10.2025).

2. Димитрова Е. А. Исследование учебного стресса обучающихся современных российских вузов и меры его профилактики / Е.А. Димитрова // МНИЖ. 2023. №7 (133). С.1-7.

3. Семина М.В. Проявление академического стресса у студентов: теоретические аспекты исследования / М.В. Семина, Е.П. Фёдорова // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. №3. С. 63-74.

A.V. Leukhina

STUDENT MENTAL HEALTH MANAGEMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Based on the results of expert interviews (n=13), the existing problems and recommendations for improving the work aimed at preserving the mental health of students are described. The main problems are difficulties in adapting to a new format of educational activities, a new stage of life, as well as the need for affordable and high-quality psychological assistance.

Keywords: mental health, stress, student youth, adaptation.

УДК [316.654:613/614](476):303.425.6

Н.А. Павлова

ЗДОРОВЬЕОБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье рассматривается удовлетворенность населения факторами, которые согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения, оказывают ключевое влияние на состояние здоровья человека (образ жизни, состояние окружающей среды, наследственность, система здравоохранения). Анализируются данные, полученные Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в результате проведения телефонного интервью (N = 900, ошибка выборки ± 3,3 %), а также поквартирного опроса (N = 1851, ошибка выборки ± 2,3 %).

Ключевые слова: здоровье, образ жизни, здравоохранение, окружающая среда, наследственный фактор.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)[1] идентифицирует понятие «здоровье» в качестве состояния полного физического, душевного и социального благополучия, что означает не только отсутствие болезней и физических дефектов. Резерв здоровья отдельного человека выступает интегративной характеристикой, формирующейся под воздействием экзогенных (внешних) и эндогенных (внутренних) факторов, подразумевающих исходные характеристики, адаптационные возможности организма и постоянно изменяющиеся условия внешней среды.

В 1994 году межведомственная комиссия Совета безопасности России по охране здоровья населения, опираясь на международные научно-медицинские данные, определила степень влияния факторов, от которых зависит самочувствие, заболеваемость, устойчивость к болезням, продолжительность жизни человека. Ключевое значение приобретают условия и образ жизни (50 – 55 %). Важную роль играет состояние окружающей среды (20 – 25 %), генетические факторы (15 – 20 %) и медицинское обеспечение (10 – 15 %). Таким образом, важнейшим фактором, оказывающим влияние на общее состояние человека, является осознанный выбор стратегии поведения и приложенные усилия в вопросах сохранения и поддержания здоровья[2].

По мере развития всех сфер жизни общества, детерминированного научно-техническим прогрессом, неизбежно возникают условия и инструменты,

© Павлова Н.А., 2026

[1] Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] / World Health Organization (WHO). URL: https://www.who.int/ (Дата обращения 17.09.2025).

[2] Киселева Л.С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология / Л.С. Киселева // Экология и здоровье населения. 2015. № 8. С. 17-20.

позволяющие как улучшать качество жизни населения, так и ухудшать состояние здоровья отдельных индивидов.

По данным исследования «Здоровые города и поселки», реализованного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2023 году, 66,9 % опрошенных оценивают состояние собственного здоровья как хорошее (сумма ответов «хорошее» и «скорее хорошее»). Каждый пятый (19,5 %) отмечает наличие проблем, характеризуя состояние здоровья как плохое (сумма ответов «плохое» и «скорее плохо»). Затруднились ответить 13,6 %. Стоит отметить, что женщины реже, чем мужчины, считают свое здоровье хорошим (71,7 % против 63,2 %) – таблица.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените, пожалуйста, состояние Вашего здоровья?» (в % по столбцу)

	По стране	Мужчины	Женщины
Хорошее	66,9	71,7	63,2
Плохое	19,5	17,4	21,2
Затрудняюсь ответить/нет ответа	13,6	10,9	15,6

Ключевыми факторами, негативно влияющими на здоровье населения, являются стресс, волнения (68,2 %). Существенное негативное влияние на общее состояние здоровья оказывают недостаток сна (37,0 %), а также гиподинамия (29,6 %). Реже отмечались такие факторы, как физически тяжелая работа (19,9 %), отсутствие режима питания (18,0 %), отсутствие отдыха, досуга (17,7 %), несбалансированный рацион (16,7 %), состояние окружающей среды (12,7 %), табакокурение и вейпинг (12,3 %), вредные условия труда (11,2 %). В наименьшей степени (менее 10 % респондентов) упоминались такие варианты, как употребление алкоголя, побочные эффекты медицинских препаратов, употребление психоактивных веществ. Другие варианты отмечены в 0,5 % случаев. Полное отсутствие негативных аспектов отмечают 6,1 % опрошенных. Затруднились ответить 6,4 % (рисунок 1). Таким образом, по субъективным оценкам опрошенных, ключевую роль приобретают факторы, ассоциированные с образом жизни человека.

Рис 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что из перечисленного хуже всего сказывается на состоянии Вашего здоровья» (в %)

Избираемая линия поведения (приверженность практикам здорового образа жизни или пренебрежение ими), согласно ВОЗ, является первым по значимости фактором, оказывающим влияние на здоровье. В целях поддержания здоровья население Беларуси предпринимает ряд усилий. Так, четыре из десяти (40,5 %) опрошенных ведут здоровый образ жизни, избегают стресса (38,2 %), грамотно составляют рацион (37,4 %). Посещают врачей в рамках медицинских осмотров и диспансеризации 35,1 % участников исследования. Каждый третий (33,4 %) избегает вредных привычек или старается от них избавиться. Каждый четвертый (25,5 %) осознанно подходит к назначаемому врачом лечению. Каждый пятый включает в свою повседневную жизни физические упражнения, закаливание (22,3 %), принимает препараты, способствующие повышению иммунитета (19,7 %), а также соблюдает режим дня (17,7 %). Другие варианты

отметили 0,4 %. Не предпринимают активных усилия для сохранения резерва здоровья 12, 7 %. Затруднились ответить 3,8 % (рисунок 2). Сознательным действиям человека в модели ВОЗ отводится ключевое значение в процессе формирования здоровья отдельного человека. Население Беларуси, по данным исследования, активно вовлекается в различные мероприятия, направленные на повышение качества жизни, путем оптимизации рутинных действий.

Рис 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы поддерживаете свое здоровье?» (в %)

Следующим по значимости фактором, согласно оценкам ВОЗ, формирующим здоровье населения, является состояние окружающей среды. В рамках социологического сопровождения проекта «Здоровые города и поселки» возможно проследить удовлетворённость населения Беларуси некоторыми ее аспектами: чистота воздуха оценена на 2,08 балла по шкале от 1 до 4, где 1 – удовлетворен, 4 – не удовлетворен. Качество воды по аналогичной шкале оценено на 1,98 балла, освещенность улиц – на 1,8 балла. Так, можно говорить о средней удовлетворенности элементами окружающей среды.

Существующая система здравоохранения в наименьшей степени, по оценкам ВОЗ, оказывает влияние на здоровье человека. Тем не менее, данный аспект остается важным для изучения. В Республике Беларусь квалифицированная медицинская помощь оказывается на основе принципа территориальной прикрепленности к учреждениям здравоохранения. По данным телефонного опроса, проведенного Институтом социологии в 2024 году, семь из

десяти опрошенных (71,0 %) удовлетворены оказанием медицинских услуг по месту жительства, обратная ситуация отмечается среди 22,8 % участников исследования. Затруднились ответить 6,3 %. Отвечая на вопрос о динамике качества медицинского обслуживания по месту жительства за последние 3 года, каждый четвертый (27,5 %) отметил позитивные улучшения, отсутствие динамики подчеркнули четыре из десяти опрошенных (40,5 %), ухудшение фиксируют 17,3 % участников исследования. Затруднились ответить 14,9 %. Таким образом, можно говорить об умеренно высоком уровне удовлетворенности учреждениями здравоохранения по месту пребывания.

Тематика здоровья находится на повестке важных (в том числе через включения направления в список Целей устойчивого развития) для изучения различными областями научного знания в контексте современного развития общества, изменения характера патологий и необходимости обеспечения оптимального образа жизни среди населения. Разработка стратегий профилактики и лечения заболеваний, оптимизации образа жизни при наличии патологий позволяют повышать качество жизни населения.

В 2013 году в «European Journal of Preventive Cardiology»[1] группой врачей-специалистов опубликовано когортное исследование (n = 6377), проведенное с целью выявления факторов риска возникновения заболеваний, ассоциированных с нарушением обмена веществ и сопутствующих патологий. Так, по данным обследования, представители возрастных когорт, родившихся позднее, обладают более высоким риском развития ожирения и гипертонии, чем более ранние поколения в аналогичном возрасте (generation shifts in metabolic risk factors). По этой причине, наследуемый фактор здоровья подлежит изучению, в том числе в рамках социологических исследований. Интересным с исследовательской точки зрения было бы получить ответ на вопрос: по вашему мнению, здоровье Ваших родителей в аналогичном возрасте было лучше, таким же или хуже, чем у Вас?

Список литературы

1. Hulsegge G. Today's adult generations are less healthy than their predecessors: generation shifts in metabolic risk factors: the Doetinchem Cohort Study / G. Hulsegge, H.S. Picavet, A. Blokstra , A.C. Nooyens, A.M. Spijkerman, Y.T. van der Schouw, H.A. Smit, W. Verschuren // Eur J Prev Cardiol. 2014. 21(9). P. 1134- 1144.

[1] Hulsegge G. Today's adult generations are less healthy than their predecessors: generation shifts in metabolic risk factors: the Doetinchem Cohort Study / G. Hulsegge, H.S. Picavet, A. Blokstra , A.C. Nooyens, A.M. Spijkerman, Y.T. van der Schouw, H.A. Smit, W. Verschuren // Eur J Prev Cardiol. 2014. 21(9). P. 1134-1144.

2. Киселева Л.С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология / Л.С. Киселева // Экология и здоровье населения. 2015. № 8. С. 17-20.

3. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] / World Health Organization (WHO). URL: https://www.who.int/ (Дата обращения 17.09.2025).

N.A. Pavlova

HEALTH-FORMING FACTORS IN THE ESTIMATES OF THE POPULATION OF BELARUS (BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

The article examines the satisfaction of the population with the factors that, according to the World Health Organization, have a key impact on human health (lifestyle, environmental conditions, genetic inheritance, healthcare system). The data obtained by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus as a result of a telephone interview (N = 900, ± 3.3%), and a survey at the place of residence of respondents (N = 1851, ± 2.3%) are analyzed.

Keywords: health, lifestyle, healthcare, environment, genetic factor.

УДК 304.2

В.А. Раева

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В МАССОВЫЙ СПОРТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы вовлечения молодёжи в массовый спорт и перспективные пути их решения. Автор анализирует ключевые факторы, препятствующие активному участию молодых людей в спортивной деятельности, включая недостаточную инфраструктуру, низкую мотивацию, финансовые барьеры и цифровизацию досуга на основе проведённого исследования.

Ключевые слова: массовый спорт, молодёжь, здоровый образ жизни.

Привлечение молодёжи в массовый спорт является одной из приоритетов государственной молодёжной политики. Данная политика направлена на формирование здорового образа жизни. Государство во многом помогает развивать массовый молодёжный спорт, так как в молодости у нас формируются привычки и социальные установки, которые влияют на наше будущее[1]. Важно в период молодости прививать привычки к регулярным занятиям споротом[2]. Государство реализует национальные проекты в области спорта, направленные на создание условий для занятий[3]. Несмотря на все это существует ряд проблем по привлечению молодых людей в массовый спорт, которые требуют решений.

Проблемы по вовлечению молодёжи в массовый спорт могут быть следующие:

1. Различия в обеспеченности регионов спортивными сооружениями, особенно в сельской местности, сужают доступ молодёжи к занятиям спортом. Ощущается дефицит площадок для занятия уличным спортом. Это, например, скейтпарки и воркаут-зоны.

2. Низкая мотивация к занятиям физической культуры и спорта у молодёжи. Незаинтересованность в спорте обусловлена недостаточной популяризацией здорового образа жизни, отсутствием ярких спортивных событий.

3. Недостаток специалистов негативно сказывается на качестве спортивной подготовки и мотивации молодого поколения.

© Раева В.А., 2026

[1] Шилакин В.Б. Становление и развитие физической культуры и массового спорта: историко-правовой аспект / В.Б. Шилакин // Право и государство: теория и практика. 2017. №7 (151). С. 76-78.

[2] Болозин А.А. Массовый спорт и его значение для современной российской молодёжи / А.А. Болозин // Гуманитарий Юга России. 2018. №2. С. 54-60.

[3] Крюковских А.И. Формирование и развитие государственной политики в сфере физической культуры и спорта / А.И. Крюковских. // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 306-308.

4. Стоимость занятий в спортивных секциях и клубах может быть недоступна для некоторых категорий молодёжи[1].

Для того чтобы убедиться, что в реализации государственной молодёжной политики в области спорта существуют проблемы, был проведен социологический опрос.

В нашем исследовании приняло участие 117 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет. Большинство респондентов являются студентами (49,6%), затем идут школьники (41,9%), 7 человек (5,9%) работают.

На вопрос «Занимаетесь ли Вы спортом в настоящее время?» 51 респондент (43,6%) ответили, что занимаются регулярно (несколько раз в неделю). Далее на втором месте идут респонденты, которые не занимаются спортом — это 35 человек (29,9%). Затем 29 (24,8%) респондентов ответили, что занимаются спортом периодически (реже одного раза в неделю). Большинство респондентов (16,2%) занимаются легкой атлетикой, затем 16 человек (13,7%) занимаются волейболом, баскетболом занимаются 14 (12%) опрошенных. По одному респонденту (0,9%) занимаются велоспортом, тяжелой атлетикой, йогой, делают зарядку по утрам.

Основными причинами, по которым люди не занимаются спортом, респонденты назвали отсутствие времени (37,6%), проблемы со здоровьем (15,4%), высокая стоимость занятий (15,4%), отсутствие интереса к спорту (8,5%) и отсутствие доступных спортивных объектов (7,7%).

103 респондента (88%) считают, что развитие массового спорта является одной из задач государственной молодёжной политики. Всего 4 (3,4%) респондента считают, что это не так и 10 человек затрудняются ответить (8,5%). 52 (44,4%) респондента считают, что государственная молодёжная политика в некоторой степени способствует развитию массового спорта среди молодёжи. 27 человек (23,1%) считают, что в значительной степени.

На вопрос «Знакомы ли Вы с государственными программами, направленными на развитие массового спорта среди молодежи?» 53 (45,3%) респондента ответили, что не знакомы, 47 опрошенных (40,2%) что-то слышали и 15 человек (12,8%) хорошо знакомы с государственными программами. О государственной программе «Развитие физической культуры и спорта» ничего не слышали 55 респондентов (47%), что-то слышали 45 человек (38,5%) и 17 опрошенных (14,5%) знают об этой программе. О Федеральном проекте «Спорт-норма жизни» более половины опрошенных (56,4%) ничего не знают. Также о проекте «Академия Спортсменов» ничего не знают 89 респондентов (76,1%).

[1]Ильин В.В. История развития и современные проблемы массового спорта в учебных заведениях и в жизни граждан России / В.В. Ильин, А.Р. Тарасова // Актуальные исследования. 2024. №3 (185). Ч. IV. С. 52-53.

По мнению респондентов, наиболее эффективно могут способствовать вовлечению молодёжи в массовый спорт такие меры, как организация бесплатных спортивных секций и мероприятий (63,2%), снижение стоимости занятий (59%), строительство новых спортивных объектов (56,4%), поддержка студенческих спортивных клубов (53,8%).

На вопрос «Какие проблемы, на ваш взгляд, препятствуют развитию массового спорта среди молодежи?» 70 (59,8%) респондентов отметили отсутствие мотивации и интереса к спорту у молодёжи, 66 человек (56,4%) высокая стоимость инвентаря и экипировки, 59 опрошенных (50,4%) ответили недостаточное финансирование спортивных школ и организаций, 58 человек (49,6%) отметили отсутствие свободного времени. Также выделили такие проблемы, как плохое состояние имеющихся спортивных объектов (46,2%), неравномерное распределение спортивной инфраструктуры по регионам (38,5%), низкая популярность здорового образа жизни (35,9%) и недостаток квалифицированных тренеров (23,1%).

Больше половины респондентов (61,5%) считают, что организация большего количества бесплатных спортивных мероприятий, соревнований и фестивалей поможет улучшить федеральные программы, направленные на вовлечение молодёжи в массовый спорт. 59,8% опрошенных считают, что нужно создавать мотивационные программы с использованием современных технологий. 56,4% считают, что нужно проводить больше спортивных мероприятий с участием известных спортсменов и медийных личностей и 41,9% респондентов ответили, что нужно проводить активную информационную кампанию о пользе занятий спортом и о существующих программах.

Так, исходя из полученных данных можно выявить следующие перспективы развития:

1. Продолжение строительства и модернизации спортивных объектов, с учётом потребностей молодёжи, в том числе создание современных площадок для уличных видов спорта. Реализация национальных проектов должна быть направлена на обеспечение равномерного распределения спортивной инфраструктуры по территории страны.

2. Использование современных информационных технологий, социальных сетей и других каналов коммуникации для продвижения массового спорта. Активное вовлечение известных спортсменов и блогеров в пропаганду здорового образа жизни поможет повысить уровень мотивации к занятиям спортом.

3. Разработка системы грантов поддержки молодёжи. Обеспечение доступности спортивных секций и клубов для всех категорий молодёжи.

Например, высокая стоимость абонементов становится преградой для молодых людей. Государству стоит рассмотреть возможность аналога «Пушкинской карты», которая ориентирована на популяризацию культурно-просветительский мероприятий у молодёжи, но в сфере молодёжного массового спорта. Данный вид карты позволил бы молодых людям бесплатно или со скидкой заниматься спортом, делая занятия более доступными.

4. Совершенствование системы подготовки тренеров и других специалистов в области физической культуры и спорта. Программы повышения квалификации, отвечающие реальным потребностям молодёжи[1].

Для более большего вовлечения молодёжи в массовый спорт необходимо скорректировать государственную молодёжную политику, учитывая выявленные проблемы. Только комплексный подход, учитывающий все аспекты и запросы молодёжи, позволит достичь целей и сформировать у молодого поколения устойчивую привычку к занятиям спортом.

Список литературы

1. Болозин А.А. Массовый спорт и его значение для современной российской молодёжи / А.А. Болозин // Гуманитарий Юга России. 2018. №2. С. 54-60.

2. Ильин В.В. История развития и современные проблемы массового спорта в учебных заведениях и в жизни граждан России / В.В. Ильин, А.Р. Тарасова // Актуальные исследования. 2024. №3 (185). Ч. IV. С. 52-53.

3. Крюковских А.И. Формирование и развитие государственной политики в сфере физической культуры и спорта / А.И. Крюковских. // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 306-308.

4. Шилакин В.Б. Становление и развитие физической культуры и массового спорта: историко-правовой аспект / В.Б. Шилакин // Право и государство: теория и практика. 2017. №7 (151). С. 76-78.

5. Щекин А.Ф. Классификация видов спорта / А.Ф. Щекин, Ю.И. Журавлева, Е.В. Ярошенко // Технологии, образование, наука: стратегия прорыва : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 6 марта 2020 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 50-53.

[1]Щекин А.Ф. Классификация видов спорта / А.Ф. Щекин, Ю.И. Журавлева, Е.В. Ярошенко // Технологии, образование, наука: стратегия прорыва : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 6 марта 2020 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 50-53.

V.A. Raeva

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INVOLVING YOUTH IN MASS SPORTS

The article discusses the current problems of involving young people in mass sports and promising ways to solve them. The author analyzes the key factors that hinder the active participation of young people in sports activities, including insufficient infrastructure, low motivation, financial barriers, and the digitalization of leisure activities, based on the conducted research.

Keywords: mass sports, young people, healthy lifestyle.

УДК 378.17:613.2

Т.В. Сирковская

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПИЩЕВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: ОПЫТ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

В условиях интернационализации образования адаптация к пищевой культуре становится важным аспектом благополучия иностранных студентов. Данное исследование оценивает изменения в питании и отношении к русской кухне иностранных студентов двух вузов (ПГНИУ и НГТУ). Выявлено, что 52,7% опрошенных умеренно адаптируются к новой кухне. Более половины студентов (59,3% фрукты, 63,9% овощи) стали реже употреблять свежие продукты. 40,9% респондентов – чаще готовить дома. При этом только 10,2% любят русскую кухню, тогда как 20,5% не являются ее поклонниками. Анализ подтвердил необходимость разработки целевых программ поддержки адаптации, популяризации русской кухни и повышения осведомленности о здоровом питании с учетом межкультурных различий.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, пищевые привычки, русская кухня, межкультурные различия.

Введение. Глобализация образовательной среды и неуклонная интернационализация высшего образования формируют устойчивую тенденцию к созданию мультикультурного пространства в университетах по всему миру[1]. Россия, как одно из признанных географических направлений получения высшего образования, привлекает значительное количество иностранных студентов, чей приезд в страну сопряжен с необходимостью адаптации к различным аспектам жизни, среди которых важное место занимает пищевая культура[2]. По состоянию на 2024 год, российские высшие учебные заведения приняли на обучение 389 тыс. иностранных граждан[3]. В соответствии с утвержденными национальными целями развития, к 2025 году планируется дальнейшее увеличение числа иностранных студентов до 410 тыс. человек. В 2023 году число иностранных студентов в пермских вузах достигло более 5,1 тыс. человек, в частности в ПГНИУ обучалось около 1,2 тыс. таких студентов[4].

© Сирковская Т.В., 2026

[1] Игнатьев В.П. 4 «И» Глобализации высшего образования / В.П. Игнатьев, Л.Ф. Варламова // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. №. 2 (42). С. 13-19.

[2] Николаев В.К. Интернационализация российского образования: новые вызовы и новые решения / В.К. Николаев, А.А. Скворцов, Р.С. Николаев, С.А. Богатенков // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. №. 1. С. 42-62.

[3] Иностранные студенты в России. 21 июл. 2025. [Электронный ресурс] // Российский интернет-портал и аналитическое агентство TAdviser. URL: https://clck.ru/3NN6kq (Дата обращения 29.07.2025)

[4] Число иностранных студентов в пермских вузах выросло почти на треть. 2 апр. 2025. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Текст». URL: https://www.chitaitext.ru/novosti/chislo-inostrannykh-studentov-v-permskikh-vuzakh-vyroslo-pochti-na-tret/ (Дата обращения 29.07.2025)

В НГТУ, согласно данным за тот же год, обучалось около 2 тыс. иностранных студентов и аспирантов из 41 страны мира[1].

Изменение привычного рациона, доступность определенных продуктов и особенности кулинарных традиций оказывают существенное влияние на пищевое благополучие и общее самочувствие иностранных студентов. Процесс адаптации к новой пищевой среде несет в себе ряд вызовов, обусловленных и различиями в способах приготовления пищи, а также языковым барьером при выборе продуктов в магазинах и заведениях общественного питания[2]. Перечисленные факторы создают определенные трудности для иностранных студентов, прибывших из разных стран с устоявшимися пищевыми привычками и культурными традициями.

Недостаточная адаптация к местной пищевой культуре может приводить к дефициту необходимых питательных веществ, проблемам с пищеварением, изменениям в весе, снижению иммунитета и общему ухудшению качества жизни[3]. Более того, психологический дискомфорт, вызванный непривычной пищей, способен негативно сказываться на эмоциональном состоянии студентов, способствуя развитию стресса и депрессии[4], что, в свою очередь, может отразиться на их академической успеваемости и общей удовлетворенности жизнью в новой стране.

Целью данного исследования является оценка изменений в пищевом поведении и отношения к русской кухне иностранных студентов в процессе адаптации к условиям обучения в России.

Материалы и методы. Исследование методом анкетирования (онлайн-опрос, организованный на платформе «Questionstar») было проведено в период с 29 марта по 3 апреля 2025 года. Объектом исследования выступили иностранные студенты, обучающиеся в Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ) и Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ). Выборочная совокупность представлена 131 респондентом[5]. Отбор респондентов осуществлялся стихийным методом.

---

[1] Общие сведения. Новосибирский государственный технический университет (НГТУ). 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международный сетевой институт в сфере ПОД/ФТ. URL: https://aml.university/uchastniki-aml/novosibirskiy-gosudarstvennyy-tehnicheskiy-universitet (Дата обращения 29.07.2025)

[2] Панченко Л.С. К проблеме питания иностранных студентов в период адаптации к резко континентальному климату Волгограда / Л.С. Панченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2024. №. 4. С. 5-9.

[3] Трошина Т.И. Трансформационные процессы и фактор питания в системе жизнестойкости жителей Крайнего Севера / Т.И. Трошина, О.М. Морозова, Н.А. Воробьева // Арктика и Север. 2021. №. 43. С. 190-214.

[4] Ши Ц. Взаимосвязь пищевого поведения и когнитивных искажений у китайских студентов, обучающихся за рубежом: маг. дис. … по направлению подготовки 37.04.01 Психология / Ц. Ши. Томск, 2024. 94 с.

[5] *Примечание*: среди 131 респондента были отобраны только 94 опрошенных, которые ответили на все вопросы анализируемого блока исследовательского инструментария. Далее при анализе все вычисления производились из расчета N = 94.

Инструментарий включал блок вопросов, посвященных изменениям в рационе питания и адаптации к русской кухне (“*Dietary Changes and Adaptation*”). Анализ данных осуществлялся с использованием методов описательной статистики с применением программного обеспечения SPSS Statistics.

Среди участников исследования преобладали мужчины (51,1%), женщины составили 48,9%. Возрастной диапазон респондентов охватывал период от 17 до 45 лет. Основную долю выборки составили студенты, прибывшие из Китайской Народной Республики (59,6%) и Туркменистана (20,2%). Распределение по учебным заведениям показало, что 83% респондентов являются студентами ПГНИУ, а 17% – НГТУ. Наиболее многочисленную группу (45,2%) составили студенты, проживающие на территории Российской Федерации от одного до двух лет.

Результаты. Анализ данных показал, что 52,7% опрошенных иностранных студентов умеренно комфортно адаптируются к русской кухне, тогда как 17,6% испытывают дискомфорт, а 1,1% характеризуют подобный опыт как «крайне некомфортный».

Пищевые привычки после переезда в Россию изменились незначительно у 40,7% респондентов, умеренно – у 27,5%. Значительные или существенные изменения отмечены у 16,5% опрошенных, а 15,4% не зафиксировали изменений. Наблюдаются существенные сдвиги в потреблении категорий продуктов питания (см. Табл.). Так, 59,3% респондентов реже употребляют фрукты, а 63,9% – овощи. Приблизительно у половины опрошенных (45,7%) потребление мяса не изменилось, но у 22,2% оно немного возросло. Снижение потребления рыбы и морепродуктов отмечено у 48,1% респондентов. Потребление обработанных продуктов изменилось более равномерно: 38,3% стали употреблять их меньше, а 32,1% – больше. В отношении молочных продуктов 37,8% не отметили изменений, а 41,5% увеличили их потребление. В случае снеков и фастфуда, 34,6% опрошенных стали употреблять их чаще.

Таблица

Изменения в рационе питания после переезда в Россию

Категория продуктов	Фрукты	Овощи	Мясо	Рыба и морепродукты	Обработанные продукты	Молочные продукты	Закуски (снеки) и фастфуд
Сокращение потребления, %	59,3	63,9	22,2	48,1	38,3	20,7	30,9
Отсутствие изменений, %	21,0	20,4	45,7	35,4	29,6	37,8	34,5
Увеличение потребления, %	19,7	15,7	32,1	16,5	32,1	41,5	34,6

Чуть менее половины (40,9%) респондентов стали чаще готовить дома, что связано с вопросами безопасности и культурной адаптации.

Отношение к русской кухне варьируется: 46,6% респондентов отмечают, что некоторые блюда им нравятся, а другие – нет. Каждый пятый (20,5%) опрошенный не является поклонником русской кухни, а 13,6% не любят большинство русских блюд. При этом 10,2% респондентов любят русскую кухню и часто ее употребляют.

Открытые вопросы инструментария позволили выявить наиболее привлекательные и непривлекательные аспекты русской кухни. Среди «любимых сторон» респонденты чаще всего упоминали разнообразие мясных блюд (шашлык, говядина), супы (особенно борщ: "*For example, borsch soup is sweet and sour and appetizing*"), хлеб и выпечку. Некоторые студенты выделяли использование натуральных ингредиентов, свежих овощей и молочных продуктов, а также уникальные приправы. Отмечалась также относительная полезность русской кухни. В качестве положительных моментов упоминались гостеприимство и радушие.

В то же время, наименее любимые аспекты включали трудности адаптации к вкусу отдельных блюд, которые казались однообразными, пресными или слишком жирными: "*Like some traditional meat dishes, there is more fat with it*". Ряд респондентов указывали на избыточное использование сметаны, майонеза и сахара, а также на ограниченное количество острых блюд. Некоторым студентам не нравилось обилие супов, использование определенных овощей (свеклы) или сочетание продуктов. Отдельные опрошенные отмечали высокие цены на овощи. Корреляционный анализ выявил взаимосвязь между отдельными социально-демографическими характеристиками респондентов и изменениями в

потреблении продуктов. Среди мужчин наблюдалась тенденция к большему снижению потребления овощей по сравнению с женщинами ($R = 0,287$, $p < 0,01$). Вместе с тем молодые студенты (17-22 лет) сократили потребление фруктов в большей степени, чем студенты старшего возраста ($R = 0,408$, $p < 0,001$). Иные корреляции оказались статистически незначимыми.

Заключение. Результаты исследования демонстрируют, что изменения в рационе питания, отношение к русской кухне и готовность экспериментировать с новыми блюдами зависят от множества факторов, включая социально-демографические характеристики иностранных студентов. Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости разработки специализированных программ поддержки для иностранных студентов, направленных на содействие успешной адаптации к новой пищевой среде и популяризацию русской кухни. Учет выявленных межкультурных различий и индивидуальных потребностей позволит создать более комфортные условия для обучения и проживания иностранных студентов в России, способствуя их академической успеваемости и общему благополучию.

Список литературы

1. Игнатьев В.П. 4 «И» Глобализации высшего образования / В.П. Игнатьев, Л.Ф. Варламова // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. №. 2 (42). С. 13-19.

2. Иностранные студенты в России. 21 июл. 2025. [Электронный ресурс] // Российский интернет-портал и аналитическое агентство TAdviser. URL: https://clck.ru/3NN6kq (Дата обращения 29.07.2025)

3. Николаев В.К. Интернационализация российского образования: новые вызовы и новые решения / В.К. Николаев, А.А. Скворцов, Р.С. Николаев, С.А. Богатенков // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. №. 1. С. 42-62.

4. Общие сведения. Новосибирский государственный технический университет (НГТУ). 2023. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международный сетевой институт в сфере ПОД/ФТ. URL: https://aml.university/uchastniki-aml/novosibirskiy-gosudarstvennyy-tehnicheskiy-universitet (Дата обращения 29.07.2025)

5. Панченко Л.С. К проблеме питания иностранных студентов в период адаптации к резко континентальному климату Волгограда / Л.С. Панченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2024. №. 4. С. 5-9.

6. Трошина Т.И. Трансформационные процессы и фактор питания в системе жизнестойкости жителей Крайнего Севера / Т.И. Трошина, О.М. Морозова, Н.А. Воробьева // Арктика и Север. 2021. №. 43. С. 190-214.

7. Число иностранных студентов в пермских вузах выросло почти на треть. 2 апр. 2025. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Текст». URL: https://www.chitaitext.ru/novosti/chislo-inostrannykh-studentov-v-permskikh-vuzakh-vyroslo-pochti-na-tret/ (Дата обращения 29.07.2025)

8. Ши Ц. Взаимосвязь пищевого поведения и когнитивных искажений у китайских студентов, обучающихся за рубежом: маг. дис. … по направлению подготовки 37.04.01 Психология / Ц. Ши. Томск, 2024. 94 с.

T.V. Sirkovskaya

INTERCULTURAL ASPECTS OF FOOD WELL-BEING: EXPERIENCE OF ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA

In the context of internationalization of education, adaptation to food culture is becoming an important aspect of the well-being of international students. This study assesses changes in the diet and attitude towards Russian cuisine of international students at two universities (PSU and NSTU). It was found that 52.7% of respondents moderately adapt to the new cuisine. More than half of the students (59.3% fruits, 63.9% vegetables) began to eat fresh products less often. 40.9% of respondents – cook at home more often. At the same time, only 10.2% like Russian cuisine, while 20.5% are not its fans. The analysis confirmed the need to develop targeted programs to support adaptation, popularize Russian cuisine and raise awareness of healthy eating, considering intercultural differences.

Keywords: adaptation, international students, food habits, Russian cuisine, intercultural differences.

УДК 316.346.32-053.6

Т.М. Валиуллин

ПЛАВАНИЕ КАК ВИД ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ СТРЕССА У СТУДЕНТОВ

В статье рассмотрены актуальные аспекты использования плавания как эффективного способа снижения уровня стресса у студенческой молодежи. Современные условия жизни и обучения характеризуются высоким уровнем психоэмоциональных нагрузок, что требует поиска доступных форм профилактики и коррекции стрессовых состояний. Плавание, являясь универсальным видом физической активности, обладает комплексным положительным воздействием как на физическое, так и на психическое здоровье.

Ключевые слова: стресс, плавание, студенческая молодежь, тревожность, здоровье.

Социально-экономическое благополучие человека напрямую связано с состоянием его здоровья и умением справляться с негативными факторами среды. В условиях информационной перегрузки, необходимости постоянного обучения и адаптации к быстро меняющимся условиям общества, проблема сохранения психического здоровья приобретает особую актуальность. Опыт развитых стран и научные исследования в области спортивной медицины подтверждают значимость регулярных занятий плаванием для профилактики стресса и улучшения качества жизни.

Студенческие годы являются важным этапом формирования личности. В процессе обучения в вузе молодые люди сталкиваются с высокой умственной и физической нагрузкой, особенно в период сессии, когда уровень стресса значительно возрастает. Учебный день у студентов обычно занимает от 10 до 12 часов, а во время экзаменационной сессии может увеличиваться до 16 часов. Поэтому вопрос умственной разгрузки в этот период приобретает особую актуальность. Одним из наиболее эффективных способов поддержания здоровья студентов выступают занятия физической культурой. Поиск оптимальных форм, методов укрепления организма и способов снижения напряжения у студентов в период экзаменационной нагрузки является предметом внимания многих специалистов и исследователей[1].

Излишняя загруженность учебой нередко приводит к тому, что у студентов снижается уровень физической активности. Те часы, которые отводятся на занятия физкультурой, обычно не способны компенсировать недостаток движения. При этом в учебных заведениях далеко не всегда учитываются индивидуальные особенности и потребности обучающихся при организации занятий спортом.

© Валиуллин Т.М., 2026

[1] Зинин П.М. Плавание как эффективный способ умственной разгрузки студентов в период сессий/ П.М. Зинин, А.Н. Сафонов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №4-1 (91). С.33-35.

Ситуацию усугубляет и высокий уровень психоэмоционального напряжения: постоянные изменения режима дня, питания, отдыха и сна негативно сказываются на общем состоянии здоровья и снижают работоспособность. В таких условиях плавание становится одним из наиболее эффективных видов физической активности. Оно не только развивает двигательные качества, но и помогает решать социально значимые задачи: способствует гармоничному развитию личности, укрепляет устойчивость организма к внешним воздействиям, формирует адаптационные возможности. Развитие физических качеств в свою очередь положительно отражается на умственной работоспособности и раскрытии творческого потенциала.

Особая ценность плавания заключается в его уникальном сочетании нагрузки и отдыха. Вода снижает давление на суставы и позвоночник, создаёт ощущение лёгкости и невесомости, а мягкое гидромассажное воздействие расслабляет тело и способствует восстановлению[1].

Все эти условия создают эффект расслабления и ускоряют процессы восстановления организма. Плавание задействует практически все мышечные группы, стимулирует кровообращение и улучшает работу дыхательной системы, что в итоге благотворно отражается на нервной системе и помогает снизить уровень тревожности.

Воздействие воды на тело имеет особый терапевтический характер: обтекая кожу и мышцы, она мягко стимулирует нервные окончания, оказывает лёгкий массажный эффект, что способствует успокоению, снимает усталость и эмоциональное напряжение. Благодаря этому уже после тренировки человек быстрее засыпает, сон становится более глубоким и качественным, а внимание и память заметно улучшаются.

Кроме того, положительные ассоциации, возникающие у людей с занятиями в бассейне, усиливают психологический эффект: формируется устойчивый позитивный эмоциональный фон, который играет важную роль в повседневной жизни и в поддержании внутреннего равновесия[2].

В России наблюдается активное развитие плавательной культуры. Во вторник, 3 декабря 2024 года, президент России Владимир Путин по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта утвердил ряд поручений. Президент, в частности, поручил включить часть физкультурно-оздоровительных услуг, в том числе обучение детей плаванию, в перечни госуслуг. многовероятно, такая тенденция вскоре дойдет и до студентов. Благодаря национальному проекту «Демография» и федеральному проекту

[1] Булгакова, Н.Ж. Оздоровительное, лечебное и адаптивное плавание: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений/Н.Ж. Булгакова, С.Н. Морозов, О.И. Попов. -М.: Издательский центр "Академия", 2005. 432 с.
[2] Редюкова Е. А. Плавание и его оздоровительное значение // Обучение и воспитание: методики и практика. 2016. №27. С.114-118.

«Спорт – норма жизни» строятся новые бассейны, модернизируются спортивные комплексы, создаются условия для занятий плаванием не только профессионалов, но и широких слоёв населения.

В г. Казань уже существует множество бассейнов, где студенты могут заниматься плаванием, такие как: «Буревестник», где занимаются студенты ПГУФКСиТ, КАИ «Олимп», студенты КНИТУ-КАИ, «Ак-Буре», студенты КНИТУ-КХТИ «Оргсинтез», «Олимпиец» и мн. др. Такие проекты способствуют тому, что школьники и студенты начинают систематически заниматься плаванием, а это напрямую влияет на их эмоциональное состояние и общее самочувствие. Что подтверждается исследованиями[1] [2].

Проведённые опросы среди преподавателей и обучающихся вузов, где плавание уже внедрено как факультатив, показали заметный положительный эффект. Большинство преподавателей (87%) отметили укрепление здоровья студентов, а более трёх четвертей (76%) указали на рост успеваемости. Среди студентов результаты оказались ещё более показательными: свыше 90% участников признались, что регулярные занятия в бассейне улучшают их физическую форму и эмоциональное состояние, а около 70% отметили повышение концентрации внимания и выносливости[3].

Полученные данные наглядно подтверждают: включение плавания в образовательные программы вузов является эффективным способом поддержания здоровья и повышения качества обучения. Это доказывает, что плавание — не только спорт или отдых, но и важный элемент системы охраны здоровья и укрепления благополучия молодежи. Благодаря своей универсальности и доступности его можно рассматривать как один из ведущих методов профилактики стресса. В связи с этим государственным структурам и образовательным учреждениям важно продолжать работу по развитию бассейнов, популяризации занятий плаванием и внедрению специальных программ аква-релаксации в студенческой среде.

Список литературы

1. Бажев А.А. Позитивное влияние плавания на физическое и психологическое состояние студентов /А.А. Бажев, А.З. Бажев // Актуальные вопросы современного образования: сборник научных трудов. 2024. С.28-31.

[1] Зинурова Р.И. Социальная активность поколения z в интернет пространстве / Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина // В сборнике: Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Пермь, 2021. С. 75-80.

[2] Фатхуллина Л.З. Формы досуга городской молодежи Фатхуллина // В сборнике: Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы V Тюменского международного социологического Форума. 2017. С. 321-324.

[3] Бажев А.А. Позитивное влияние плавания на физическое и психологическое состояние студентов /А.А. Бажев, А.З. Бажев // Актуальные вопросы современного образования: сборник научных трудов. 2024. С.28-31.

2. Булгакова, Н.Ж. Оздоровительное, лечебное и адаптивное плавание: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений/Н.Ж. Булгакова, С.Н. Морозов, О.И. Попов. -М.: Издательский центр "Академия", 2005. 432 с.

3. Зинин П.М. Плавание как эффективный способ умственной разгрузки студентов в период сессий/ П. М. Зинин, А. Н. Сафонов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №4-1 (91). С. 33-35.

4. Зинурова Р.И. Социальная активность поколения z в интернет пространстве / Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина // В сборнике: Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Пермь, 2021. С. 75-80.

5. Редюкова Е. А. Плавание и его оздоровительное значение // Обучение и воспитание: методики и практика. 2016. №27. С.114-118.

6. Папюшкин С.В. Роль коэволюции экономических агентов в инновационном развитии экономики: автореф. дис. … канд. экон. наук / С.В. Папюшкин. Кемерово, 2012. 48 с.

7. Фатхуллина Л.З. Формы досуга городской молодежи Фатхуллина // В сборнике: Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы V Тюменского международного социологического Форума. 2017. С. 321-324.

T.M. Valiullin

SWIMMING AS A WAY TO REDUCE STRESS IN STUDENTS

The article discusses the current aspects of using swimming as an effective way to reduce stress levels among students. Modern living and learning conditions are characterized by high levels of psychoemotional stress, which requires the search for accessible forms of prevention and correction of stress conditions. Swimming, as a versatile form of physical activity, has a comprehensive positive effect on both physical and mental health.

Keywords: stress, swimming, students, anxiety, health.

УДК 364.044

Р.В. Филатов, Р.В. Куприянов

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА ПРИ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ ОТ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

В статье рассмотрены вопросы и проблемы помощи пострадавшим в ходе стихийных бедствий. Проанализирована роль социального работника в процессе оказания помощи пострадавшим от стихийного бедствия. Предложены пути повышения эффективности социальной помощи.

Ключевые слова: социальная помощь, социальный работник, стихийные бедствия.

Стихийное бедствие — это опасное экстремальное явление природы, оно наносит значительный ущерб и обладает поражающими по масштабу и продолжительности факторами. Ежегодно число и интенсивность стихийных бедствий в мире увеличивается. Эту тенденцию связывают с изменением климата, вызванным антропогенной деятельностью человека. Рассмотрим определение стихийного бедствия, которое представлено в законодательстве России: «Стихийное бедствие — это разрушительное природное и (или) природно-антропогенное явление или процесс значительного масштаба, в результате которого может возникнуть или возникла угроза жизни и здоровью людей, произойти разрушение или уничтожение материальных ценностей и компонентов окружающей природной среды»[1]. Как видно из этого определения стихийное бедствие оказывает комплексное воздействие на среду проживания и жизнь людей, поэтому его последствия, как и виды оказываемой помощи могут быть весьма разнообразны. Целью данной работы является изучение роли социального работника при оказании помощи людям, пережившим стихийное бедствие.

На разных этапах ликвидации последствий стихийного бедствия людям может потребоваться различные виды помощи. Оказание помощи людям, пострадавшим в ЧС, стихийных бедствиях и катастрофах, в Российской Федерации является государственной функцией и регламентируется законами: № 442-ФЗ от 28.12.2013; № 323-ФЗ от 21.11.2011; ФЗ №68-ФЗ от 21.12.1994; № 178-ФЗ от 17.07.1999. Помощь пострадавшим оказывается как на федеральном, так и на региональном уровне, и ее объем зависит от масштаба происшествия. Рассмотрим роль социального работника на каждом из этапов ликвидации последствий стихийного бедствия:

© Филатов Р.В., Куприянов Р.В., 2026

[1] Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Этап 1. Непосредственно вовремя и сразу после стихийного бедствия. На этом этапе социальные работники оказывают помощь в составе мобильных бригад социального обслуживания, создаваемых органами соцзащиты. Основная задача таких бригад - оказание экстренной мобильной социальной, социально-медицинской и психологической помощи при возникновении трудной жизненной и/или чрезвычайной ситуации (https://niksocial.gov35.ru/upload/iblock/448/82c5iae629lou4v54omadcyqhiotth27/mobilnye_brigady.pdf). Роль социального работника на этом этапе реализуется в виде следующих функций:

- первичный прием и регистрация пострадавших. Основная задача выявление и учет пострадавших, сбор первичных данных: ФИО, контакты, адрес, состав семьи, особые потребности — инвалиды, дети, пожилые;

- организация и предоставление срочных социальных услуг, что реализуется путем оказание первой социальной помощи: обеспечение продуктами питания, водой, предметами первой необходимости, средствами гигиены, одеждой, а также путем содействия в размещении во временных пунктах проживания (эвакуационных центрах);

- социально-психологическое сопровождение пострадавших: эмоциональная поддержка, выслушивание, снижение уровня паники и острого стресса, стабилизация состояния, а также восстановление разорванных связей между членами семьи[1]. Важная задача — выявление лиц с острыми стрессовыми реакциями для последующей передачи их психологам МЧС или клиническим психологам[2].

Этап 2. Восстановление нормальной жизни пострадавших. Это ключевой этап для деятельности социального работника, на котором реализуются следующие функции:

- социально-правовое консультирование и посредничество. Разъяснение пострадавшим их прав и порядка получения положенных выплат, компенсаций, льгот, помощь в сборе необходимых документов в различные инстанции и организации[3].

- социальный патронаж и сопровождение. Регулярные посещения наиболее уязвимых категорий пострадавших (инвалиды, одинокие пенсионеры,

[1] Чоу, Ю. Ч. Участие социальных работников в ликвидации последствий землетрясения на о. Тайвань в 1999 году: рекомендации по обучению социальной работе / Ю. Ч. Чоу // Журнал исследований социальной политики. – 2008. – Т. 6, № 4. – С. 523-552

[2] Петрова, А. В. Актуальные вопросы профилактики психических нарушений на этапах медицинской эвакуации / А. В. Петрова, Т. П. Склярова // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2021. – № 84. – С. 93-98.

[3] Холостова, Е. И. Социальная работа в чрезвычайных ситуациях: Методическое пособие / Е. И. Холостова. – М., 2010. – 317 с.

многодетные семьи) на дому или во временном жилье. Оценка их потребностей, условий жизни, мониторинг психического и физического состояния.

- координационная и межведомственная работа. Соцработник выступает связующим звеном между пострадавшим и другими службами, направляет клиентов к нужным специалистам: органами власти, медицинскими учреждениями, психологическими центрами, благотворительными организациями.

- социально-психологическая реабилитация и восстановление социальных связей. Организация и проведение групповой работы (группы взаимопомощи), коммуникативных тренингов, мероприятий по сплочению сообщества, поддержка волонтерских движений, помощь в самоорганизации граждан для решения общих проблем. Работа с семьями, пережившими утрату[1].

- социальный мониторинг. Соцработники на местах предоставляют органам власти обратную связь об эффективности принимаемых мер, выявляют системные проблемы и незакрытые потребности пострадавших[2].

Несмотря на наличие законодательной базы, регламентирующей деятельность социального работника по оказанию помощи пострадавшим, её формальное наличие не гарантирует реальной эффективности. На процесс оказания помощи влияет комплекс взаимосвязанных факторов, которые необходимо учитывать для повышения её результативности:

1. Доступность и оперативность предоставления помощи. Ключевым фактором является минимизация административных барьеров. Сложность процедуры оформления, необходимость сбора многочисленных справок и документов, длительные сроки их обработки значительно снижают вероятность своевременного получения поддержки. В условиях посткризисной ситуации, когда пострадавшие находятся в состоянии стресса, избыточные бюрократические требования превращают процесс получения законных выплат и услуг в дополнительную психологическую нагрузку. Поэтому внедрение упрощённого порядка признания права на помощь и принципа «одного окна» являются критически важными.

2. Информированность населения. Эффективность помощи напрямую зависит от того, насколько полно пострадавшие осведомлены о своих правах, видах полагающейся поддержки, порядке и местах её получения. Отсутствие доступной, понятной и своевременной информации приводит к тому, что значительная часть граждан не обращается за помощью. Задача социальных

[1] Фирсов, М. В. Психология социальной работы: Содержание и методы психосоциальной практики / М.В. Фирсов, Б. Ю. Шапиро. — Москва, 2012. — 192 с.
[2] Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ: «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»

работников и органов власти — использовать все доступные каналы коммуникации для информирования населения.

3. Межведомственное взаимодействие и координация. Ликвидация последствий ЧС требует скоординированных действий органов социальной защиты, МЧС, медицинских служб, миграционной службы, органов местного самоуправления и волонтёрских организаций. Отсутствие четкой координации приводит к дублированию функций, возникновению «белых пятен» (когда часть пострадавших остаётся без внимания) и неэффективному распределению ресурсов[1]. Социальный работник выступает ключевым звеном в этой цепи, обеспечивая связь между пострадавшим и различными службами.

4. Кадровый потенциал. Эффективность помощи определяется не только регламентами, но и человеческим фактором. Работа в условиях ЧС предъявляет повышенные требования к профессиональным и личностным качествам социальных работников: стрессоустойчивости, эмпатии, гибкости, способности принимать решения в нестандартных ситуациях. Также важна специальная подготовка социальных работников для правильной организации действий пострадавших в случае ЧС и для установления контакта и оказания психологической поддержки жертвам ЧС и их близким[2].

Выводы. Таким образом, роль социального работника при ликвидации последствий стихийных бедствий выходит далеко за рамки простой раздачи гуманитарной помощи. Он является ключевым агентом восстановления нормальной жизнедеятельности людей, выполняющим функции консультанта, посредника, организатора и социального психолога. Его деятельность регламентирована законодательством РФ, однако при этом требует от социального работника в чрезвычайных ситуациях таких способностей, как стрессоустойчивость, гибкость, человечность и эмпатия. Для повышения эффективности социальной помощи при стихийных бедствиях необходим комплексный подход, выходящий за рамки правового регулирования. Он должен включать в себя упрощение административных процедур, налаживание чёткой системы информирования и межведомственной координации, развитие кадрового потенциала социальных служб. Только совокупность этих факторов позволяет перейти от формального оказания услуг к реальному восстановлению социального благополучия пострадавших.

[1] Соколова, Э. А. Взаимодействие социальной службы и МЧС в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций / Э. А. Соколова // Вестник Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь. – 2009. – № 2(10). – С. 52-58.

[2] Шамова, Л. Г. Международный опыт деятельности работников социальных служб в регионах, пострадавших от стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций / Л. Г. Шамова, Е. Н. Касаткин, Ю. К. Царев // Вестник НЦБЖД. – 2016. – № 2(28). – С. 119-129.

Список литературы

1. Соколова Э. А. Взаимодействие социальной службы и МЧС в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций / Э. А. Соколова // Вестник Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь. 2009. № 2(10). С. 52-58.
2. Фирсов М. В. Психология социальной работы: Содержание и методы психосоциальной практики / М. В. Фирсов, Б. Ю. Шапиро. — Москва, 2012. 192 с.
3. Холостова Е. И. Социальная работа в чрезвычайных ситуациях: Методическое пособие / Е. И. Холостова. М., 2010. 317 с
4. Чоу Ю. Ч. Участие социальных работников в ликвидации последствий землетрясения на о. Тайвань в 1999 году: рекомендации по обучению социальной работе / Ю. Ч. Чоу // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т.6, №4. С. 523-552
5. Шамова Л. Г. Международный опыт деятельности работников социальных служб в регионах, пострадавших от стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций / Л. Г. Шамова, Е. Н. Касаткин, Ю. К. Царев // Вестник НЦБЖД. 2016. № 2(28). С. 119-129.

R.V. Filatov, R.V. Kupriyanov

THE ROLE OF A SOCIAL WORKER IN PROVIDING ASSISTANCE TO VICTIMS OF NATURAL DISASTERS

The article examines the issues and problems of assistance to victims of natural disasters. The role of a social worker in the process of providing assistance to victims of natural disasters is analyzed. Ways to improve the effectiveness of social assistance are proposed.

Keywords: social assistance, social worker, natural disasters.

УДК 316.4.066

А.С. Шляпина

БЕЗОПАСНОСТЬ ГОРОЖАН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА

В статье анализируется ощущение безопасности у пожилых жителей мегаполисов. На основе опроса в трех крупных городах России выявлено, что лишь 36% пожилых чувствуют себя в безопасности. Установлено, что ключевыми факторами являются не инфраструктурные меры, а макросоциальные гарантии: правовая защищенность и стабильность в стране. Социальная поддержка близких играет положительную, но второстепенную роль. Делается вывод о необходимости обеспечения системных социально-экономических гарантий для повышения безопасности пожилых.

Ключевые слова: субъективная безопасность, государственная поддержка, социальные связи, пожилые

Современная структура российского общества претерпевает значительные изменения, особую значимость среди которых имеет увеличение доли пожилых среди населения. С одной стороны, это обусловлено увеличением продолжительности жизни за счет совершенствующейся медицинской помощи и в целом повышения качества жизни, а с другой, тенденцией к снижению рождаемости и миграционному оттоку населения[1]. Одним из следствий, порождаемых этой тенденцией, становится необходимость для государства регулировать возникающую нагрузку на социально-экономическую систему общества.

Как правило, в научной литературе пожилые рассматриваются как одна из уязвимых социальных групп, поскольку жизненный период этой группы характеризуется потерей социальных контактов, ухудшением здоровья, утратой профессионального статуса и снижением материального достатка[2]. Однако все чаще фокус смещается на ресурсный подход[3], в рамках которого, пожилые рассматриваются в качестве социальной группы, обладающей потенциалом для активного включения в социально-экономическую систему общества. Однако, для успешной интеграции этой социальной группы требуется преодолевать ряд

© Шляпина А.С., 2026

*Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ № 23-18-00480 «Самосохранительные стратегии россиян в условиях новой нормальности» (https://rscf.ru/project/23-18-00480/)

[1] Жминько А. Е., Сергеев К. А., Гусев М. А. Демографические тенденции и вызовы: комплексный анализ численности населения России // Вестник Академии знаний. 2025. №1 (66). С. 212-215

[2] Куева Э.М. Социальные проблемы людей пожилого возраста как предметная область научного исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024;(3):113-120. https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-113-120

[3] Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Специфика группы пожилых как объекта социальной политики // Социологическая наука и социальная практика, 2018. Т. 6. № 1. С. 84-100. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5739

барьеров, связанных с восприятием пожилых, их возможностей и компетенций[1]. Особую роль занимает самовосприятие своего места пожилыми людьми: в частности, в исследовании Парфеновой О.А. и Петуховой И.С., включение в трудовую жизнь пожилые люди воспринимают как показатель «жизненного тонуса», явлением, «отодвигающем» наступление старости[2], что является показателем их желания оставаться активно включенными в социальную жизнь. Стигматизируя свои возможности и образ жизни, пожилые упрочняют свое мнение о себе как о уязвимой группе, что может становиться фактором для их отказа от включения в сообщество, таким образом реализуя эффект самосбывающегося пророчества. В связи с чем ощущение безопасности, уверенности в себе и своих возможностях, становятся базовыми критериями для вовлечения пожилых в трудовую и социально полезную деятельность.

Цель исследования - изучить влияние мер государственной и социальной поддержки на формирование ощущения безопасности у пожилых жителей мегаполисов.

Эмпирическую базу исследования составили данные формализованного опроса жителей Новосибирска, Перми и Нижнего Новгорода, проведенного в 2024 году. Из общего массива опрошенных была сформирована подвыборка в объеме 386 жителей в возрасте старше 55 лет. Выбор этой возрастной границы обусловлен границей пенсионного возраста в рамках законодательства РФ. Подвыборка имеет значительные смещения по половому признаку: 21% мужчин и 79% женщин. Опрошенные распределены по городам следующим образом: Пермь – 42%, Новосибирск – 30%, Нижний Новгород – 28%. Ощущение безопасности измерялось по пятибалльной шкале, где 1 – абсолютно небезопасно, а 5 – абсолютно безопасно.

На основе данных исследования было установлено, что ощущают себя в безопасности лишь около трети жителей старшего возраста (36%), о чувстве небезопасности заявил каждый шестой опрошенный (16%). В целом полученные данные соотносятся с показателями, характерными для этой социальной группы в исследовании ВЦИОМ «Улицы без опасности»[3]. рамках условий, создаваемых государством для обеспечения безопасности наиболее востребованными среди пожилого населения стали: потребность в обеспечении социальных гарантий (достойной пенсии, мед помощи), в них заинтересованы 64% жителей старшего возраста, 57% опрошенных говорят о необходимости усиления правовой

[1] Ляликова С. В., Назарова И. Б., Карпова В. М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 104-115. DOI: 10.31857/S013216250028308-1

[2] Парфенова О.А., Петухова И.С. Что значит стареть и быть старым/пожилым? Самоидентификация россиян после 60 лет // Мониторинг. 2025. №4 (188). С. 3-27. DOI:10.14515/monitoring.2025.4.2945

[3] ВЦИОМ «Улицы без опасности». Июль 2024г. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti (дата доступа 03.10.2025)

защищенности граждан и 54% о создании более стабильной социально-политической ситуации в стране. Наименее востребованными условиями по обеспечению безопасности стали увеличение количества камер видеонаблюдения (23%), повешение освещенности улиц (28%) и усиление контроля над соблюдением правил дорожного движения (29%). На основе этих данных можно отметить, что пожилые в большей степени заинтересованы в защищенности от глобальных социально-экономических рисков, а не от локальных угроз на улице. Это позволяет заключить, что чувство безопасности у данной возрастной группы формируется не столько на уровне бытового комфорта, сколько на уровне доверия к социальной системе в целом и уверенности в завтрашнем дне.

Социальную поддержку от близких испытывают 75% опрошенных, заявляют об отсутствии этого чувства лишь 10%. Ощущение безопасности значимо связано только с усилением правовой защищенности, выстраиванием стабильной социально-политической ситуации и ощущением поддержки от родных и близких (Ро-Спирмана варьируется от 0,119 до 0,199, при $p<0,005$).

Вклад государственной и социальной поддержки в ощущение безопасности оценивался при помощи построения регрессионной модели пошаговым методом, объяснительная способность которой составила 8%. Модель демонстрирует значимо больший вклад со стороны условий, создаваемых государственными органами, в частности правовой защищенности граждан (обеспечения соблюдения законов) и стабильной социально-политической ситуации, и сравнительно меньший вклад со стороны социальной поддержки. Уравнение регрессии выглядит как: $y = 3,041 – 0,319 * x_1 – 0,287 * x_2 + 0,128 x_3$, где x_1 – необходимость усиления правовой защищенности граждан, x_2 – необходимость стабилизировать социально-политическую обстановку, x_3 – уровень ощущаемой поддержки со стороны родственников и друзей в обеспечении безопасности и здоровья. Таким образом, если житель заявляет о необходимости усиления правовой защищенности и стабилизации политической ситуации в стране, его ощущение безопасности в среднем будет ниже на 0,319 и 0,287 пунктов соответственно. Вместе с этим в зависимости от уровня ощущаемой социальной поддержки показатель безопасности способен увеличиться от 0,128 при самом низком уровне до 0,640 пунктов при самом высоком уровне социальной поддержки (5 баллов).

Полученные результаты подтверждают тезис о социальной уязвимости пожилой группы в контексте восприятия безопасности. Это состояние требует целенаправленного внимания со стороны государства и институтов гражданского общества, поскольку ощущение безопасности является фундаментальной потребностью и базовым условием для успешной социальной

интеграции. Анализ востребованности различных мер государственной поддержки выявил четкий приоритет макроуровневых, системных гарантий перед мерами технического или инфраструктурного характера.

Регрессионная модель выявила, что сама потребность в мерах государственной поддержки возникает именно у тех, кто уже чувствует себя незащищенным и тревожится о нестабильности в обществе. Таким образом, эти переменные выступают не столько причиной, сколько индикатором неблагополучия. При этом модель отчетливо демонстрирует двойственную роль поддержки. С одной стороны, подтверждается гипотеза о буферной роли социальных связей: ощущаемая поддержка от близких действительно положительно влияет на чувство безопасности. С другой стороны, ее вклад в рамках модели оказался сравнительно скромным на фоне макросоциальных тревог. Это говорит о том, что крепкие семейные и дружеские связи, будучи важным ресурсом, не могут в полной мере компенсировать отсутствие системных гарантий со стороны государства.

Практическая значимость работы состоит в том, что она смещает фокус с традиционных инфраструктурных решений (камеры, освещение) в области безопасности пожилых на необходимость укрепления доверия к правовым и социальным институтам. Эффективная политика в этой сфере должна быть направлена не на точечные улучшения городской среды, а на построение прозрачной и предсказуемой социальной системы, выступающей гарантией их прав и социально-экономического благополучия.

Список литературы

1. Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Специфика группы пожилых как объекта социальной политики // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 84–100. – DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5739

2. Жминько А. Е., Сергеев К. А., Гусев М. А. Демографические тенденции и вызовы: комплексный анализ численности населения России // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 1 (66). – С. 212–215.

3. Куева Э. М. Социальные проблемы людей пожилого возраста как предметная область научного исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2024. – № 3. – С. 113–120. – DOI: https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-113-120

4. Ляликова С. В., Назарова И. Б., Карпова В. М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 104–115. – DOI: 10.31857/S013216250028308-1

5. Парфенова О. А., Петухова И. С. Что значит стареть и быть старым/пожилым? Самоидентификация россиян после 60 лет // Мониторинг

общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 4. – С. 3–27. – DOI: 10.14515/monitoring.2025.4.2945

6. Улицы без опасности : аналитический обзор / ВЦИОМ. – Москва, 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti (дата обращения: 03.10.2025).

A.S. Shlyapina

SAFETY OF ELDERLY URBAN RESIDENTS: STATE AND SOCIAL SUPPORT

The article analyzes the sense of safety among elderly residents of megacities. Based on a survey conducted in three large Russian cities, it was revealed that only 36% of elderly people feel safe. It has been established that the key factors are not infrastructural measures, but macro-social guarantees: legal protection and stability in the country. Social support from relatives plays a positive but secondary role. The conclusion is made about the necessity of providing systemic socio-economic guarantees to enhance the safety of the elderly.

Keywords: subjective safety, state support, social ties, elderly people

УДК 316.6

Д.И. Яхин

СУИЦИДАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящёна анализу проблемы суицида в России, охватывая статистику, общественное восприятие и основные факторы, влияющие на его распространённость. Рассматриваются гендерные и возрастные особенности суицидального поведения, роль алкоголя и внешних социальных факторов, а также значимость снижения гендерных стереотипов и улучшения социальной поддержки для профилактики самоубийств.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, суицидальные тенденции.

Суицид (самоубийство) – это намеренное прекращение собственной жизни[1]. По данным ФОМ, 91% опрошенных в России считает недопустимым совершать суицид, хотя 6% готовы это оправдать личным правом человека на распоряжение собственной жизнью, а также тяжелыми жизненными обстоятельствами[2]. Но тут возникает явное противоречие, ведь Россия занимает 9 место в мире, имея 25.1 случаев самоубийств в пересчете на 100 тысяч человек. По миру же, среднее значение около 10 случаев на 100 тысяч, то есть в два раза меньше. При этом стоит отметить положительную динамику в России, так как количество случаев падает с каждым годом.[3] Но все же, это очень высокий показатель, учитывая средние значения, даже в регионе. Таким образом, суицид является одним из социальных феноменов современного общества и российское общество не исключение, поэтому изучение данного феномена и его тенденций настолько актуально и активно обсуждается, как разнообразными специалистами социологами и психологами, так и правительственными органами и общественностью в целом.

Одна из тенденций связана с установлением причин суицида. Чаще всего среди причин принято рассматривать личные и игнорировать внешние факторы, которые не менее важны, а зачастую, играют ключевую роль в совершении самоубийства. Фактор коммуникации, то есть возможность поддерживать общение и контакты с людьми; фактор поддержки - наличие людей в окружении, которые способны поддержать, дать совет, оказать материальную, психологическую помощь; социокультурный фон - ценности, традиции и нормы социокультурного окружения, экономическая и политическая обстановка в

© Яхин Д.И., 2026

[1] Farber M.L. Theory of suicide. New York: Funk & Wagnalls. — New York, 1968. — 115 с.

[2] Этические нормы в современной России 2013. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ URL: https://fom.ru/obshchestvo/11069 (дата обращения 19.09.2025)

[3] Suicide Rate by Country 2025. [Электронный ресурс] URL: https://countrycassette.com/suicide-rates-by-country/ (дата обращения 14.09.2025).

обществе. Именно внешние факторы часто игнорируются, когда говорят о самоубийствах, что искажает представление о суициде и затрудняет его предотвращение, создавая иллюзию существования самоубийств лишь на личностной основе.

Наблюдаются различия в гендерном разрезе: показатель 43.6 на 100 тысяч среди мужчин в России и 8.66 среди женщин[1]. Данные показатели говорят о тенденции именно на мужской суицид в стране, что может быть вызвано некоторыми особенностями устройства и отношения к данному феномену в обществе. Все исследователи, которые пытаются объяснить преобладание общего количества мужских суицидов над женскими, в конечном итоге, сводятся к особенностям гендерного устройства общества и социальных ролей. Если женщина воспринимается как хозяйка, мать и человек, который может поддержать и выслушать, то мужчине предписаны роли охотника, воина, борца, который готов на все, словно инструмент. Стереотипизация в данной ситуации изображает женщину как слабую и зависимую, а мужчину как сильного и доминантного, но при этом женщинам дозволяется высокая эмоциональность, возможность жаловаться и выплескивать свои чувства, обсуждая их, тогда как мужчины, наоборот, вынужден держать их при себе и ни в коем случае не выражать недовольство[2]. То есть, выходит, что мужчины, следуя гендерным стереотипам маскулинности, не могут эффективно и в полной мере выплескивать эмоции, делиться переживаниями с близкими, что, в итоге, повышает уровень стресса и приводит к многократному увеличению рисков совершения суицида. Предотвращение последствий и сдерживание данной тенденции возможны через снижение роли гендерных стереотипов при оценке поведения людей и уравнивание «эмоциональных прав» полов.

Еще одной тенденцией можно считать прослеживаемую взаимосвязь алкоголизации и самоубийств. Хоть употребление алкоголя не связано напрямую с суицидом, но ученые, проводившие исследования в разное время и в различных регионах РФ, отмечают, что не менее 30,0% погибших в результате самоубийства имеют в крови алкоголь. [3], что говорит о наличии взаимосвязи между употреблением алкоголя и совершением суицида. Считается, что роль алкогольного опьянения заключается в создании и усилении совокупности условий, благоприятствующих реализации суицидальных замыслов и развития мыслей подобного характера. Также алкоголь создает и среду для возникновения новых суицидальных мыслей. Именно поэтому такая рискогенность алкоголя должна быть взята во внимание, государству необходимо всячески

[1] Suicide Rate by Country 2025. [Электронный ресурс] URL: https://countrycassette.com/suicide-rates-by-country/ (дата обращения 14.09.2025).
[2] Орлова Н.А. Гендерные аспекты самоубийств // Теория и практика общественного развития. 2015. №20. С. 35.
[3] Сахаров А.В., Говорин Н.В. Суицидальное поведение и потребление алкоголя: оценка взаимосвязей на популяционном уровне // Суицидология. 2015. №2 (19). С. 36.

пропагандировать отказ от алкоголя, или хотя бы снижение его потребления, что, в свою очередь, потенциально снизит общее количество самоубийств.

Суициды входят в десятку ведущих причин смерти населения по всему миру, а для молодежи - в тройку.[1] Это еще одна яркая тенденция, которая означает, что самоубийства в этой возрастной категории наносят серьезный удар по демографическому благополучию, ведь именно молодежь является основой для образования семей и рабочих кадров, которые важны для экономической и демографической стабильности и развития, а значит государству необходимо срочно и эффективно разрешать данную проблему путем снижения количества случаев суицида, чтобы не допускать демографических упадков, особенно в нынешней ситуации.

Далее наступает возраст, когда человек уже перестает считаться молодежью по принятой классификации, где тоже наблюдаются пики самоубийств, ведь в возрасте от 40 до 60 лет возникают высокие риски повышения процента жира в теле, алопеции и ухудшения зрения, что приводит к потребности в ношении очков. Сексуальное самовосприятие также подвержено изменению и в связи с этим появляются страх неполноценности. Не считая физических, происходят также и психологические перемены, которые влияют на возникновение депрессии и риск самоубийства[2]. То есть в этом возрасте желание покончить жизнь самоубийством чаще вызывают именно биологические процессы, которые напрямую влияют на качество жизни, социальные взаимодействия. Происходит осознание приближающейся старости и возможного отторжения близкими и друзьями.

Последний пик суицидального поведения наблюдаются у пожилых людей старше 60 лет. Чаще всего мысли о самоубийстве прослеживаются именно у людей пожилого возраста, когда те страдают от депрессии и тяжелых физических недугов на постоянной основе. Если такой человек не справляется с депрессией, он решает покончить с собой, ведь не ощущает поддержки близких, чувствует себя обузой, которая никому не нужна. Такое отвержение в сочетании с физическими страданиями, многократно снижают уровень довольства собственной жизнью и снижают ее качество, создавая перманентное чувство пустоты и отсутствия смысла дальнейшего существования[3].

В данной статье удалось выделить основные суицидальные тенденции в современном российском обществе, такие как: ежегодное общее снижение количества случаев самоубийств, но при этом сохранение высокого уровня и

[1] Чернобавский М.В. Тенденции смертности российских подростков от суицидов в сравнении с другими внешними причинами смерти // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2012. №1. С. 75.
[2] Мазуренко А.А. Возрастные особенности суицидального поведения // Экономика и социум. 2015. № 3-2 (16). С.197-198.
[3] Мазуренко А.А. Возрастные особенности суицидального поведения // Экономика и социум. 2015. № 3-2 (16). С. 197-198.

одного из лидирующих мест в мировом топе Россией; преобладание мужских самоубийств над женскими, связанное с гендерными стереотипами и отсутствием возможностей для эмоциональной разрядки; связь алкоголя с самоубийствами и причины этой связи; возрастные особенности суицидального поведения в России. Данная тема продолжает быть такой же актуальной из-за недостаточного количества знаний и отсутствия всех необходимых средств для сведения уровня самоубийств к минимуму, что создает интерес и потребность в дальнейшем изучении.

Список литературы

1. Мазуренко А.А. Возрастные особенности суицидального поведения // Экономика и социум. 2015. № 3-2 (16). С.197-198.
2. Орлова Н.А. Гендерные аспекты самоубийств // Теория и практика общественного развития. 2015. №20. С. 35.
3. Сахаров А.В., Говорин Н.В. Суицидальное поведение и потребление алкоголя: оценка взаимосвязей на популяционном уровне // Суицидология. 2015. №2 (19). С. 36.
4. Трунов Д.Г. Причинный анализ суицидальной активности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. №2. С. 123.
5. Чернобавский М.В. Тенденции смертности российских подростков от суицидов в сравнении с другими внешними причинами смерти // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2012. №1. С. 75.
6. Этические нормы в современной России 2013. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФОМ URL: https://fom.ru/obshchestvo/11069 (дата обращения 19.09.2025)
7. Farber M.L. Theory of suicide. New York: Funk & Wagnalls. — New York, 1968. — 115 c.
8. Suicide Rate by Country 2025. [Электронный ресурс] URL: https://countrycassette.com/suicide-rates-by-country/ (дата обращения 14.09.2025).

D.I. Yakhin

SUICIDAL TENDENCIES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

This article analyzes the problem of suicide in Russia, covering statistics, public perception, and the main factors influencing its prevalence. It examines gender and age-specific patterns of suicidal behavior, the role of alcohol and external social factors, and the importance of reducing gender stereotypes and improving social support for suicide prevention.

Keywords: suicide, homicide, suicidal tendencies

РАЗДЕЛ 6. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

УДК 316

М.А. Вахрушев

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена переменам в восприятии времени в повседневной жизни, вызванными активным внедрением цифровых технологий. Акцент ставится на возможных негативных последствиях цифровой коммуникации.

Ключевые слова: повседневность, темпоральность повседневности, цифровая коммуникация

Время это весьма сложный, в каком-то смысле неоднозначный феномен. Это заключается в том, что его можно рассматривать как сугубо физическую единицу, обоснованную силами природы. А с другой стороны, как субъективное восприятие протекания событий в жизни людей в хронологическом порядке. В зависимости от периода истории, понимание времени переживало некоторые изменения. Например, до появлений приборов, для измерения времени, люди ориентировались только лишь на природные явления и, собственно, строили быт на основе этого. При этом, с возникновением различных методов измерения времени и формированию культуры расписания, оказалось, что проблема абстрактности времени всё равно имеет место быть.

Цель данной статьи: проанализировать какие изменения в темпоральности повседневности происходят в современном мире под воздействием цифровой коммуникации.

Для начала стоит дать определения двум основополагающим понятиям в рамках статьи. Если обратиться к научному определению повседневности, то в социологическом словаре Осипова[1], оно звучит следующим образом: «повседневность — это обыденная жизнь, интерсубъективный мир, являющийся для живущих в нем миром общих значений и смыслов, воспринимающийся ими как само собой разумеющееся, не подлежащий сомнению и конституирующийся сознанием составляющих его частей». То есть это общий и одинаково воспринимаемый для всех его участников социальный мир, целостность которого не вызывает никаких сомнений. Темпоральность же, это восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по

© Вахрушев М.А., 2026

[1] Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488

отношению к той или иной точке отсчета. В общем то, как время отражается в сознании человека.

Современная повседневная жизнь, всё больше зависит от цифровых технологий, которые значительно трансформируют общество. Большое внимание стоит уделить упомянутому выше переходу процесса коммуникации в так называемый виртуальный мир. Это с одной стороны открывает широкий спектр возможностей для связи независимо от места и времени, что безусловно является положительной чертой. Но, с другой стороны, несмотря на существенное облегчение жизни, цифровая коммуникация носит также и негативный характер.

Ивенкова О.А. в своей работе писала про цифровизацию повседневности следующее: “Виртуализация повседневности позволяет расширить объектную базу «оповседневнивания», включив в жизненный мир человека то, что раньше выходило за его рамки. Чуждый опыт, культурные образцы, социальные практики вторгаются в пространство повседневности и раздвигают его границы”[1] Это одновременно позволяет расширять возможности людей, и в то же время насаждать чуждые им взгляды, что говорит в целом о неоднозначности процесса виртуализации.

Также об этой проблеме говорит и Дроздова А.В.: “Изменившийся эффект «присутствия» человека в мире, его одновременная принадлежность сразу двум мирам, “офлайновому” и “онлайновому”, означает не только повседневное проживание в них, но и изменение современной повседневной коммуникации”[2]. То есть, «мгновенное время» социальных медиа, полностью изменяет способ совместности людей, модальность человеческого общения.

Дроздова в своей статье пишет о проблеме интерсубъективного времени: “множественность реальности проблематизирует осмысление современной повседневной жизни, которой присущи множественность различных «жизненных миров», все они нередко сталкиваются, друг с другом и демонстрируют множество режимов темпоральности”[3]. Здесь говорится о таком важном факторе, присущем современности, как существование множества темпоральных режимов, вызванных огромным разнообразием сегодняшнего мира и смешением самых разных культур с помощью общего интернет-пространства.

---

[1] Ивенкова О.А. Повседневность как основа бытия социального субъекта // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 3. С. 117-130

[2] Дроздова А.В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровых устройств. ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА. [Электронный ресурс] 2019 №2 С. 96-104

[3] Дроздова А.В. Новая темпоральность повседневных практик в онлайн коммуникации. Ярославский педагогический вестник. [Электронный ресурс] 2018 №4 С. 173-177 URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39289511 (Дата обращения: 04.10.25).

Проблема синхронизации, о которой пишет Дроздова, затрагивает концепцию интерсубъективного времени Шюца, который подчеркивал, что социальный порядок возможен только благодаря синхронизации временных перспектив. По мнению Шюца: “Недостаточно «близости в пространстве», необходимо еще находиться «близко во времени», это позволяет действительно признавать опыт другого, то есть конструировать совместный опыт”[1]. Эта концепция помогает понять, что обществу нужно уметь заранее договариваться о том, как структурировать время, чтобы избежать социальной дезинтеграции. Таким образом, для эффективной коммуникации, люди должны быть в одном временном интерсубъективном мире и поэтому, вопрос синхронизации темпоральностей разных групп людей является актуальным всегда.

Бесконечный поток новостной ленты в социальных сетях, усиливает желание постоянно узнавать что-то новое, порождая своего рода зависимость от новостей. Человек проводит всё больше времени за своим устройством, в попытках удовлетворить эту мнимую потребность. Страх упустить важную или интересную информацию, чтобы оставаться включенным в повестку дня, заставляет постоянно проверять ленту. Из-за чего человек забывает о внешнем мире и тратит свободное время на “скроллинг” социальных сетей. В связи с тем, что лента социальных сетей идет непрерывно, у человека стираются границы времени. Нередко бывает так, что нам кажется, будто мы зашли в телефон буквально на несколько минут, чтобы “просто посмотреть что-то”, а по итогу проводим в нем без преувеличения до нескольких часов. Такие прецеденты выбивают людей из общего ритма жизни, так как они могут откладывать или даже отменять свои планы по причине нехватки на них времени, которое они потратили на пролистывание социальных сетей. Стоит сказать и о том, что для некоторых, это может стать и причиной стресса, вызванного сожалением о потраченном “понапрасну” времени, которое они могли провести с пользой.

Цифровая коммуникация предполагает мгновенную передачи информации, что формирует культуру взаимодействия “здесь и сейчас”. То есть люди в течение всего дня отвлекаются на уведомления и как-либо реагируют на них, тем самым распыляя внимание и затягивая выполнение каких либо собственных задач. Постоянные отвлечения приводят к фрагментации времени на множество различных интервалов, что меняет восприятие времени, нарушая его целостность и создавая “пробелы” в его линейном течении. Помимо этого, получая огромное число информации в течении дня, формируют клиповое мышление и множество событий в памяти человека усваиваются поверхностно, вследствие чего, он не может точно соотносить их в хронологическом порядке,

[1] Головашина О.В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. 2016. № 3 (80). С. 42-56.

так как их настолько много, что они неизбежно переплетаются. Это может приводить к разрыву общей темпоральности общества.

Также серьезной проблемой является то, что немалое количество профессий в современном мире, предполагает работу удаленно, и как правило, люди подобных специальностей, занимаются ей непосредственно из дома. Безусловно, это имеет свои плюсы, однако вместе с ними несет и риски. Они заключаются в том, что таким работникам иногда приходится совмещать личную жизнь с рабочей, по большому счету стирая между ними границу. Такой образ жизни, может негативно сказаться на эффективности и возможности концентрации человека, так как он будет заниматься несколькими делами сразу без четкого их распределения в своем распорядке дня. Из-за чего он может столкнуться с кризисом восприятия времени, так как свободное время и рабочее сольются в нечто неопределенное.

Подводя итог, можно сказать, что темпоральность повседневности подвержена изменениям, под влиянием технологического прогресса. Переустройство форм взаимодействий, оказывает влияние на образ жизни и мысли людей, трансформируя общество. В наши дни, эти изменения за счет бурного развития цифровых технологий и ускорения ритма жизни людей в целом, имеет особую актуальность. Поэтому, нужно уделять внимания данной проблеме и учитывать, как эти перемены могут сказаться на нашей жизни сейчас, и, что более важно, к чему это приведет в будущем.

Список литературы

1. Головашина О.В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. [Электронный ресурс] 2016. № 3 (80). С.42-56 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/temporalnost-v-issledovaniyah-sotsialnogo-konstruirovanie-vremeni-i-vremenem (дата обращения: 23.03.25)

2. Дроздова А.В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровых устройств. Вестник гуманитарного университета. [Электронный ресурс] 2019 №2 С. 96-104 URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35246025 (Дата обращения: 04.10.25)

3. Дроздова А.В. Новая темпоральность повседневных практик в онлайн коммуникации. Ярославский педагогический вестник. [Электронный ресурс] 2018 №4 С. 173-177 URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39289511 (Дата обращения: 04.10.25)

4. Ивенкова О.А. Повседневность как основа бытия социального субъекта // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 3. С. 117-130

5. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488

M.A. Vakhrushev

CHANGES IN THE TEMPORALITY OF EVERYDAY LIFE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

This article examines the changes in the perception of time in everyday life caused by the rapid adoption of digital technologies. It focuses on the potential negative consequences of digital communication.

Keywords: daily life, temporality of daily life, digital communication

УДК 316

Д.Д. Боронников

ДРУЗЬЯ ИЛИ ВРАГИ? ОТНОШЕНИЕ К СОВРЕМЕННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В ИСКУССТВЕ

Современные технологии, среди которых нейросети, боты и роботы, проникают во все сферы деятельности человека, в том числе и в искусство. Как они себя проявляют в нём и какое отношение к современным технологиям формируется у деятелей искусства? Пользуясь концепциями «поворот к материальному», «смерть автора» и «дегуманизация искусства» пытаемся разобраться в отношениях людей и не-людей в контексте искусства

Ключевые слова: Социология искусства, поворот к материальному, нейросети.

Наш мир постоянно меняется, и один из факторов этих изменений – технологии. Появление новых приборов, программ, машин и ботов меняет организацию нашей жизни, предоставляет нам новые возможности, влияет на наше поведение и меняет отношения между людьми в целом. Технологии проникают и в искусство – деятельность, которая считается проявлением творческого начала, чем-то возвышенным и особенным, присущим только человеку. Однако современные технологии, такие, как нейросеть, могут создавать произведения не хуже человека, но вопрос, являются ли эти произведения искусством, остаётся дискуссионным. В этой работе мы анализируем отношение людей, работающих в сфере искусства, к использованию современных технологий в их деятельности. Цель нашего исследования заключается в изучении того, как современные технологии воспринимаются деятелями искусства, видят они их союзниками, врагами или как-то по-другому? Особенностью нашего анализа будет попытка воспринимать технологии в той же степени, что и человека, такой ход возможен благодаря концепциям «поворота к материальному», таким как Акторно-сетевая теория[1] и теория объект-центричной социальности[2]. Это позволит нам узнать не просто отношение к бездушным объектам, а перейти на язык взаимодействия акторов, взглянуть на социальность этих отношений и выйти на более глубокий уровень понимания проблемы.

Эмпирической базой для исследования выступили тексты 8 интервью, взятых у студентов, обучающихся в профильном учебном заведении культуры по таким направлениям, как живопись, руководство театром, актёр театра и кино,

© Боронников Д.Д., 2026

[1] Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию // пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 384.

[2] Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. – Москва : Издательский дом "Территория будущего". 2006. С. 267-306.

режиссура, сольное пение и хоровое дирижирование. Выбор этих информантов позволяет нам получить мнение людей, профессионально занимающихся искусством, они обладают как теоретическими знаниями в этой области, так и практическими, в том числе и опытом взаимодействия с современными технологиями. Также стоит отметить, что сбор данных происходил в конце 2023 года – данный период характерен тем, что нейросети начали появляться в обыденной жизни людей, создавать различные произведения: стихи, музыку, изображения. Однако их качество порой вызывало сомнение, а работ, которые бы могли сравниться с человеческими, было не так много.

Начнём с вопроса о том, что является технологиями вообще. Некоторые информанты на вопрос об отношении к технологиям (а вопрос был поставлен именно так, без приставки «современные») отвечали именно про нейросети, роботов и всё самое новое. При этом, не возникает сомнений, по поводу того, что технологии — это и прожекторы, и способы создания декораций, и прочее. Таким образом, мы приходим к тому, что технология является таковой при некоторой новизне, технической сложности, когда же новизна и сложность (принципы работы лампы сейчас никого не удивят, однако при её появлении это было сложным технологическим решением) пропадают, то и «технологичность» тоже испаряется, лампы становятся обыденностью, мы не воспринимаем их как технологии, этот статус («технология») закрепляется за новым, и, скорее всего, любое новшество теряет его, проигрывая всё новым изобретениям. Другие же информанты вспоминали прожекторы, синтезаторы, однако не вспоминали как технологию свечи и классическое пианино. Отсюда следует вывод о том, что термином «технология» можно назвать всё, когда-либо созданное человеком как инструмент или метод для решения какой-либо задачи. Об этом же говорит и Латур[1], один из способов увидеть действие вещей, это исследовать новейшие изобретения. Когда объект является чем-то невиданным и непонятным нам легче «следовать» за ним, а не навязывать ему своё отношение и уж тем более игнорировать его. Поэтому в настоящей работе мы будем пользоваться термином современные технологии, как то, что является новым и интересным, что не просто заслуживает, а требует иметь к себе какое-то отношение.

Рассказывая об отношении к технологиям, информанты обозначали их как инструмент, способ выражения *(«отношусь как к ещё одному инструменту», «это новые способы выразиться»)* творческого начала человека, данная точка зрения является вполне предсказуемой, действительно, человек что-то придумывает и каким-то образом реализует это в реальном мире, мир идей

[1] Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию // пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 384.

принадлежит лишь человеку. Некоторые информанты объясняли данное отношение через искусствоведческие понятия, где технологиям отводилась роль «формы», когда человек ответственен за «содержание», и это очень жёсткое разграничение: технологиям запрещается вход на территорию «содержания» *(«Это хорошо* [внедрение технологий] *если это работает на содержание», «чтобы все это внешнее, не скрывало живое… Внутренность, ну, внутренний мир человека. То есть, за внешним, чтобы не пряталось ничего, так»)*. О том, почему технологии и содержание, по мнению информантов, несовместимы, мы поговорим позже, но в продолжение этой логики мы можем отметить, что внедрение технологий позволяет облегчать постановочный процесс, может помочь по-новому выражать мысли, давать «масштаб для фантазии». При этом бывают и негативные исходы внедрения технологий, так отмечается необходимость их правильного использования, так как иначе непонятно, зачем их используют *(«не научились ещё грамотно преподать», «Просто для красоты или все-таки режиссёр хотел что-то вложить? То есть, это лишние мысли, которые меня запутывают»).* Дискурс «поворота к материальному» критикует такое отношение к объектам, почему вклад «не-человеков» воспринимается так однобоко? Наши респонденты не замечают влияние технологий на себя, объекты не подчиняются нам, это мы подчиняемся им, технологии диктуют способ обращения с ними. Режиссёр, используя ту или иную технологию, должен разобраться с тем, как ей пользоваться, и её встраивание в сюжет диктуется способом использования, режиссёр не сможет заставить вещь поменять способ обращения с ней (если мы утверждаем, что вещь подразумевает всевозможные способы пользования ею), творец вынужден изменить своё поведение, а это уже и есть влияние на содержание. При этом это не всегда конфронтация, здесь имеет место и случай вдохновения: музыкант вдохновляется инструментом, режиссёр сценой, декорациями и прочим. Когда мы принимаем это, мы начинаем видеть не пользование, а взаимодействие.

Теперь обратимся к восприятию произведений сделанных нейросетью. Информанты отмечают, что музыка, сделанная нейросетью, *«не живая, … мёртвая, бездушная»*, говорят, что искусство - это «*не просто так*» и, что «*всё-таки всё должно от человека зависеть*». Таким образом, отвечая на вопрос о том, является ли произведения нейросети искусством, мы получаем либо чёткое нет *(«… я не могу это считать произведениями искусства, потому что это создано не человеком. Все-таки искусство создаёт человек. Все-таки машина, она не обладает чувствами, поэтому она эти чувства вложить не может»)*, либо мнение, что это «не совсем искусство», какое-то отдельное течение. Почему же так? Главным аргументом у наших респондентов выступает отсутствие души у нейросети, она не может «вложить» чувства в произведение. Однако если мы

обратимся к известнейшей работе Р. Барта «Смерть автора»[1], то увидим, что произведение живёт своей жизнью, те, кто воспринимают произведение искусства не могут понять то, что вложил автор, всё сводится лишь к их интерпретациям, соответственно, даже если автор и что-то вкладывает, это известно ему одному. Также в данной работе говорится о том, что автор не создаёт произведение «с нуля», он скорее компилятор окружающей его действительности, культуры и истории. Разве нейросеть не делает тоже самое? Ответ мы можем получить, обратившись к работе испанского философа и социолога Хосе Ортег-и-Гассета «Дегуманизация искусства»[2]. Данная работа посвящена пусть и современному (на момент 1925 года) искусству, описывает также традиционное искусство и его восприятие как нечто вызывающее эмоции путём сопереживания, в таком восприятии важно правдоподобие, искусство - отражение жизни, натура, увиденная сквозь призму “человеческого”, произведение здесь как исповедь автора, он необходим. В искусстве же нейросетей нет такого автора, а этот образ «другого» крайне необходим для традиционного восприятия искусства. Следовательно, наши респонденты - носители этого самого традиционного восприятия искусства, именно в этом мы видим объяснение их отношения к искусству нейросетей.

После всего вышеперечисленного становится удивительным то, что респонденты высказывают опасения по поводу развития нейросетей, предполагая, что когда-нибудь они заменят людей как создателей искусства *(«возможно, что за нейросетью будущее в творчестве. Но тогда, конечно, придётся писателей отправить на свалку, но это, конечно, не очень хорошо», «Это круто* [то, что делают нейросети]*, и меня это даже пугает, на самом деле. Потому что, а что будет с людьми, что будет с действующими лицами»).* Удивительно это потому, что они утверждали особенность человеческого искусства, говоря о том, что нейросеть так не может. В какой-то степени это объяснимо тезисом о «не совсем искусстве», такое искусство не претендует на «настоящее», но при этом может потребляться и продаваться, а значит представляет угрозу для художников. Нейросети в этом плане действительно интересны, как акторы, способные обратить на себя внимание людей и заставить их относиться к себе как к чему-то большему, чем просто инструмент, совершить в их голове некий «поворот к материальному», однако это уже другой вопрос для изучения.

Таким образом, мы увидели, что отношение к современным технологиям в искусстве неоднозначно, и, более того, определили точку зрения традиционного

[1] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // - Москва, 1994. С. 384- 391.
[2] Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства Современная книга по эстетике: Антология. – Москва, 1957. С. 447-459.

отношения к искусству, которая воспринимает технологии как инструменты, не замечая их влияние на себя, и видит в искусстве вклад автора. Нейросети же при таком восприятии не могут делать настоящее искусство, но тем не менее считаются пусть и не врагами, но потенциально теми, кто заменит людей в создании искусства.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // - Москва, 1994. С. 384- 391.
2. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. – Москва : Издательский дом "Территория будущего". 2006. С. 267-306.
3. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. – Москва : Издательский дом "Территория будущего". 2006. С. 307-342.
4. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. – Москва : Издательский дом "Территория будущего". 2006. С. 199-223.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур // пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 384.
6. Ло Д. Объекты и пространства / Д. Ло // Социология вещей. – Москва: Издательский дом "Территория будущего". 2006.С. 223-244.
7. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства Современная книга по эстетике: Антология. – Москва, 1957. С. 447-459.

D.D. Boronnikov

FRIENDS OR FOES? THE ATTITUDE TOWARDS MODERN TECHNOLOGY IN ART

Modern technologies, including neural networks, bots, and robots, are permeating all spheres of human activity, including art. How are they manifesting themselves in it, and what kind of attitude towards modern technology is forming among artists? Using the concepts of the "material turn," the "death of the author," and the "dehumanization of art," this paper seeks to understand the relationships between humans and non-humans in the context of art.

Keywords: Sociology of Art, Material Turn, AI.

УДК 316.346.32-053.9

А.А. Воробьева

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗМЕРЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ

Статья посвящена проблеме измерения социальной инклюзии через призму системного подхода. На основе анализа научной литературы систематизированы принципы системного подхода. Представлена операционализация социальной инклюзии в рамках данного подхода через следующие подсистемы: политическая, экономическая, социокультурная, социальная, территориальная, символическая). На основе вторичного анализа данных определена центральная роль социальной подсистемы в обеспечении инклюзии.

Ключевые слова: социальная инклюзия, социальная эксклюзия, измерение, системный подход, социальная подсистема

Несмотря на относительно недавное введение понятия «социальная инклюзия» в научный дискурс, феномен все чаще становится объектом множества исследований. Возрастающий интерес обусловлен процессами глобализации в современном обществе. Появляется проблема интеграции общества, «с учетом всего его многообразия и дифференциации, что закономерно ставит во главу угла проблему социальной инклюзии».[1] Важность принципов инклюзии находит нормативно-правовое закрепление в ряде ключевых документов[2], например, в Федеральном законе об образовании[3] вводятся категории: «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья», «инклюзивное образование», «адаптированная образовательная программа», «специальные условия». Также существует свод правил о доступности зданий и сооружений для маломобильных групп населения.[4] Важно подчеркнуть, что сфера применения инклюзии не ограничивается группами, подвергающимися явной дискриминации. Идея инклюзии носит универсальный характер, направленный на признание ценности участия в жизни общества каждого человека.

© Воробьева А.А., 2026

[1] Панкратова Л.Э. О концептах «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия» в социальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2013. Том 11. № 2. С.151-170.

[2] Афонькина Ю. А. Феномен инклюзии и современность: философия и практика / Ю. А. Афонькина, Г. В. Жигунова, Т. В. Кузьмичева // Человеческий капитал. 2015. № 8. С.110-114.

[3] Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (с послед. изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (Дата обращения: 24.09.2025)

[4] СП 59.13330.2020. Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. СНиП 35-01-2001 (утв. и введен в действие Приказом Минстроя России от 30.12.2020 N 904/пр) (ред. от 27.12.2024) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=STR;n=34256#87bvhxUijy3xoBnn (Дата обращения: 24.09.2025)

Разнообразие подходов к определению понятия социальной инклюзии приводит к формированию множества различных методов ее измерения.[1] Важно отметить, что категории инклюзии и эксклюзии представляют собой взаимосвязанную дихотомию, в рамках которой исследование одной стороны неизбежно предполагает учет и анализ другой. Анализ литературы позволяет выделить несколько уровней измерения социальной инклюзии, а именно групповой уровень (макроуровень) и личностный уровень (микроуровень), для анализа которых были разработаны различные теоретико-методологические подходы.

На групповом уровне измерения можно выделить *организационный подход*, который рассматривает социальную среду как организованную систему, некое институциональное пространство и выделяет три взаимосвязанных измеряемых оси в ней: а) инклюзивную политику (нормативные основы); б) инклюзивную практику (реализация принципов); в) инклюзивную культуру (ценностные установки). Данный подход детально проанализирован в трудах английских авторов Айнскова М. и Бута Э.[2] В отечественной литературе подход получил развитие в работах Ярской-Смирновой Е.Р. и Горяйновой А.Р., которые трансформировали его в методику «мягкого рейтинга инклюзии».[3] Организационный подход представляет собой эффективный инструмент для оценки инклюзивных процессов в сфере образования, однако он также может быть адаптирован для анализа других социальных групп, принимая во внимание наличие институционального пространства;

К подходам, оперирующим на личностном уровне, относятся факторный (ресурсный) и системный (сферный) подходы. *Факторный (ресурсный) подход* оценивает включенность индивида через наличие «ресурсов» и перспектив к их получению. Методологический инструментарий факторного подхода получил развитие в эмпирических исследованиях авторов Максимовой С.Г., Ноянзиной О.Е.,[4] Неваевой Д.А.[5]

---

[1] Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of “social exclusion”. [Электронный ресурс] // ResearchGate. - URL: https://www.researchgate.net/publication/242513425_TOWARDS_A_USEFUL_DEFINITION_ADVANTAGES_AND_CRITICISMS_OF_SOCIAL_EXCLUSION (Дата обращения: 13.09.2025)

[2] Tony Booth, Mel Ainscow. Index for inclusion: Developing Learning and Participation in Schools. [Электронный ресурс] // URL: https://www.eenet.org.uk/resources/docs/Index%20English.pdf (Дата обращения: 21.09.2025)

[3] Доклад по представлению промежуточных результатов проекта «Опыт проведения оценки инклюзии в школе: разработка и апробация инструментов исследования» / науч. рук. проекта Е.Р. Ярская-Смирнова, рук. проекта Т. Разумовская. М., 2016. 19 с. [Электронный ресурс] // URL:https://new.groteck.ru/images/catalog/30828/cc3be54d4866cc261b737feb41092eb9.pdf (Дата обращения: 21.09.2025).

[4] Максимова С.Г. Оценка факторов социальной эксклюзии населения пожилого и старческого возраста. / Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. // Клиническая геронтология. 2017 № 11–12. С. 30–37.

[5] Неваева Д.А. Социальная эксклюзия лиц пожилого возраста (по результатам социологических исследований в Алтайском крае). автореф. дис. д-ра. социол. наук. Хабаровск, 2016.

С*истемный (сферный)* подход, также относящийся к личностному уровню измерения, рассматривает социальную инклюзию как результат эффективного функционирования ключевых общественных систем. В отличие от организационного и факторного подходов, системный подход способен интегрировать анализ как объективных условий, так и субъективных аспектов (восприятие включенности и принадлежности), чем интересен для анализа в поле социологии.

Цель работы состоит в анализе системного подхода к оценке социальной инклюзии, изучении системообразующей функции социальной подсистемы.

С позиции *системного (сферного) подхода* социальная инклюзия достигается за счет функционирования систем, являющихся фундаментальными для общества.[1] Социальное исключение проявляется, когда одна или несколько систем ослабевают. Соответственно, с точки зрения этого подхода, степень социальной инклюзии может быть оценена через включенность человека в эти системы. С позиции исключения (эксклюзии) Фаррингтон Ф. анализирует эти системы, выделяя следующие: социальную, экономическую; институциональную; территориальную; символическую (символические отношения).[2] Каждая система отражает конкретные механизмы. Отталкиваясь от этой модели, можно выделить подсистемы общества, которые являются наиболее важными для измерения степени инклюзии индивида:

- политическая (политико-правовая, социально-политическая; в том числе самоощущение индивида по поводу защищенности и стабильности);
- экономическая (экономическое положение, доступность экономических благ, положение на рынке труда);
- социокультурная (образование, досуг, общественно-значимая деятельность – доступность и вовлеченность);
- социальная (различные аспекты социального взаимодействия, включенность в сообщества);
- территориальная (обеспеченность инфраструктурой, коммуникациями);
- символическая (идентичность, социальный статус, самооценка и самоуважение, интересы и мотивация, возможности, перспективы).[3]

Опираясь на вышесказанное, были определены теоретические параметры индикаторов социальной инклюзии для каждой из выделенных подсистем.

---

[1] Stroebel P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? // International Social Science Journal. - 1996. - vol. 48.

[2] Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of "social exclusion". [Электронный ресурс] // - ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/242513425_TOWARDS_A_USEFUL_DEFINITION_ADVANTAGES_AND_CRITICISMS_OF_SOCIAL_EXCLUSION (Дата обращения: 13.09.2025)

[3] Астоянц М.С. Социальная инклюзия: попытка концептуализация и операционализации понятий / М.С. Астоянц, И.Г. Россихина. // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. 2009. №12. С. 51-58.

Индикаторы политической подсистемы: политическая грамотность (знание законов, прав и обязанностей); общественно-политическая активность (участие в общественных и политических объединениях, организациях); доступность социальных благ и льгот, возможность воспользоваться ими (в том числе, информированность); чувство социальной защищенности, стабильности (субъективная составляющая).

Индикаторы экономической подсистемы: экономическое (материальное) положение, доступность основных товаров и услуг; включенность в трудовую деятельность: участие в программах занятости или волонтерской деятельности, а также наличие возможностей для профессионального роста и самореализации; ощущение своего экономического положения как стабильного и адекватного, удовлетворенность своим финансовым состоянием (субъективная составляющая).

Индикаторы социокультурной подсистемы: участие в культурно-досуговой деятельности; уровень культуры (бытовая культура, художественная культура, этнокультура, информационная культура и пр.); включенность в общественно-значимую деятельность; чувство принадлежности к определенной культурной группе (субъективная составляющая).

Индикаторы символической подсистемы: позитивная идентичность, удовлетворенность настоящим; уверенность в завтрашнем дне.

Оценка всех индикаторов, а самое главное индикаторов социальной подсистемы, способна обозначить степень инклюзии пожилых людей.

Индикаторы социальной подсистемы: семейно-родственные связи; наличие значимой группы (друзья); широкий круг общения (в том числе межпоколенные друзья); ощущение групповой общности (субъективная составляющая). Схожие индикаторы выделяет Астоянц М.С.[1]: включенность в группу; включенность в деятельность; чувство включенности, принадлежности, позитивную самоидентификацию, эмоциональный контакт с социумом. (субъективная составляющая).

В контексте системного подхода можно говорить о том, что социальная подсистема занимает центральное место в «иерархии» и является основой. Ряд авторов обосновывает значимость социального пространства как фактора, способствующего преодолению процессов социальной эксклюзии. Так, Тихонова Н.Е. говорит о том, что «наличие нужных связей позволяет находить альтернативные общепринятым механизмы интеграции в общество и избегать социальной эксклюзии, даже когда явления дискриминация будут иметь место».[2]

---

[1]Астоянц М.С. Социальная инклюзия: попытка концептуализация и операционализации понятий / М.С. Астоянц, И.Г. Россихина. // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. 2009. №12. С. 51-58.

[2] Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

В рамках данной статьи был проведен анализ данных исследования, выполненного Сапоновым Д.И. и Смолькиным А.А.[1] в рамках комплексного социального проекта «Общество — старшему поколению», организованного благотворительным фондом «Ладога» в Ивановской области, для проверки гипотезы о центральной роли социальной подсистемы (2012 г., n = 1024, 5 возрастных групп от 50 до 72; выборка репрезентативна). В рамках данного проекта разработана модель, имплицитно основанная на системном подходе к измерению инклюзии. Авторы представляют свою модель на выборке пожилых и разделяют 4 измерения/сферы, по которым эксклюзия может развиваться независимо, разрабатывают индекс для каждого измерения: 1. семья, близкие родственники; 2. друзья, соседи; 3. работа; 4. социальная активность. По итогам анализа частных индексов был выявлен ряд корреляционных взаимосвязей между социальной подсистемой и двумя другими элементами системы. Наибольшая сила связи наблюдается между индексом «Семья» и индексом «Социальная активность» - r-Пирсон = 0,176 при p<0,001, тогда как наименьшая — между индексом «Семья» и индексом «Работа» - r-Пирсон = 0,131 при p<0,001. При этом связь индекса «Социальное окружение» с индексом «Работа» оказалась сильнее - r-Пирсон = 0,169 при p<0,001, чем у индекса «Семья». В противоположность этому, корреляция «Социального окружения» с «Социальной активностью» - r-Пирсон = 0,138 при p<0,001, является менее выраженной по сравнению со связью с индексом «Семья». Полученные результаты позволяют предположить, что семейная система выступает ресурсом для социальной активности пожилого человека, предоставляя эмоциональную поддержку и мотивацию для вовлечения в общественную жизнь. Более тесная связь социального окружения с работой, вероятно, объясняется формированием профессиональных сетей, которые интегрируются в ближний круг общения индивида. Также следует отметить еще одну выявленную значимую зависимость между индексом «Социальная активность» и индексом «Работа» (r-Пирсон = 0,242 при p<0,001). Данный факт подчеркивает уязвимость положения пожилых людей: выход на пенсию и прекращение трудовой деятельности ведут не только к потере источника дохода, но и к сужению социальных практик, что приводит к риску изоляции и вследствие социальной эксклюзии.

Исследование позволяет подтвердить гипотезу о центральном положении социальной подсистемы в системном подходе в социальной инклюзии на примере старшего поколения. Значение индекса социальной подсистемы у пожилого человека может служить индикатором его общей «инклюзированности». Его ослабление (сужение социальных связей, снижение

[1] Сапонов Д.И. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения / Сапонов Д.И., Смолькин А.А. // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5. С. 83–94.

активности, утрата чувства принадлежности) может являться маркером эксклюзивных процессов в других подсистемах. Полученные результаты обосновывают необходимость разработки социальной политики, направленной на активное включение старшего поколения в различные виды социальных практик, укрепление их социального капитала и поддержание чувства востребованности и связанности с обществом.

Список литературы

1. Астоянц М.С. Социальная инклюзия: попытка концептуализация и операционализации понятий / М.С. Астоянц, И.Г. Россихина. // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. 2009. №12. С. 51- 58.
2. Афонькина Ю. А. Феномен инклюзии и современность: философия и практика / Ю. А. Афонькина, Г. В. Жигунова, Т. В. Кузьмичева // Человеческий капитал. 2015. № 8. С.110-114.
3. Доклад по представлению промежуточных результатов проекта «Опыт проведения оценки инклюзии в школе: разработка и апробация инструментов исследования» / науч. рук. проекта Е.Р. Ярская-Смирнова, рук. проекта Т. Разумовская. М., 2016. 19 с. [Электронный ресурс] // URL:https://new.groteck.ru/images/catalog/30828/cc3be54d4866cc261b737feb41092eb9.pdf (Дата обращения: 21.09.2025).
4. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения: СП 59.13330.2020. Свод правил. Введ. с 01.07.2022.
5. Максимова С.Г. Оценка факторов социальной эксклюзии населения пожилого и старческого возраста. / Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. // Клиническая геронтология. 2017 № 11–12. С. 30–37.
6. Неваева Д.А. Социальная эксклюзия лиц пожилого возраста (по результатам социологических исследований в Алтайском крае). автореф. дис. д-ра. социол. наук. Хабаровск, 2016.
7. Панкратова Л.Э. О концептах «социальная инклюзия» и «социальная эксклюзия» в социальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2013. Том 11. № 2. С.151-170.
8. Сапонов Д.И. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения. / Сапонов Д.И., Смолькин А.А. // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5. С. 83–94.
9. СП 59.13330.2020. Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. СНиП 35-01-2001 (утв. и введен в действие Приказом Минстроя России от 30.12.2020 N 904/пр) (ред. от 27.12.2024) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». –

URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=STR;n=34256#87bvhxUijy3xoBnn (Дата обращения: 24.09.2025)

10. Тихонова Н.Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

11. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (с послед. изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (Дата обращения: 24.09.2025)

12. Farrington F. Towards a useful definition: advantages and criticism of "social exclusion". [Электронный ресурс] // ResearchGate. - URL: https://www.researchgate.net/publication/242513425_TOWARDS_A_USEFUL_DEFINITION_ADVANTAGES_AND_CRITICISMS_OF_SOCIAL_EXCLUSION (Дата обращения: 13.09.2025)

13. Stroebel P. From Poverty to Exclusion: A Wage-Earning Society or a Society of Human Rights? // International Social Science Journal. - 1996. - vol. 48.

14. Tony Booth, Mel Ainscow. Index for inclusion: Developing Learning and Participation in Schools. [Электронный ресурс] // URL: https://www.eenet.org.uk/resources/docs/Index%20English.pdf (Дата обращения: 21.09.2025)

A.A. Vorobeva

A SYSTEMIC APPROACH TO MEASURING THE SOCIAL INCLUSION

This article examines the measurement of social inclusion through a systems approach. Based on an analysis of scientific literature, the principles of the systems approach are systematized. Social inclusion is operationalized within this approach through the following subsystems: political, economic, sociocultural, social, territorial, and symbolic. A secondary data analysis identifies the central role of the social subsystem in ensuring inclusion.

Keywords: social inclusion, social exclusion, measurement, systems approach, social subsystem

УДК 303.1

К.А. Воронова

ДВА ПОКОЛЕНИЯ «ОБОСНОВАННОЙ ТЕОРИИ»: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В статье описывается появление в социологии метода «обоснованной теории». Обозначаются исходные позиции теории «первого поколения», разработанной Б. Глейзером и А. Строссом, а также их дальнейшее расхождение во взглядах по процедурам, проводимым в ходе анализа качественных данных. Проводится сопоставление обоснованной теории «первого поколения» и конструктивисткой версии метода, появившейся в более современное время. Делается вывод о возможности эффективного применения на практике обоих подходов при условии понимания используемых исследовательских рамок.

Ключевые слова: обоснованная теория, позитивизм, конструктивизм.

Обоснованная теория представляет собой оригинальный и внутренне неоднородный метод исследования в рамках качественной традиции, разработанный Барни Глейзером и Ансельмом Строссом в 1967 году, описанный в работе «The Discovery of Grounded theory: strategies for qualitative Research»[1].

Метод подразумевает построение теории из «сырых», «живых», «естественных» данных с опорой на теоретическую выборку, технику постоянных сравнений, преимущественно индуктивную логику (дедукция полезна для продолжения сравнения и обращения к другим группам), специальные процедуры кодирования текстов в несколько этапов для наполнения теории[2].

Созданный Б. Глейзером и А. Строссом вариант обоснованной теории активно стал развиваться и совершенствоваться другими авторами, при этом можно сказать, что сформировалось два научных лагеря: один «позитивистский» вокруг Б. Глейзера, подчеркивающего необходимость сохранения первоначальных идей и процедур метода (ученый даже тренирует практикам исконного анализа в своем институте «Обоснованная теория»).

Другой «конструктивистский» лагерь представляет собой круг ученых, которые пересматривают метод, трансформируют процедуры и техники кодирования и анализа, придерживаются конструктивистских рамок.

В результате подобного разветвления произошло методологическое столкновение этих двух лагерей, двух поколений обоснованной теории, позитивистских и конструктивистских взглядов, позиций и ценностей, которое осложняет недопонимание принципов, техник и процедур при использовании

© Воронова К.А., 2026

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10117, https://rscf.ru/project/24-78-10117/.

[1] Suddaby R. From the editors: What grounded theory is not. Academy of Management Journal. 49(4). 2006. pp. 633-642.

[2] Забаев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2011. № 32. С. 124-142

метода среди широкого круга практиков-исследователей как на Западе, так и в России.

На практике нередко наблюдается бессознательное смешение обоих подходов, путаница в приемах обоснованной теории. Этот факт отмечается и западными учеными, которые, например, редактируют научные журналы и регулярно сталкиваются с неадекватным применением обоснованной теории и использованием названия этого метода, чтобы вообще не объяснять процедур исследования. Также очень метко замечено, что обоснованная теория уже обросла «необоснованными» мифами (заблуждениями), такими как: необходимость полного отказа от анализа научной литературы, следование «сырым» (очень сырым) данным, сведение ее практически к контент-анализу (крен в позитивизм), упор на техники, представление об идеальности и легкости применения[1].

У истоков обоснованной теории «прививка» позитивизма

Авторы-создатели обоснованной теории «первого поколения» Б. Глейзер и А. Стросс относительно их альма-матер принадлежали к разным научным школам и методологическим подходам (количественной и качественной традиции), они были из Колумбийского и Чикагского университетов[2]. Это стало одной из предпосылок для дальнейшей поляризации как между двумя соавторами-создателями, так и между их последователями. Как отмечает К. Чармаз, эти разные традиции авторов стали «зыбкой онтологической и эпистемологической основой»[3].

Первоначально обоснованная теория была попыткой «узаконить» качественную традицию[4], осуществить стандартизацию процедур анализа качественных данных, внедрить принципы позитивизма в качественную традицию, добавив результатам исследования надежности и валидности. Это был ответ на вызов и критику качественных методов со стороны «количественников» по поводу отсутствия объективности. Само название «обоснованная теория» указывает на стремление исследователей получить максимально точные результаты, отражающие понимание происходящих социальных процессов[5], и создавать «теории среднего уровня» - «мини-

[1] Suddaby R. From the editors: What grounded theory is not. Academy of Management Journal. 49(4). 2006. pp. 633- 642.
[2] Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 18–32.
[3] Morse J.M. Developing grounded theory: The second generation. London: Routledge. 2016. P. 129.
[4] Там же.
[5] Рогозин Д.М. Обоснованная теория. Лекция 8 // Курс лекций по методологии социологического исследования 2013-2014 уч.г. / Шанинка. 2014. 21 марта, 18 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-64790856_1728 (дата обращения: 03.10.2025).

концепции конкретных социальных явлений и ситуаций» в противовес «общей теории»[1].

Поворот к обоснованной теории «второго поколения» был заложен еще А. Строссом

В России больше известна обоснованная теория, представленная в «измененном» и дополненном Ансельмом Строссом и Джульет Корбин варианте, это работа «Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники», переведенная Т.С. Васильевой[2]. Семена будущего «конструктивистского поворота» содержатся уже в этом усовершенствовании процедур кодирования А. Стросса, неслучайно его бывший соавтор и сооснователь метода Б. Глейзер, главный «позитивист» обоснованной теории, не принял их и подвергал критике, отмечая внедрение в исходные данные готовых исследовательских структур, категорий, отход от максимально индуктивной логики анализа[3].

Принципиальное отличие конструктивистской обоснованной теории

Процесс изменения, начатый А. Строссом дальше был преумножен следующим поколением ученых, которые, что парадоксально, продолжили наполнять обоснованную теорию ценностями и установками качественной традиции, выбрав при этом преимущественно конструктивистские рамки. Наиболее яркие имена здесь – это К.Чармаз (конструктивисткий подход) и А.Кларк (ситуационный анализ и картографирование социальных ситуаций)[4].

Рассмотрим более детально различия на примере подхода К. Чармаз, т.к. она очень интенсивно отстаивает конструктивистские принципы в обоснованной теории[5], подчеркивая отсутствие незыблемости социальных процессов, их относительность, изменчивость, «иллюзию» объективности социального мира. Соответственно возникает необходимость трансформации процедур обоснованной теории и иной (в чем-то противоположной) научной идейной рамки, включающей в себя не стремление к объективности данных и «естественного» происхождения категорий из «сырого текста», а необходимость учитывать ценностную и идеологическую позицию исследователя и информанта

---

[1] Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 20.

[2] Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

[3] Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 27.

[4] Рогозин Д.М. Обоснованная теория. Лекция 8 // Курс лекций по методологии социологического исследования 2013-2014 уч.г. / Шанинка. 2014. 21 марта, 18 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-64790856_1728 (дата обращения: 03.10.2025).

[5] Charmaz K. Constructionism and the Grounded Theory Method. Available at: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Charmaz_2008-a.pdf (accessed 22.05.2025); Morse J.M. Developing grounded theory: The second generation. London: Routledge. 2016. 280 p.

(рефлексивность), процесс их взаимодействия, обстоятельства, место и ситуацию, изменчивость и множественность реальности и данных, важность методологической и аналитической импровизации (более подробно различия по каждому основанию рассмотрены в Таблице). К. Чармаз принимает субъективизм (от которого спасался Б. Глейзер), считая, что иначе и невозможно, подчеркивая, что идеи позитивизма Б. Глейзера актуальны для 20 века (проистекают из повестки первой его половины), а за идеями конструктивизма будущее[1].

Таблица

Сравнительный анализ позитивистской и конструктивистской обоснованной теории

Основание сравнения	Позитивистская обоснованная теория первого поколения	Конструктивистская обоснованная теория второго поколения
Идеи	«Идеи 20 века» (по выражению К.Чармаз): стремление к объективности (особенно в первой половине века)	«Идеи 21 века» (по выражению К.Чармаз): поворот к субъективности и индивидуальности во второй половине 20 века (70-е гг.)
Теоретический багаж исследователя перед входом в поле по проблеме	«Чистый лист»: погружение в теорию перед полем опасно дальнейшим поиском под влиянием теории	Предварительные знания нужны и важны
Процедуры кодирования	Приоритет естественного языка информантов	Использование научных категорий, практики интерпретации по определенным схемам (парадигмам кодирования)
Рефлексивность исследователя	Не учитываются позиция исследователя и информанта (ценности, взгляды, установки)	Акцент на рефлексивности, относительности Анализ позиции исследователя и информанта, процесс исследования возникает из их взаимодействия Привязка исследования ко времени, месту и ситуации Множественность реальности
Данные	Теория возникает из данных Данные объективны	Исследователи конструируют категории данных Данные конструируются, субъективны, эмерджентны, а объективность – сомнительная цель
Интерпретация данных	Скупые объяснения и обобщения, лишенные контекста	Интерпретирующее понимание изучаемого явления, учитывающее контекст

[1] Charmaz K. Constructionism and the Grounded Theory Method. Available at: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Charmaz_2008-a.pdf (accessed 22.05.2025).

С точки зрения процедур конструктивистской обоснованной теории, наиболее заметны отличия в подходах к кодированию. Б. Глейзер выделял открытое, избирательное, теоретическое кодирование с акцентом на использовании естественного языка информантов для построения теории, поиска «центральной категории», которая бы подсвечивала основную (возможно неожиданную для исследователя) проблему в изучаемой теме. А. Стросс добавлял между открытым и избирательным – осевое кодирование, проводимое с опорой на научную «парадигму кодирования» (причины, следствия, контекст, стратегии действия)[1].

К.Чармаз выделяет начальное, фокусированное, теоретическое кодирование. Автор также расширила возможности исследователя, сняв жесткие правила кодирования и необходимость следования естественному языку информантов, активно внедряя научные категории в процесс, интерпретацию разных социальных ситуаций[2]. К.Чармаз подчеркивает важность нового и разного понимания и новых теоретических интерпретаций изучаемых социальных феноменов[3].

Таким образом, основное различие подходов заключается даже не столько в осуществляемых процедурах, сколько в методологических установках, причем обоснованная теория второго поколения стремиться «изжить» позитивизм, который дал толчок к созданию самого метода.

Несмотря на различия и интенсивное отстаивание принципов конструктивистской обоснованной теории, К.Чармаз подчеркивает вклад Б. Глейзера, признает существование и того, и другого подхода, а также нередкое объединение процедур обоих поколений обоснованной теории на практике в реальных социологических исследовательских проектах[4].

Оба подхода дают свое преимущество. Конструктивистская обоснованная теория дает более широкие возможности, позволяет интегрировать изучаемые социальные феномены с имеющимися теориями и научными категориями. Однако со стороны позитивистской обоснованной теории мы видим стремление к очень бережному обращению с полученными данными; ориентированность на минимизацию субъективизма; поиск «центральной категории», волнующей

---

[1] Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 18–32.

[2] Charmaz K. Constructionism and the Grounded Theory Method. Available at: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Charmaz_2008-a.pdf (accessed 22.05.2025); Morse J.M. Developing grounded theory: The second generation. London: Routledge. 2016. 280 p.

[3] Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 18–32.

[4] Charmaz K. Constructionism and the Grounded Theory Method. Available at: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Charmaz_2008-a.pdf (accessed 22.05.2025).

информанта (а не исследователя), что, действительно, привносит в исследовательский процесс новизну, глубину и инсайты.

Важно понимать все нюансы разных подходов внутри метода обоснованной теории, органично задачам исследования выбирать более близкий и эффективный подход и стратегию, указывать в методах не просто «обоснованная теория», а уточнять автора подхода, предварительно ознакомившись с его трудами и осознав методологические рамки и их связь с процедурами.

Список литературы

1. Забаев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2011. № 32. С. 124-142.
2. Рогозин Д.М. Обоснованная теория. Лекция 8 // Курс лекций по методологии социологического исследования 2013-2014 уч.г. / Шанинка. 2014. 21 марта, 18 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-64790856_1728 (дата обращения: 22.05.2025).
3. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
4. Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 18–32.
5. Charmaz K. Constructionism and the Grounded Theory Method. Available at: http://www.sxf.uevora.pt/wp-content/uploads/2013/03/Charmaz_2008-a.pdf (accessed 22.05.2025).
6. Morse J.M. Developing grounded theory: The second generation. London: Routledge. 2016. 280 p.
7. Suddaby R. From the editors: What grounded theory is not. Academy of Management Journal. 49(4). 2006. pp. 633-642.

K.A. Voronova

TWO GENERATIONS OF « GROUNDED THEORY»: ESSENCE AND MAIN DIFFERENCES

The article describes the emergence of the «grounded theory» method in sociology. It outlines the initial positions of the «first generation» theory developed by B. Glaser and A. Strauss, as well as their subsequent divergence of views on the procedures used in the analysis of qualitative data. The article compares the «first generation» grounded theory with the more recent constructivist version of the method. It concludes that both approaches can be effectively applied in practice, provided that the research framework is understood.

Keywords: grounded theory, positivism, constructivism.

УДК 316.354

А.Е. Кузнецов

ИНИЦИАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ И БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ*

Переход от бюджетного к проектному финансированию развития территорий интересен (1) практически – как процесс неявного сворачивания публичных обязательств государства, (2) теоретически – как случай, опровергающий веберовскую концепцию бюрократии как рациональной организации с необходимым совмещением областей технической и юридической компетенций.

Ключевые слова: бюрократия, инициативные проекты, М. Вебер.

По пути из Парижа Р. Рейган выступил с речью перед обеими палатами парламента в Вестминстерском дворце. Он говорил о свержении коммунистических режимов революционным путем. Рейган говорил без шпаргалки. Восхищенная М. Тэтчер поздравила его с отличной актерской памятью. Рейган ответил: «Я прочел всю речь с двух плексигласовых экранов... Вы не знали? Это же британское изобретение». Так Тэтчер впервые узнала о телесуфлерах[1]. Ситуация, когда ведомство или организация возглавляется лицом без специальных знаний, сегодня не исключение. Но роль знания в такой ситуации или организации парадоксальна: руководство принимает решения, основываясь на систематическом сборе информации от подчиненных и полагаясь на профильные знания тех же подчиненных при исполнении этих же решений. Поскольку компетенции всецело локализованы в исполнителе, возникает вопрос, почему же решение также не принимается *исполняющей* стороной. Очевидно, сохранение монополии на принятие решений менее компетентной и хуже информированной стороной представляет результат организационной революции, *упрочившей* бюрократические режимы в развитых странах. Отчасти ответ на поставленный вопрос известен: в высокоцентрализованных государствах и организациях монополия на принятие решений покоится на контроле над централизованными ресурсами. Но такой контроль ограничивает развитие, и, повторимся, он отделен от обладания компетенциями. В настоящей статье мы рассматриваем эволюцию организации государственного управления на примере перехода от бюджетного к проектному финансированию развития территорий.

© Кузнецов А.Е., 2026

*Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10117, https://rscf.ru/project/24-78-10117/

[1] Thatcher M. The Downing Street years / M. Thatcher. London: Harper Collins, 1993. P. 258.

Этот случай бросает вызов Веберовому образу рациональной организации управления (бюрократии) как системы покоящейся на отборе (выборах) соискателей на замещение должностей на основании их *компетентности* для работы в особых сферах *компетенций*. Во времена Вебера *компетенция* и *компетентность* еще были синонимами и означали «знание дела». Конечно, Вебер различал *Fachwissen* (также *Fach-* и *Tatsachenkenntnis*), собственно знание фактов, и компетенцию (*Kompetenz*) как область регулирования, но последнюю он прочно увязывал с первым: «приказ (Befehl) чиновника-бюрократа действует только в границах его особой “компетенции”, которая определена “правилом”; объективная основа бюрократической власти – ее техническая незаменимость, основанная на специализированном знании (Fachkenntnis)»[1].

Случай в мемуарах М. Тэтчер представляет коллизию *компетентности* и *компетенции*: бюрократическая организация допускает успешное взаимодействие сторон, в котором одна сторона компетентна (как носитель *знания*), но не влияет на принятие решения, другая сторона компетентна (как носитель *полномочий* в своей юрисдикции) и влияет на решение. Своеобразным решением этой коллизии можно посчитать внедрение практики проектного финансирования. В соответствии с Федеральным законом от 20.07.2020 N 236-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" введена дополнительная форма участия населения в осуществлении местного самоуправления – инициативные проекты. Проект представляет собой обоснованную идею (заявку), поданную на конкурс проектов инициативной группой граждан. Инициаторы заявляют проблему и способ ее решения; это знание отражает их локальный опыт и понимание специфики места и условий; оно воплощено в проекте как буквальное веберовское *Fachwissen*, и, в духе рациональности, должно бы совпадать с *юрисдикцией* подателей заявки, поскольку это *их* место жительства и работы. (В своей профессиональной деятельности участники заявок – работники и служащие, для которых их поселение и есть область профессиональной компетенции, а проекты – нередко изыскивают дополнительные средства и возможности для применения их знаний и умений). Однако процедура конкурса проектов предусматривает *разделение* компетентности и компетенции инициаторов проектов. Отбор заявок ведется на основании оценок реализуемости проекта, выносимых экспертами (которые также могут выступать участниками проектов) от других территорий. Поскольку от решения этих экспертов зависит перспектива реализации проекта *в другой*

[1] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie / Weber M. Besorgt von J. Winckelmann. Tübingen: Mohr, 1980. Pp.679-680; Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology / Weber M. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 1978. P.1007.

территории, последняя становится областью *их* компетенции (согласно определению Вебера). Но именно здесь-то эксперты не обладают *компетентностью* местных жителей.

Оценки формируют рейтинг заявок. В современной административной практике рейтинги считаются универсальным средством оценки качества (заявок, работ, проектов). Очевидно, что эта идеологема ложна, если фонд конкурса ограничен, а рейтинг используется для отсева низкорейтинговых заявок, а не только собственно оценки. В противном случае (если бы низкорейтинговые заявки тоже получали поддержку, но с замечанием по качеству подготовки заявки или заявленных решений), участники и эксперты имели бы большие возможности по повышению качества заявок, а также – проверке адекватности экспертных критериев и суждений. Низкорейтинговый проект может быть успешен и востребован, с ущербом для репутации эксперта (который, напомним, по нашему предположению хуже информирован о местных условиях реализации проекта, чем местные жители-участники заявки).

Отсев низкорейтинговых заявок может быть обоснован ограниченным фондом. Однако такое обоснование валидно только в рамках *проектного* подхода. При *бюджетном* финансировании «ограниченные фонды» равнозначно бюджетному дефициту, неспособности государства выполнить свои обязательства. Но в последнем случае обязательство признается и сохраняется, в первом – зависит от настойчивости граждан. Предположим, что проектные команды улучшают и повторно подают заявки, ранее отвергнутые; в этом случае (при общем среднем повышении уровня подготовки заявок) бюджетное ограничение не отменяется, поскольку оно вообще *не зависит от качества заявок*. Очевидно также, что низкое качество подготовки заявки неравнозначно невостребованности заявленных потребностей территории.

Полагаем, что в подобном манипулировании ответственностью государства можно усмотреть уклонение от исполнения общественно-востребованной функции. Но государство остается малоисследованным феноменом. Бюрократию критикуют за тенденцию к дисфункциональности[1] или авторитаризму[2]. Остается открытым вопрос о природе государственного аппарата: он – (I) инструмент в руках господствующих классов, (II) поле классовой борьбы, (III) автономен от господствующих классов, но служит задачам накопления капитала и сохранения классового господства, (IV)

[1] Merton R. K. Bureaucratic Structure and Personality / R. K. Merton // Social Forces. 1940. №18. P. 560-568. https://doi.org/10.2307/2570634

[2] Goodsell T. The case for bureaucracy: a public administration polemic / T. Goodsell T. 4th ed. Washington, D.C.: CQ Press, 2004. P. 12-13.

автономен и может действовать вразрез с интересами господствующих классов[1]. Типология эта нежизнеспособная. Исторически и логически это не типы, а *свойства* или (в историческом плане) *фазы* функционирования одного государства. Если даны несколько господствующих классов или групп, то любое действие государства будет потворствовать интересам одних групп в ущерб другим, либо соответствовать общим интересам, либо даже ущемлять их все – в зависимости от политической ситуации и необходимости. Общим всегда остается примат сохранения их господствующего положения (III).

Вебер описал рациональную бюрократию в контрасте с другими типами господства. Однако ее рациональность он сконструировал не из эмпирических свойств бюрократии, а из *отрицания* свойств патриархального и других исторических типов: на деле, ничего имманентно рационального нет в верховенстве правил, обезличенности, иерархичности или единоначалии[2]. Базис рациональности сводится к опоре на техническую компетенцию функционера и на ее совмещение (обязательное, по Веберу) с юридической компетенцией (юрисдикцией). В теории Вебера всегда присутствовала невидимая уязвимость: правила должны касаться назначений, командировочных или закупки канцелярских скрепок, но не перечисленных *основ* бюрократии. Но в нашем случае правило отменило последнюю надежную опору рациональности – компетенция должна совпадать с компетентностью, работу осилит умеющий.

Новое обязательное разделение области ответственности и области знания – не только теоретическая, но и практическая революция. При старой нормативной системе бюджетирования территория с определенной численность населения должна быть обеспечена определенным объемом общественных услуг и благ. При инициативном бюджетировании такое обеспечение ограничивается двумя условиями – активностью инициативных граждан и активностью конкурсных экспертов. Чтобы понять, зачем законодатель ввел эти ограничения в развитии территорий, следует ответить на вопрос: как изменилась роль *федерального* администратора? Теперь роль такого администратора смещается от *ответственности* за обеспечение территорий благами к лишь *администрированию процедуры* отбора проектов обеспечения, за которое отвечают участники и эксперты инициативных проектов. При этом администратор сохраняет свое право определения конкурсного фонда, от ресурсов которого зависит развитие территорий (независимо от успехов того или иного проекта). Декретированное правилом отделение *контроля* развития от *ответственности* за развитие фактически создает сословное преимущество:

[1] Evans P.B. On the Road toward a More Adequate Understanding of the State / P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol // Bringing the State Back In. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 350.
[2] Weber M. The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber; trans. A. M. Henderson and Talcott Parsons, ed. Talcott Parsons. New York: Oxford University Press, 1947. P. 329-340.

сохранение преимущественного положения федерального администратора более не зависит от его эффективности. Но сама бюрократия, вопреки Веберу, остается рациональной: самосохранение ее уже не зависит от внешних сил и обстоятельств. Рейган не изобретал телесуфлер и, возможно, даже не писал своей речи; но его успех не зависел ни от его компетентности, ни от компетенций аудитории, которой осталось только право на аплодисменты.

Список литературы

1. Evans P.B. On the Road toward a More Adequate Understanding of the State / P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol // Bringing the State Back In. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 347-366.
2. Goodsell T. The case for bureaucracy: a public administration polemic / T. Goodsell T. 4th ed. Washington, D.C.: CQ Press, 2004. 224 p.
3. Merton R. K. Bureaucratic Structure and Personality / R. K. Merton // Social Forces. 1940. №18. P. 560-568. https://doi.org/10.2307/2570634
4. Thatcher M. The Downing Street years / M. Thatcher. London: Harper Collins, 1993. 914 p.
5. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology / Weber M. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 1978. 1469 p.
6. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber; trans. A. M. Henderson and Talcott Parsons, ed. Talcott Parsons. New York: Oxford University Press, 1947. 436 p.
7. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie / Weber M. Besorgt von J. Winckelmann. Tübingen: Mohr, 1980. 945 p.

A.E. Kuznetsov

INITIATIVE PROJECTS AND BUREAUCRATIC REVOLUTION IN RUSSIA

Transition from budgetary to project-based funding of local authorities' expenses is interesting in two senses: (1) practically – as a case of implicit cutting of public services, (2) theoretically – as an instance of bureaucratic innovation challenging the Weberian vision of bureaucracy as rational organisation that necessarily combines technical competency and jurisdiction.

Keywords: bureaucracy, project-based funding, Max Weber.

УДК 316.334.56

А.С. Ларионова

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕРМЬ

Статья анализирует комфортность городской среды с позиции социологических концепций и современных методик оценки городского пространства. Приводится обзор оценки благоустроенных объектов в городе Перми, реализованных с начала 2018 года в рамках национального проекта.

Ключевые слова: город, городская среда, жители, городское пространство.

Комфортность городской среды является актуальной темой для жителей крупный городов России, а в последнее время и поселений. Рост урбанизации повышает требования граждан к качеству городской среды и оценке пространства, что напрямую влияет на качество жизни и конкурентоспособность городов. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 поставлена задача «кардинального повышения комфортности городской среды, повышения индекса качества городской среды на 30%».[1] Задача реализовывается с помощью федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». Несмотря на быстрое и постоянное усовершенствование городских пространств в современных Российских городах, оценка населения изменений городской среды с годами не меняется и держит не самый высокий уровень. В июне 2025 года ДОМ. РФ совместно с ВЦИОМ провели исследование[2] среди 824 респондентов по всей России, которое показало, что 61% жителей довольны благоустройством своего города, при этом в малых городах с численностью 100 тыс. уровень самый низкий (52%). Наблюдается тенденция возрастания запросов жителей относительно постоянного улучшения городского пространства, изменения его внешнего вида, разнообразия досуга, но при выражение своего мнения или идей у жителей отсутствует. Всего в городах России опыт участия в каких-либо мероприятиях (опросы, публичные слушания, участие в проектах) имеют лишь 41% населения. В крупных городах таких как Москва и Санкт-Петербург опыт участия есть у 28%, в малых городах (100–500 тыс. жителей) – 45%. На этом фоне власти города не всегда могут найти точные объекты для улучшений ко Дню города, выбора объектов для голосования или реализации инициативных проектов на конкурсной основе в рамках национального проекта «жилье и городская среда».

© Ларионова А.С., 2026

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

[2] Аналитический обзор Дом РФ совместно с ВЦИОМ «Оценка населением городской среды и мастер-планов во всех городах России», 2025 https://дом.рф/analytics/archive/?section=829

Для эффективных методов исследования города и городского пространства необходимо обратиться в теории отечественных и современных ученых. До 20 века город как объект углубленного и подробного исследования мало привлекал внимание социологов, но в начале 20 века учёные Чикагской школы начали активно изучать город. Один из основателей Чикагской школы Роберт Парк ввёл понятие «социальная среда» и рассматривал город с её точки зрения, где поведение людей в городском пространстве можно изучать в различных сложившихся ситуациях. Городская среда представляет собой свод правил, установок, привычек и мнений жителей, что в свою очередь формирует непосредственное отношение к городскому пространству и его оценку. Ещё один представитель Чикагской школы следующего поколения Луис Вирт в концепции «Урбанизм как образ жизни» выделяет высокую плотность и гетерогенность населения как факторы, влияющие на структуру взаимодействий в городе».[1] Эти понятия связаны с особенностями городской жизни, которые, по Вирту, проявляются из-за большой численности населения и разнородности индивидов.
В трактовке Кевина Линча город является постоянно развивающимся объектом, с восприятием человека городской среды, сложившееся из социально-экономических отношений и культурных традиций. Для Линча главное, как человек воспринимает городскую среду, и он провёл исследование, направленное на восприятие городского пространства. Исследование заключалось в зарисовке воображаемой прогулки по городу, будто описывающая город незнакомцу. В ходе анализа были замечены места, вызывающие общие ассоциации: места для культурных мероприятий, зеленые зоны, дорожные развязки, но полученные результаты отличались от реальности. Рисунки были искажены в масштабе, они были либо растянуты, либо сжаты. Изучая материалы исследования, проведенного в городах Линч[2], выделил пять элементов образа, с помощью которых можно дать полное описание любого города: пути, границы, районы, узлы, ориентиры. Кевин Линч разработал теорию когнитивного восприятия городской среды и концепцию ментальных карт. Его работа «Образ города» сыграла ключевую роль в понимании структуры города, городской среды и взаимодействия между городом и человеком.

В начале 1980-х городов в США возникло направление – новый урбанизм, под которым подразумевается комфортная среда проживания, с жилыми комплексами, современными сооружениями, местами отдыха на открытом воздухе, планированием города в целом. Новый урбанизм помогает

[1] Николаева В. Г. 97. 03. 024. Вирп Л. Урбанизм как образ жизни. Wirth L. urbanism as a way of life // Amer. J. of socioligy. - Chicago, 1938. -Vol. 44,n 1. -p. 1-24 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 1997. №3.
[2] Ковалева Т.Н. Основные концептуальные подходы к исследованию городского пространства // Вестник КРУ МВД России. 2014. №1 (23)

архитекторам, дизайнерам и проектировщикам создать нечто новое, удобное для горожан. Например, разработка функциональных зон, планирование территории или пешеходных дорожек. Данные разработки могут применяться как к отдельным улицам или районам, так и всему городу в целом. Основными идеями нового урбанизма являются: отказ от природного стиля жизни, социально значимые объекты должны находиться в пешей доступности от жилья, отказ от автомобиля, передвижение на велосипеде или пешком, застройка малой и средней этажности. Во второй половине 20 века всё чаще стали интересоваться не только функциональной частью городского пространства, но и комфортность для жителей города. Джейн Джекобс был приверженец того, что городское планирование необходимо реализовывать, не забывая о мнении жителей города. В дальнейшем, данного типа установка зафиксировалась и получила развитие в становлении практик соучаствующего проектирования, с методом проектирования городских пространств с максимальным вовлечением городских сообществ во обсуждение проектов.

На основе теоретических знаний и актуальности исследования городского пространства, проводился опрос среди жителей г. Перми, направленный на оценку качества городской среды и участия жителей в её управлении, которые основывался на объектах города таких как: эспланада, набережная, особо охраняемая территории «Черняевский лес», Экологический парк «Егошихинская долина» и другие значимые объекты города Пермь. В 2018–2019 годах была проведена реконструкция «Эспланады». Основными видами работ были: устройство светомузыкального фонтана, устройство амфитеатра, двух кафе, устройство покрытия площади и дорожно-тропиночной сети, озеленение территории, установка МАФ (урны, скамьи, качели), освещение, общий бюджет составил 484,9 млн рублей. В 2019–2021 годах реконструировали набережную с помощью обустройства беговой дорожки, освещения, спортивной площадки, озеленения территории, установки малых архитектурных форм, скамеек, урн, дорожно-тропиночной сети, из местного бюджета выделялось 351,4 тысяч. В 2021 году благоустроили Бульвар им. Советской Армии, обустроили освещения, озеленили территорию и уложили тротуарную плитку. В 2022 году благоустроили сквер на ул. Макаренко с бюджетом 9,1 млн. Сквер преобразился с помощью обустройства освещения, озеленения территории, укладки тротуарной плитки, установки малых архитектурных форм, ограждений, арт-объектов, асфальтобетонных покрытий дорожек и тротуаров. В 2023 году усовершенствовали Черняевский лес с помощью обустройства детской площадки, освещения, спортивной площадки, установки малых архитектурных форм, дорожно-тропиночной сети, навигации.

Выбор данных объектов обусловлен результатами всероссийского голосования жителями города за объект, который в дальнейшем будет реконструироваться и приобретать новый, более современный облик. Одной из целью исследования было определение ключевых критериев оценки городских объектов и их показатели. В исследовании принимали участие 109 респондентов, которые высоко оценивают эспланаду и набережную города, как одни из основных и главных достопримечательностей города. Другие объекты, которые оценивались по 5-ти бальной шкале (1- очень плохо, 2-плохо, 3-удовлетворительно, 4- хорошо, 5-отлично) на основе 6-ти критериев (безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, современность и актуальность среды, эффективность управления), также получили достаточно хорошие оценки (см. рис.1) (4–5), либо объект не был оценён по причины отсутствия знания о нем. Фактически оценка делилась на 2 категории: высокая и отсутствие знаний о данном объекте.

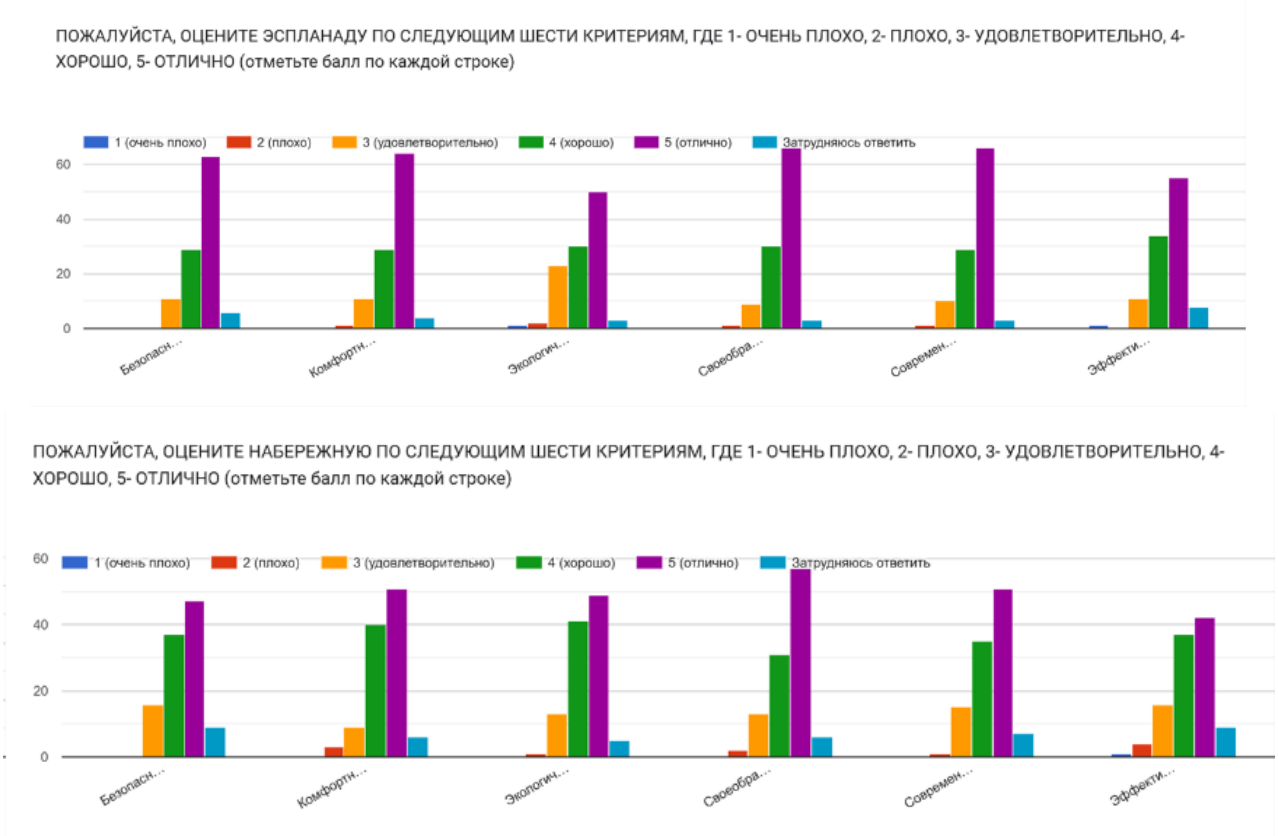

Рис. 1. Оценка городских объектов (%)

Говоря о степени участия граждан, что также анализировалась в ходе исследования видно, как жители города не проявляют свою гражданскую позицию. Участие жителей ограничивается опросов на гос. услугах, а другими формами участия в проявлении своей позиции больше половины (65%) не пользуются. (см. рис. 2)

Рис. 2 Участие граждан в проектах
по улучшению городского пространства (%)

Таким образом комфортная городская среда, состоит из множества составляющих, каждая из которых вносить свой индивидуальный и важный вклад в формировании городской среды. Каждый современный город стремится улучшить показатели качества городской среды, повышения комфортности жизни в городе.

Список литературы

1. Аналитический обзор Дом РФ совместно с ВЦИОМ «Оценка населением городской среды и мастер-планов во всех городах России», 2025 https://дом.рф/analytics/archive/?section=829;

2. Ковалева Т. Н. Основные концептуальные подходы к исследованию городского пространства // Вестник КРУ МВД России. 2014. №1 (23);

3. Николаева В. Г. 97. 03. 024. Вирп Л. Урбанизм как образ жизни. Wirth L. urbanism as a way of life // Amer. J. of socioligy. - Chicago, 1938. -Vol. 44,n 1. - p. 1-24 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 1997. №3;

4. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

A.S. Larionova

QUALITY ASSESSMENT OF URBAN ENVIRONMENT ON THE EXAMPLE OF PERM CITY

The article examines the comfort of the urban environment from the perspective of sociological thought and modern methods of assessing urban space. An analysis of the assessment of facilities in Perm that have been landscaped since early 2018 as part of the national project is presented.

Keywords: city, urban environment, residents, urban space.

УДК 316.2

К.К. Матвеева

ИЗМЕРЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ДЖ. КОУЛМАНА

В статье рассматривается актуальность изучения виртуального социального капитала в условиях растущей цифровизации и миграции коммуникаций в онлайн-пространство. В статье анализируются ключевые компоненты социального капитала по Коулману — доверие, ожидания, нормы и санкции — с учетом особенностей онлайн-среды, таких как «экономика лайков», виртуальные сообщества и культура отмены. Отмечаются трудности измерения ВСК из-за изменчивости цифровой среды и возможного искажения данных пользователей. Работа подчеркивает необходимость постоянного обновления методик измерения виртуального социального капитала в условиях его динамичного развития.

Ключевые слова: виртуальный социальный капитал, цифровизация, Дж. Коулман, нормы, доверие, санкции.

Актуальность выбранной темы обусловлена активным перемещением индивидов в онлайн-пространство, что влечет за собой рост онлайн-коммуникации и образованию новых коммуникативных практик[1]. По данным ВЦИОМ за 2023 год 74% россиян ежедневно выходят в глобальную сеть Интернет. Среди них доля тех, кто проводит в Интернете более четырех часов в день составила 35%[2]. Цифровизация и активное внедрение интернет-технологий трансформируют социальные структуры и отношения, формируя совершенно новые модели взаимодействия[3]. Из-за чего возникает необходимость изучения такого феномена как виртуальный социальный капитал, который существует в условиях онлайн-пространства[4]. Виртуальный социальный капитал (далее ВСК) – это совокупность ресурсов, создаваемых и накапливаемых через цифровые инструменты и интернет-коммуникацию[5]. ВСК не заменяет оффлайн коммуникацию, а дополняет её, открывая новые возможности для индивидов[6].

© Матвеева К.К., 2026

[1] Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики. / Сергодеев В. А. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2013. — № 1 (113).

[2] ВЦИОМ «Цифровой детокс — 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него» (14.05.2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». [Электронный ресурс] https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego

[3] Смирнова Н.С. Информационные технологии как фактор общественных изменений [Текст] / Смирнова Н.С. // Социальные явления. — 2012. — № 1. — С. 139-143.

[4] Чураков, А. Н. «Информационное общество» и эмпирическая социология / А. Н. Чураков // Социс. – 1998. – № 1.

[5] Поддячая Е. А. Виртуальный социальный капитал молодых ученых [Текст] / Поддячая Е. А. // Дискурс. — 2023. — № 1. — С. 69-83.

[6] Чебунина О. А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи [Текст] / Чебунина О. А. // Гуманитарий Юга России. — 2019. — № 1. — С. 229-241.

Несмотря на распространенность явления, инструменты для его измерения остаются недостаточно разработанными, что и определяет цель данной работы.

Цель – попытка адаптировать теоретическую модель Дж. Коулмана для измерения виртуального социального капитала и оценить возможные методологические проблемы, связанные с этим.

Дж. Коулман в своей работе[1] рассматривал социальный капитал как совокупность ресурсов, которые способны формироваться внутри социальной структуры и облегчают совместное взаимодействие индивидов. Среди ключевых элементов социального капитала исследователь выделял взаимное доверие, наличие ожиданий и обязательств, действующие нормы и санкции. Данные компоненты были рассмотрены с учетом специфики цифровой среды.

Доверие в виртуальном пространстве рассматривает К. Фоше в контексте «экономики лайков». Доверие в онлайн-среде становится видимыми маркерами одобрения – лайки, репосты, подписки, количество друзей и просмотры. Такие маркеры часто становятся «социальным доказательством» и могут напрямую указывать на восприятие авторитетности и легитимности источника. Однако, как отмечает автор, из-за того, что такой механизм доверия строится на легко подделываемых числах, то зачастую онлайн-платформы основаны не на глубоком межличностным опыте[2]. Для того, чтобы операционализировать доверие в цифровой среде, можно обратиться к шкале Лайкерта с оценкой доверия к конкретным социальным маркерам[3]. Для межличностного доверия можно использовать такие индикаторы: «Насколько Вы согласны, что людям в интернете можно доверять?», «Как бы Вы оценили свой уровень доверия к людям в онлайн-среде?» или «Можете ли Вы положиться на людей, которых знаете только онлайн?».

Наличие ожиданий и обязательств стоит рассматривать со стороны виртуальных сообществ. На основе работы А.А. Пылаевой[4] можно сделать вывод, что ожидания формируются на основе групповых стандартов, а также от социального взаимодействия. В студенческих онлайн-группах стоит ожидать обмен знаниями, навыками, учебными материалами. В то время как обязательства участников проявляются в виде принятия и следования установленным правилам и ролевым ожиданиям группы. Важно отметить, что

---

[1] *Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. — 1988.* — Vol. 94, Suppl.: Sociological Theory. — P. S95–S120.

[2] Faucher K.X. Social Capital Online: Alienation and Accumulation. – London: University of Westminster Press, 2018. – 194 p.

[3] Тункевичус Э. О., Ребязина В. А. Многомерная модель формирования цифрового доверия пользователей цифровых сервисов: результаты эмпирического исследования [Текст] / Тункевичус Э. О., Ребязина В. А. // Вестник Московского университета. — 2023. — № 58(4). — С. 165-200.

[4] Пылаев А. А. Восприятие виртуального сообщества в качестве группового субъекта его членами. [Текст] / Пылаев А. А. // Общество: социология, психология, педагогика. — 2020. — № 5.

взаимодействия всех участников может быть опосредовано только виртуальным пространством, не обязательно сопровождающееся оффлайн встречами группы. В качестве индикаторов для измерения можно использовать следующие высказывания: «Я активно принимаю участие в распространении информации благотворительных организаций, фондов, поисковых групп и других просьбах о помощи.», «Я рассчитываю на то, что мои сообщения о помощи будут замечены и получат отклик.»

Нормы в цифровом обществе, по мнению Штейнберг И. Е., выступают как элементы культуры сетевого общения, которые формируются под влиянием технических особенностей виртуального пространства. Нормы характеризуются гибкостью, сетевой этикой и взаимным доверием[1]. Возможные индикаторы по шкале Лайкерта: «Я считаю, что все люди в онлайн-пространстве должны придерживаться установленных правил общения и взаимодействия.», «Я считаю, что общение (поведение) в Интернет должно регулироваться на законодательном уровне.»

Один из современных феноменов, относящихся к санкциям – культура отмены. В своей статье Д. Г. Кожоридзе и Г. Г. Кожоридзе рассматривают культуру отмены как механизм морализаторского контроля и стигматизации. Пользователи, как участники онлайн сети, подвергаются формальному и неформальному общественному осуждению, которое может быстро перерасти в инструмент социального давления. В статье авторы рассматривают конкретный кейс Харви Вайнштейна, который подвергся «отмене» посредством резонанса вскрывшейся истории с домогательствами и движению «#МеТоо». Пользователи виртуальных социальных сетей напрямую повлияли на репутацию кинопродюсера, разрушив его карьеру[2]. Важно отметить, что данным феноменом могут злоупотреблять в онлайн-сообществах и «отменять» индивидов (чаще всего это медийные личности) или заставлять принимать другую точку зрения, угодную, для аудитории или общества в целом[3].

Важно отметить, что измерение ВСК сталкивается с рядом проблем. Как отмечают Шульц В. Л., Гребенюк И. С. и Ашманов И. С., сложность измерения

[1] Штейнберг И. Е. «Живые» и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий [Текст] / Штейнберг И. Е. // Социологический журнал. — 2009. — № 4. — С. 86-103.

[2] Кожоридзе Д. Г., Кожоридзе Г. Г. Культура отмены в контексте традиционных и современных социологических концепций: кейс Харви Вайнштейна [Текст] / Кожоридзе Д. Г., Кожоридзе Г. Г. // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 4. — С. 170-176.

[3] Ребенко, Е. П., Дьякова, В. В., Каргаполова, Е. В., Давыдова, Ю. А. Кансел-культура как социальный феномен современного общества (на примере студенческой молодежи регионов России) [Текст] / Е. П. Ребенко, В. В. Дьякова, Е. В. Каргаполова, Ю. А. Давыдова // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2022. — № 17-3. — С. 494-496.

ВСК в первую очередь заключается в разрозненном поведении человека[1]. Профиль индивида (аккаунт) может отражать желаемую идентичность, которая не всегда совпадает с реальной. Многие данные могут быть скрыты пользователем намеренно или искажены. Из возможных методов, авторы статьи предлагают анализ окружения пользователя – подписки, друзья, подписчики и другая активность. Также нельзя не отметить, что из-за стремительного развития интернет-пространства методики быстро устаревают, что обуславливает необходимость постоянного обновления подходов к измерению ВСК[2].

Подводя итог вышесказанного, можно сделать вывод. ВСК представляет собой сложный феномен, формирующийся в условиях цифровой среды. Теоретическая модель Дж. Коулмана имеет потенциал для анализа социального капитала в виртуальной среде. Однако, среди проблем измерения ВСК можно выделить быстрое развитие и изменение цифровой среды из-за чего новые методы измерения быстро теряют свою релевантность, а также проблема с искаженными данными о пользователях и высокой анонимностью[3] в онлайн-пространстве.

Список литературы

1. ВЦИОМ «Цифровой детокс — 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него» (14.05.2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». [Электронный ресурс] https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego

2. Гатина Е. Е., Пономарев Е. А. Информационно-коммуникативные риски виртуального пространства / Е. Е. Гатина, Е. А. Пономарев // Форум молодёжной науки. — 2021. — № 5. — С. 12-16.

3. Кожоридзе Д. Г., Кожоридзе Г. Г. Культура отмены в контексте традиционных и современных социологических концепций: кейс Харви Вайнштейна [Текст] / Кожоридзе Д. Г., Кожоридзе Г. Г. // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 4. — С. 170-176.

4. Поддячая Е. А. Актуализация проблемы виртуального социального капитала: метаанализ публикаций [Текст] / Поддячая Е. А. // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 491. — С. 74-81.

[1] Шульц В. Л., Гребенюк И. С., Ашманов И. С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии [Текст] / Шульц В. Л., Гребенюк И. С., Ашманов И. С. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2022. — № 1. — С. 126-144.

[2] Поддячая Е. А. Актуализация проблемы виртуального социального капитала: метаанализ публикаций [Текст] / Поддячая Е. А. // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 491. — С. 74-81.

[3] Гатина Е. Е., Пономарев Е. А. Информационно-коммуникативные риски виртуального пространства / Е. Е. Гатина, Е. А. Пономарев // Форум молодёжной науки. — 2021. — № 5. — С. 12-16.

5. Поддячая Е. А. Виртуальный социальный капитал молодых ученых [Текст] / Поддячая Е. А. // Дискурс. — 2023. — № 1. — С. 69-83.

6. Пылаев А. А. Восприятие виртуального сообщества в качестве группового субъекта его членами. [Текст] / Пылаев А. А. // Общество: социология, психология, педагогика. — 2020. — № 5.

7. Ребенк, Е. П., Дьяков, В. В., Каргаполов, Е. В., Давыдов, Ю. А. Кансел-культура как социальный феномен современного общества (на примере студенческой молодежи регионов России) [Текст] / Е. П. Ребенко, В. В. Дьякова, Е. В. Каргаполова, Ю. А. Давыдова // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2022. — № 17-3. — С. 494-496.

8. Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики. / Сергодеев В. А. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2013. — № 1 (113).

9. Смирнова Н. С. Информационные технологии как фактор общественных изменений [Текст] / Смирнова Н.С. // Социальные явления. — 2012. — № 1. — С. 139-143.

10. Тункевичус Э. О., Ребязина В. А. Многомерная модель формирования цифрового доверия пользователей цифровых сервисов: результаты эмпирического исследования [Текст] / Тункевичус Э. О., Ребязина В. А. // Вестник Московского университета. — 2023. — № 58(4). — С. 165-200.

11. Чебунина О. А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи [Текст] / Чебунина О. А. // Гуманитарий Юга России. — 2019. — № 1. — С. 229-241.

12. Чураков А. Н. «Информационное общество» и эмпирическая социология / А. Н. Чураков // Социс. – 1998. – № 1.

13. Штейнберг И. Е. «Живые» и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий [Текст] / Штейнберг И. Е. // Социологический журнал. — 2009. — № 4. — С. 86-103.

14. Шульц В. Л., Гребенюк И. С., Ашманов И. С. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии [Текст] / Шульц В. Л., Гребенюк И. С., Ашманов И. С. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2022. — № 1. — С. 126-144.

15. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. — 1988. — Vol. 94, Suppl.: Sociological Theory. — P. S95–S120.

16. Faucher K.X. Social Capital Online: Alienation and Accumulation. – London: University of Westminster Press, 2018. – 194 p.

K.K. Matveeva

MEASURING VIRTUAL SOCIAL CAPITAL THROUGH THE LENS OF J. COLEMAN'S THEORY

This article examines the relevance of studying virtual social capital in the context of increasing digitalization and the migration of communications to the online space. It analyzes Coleman's key components of social capital—trust, expectations, norms, and sanctions—taking into account the specifics of the online environment, such as the "like economy," virtual communities, and cancel culture. The difficulties of measuring VSC are highlighted due to the volatility of the digital environment and the potential for user data distortion. This work emphasizes the need for continually updating methods for measuring virtual social capital in the context of its dynamic development.

Keywords: virtual social capital, digitalization, J. Coleman, norms, trust, sanctions.

УДК 316.2

Д.Д. Маюк

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕННЫЙ МИР» В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

В данной статье проводится сравнительный анализ трактовки понятия «жизненный мир» в классических и современных социологических теориях. Рассматриваются концепции зарубежных основоположников (Э. Гуссерль, А. Шюц, Ю. Хабермас, Г. Гарфинкель) и их развитие в трудах отечественных исследователей (В.И. Ильин, И.Б. Пржиленская, Е.В. Василюк). Цель работы – выявить общее и особенное в понимании этого ключевого для феноменологической социологии понятия в разных научных традициях. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью понимания фундаментальных основ социальной реальности, которые часто скрыты за сложными социальными структурами и индивидуальным опытом. Цель данной работы можно определить, как попытку найти сходства и различия в подходах к определению «жизненного мира» среди классических зарубежных и отечественных авторов.

Ключевые слова: жизненный мир, повседневность, феноменология

Понятие «жизненный мир» остается одним из центральных понятий в феноменологической социологии и социологии повседневности. Подходы к его определению сильно разнятся, но можно сказать, что оно означает мир непосредственного человеческого опыта. Родоначальником понятия «жизненный мир» считается немецкий философ Эдмунд Гуссерль. В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»[1] он вводит этот термин для обозначения «донаучного» мира непосредственного опыта, который является фундаментом для всех последующих научных конструкций. Для Гуссерля жизненный мир – это мир, данный человеку до всякой теории, мир, в котором человек живёт, действует и который человек воспринимает как само собой разумеющийся.

Австрийский и американский социолог Альфред Шюц перенес идеи Гуссерля в поле социологии. Он детально разработал структуру жизненного мира, описав его как интерсубъективный мир, состоящий из типизаций и рецептов. По Шюцу, люди действуют в жизненном мире, опираясь на «запас знаний», который воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Именно Шюц заложил основы социологического понимания повседневности как объекта исследования. Конструирование интерсубъективного мира имеет решающее значение в феноменологической социологии А. Шюца. Оно позволяет раскрыть сущность сознания и взаимную связь людей как существ жизненного мира.

© Маюк Д.Д., 2026

[1] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. Спб., 2004. С. 166-169.

Идеи феноменологической социологии А. Щюца в последствии были развиты американским социологом Гарольдом Гарфинкелем в его работе «Исследования по этнометодологии»[1]. В понимании Г. Гарфинкеля этнометодология предлагает приемы, с помощью которых возможно раскрытие структур повседневности, и таким образом дает возможность анализировать практическую деятельность людей. Для него жизненный мир – это сцена, где люди в процессе взаимодействия постоянно конструируют и поддерживают социальный порядок с помощью «этнометодов» – практических навыков и приемов, позволяющих понимать друг друга.

С позиции социальной теории Ю. Хабермаса, жизненный мир выступает в качестве интегрирующего фактора объективного, социального и субъективного измерений реальности[2]. Он одновременно выступает и условием, и результатом коммуникативного действия. Он также противопоставил его «системе» – подсистемам экономики и государства, которые функционируют по безличным законам. По Хабермасу, современная социальная патология заключается в том, что «система» «колонизирует» жизненный мир, подчиняя его своей логике, что ведет к утрате смысла и свободы.

В отечественной социологии понятие «жизненный мир» не получило столь же детализированной автономной теоретической проработки, как на Западе, но активно использовалось и адаптировалось для анализа конкретных социальных процессов в конкретных исследованиях.

Среди отечественных ученых, описание жизненного мира одним из первых осуществил А.Н. Большаков. В своей монографии о крестьянах[3] во времена первого десятилетия советской власти он отразил всю широкую многосторонность их жизни: от исторического описания возникновения сел в Тверской губернии, социально-экономических преобразований в них и социально-политических изменений до описания специфических черт народной культуры.

В.И. Ильин обращается к понятию «жизненный мир» в связи с предлагаемыми им методологией и методикой качественного полевого исследования[4]. Жизненный мир информантов оказывается, с одной стороны, предметом научного интереса социального исследователя, с другой — значимым фактором, влияющим на исследовательскую ситуацию. Жизненный мир, в рамках его подхода, структурируется по критерию релевантности на две

[1] Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии – СПБ.: Питер 2007, С. 47-55.
[2] Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4, С. 143-146.
[3] Большаков А. М. ДЕРЕВНЯ 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1927, С. 14-36.
[4] Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006, С. 181-189.

основные зоны: зона важных интересов и зона любопытного. Анализ структуры жизненного мира респондента позволяет исследовать различные измерения получаемой социологической информации.

Предметом исследования И.Б. Пржиленсокой[1] стала эволюция жизненного мира россиян в условиях современного общества. В её работе жизненный мир рассматривается как смысловая основа культурной и духовной жизни. Она делает акцент на том, что жизненный мир – это не просто среда, а «смысловая реальность», уникальная для каждого человека и в то же время разделяемая с другими. Она подчёркивает его нарративную природу: мы осмысливаем свою жизнь через истории, которые рассказываем себе и другим.

Ф.Е. Василюк в работе «Психология переживания»[2] разработал типологию жизненного мира, согласно которой, потребности и возможности их реализации являются основными характеристиками жизненного мира. Мир является «простым», если у субъекта имеется одна потребность, и «сложным», когда потребностей несколько и они вступают в противостояние. По двум критериям: наличие потребностей и степень возможности их удовлетворения строится типология с выделением четырех идеальных типов. Теоретическая значимость данной типологии заключается в возможности классификации критических ситуаций, в которых оказываются индивиды.

Концепция Д.А. Леонтьева в большей степени выходит на социологическую проблематику. С опорой на идеи Ф.Е. Василюка, он предлагает еще одну типологию жизненного мира, построенную по двум критериям: структура времени и соотношение индивида и общества. Эти критерии позволяют выделить три контрастных типа: традиционалистский, гедонистический, прогрессисткий. На фоне сложного взаимодействия этих трех типов разворачивается социальная история.

Если подводить некий итог, можно выделить следующие точки расхождения в подходах:

Фокус анализа. Зарубежные классики (Шюц, Гарфинкель, Хабермас) делают упор на интерсубъективность и социальные механизмы конструирования жизненного мира. Для них это, прежде всего, общий, разделяемый мир. Отечественные авторы чаще обращаются к индивидуальному измерению и тому, как жизненный мир переживается, осмысливается и выстраивается конкретной личностью.

Основная проблематика. В западной традиции центральной является проблема внешних угроз жизненному миру (колонизация со стороны системы у

[1] Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиски современности. Ставрополь, 2007 277 с.
[2] Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984, С. 78-93.

Хабермаса) или исследование методов его поддержания (у Гарфинкеля). В российской – больше внимания уделяется внутренним кризисам и поиску смысла в условиях социальной нестабильности (Ильин, Василюк, Леонтьев).

Методология. Зарубежная традиция более строга и ориентирована на структурный анализ. Отечественная – более эклектична, сочетая социологические подходы с психологическими и философскими.

В заключение можно сказать, что понятие «жизненный мир» служит важным мостом между индивидуальным и социальным. Западная социология, пройдя путь от Гуссерля до современных исследователей, разработала мощный инструмент для анализа структуры повседневности. Отечественные исследователи, в свою очередь, обогатили это понятие, углубившись в его содержание, что особенно актуально для понимания социальных процессов в современной России.

Список литературы

1. Большаков А. М. ДЕРЕВНЯ 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1927, С. 14-36.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984, С. 78-93.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии – СПБ.: Питер 2007, С. 47-55.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. Спб., 2004. С. 166-169.
5. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006, С. 181-189.
6. Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиски современности. Ставрополь, 2007 277 с.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4, С. 143-146.

D.D. Mayuk

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "LIFE WORLD" IN THE WORKS OF FOREIGN AND DOMESTIC AUTHORS.

This article provides a comparative analysis of the interpretation of the concept of "life world" in classical and contemporary sociological theories. It examines the concepts of foreign founders (E. Husserl, A. Schutz, J. Habermas, G. Garfinkel) and their development in the works of domestic researchers (V.I. Ilyin, E.A. Przhilenskaya, E.V. Vasilyuk). The aim of the work is to identify the common and specific features in the understanding of this key concept for phenomenological sociology in different scientific traditions. The relevance of this topic is due to the need to understand the fundamental foundations of social reality, which are often hidden behind complex social structures and individual experience. The aim of this work can be defined as an attempt to find similarities and differences in approaches to defining the "lifeworld" among classical foreign and domestic authors.

Keywords: lifeworld, everyday life

УДК 316.624

Т.А. Никитина, А.В. Безруков

«ПОЗИТИВНАЯ» ДЕВИАЦИЯ: ТЕОРИИ, КРИТЕРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются базовые концепции (А. Коэн, Р. Мертон, Г. Беккер) социальных девиаций в социологии. Анализируется научная дискуссия о состоятельности категории «позитивная» девиация (Д. Додж, Н. Бен-Йехуда, А. Хеккерт и Д. Хеккерт, Э. Гуд и др.). На основе проведённого анализа предпринимается попытка интеграции «позитивной» и «негативной» социальной девиации. В результате этого выделяются критерии разграничения «позитивных» и «негативных» форм социальных девиаций. В заключении обозначаются перспективы и направления эмпирического исследования «позитивных» девиаций в современном обществе.

Ключевые слова: социальная девиация, «позитивная» девиация, «негативная» девиация, норма, санкции.

Большинство исследований социальных девиаций сосредоточено на проявлениях негативных форм отклоняющегося поведения. Как результат, большинство теоретических концепций в данной области научного знания применимы к объяснению социальных девиаций в негативных формах их проявления. Позитивные формы отклоняющегося поведения изучены в гораздо меньшей степени. В результате, среди всего объёма публикаций, посвящённых социальным отклонениям, сама идея позитивной девиации отодвигается на второй план. Некоторые исследователи и авторы вовсе отвергают эту концепцию. Например, американский профессор социологии Э. Сагарин назвал понятие позитивной девиации оксюмороном[1].

Определение девиации проблематично из-за сложности измерения абстрактных норм без учёта контекста и групповых реакций, что, в свою очередь, может привести и к ошибочной стигматизации индивидов. Американский социолог и криминолог А. Коэн определяет девиацию как поведение, которое нарушает нормативные правила[2]. Девиация происходит, когда кто-то нарушает нормы социальной группы, а девиант является нарушителем нормы. А. Коэн предпринял попытку объединить различные подходы к определению девиации и предложил общую теорию субкультур[3]. Она обращает внимание на тот факт, что преступники, по их мнению, вообще не совершают преступных действий. Как члены субкультур, они подчиняются различным поведенческим требованиям,

© Никитина Т.А., Безруков А.В., 2026

[1] Sagarin, E. Reading 4: Positive Deviance an Oxymoron. In C. D. Bryant, Deviant Behaviour: Readings In The Sociology Of Norm Violations, 1990. P.98-111

[2] Cohen A.K. Deviance and Control. Englewood Cliffs, NJ: The Free Press, 1966. P.12

[3] Cohen A.K. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. New York: Free Press, 1955. 196 p

основанным на внутригрупповых, но отличающихся от общепринятых в обществе, ценностях и нормах. Проявляемое и демонстрируемое остальным участникам поведение является конформным поведением в рамках (внутри) данной субкультуры, следовательно, и для девианта. Вывод из данной теории состоит в фиксации на свойстве относительности социальной девиации. Данное свойство означает, что действия, которые считаются девиантными или преступными для одного и того же человека, могут быть нормальными и конформными для другого, возможно, даже абсолютно необходимыми, поскольку они предписываются ценностями и нормами той культуры, которой он принадлежит или которой стремится подражать.

Тем не менее, сама по себе дифференциация моделей поведения не обязательно свидетельствует о различии ценностных ориентаций. Такие ценности, как материальное благополучие, здоровье, успех и статус, могут быть общими как для доминирующей культуры, так и для различных субкультур. Ключевое различие заключается не в ценностях (целях), а в стратегиях их достижения. На это обращает внимание американский социолог Р. Мертон. В приписываемой ему аномической концепции девиации любое общество характеризуется двумя основными элементами: культурно предписанными ценностями (целями) и **институционально одобряемыми средствами** их достижения. В контексте американского общества доминирующим целевым ориентиром является цель достижения «успеха», символами которого являлись богатство и материальное благополучие. Эта цель преподносится как универсальная и желательная для всех: «система культурных ценностей восхваляет, практически превыше всего, определённые общие символы успеха для населения в целом»[1].

Однако доступ к легитимным, институционально одобренным средствам для достижения этих целей, таких как качественное образование, карьерный рост в престижных сферах, связи, стартовый капитал, распределён в обществе неравномерно. Именно в разрыве между универсальными для всех целями и неравным доступом к законным средствам их достижения и рождается многообразие субкультурных стратегий их достижения: «Технически наиболее целесообразная процедура, законная или нет, предпочтительнее институционально предписанного поведения»[2]. Яркой иллюстрацией этого процесса является пример, который приводит Мертон, ссылаясь на исследование Д. Лохмана[3]: «специализированные области порока на ближайшей северной

[1] Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review, Vol. 3, No. 5. (Oct., 1938). P.680
[2] Там же С 674.
[3] Lohman J. D. The Participant Observer in Community Studies // Amer. Sociol. Rev., Vol. 2, No. 6. (Dec., 1937). P.890-897

стороне Чикаго представляют собой "нормальную" реакцию на ситуацию, когда культурный акцент на денежном успехе был усвоен, но где существует мало доступа к обычным и законным средствам для достижения такого успеха»[1]. Таким образом, преступная субкультура не отрицает общепринятую цель – материальный успех. Напротив, она полностью её разделяет. Но она вырабатывает собственную, альтернативную систему средств для её достижения, которая с точки зрения доминирующей культуры является девиантной, а с точки зрения самой субкультуры — рациональной и эффективной.

Типология девиаций американского социолога Г. Беккера подразумевает навешивание ярлыков на индивида, т.е. признание его действий девиантными со стороны влиятельных социальных групп. Социальные группы определяют отклонение, создавая правила, нарушение которых предполагает девиацию. Следовательно, девиация не является внутренним свойством поведения, а возникает как результат социального определения. Социальные группы конструируют её, устанавливая нормы и правила, а затем наделяют определённых людей ярлыком аутсайдеров, если их действия не соответствует правилам. Девиант — это тот, к кому этот ярлык был успешно применен, а девиантное поведение — это поведение, которое люди так обозначают[2]. С этой точки зрения девиация – не неотъемлемое качество действия, которое совершает человек, а, скорее, она заключается в социальном взаимодействии одной группы, имеющей способность называть другую группу аутсайдером и обладающей достаточной социальной властью и социальным капиталом, чтобы обеспечить соблюдение этого различия. В этом и заключается проблема теории Беккера: стигматизация не является универсальной, а девиация зависит от социального статуса индивида.

Представленные тезисы рассмотренных теорий универсальны для социальных девиаций в принципе. Однако чаще всего они используются, как и изначально создавались их авторами, применительно к негативным формам отклоняющегося поведения. Тем не менее, в социологической литературе можно встретить редкие попытки изучения и объяснения позитивных девиаций. Согласно Д. Доджу, «теоретики девиаций слишком долго игнорировали позитивный аспект девиации в историческом развитии социологии девиации»[3]. Поэтому концепция позитивного девиантного поведения является относительно новой и, следовательно, менее обоснованной с теоретической точки зрения.

[1] Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review, Vol. 3, No. 5. (Oct., 1938). P.678
[2] Becker H.S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. Free Press, 1963. 98 p.
[3] Dodge, D. L. Reading 3: The Over-Negativized Conceptualization of Deviance: A Programmatic Exploration. In C. D. Bryant, Deviant Behaviour: Readings In The Sociology Of Norm Violations, 1990. P.94

Додж заявил, что исключение позитивного аспекта девиаций из её определения привело к исключению позитивной девиации как важной части исследования девиаций в целом. Более того, он отметил, что идеальным решением было бы объединить оба типа девиаций в рамках одной теории, а не разделять теории позитивной и негативной девиации. Он предположил, что «для того, чтобы создать адекватную, эмпирически обоснованную теорию девиаций, необходимо учитывать весь масштаб социальной девиации, поскольку исследуемым социальным явлением является социальная девиация, а не просто изучение её негативных и позитивных аспектов»[1]. Однако Додж отметил, что до сих пор не существует определения девиации, охватывающего как позитивную, так и негативную девиацию без нарушения критериев, по которым девиация первоначально определялась.

Предположение Доджа столкнулось с критикой Э. Сагарина: «концепция "позитивной девиации" является и должна оставаться противоречивой фразой, поскольку она скорее запутает, чем прояснит ситуацию, сведёт в одну группу два конца континуума, не имеющих ничего общего, за исключением того, что они не встречаются посередине, и лишит социальных аналитиков возможности определить, почему и с какими последствиями люди отходят от нормы таким образом, что это влечет за собой ужасные последствия, а также, почему более конформная публика враждебно реагирует на некоторые формы поведения»[2].
Сторонником принятия термина «позитивная девиация» и использования его в социологическом подходе был также Н. Бен-Йехуда. В своей статье он подчеркнул, что как позитивная, так и негативная девиация важны для понимания общественных изменений и стабильности. Он утверждал, что девиация — относительное понятие, поскольку культура и ценности влияют на маркировку девиантов. Следовательно, «девиация не является объективной, вечно истинной сущностью. Девиация — продукт сложных и динамичных процессов взаимодействия, власти и легитимности»[3].

А. Хеккерт и Д. Хеккерт предложили новую типологию девиаций, которая пытается совместить оценку поведения и дифференциальные реакции на него и сопоставить это с ожиданиями других[4].

[1] Dodge, D. L. Reading 3: The Over-Negativized Conceptualization of Deviance: A Programmatic Exploration. In C. D. Bryant, Deviant Behaviour: Readings In The Sociology Of Norm Violations, 1990. P.78
[2] Sagarin, E. Reading 4: Positive Deviance an Oxymoron. In C. D. Bryant, Deviant Behaviour: Readings In The Sociology Of Norm Violations, 1990. P.98
[3] Ben-Yehuda, N. Positive and negative deviance: More fuel for a controversy // Deviant Behavior, Vol. 11, No. 3 (1990), P.231
[4] Heckert A., Heckert D.M. A new typology of deviance: integrating normative and reactivist definitions of deviance // Deviant Behavior: An Interdisciplinary Journal, 2002. P.458-459

Таблица

Типология девиаций на основе социальных реакций и оценок

Социальные реакции и коллективные оценки	Нормативные ожидания	
	Недостаточное соответствие	Чрезмерное соответствие
Отрицательные оценки	Негативная девиация	Поведение, которое превосходит соответствие нормам и вызывает отрицательную реакцию
Положительные оценки	Восхищение девиацией	Позитивная девиация

Однако ожидания включают в себя определение поведения. Нельзя ожидать от других поведения, которое ещё никак не определено. С другой стороны, реакции (так авторы называют санкции) нелогично объединять с определением/оценкой поведения. К тому же, санкции могут быть проактивными.

Э. Гуд также рассматривает санкции только как реакции, представив девять способов определения позитивной девиации[1]. Его типология, как и многие подходы в социологии девиации, строится на том, что санкция следует за актом, т.е. является реакцией на уже совершённое действие. «Если реакции не происходят и не предвидятся, то отклонения просто не существует»[2]. Однако данный подход допускает абсурдное предположение, при котором сам характер поведенческого акта является изначально нейтральным и лишь последующая реакция общества в виде негативной или позитивной санкции придаёт ему значение, определяя его как осуждаемое или одобряемое. Таким образом, девиация представляет собой не свойство самого действия, а **результат его интерпретации и оценки обществом.** Это означает, что **определить поведение как девиантное становится возможным лишь после санкционирования.**

Наиболее очевидным видом негативной девиации является преступное поведение, наносящее вред обществу. Отклоняющееся поведение включает в себя не только эти понятия, но и категорию позитивной девиации. Поэтому критерий вреда не может быть положен в основу общего определения девиантности, т.к. это привело бы к отождествлению преступного и отклоняющегося. Основополагающий критерий оценивания поведения как

[1] Goode E. Positive deviance: A viable concept? // Deviant Behavior, Vol. 12, No. 3 (1991). P.300
[2] Там же С 291.

девиантного – сопоставление с нормой, а не с вредом. Если говорить о том, что девиантное поведение может быть полезным, то из этого следует вывод, что представления о социальной норме вообще не связаны с пользой или ущербом для общества – норма обеспечивает устойчивость общества, отношений людей независимо от того, кому и какой вред приносит следование норме в каждой ситуации.

Если рассматривать девиацию как отклонение от социальной нормы, характеризующее поведение, человека или среду, зависящее от ситуации и не зависящее от вреда или пользы, приносимых обществу, то позитивная девиация имеет место быть. Она определяется характером санкций – они направлены на поддержание девиантного поведения, а не подавление. Можно предположить, что индивид изначально руководствуется определением поведения как конформного либо девиантного, позитивного либо негативного, зная, какого рода санкции оно вероятнее всего вызовет.

Таким образом, концепция позитивной девиации образует с негативной девиацией два полюса единого континуума социального поведения. Конкретное действие или поведение человека не является строго позитивным или негативным. Оно находится в точке между этими двумя крайними полюсами, и его точное положение определяется рядом критериев. Основываясь на рассмотренных авторских концепциях, ключевыми среди таких критериев являются: 1) **социальная оценка**, т.е. общественное восприятие и интерпретация поступка; 2) **характер воздействия на общество**, т.е. конструктивное или деструктивное; а также 3) **контекст, т.е.** культурно-исторические условия и нормативная система, в которой происходит действие. В этом контексте, концепция позитивной девиации имеет важное значение, поскольку она открывает новые теоретические и эмпирические перспективы для исследований. В частности, перспективным является дальнейшее изучения феномена позитивных девиаций в организационной среде[1], анализ факторов влияющих на развитие позитивных девиаций, например, роли социальной среды в формировании творческого потенциала личности, а также роли индивидуальных и групповых культурных ценностей. Для реализации различных направлений исследований позитивных девиаций целесообразно сочетание качественных методов, таких как кейс-стади и глубинные интервью, что позволит преодолеть фрагментарность существующих данных и разработать целостную теоретическую модель, учитывающую кросс-культурный и отраслевой контексты.

[1] Sharma N., Chillakuri B. Positive deviance at work: a systematic review and directions for future research // Personnel Review, Vol. 52, No. 4, 2023. P.933-954

Список литературы

1. Becker H.S. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. Free Press, 1963. 98 p.
2. Ben-Yehuda. N. Positive and negative deviance: More fuel for a controversy // Deviant Behavior, Vol. 11, No. 3 (1990), P.221-243.
3. Cohen A.K. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. New York: Free Press, 1955. 196 p.
4. Cohen A.K. Deviance and Control. Englewood Cliffs, NJ: The Free Press, 1966. 136 p.
5. Dodge, D. L. Reading 3: The Over-Negativized Conceptualization of Deviance: A Programmatic Exploration. In C. D. Bryant, Deviant Behaviour: Readings In The Sociology Of Norm Violations, 1990. P.77-97.
6. Goode E. Positive deviance: A viable concept? // Deviant Behavior, Vol. 12, No. 3 (1991). P.289-309.
7. Heckert A., Heckert D.M. A new typology of deviance: integrating normative and reactivist definitions of deviance // Deviant Behavior: An Interdisciplinary Journal, 2002. P.449-479.
8. Lohman J. D. The Participant Observer in Community Studies // Amer. Sociol. Rev., Vol. 2, No. 6. (Dec., 1937). P.890-897.
9. Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review, Vol. 3, No. 5. (Oct., 1938). P.672-682.
10. Sagarin, E. Reading 4: Positive Deviance an Oxymoron. In C. D. Bryant, Deviant Behaviour: Readings In The Sociology Of Norm Violations, 1990. P.98-111.
11. Sharma N., Chillakuri B. Positive deviance at work: a systematic review and directions for future research // Personnel Review, Vol. 52, No. 4, 2023. P.933- 954.

T.A. Nikitina, A.V. Bezrukov

"POSITIVE" DEVIATION: THEORIES, CRITERIA AND PROSPECTS OF EMPIRICAL RESEARCH

The article examines the basic concepts (A. Cohen, R. Merton, H. Becker) of social deviations in sociology. The scientific discussion on the validity of the category of "positive" deviation is analyzed (D. Dodge, N. Ben-Yehuda, A. Heckert and D. Heckert, E. Goode, etc.). Based on the analysis, an attempt is made to integrate "positive" and "negative" social deviation. As a result, criteria for distinguishing between "positive" and "negative" forms of social deviations are identified. In conclusion, the prospects and directions of empirical research of "positive" deviations in modern society are outlined.

Keywords: social deviation, “positive” deviation, “negative” deviation, norm, sanctions.

УДК 371.1.08

А.С. Фетисов, Ю.В. Кудинова

ТЕОРЕТИКО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОТДЫХА ДЕТЕЙ И ИХ ОЗДОРОВЛЕНИЯ*

В статье акцент сделан на роли методологической стратегии, которая формируется на основе методологических подходов: системного, личностно-деятельностного, аксиологического, акмеологического и феликсологического. Каждый из подходов обосновывается с точки зрения научных теорий и практических требований к кадровому составу, обеспечивающему эффективное, гуманистическое и развивающее сопровождение детского отдыха и оздоровления. Предложенная методологическая стратегия представляет собой интегративную основу для построения эффективной системы профессионального отбора, отвечающей современным педагогическим и организационным вызовам.

Ключевые слова: организация отдыха детей и их оздоровления, система профессионального отбора.

Актуальность построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха детей и их оздоровления обусловлена современными требованиями к качеству, безопасности и эффективности детского отдыха в условиях социально-педагогической сферы. В 2025 году, объявленном Годом детского отдыха в системе образования РФ, особое внимание уделяется формированию единой, научно обоснованной системы подготовки и отбора кадров, способных обеспечивать комплексный подход к организации детского отдыха и оздоровления, отвечающий современным вызовам и стандартам.

Н.В. Ипполитова обращает внимание на то, что методологический подход выступает в качестве средства реализации соответствующих методологических оснований научного анализа педагогических явлений и процессов, реализуя в единстве философско-нормативную, когнитивно-прогностическую, конструктивно-праксеологическую функции. Эффективность научно-педагогического исследования обеспечивается применением совокупности методологических подходов, соответствующих различным уровням методологии и адекватных целям и задачам педагогического исследования[1].

© Фетисов А.С., Кудинова Ю.В., 2026

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2025-0029)

[1] Ипполитова Н.В. Сущность и функции методологического подхода в педагогическом исследовании / Н.В. Ипполитова // Преподаватель XXI век. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-funktsii-metodologicheskogo-podhoda-v-pedagogicheskom-issledovanii (Дата обращения: 10.07.2025).

В процессе теоретического обоснования концепции построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха детей и их оздоровления логично рассматривать понятие «методологический подход» как теоретическое положение для рассмотрения, анализа, описания, проектирования, конструирования чего-либо, какого-либо объекта или явления.

Совокупность методологических подходов лежит в основе методологической стратегии. В современных исследованиях под методологической стратегией понимается также система регулятивов, направляющая процесс построения педагогической теории, объяснения, проектирования и прогнозирования процессов функционирования и развития педагогической реальности[1].

Применительно к нашему исследованию методологическая стратегия - это совокупность осознанно выбранных и взаимосвязанных методологических подходов, которые определяют общий путь и логику построения, ценностные ориентиры и специфику системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха детей и их оздоровления.

В основе построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха детей и их оздоровления методологическая стратегия в виде совокупности *системного, личностно-деятельностного, акмеологического, аксилогического и феликсологического* методологических подходов.

Рассмотрим каждый из подходов подробнее.

1) Системный подход.

Понятием «система» пользуются в различных областях познания, так как каждая наука имеет дело с изучением и применением на практике сложных системных объектов и должна находить способы их точного описания, исследования и построения. Без применения системных методов исследования не обходится ни одна наука[2].

Как известно, системный поход в педагогике пред полагает отношение к педагогике как к системе – совокупности хорошо структурированных и тесно взаимосвязанных между собой элементов. Такой подход, в отличие от

[1] Методология научного исследования в педагогике: коллективная монография / под ред. Р.С. Бозиева, В.К. Пичугиной, В.В. Серикова. М.: Планета, 2016. С. 143.

[2] Веденская Т.Е. Понятие «Система» и системный подход в педагогике / Т.Е. Веденская // Теория и практика общественного развития. 2015. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sistema-i-sistemnyy-podhod-v-pedagogike (Дата обращения: 11.07.2025).

традиционного предметного подхода, является более качественным и современным[1].

Современные вызовы в сфере организации отдыха и оздоровления детей требуют не только высоких профессиональных компетенций от административно-управленческих и педагогических работников, но и системного подхода к формированию кадрового состава. Системный подход к построению системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха и оздоровления детей обеспечивает комплексное, научно обоснованное и динамично развивающееся кадровое обеспечение. Такой подход способствует формированию профессионального коллектива, способного эффективно решать задачи воспитания, развития и оздоровления детей, гарантируя высокий уровень безопасности и качества предоставляемых услуг.

2) Личностно-деятельностный подход

Основы личностно-деятельностного подхода соотносятся с исследованиями Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна. С позиции ученых личность рассматривается как субъект деятельности, но при этом она, формируясь в общении и деятельности, определяет характерные особенности этого общения и деятельности

Личностно-деятельностный подход предполагает, что эффективность профессионального отбора обеспечивается не только оценкой формальных знаний и умений, но и всесторонним анализом личностных характеристик (мотивации, ценностных ориентаций, коммуникативных и организационных способностей), а также способности кандидатов к активной, творческой и ответственной деятельности в специфических условиях организации детского отдыха и оздоровления. Личностно-деятельностный подход в построении системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников является научно обоснованной и практически эффективной стратегией, обеспечивающей комплексный учет профессиональных, личностных и мотивационных характеристик кандидатов.

3) Аксиологический подход.

Аксиологический подход органически присущ современной педагогике, в которой воспитанник рассматривается в ней как высшая ценность общества. В связи с этим аксиология может рассматриваться как методологическая основа образования и современной педагогики. В развитие педагогической аксиологии значительный вклад внесли труды Б.М. Бим-Бада, Б.С. Брушлинского, Б.И.

[1] Магауова А.С. Системный подход в педагогике / А.С. Магауова, М.Е. Жангужинова // Евразийский Союз Ученых. 2014. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-pedagogike-1 (Дата обращения: 11.07.2025).

Додонова, Б.Г. Кузнецова, Н.Д. Никандрова, В.А. Сластенина, В.М. Розина, М.Н. Фишера, П.Г. Щедровицкого и др.[1]

Аксиологический подход в профессиональном отборе административно-управленческих и педагогических работников для организации детского отдыха и оздоровления выступает как необходимое условие формирования высокопрофессионального, этически ответственного и ценностно-ориентированного кадрового потенциала. Его применение обеспечивает гуманизацию образовательной и оздоровительной деятельности, что соответствует современным требованиям педагогической науки и практики.

4) Акмеологический подход.

Акмеология - наука, рожденная преподавателями разных образовательных систем в процессе поиска путей совершенствования деятельности. Термин происходит от греческого слова «acme», которое означает «вершина, наивысший уровень достижений». Возникнув на стыке психологии, педагогики, социологии и других гуманитарных наук, она явилась как синтетическая наука о человеке, достижении им вершин профессионализма.

При построении системы профессионального отбора на основе акмеологического подхода важно учитывать следующие аспекты:

1) отбор должен выявлять не только текущие компетенции, но и способность кандидатов к профессиональному развитию, творческому решению задач и самосовершенствованию;

2) выявление акмеологической направленности личности, которая отражает внутреннюю готовность и устремленность к высококачественной, ответственой работе в сфере детского отдыха и оздоровления;

3) использование экспертных опросов, ситуационных интервью, психологического тестирования и анализа профессионального опыта для выявления когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов профессионализма;

4) формирование у работников устойчивой мотивации к профессиональному росту и творческому самовыражению в специфике организации детского отдыха, что способствует повышению качества управленческих и педагогических решений.

5) интеграцию современных педагогических технологий и акме-технологий, направленных на поддержку и стимулирование профессионального успеха и личностного становления кадрового состава.

[1] Маслов С.И. Аксиологический подход в педагогике / С.И. Маслов, Т.А. Маслова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. №3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-podhod-v-pedagogike (Дата обращения: 12.07.2025).

Акмеологический подход выступает как эффективная методологическая основа построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников, обеспечивая не только выявление профессиональной компетентности, но и развитие личностного потенциала, мотивации и творческой активности.

5) Феликсологический подход.

Феликсология (от лат. felix - счастливый, несущий счастье) - новое направление педагогических исследований, которое рассматривает счастье как педагогическое явление, а вопрос формирования у подрастающего поколения способности быть счастливым переводит в разряд актуальных педагогических проблем. «Феликсология воспитания - это научно-педагогическое направление теоретической мысли педагога, разрабатывающее содержательную характеристику воспитания, которая обеспечивает способность ребенка быть счастливым в этой жизни на этой земле»[1].

Феликсологический подход как основа построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха и оздоровления детей обеспечивает гуманизацию кадровой политики, ориентирует на ценностное и эмоциональное благополучие участников образовательного процесса. Его применение способствует формированию профессионалов, способных не только эффективно организовывать оздоровительные мероприятия, но и создавать условия для гармоничного развития и счастья ребёнка, что соответствует современным вызовам педагогической науки и практики.

Таким образом, при определении концептуальных основ построения системы профессионального отбора административно-управленческих и педагогических работников для организации отдыха детей и их оздоровления ключевое значение имеет методологическая стратегия в виде совокупности системного, личностно-деятельностного, акмеологического, аксилогического и феликсологического методологических подходов.

Список литературы

1. Веденская Т.Е. Понятие «Система» и системный подход в педагогике / Т.Е. Веденская // Теория и практика общественного развития. 2015. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sistema-i-sistemnyy-podhod-v-pedagogike (Дата обращения: 11.07.2025).

[1] Щуркова Н. Е. Воспитание счастьем, счастье воспитания / Н. Е. Щуркова, Е. П. Павлова. М.: Центр «Пед.поиск», 2004. 160 с.

2. Ипполитова Н.В. Сущность и функции методологического подхода в педагогическом исследовании / Н.В. Ипполитова // Преподаватель XXI век. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-funktsii-metodologicheskogo-podhoda-v-pedagogicheskom-issledovanii (Дата обращения: 10.07.2025).

3. Магауова А.С. Системный подход в педагогике / А.С. Магаурова, М.Е. Жангужинова // Евразийский Союз Ученых. 2014. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-pedagogike-1 (Дата обращения: 11.07.2025).

4. Маслов С.И. Аксиологический подход в педагогике / С.И. Маслов, Т.А. Маслова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. №3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-podhod-v-pedagogike (Дата обращения: 12.07.2025).

5. Методология научного исследования в педагогике: коллективная монография / под ред. Р.С. Бозиева, В.К. Пичугиной, В.В. Серикова. М.: Планета, 2016. 208 с.

6. Щуркова Н. Е. Воспитание счастьем, счастье воспитания / Н. Е. Щуркова, Е. П. Павлова. М.: Центр «Пед.поиск», 2004. 160 с.

A.S. Fetisov, Yu.V. Kudinova

THEORETICAL AND CONTENT-BASED FILLING OF THE CONCEPT OF BUILDING A SYSTEM OF PROFESSIONAL SELECTION OF ADMINISTRATIVE AND TEACHING STAFF FOR THE ORGANIZATION OF CHILDREN'S RECREATION AND HEALTH IMPROVEMENT

The article examines the theoretical and substantive content of the concept of building a system of professional selection of administrative and pedagogical workers, which is intended for organizing children's recreation and health improvement. The emphasis is placed on the role of the methodological strategy, which is formed on the basis of methodological approaches: systemic, personal-activity, axiological, acmeological, and felixological. Each of the approaches is substantiated from the point of view of scientific theories and practical requirements for the staff, which provides effective, humanistic, and developing support for children's recreation and health improvement. The proposed methodological strategy is an integrative basis for building an effective system of professional selection that meets modern pedagogical and organizational challenges.

Keywords: organization of children's recreation and health improvement, system of professional selection.

РАЗДЕЛ 7. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 316

С.В. Алексеева, А.Е. Островская, И.А. Гареева

ЛОКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье анализируется культурная гибридизация в повседневных практиках российской молодежи. Целью является выявить механизмы адаптации международных трендов к локальному контексту, ведущие к формированию уникальных гибридных форм. Установление, что молодежь не пассивный потребитель, а активный создатель, избирательно комбинируя международные элементы с нормами традиционной культуры. Предлагаемая модель анализа включает три уровня: потребление, коммуникация и идентичность. Культурное смешение - ключевая стратегия адаптации, позволяющая сохранять связь с локальным контекстом при интеграции во всемирные потоки.

Ключевые слова: культурная гибридизация, российская молодежь, глобализация.

Исследование механизмов культурной гибридизации актуально для понимания векторов социокультурной динамики современного российского общества. Оно позволяет выйти за рамки упрощенного деления «вестернизация против традиционализма» и увидеть, как в повседневной жизни конструируются новые формы социальности, отвечающие вызовам глобальной цельности и потребности в локальной идентичности.

Процессы глобализации и цифровизации, интенсивно протекающие в современном мире, кардинально трансформируют культурный ландшафт. Молодежь, как наиболее восприимчивая социальная группа, оказывается на передней линии этих изменений. Однако усвоение международных трендов редко происходит в форме прямого копирования. В российской действительности, характеризующейся сложным переплетением традиционных, советских и постмодернистских элементов, глобальные культурные образцы сталкиваются с мощным полем локальных смыслов и практик. Это порождает феномен культурного гибрида - единого образования, в котором внешне противоречивые элементы сливаются в новую, функциональную целостность.
В отличие от классических теорий культурного империализма, современная российская социология все чаще обращается к теориям гибридизации, подчеркивающим активную роль потребителя культуры.

Ранее преобладавший дискурс, описывавший молодежь либо как жертву вестернизации, либо как носителя «сопротивляющихся» субкультур, уступает

© Алексеева С.В., Островская А.Е., Гареева И.А., 2026

место более сложным подходам. Как отмечает Д.В. Иванов[1] (2020), цифровая среда не нивелирует локальные особенности, а становится платформой для их «глокализации» - адаптации глобального под локальные нужды. Российские пользователи не просто потребляют глобальный контент, но активно его перерабатывают, наполняя местными смыслами и форматами (мемы, локализованные версии блогов).

Исследования молодежных идентичностей показывают, что для современного молодого человека характерно совмещение различных, порой противоречивых, идентификационных моделей. Е.Л. Омельченко[2] (2021) указывает на «множественность нормальностей», при которой международные ценности самореализации и индивидуализма сосуществуют с локальными установками коллективизма и семейственности. Идентичность становится ситуативной и многообразной, собираясь из доступных всемирных и локальных «конструкторов».

Е.Ю. Мягкова[3] (2022) рассматривает цифровые платформы как ключевые «лаборатории» по производству гибридов. Социальные сети (VK, Telegram), маркетплейсы, стриминговые сервисы - все они предлагают глобальный интерфейс, который наполняется локальным контентом и практиками. Повседневность молодого россиянина представляет собой постоянное переключение между глобальными цифровыми пространствами и оффлайн-контекстом, пропитанным локальными культурными кодами.

На основе анализа современных источников можно выделить три ключевых поля, где процесс смешения проявляется наиболее отчетливо.

Потребление: Гибридность проявляется в стилях потребления. Глобальные бренды (например, Starbucks/Stars Coffee) встраиваются в локальные практики («встреча за кофе» как форма социальности). Одновременно происходит «гибридизация традиционного»: локальные продукты и практики (например, народные промыслы) переупаковываются через эстетические тренды (минимализм, eco-friendly) и становятся частью молодежного потребления.

Коммуникация: Языковая практика – яркий пример гибрида. Заимствование с английского языка и интернет-сленг органично смешиваются с нормами русского языка, создавая специфический коммуникативный код, понятный внутри поколения. Как показывает анализ коммуникации в

[1] Иванов Д.В. Глокализация в цифровую эпоху: новые конфигурации социального // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 4-23.

[2] Омельченко Е.Л. Сценарии будущего и контуры новой нормальности: молодежь в поисках определенности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 7-37.

[3] Мягкова Е.Ю. Цифровая повседневность как объект социологического анализа // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 40-50.

социальных сетях В.Л. Силаева[1] (2023), это не засорение языка, а создание гибкого инструментария для описания новой реальности.

Идентичность и ценности: Ценностные ориентации представляют собой сложный сплав. Международные тренды (забота об экологии, ЗОЖ, карьерный рост) интерпретируются через призму свойственного стране контекста. Например, экологичность может проявляться как практическая «бережливость», унаследованная от российской традиции. Это не отказ от глобального тренда, а его гибридизация с глубоко укорененными практиками.

Для системного анализа предлагается трехуровневая модель: Структурный уровень (контекст): Государственная культурная политика, регулирование цифрового пространства («цифровой суверенитет»), экономические условия, которые задают рамки для гибридизации. Агентский уровень (практики): Стратегии молодежи по выборочному заимствованию, адаптации и переработке культурных образцов. Сюда относятся: креализация (создание нового из элементов разного происхождения), бриколаж (использование подручных средств и смыслов), а также символический уровень (идентичность): Конструирование самоидентификации через комбинацию глобальных и локальных маркеров. Формирование «гибкой идентичности», способной к ситуативным сдвигам.

Процесс гибридизации, будучи эффективной стратегией адаптации, снижающей культурные конфликты и позволяющей гибко ориентироваться в сложном мире, не лишён внутренних противоречий, поскольку его потенциал соседствует с серьёзными рисками, такими как возможность возникновения «разорванной идентичности», ценностных конфликтов и коммодификации традиций, то есть их превращение в просто один из элементов рыночного потребления. Специфика России придает этому процессу особую сложность: местное смешение формируется под влиянием триады — глобальные тренды накладываются не на «чистую» национальную традицию, а на сложный советский и постсоветский культурный пласт, что создает уникальную трехслойную структуру многих гибридных форм, сочетающую в себе глобальное, советское и национально-традиционное.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что повседневность российской молодежи представляет собой динамичное поле культурной гибридизации. Вместо пассивного принятия или отвержения глобальных влияний молодые люди активно вступают в процесс слияния, адаптации и синтеза, создавая уникальные гибридные формы в потреблении, коммуникации и конструктах идентичности.

[1] Силаева В.Л. Коммуникативные практики в цифровую эпоху: трансформация языковых норм // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 155-165.

Научная новизна статьи заключается в систематизации современных российских подходов к изучению культурной гибридизации и предложении многомерной теоретической модели для ее анализа.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим исследованием предложенной модели, проведением качественного изучения кейсов конкретных гибридных практик, а также сравнительным анализом специфики гибридизации в разных регионах России.

Список литературы

1. Иванов Д.В. Глокализация в цифровую эпоху: новые конфигурации социального // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2020. - № 6. - С. 4-23.
2. Мягкова Е.Ю. Цифровая повседневность как объект социологического анализа // Социологические исследования. - 2022. - № 3. - С. 40-50.
3. Омельченко Е.Л. Сценарии будущего и контуры новой нормальности: молодежь в поисках определенности // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2021. - Т. 24. - № 2. - С. 7-37.
4. Силаева В.Л. Коммуникативные практики в цифровую эпоху: трансформация языковых норм // Вестник РУДН. Серия: Социология. - 2023. - Т. 23. - № 1. - С. 155-165.
5. Шариков А.В. Онлайн-среда и трансформация культурных образцов молодежи // Социологическая наука и социальная практика. - 2021. - Т. 9. - № 1. - С. 66–82.
6. Григорьев Д.С. Трансформация идентичности в условиях гибридной реальности: российский контекст // Социологические исследования. - 2022. - № 8. - С. 48-59.
7. Заковоротная М.В. Культурный бриколаж и креативные индустрии: практики гибридизации в молодежной среде // Обсерватория культуры. - 2021. - Т. 18. - № 4. - С. 352-361.

S.V. Alekseeva, A.E. Ostrovskaya, I.A. Gareeva

LOCAL TRADITIONS AND THE INTERNATIONAL CULTURAL CODE IN THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN YOUTH

The article analyzes cultural hybridization in the everyday practices of Russian youth. The aim is to identify the mechanisms of adaptation of international trends to the local context, leading to the formation of unique hybrid forms. The establishment that young people are not passive consumers, but active creators, selectively combining international elements with the norms of traditional culture. The proposed analysis model includes three levels: consumption, communication and identity. Cultural mixing is a key adaptation strategy that allows you to stay connected to the local context while integrating into global flows.

Keywords: cultural hybridization, Russian youth, globalization.

УДК 316.343.37

В.Н. Блохин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья рассматривает основные тенденции и наиболее острые проблемы развития сельских сообществ Беларуси. В настоящее время сельские сообщества рассматриваются как особые социокультурные и экономические системы. Основой сельской экономики остается государственный аграрный сектор, который сталкивается с проблемами экономической эффективности. В условиях серьезных демографических проблем, сокращения сельской поселенческой сети и местной социальной инфраструктуры актуальны вопросы дальнейшего развития сельских сообществ. Предлагается всесторонняя поддержка частной инициативы, развитие не только фермерских хозяйств, но и агроусадеб. Перспективным представляется разработка стратегий устойчивого развития для сельских населенных пунктов.

Ключевые слова: сельские сообщества, демографические проблемы, агроусадьбы, инфраструктура, поддержка, частная инициатива.

В настоящее время под сельскими сообществами предлагается понимать не только социально-экономическую систему, для этих сообществ характерно наличие значительных социокультурных особенностей, которые предопределяют межличностное взаимодействие, в том числе в экономической сфере. Типичными чертами сельчан является консерватизм, наличие жесткого социального контроля над поведением индивидов, преобладание коллективизма и сохранение традиций. Обозначенные особенности не позволяют на равных конкурировать с городами по темпам развития и восприятию экономических и социальных инноваций. По этим причинам сельские жители оказываются в позиции догоняющих, что актуализирует проблему разрыва в уровне жизни горожан и сельчан[1].

В развитии сельских сообществ Республики Беларусь можно выделить ряд тенденций и проблем. Среди ключевых тенденций необходимо отметить сохраняющийся высокий уровень внимания со стороны государства к аграрному сектору. В Беларуси продолжает преобладать государственная форма организации агропромышленного сектора. Фермерские хозяйства обрабатывают примерно 3 % пахотных земель. Еще около 14% пахотных земель находятся в собственности личных подсобных хозяйств населения, что свидетельствует о том, что многие белорусы «не оторвались от земли». В отличие от многих стран ЕС, в Беларуси абсолютное большинство сельского населения занято или тесно связано с ведением сельского хозяйства. Кроме этого, многие горожане,

© Блохин В.Н., 2026

[1] Блохин, В.Н. Проблемы бедности в сельских сообществах Беларуси. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/254457/1/36-38.pdf. (дата обращения: 20.09.2025).

составляющие более 78 % в структуре населения республики, имеют земельные участки в садовых товариществах.

Одной из актуальных государственных задач в настоящее время является внедрение инновационных технологий в сельское хозяйство, поддержка местных производителей и развитие кооперативов. Это может помочь повысить продуктивность и конкурентоспособность сельского хозяйства, а также создать устойчивую экономическую базу для местных сообществ. Однако преобладание государственной собственности в аграрной сфере нередко связано с проблемой низкой или даже отрицательной рентабельности. Многие агропроизводители не могут существовать без субсидий со стороны государства, что сказывается на конкурентоспособности АПК и экономики вообще. Поэтому необходим поиск возможностей повышения мотивации сельских жителей к осуществлению трудовой деятельности, причем не только в государственных аграрных предприятиях. Необходима всесторонняя поддержка со стороны государства в организации и расширении фермерских хозяйств, в создании малого бизнеса в сельской местности[1]. Одним из перспективных направлений является агротуризм. В Беларуси по состоянию на 2025 г. действовало более 1,4 тыс. агроусадеб, которые ежегодно посещают более 400 тыс. внутренних и зарубежных туристов[2].

Одной из острейших сельских проблем является демографическая. В соответствии с доминирующим в мире подходом, наличием примерно 15 % сельского населения в общей численности – это так называемый внегласный порог безопасности современной сельской жизни. В Беларуси после распада СССР сельское население сократилось с 33,9% до 21,9% в общей численности населения (данные на 2022 г.). Таким образом, порог безопасности еще не достигнут, однако проблема безусловно существует. Будущее сельских сообществ, замедление темпов оттока населения из села в город – важные задачи политики регионального развития Беларуси[3].

В 1980-е годы Беларусь, как и другие европейские государства, постепенно перешла к модели двухдетной семьи, однако в настоящее время преобладают семьи с одним ребенком (примерно 60 %). Наглядное представление о ситуации дает суммарный коэффициент рождаемости (количество рождений на одну женщину от 15 до 49 лет), который снизился с 2,0 до 1,38 рождений в 2019 г. Однако ситуация продолжила ухудшаться и в 2024 г. этот коэффициент упал до

[1] Блохин В.Н. Социально-экономическое развитие сельских сообществ: состояние, проблемы, перспективы // Вестник МГУ им. А.А. Кулешова. 2020. № 1. (55). С. 76–82.
[2] В Беларуси насчитывается более 1,4 тыс. агроэкоусадеб. – URL: https://belta.by/society/view/v-belarusi-naschityvaetsja-bolee-14-tys-agroekousadeb-712870-2025/. (дата обращения: 21.09.2025).
[3] Русак, И. Точки роста белорусской деревни. – URL: https://bisr.gov.by/mneniya/tochki-rosta-belorusskoy-derevni. (дата обращения: 23.09.2025).

1,081[1]. Для обеспечения замещения поколений на уровне простого воспроизводства этот коэффициент должен составлять 2,16. По количеству родившихся младенцев прослеживается стремительное снижение рождаемости, так в 2011 году родилось 108 050 детей, в 2015 году – 119 509 детей, в 2019 году – 87 851 ребенок. По итогам 2024 г. в Республике Беларусь родилось всего 58 938 детей. Особенно сложной стала ситуация в сельских сообществах.

На начало 2025 г. в Беларуси проживало 9 109 280 человек, что на 46 698 человек меньше, чем годом ранее. Городское население составляет 7 182 690 человек. Оно уменьшилось почти на 15 600 человек. Сельское население сократилось на 31 103 человек и составило 1 926 590 человек[2].

Сельское население стареет и сокращается более быстрыми темпами в сравнении с городским. Это уже привело к появлению крайне малолюдных районов. Всего в Беларуси насчитывается 6 областей, которые делятся на 118 районов. Население некоторых районов составляет менее 10 тыс. человек. Такие районы становятся непривлекательны для организации и ведения бизнеса, поскольку основное население составляют пожилые люди, находящиеся на пенсии и имеющие, как правило, невысокий уровень дохода. Пенсионеры обычно предъявляют очень ограниченный спрос на товары и услуги, что снижает интерес бизнеса. В то же время государство проводит социально-ориентированную политику, которая предполагает обеспечение для всех категорий населения доступа к базовой социальной и инженерной инфраструктуре. Однако обеспечение функционирования инфраструктуры в малонаселенных районах становится все более затратной задачей.

С каждым годом уменьшается количество сельских школ, что связано с низким уровнем рождаемости и продолжающейся урбанизацией. Закрытие сельской школы становится большой проблемой для деревни, несмотря на организацию ежедневного транспорта для школьников. Сельские населенные пункты без школьных учреждений часто перемещаются в разряд т.н. неперспективных, что сильно снижает их привлекательность для жизни.

Проведенные социологические опросы студенческой молодежи показывают, что на первом месте в качестве целевого ориентира среди юношей и девушек, которые рассматривают возможность жизни в селе, находится доступность и скорость интернета, на втором – транспортная инфраструктура. Современная социальная инфраструктура (спортивные центры, объекты

[1] Суммарный коэффициент рождаемости по территории Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200011?thematic_section_code=34 (дата обращения: 22.09.2025).

[2] Белстат опубликовал официальные данные по рождаемости в Беларуси. – URL: https://tochka.by/articles/life/rozhdaemost_v_belarusi_upala_pochti_v_dva_raza_statistika/. (дата обращения: 23.09.2025).

торговли, общественного питания и т.п.) является важным условием, но не в такой степени, как интернет и дороги.

В настоящее время в Беларуси насчитывается примерно 23 тыс. сельских населенных пунктов. Из них в 5 тыс. деревень проживает не более 10 человек, т.е. они относятся к категории малых деревень и в ближайшие годы рискуют исчезнуть с карты республики. В то же время около 1,5 тыс. сельских населенных пунктов имеют статус агрогородка. Такие поселения начали возникать в Беларуси с 2005 г., что было связано с принятием государственной программы по развитию села.

Агрогородки – это центры сельского развития и местных аграрных предприятий. В таких населенных пунктах обеспечиваются минимальные городские стандарты: функционируют школа, отделение почты, фельдшерско-акушерский пункт, объекты торговли, обеспечена транспортная доступность. Как показала перепись населения, проведенная в 2019 г., количество населения агрогородков за 10 лет почти не изменилось, в то время как численность населения традиционных деревень и малых городов продолжила снижаться. Данный факт рассматривается как подтверждение эффективности проекта по созданию таких поселений[1].

Для эффективного решения проблем сельских сообществ необходима координация усилий как со стороны государства, так и местных организаций. Необходимы инициативы, направленные на улучшение доступности социальных услуг, модернизацию инфраструктуры, а также программы по привлечению молодежи в сельскую местность через создание новых рабочих мест и условий для комфортной жизни. Требуется комплексный подход, который учитывает, как экономические, так и социальные аспекты. Таким подходом может выступать разработка стратегий устойчивого развития сельских сообществ на уровне государства, области, района. Однако наиболее перспективным может быть вариант разработки таких стратегий для конкретных поселений, поскольку они значительно различаются по количеству населения, географическим и природным условиям, наличием или отсутствием инфраструктуры.

Список литературы

1. Белстат опубликовал официальные данные по рождаемости в Беларуси. – URL:

[1] За последние годы в Беларуси стало на 400 деревень и 300 тысяч человек меньше. Посмотрели, что происходит с населенными пунктами страны. URL: https://blizko.by/notes/za-poslednie-gody-v-belarusi-stalo-na-400-dereven-i-300-tysyach-chelovek-menshe-posmotreli-chto-proishodit-s-naselennye-punktami-strany_al. (дата обращения: 24.09.2025).

https://tochka.by/articles/life/rozhdaemost_v_belarusi_upala_pochti_v_dva_raza_statistika/. (дата обращения: 23.09.2025).

2. Блохин, В.Н. Проблемы бедности в сельских сообществах Беларуси. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/254457/1/36-38.pdf. (дата обращения: 20.09.2025).

3. Блохин В.Н. Социально-экономическое развитие сельских сообществ: состояние, проблемы, перспективы // Вестник МГУ им. А.А. Кулешова. 2020. № 1. (55). С. 76–82.

4. В Беларуси насчитывается более 1,4 тыс. агроэкоусадеб. – URL: https://belta.by/society/view/v-belarusi-naschityvaetsja-bolee-14-tys-agroekousadeb-712870-2025/. (дата обращения: 21.09.2025).

5. За последние годы в Беларуси стало на 400 деревень и 300 тысяч человек меньше. Посмотрели, что происходит с населенными пунктами страны. URL: https://blizko.by/notes/za-poslednie-gody-v-belarusi-stalo-na-400-dereven-i-300-tysyach-chelovek-menshe-posmotreli-chto-proishodit-s-naselennye-punktami-strany_al. (дата обращения: 24.09.2025).

6. Русак, И. Точки роста белорусской деревни. – URL: https://bisr.gov.by/mneniya/tochki-rosta-belorusskoy-derevni. (дата обращения: 23.09.2025).

7. Суммарный коэффициент рождаемости по территории Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10101200011?thematic_section_code=34 (дата обращения: 22.09.2025).

V.N. Blakhin

TRENDS AND CHALLENGES IN THE DEVELOPMENT OF RURAL COMMUNITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

This article examines the main trends and most pressing challenges in the development of rural communities in Belarus. Currently, rural communities considered distinct socio-cultural and economic systems. The state-owned agricultural sector remains the foundation of the rural economy, but it faces challenges in economic efficiency. Given serious demographic challenges and the shrinking rural settlement network and local social infrastructure, the further development of rural communities is a pressing issue. Comprehensive support for private initiative proposed, along with the development rural estate. The development of sustainable development strategies for rural communities appears promising.

Keywords: rural communities, demographic problems, rural estates, infrastructure, support, private initiative.

УДК 323.21

О.Н. Домская

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПЕРМСКОГО КРАЯ С ЖИТЕЛЯМИ В СОЦСЕТЯХ

В статье затрагиваются вопросы развития коммуникации региональных властей с жителями в соцсетях на фоне формализации присутствия госорганов на онлайн-платформах, также рассматриваются тенденции цифровой активности граждан за период с начала 2020 года до августа 2025 года в контексте работы Центра управления регионом.

Ключевые слова: социальные сети, коммуникация, электронное правительство

Социальные сети в России начали активно развиваться с середины 2000-х годов, когда в 2006 году были запущены ключевые российские платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники». Позднее этот список расширялся, в том числе за счет западных платформ. Первоначально соцсети в РФ органы власти и ее представители осваивали только в частном порядке. Преимущественно чиновники воспринимали свои аккаунты как личные, рассказывая в них о своих увлечениях и достижениях, не особо затрагивая при этом профессиональный аспект. Главы регионов и федеральных ведомств были широко представлены в Instagram (запрещен в России, принадлежит корпорации Meta, признанной в РФ экстремистской) до запрета этой соцсети в 2022 году. Начиная с 2018 года, постепенно власти приступили к системному и централизованному освоению социальных сетей[1], которые стали восприниматься в качестве площадки, пригодной для взаимодействия с гражданами. Для этих целей создается соответствующая нормативная база[2], а активность глав регионов в интернет-пространстве появляется в списке ключевых показателей их эффективности (KPI)[3]. К 2022 году в Пермском крае в соцсети «ВКонтакте» оказывается зарегистрировано 1465 сообществ госорганизаций, в «Одноклассниках» – 117. Их общая аудитория составила более 1,6 млн человек[4].

Процесс освоения социальных сетей государственными структурами требует наблюдения и осмысления. Актуальности исследованию добавляет

© Домская О.Н., 2026

[1] Баженова Е.А. Цифровой дискурс исполнительной власти в современной России / Е.А. Баженова, М.А. Ширинкина, А.Д. Мокан, С.А. Овчинникова // Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 23-24.

[2] О внесении изменений в ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" и статью 10 ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ": Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024 (Дата обращения: 14.08.25).

[3] Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента РФ от 25.04.2019 г. № 193. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260005 (Дата обращения: 15.08.25).

[4] Аудитория пабликов госорганизаций в Пермском крае превысила 1,6 млн человек. [Электронный ресурс] // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: https://permkrai.ru/news/auditoriya-pablikov-gosudarstvennykh-organizatsiy-v-permskom-krae-prevysila-1-6-mln-chelovek (дата обращения: 12.08.2025).

уникальность российского опыта по упорядочиванию поведения госструктур в социальных сетях: наличие верифицированных госпабликов и структур, занимающихся мониторингом, обработкой и анализом сообщений жителей.

Цель работы – проследить динамику коммуникации, происходящей в социальных сетях между органами исполнительной власти Пермского края и жителями региона на фоне увеличения внимания к этой сфере со стороны государства. Для этого анализируются данные о количестве и тематике сообщений жителей Пермского края в соцсетях за период с начала 2020 года до августа 2025 года (сведения предоставлены автору ЦУР Пермского края).

Центры управления регионом (ЦУР) - специальные структуры, в задачи которых входит ежедневный мониторинг ряда онлайн-платформ и анализ эффективности обратной связи от жителей в соцсетях, появляются в большинстве регионов России после 2019 года. В Пермском крае такая структура была создана в 2020 году[1]. Специалисты ЦУРа при помощи цифровых продуктов занимаются фиксацией сообщений в социальных сетях: информация, по ключевым словам, аккумулируется со страниц в ряде соцсетей, в том числе с официальных страниц (пабликов) региональных органов власти, губернатора, глав и администраций округов, из открытых муниципальных пабликов во «ВКонтакте». Собранные данные об обозначенных гражданами проблемных ситуациях сортируются и перенаправляются в профильные органы власти и ответственные организации для оперативного на них реагирования. Региональные министерства, муниципалитеты и другие структуры «отрабатывают» обращения граждан: полученная информация используется для урегулирования локальных вопросов (о своевременной подаче тепла, изменении маршрутной сети общественного транспорта и пр.). Впоследствии для обратившегося готовится ответ.

Руководство Пермского края неоднократно в публичных выступлениях и заявлениях подчеркивало, что Центр управления регионом (ЦУР) помогает краевым и муниципальным властям «выстраивать диалог с жителями в социальных сетях, обеспечить обратную связь для решения проблем населения в территориях»[2]. Кроме того, специалисты центра предоставляют населению информацию о работе властей, по другим вопросам, связанным с эпидемиологической ситуацией по различным заболеваниям, безопасностью в транспорте, на улице, в интернете и пр. Структура оказывает методическую поддержку сотрудникам местных администраций, проводит профильное

[1] О создании Центра управления регионом Пермского края: Указ губернатора Пермского края от 16.07.2020 № 105. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5900202007160012?index=1 (дата обращения: 15.08.2025).

[2] За два года ЦУР Пермского края обработал более 500 тысяч обращений жителей в соцсетях. [Электронный ресурс] // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: https://www.permkrai.ru/news/za-dva-goda-tsur-permskogo-kraya-obrabotal-bolee-500-tysyach-obrashcheniy-zhiteley-v-sotssetyakh (дата обращения: 16.08.2025).

обучение, внедряет для ответственных лиц стандарты работы на онлайн-платформах.

Центр управления регионом Пермского края в 2020 году рассмотрел 155 722 обращения, то в 2024 году - 244 127 обращений. За восемь неполных месяцев 2025 года было рассмотрено 145 420 обращений.

Таблица

Количество рассмотренных обращений пермских жителей в 2020 - 2025 гг. (данные предоставлены ЦУР Пермского края)

	Количество обращений
2020 год	155 722 обращений
2021 год	238 160 обращений
2022 год	203 673 обращений
2023 год	212 150 обращений
2024 год	244 127 обращений
2025 год (по 17.08 включительно)	145 420 обращений

Зафиксированный в 2022 году спад количества обращений объясняют в ЦУР «блокировкой площадок Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta, признанной в России экстремистской организацией».

Согласно предоставленным ЦУР Пермского края данным, в 2020 году ежемесячно фиксировалось в среднем 13 тыс. обращений, то в 2022 году – уже 17 тыс. В первой половине этого года среднее количество обращений в месяц составляет порядка 19 тыс. Еще одна тенденция – подавляющее большинство обращений, порядка 80%, сейчас поступает через официальные страницы органов власти. В момент появления ЦУРа как модератора работы властей в соцсетях и до этого значительное число сообщений с «проблемными» вопросами размещались жителями непосредственно на личных страницах и в городских пабликах.

По информации ЦУР, в список самых популярных тем обращений в социальных сетях на 2025 год входят: «Благоустройство», «ЖКХ», «Дороги». Эти темы стабильно воспроизводятся в ТОПе волнующих пермяков тематик. При этом в 2020 и 2021 году фиксировалось большое количество обращений по теме «Здравоохранение», что обусловлено эпидемией коронавируса. В последние три года жителей стала чаще интересовать тема работы общественного транспорта. Кроме того, размещаемые в социальных сетях сообщения прикамцев о волнующих их вопросах стали более детализированными: люди теперь более подробно описывают суть проблемы,

прикрепляют фотографии и/или видео. Руководство ЦУРа связывает рост числа обращений и изменение их качества с тем, что «жители наглядно видят» - подобная коммуникация помогает эффективно и быстро решать существующие проблемы, ведь полученная из социальных сетей властями информация анализируется и учитывается «при принятии управленческих решений, формировании планов развития региона».

Вслед за краевыми властями администрация Перми также создает в 2026 году аналогичную ЦУРу структуру - МКУ «Муниципальный центр управления города Перми»[1]. Согласно документу, оно будет отвечать за «своевременную и качественную обработку и анализ обратной связи от населения, размещенной в социальных сетях» на уровне районов города. В функции МЦУ будут входить обработка сообщений граждан на официальных страницах администрации Перми в интернете, аналитика проблемных вопросов, оперативное выявление информационных рисков и реагирование на них совместно с ЦУР Пермского края, информирование граждан о работе властей города через официальные страницы в интернете. То есть более системную работу по коммуникации с пермяками теперь будут проводить и власти муниципального образования.

Прямо сейчас появляется еще один пример проникновения государства в социальные сети - внедрение нацмессенджера MAX, данные которого, вероятно, также окажутся в фокусе внимания систем ЦУРов.

Стоит отметить, что среднесуточный охват интернета в России в 2024 году составил 85% жителей страны, в структуре интернет-потребления по тематикам на соцсети и мессенджеры приходится 32%, а по среднемесячному охвату в лидерах «ВКонтакте» и Telegram[2]. Согласно отчету компании по изучению соцсети как средства публичной коммуникации Brand Analytics, на весну 2025 года ежедневно в социальных сетях в России появляется порядка 30 млн новых сообщений (350 постов в секунду), и 35 млн человек оставляют хотя бы одно публичное сообщение в месяц. За март 83,8 млн активных авторов (это пользователи, написавшие хотя бы 1 публичное сообщение за месяц) создали 1,9 млрд единиц контента. Показатели являются рекордными за весь период наблюдений, начиная с 2013 года. Лидерми по количеству авторов и объему публикуемого контента являются «ВКонтакте» (среди российских площадок) и Telegram (в русскоязычном медиаполе). Заметный рост в объеме сообщений у «Одноклассников» – на 218%. Также фиксируется возвращение позиций Instagram (запрещен в России, принадлежит корпорации Meta, признанной в РФ

[1] О создании муниципального казенного учреждения «Муниципальный центр управления города Перми». [Электронный ресурс] // Сайт Администрации города Перми. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.gorodperm.ru/upload/pages/17813/dat_1756272263728.docx&embedded=true sotssetyakh (дата обращения: 20.08.2025).

[2] Медиапотребление в 2024 году. [Электронный ресурс] // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202024_%D0%9D%D0%90%D0%A2_27.08.2024.pdf sotssetyakh (дата обращения: 27.08.2025).

экстремистской). Как отмечают специалисты Brand Analytics, в целом число активных авторов в русскоязычных соцмедиа продолжает расти, как и объемы размещаемого ими контента. Исследователи компании подчеркивают, что рост показателей в 2024-2025 годах вызван не внешними обстоятельствами, как в предыдущие годы, а является органическим[1]. Это свидетельствует о продолжающемся усилении влияния социальных сетей на повседневную жизнь общества и увеличении потенциала аналитики соцсетей для эффективного решения государственных целей и задач бизнеса.

Таким образом, в условиях возрастающего внимания государственных структур к социальным сетям отмечается увеличение объемов коммуникации граждан с региональными органами исполнительной власти посредством цифровых каналов связи.

Список литературы

1. Аудитория пабликов госорганизаций в Пермском крае превысила 1,6 млн человек. [Электронный ресурс] // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: https://permkrai.ru/news/auditoriya-pablikov-gosudarstvennykh-organizatsiy-v-permskom-krae-prevysila-1-6-mln-chelovek (дата обращения: 12.08.2025).

2. Баженова Е.А. Цифровой дискурс исполнительной власти в современной России / Е.А. Баженова, М.А. Ширинкина, А.Д. Мокан, С.А. Овчинникова // Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. 188 с.

3. За два года ЦУР Пермского края обработал более 500 тысяч обращений жителей в соцсетях. [Электронный ресурс] // Сайт губернатора и Правительства Пермского края. URL: https://www.permkrai.ru/news/za-dva-goda-tsur-permskogo-kraya-obrabotal-bolee-500-tysyach-obrashcheniy-zhiteley-v-sotssetyakh (дата обращения: 16.08.2025).

4. Медиапотребление в 2024 году. [Электронный ресурс] // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202024_%D0%9D%D0%90%D0%A2_27.08.2024.pdf sotssetyakh (дата обращения: 27.08.2025).

5. О внесении изменений в ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" и статью 10 ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в

[1] Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2025. [Электронный ресурс] // URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025 (дата обращения: 27.08.2025).

РФ": Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024 (Дата обращения: 14.08.25).

6. О создании муниципального казенного учреждения «Муниципальный центр управления города Перми». [Электронный ресурс] // Сайт Администрации города Перми. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.gorodperm.ru/upload/pages/17813/dat_1756272263728.docx&embedded=true sotssetyakh (дата обращения: 20.08.2025).

7. О создании Центра управления регионом Пермского края: Указ губернатора Пермского края от 16.07.2020 № 105. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5900202007160012?index=1 (дата обращения: 15.08.2025).

8. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента РФ от 25.04.2019 г. № 193. [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260005 (дата обращения: 15.08.25).

9. Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2025. [Электронный ресурс] // URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025 (дата обращения: 27.08.2025).

O.N. Domskaya

THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATION BETWEEN THE EXECUTIVE AUTHORITIES OF PERM KRAI AND CITIZENS ON SOCIAL MEDIA

This article examines the development of regional government communication with residents on social media in the context of the formalization of government agencies' presence on online platforms, as well as identifying trends in citizens' digital activity from the beginning of 2020 to August 2025.

Keywords: networks, communication, E-government.

УДК 365.648

А.А. Иванова

РЕНОВАЦИЯ ЖИЛОГО ФОНДА В ПЕРМИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В статье рассматривается проблема социальной справедливости при реализации программ реновации жилищного фонда в Пермском крае. Исследуется противоречие между интересами инвесторов, стремящихся к максимизации прибыли, и правами жителей. Выявляются основные опасения горожан, связанные с переселением: ухудшение условий проживания, разрыв социальных связей и нарушение прав. На примере конкретного случая демонстрируются нарушения сроков расселения и неравенство в применении законодательства. Предлагаются меры для совершенствования программы реновации, включая разработку единых стандартов, усиление контроля качества строительства и социальную поддержку переселенцев.

Ключевые слова: реновация, жилой фонд, социальная справедливость, переселение.

Актуальность данной статьи обусловлена масштабностью программы обновления, направленной на решение проблемы ветхого и аварийного жилья и повышения качества городского пространства. С 2021 года в российских регионах началась реализация масштабной программы обновления жилого фонда, в силу вступил Федеральный закон № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий».[1] Например, по данным «Фонда развития территорий» по состоянию на март 2023 г., в Перми по программе переселения граждан из аварийного жилья на 2019-2025 гг. подлежат расселению 178,12 тыс. кв. м. Уже расселили более 120 тыс. кв. м, из федерального бюджета выделили средства на расселение 168 тыс. кв. м[2]. Понимание социальных аспектов реновации важно для обеспечения устойчивого и гармоничного развития города.

Пермь, как и все города, сталкивается с проблемой устаревающего жилого фонда. Значительная часть зданий требует капитального ремонта или полной замены, что ставит перед городом задачу поиска эффективных инструментов для обновления жилого фонда. Реновация рассматривается как один из ключевых механизмов решения этой проблемы. «Под реновацией жилищного фонда следует понимать процесс обновления жилых зданий, восстановление их

© Иванова А.А., 2026

[1] Федеральный закон № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий»// СПС КонсультантПлюс // Опубликован 30.12.2020 на официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru

[2] В Перми запланировали 15 (!) КРТ: какие районы Перми будут реновировать — карта и подробности [Электронный ресурс] // Сетевое издание «59.РУ». URL: https://59.ru/text/realty/2024/12/10/74842046/ (дата обращения 10.09.2025)

потребительских свойств путем замещения выбывших в результате физического и морального износа элементов жилищного фонда новыми элементами или объектами. Таким образом, реновация жилищного фонда в более широком смысле означает обновление жилой среды, которая определяет условия и качество жизни человека»[1].

С.В. Пирогов выделил 3 типа проблем городского пространства: проблема социальной справедливости, рациональной организации экономической жизни, проблема социальной экологии[2]. Несмотря на значительные объемы расселения и финансирования, реновация часто сталкивается с проблемой социальной справедливости, связанной с переселением жителей из районов, подлежащих реновации. Представители классического либерализма (Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Милль) рассматривали проблему социальной справедливости в рамках естественных прав человека, т.е. в условиях реновации социальная справедливость определяется не столько её результатами, сколько соблюдением правовых норм и принципа возмещения, соответствующего установленным правилам. Зарубежные исследователи (П. Сорокин, Т. Парсонс, Дж. Роулз) трактовали социальную справедливость как этическую категорию. Роулз отождествлял её с честностью. Применительно к реновации это означает, что должно быть обеспечено честное отношение ко всем жителям, а также гарантия прозрачности принятия решений[3].

В 2017 году ВЦИОМ проводил исследование отношения москвичей к программе реновации жилья. Согласно результатам опроса, программа реновации вызвала несогласие у 16% москвичей и 11% жителей районов, потенциально попадающих под программу. Ключевыми аргументами против выступили опасения ухудшения бытовых условий, снижения качества жизни в районе. Основные опасения жителей связаны с сомнениями в качестве строительства новых домов, ухудшением экологических условий жилой среды и снижением транспортной доступности. Особую обеспокоенность вызывает необходимость смены района проживания, что может привести к разрыву социальных связей и изменению привычного образа жизни[4].

Закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» позволяет вести застройку комплексно, а не точечно, что облегчает обновление инфраструктуры и привлечение инвесторов.

---

[1] Дауди Т.М. Реновация жилищного фонда в Российской Федерации // Право и управление. 2022. №6. С. 42.
[2] Пирогов С.В. Социология города. М.: Новый учебник, 2004. С. 66-67
[3] Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2008. №6. С. 114-116
[4] ВЦИОМ. «Реновация в Москве: оценки и мнения» - 2017 год [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/renovacziya-v-moskve-oczenki-i-mneniya(дата обращения 13.09.2025)

В статье для «Аргументы и факты» юрист Пермского фонда содействия ТСЖ Станислав Шестаков отмечает, что комплексная застройка может создавать неудобства для жителей: под снос могут пойти не только аварийные, но и добротные дома в зоне реновации. В отличие от Москвы, где переселение происходит в том же районе, в Перми людей могут переселять в любой район города: на Вышку, в Лёвшино, на Гайву, в Голованово. Кроме того, закон создает неравенство в правах граждан. Если аварийный дом не входит в зону реновации, расселение происходит по нормативам аварийного жилья — с предоставлением жилья аналогичной площади, но без учета количества комнат. Если же дом попадает в зону комплексного развития, жители получают квартиру с сохранением не только площади, но и количества комнат, а нуждающиеся могут даже увеличить жилплощадь. Таким образом, соседние дома могут расселяться по разным правилам, что приводит к несправедливым ситуациям[1].

Проблема социальной справедливости при реновации возникает из-за противоречия между интересами различных сторон процесса. С одной стороны, выгодоприобретателями выступают инвесторы, получающие прибыль от освоения территорий, а также муниципальные власти, заинтересованные в преобразовании городского пространства и увеличении налоговых поступлений. С другой стороны, уязвимой категорией оказываются жители ветхих домов, которые в процессе переселения часто сталкиваются с ухудшением качества жизни, разрывом социальных связей, потерей доступа к инфраструктуре и нарушением имущественных прав. М. Кастельс в своей статье «Городской вопрос» писал, что капиталисты стремятся к максимальной прибыли. В условиях реновации это стремление проявляется через уплотненную застройку и минимизацию издержек на социальную инфраструктуру и напрямую нарушает принципы социальной справедливости[2].

Наглядным примером нарушения социальной справедливости стало принудительное выселение матери с ребёнком из аварийного жилья без предоставления альтернативного жилья в городе Лысьва Пермского края. Двухлетнее ожидание расселения, в течение которого семья была вынуждена самостоятельно арендовать жильё, демонстрирует глубокий дисбаланс между формальными обязательствами властей и реальным обеспечением прав граждан. Ситуация разрешилась только после вмешательства прокуратуры. Надзорный орган установил нарушение жилищных прав граждан и обязал администрацию

[1] Хрущёвки под снос. Не пострадают ли права собственников при реновации жилья [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 7. АиФ-Прикамье 17/02/2021. URL: https://perm.aif.ru/economic/realty/hrushchyovki_pod_snos_ne_postradayut_li_prava_sobstvennikov_pri_renovacii_zhilya (дата обращения 13.09.2025)

[2] Вагин В. В. Городская социология Учеб. пособие для муницип. управляющих / В.В. Вагин; Моск. обществ. науч. фонд, Шк. муницип. упр.. М. :Моск. обществ. науч. фонд, 2000. С. 67

Лысьвы предоставить семье благоустроенное жильё по договору социального найма. Данный случай отражает практику, когда экономическая целесообразность и бюрократические процедуры превалируют над базовыми принципами социальной справедливости, а защита прав уязвимых категорий населения обеспечивается лишь после вмешательства надзорных органов[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что горожане испытывают тревогу относительно ухудшения качества жизни после переселения, например, плохое качество строительства новых домов, ухудшение экологических условий жилой среды, снижение транспортной доступности, смена района проживания, разрыв социальных связей, изменение привычного образа жизни. Также проблемой являются системные нарушения сроков предоставления альтернативного жилья. Для совершенствования программы необходим комплекс мер: разработка единых стандартов расселения, создание системы общественного контроля качества строительства, внедрение практики предварительного обеспечения жильем до сноса домов, а также разработка программы социального сопровождения переселенцев. Эти меры позволят обеспечить баланс между интересами развития города и правами жителей, минимизировать социальные издержки и сделать реновацию эффективным инструментом улучшения качества городского пространства.

Список литературы

1. В Перми запланировали 15 (!) КРТ: какие районы Перми будут реновировать — карта и подробности [Электронный ресурс] // Сетевое издание «59.РУ». URL: https://59.ru/text/realty/2024/12/10/74842046/ (дата обращения 10.09.2025).

2. Вагин В.В. Городская социология Учеб. пособие для муницип. управляющих / В.В. Вагин; Моск. обществ. науч. фонд, Шк. муницип. упр. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – 169 с.

3. Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. – Пермь, 1994. – 268 с.

4. ВЦИОМ. «Реновация в Москве: оценки и мнения» - 2017 год [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/renovacziya-v-moskve-oczenki-i-mneniya (дата обращения 13.09.2025).

5. Выселили из аварийного дома: в Прикамье женщине с ребёнком не давали жильё [Электронный ресурс] // «Аргументы и Факты» АиФ-Прикамье

[1] Выселили из аварийного дома: в Прикамье женщине с ребёнком не давали жильё [Электронный ресурс] // «Аргументы и Факты» АиФ-Прикамье 23/12/2020. URL: https://perm.aif.ru/society/details/vyselili_iz_avariynogo_doma_v_prikame_zhenshchine_s_rebyonkom_ne_davali_zhilyo?from_inject=1 (дата обращения 13.09.2025)

23/12/2020. URL: https://perm.aif.ru/society/details/vyselili_iz_avariynogo_doma_v_prikame_zhenshchine_s_rebyonkom_ne_davali_zhilyo?from_inject=1 (дата обращения 13.09.2025).

6. Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2008. – №6. – С. 114-116.

7. Дауди Т.М. Реновация жилищного фонда в Российской Федерации // Право и управление. – 2022. – №6. – С. 41-44.

8. Пирогов С.В. Социология города. – М.: Новый учебник, 2004. – 207 с.

9. Федеральный закон № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий»// СПС КонсультантПлюс // Опубликован 30.12.2020 на официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru дата обращения 13.09.2025).

10. Хрущёвки под снос. Не пострадают ли права собственников при реновации жилья [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 7. АиФ-Прикамье 17/02/2021. URL: https://perm.aif.ru/economic/realty/hrushchyovki_pod_snos_ne_postradayut_li_prava_sobstvennikov_pri_renovacii_zhilya (дата обращения 13.09.2025).

A.A. Ivanova

RENOVATSIYA ZHILOGO FONDA V PERMI KAK PROBLEMA SOTSIALNOY SPRAVEDLIVOSTI

The article examines the problem of social justice in the implementation of housing renovation programs in the Perm Region. The article examines the contradiction between the interests of investors seeking to maximize profits and the rights of residents. The main concerns of citizens related to resettlement are revealed: deterioration of living conditions, disruption of social ties and violation of rights. The example of a specific case demonstrates violations of the terms of resettlement and inequality in the application of legislation. Measures are proposed to improve the renovation program, including the development of uniform standards, strengthening quality control of construction and social support for displaced persons.

Keywords: renovatsiya, zhiloy fond, sotsialnaya spravedlivost, pereselenie.

УДК 316.334.56

Д.С. Ижбулатов

МЕСТО ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В ФОРМИРОВАНИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В работе актуализируется вопрос влияния городской системы транспорта на общий уровень качества (комфортности) городской среды через анализ удовлетворения генерализированных потребностей в здоровье, безопасности горожан. Рассмотрены подход Б.В. Сазонова и методики определения качества городской среды Минстроя на примере регионального центра

Ключевые слова: транспортная система, комфортность городской среды, городское пространство.

В условиях современного роста городов, проявляющегося в увеличении не только количества городов, но и их размеров, на транспортную систему ложится все больше нагрузки. Город представляет собой относительно небольшое пространство, на котором плотно расположены зоны, выполняющие различные функции: жилые кварталы, деловые центры, промышленные и рекреационные зоны. Транспортная система соединяет эти зоны, позволяет людям и экономическим ресурсам передвигаться между ними. Кроме того, городское население состоит из множества групп, различающихся по социальным, демографическим и другим аспектам, что тоже влияет на транспортную систему, призванную удовлетворять потребности этих групп. Таким образом, транспортная система выполняет важные функции для городского пространства, поэтому ее анализ необходим для определения общего уровня комфортности городской среды.

Кроме того, муниципальные и федеральные власти содействуют улучшению системы транспорта. На 2025 г. действуют Национальные проекты «Инфраструктура для жизни», по которому планируется создание новых дорог и транспортных узлов, и «Производство транспорта», основной целью которого является формирование и модернизация инфраструктуры грузовых и пассажирских перевозок, повышение уровня комфорта, безопасности и эффективности транспорта[1]. К тому же, в Перми по федеральному проекту «Региональная и местная дорожная сеть» был проведен ремонт 17 улиц в разных районах города и моста через реку Егошиху, а также по Федеральному проекту «Развитие общественного транспорта» были приобретены 44 трамвайных

© Ижбулатов Д.С., 2026

[1] Национальные проекты РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальных проектов РФ. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/new-projects/ (дата обращения 11.08.2025)

вагона, реконструированы депо «Балатово» и 35 км трамвайных путей выпущены на маршрут 16 электробусов[1].

На данный момент есть исследования удовлетворенности транспортной системой, но связь их с комфортностью не до конца изучена. Поэтому данная работа направлена на углубление теоретической части изучения городской среды.

Город через призму социологии рассматривали такие авторы, как М. Вебер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Р. Парк, П. Бурдье и другие. Городская среда определяется как совокупность конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на процессы развития и реализации человеческого потенциала[2], т.е. удовлетворение определенных потребностей людей.

Качество городской среды же рассматривается как способность городов «создавать необходимые условия для приобщения каждой личности к различным формам жизни города»[3]. Понятия «качество» в данном случае неразрывно связано с комфортом, т.к. ощущение комфорта может появиться лишь при удовлетворенных потребностях. Существуют разные инструментальные подходы к ее определению, например, рейтинг от Минстроя, учитывающий количество ДТП, доступность остановок общественного транспорта, оснащенность и загруженность дорог и пешеходную доступность[4], «Global LiveabilityRanking», учитывающий стабильность и инфраструктуру среды[5], рейтинг портала Numbeo, оценивающий стоимость такси и дорожное движение[6].

Следующим конкретизируем понятие «транспортная система» через ее компоненты: «автотранспортный парк, инфраструктуру и дорожно-транспортную среду»[7]. К первому относятся транспортные средства- личный и общественный транспорт, велосипеды и средства индивидуальной мобильности (электросамокаты, моноколеса и др). Второй компонент включает дороги и средства дорожного регулирования- дорожную разметку, знаки и светофоры.

---

[1] Национальные проекты [Электронный ресурс] //Официальный сайт города Пермь. Режим доступа: https://www.gorodperm.ru/actions/nacproekty/ (дата обращения 14.09.2025)

[2] Панкратов Д.В. «Городская среда как пространство для реализации человеческого потенциала» / Д.В. Панкратов // Теория управления №12. 2013. С. 31-36

[3] Ахиезер А.С. Качество городской среды как интенсификации производства / А.С. Ахиезер // Учебн. Пособие. М, 1989. С.29.

[4] Индекс качества городской среды [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: https://индекс-городов.рф/#/methodology(дата обращения 14.09.2025)

[5] Global Liveability Ranking[Электронный ресурс]//Официальный сайт The Economist. Режим доступа: https://www.economistgroup.com/press-centre/economist-intelligence/eiu-global-liveability-index-2025-copenhagen-replaces-vienna-as-worlds-most (дата обращения 01.10.2025)

[6] Cost of living [Электронный ресурс] // Официальный сайт Numbeo. Режим доступа: https://www.numbeo.com/cost-of-living/ (дата обращения 01.10.2025)

[7] Абдульзянов А.Р. Дорожно-транспортная система современного городского пространства (социологический анализ) / А.Р. Абдульзянов // Проблемы развития территории. 2019. №2 (100). С 118.

Последний компонент включает в себя отношения между субъектами дорожного движения – водителями, пешеходами, пассажирами и ГИБДД.

Рассмотрим подход, разработанный российским социологом Б.В. Сазоновым, суть которого заключается в том, что комфортность городского пространства можно определить через то, как удовлетворяются потребности живущих там людей, важнейшими из которых являются потребности в здоровье, образовании, безопасности, труде и общении[1].Данный подход был выбран потому, что удовлетворение потребностей можно изучить через опросы и другие методы и на основе этого судить о комфортности города.

На первый взгляд, система транспорта не участвует в удовлетворении вышеперечисленных потребностей, но это верно лишь при учете отраслевой системы производства услуг[2], для которой характерно акцентирование внимания только на отдельном факторе удовлетворения потребности. Рассмотрим, как транспортная система опосредованно удовлетворяет эти потребности.

Так, потребность в здоровье может быть удовлетворена не только через учреждения медицинской помощи, зеленые зоны и спортивно- оздоровительные комплексы, но и через экологически чистый транспорт. Согласно ВЦИОМ, 12% опрошенных автомобилистов рассматривают выбор электромобиля, причем 43% из них из-за экологичности и 10% из-за бесшумности[3].Играет роль и возможность активно провести время на велосипеде или электросамокате и разделение крупных автомобильных дорог и жилых зон, доступность скорой помощи во все районы города и мед. учреждения.

Не менее важной является потребность в безопасности, в удовлетворении которой транспортная система играет важную роль. И речь не только о предотвращении ДТП и установлении правопорядка в общественном транспорте. В исследовании по удовлетворенности городской средой жителями Красноярска социологи отметили, что активизация пешеходного движения и выбор общественного транспорта связаны с фактором безопасности. Это подтверждает и опрос ВЦИОМ, где 48% опрошенных считают общественный транспорт наиболее безопасным[4]. Также в исследовании красноярцев отмечено, что некоторые районы города считаются горожанами опасными, поскольку в них отсутствуют пешеходные дороги, дворовое пространство занято

[1] Чернова Е.Б. Социологические аспекты качества городской среды / Е.Б. Чернова // Управление развитием территории. 2015. №2. [Электронный ресурс] // URL: https://urtmag.ru/public/395/ (дата обращения: 11.08.2025).
[2] Там же.
[3] Станут ли автомобили на нетрадиционных видах топлива массовыми в России? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. Режим доступа: https://consult.wciom.ru/materialy-ekspertov/materialy/stanut-li-avtomobili-na-netradicionnykh-vidakh-topliva-massovymi-v-rossii (дата обращения 26.09.2025)
[4] Дорожно-транспортные происшествия: причины, следствия, профилактика [Электронный ресурс]//Официальный сайт ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dorozhno-transportnye-proisshestvija-prichiny-sledstvija-profilaktika (дата обращения 02.10.2025)

автомобильными парковками, нет остановок общественного транспорта или они находятся далеко[1].Рассматривая безопасность, рейтинг качества городской среды от Минстроя учитывает количество ДТП, освещенность улиц и пешеходную доступность[2].

Отметим также потребность в труде, которая активно удовлетворяется в большом городе, где люди каждый день перемещаются между местом работы и домом, что требует транспортную инфраструктуру и создает рабочие места. Так, 27% вакансий молодых сотрудников в 2023 г. были в сфере транспорт, логистика, перевозки[3].

Нельзя выделить какую-то одну генерализированную потребность, удовлетворяемую системой транспорта, и можно сказать, что она вносит вклад в каждую из потребностей, влияя на то, как человек удовлетворен всем городом. Сейчас невозможно представить город без транспорта, дорог и дорожных знаков в нем, и транспортная система может стать даже символом города, как МКАД и метрополитен для Москвы или красные автобусы и трамваи для Перми. Но есть и обратная сторона этому, в представлениях людей о километровых пробках, шумных автострадах в спальных районах и старом автопарке. Транспортная система не просто позволяет людям перемещаться по городу, но и значительно влияет на ощущение комфортности этого города.

Список литературы

1. Абдульзянов А.Р. Дорожно-транспортная система современного городского пространства (социологический анализ) / А.Р. Абдульзянов // Проблемы развития территории. 2019. №2 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dorozhno-transportnaya-sistema-sovremennogo-gorodskogo-prostranstva-sotsiologicheskiy-analiz (дата обращения: 29.07.2025). С. 116- 126.

2. Ахиезер А.С. Качество городской среды как интенсификации производства: учебн. Пособие. М. 1989. С.29.

3. Национальные проекты РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальных проектов РФ. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/new-projects/ (дата обращения 11.08.2025)

[1] Чернова Е.Б. Социологические аспекты качества городской среды // Управление развитием территории. 2015. №2.

[2] Индекс качества городской среды [Электронный ресурс]//Официальный сайт. Режим доступа: https://индекс-городов.рф/#/methodology(дата обращения 14.09.2025)

[3] Самые востребованные отрасли для молодых специалистов [Электронный ресурс]//Официальный сайт hh.ru. Режим доступа: https://hh.ru/article/32303?hhtmFrom=article_search (дата обращения 02.10.2025)

4. Национальные проекты РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальных проектов РФ. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/new-projects/ (дата обращения 11.08.2025)

5. Чернова Е.Б. Социологические аспекты качества городской среды // Управление развитием территории. 2015. №2. [Электронный ресурс] URL: https://urtmag.ru/public/395/ (дата обращения: 11.08.2025).

D.S. Izhbulatov

THE ROLE OF THE TRANSPORT SYSTEM IN CREATING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

The paper addresses the impact of the urban transport system on the overall quality (comfort) of the urban environment by analyzing the satisfaction of generalized requirement of urban residents.

Keywords: transport system, urban environment comfort, urban space.

УДК 316.733

Д.М. Кенфак

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ АФРИКИ

Рабство и колонизация, ассимиляция, а затем глобализация и неоколониализм ускорили общественные изменения и пространственные трансформации, с которыми столкнулись африканские общества под совокупным воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Африканский континент сформировал свою собственную уникальную культурную идентичность с глубоко укоренившимися верованиями и традициями, часто восходящими к племенам предков, историческим событиям или традициям, передаваемым из поколения в поколение. Колониализм разрушил социальные и культурные структуры африканских обществ, способствовал их политической и экономической раздробленности. Современная Африка переживает в настоящее время колонизацию в форме неоколониализма. Перед народами франкоязычной Африки стоят задачи реабилитации традиционных ценностей, обретения африканской культурой центрального места, особенно в вопросах управления и образования.

Ключевые слова: африканские общества, культурная идентичность, социальные изменения, возрождение

Африканское социокультурное пространство обладает плюралистическим характером, что делает его уникальным. Данный плюрализм выражается в этническом и языковом разнообразии, традициях, верованиях и образе жизни. Африканское социокультурное пространство включает в себя множество этнических групп. Так, только в одном Камеруне насчитывается более 250 этнических групп, в Нигерии – более 300. Эти группы, имея языковые различия, обладают общим ядром, проявляющемся в обычаях и образе жизни, они сосуществуют в социальном пространстве и формируют культурную и национальную идентичность[1].

Уникальность каждой культурной группы выражается в её образе жизни, обычаях, традициях и социальных отношениях с другими этническими и культурными группами. Объединяет эти культурные группы африканское искусство, распространённое по всему континенту. Это искусство находит выражение в масках, статуях, текстиле и т.д. Ремесленные техники передаются из поколения в поколение.

Весомое место в африканских обществах занимает семья. Она играет важную роль в образовании и социализации детей; она также является пространством для передачи ценностей и нематериального наследия будущим

© Кенфак Д.М., 2026

[1] Yakan M. Z. African peoples and nations by country: Cameroon // in Almanac of African Peoples & Nations/ Transaction Publishers: New Brunswick, N.J, 1999. Pp37-39.

поколениям. Это наследие часто передаётся от родителей и прародителей – бабушек и дедушек. Семья – основная экономическая ячейка, обеспечивающая выживание младенцев и детей. Это также биологическая ячейка, где осуществляется воспроизводство поколений. Традиционно африканская семья включает родителей, детей, бабушек и дедушек, дядей и тётей, братьев и сестёр, каждый из которых может иметь своих детей и других иждивенцев. Для многих африканских обществ характерно то, что антропологи именуют расширенной семьёй[1].

Вместе с тем африканские общества подвергаются существенной трансформации. Так, после Второй мировой войны на африканском континенте стала воплощаться в жизнь теория модернизации как общая теория социальных изменений. Африканские семьи, как и африканская культура и общество в целом, оказались под угрозой утраты наследия. Тезис о конвергенции семейных систем в сторону утверждения нуклеарной модели восходит к работам Т. Парсонса, осуществленным в 1950-х годах на примере американской семьи и основанным на структурно-функционалистском подходе. Согласно этой теории, процесс модернизации, проводимый посредством индустриализации и урбанизации, неизбежно влечет за собой переход от традиционной расширенной семьи к современной нуклеарной семье, олицетворяемой супружеской парой с детьми. В развивающихся странах эволюцию семьи характеризуют сложность и диверсификация, и эта эволюция отнюдь не является линейной[2].

Весомое влияние на культурную идентичность африканских народов оказали рабство и работорговля. Следует подчеркнуть, что история работорговли и рабства – это история тотального европейского господства над Африкой. До появления рабства в африканских обществах довольно активно развивались торговля и экономическая деятельность. В сфере культуры развитие получило искусство и, в частности, скульптура. Все это оказывало существенное влияние на поколения африканцев. Однако работорговля, осуществляемая европейцами в Африке, подтолкнула многих африканцев отказаться от ремёсел и коммерческой деятельности и сосредоточиться на работорговле. Последнее создало атмосферу страха и недоверия в африканских обществах, привело к исчезновению многих королевств, выступавших против работорговли. При этом представители африканских элит зачастую играли роль посредников между европейскими работорговцами и порабощёнными африканцами, что не могло не оказать пагубного влияния на сами африканские общества. Французские колонизаторы стремились осуществить двойной постулат ассимиляции

[1] Kasfir. One Tribe, One Art? : Paradigms in the Historiography of African Art/History of Africa, vol 11, 1984.Pp. 163- 193.
[2] Dortier J-F, La sociologie, Talcott Parsons et la grande théorie // Cairn infos. 20090. Pp 67-70.

коренного населения, ориентированный, с одной стороны, на провозглашение равной ценности всех людей, а с другой стороны, на утверждение превосходства европейской цивилизации.

Рабство и работорговля разрушили социальные и культурные структуры африканских обществ, способствовали их политической и экономической раздробленности, дезинтеграции. Провозглашаемое колонизаторами стремление «европеизировать», «цивилизовать» африканское общество на деле оборачивалось стремлением получения максимальной прибыли за счет эксплуатации населения, нанесения ущерба местным африканским культурам, разрушения солидарных норм жизни. Колонизаторы трансформировали африканские социальные ценности, заменяли их ценностями западными[1].

Обратимся к вопросу культурных последствий колониализма. Господство колонизаторов в Африке было основано не только на военных интервенциях или государственных переворотах. Колониализм, по сути, был направлен на трансформацию национальной идентичности. Политика ассимиляции, проводимая колониальными государствами в отношении коренных народов, включала в себя запреты и ограничения использования ими родного языка, давление на религиозные убеждения, преднамеренное изменение имён и фамилий, а также ревизию в толковании истории и культурных достижений. Все это было направлено на то, чтобы лишить колонизируемых духовной опоры социальной жизни. Для достижения этой цели были использованы глубинные и тонкие стратегии, укореняемые в сознании местных элит, а затем транслируемые на само африканское население.

Одним из ведущих механизмов данного процесса стало наступление на традиционные ценности африканских народов, а также уничижительное отношение к африканским культурам. Важно подчеркнуть, что в рамках деколонизации это наступление не прекратилось. Де-факто в настоящее время нельзя вести речь о получении франкоязычными странами Африки независимости. Французские корпорации по сегодняшний день владеют ценными активами. И по сегодняшний день всё, что связано с африканским культурным наследием, продолжает обесцениваться и заменяться внешними образцами. В результате местные языки проявляют тенденции к исчезновению, они уступают место французскому или английскому языкам. Традиционные формы правления высмеиваются. И в этом особая роль отводится средствам массовой информации и неправительственным организациям: многие международные СМИ и НПО распространяют идеологию, поощряющую культурное отчуждение, подстрекающую африканскую молодёжь к отказу от

[1]La traite négrière, l’esclavage et leurs abolitions: mémoire et histoire// Séminaire national organisé le 10 mai 2006 /Carré des sciences, Paris. Pp. 1-81. https://www.snes.edu/IMG/pdf_actes_traite_negriere.pdf

своих корней и своей культуры. Многие молодые африканцы, особенно из городских районов, не говорят на своём языке; они стыдятся говорить на родном языке. В школах Камеруна говорить на своём языке считается преступлением; говорить запрещено, при этом пропагандируется язык колонизаторов. Тот, кто не говорит ни по-французски, ни по-английски, считается примитивным, неграмотным, диким. А тот, кто говорит по-французски или по-английски, считается развитым и современным. Таковы последствия политики ассимиляции, унаследованной от колонизации, которая разрушила идентичность в Африке[1].

Тайные общества, завезенные в Африку колонизаторами, в частности, масонство, также продолжают играть ключевую роль в контроле над африканскими лидерами. Масонские ложи представляют собой структуры отбора и контроля элиты. Они осуществляют целенаправленную вербовку. Их специализация – будущие руководители администраций. Африканские лидеры выявляются во время учёбы (зачастую обучение идет во Франции) или в начале карьеры и постепенно интегрируются в элитарные круги. Для таких кругов характерно наличие особых ритуалов и посвящений. По сути, реализуются технологии эффективного порабощения. Они зачастую включают практики, психологически маркирующие личность (покорность, унижение, скрытые ритуалы). Попав в такую среду, лидер становится пленником системы, где лояльность группе преобладает над национальными интересами. Он находится под контролем морального и материального долга: придя к власти, эти лидеры должны быть подотчётны своим «братьям» по ложе, которые диктуют им культурные, экономические и политические решения[2].

Можно также указать на еще одну технологию – сексуализацию элит. Одной из самых коварных форм подчинения является сексуальный компромисс как инструмент господства, используемый во властных кругах. Использование унизительных практик: некоторые элитные круги навязывают практики, разрушающие все формы мужественности и ментального суверенитета. Унижение посредством навязанных отношений. Угроза разоблачения: скомпрометировав себя, местные лидеры становятся легкодоступными для манипуляций. Страх скандала или публичного унижения мешает им действовать самостоятельно.

Разнообразные методы деконструкции африканских обществ, применяемые колонизаторами, направлены не только на элиты, но и на всё население, особенно на молодёжь. Нельзя не отметить, что система образования, унаследованная от колонизации, сегодня создаёт современных рабов.

[1] Taonui, R. Mana tamariki: Cultural alienation/ AlterNative. 2010. Pp 187-202.
[2] Badie B. *L'Etat importé : L'occidentalisation de l'ordre politique.* Paris Fayard. 1992. 127 p.

Прославление декаданса – музыка, фильмы, социальные сети – всё это призвано отвлечь африканскую молодёжь от её идентичности и реальных проблем. Успех сводится к потреблению и нарушению норм общественной морали, тем самым препятствуя осознанию идентичности.

Отметим также продолжающееся разрушение семейной структуры африканских обществ через пропаганду противопоставления мужчин и женщин. Африканский мужчина представляется как угнетатель, а африканскую женщину поощряют к восстанию против него вместо создания прочной семьи. Институционализация гомосексуальности и радикального феминизма: эти тенденции получают масштабное финансирование, чтобы разбалансировать общество и отвлечь внимание от реальной идентичности и социально-культурных проблем[1].

Как уже отмечалось, деколонизация франкоязычных стран Африки в полной мере не осуществлена. Франкоговорящие государства включены в Франкофонию – международную межправительственную организацию. Эта организация выступает в странах – ее участниках – проводником культурного, политического и экономического влияния Франции. На первый план в деятельности данной организации выходит популяризация именно французского языка, хоты при этом оговаривается и содействие культурному и языковому разнообразию.

Фактически, Франкофония может рассматриваться как своеобразный символ истории колониальных отношений власти, сложившихся вокруг африканских языков и культур. Ведь язык – это, прежде всего, одна из ключевых составляющих национальной культурной идентичности. А для оправдания господства французского языка в бывших колониях французы часто ссылаются на тот факт, что Африка всё ещё находится под их господством[2].

Таким образом, постколониальная франкоязычная Африка по-прежнему развивается под явным доминированием Франции. Процесс формирования национальной идентичности, по сути, провалился. Африка сегодня переживает колонизацию в другой форме, а именно в форме неоколониализма во всех аспектах, особенно в культурном. Что можно сделать с этим скрытым и вместе с тем пагубным вторжением? Нужны новые лидеры, которые окажутся способными разорвать колониальный пакт и дать подлинную независимость африканским странам, вернуть их народам историческое и культурное наследие, выдвинуть европейцам требование возвращения национальных культурных ценностей, разграбленных и украденных во время колонизации. Эти ценности

[1] Mbembe A . *De la Postcolonie : Essai sur l'imagination politique dans l'Afrique contemporaine* Paris Karthala. 2000. 26 p.
[2] Histoire générale de l'Afrique, VII: l'Afrique sous domination coloniale, UNESCO,1880-1935, 7. Pp. 837-864.

хранятся в музеях Франции, Германии и Англии, принося им немалый доход. Требуются лидеры, способные требовать возмещения ущерба[1].

Более того, африканская молодёжь должна осознать эти невидимые цепи. Речь идёт о выявлении этих механизмов господства и их разоблачении без каких-либо табу. Необходимо реабилитировать традиционные африканские ценности, отвести именно африканской культуре центральное место, особенно в вопросах управления и образования. Важно создавать автономные сети, развивать экономические, образовательные и медийные системы, независимые от западного контроля. Следует вести политическую и идеологическую борьбу. Также важно защитить будущие поколения от искажённых западных социальных практик. Только осознанная и структурированная трансформация способна позволить Африке разорвать эти цепи и обрести подлинную независимость[2]. Утрата культурной идентичности и чувство отчуждения могут быть преодолены восстановлением сильной коллективной идентичности и возрождением национальных культур.

Список литературы

1. Badie B. *L'Etat importé : L'occidentalisation de l'ordre politique /* Paris Fayard, 1992. 127 p.
2. Bgoya Walter. The Effect of Globalization in Africa and the Choice in Language Publishing // International Review of Education / Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft / Revue internationale l'éducation. 2001. July. Vol. 47, No. 3–4. Pp. 283–292.
3. Dortier J-F, La sociologie, Talcott Parsons et la grande théorie / Cairn infos, 2009. Pp. 67–70.
4. Histoire générale de l'Afrique, VII: l'Afrique sous domination coloniale/ UNESCO, 1880-1935. Pp. 837–864.
5. Kasfir, One Tribe, One Art? : Paradigms in the Historiography of African Art/History of Africa, vol 11, 1984. Pp. 163–193.
6. La traite négrière, l'esclavage et leurs abolitions : mémoire et histoire// Séminaire national organisé le 10 mai 2006 /Carré des sciences, Paris. Pp. 1–81. https://www.snes.edu/IMG/pdf_actes_traite_negriere.pdf
7. Mbembe A . *De la Postcolonie : Essai sur l'imagination politique dans l'Afrique contemporaine/* Paris Karthala, 2000. 26 p.

[1] Bgoya W.The Effect of Globalization in Africa and the Choice in Language Publishing//International Review of Education/Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft / Revue internationale l'éducation. 2001. July.Vol. 47, No. 3-4. Pp.283-292.

[2]Ne Nikiforovna. D. The study of African culture is an interdisciplinary task for a modern country // Socio-ethnocultural years of the modern process. Africa. Moscow, 1992. Pp. 26-34.

8. Ne Nikiforovna.D. The study of African culture is an interdisciplinary task for a modern country // Socio- ethnocultural years of the modern process. Africa. Moscow, 1992. Pp. 26–34.

9. Taonui, R. Mana tamariki: Cultural alienation/ AlterNative, 2010. Pp. 187–202.

10. Yakan M. Z. African peoples and nations by country: Cameroon / in Almanac of African Peoples & Nations, Transaction Publishers, New Brunswick, N.J, 1999. Pp. 37–39.

D.M. Kenfak

THE PROBLEM OF CULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF FRENCH-LANGUAGE AFRICA

Slavery and colonization, assimilation, and then globalization and neocolonialism accelerated the social changes and spatial transformations that African societies faced, influenced by both internal and external factors. The African continent has developed its own unique cultural identity, with deeply rooted beliefs and traditions often traced back to ancestral tribes, historical events, or traditions passed down through generations. Colonialism destroyed the social and cultural structures of African societies and contributed to their political and economic fragmentation. Today, Africa is experiencing a new form of colonialism known as neocolonialism. The people of Francophone Africa face the challenge of rehabilitating their traditional values and reclaiming a central place for African culture, particularly in matters of governance and education.

Keywords: African societies, cultural identity, social change, revival

УДК 316.334.56 и 316.346.2

К.Е. Кирсанова, А.В. Прокофьева

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЖЕНЩИН И ИСПОЛНЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

В статье исследуется гендерный аспект городской среды: трансформация городского пространства и влияние инфраструктуры на повседневную жизнь женщин. Рассматривается транспорт, общественные пространства, доступ к услугам, жилье и безопасность через призму гендерных ролей.

Ключевые слова: урбанизация, городское пространство, женские потребности, гендер.

Формирование комфортной городской среды, удовлетворяющей потребности различных групп населения давно находится в фокусе внимания исследователей и управленцев. Разные подходы учитывают специфику потребностей различных категорий в отношении городского пространства. Есть подходы к городской среде для возрастных групп – город ориентированный на пожилых (age-friendly city) и на детей (child-friendly city), проекты инициированные ВОЗ и ЮНИСЕФ[1]. Есть программы, нацеленные на людей с ОВЗ: в РФ – это государственная программа “Доступная среда”, в числе целей которой увеличение доли городского транспорта, оборудованного для перевозки инвалидов и маломобильных групп, доли доступных для них объектов социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры[2], за рубежом – города, доступные для инвалидов (disabled-accessible city). Одна из целей устойчивого развития ООН до 20230 г. (“Создание устойчивых городов и сообществ”) особое внимание уделяет потребностям лиц, находящихся в уязвимом положении, женщин, детей, инвалидов и пожилых людей[3]. В рамках данной статьи сфокусируемся на женщинах и их потребностях в отношении городского пространства в первую очередь с точки зрения гендерных ролей, в особенности в семье, опустив развивающееся направление исследований ощущения безопасности женщин в городе.

Марксистское прочтение проблематики гендерного разделения труда и его репрезентации в городском пространстве можно найти еще в работе Ф. Энгельса, где утверждается, что при капитализме произошло разделение между

© Кирсанова К.Е., Прокофьева А.В., 2026

[1] Biggs S., Carr A. Age- and Child-Friendly Cities and the Promise of Intergenerational Space / S. Biggs, A. Carr // Journal of Social Work Practice: Psychotherapeutic Approaches in Health, Welfare and the Community. – 2015. – Vol. 29, Issue 1. – С. 99-112.

[2] Постановление Правительства РФ от 1.12.2015 №1297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" на 2011-2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/all/104530/ (дата обращения: 04.10.2025)

[3] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 70/1, 2015, с. 26

производством (трудом) и воспроизводством (жильем), вследствие чего структура семей была разделена по гендерным ролям в этих двух сферах[1]. С переходом к индустриальному обществу выведение производственной функции за пределы домохозяйства, предполагает, что место работы одних членов семьи выносится в те части города, где располагаются предприятия, тогда как домашний труд пространственно оказывается в других районах. В случае вытеснения работы взрослых мужчин и увеличения женской и детской занятости, семейные отношения "переворачивались" и основным добытчиком становился не отец. Господство в семье закреплялось за тем, кто «добывает большую часть или даже всю совокупность общего имущества семьи», что, по мнению Энгельса, свидетельствует о том, что «общность имущества была не подлинная» [2], что в свою очередь искажает природу семейных отношений.

Отечественные марксисты стремились перевести вопрос гендерного изменения городского пространства в практическую плоскость в 1920-е гг. Особенно остро он встал, с одной стороны, на фоне индустриализации, которая требовала вовлечения большего числа работников обоих полов, с другой стороны, в связи с попыткой реализации идей об освобождении «женщины, прикованной к кухне и детской, от мелкого домашнего хозяйства»[3]. В СССР градостроительные и архитектурные проекты новых форм организации быта начали реализовываться в 1920–1930-е в форме создания домов-коммун, фабрик-кухонь, общественных столовых, централизованных прачечных, яслей и детских садов, которые должны были вынести женский труд (стирка, приготовление пищи, воспитание детей) за пределы квартиры. Идеологически это рассматривалось как шаг к гендерному равенству: дом переставал быть местом «второго труда» и превращался в место отдыха и досуга. Однако на практике многие из этих проектов остались либо экспериментальными, либо не получили широкого распространения из-за организационных трудностей и нехватки ресурсов. К тому же Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г. постулировало переход к более умеренной политике в переустройстве быта.

Исследования 1960-х гг. показали, что, несмотря на организацию сети общественного питания, «население СССР питается не в ресторанах и столовых, а дома, и общественное питание в жизни советской семьи почти никакой роли не

[1] Ruiz-Tagle J. Segregation and integration in urban sociology: a review of perspectives and critical approaches for public policy / J. Ruiz-Tagle // Revista INVI vol.31 №87 Santiago august. 2016. C. 14

[2] Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии : по собственным наблюдениям и достоверным источникам / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. — 2-е изд. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 2. С. 377

[3] Курганов И.А. Женщины в домашнем хозяйстве / И.А. Курганов // Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968 С. 107-137. [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women/texts/kurgan3r.htm (дата обращения: 04.10.2025)

играет»[1]. В результате к середине века проблема сочетания труда и быта для женщин осталась нерешенной, а дальнейшие градостроительные реформы в уже хрущевскую эпоху должны были заново искать баланс между идеологией и реальными потребностями женского населения. В 1950-60-е годы в Советском Союзе тема женских потребностей в городской среде приобрела особую практическую значимость. Массовое жилищное строительство и концепция микрорайонов предполагали шаговую доступность школ, детских садов, яслей, магазинов (и их расположение на первых этажах жилых домов) и медицинских учреждений. Претерпели изменения и проекты самого жилья: отказ от длинных, бесполезных коридоров, упор на функциональность, увеличение числа двухкомнатных квартир, создание хозяйственных блоков (домовые прачечные, мастерские, мусоросборные камеры) в жилых зданиях. Эргономический анализ различных бытовых процессов Л.З. Чериковера лег в основу проектирования жилого пространства (в т.ч. кухонного) в «хрущёвках». Вышеперечисленные идеи должны были облегчить женскую повседневность, но их реализация была неполной: жильё строилось быстрее, чем социальная инфраструктура, и именно женщинам приходилось восполнять пробелы — они занимались благоустройством дворов (лавочек и мест для настольных игр – шахмат, шашек и т.п., спортивных и детских площадок), добивались открытия детских учреждений, занимались озеленением кварталов и созданием фруктовых садов. На общественных началах женщины выполняли функцию контроля за порядком во дворах и на улицах, за работой коммунальных служб, чистотой в подъездах. При этом женский вклад был значим не только на уровне обыденных практик, но и на профессиональном уровне: женщины-архитекторы (М.Н. Слотинцева, И.Н. Рожкова) проектировали новые районы с учетом реальных нужд семей. Однако противоречие сохранялось: формально политика говорила о равноправии, но жильё часто выделялось «на мужа», социальные объекты не строились малыми предприятиями, а бытовая нагрузка оставалась в основном на женщинах. Тем не менее, именно через женские практики повседневности микрорайоны становились пространством уюта и заботы. Активистки организовывали субботники, выступали за появление отопления в домах. Это наглядно показывает, что женские потребности в городе — это не только вопрос инфраструктуры, но и желание наполнить городскую среду удобствами, теплом и смыслом[2].

Американская исследовательница Д. Хайден в своей работе ретроспективно показывает, как проектирование районов и жилья в пригородах,

[1] Курганов И.А. Женщины в домашнем хозяйстве / И.А. Курганов // Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968 С. 107-137. [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women/texts/kurgan3r.htm (дата обращения: 04.10.2025)

[2] Жидченко А.В. Советский город как пространство женской повседневности: идеи и их реализация в годы Хрущевской оттепели / А.В. Жидченко // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 120-130.

рассчитанного на полные семьи патриархального типа с работающим мужем и женой-домохозяйкой, со временем оборачивались отсутствием учета потребностей других категорий женщин – работающих жен и матерей, матерей-одиночек, работающих женщин без детей. Кроме того, по ее мнению традиционная планировка закрепляет гендерное неравенство: дом становится пространством женского труда, а невозможность совмещать его с участием в публичной жизни, изолирует женщин дома. В то время как город остается преимущественно мужской публичной сферой работы и досуга. Домашний труд становится сложнее из-за плохой организации пространства вблизи домов, поскольку женщинам приходится тратить много времени на дорогу до магазинов и детских садов. В своей концепции «несексистского города» она предлагает лучше связать жилье и инфраструктуру: обеспечить женщинам шаговую доступность к необходимым объектам социальной и коммерческой инфраструктуры, к рабочим местам, а также учитывать в построении транспортных маршрутов не только передвижения дом–работа, удобные для мужчин, но и множественные повседневные маршруты, характерные для женщин. Она обнаруживает связь между равенством и качеством городской среды: женщины, совмещая дом и работу, оказываются в невыгодном положении, пока инфраструктура не учитывает их нужды.[1] Как мы уже рассмотрели выше, советский опыт, в отличие от США, опирался на идею коллективизации быта через централизованные учреждения. Но в обоих случаях речь шла о том, что женские потребности в городской среде связаны с необходимостью совмещать общественный и домашний труд, и требуют интеграции социальных и бытовых функций в структуре города.

Современные российские исследования показывают, что элементы городского пространства, вызывающие наибольшее количество проблем у матерей детей до трех лет (метод исследования: интервью-во-время-прогулки), в первую очередь, связаны с передвижением: транспорт и тротуары, свободные от машин. Кроме того, значительные различия маршрутов буднего и выходного дня предполагают отличные требования к объектам городского пространства (доступность и комфорт пространств для прогулок и игр на природе, доступность и удобство детских площадок и др.)[2]. В целом женщины (77%) меньше, чем мужчины (87%) чувствуют себя в безопасности в городе. Женщины (40%) проявляют большую обеспокоенность в вопросе безопасности детей в городской

[1] Хейден Д. Как бы выглядел несексистский город? Размышления о доме, городском планировании и труде / Д. Хейден // Философско-литературный журнал «Логос». 2022. №1 (146). с. 39-66.
[2] Балакирева М. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов / М. Балакирева // INTER. 2015. №10. с. 68.

среде, что может быть обусловлено их большей вовлеченностью в воспитательный процесс, наличием детей в возрасте 7-8 лет[1].

В заключение можно сказать, что гендерный аспект городского пространства выступает ключевым фактором, определяющим качество повседневной жизни женщин. Становится понятно, что изменения в инфраструктуре, такие как планировка улиц и транспортных сетей прямо влияют на мобильность, безопасность, экономические возможности и распределение времени женщин в городе. Кроме того, вопросы безопасности в публичных пространствах и транспорте, а также доступ к разнообразным видам передвижения (пешая инфраструктура, общественный транспорт, безопасные веломаршруты) оказывают существенное влияние на повседневные практики и ощущение свободы передвижения. Только комплексный подход (смешанные качественные и количественные методы, оценка эффекта конкретных инфраструктурных решений), учитывающий гендерные различия и повседневные потребности, способен сделать городское пространство более справедливым и функциональным для всех его жителей.

Список литературы

1. Biggs S., Carr A. Age- and Child-Friendly Cities and the Promise of Intergenerational Space / S. Biggs, A. Carr // Journal of Social Work Practice: Psychotherapeutic Approaches in Health, Welfare and the Community. – 2015. – Vol. 29, Issue 1. – С. 99-112.

2. Ruiz-Tagle J. Segregation and integration in urban sociology: a review of perspectives and critical approaches for public policy / J. Ruiz-Tagle // Revista INVI vol.31 №87 Santiago august. 2016. С. 9-57.

3. Балакирева М. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов / М. Балакирева // INTER. 2015. №10. С. 60-69.

4. Жидченко А.В. Советский город как пространство женской повседневности: идеи и их реализация в годы Хрущевской оттепели / А.В. Жидченко // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 120-130.

5. Курганов И.А. Женщины в домашнем хозяйстве / И.А. Курганов // Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968 С. 107-137. [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women/texts/kurgan3r.htm (дата обращения: 04.10.2025)

6. Постановление Правительства РФ от 1.12.2015 №1297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная

[1] «Улицы без опасности» Аналитический обзор ВЦИОМ от 24 июля 2024 [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti (дата обращения: 04.10.2025)

среда" на 2011-2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/all/104530/ (дата обращения: 04.10.2025)

7. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 70/1, 2015, С. 26

8. «Улицы без опасности» Аналитический обзор ВЦИОМ от 24 июля 2024 [Электронный ресурс]. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ulicy-bez-opasnosti (дата обращения: 04.10.2025)

9. Хейден Д. Как бы выглядел несексистский город? Размышления о доме, городском планировании и труде / Д. Хейден // Философско-литературный журнал «Логос». 2022. №1 (146). С. 39-66.

10. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии: по собственным наблюдениям и достоверным источникам / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. — 2-е изд. — Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 2. – 658 с.

K.E. Kirsanova, A.V. Prokofyeva

URBAN SPACE IN THE CONTEXT OF WOMEN'S NEEDS AND GENDER ROLES

The article explores the gender aspect of urban environment: transformation of urban space and the impact of infrastructure on women's daily life. It examines transportation, public spaces, accessibility to services, housing and security through the lens of gender roles.

Keywords: urbanization, urban space, women's needs, gender.

УДК 330.34

Э.Р. Мамадалиева

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

В статье рассматривается человеческий потенциал как стратегический ресурс устойчивого развития, определяющий конкурентоспособность государства в условиях глобальных вызовов и цифровой трансформации. Раскрыта роль человеческого потенциала в обеспечении инновационного роста, социальной справедливости и экологической устойчивости. На основе международных рейтингов и статистики анализируются позиции стран Центральной Азии по индексу человеческого развития, особенности «утечки мозгов» и цифрового неравенства. Обосновывается необходимость комплексных стратегий, включающих инвестиции в образование, здравоохранение, цифровую инфраструктуру для долгосрочного социально-экономического роста.

Ключевые слова: человеческий потенциал, устойчивое развитие, безопасность.

Современный этап мирового развития характеризуется усилением роли человеческого потенциала как ключевого ресурса устойчивого прогресса. В условиях цифровой трансформации экономики, глобальных экологических вызовов и социокультурных изменений именно качество человеческого капитала становится определяющим фактором конкурентоспособности государства.

Категория «человеческий потенциал» трактуется в научной литературе как совокупность знаний, навыков, компетенций и творческих способностей человека, определяющих его вклад в социально-экономическое развитие. В отличие от традиционного понятия «человеческий капитал», человеческий потенциал подчеркивает не только экономическую, но и социально-культурную составляющую. Локосов В.В.[1] определяет человеческий потенциал как ресурс, включающий качество жизни, здоровье, образование, демографические и трудовые составляющие. Снегирева Т., Каячев Г., Фалалеев А., Курганский С.[2] в своем исследований рассматривают человеческий потенциал как часть системы устойчивого развития, где человеческий капитал и знания являются ключевым фактором для инноваций и перехода к менее ресурсозатратной экономике, способности поколения удовлетворять текущие потребности не в ущерб поколениям будущим.

© Мамадалиева Э.Р., 2026

[1] Локосов В.В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 4. С. 4–14. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.1

[2] Snegireva T. Human Potential in the System of Sustainable Development / Snegireva T., Kayachev G., Falaleev A., Kurgansky S. // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 110. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2019/60/e3sconf_sdemr18_03014/e3sconf_sdemr18_03014.html (Дата обращения 29.09.2025)

Устойчивое развитие, по определению ООН[1], предполагает баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической безопасностью. Роль человеческого потенциала в этом процессе заключается в формировании инновационной экономики за счет квалифицированной рабочей силы, снижения социальных рисков через развитие инклюзивных институтов, обеспечение экологической устойчивости посредством экологического образования и формирования новой ценностной парадигмы.

По рейтингу стран мира по индексу человеческого развития в 2024 г.[2] ведущие места занимали Исландия, Норвегия, Швейцария, Дания, Германия, Швеция, Австралия, Гонконг, Нидерланды и Бельгия, ИЧР которых варьировался на уровне 0,972-0,951.Страны Центральной Азии занимают средние позиции (ИЧР 0,837-0,691): Казахстан – 60 место из 193 стран, Туркменистан – 95 место, Узбекистан – 107 место, Кыргызстан – 117 место, Таджикистан – 128 место.

Человеческий капитал выступает ключевым фактором научно-технологического развития страны, определяя ее способность к созданию, освоению и распространению инноваций. Немаловажным аспектом является способность человеческого капитала к трансферу знаний и технологий. Это особенно важно для стран, находящихся на этапе догоняющего развития, где возможность быстро усваивать и улучшать существующие решения становится критическим условием роста. В исследовании[3] Всемирного банка подчеркивается, что человеческий капитал составляет более 50% совокупного богатства большинства стран, а его развитие тесно связано с ростом инновационной активности. Исследования ЮНЕСКО[4] показывают, что страны, инвестирующие в высшее образование и научные кадры, одновременно демонстрируют наибольшие расходы на НИОКР и самое высокое число исследователей на миллион жителей, что обеспечивает им лидерство в глобальной наукоемкой экономике.

К примеру, в Узбекистане развитие человеческого капитала становится основой цифровой трансформации и инновационного роста. В последние годы государство активно инвестирует в образование, цифровую инфраструктуру и поддержку молодых специалистов в сфере информационных технологий. Создание таких институтов, как IT-Park Uzbekistan, стратегии «Цифровой

[1] Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс] // United Nations. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (Дата обращения 29.09.2025)
[2] Индекс человеческого развития (Human Development Index) [Электронный ресурс] // GTMarket. URL: https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index (Дата обращения 29.09.2025)
[3] The Changing Wealth of Nations 2021: Managing Assets for the Future. Washington, DC: World Bank, 2021. 171 c.
[4] UNESCO Science Report: The Race Against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO Publishing, 2021. 757 c.

Узбекистан-2030»[1] и Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 г.[2], направлены не только на формирование внутреннего рынка высококвалифицированных кадров, но и на повышение конкурентоспособности страны в глобальной экономике знаний. Существенным показателем является рост экспорта IT-услуг: за последние годы объем экспорта увеличился в несколько раз, а в 2025 г. планируется доведение до 1 млрд. долларов[3], что свидетельствует о способности узбекских специалистов интегрироваться в международные инновационные цепочки.

Развитие человеческого потенциала в странах Центральной Азии сопровождается рядом объективных вызовов. Среди них особое место занимает нарастающая образовательная эмиграция и как следствие «утечка мозгов», связанная с миграцией высококвалифицированных специалистов в поисках более благоприятных условий труда. Существенным препятствием является и цифровое неравенство между городскими и сельскими территориями, ограничивающее доступ части населения к современным образовательным и информационным ресурсам.

Так, в Узбекистане на начало 2025 г. уровень проникновения интернета составляет 89%[4] от общей численности населения. Похожая ситуация наблюдается в Казахстане – цифровая обеспеченность составляет почти 93%[5]. При этом в обоих странах сохраняются проблемы несоответствия навыков образовательных программ требованиям высокотехнологичных секторов и ограниченность возможностей для коммерциализации научных результатов внутри страны. Уровень пользования интернетом в Кыргызстане и Таджикистане существенно ниже, чем в Узбекистане и Казахстане – порядка 51% в 2022 г. в Кыргызстане[6] и 40,8% в 2023 г. в Таджикистане[7].

С точки зрения воздействия на человеческий потенциал, в странах региона наблюдается с одной стороны миграция наиболее мобильных и востребованных на глобальном рынке труда молодых специалистов, включая образовательную эмиграцию, а с другой стороны – сохраняющееся цифровое неравенство, что

[1] Об утверждении стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации: указ Президента Респ. Узбекистан от 6 окт. 2020 г. № УП-6079.
[2] Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта на период до 2030 года: постановление Президента Респ. Узбекистан от 14 окт. 2024 г. № ПП-358
[3] Узбекистан планирует увеличить экспорт IT-услуг до $5 млрд к 2030 году [Электронный ресурс] // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/05/23/internet/ (Дата обращения 29.09.2025)
[4] Digital 2025: Uzbekistan [Электронный ресурс] // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-uzbekistan (Дата обращения 29.09.2025)
[5] Kazakhstan Individuals Using the Internet (% Of Population) [Электронный ресурс] // TradingEconomics. URL: https://tradingeconomics.com/kazakhstan/individuals-using-the-internet-percent-of-population-wb-data.html (Дата обращения 29.09.2025)
[6] Digital 2022: Kyrgyzstan [Электронный ресурс] // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-kyrgyzstan (Дата обращения 29.09.2025)
[7] Digital 2023: Tajikistan [Электронный ресурс] // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-tajikistan (Дата обращения 29.09.2025)

препятствует широкому распространению знаний и формированию компетенций у населения.

В перспективе формирование эффективных региональных стратегий по развитию человеческого потенциала предполагает комплексный подход, который включает в себя:

- реализация масштабных инвестиций в развитие цифровой инфраструктуры в сельских и удаленных территориях, что должно сопровождаться программами повышения уровня цифровой грамотности у населения;
- трансформация денежных переводов и накопленного миграционного опыта в долгосрочные инвестиции в образование и предпринимательскую деятельность.

Таким образом, устойчивое привлечение и удержание высококвалифицированных кадров в странах Центральной Азии возможно при сочетании экономических стимулов и последовательного сокращения цифрового разрыва.

Список литературы

1. Digital 2022: Kyrgyzstan [Электронный ресурс] // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-kyrgyzstan (Дата обращения 29.09.2025)
2. Digital 2023: Tajikistan [Электронный ресурс] // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-tajikistan (Дата обращения 29.09.2025)
3. Digital 2025: Uzbekistan [Электронный ресурс] // DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-uzbekistan (Дата обращения 29.09.2025)
4. Kazakhstan Individuals Using the Internet (% Of Population) [Электронный ресурс] // TradingEconomics. URL: https://tradingeconomics.com/kazakhstan/individuals-using-the-internet-percent-of-population-wb-data.html (Дата обращения 29.09.2025)
5. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс] // United Nations. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf (Дата обращения 29.09.2025)
6. Snegireva T. Human Potential in the System of Sustainable Development / Snegireva T., Kayachev G., Falaleev A., Kurgansky S. // E3S Web of Conferences. 2019. Vol. 110. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2019/60/e3sconf_sdemr18_03014/e3sconf_sdemr18_03014.html (Дата обращения 29.09.2025)

7. UNESCO Science Report: The Race Against Time for Smarter Development. Paris: UNESCO Publishing, 2021. 757 c.

8. The Changing Wealth of Nations 2021: Managing Assets for the Future. Washington, DC: World Bank, 2021. 171 c.

9. Индекс человеческого развития (Human Development Index) [Электронный ресурс] // GTMarket. URL: https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index (Дата обращения 29.09.2025)

10. Локосов В.В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 4. С. 4–14. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.1

11. Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта на период до 2030 года: постановление Президента Респ. Узбекистан от 14 окт. 2024 г. № ПП-358.

12. Об утверждении стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации: указ Президента Респ. Узбекистан от 6 окт. 2020 г. № УП-6079.

13. Узбекистан планирует увеличить экспорт IT-услуг до $5 млрд к 2030 году [Электронный ресурс] // Газета.uz. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/05/23/internet/ (Дата обращения 29.09.2025)

E.R. Mamadalieva

HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT AS A STRATEGIC PRIORITY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

This article examines human potential as a strategic resource for sustainable development, determining a country's competitiveness in the face of global challenges and digital transformation. It explores the role of human potential in ensuring innovative growth, social justice, and environmental sustainability. Using international rankings and statistics, it analyzes the positions of Central Asian countries in the Human Development Index, the characteristics of the brain drain, and the digital divide. It substantiates the need for comprehensive strategies that include investments in education, healthcare, and digital infrastructure for long-term socioeconomic growth.

Keywords: human potential, sustainable development, security.

УДК 316.4

Э.Ю. Петрова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СФЕРА: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РИСКОВ

Ключевая задача данной статьи заключается в описании процесса формирования рисков. Показано то, как изменения в культурной среде могут привести к негативным последствиям. Результатом проделанной работы является построенная концептуальная модель, которая демонстрирует этапы формирования рисков в культурной среде.

Ключевые слова: социокультурная сфера, риск, концептуальная модель.

Изучение социокультурных рисков усложнено двойственностью социокультурной среды (ее разделением на социальную и культурную) и неопределенностью понятия “риск”. Социокультурная среда – ключевая категория, взятая за основу при построении концептуальной модели исследования. Статья написана с целью определения методологических подходов к изучению социокультурной сферы. Дальнейшие тезисы выдвинуты с опорой на рецензии книги М.К. Горшкова, С.Н. Комиссарова, О.И. Карпухина «На переломе веков: социодинамика российской культуры».[1]

Авторы монографии строят свой анализ на методологическом триединстве: деятельностном подходе, институциональном подходе, теории социальных изменений. Главная задача их применения – показать усложнение и автономию социокультурной среды: культура российского общества преодолела экономический детерминизм и сведение ее сложности к интересам власти.

Подробно о методологических подходах. Деятельностный подход опирается на идеи советских социологов Уральской социологической школы – Ю. Р. Вишневского и Л. М. Когана; и рассматривает культуру и как процесс, и как результат человеческой деятельности. Культура как процесс включает в себя: «творческую деятельность по освоению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются и потребляются социальные ценности и нормы»; культура как результат означает «совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей».[2] Институциональный подход подчеркивает интегрирующую роль культуры, которая охватывает все сферы общества, структурируя его. Теория социальных изменений (П. Штомпка) изучает культуру в динамике, т.е. как процесс, подверженный изменениям. Здесь

© Петрова Э.Ю., 2026

[1] Горшков М. К. На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 703 с. – ISBN 978-5-89697-390-4. – EDN ZNLAIZ.

[2] Там же.

фокус делается на изучении социодинамики культуры в период с конца XX – начала XXI века.[1]

Деятельностный подход позволяет разложить любой риск на стадии его возникновения и проявления в цепочке творческой деятельности. Цикл культурной деятельности состоит из 4 процессов: потребления, распределения, сохранения и производства ценностей. С этой точки зрения, можно не просто констатировать наличие риска, но и увидеть путь его возникновения. Проявление риска на одной стадии может быть, как первопричиной, так и следствием.

Институциональный подход рассматривает риски не как изолированные явления, а как угрозы стабильности всей социальной системе. Культура выступает как социальный институт, выполняющий конкретные функции. Наиболее часто выделяемыми в качестве основных функций культуры являются: коммуникативная и информационная, адаптациисоциализации и др.[2]

Коммуникативная функция является условием и результатом общения индивидов. Условие – это определенная социально-культурная среда, которая обладает принятыми в ней средствами коммуникации. Результат коммуникаций – развитие общества, включающее освоение (потребление) и создание (производство) ценностей.[3]

Информационная функция культуры связана с процессами накопления, передачи и хранения социальной информации. Она способствует распространению (распределению) в обществе новых ценностей, правил и норм.[4] Функции социализации и адаптации действуют совместно. Первая направлена на отдельную личность, с целью приобщения индивида к общественной жизни. Данная функция обеспечивает сохранение общества, его ценностей, традиций и обычаев. Адаптивная функция культуры служит для достижения баланса между обществом и средой. Она минимизирует ущерб от деятельности человека, предоставляя инструменты для адаптации к реальности или для ее целенаправленного изменения.[5]

Обновление – естественное условие культурного процесса. Развитие общественных процессов приводит к тому, что потребности индивидов не удовлетворяются в функциях соответствующих социальных институтов. В связи с этим, перечисленные ранее функции следует описать и с точки зрения

[1] Силласте Г.Г., Арутюнян А.С. На перекрестке культур: размышления о книге коллег «На переломе веков: социодинамика российской культуры» / Силласте Г.Г., Арутюнян А. С. // Гуманитарий Юга России. 2025. Том. 14. №1.

[2] Любина О. Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. №5. С.2

[3] Любина О. Н. Указ. соч. С. 2

[4] Там же.

[5] Любина О. Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. №5. С.3

инновационной составляющей. Изменения порождают противоречия и несут в себе угрозу для общества. Инновации согласовываются с существующими традициями (устойчивыми элементами культуры) в том случае, когда они происходят в недрах устоявшихся норм и ценностей.[1] На мой взгляд, необходимо не возвращение к традициям, а в их изменении, дополнении в соответствии с изменениями в культурной сфере.

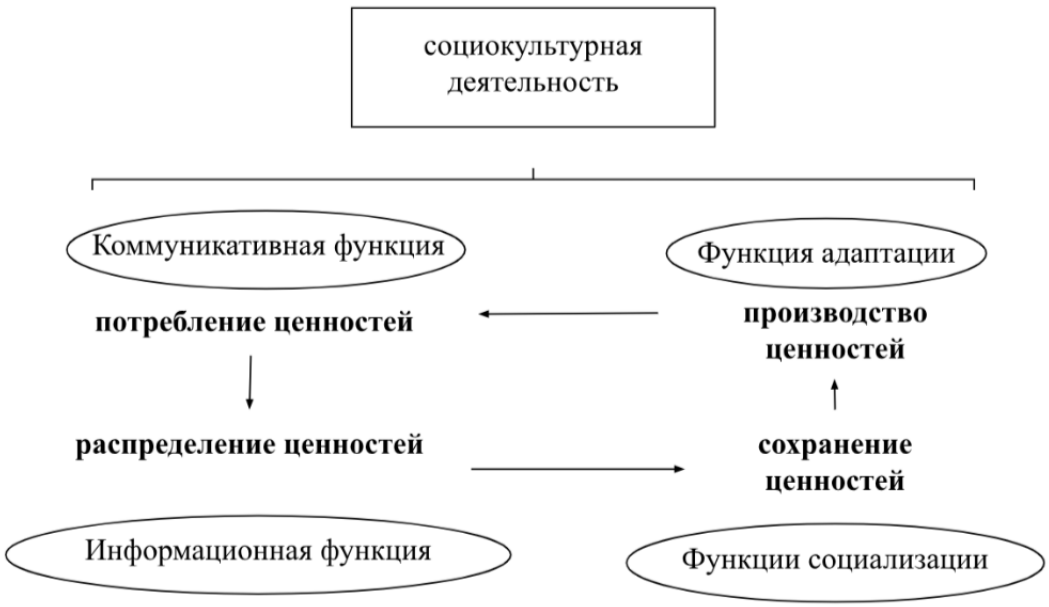

Рис. 1. Цепочка социокультурной деятельности

Вернемся в вышеуказанным функциям и рассмотрим их с точки зрения инновационной культуры.

Инновационный аспект коммуникативной функции ведет к освоению и созданию новых средств коммуникации, которые, однако, нередко приводят к деградации самого акта коммуникации: обесцениваются возможности и смысл человеческого взаимодействия, например, обратной связи между вышестоящими и нижестоящими отделами компании.

Информационная функция в контексте инновационной культуры исходит из специфики самого общества, которое характеризуется как “общество знания”.[2] Однако парадокс современности заключается в том, что обилие информации и разнообразие каналов коммуникации зачастую приводят к противоположному эффекту — у сотрудников снижается способность к критическому осмыслению ситуации, фильтрации и синтезу знаний. Отсутствие изменений в условиях труда, заработной плате сотрудников и других важных показателей негативно сказывается на их творческом потенциале и способности

[1] Лисин Б. К. Инновационная культура // Инновации. 2008. №10. С.49
[2] Лисин Б. К. Инновационная культура // Инновации. 2008. №10. С.49

к инновационной деятельности. Внутренняя среда компании может усилить эту проблему: отсутствие изменений в условиях труда, неконкурентная заработная плата приводят к неспособности развивать и генерировать новое. Таким образом, возникает двойной барьер для инноваций: когнитивный (неспособность работать с информацией) и мотивационный (нежелание это делать).

Функция социализации направлена на сохранение ценностей, но инновационный аспект раскрывает потенциал каждой личности, которая несет в себе знания предыдущих поколений, и, на основании своего опыта, способна вводить инновации в свою деятельность. Этим можно описать, например, разработку социальных проектов, благодаря которым местное население развивает социальный и культурный потенциал территорий.

Адаптационная функция помогает человеку жить в инновационном обществе, который стимулирует рост интеллектуального потенциала своих членов. Адаптируясь к реалиям инновационного общества, человек также создает явления, несущие угрозы для общества. Поэтому ключевую роль вводимых инноваций играют направления развития культуры.[1]

Теория социальных изменений добавляет измерение времени. Общество подвергается модификациям в историческом масштабе; данный процесс можно обозначить как динамика “системы”. На смену идее прогресса приходит идея кризисов, дискурс травмы, когда травматический эффект оказывают как негативные, так и позитивные изменения. Данная теория помогает анализировать риски, возникающие в эпоху быстрых, турбулентных изменений. На изменение культуры оказывают влияние объективные события: взаимодействие с другими культурами через миссионерскую деятельность, “вестернизацию”, миграция, смена политического и экономического строя. Изменение восприятия событий в обществе. Также негативное влияние оказывали “виртуальные изменения”, основанные на слухах, предрассудках, стереотипах. Макрообщественные изменения влияют как на общество, так и на социальные группы, отдельных индивидов.[2] Среди мощных драйверов изменений можно выделить глобализацию, цифровизацию, социальную турбулентность, мультикультурализм и др.

[1] Любина О. Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. №5. С.3

[2] Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с. + 32 с. цв. вкл. С.455-459

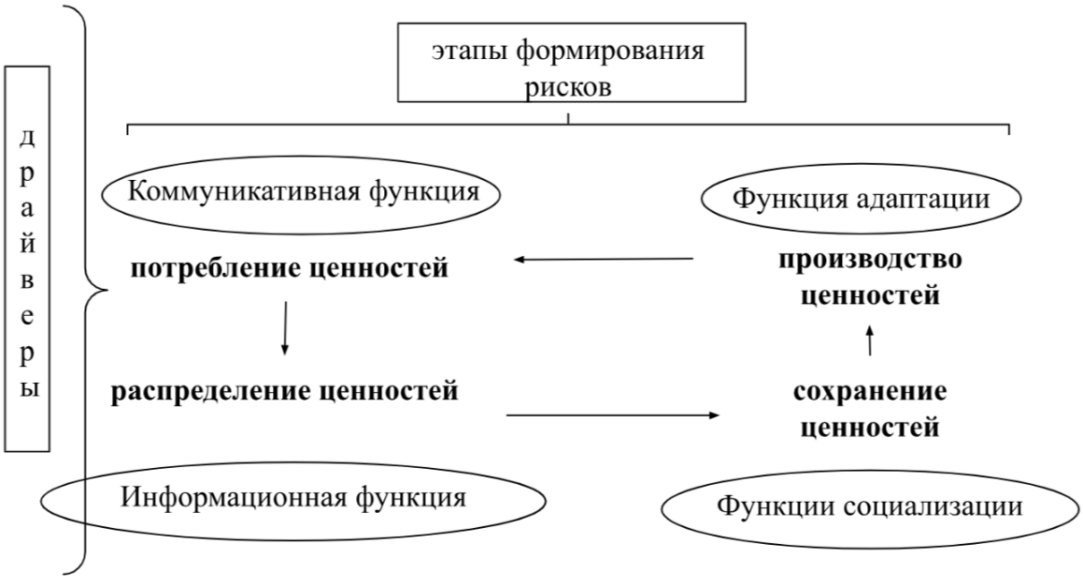

Рис. 2. Концепт-граф: этапы формирования рисков

Концепт-граф демонстрирует то, как риски перетекают по цепочке деятельности; как риски деятельностного подхода связаны с институциональными последствиями, выраженными в дисфункциях общества; как внешние драйверы изменений усугубляют или порождают риски на всех уровнях.

Изменения в сфере материальной культуры приводят трансформациям в сфере социокультурной.[1] На данном этапе рассуждений прослеживается связь между культурной и социальной сферами, следовательно, изменение одного приводит к изменению другого. Материальные достижения культуры способствуют изменению социальной сферы. Например, создание Интернета повлияло на коммуникативную функцию культуры, что привело к цифровизации общества. Помимо положительной стороны неизбежно проявляются негативные последствия. Например, на уровне владения информационно-компьютерными технологиями россияне не могут воспользоваться преимуществами новых технологий в полной мере. Исключение пожилого населения из числа пользователей Интернета снижает положительные возможности цифровизации, например, в обеспечении доступа к медицинской системе и постоянном обслуживании людей.[2]

Изучение рисков в социокультурной среде невозможно без детального рассмотрения изменений, происходящих в культуре нашей страны. Возникновение рисков не спонтанный, а структурированный и поэтапный процесс. В работе было выделено 3 этапа. На первом – культура рассматривалась

[1] Любина О. Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. №5.
[2] Стукаленко Е. А. Риски цифровизации жизни населения и пути их снижения // Идеи и идеалы. 2021. №4-1.

как непрерывная деятельность, где индивиды – акторы творческого процесса. На втором этапе показано, как материальные достижения культуры, новые практики и общественные нормы влияют на функционирование социального института культуры: функции могут не соответствовать потребностям общества. На третьем этапе было добавлено измерение времени. Современное общество быстро изменяется, что само по себе несет угрозу. Таким образом, на всех этапах прослеживается следующая идея: социальные изменения – это неизбежный, но в то же время необходимый процесс. Формирование рисков может быть в какой-то степени контролируемым, если замечать изменения, происходящие на первых этапах.

Список литературы

1. Горшков М.К. На переломе веков: социодинамика российской культуры / М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 703 с. – ISBN 978-5-89697-390-4. – EDN ZNLAIZ.

2. Лисин Б. К. Инновационная культура // Инновации. 2008. №10. С. 49- 53.

3. Любина О.Н. Основные функции культуры и их роль в формировании инновационного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. №5. С. 70-73.

4. Силласте Г.Г., Арутюнян А.С. На перекрестке культур: размышления о книге коллег «На переломе веков: социодинамика российской культуры» / Силласте Г.Г., Арутюнян А. С. // Гуманитарий Юга России. 2025. Том. 14. №1. С.188-200.

5. Стукаленко Е. А. Риски цифровизации жизни населения и пути их снижения // Идеи и идеалы. 2021. №4-1. С. 180-203.

6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с.

E.Y. Petrova

SOCIO-CULTURAL SPHERE: STAGES OF RISK FORMATION

The key objective of this article is to describe the process of risk formation. It shows how changes in the cultural environment can lead to negative consequences. The result of the work done is a constructed conceptual model that demonstrates the stages of risk formation in the cultural environment.

Keywords: socio-cultural sphere, risk, conceptual model.

УДК 330.1

М.А. Саяпина

УМНЫЕ ГОРОДА РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ ИННОПОЛИС И СКОЛКОВО

Статья посвящена анализу реализации концепции «умный город» в России на примере флагманских проектов – Иннополис и Сколково. Рассматривается не только технологические центры, но и экосистемы призванные стимулировать научно-технологический прогресс, развивать человеческий потенциал и сформировать комфортную среду для жизни и работы. Рассматривается комплекс мер, направленных на обеспечение инклюзивности и устойчивости проектов. Это позволит трансформировать точечный успех в системную практику, способствует технологическому лидерству страны.

Ключевые слова: умный город, наука, экономика, человеческий потенциал.

Концепция «умный город» – предполагает комплексное использование цифровых технологий, интернета и анализа данных для повышения эффективности управления городскими услугами и услугами, улучшения качества жизни горожан и обеспечения развития. Это единая система, объединяющая городскую инфраструктуру, сервисы и сообщество для создания более комфортной, безопасной и экономичной среды.

В рамках национальных проектов «Жизнь и городская среда» и «Цифровая экономика» реализуется программа «Умный город», ориентированная на радикальное преобразование российских городов. Ее суть не просто цифровизация, а комплексное повышение эффективности всей городской работы для создания безопасной и комфортной жизни людей. Проектируется на основе пяти ключевых принципов: ориентация на человека, технологичность, эффективное управление проблемами, безопасность и экономическое лидерство. Реализуются эти идеи через внедрение передовых цифровых решений в городское хозяйство: курировать которые призван специально созданный Национальный Центр компетенции.[1]

Самыми известными проектами «умный город» являются Иннополис и Сколково.

Иннополис – это уникальный город-спутник, по созданию цифровых технологий. Здесь высокоскоростной интернет, беспилотный транспорт и единая цифровая платформа – не будущее, а повседневная реальность. Центром этого инновационного проекта является университет, привлекающий студентов, ученых и IT-специалистов, которые являются динамично развивающимся

© Саяпина М.А., 2026

[1] Харченко К.В. От «умного города» – к «умной территории»: состояние и перспективы цифровизации городской среды и городского хозяйства / Харченко К.В. // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 3. С. 112-120.

сообществом города. Эта среда, во многом поддерживаемая государством для реализации масштабных проектов, создает для студентов уникальной возможности: доступ передовым образовательным программам, участие в реальных разработках и карьера в партнерских компаниях. Таким образом Иннополис предлагает непросто образование, а целую экосистему для раскрытия таланта и старта в профессии, становясь настоящей платформой для формирования будущего в сфере цифровых технологий.[1]

В России, на просторах Подмосковья, рождается будущее. Сколково, воплощение концепции «умного города», встречается с передовыми технологиями, органично включенными в повседневную жизнь. Здесь, среди футуристических зданий, особое внимание уделяется искусственному интеллекту, робототехнике и цифровому проектированию – технологиям, способным преобразить мир. Шагая по улицам инновационного центра, погружаясь в научно-фантастический фильм, где передовые решения работают на благо человека, повышая эффективность и комфорт. А в самом центре этой инновационной системы находится университет, где готовятся специалисты будущего. В них рождаются новые идеи, влекущие за собой амбициозные проекты, студенты и ученые получают мощную поддержку в создании высокотехнологичных стартапов.

Молодому поколению Сколково открывает двери в мир больших возможностей: участие в передовых исследованиях, сотрудничество с ведущими компаниями и доступ к научным лабораториям. Это не просто учеба, а шаг к стремительному профессиональному росту, формированию проблем, востребованных завтрашним днем. Инновационный подход Сколково, создающий благоприятную среду для предпринимателей, становится мощным двигателем развития новых технологий, укрепления российских позиций на мировой арене. Таким образом, Сколково становится не только площадкой для развития передовых технологий, но и мощным катализатором формирования технологий нового поколения и успеха технологических компаний.

С одной стороны, масштабные инициативы по созданию экосистем, Иннополиса и Сколково, способны привлекать инвестиции, стимулировать технологический прогресс и создавать новые рабочие места. Однако их эффективность часто омрачается рисками неэффективного распределения государственных мер, проектов избирательной поддержки и восприятия в обществе как «потемкинских деревень», если граждане не ощущают улучшения. Ключ к успеху лежит в прозрачном управлении, активной адаптации общества

[1] Станко Т. Университет Иннополис, центр недавно развитого ИТ-центра России: результаты четырех лет академической деятельности / Станко Т., Жирош О., Грачев П. // 2018

и, что особенно важно, в тщательном анализе пилотных проектов. Именно изучение их успехов и неудач позволяет перенимать лучшие практики, исключать предыдущие ошибки и создавать гибкие, адаптивные системы, способные к постоянной оптимизации и повышению конкурентоспособности в меняющихся условиях.

Проекты «умных городов», такие как Иннополис и Сколково, не ограничиваются роли технологических центров, но цели становятся катализаторами развития территориальных сообществ и человеческого потенциала. Через создание инновационной образовательной среды, привлечение талантов и формирование новых возможностей для профессиональной реализации, эти проекты стремятся преодолеть пространственное и социальное неравенство. Однако основная мысль заключается в том, что истинный успех зависит от того, насколько эти экосистемы смогут интегрироваться в более широкий социальный контекст, обеспечивая не только точечный рост, но и распространение знаний, практик и возможностей для всего окружающего сообщества, превращая тем самым миф о «городе будущего» в реальность для всех.

Настоящий кроется успех в другом – в том, чтобы Иннополис и Сколково стали донорами, источниками знаний, технологий и передовых моделей развития для всей страны. Они должны делиться своими компетенциями, транслировать свои лучшие практики, чтобы каждый уголок страны мог вдохновляться и использовать свой опыт для собственного роста. Только тогда два маяка зажгут огонь перемены по всей стране, превратив систему разработки инновационных центров в единую, мощную систему развития.[1]

Инклюзивность – это не просто модное слово, ключевой принцип, определяющий их способность влиять на окружающий мир. Именно открытость позволяет масштабировать успех и создавать синергию, когда инновации противодействуют по всей стране. Стабильность, в свою очередь, касается способности этих центров выживать и процветать в рамках большой стратегии. Речь идет не только о текущих достижениях, но и о том, что на самом деле они эффективно интегрируются в национальную проблему. Это означает демонстрацию такой эффективности, которая оправдывает все вложенные инвестиции и позволяет масштабировать успешные практики без постоянной зависимости от государственной поддержки.

Для того чтобы Иннополис и Сколково перестали быть изолированными «технологическими островами» и превратились в государственный двигатель

[1] Сорокина А. Какова жизнь в Иннополисе, главном городе «Силиконовой долины» // Сорокина А. // Наука и техника. 2019

общенационального развития, требуется не просто декларация, а продуманный комплекс мер, направленных на обеспечение инклюзивности и устойчивости. Ключевую роль в этой трансформации играют задачи их университетов. Это означает, что кадры для цифровой экономики будут готовиться не только в столичных центрах, но и на отдельных участках, получая необходимые знания и навыки для работы в быстро меняющемся мире.

Не менее важно внедрить «франчайзинг» управленческих моделей. Речь идет о разработке готовых «цифровых ДНК», адаптируемых программных комплексов, предназначенных для управления ЖКХ, транспортом, энергосбережением и другими городскими системами. Эти решения должны быть легко внедряемые в любом городе, позволяя повысить эффективность и качество жизни граждан.[1]

Для прямой передачи опыта следует запустить масштабные программы акселерации. Это даст возможность талантливым региональным стартапам работать на площадках Иннополиса и Сколково, получая доступ к экспертизе, менторству и финансированию. Эксперты из флагманских центров, в свою очередь, должны курировать проекты в регионах, делясь своими знаниями и опытом.

Технологический трансфер будет обеспечен за счет открытия API (интерфейсов программирования приложений) платформ и решений, созданных в «умных городах». Это позволит локальным IT-компаниям адаптировать и развивать эти технологии под собственные нужды, создавая новые рабочие места и стимулируя экономический рост.

Наконец, необходим действенный механизм, стимулирующий распространение инноваций. Условием получения государственной поддержки для резидентов инновационных центров должно стать обязательное пилотирование их проектов в других регионах. Это создаст спрос на инновации и заставит разработчиков думать о масштабируемости своих решений.

В результате этих усилий, вместо строительства новых городов с нуля, будет создана обширная сеть «аффилированных территорий». Эти партнерства с моногородами и другими регионами будут использовать технологии, разработанные в Иннополисе и Сколково, получая методологическую поддержку от флагманов. Таким образом, точечный успех превратится в системную практику, охватывающую всю страну, приближая российские города к технологическому лидерству.

[1] Свиткова М.Ю. Модель франчайзинга: на пути к созданию общей теории франчайзинга в рыночной экономике / Свиткова М.Ю. // Журнал «Управление каналами дистрибуции».

Список литературы

1. Станко Т. Университет Иннополис, центр недавно развитого ИТ-центра России: результаты четырех лет академической деятельности / Станко Т., Жирош О., Грачев П. // 2018
2. Сорокина А. Какова жизнь в Иннополисе, главном городе «Силиконовой долины» // Сорокина А. // Наука и техника. 2019
3. Свиткова М.Ю. Модель франчайзинга: на пути к созданию общей теории франчайзинга в рыночной экономике / Свиткова М.Ю. // Журнал «Управление каналами дистрибуции».
4. Харченко К.В. От «умного города» – к «умной территории»: состояние и перспективы цифровизации городской среды и городского хозяйства / Харченко К.В. // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 3. С. 112-120.

M.A. Sayapina

RUSSIAN SMART CITIES: MYTH OR REALITY? AN ANALYSIS OF THE INNOPOLIS AND SKOLKOVO PROJECTS

The article is devoted to the analysis of the implementation of the «smart city» concept in Russia using the example of flagship projects Innopolis and Skolkovo. It considers not only technology centers, but also ecosystems designed to stimulate scientific and technological progress, develop human potential and create a comfortable environment for life and work. A set of measures aimed at ensuring the inclusivity and sustainability of projects is being considered. This will make it possible to transform point success into a systematic practice, contributing to the technological leadership of the country.

Keywords: smart city, science, economy, human potential.

УДК 008.39

И.А. Тарасов

СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Целью статьи является описание структуры этнической идентичности, анализ ее функций и особенностей. Рассмотрены различные авторские подходы к элементам этнической идентичности в современном мире (Т.Г. Стефаненко, Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, С.В. Лурье). Этническая идентичность выполняет следующие функции: консолидирующую, дифференцирующую, регулятивную, ценностную, эмоционально-оценочную и социально-психологическую. Основными структурными компонентами этнической идентичности являются когнитивный, аффективный и поведенческий.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнос, этничность, город, село, этническая культура.

Этническая идентичность является одним из важнейших регуляторов отношений как внутри этноса, так и между различными этническими группами. Она способствует развитию индивидуальности личности, создает возможность установления первичных связей не только в семье, но и в других социальных группах, из которых состоит данный этнос, также этническая идентичность отличается определенной гибкостью в том смысле, что индивид может воспользоваться своими связями внутри этноса, когда это необходимо. В этнической группе индивид имеет более четкую и индивидуализированную идентичность, чем например, в социальных классах. Но в современном мире, в условиях различных процессов, таких как глобализация, модернизация, урбанизация, этническая идентичность может растворяться, причем это может происходить как в сельской, так и в городской местностях и по-разному проявляться.

Выделяется несколько основных функций этнической идентичности[1]. К первой такой функции относится консолидирующая. Ее главной характеристикой является объединение людей в единое целое на основе общих этнических интересов, норм и ценностей. Противоположной является дифференцирующая функция, она напротив отделяет один этнос от другого с помощью уникальных черт этнического самосознания.

Регулятивная функция определяет цели для этнической группы и способы их достижения. Целями могут быть как желания процветания народа, так и достижение суверенитета, например. Ценностная же функция несет за собой устоявшиеся в этнической общности нормы и правила. Она формирует общие

© Тарасов И.А., 2026

[1]Хотинец В.Ю. Этническое самосознание в структуре интегральной индивидуальности: Дис … канд. психол. наук. – Ижевск: 1995. 212 с.

представления, идеалы, устои для этнической группы и занимается их сохранением.

Эмоционально-оценочная функция является регулятором отношений различных этнических групп. Она определяет групповое самосознание «Мы» и отделяет «Они». Главным критерием этого отделения является самооценка этноса. Социально-психологическая функция определяет различные стороны этнического самосознания, такие как: темперамент, поведение, характер общения, особенности психики. Такие особенности связаны с основными видами деятельности представителей этноса.

Главными функциями этнической идентичности, по мнению Т.Г. Стефаненко[1], являются интегрирующая и дифференцирующая: первая объединяет с этнической общностью, вторая разделяет с другими, иногда ставя неосознанный барьер для взаимодействия.

Для полного понимания структуры этнической идентичности, рассмотрим подходы к определению ее составляющих у ряда авторов. Т.Г. Стефаненко[2] рассматривал этническую идентичность как социальный конструкт, который формирует этнодифференцирующие элементы, такие как: нормы, ценности, религия, язык, искусство. Этническая идентичность, по мнению автора - это, в первую очередь, результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности. Ученый выделял в этнической идентичности два основных компонента: когнитивный (знания) и аффективный (отношение). Также этническая идентичность является совмещением своего «я» и «среды», окружающей человека.

Многие авторы выделяют в структуре этнической идентичности также поведенческий компонент. Так Л.М. Дробижева[3] рассматривала поведенческий компонент в механизмах взаимодействия с членами общности, в системе построения межличностных и межгрупповых отношений, а также в действиях в различных этноконтактных ситуаций.

Г.У. Солдатова[4] разделяла этнические социальные установки (аттитюды) на негативные и позитивные. Так позитивные аттитюды содержат в себе желание принадлежности к той или иной общности, удовлетворенность своей включенностью в группу, а также ярко выраженные этнические чувства: страх, обиду, гордость, достоинство. Негативные же аттитюды включают в себя неприязнь к своей этнической принадлежности, желание вступить в другие группы, а также отрицание своей этнической идентичности. Чаще всего при

[1]Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М. 1999. 320 с.
[2] Там же.
[3]Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостоя-ние или совместимость // Россия реформирующаяся / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2002. С. 220–221.
[4]Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. 389 с.

таких аттитюдах выражается чувство стыда за свой народ, связанное с историей. Также автор выделила три вида этнической идентичности: этноизоляционизм (отчуждение своего народа от других), этноэгоизм (превосходство своего этноса на вербальном уровне) и этнофанатизм (интересы своего народа важнее других).

Ю.В. Арутюнян[1] выделял четыре источника этнической идентичности. Первым источником, по мнению ученого, является «родовой» - он включает в себя общее происхождение и историческую судьбу. Второй источник - это «психический», к нему относятся религиозные, социальные, духовные, ценностные идеалы народа. Третий источник – «этнокультурный», в него входит привязанность к этнической культуре, нормам, языку и традициям. Четвертым источником является социальный, он включает в себя социальные позиции и взаимоотношения. Все эти источники формируют этническую идентичность.

Говоря о структуре этнической идентичности необходимо также упомянуть этнолога С.В. Лурье[2]. По ее мнению, этническая идентичность - это не только осознание своей принадлежности к этносу, но и бессознательное отношение к его составляющим. С.В. Лурье выделила в этнической идентичности три компонента: «образ для других», «образ для себя» и «образ в себе». «Образом для других» С.В. Лурье называла все мероприятия, символы, мифы и легенды, которые этнос приписывает себе для успешной коммуникации с другими. «Образом для себя» является все то, что нужно этносу для своей деятельности, то, с чем этнос себя ассоциирует. «Образом в себе» этнолог определяла бессознательное восприятие мира, которое определяет согласованность действий среди членов определенного этноса.

На основе различных теорий, в том числе и выше перечисленных, различные исследователи изучали особенности этнической идентичности в городской и сельской местностях. Например, в исследовании Е.Е. Тиниковой[3]рассматриваются межэтнические отношения хакасов в городе и в селе. Так выделяются основные для хакасов элементы идентичности: это язык (57%) и этнические традиции (54%). Рассматривая в целом исследование и сравнивая этническую идентичность горожан и селян, можно сделать следующие выводы: стирание границ между различными субэтносами Хакасии происходит быстрее в городе, чем в селе. Но при этом важность своей этнической идентичности более выражена также у представителей городского населения, это обусловлено желанием сохранения своей уникальности в агрессивной городской среде. Еще было выявлено, что горожане ощущают

[1]Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 42–49.
[2]Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 2003. С. 227-228.
[3]Тиникова Е. Е. Особенности этничности и межэтнических отношений в городской и сельской среде Хакасии // Мониторинг. 2020. №4. С. 533-548.

большее неравенство, чем жители сельской местности, связанной с разницей доходов и расходов в различных местностях.

В.В. Вацур[1] исследовал различия этнической идентичности у молодого поколения в городах Череповце, Сыктывкаре и в селе Яренск. Так у городской молодежи формирование этнической идентичности осложнено взаимодействием с представителями других этносов, которые могут создавать установки, которые противоположны нормам и традициям своей этнической группы. У представителей сельской молодежи ситуация выглядит иначе, основные контакты происходят с представителями того же этноса, что и они, поэтому они глубже познают свою этническую культуру, что приводит к формированию позитивной идентичности.

Таким образом, этническая идентичность является важной частью идентичности человека, которая объединяет людей друг с другом и придает уникальность их общностям. Также идентичность имеет множество различных функций, которые формируют характер этносов, их взгляды и способы взаимодействия. Авторы выделяют разнообразные элементы структуры этнической идентичности, подчеркивают, что она включают в себя самосознание и представления о своей и чужой общности. Одними из основных компонентов этнической идентичности являются: когнитивный (знания о своем этносе), аффективный (отношение к своему этносу) и поведенческий (практические действия, соблюдение этнических традиций). Наблюдается различие этнической идентичности в городской и сельской местностях, которое, в т.ч. заключается во взаимодействии с более гомогенной или более гетерогенной этнической средой. Позитивная идентичность выражена больше в сельской местности, по причине частого взаимодействия людей с представителями своего этноса.

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 42–49.

2. Вацура В.В. Этническая идентичность городской и сельской молодежи // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5. С.11- 12.

3. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН. 2002. С. 213-244.

4. Лурье С.В. Историческая этнология. – М. 2003. 624 с.

[1]Вацура В.В. Этническая идентичность городской и сельской молодежи // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5. С.11-12.

5. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. 389 с.

6. Стефаненко Т. Г.Этнопсихология. М. 1999. 320 с.

7. Тиникова Е. Е. Особенности этничности и межэтнических отношений в городской и сельской среде Хакасии // Мониторинг. 2020. №4. С. 533-548.

8. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание в структуре интегральной индивидуальности: Дис … канд. психол. наук. – Ижевск: 1995. 212 с.

I.A. Tarasov

STRUCTURE, FUNCTIONS AND MODERN FEATURES OF ETHNIC IDENTITY

The purpose of the article is to describe the structure of ethnic identity, analyze its functions and features. Various author's approaches to the elements of ethnic identity in the modern world (T.G. Stefanenko, Yu.V. Harutyunyan, L.M. Drobizheva, S.V. Lurie) are considered. Ethnic identity performs the following functions: consolidating, differentiating, regulatory, value-based, emotionally evaluative, and socio-psychological. The main structural components of ethnic identity are cognitive, affective, and behavioral.

Keywords: Ethnic identity, ethnos, ethnicity, city, village, ethnic culture.

УДК 316.334.2

С.К. Япаров, Л.З. Фатхуллина

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА К МАЛОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ

В статье рассмотрены актуальные проблемы привлечения в сферу малого бизнеса молодежи. Для формирования национальной экономики необходимо укрепление позиций малого и среднего бизнеса в общей системе социально-экономических отношений. Развитие малого предпринимательства как важного общественного института – задача, для решения которой необходима активная поддержка государства с целью повышения благосостояния населения. Для поддержки малого бизнеса основными рекомендациями являются следующие меры: законодательное регулирование, частичная компенсация затрат начинающим предпринимателям, повышение предпринимательской культуры.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, студенческая молодежь, эффективные меры, институты социализации.

Социально-экономическое благополучие человека зависит от организации его трудовой деятельности в современных социально-экономических условиях. Современный опыт развитых государств показывает необходимость высокого уровня развития и эффективности малого предпринимательства для каждой национальной экономики[1]. История термина «малый бизнес» начинается в английской литературе, данный термин «small business» на русский язык переводится как небольшая компания. А. Хоскинг, профессор Лондонского университета определяет малый бизнес как «деятельность, которая осуществляется частным лицом, для реализации своих определенных выгод, в которой заинтересованы как обычный гражданин, так и организация». В целом, малые предприятия позитивно влияют на экономику страны, усиливают конкуренцию и стимулируют крупные компании к внедрению новых производственных и управленческих решений, а также к техническому развитию[2].

В нашей стране уделяется достаточно внимания данному вопросу: появились различные центры предпринимательства, программы поддержки и развития предпринимательства, бизнес-инкубаторы и предпринимательские клубы. Однако, как показывает практика, не все меры оказываются эффективными. Кроме того, существенным фактором эффективности процесса адаптации молодежи в экономику является взаимодействия социальных

© Япаров С.К., Фатхуллина Л.З., 2026

[1]Фатхуллина Л.З. Совершенствование взаимодействия власти и малого бизнеса / Л.З. Фатхуллина //Управление устойчивым развитием. 2018. № 1 (14). С. 66-72.

[2]Ахмадуллин И.Р. Социальная ответственность как потенциал конкурентоспособности малых предприятий /И.Р. Ахмадуллин// Казанский педагогический журнал. 2016. № 6 (119). С. 209-212.

институтов, таких как семья, школа, государство, экономические институты, отвечающие за экономическую социализацию[1]. В ходе проведенного анализа выявлены типы ценностных ориентаций студенческой молодежи:

- карьерный рост и материальное благополучие;
- ориентация на свободу и путешествия;
- спокойная и стабильная жизнь;
- власть и удача;
- семейный образ жизни.

В 2025 году проведено пилотажное социологическое исследование «Отношение студентов к предпринимательству». В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы познания. Теоретическая база исследования основывалась на трудах современных ученых, опыте научно-исследовательских центров, статистики по исследуемой проблеме. В рамках пилотажного исследования проведен опрос, в котором участвовали студенты КНИТУ, 58% женщин и 42% мужчин; возраст респондентов: 18-23 года.

На вопрос: «Что Вы понимаете под предпринимательской деятельностью?», были получены следующие ответы: «возможность реализовать себя и свои собственные идеи» (49%), «возможность создания собственного бизнеса» (43,1%). На вопрос хотели ли вы заняться предпринимательством, большинство ответило «да» – 0,8 %, это также помогает нам понять отношение респондентов к малому предпринимательству. Необходимо было дать возможность респондентам пояснить, на что в основном направлена деятельность предпринимателя. Почти одинаковое количество собрало два пункта, это управление компанией 73,5% и зарабатывание денег 72%.

Отметим, что стратегию вовлечения молодежи в малый бизнес можем рассматривать в активном варианте, который включает в себя создание благоприятных условий для развития. Такой подход выгоден как индивиду, так и государству[2].

Основными проблемами для развития предпринимательства, по мнению респондентов, являются недостаточная поддержка со стороны власти (55,9%), высокий уровень конкуренции (55,9%), низкий уровень предпринимательской культуры (47,1%).

Одним из отталкивающих факторов для создания собственного бизнеса является конкуренция. В настоящее время большое количество людей уже занимается собственным бизнесом, и студенту все труднее найти что-то новое,

[1]Зинурова Р.И. Финансовое положение домохозяйств в период социально-экономического кризиса /Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина //Управление устойчивым развитием. 2021. № 1 (32). С. 47-56.
[2]Фатхуллина Л.З. Формирование экономической культуры у студентов вузов /Л.З.Фатхуллина / В сборнике: За качественное образование. Материалы V Всероссийского форума. Саратов, 2020. С. 444-446.

востребованное на рынке. Так же начинающему бизнесмену никак не обойтись без базовых знаний для начинающего предпринимателя. Отсутствие знаний может разрушить так и не начавший бизнес, но отсутствие высшего образования, по мнению опрашиваемых респондентов, никак не влияет на зарождение и развитие бизнеса[1].

Следующий вопрос анкеты позволил выявить необходимые меры поддержки для развития предпринимательства, результаты представлены на рисунке.

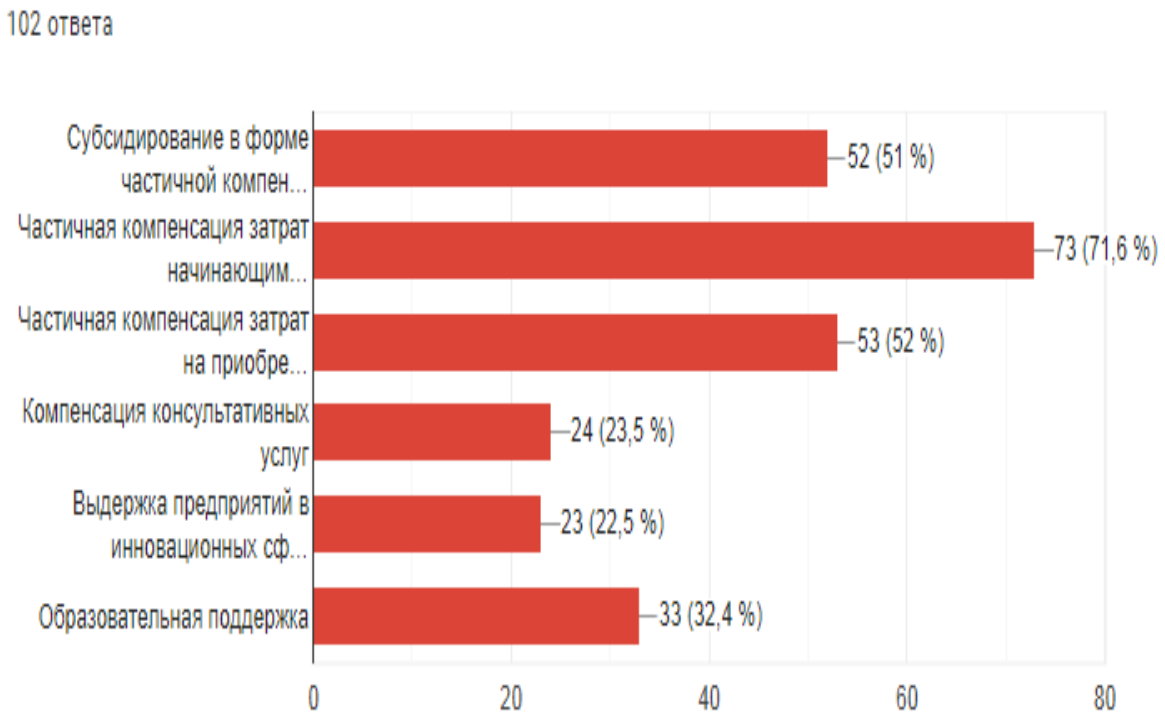

Рис. Основные меры поддержки для развития предпринимательства, %

Как видим из рисунка, опрошенные студенты считают, что на первоначальном этапе создания малого бизнеса, в первую очередь, необходима частичная компенсация затрат (71,6%)

Таким образом, в современной действительности возрастает роль предпринимательских навыков молодых людей, их предприимчивости, инициативности, умения оперативно принимать решения в разнообразных условиях. Сегодня образование создает условия для приобретения вышеперечисленных знаний и умений. По результатам опроса выявлено, что молодежь при создании малого бизнеса готова получать образование, им нужны знания по основам менеджмента, логистики, проектной работы.

[1] Никитина Т.Н. Семейный бизнес как средство профессиональной мобильности молодежи / Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина// Управление устойчивым развитием. 2021. № 4 (35). С. 79-88.

Список литературы

1. Ахмадуллин И.Р. Социальная ответственность как потенциал конкурентоспособности малых предприятий /И.Р. Ахмадуллин// Казанский педагогический журнал. 2016. № 6 (119). С. 209-212.
2. Зинурова Р.И. Финансовое положение домохозяйств в период социально-экономического кризиса /Р.И. Зинурова, Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина //Управление устойчивым развитием. 2021. № 1 (32). С. 47-56.
3. Никитина Т.Н. Семейный бизнес как средство профессиональной мобильности молодежи / Т.Н. Никитина, Л.З. Фатхуллина// Управление устойчивым развитием. 2021. № 4 (35). С. 79-88.
4. Фатхуллина Л.З. Совершенствование взаимодействия власти и малого бизнеса / Л.З. Фатхуллина //Управление устойчивым развитием. 2018. № 1 (14). С. 66-72.
5. Фатхуллина Л.З. Формирование экономической культуры у студентов вузов /Л.З.Фатхуллина / В сборнике: За качественное образование. Материалы V Всероссийского форума. Саратов, 2020. С. 444-446.

S.K. Yaparov, L.Z. Fatkhullina

STUDENT ATTITUDE TOWARDS SMALL BUSINESS

This article examines current challenges in attracting young people to small business. Strengthening the position of small and medium-sized businesses in the overall socioeconomic system is essential for the development of the national economy. Developing small entrepreneurship as an important social institution requires active government support to improve the population's well-being. The following key measures are recommended for supporting small businesses: legislative regulation, partial reimbursement of costs for aspiring entrepreneurs, and fostering entrepreneurial culture.

Keywords: small business, entrepreneurship, student youth, effective measures, socialization institutions.

РАЗДЕЛ 8. МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.472.4.

Д.Ю. Агафонова

МОЛОДЁЖНОЕ ВОЛОНТЁРСТВО В КОНТЕКСТЕ ЗАНЯТОСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Статья посвящена исследованию волонтёрской активности российской молодёжи как специфической формы занятости и её влияния на процессы социализации и накопления человеческого капитала. Теоретической основой выступает концепция человеческого капитала и социологические модели мотивации добровольчества. Эмпирическую базу составили микроданные Обследования рабочей силы Росстата за 2024 г. (n =263 654, возраст 15–35 лет). Показано, что волонтёрством занимается 4,3% молодёжи, при доминировании нерегулярных и неформальных форм. Детерминанты участия различаются по полу, уровню образования, занятости и типу поселения.

Ключевые слова: волонтёрство, человеческий капитал, молодежь.

Волонтёрская деятельность в последние годы приобрела устойчивое место в социальной и экономической жизни России. Государственные инициативы, включая «Концепцию развития добровольчества до 2025 года», закрепили её значимость в молодёжной политике и социальной сфере. Однако, несмотря на количественный рост добровольцев, остаётся открытым вопрос о масштабах молодёжного волонтёрства и его влиянии на занятость и формирование человеческого капитала. Молодёжь, находящаяся на этапе выхода на рынок труда, сочетает учебные, трудовые и социальные практики. Вовлечение в волонтёрство может выполнять функции социализации, развития компетенций и накопления опыта, но реальное влияние этих практик на трудовые траектории остаётся малоизученным. Цель данного исследования — выявить масштабы и структуру волонтёрской активности молодёжи, а также определить факторы её вовлечённости.

В научной литературе волонтёрство рассматривается как добровольная деятельность, приносящая пользу другим людям или сообществам и не предполагающая прямой материальной выгоды[1]. В социологии труда оно трактуется как особая форма занятости, включённая в систему социального воспроизводства[2]. Теоретическим каркасом анализа выступает концепция

© Агафонова Д.Ю., 2026

[1] Wilson J. Volunteering / J. Wilson // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 215–240. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215.

2 Забелина О.В. Волонтерство как новая форма занятости / О.В. Забелина, Ф.И. Мирзабалаева, А.Ю. Вега // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 775–786. DOI: 10.18334/et.6.2.40692.

человеческого капитала Г. Беккера[1], согласно которой навыки и знания, приобретаемые в ходе практической деятельности, повышают продуктивность индивида. В этой логике волонтёрство можно рассматривать как инвестицию в человеческий капитал, способствующую формированию «мягких» (коммуникативные, гражданские компетенции) и «жёстких» (организационные, ИТ-навыки) умений.

Эмпирическую базу составили микроданные выборочного обследования рабочей силы Росстата за 2024 г[2]. В исследование включены респонденты 15–35 лет. Анализ проводился с применением двух групп методов: сравнение средних по критериям Фишера и Стьюдента; пошаговая логистическая регрессия (метод Вальда) для выявления предикторов участия в четырёх формах волонтёрства: сбор средств, благоустройство территорий, помощь животным, социальные работы. Для интерпретации учитывались только статистически значимые коэффициенты ($p < 0{,}001$).

Анализ показал, что в 2024 г. волонтёрской деятельностью занимались 4,3% российской молодёжи, что составляет около 1,53 млн человек. Для большинства характерны нерегулярные формы участия: около 60% вовлекаются лишь несколько раз в год. Более 70% действуют вне формальных организаций, что указывает на слабую институционализацию. Максимальная интенсивность вовлечённости фиксируется в возрасте 20–24 лет (в среднем 7,6 ч/мес). В старших группах (25–35 лет) активность снижается, но различие траекторий возрастает: часть молодёжи сохраняет устойчивое участие, другая ограничивается эпизодическими акциями.

Наёмные работники составляют большинство волонтёров (≈55% всех участников), однако внутри категории доля невелика — около 3,7%. Самозанятые демонстрируют наибольшую интенсивность (14,2%) и формируют почти треть всех молодых волонтёров. Среди безработных и студентов уровень участия также сравнительно высок, что отражает роль волонтёрства как канала социализации при отсутствии стабильной занятости.

Фандрайзинг чаще практикуют мужчины, жители городов и молодёжь с гибкими формами занятости (удалённая, дополнительная, неформальная работа). С возрастом вероятность участия возрастает примерно на 6% ежегодно. Благоустройство территорий чаще свойственно сельской молодёжи; женщины и состоящие в браке также вовлечены больше. Положительное влияние оказывает среднее и практико-ориентированное образование. Помощь животным чаще

1 Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education / G.S. Becker. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

2 Микроданные выборочного обследования рабочей силы. 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.08.2025).

распространена среди сельских жителей и женщин. Дополнительная занятость повышает вероятность участия, а удалённая и неформальная — снижают. С возрастом вовлечённость уменьшается. Социальные работы характерны для респондентов со средним и средним профессиональным образованием и для сельской молодёжи. Пол и возраст имеют незначительное влияние.

Волонтёрство и человеческий капитал. Несмотря на распространённость представлений о его пользе для карьеры, полученные данные свидетельствуют об ограниченном эффекте. Связь между участием и улучшением трудовых исходов слабая и опосредована институциональными факторами. Влияние волонтёрства на развитие «мягких» и «жёстких» навыков фиксируется, но прямое преобразование в карьерные преимущества остаётся редким.

Таким образом, масштабы молодёжного волонтёрства в России остаются ограниченными: 4,3% вовлечённых при преобладании нерегулярных и неформальных практик. Детерминанты участия различаются по видам деятельности: фандрайзинг характерен для городских мужчин с гибкой занятостью, благоустройство и помощь животным — для сельской молодёжи, социальные работы — для обладателей среднего профессионального образования. Самозанятые демонстрируют наиболее высокую интенсивность вовлечения, что подчёркивает значение гибких режимов труда. Волонтёрство выполняет функции социализации и развития компетенций, но его прямое влияние на карьерные перспективы остаётся слабым. Для повышения эффективности необходима институционализация добровольчества и учёт региональных и образовательных различий при разработке мер поддержки.

Список литературы

1. Забелина О.В. Волонтерство как новая форма занятости / О.В. Забелина, Ф.И. Мирзабалаева, А.Ю. Вега // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 775–786. DOI: 10.18334/et.6.2.40692.

2. Микроданные выборочного обследования рабочей силы. 2024. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 22.08.2025).

3. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education / G.S. Becker. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

4. Wilson J. Volunteering / J. Wilson // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 215–240. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215.

D.Yu. Agafonova

YOUTH VOLUNTEERING IN THE CONTEXT OF EMPLOYMENT AND HUMAN CAPITAL

The article examines the volunteering activity of Russian youth as a specific form of employment and its impact on the processes of socialization and human capital accumulation. The theoretical framework is based on the concept of human capital and sociological models of volunteering motivation. The empirical basis consists of microdata from the Russian Labour Force Survey for 2024 (n = 263,654, age 15–35). The study shows that 4.3% of young people are engaged in volunteering, with irregular and informal forms prevailing. The determinants of participation vary by gender, education level, employment status, and type of settlement.

Keywords: volunteering, human capital, youth.

УДК 316.7

Н.Л. Антонова

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ПОМОГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье раскрывается роль молодежи как субъекта помогающего поведения. Опираясь на материалы полуформализованных интервью (n=20), утверждается, что помогающее поведение становится источником позитивных эмоций субъекта альтруизма: молодежь испытывает радость, счастье, удовлетворение, воодушевление. К числу функциональных характеристик помогающего поведения отнесены: поддержка нуждающихся, безопасность мира и благополучие общества, воспроизводство морально-нравственных ценностей/культуры взаимопомощи, положительное психо-эмоциональное состояние, сплочение/солидаризация людей, вовлечение других в альтруистические практики. Исследование показало, что помогающее поведение молодежи маркирует культурный код и моральные традиции российского общества.

Ключевые слова: помогающее поведение, альтруизм, социальное благополучие, молодежь.

Молодежь как высокоресурсная социальная группа, обеспечивая экономические и культурные преобразования, проявляет субъектность в повседневных практиках помогающего поведения. Э. Гидденс подчеркивает роль молодежи в адаптации и трансформации социальных институтов в ответ на новые вызовы[1].

Современные исследователи подчеркивают важность поощрения помогающего поведения молодежи[2]. Это связано с тем фактом, что просоциальные ориентации имеют существенное значение для повышения благополучия и достижения социальной гармонии[3]. Социальное благополучие как хорошее социальное самочувствие, переживание положительных эмоций и развитие позитивных отношений с окружающим миром[4] характеризует не только тех индивидов, в отношении которых совершаются акты альтруизма, но и субъектов помогающего поведения, которые переживают положительные эмоции и чувства. Благополучие как устойчивое состояние позволяет человеку развиваться и процветать. Молодое поколение, повышая качество жизни

© Антонова Н.Л., 2026

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 24-28-20018, https://rscf.ru/project/24-28-20018/

[1] Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.

[2] Bartolo M.G. «I feel good, I am a part of the community»: Social responsibility values and prosocial behaviors during adolescence, and their effects on well-being / M.G. Bartolo, A.L. Palermiti, R. Servidio, A. Costabile // Sustainability. 2023. №15 (23). Article 16207.

[3] Rose L. The Emergency of Prosociality: A Developmental Perspective on Altruism and Other Prosocial Behavior in the Face of Disaster / L. Rose, G. Dezecache, T. Powell, S. Chokron, K. Kovarski // Current Directions in Psychological Science. 2022. №31 (6). P. 486-492.

[4] Ruggeri K. Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries / K. Ruggeri, E. Garcia-Garzon, Á. Maguire, S. Matz, F.A. Huppert // Health Qual Life Outcomes. 2020. №18. P. 192.

нуждающихся в помощи индивидов, утверждает и собственную жизненную позицию.

Наше исследование, объектом которого выступила молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, было проведено весной 2025 года. Методом полуформализованного интервью было опрошено 10 мужчин и 10 женщин, проживающих в г. Екатеринбурге. В ходе опроса мы стремились реализовать следующие исследовательские задачи: во-первых, изучить чувственно-эмоциональную сферу молодых людей как субъектов помогающих практик; во-вторых, выделить функциональные характеристики, маркирующие субъекта помогающего поведения.

Согласно полученным результатам интервью все информанты в ходе оказания бескорыстной помощи другим людям испытали положительные эмоции, среди которых: радость, счастье, удовлетворение, воодушевление. Молодежь отметила ощущения полезности, важности и признания: *«в такие моменты я чувствую себя нужной и важной»* (жен., 18 лет). По мнению информантов, они стали добрее, «зарядились» энергией, почувствовали «прилив» сил. Как отметил один из опрошенных: *«Такие поступки очень заряжают энергией и позитивом. Сейчас говорю и чувствую радость и прилив сил»* (жен., 21 год).

Рис. Облако слов, описывающее эмоции субъекта альтруизма

В поле альтруистических практик молодежи – волонтерство, бытовая/повседневная помощь, благотворительность, зоозащита, донорство. Развитие получает онлайн альтруизм и межкультурные коммуникации, а также вовлечение ближайшего окружения в просоциальную активность.

Полученные в ходе сбора данных материалы позволили нам определить основные функциональные характеристики альтруиста.

Поддержка нуждающихся. «*Это* [альтруисты] *те, кто вытягивает других»* (муж., 19 лет); *«…нужны для того, чтобы помогать в ситуациях, в которых человек не может справиться сам»* (жен., 22 года); *«Они поддерживают слабых и уязвимых»* (муж., 28 лет).

Безопасность мира и благополучие общества. *«Они делают мир мягче и безопаснее, вдохновляют других быть лучше»* (муж., 25 лет); *«…хотят привнести пользу в мир»* (муж., 29 лет); *«…без них мир бы был более жестоким и злым»* (жен., 18 лет).

Воспроизводство морально-нравственных ценностей, культуры взаимопомощи. *«Альтруисты — это те, кто поддерживает человеческое в людях. В обществе, где всё измеряется выгодой, альтруисты напоминают, что важны ценности, доброта, участие»* (муж., 25 лет); «*Альтруисты — это моральный ориентир. Благодаря им мы не превращаемся в общество, где всё измеряется деньгами»* (жен., 22 года); *«Они сохраняют и поддерживают веру в добро, во взаимопомощь, в человечность»* (жен., 29 лет).

Хорошее психо-эмоциональное состояние как принимающих помощь, так и оказывающих помогающее поведение. «*Одни получат помощь, другие удовольствие от того, что помогают другим»* (муж., 22 года); *«…если все будут помогать, …то многим станет жить проще и радостней»* (муж., 29 лет).

Сплочение/солидаризация людей. *«Прозвучит громко, но мне кажется, что на таких людях держится мир»* (жен., 29 лет).

Мотивация других на альтруистические действия. *«Мотивируют других на добрые дела»* (жен., 21 год); *«…альтруисты будут вдохновлять других»* (муж., 19 лет); *«…показывают позитивный пример окружающим»* (муж., 28 лет).

Молодое поколение, реализуя инновационную, трансляционную и воспроизводственную функции в процессе своей жизнедеятельности[1], является субъектом построения будущего, определяя его облик текущими современными поведенческими практиками, в том числе просоциальным поведением. Российские исследования демонстрируют, что альтруизм становится мотивом вовлеченности молодежи в преобразовательную деятельность, нацеленную на развитие городского пространства[2], а также ориентацией на благотворительность и волонтерство[3].

Полученные данные свидетельствуют о том, что помогающее поведение по-прежнему выступает частью культурного кода и моральной традиции

[1] Чупров В.И. Молодежь в общественном производстве / В.И. Чупров // Социологические исследования. 1998. №3. С. 93-106.

[2] Антонова Н.Л. Абрамова С.Б. Право на город: мотивация социальной активности городской молодежи / Н.Л. Антонова, С.Б. Абрамова // Теория и практика общественного развития. 2021. №6 (160). С. 15-19.

[3] Воробьева И.Н. Специфика мотивации разных форм социального участия населения / И.Н. Воробьева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. №13 (3). С. 203-219.

российского общества: молодежь не только готова к производству альтруистических практик, но и активно в них вовлечена, испытывая широкий спектр позитивных эмоций, реализую социально-значимые функции, что повышает субъективную оценку благополучия и снижает эффекты катастрофического сознания.

Список литературы

1. Антонова Н.Л. Абрамова С.Б. Право на город: мотивация социальной активности городской молодежи / Н.Л. Антонова, С.Б. Абрамова // Теория и практика общественного развития. 2021. №6 (160). С. 15-19.
2. Воробьева И.Н. Специфика мотивации разных форм социального участия населения / И.Н. Воробьева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. №13 (3). С. 203-219.
3. Чупров В.И. Молодежь в общественном производстве / В.И. Чупров // Социологические исследования. 1998. №3. С. 93-106.
4. Bartolo M.G. «I feel good, I am a part of the community»: Social responsibility values and prosocial behaviors during adolescence, and their effects on well-being / M.G. Bartolo, A.L. Palermiti, R. Servidio, A. Costabile // Sustainability. 2023. №15 (23). Article 16207.
5. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
6. Rose L. The Emergency of Prosociality: A Developmental Perspective on Altruism and Other Prosocial Behavior in the Face of Disaster / L. Rose, G. Dezecache, T. Powell, S. Chokron, K. Kovarski // Current Directions in Psychological Science. 2022. №31 (6). P. 486-492.
7. Ruggeri K. Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries / K. Ruggeri, E. Garcia-Garzon, Á. Maguire, S. Matz, F.A. Huppert // Health Qual Life Outcomes**.** 2020. №18. P. 192.

N.L. Antonova

YOUTH AS A SUBJECT OF HELPING BEHAVIOR

The article explores the role of youth as a subject of helping behavior. Based on materials from semi-structured interviews (n=20), it is argued that helping behavior becomes a source of positive emotions for the subject of altruism: young people experience joy, happiness, satisfaction, and inspiration. The functional characteristics of helping behavior include: supporting those in need, ensuring the safety and well-being of society, the reproduction of moral and ethical values/a culture of mutual assistance, a positive psycho-emotional state, the unification/solidarity of people, and the involvement of others in altruistic practices. The study showed that the helping behavior of youth embodies the cultural code and moral traditions of Russian society.

Keywords: helping behavior, altruism, social well-being, youth.

УДК 316.477

У.С. Арапова

МОЛОДЕЖЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Статья посвящена анализу процесса профессионального самоопределения современной молодежи в условиях трансформирующегося общества. Рассматриваются социологические подходы к интерпретации данного феномена, специфика молодежи как социально-демографической группы, а также влияние цифровизации, глобализации и других трансформационных процессов на стратегии профессионального выбора молодых людей.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, молодежь, трансформация рынка труда, цифровизация, образовательные траектории.

Проблематика профессионального самоопределения молодежи приобретает особую актуальность в контексте глубинных трансформаций современного общества. Стремительные технологические изменения, цифровизация экономики, глобализационные процессы – все эти явления формируют принципиально новую среду, в которой молодым людям приходится принимать решения относительно своего профессионального будущего.

Эволюция социологических представлений о сущности профессионального самоопределения отражает изменения, происходящие в трудовой сфере. Если изначально данный феномен рассматривался преимущественно через призму социальной стратификации и мобильности (М. Вебер, П. Сорокин), то современные подходы акцентируют внимание на его процессуальном, динамическом характере.

Классическая интерпретация, представленная в работах М. Вебера, трактует профессиональный выбор не как индивидуальный акт, а как элемент более широкого процесса социального позиционирования. П. Сорокин рассматривал профессиональное самоопределение в контексте вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, подчеркивая особую роль образования как канала перемещения в социальном пространстве[1].

Структурно-функциональный подход Т. Парсонса интерпретирует профессиональное самоопределение как компонент процесса социализации, обеспечивающий интеграцию индивида в социальную систему через освоение профессиональных ролей. Концепция человеческого капитала Г. Беккера рассматривает профессиональный выбор как инвестиционное решение, направленное на максимизацию будущих доходов[2].

© Арапова У.С., 2026

[1] Сорокин, П.А. Социальная мобильность / П.А. Сорокин; пер. с англ. Москва: Academia, 2005. 588 с.

[2] Becker G. Human Capital. N.Y., L., 1975. p. 268

Отечественные исследователи внесли значительный вклад в разработку данной проблематики. В.Н. Шубкин выявил существенные расхождения между планами выпускников и реальными возможностями трудоустройства. Д.Л. Константиновский исследовал влияние социального неравенства на процесс профессионального самоопределения[1]. Особый интерес представляет концепция «жизненного проекта» Ю.А. Зубок, согласно которой профессиональное самоопределение выступает компонентом более широкого процесса жизненного самоопределения[2].

Молодежь представляет собой особую социально-демографическую группу, характеризующуюся транзитивным социальным положением, активным процессом социализации и спецификой ценностных ориентаций. Именно в молодежном возрасте происходят ключевые события, формирующие профессиональную траекторию: завершение образования, выбор специальности, начало трудовой деятельности, первичная профессиональная адаптация. Статистические данные позволяют охарактеризовать молодежь как значимую демографическую группу. По данным Росстата на 2023 год, численность молодежи в возрасте 14-30 лет в России составляет около 32 миллионов человек, или примерно 22% от общей численности населения. При этом отмечается тенденция к сокращению доли молодежи в общей структуре населения[3].

В сфере занятости молодежь демонстрирует повышенную мобильность, но одновременно сталкивается с рядом проблем. Уровень безработицы среди молодежи 15-24 лет в 2023 году составил около 14%, что значительно превышает средний показатель по всем возрастным группам (4,5%)[4].

Современный этап общественного развития характеризуется динамичными трансформационными процессами, меняющими контекст профессионального самоопределения молодежи. Среди ключевых процессов следует выделить цифровизацию, глобализацию, переход к постиндустриальной экономике, флексибилизацию трудовых отношений.

По данным ВЦИОМ (2023), 72% молодых людей в возрасте 18-24 лет считают, что для успешной карьеры традиционного образования недостаточно, необходимо постоянное обновление компетенций[5]. Эта установка отражает понимание молодежью изменившихся требований рынка труда.

---

[1] Константиновский Д. Л. В поисках источника образовательного неравенства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 4. С. 98-111

[2] Зубок, Ю.А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – Москва: Норма, 2021. – 304 с.

[3] Володин, В. Н. Профессиональное самоопределение молодежи // Телескоп. 2023. №3. С. 15 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-molodezhi-1 (дата обращения: 18.09.2025).

[4] Там же.

[5] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Обучение длиною в жизнь [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Новости: Аналитические обзоры. — Москва, 30.08.2023. — Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn (дата обращения: 27.04.2025).

Таблица 1

Динамика распределения занятых по отраслям экономики в России (в % от общей численности занятых)[1]

Отрасли экономики	**2000 год**	**2010 год**	**2020 год**	**2023 год**
Сельское хозяйство	13,9	7,7	5,8	5,2
Промышленность	23,7	19,6	18,3	17,9
Строительство	6,7	7,2	7,5	7,6
Торговля, общественное питание	14,6	17,8	19,1	19,3
Транспорт и связь	7,8	7,9	8,2	8,3
Финансовая деятельность, операции с недвижимостью	5,2	8,4	9,6	10,1
Информационные технологии	1,5	2,3	3,5	4,2
Государственное управление, безопасность	4,8	7,1	7,0	6,9
Образование	9,3	8,6	7,9	7,7
Здравоохранение	6,7	6,8	6,9	7,0
Прочие услуги	5,8	6,6	6,2	5,8

Анализ данных свидетельствует о сокращении доли занятых в сельском хозяйстве и промышленности при одновременном росте занятости в сфере услуг, особенно в торговле, финансовом секторе, информационных технологиях.

Профессиональное самоопределение современной молодежи характеризуется растущей нелинейностью. По данным ВЦИОМ (2023), 62% молодых россиян допускают возможность смены профессии в течение жизни, а 34% уже имели опыт профессиональной переориентации. Эта тенденция отражает не только трансформацию рынка труда, но и изменение установок самой молодежи[2].

Данные Росстата свидетельствуют о росте образовательных амбиций молодежи. В 2023 году 54% выпускников школ поступили в вузы, 32% - в учреждения среднего профессионального образования, при этом наблюдается возрастающий тренд получения нескольких образований[3].

[1] Доклад о положении молодёжи в Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 01.10.2024. – Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/10/Доклад_ПМ2023_ЭЦП_Петрова1.10.24.pdf (дата обращения: 18.09.2025).

[2] ВЦИОМ. Указ. Соч.

[3] Доклад о положении молодёжи в Российской Федерации за 2023 год. Указ. Соч.

Региональная дифференциация также влияет на профессиональное самоопределение. По данным Минобрнауки (2023), около 25% выпускников школ из малых городов и сельской местности переезжают для получения образования в крупные региональные центры, а 15% - в Москву и Санкт-Петербург. При этом только 30% из них планируют вернуться в родной регион[1].

Трансформация ценностных ориентаций в сфере труда является одним из ключевых факторов, определяющих специфику профессионального самоопределения современной молодежи.

Таблица 2

Динамика значимости мотивов выбора профессии (% респондентов, отметивших данный мотив как «очень важный»)[2]

Мотивы выбора профессии	**1990-е годы**	**2000-е годы**	**2010-е годы**	**2020-е годы**
Высокий доход	78,3	82,5	76,8	72,4
Престиж профессии	63,7	68,2	59,4	48,7
Гарантия трудоустройства	65,2	70,1	63,8	61,2
Возможность самореализации	34,8	41,3	56,7	68,9
Баланс работы и личной жизни	22,6	29,4	44,5	65,3
Возможность профессионального роста	41,3	47,8	59,2	63,8
Соответствие способностям и интересам	38,7	42,1	53,4	61,7
Возможность приносить пользу обществу	21,5	18,3	23,6	31,4
Возможность работать удаленно/гибкий график	12,3	17,6	32,4	58,2

Как видно из таблицы, значимость материальных факторов и престижа профессии снижается, в то время как важность факторов, связанных с самореализацией, балансом работы и личной жизни, профессиональным ростом, возрастает. Особенно заметен рост значимости возможности удаленной работы и гибкого графика.

Анализ особенностей профессионального самоопределения современной молодежи свидетельствует о значительных трансформациях данного процесса. На смену линейной модели профессионального развития приходит нелинейная,

[1] Там же.

[2] Чепелева Л. М. ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ // Гуманитарные науки. 2021. №4 (56). С. 145 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnogo-samoopredeleniya-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 18.08.2025).

характеризующаяся множественностью образовательных и профессиональных траекторий, гибкостью профессиональной идентичности, готовностью к смене сфер деятельности.

Значительные изменения претерпевает мотивационная структура профессионального выбора: на первый план выходят возможности для самореализации, баланс работы и личной жизни, гибкость форм занятости. Вместе с тем, сохраняется влияние социального происхождения и территориального фактора на доступность качественного образования и перспективных профессиональных траекторий.

В этих условиях возрастает значимость институтов, ответственных за профессиональную ориентацию и поддержку профессионального развития молодых людей. Необходимо совершенствование системы профессионального образования в направлении большей гибкости образовательных траекторий, усиления связи с практикой, формирования компетенций, востребованных в условиях трансформирующегося рынка труда.

Список литературы

1. Володин В. Н. Профессиональное самоопределение молодежи // Телескоп. 2023. №3. С. 15 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-molodezhi-1 (дата обращения: 18.09.2025).

2. Сорокин П.А. Социальная мобильность / П.А. Сорокин; пер. с англ. Москва: Academia, 2005. 588 с.

3. Зубок, Ю.А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – Москва: Норма, 2021. – 304 с.

4. Константиновский Д. Л. В поисках источника образовательного неравенства // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 4. С. 98-111

5. Чепелева Л. М. ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (Обычный регистр) // Гуманитарные науки. 2021. №4 (56). С. 145. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnogo-samoopredeleniya-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 18.09.2025).

6. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Обучение длиною в жизнь [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Новости: Аналитические обзоры. — Москва, 30.08.2023. — Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn (дата обращения: 18.09.2025).

7. Доклад о положении молодёжи в Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 01.10.2024. – Режим доступа:

https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/10/Доклад_ПМ2023_ЭЦП_Петрова1.10.24.pdf (дата обращения: 18.09.2025).

8. Becker G. Human Capital. N.Y., L., 1975. p. 268

U.S. Arapova

YOUTH AND PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

The article is devoted to the analysis of the process of professional self-determination of modern youth in a transforming society. It examines sociological approaches to interpreting this phenomenon, the specific characteristics of youth as a social-demographic group, as well as the influence of digitalization, globalization, and other transformational processes on the professional choice strategies of young people.

Keywords: professional self-determination, youth, labor market transformation, digitalization, educational pathways.

УДК 316.7

А.А. Белоусова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ВОСТОЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Статья посвящена исследованию трансформации отечественных молодёжных субкультур под влиянием глобализации, с акцентом на растущем воздействии восточных трендов, в частности китайских. На основе системно-динамического и синергетического подходов анализируются механизмы адаптации заимствованных культурных элементов, гибридизация и формирование новых идентичностей. Особое внимание уделяется роли цифровых платформ и «мягкой силы» в распространении восточных субкультурных моделей среди российской молодёжи. Делается вывод о смещении культурного влияния с Запада на Восток и усилении роли самоорганизации в субкультурной динамике.

Ключевые слова: молодёжные субкультуры, глобализация, культурная гибридизация, восточное влияние, цифровизация, китайские субкультуры.

Последние десятилетия глобализация ускоряет культурный обмен, приводя к возникновению новых, трансграничных субкультур, которые формируются под влиянием различных культурных контекстов и распространяются через интернет и социальные сети. Для лучшего понимания сущности современных субкультур российской молодёжи необходимо подробно изучить особенности субкультурного дискурса тех культур, которые оказывают наибольшее влияние на формирование отечественных направлений в субкультурах. Таковыми являются субкультуры таких стран, как США и Великобритания (западные субкультуры), под влиянием которых среди отечественной молодёжи получили распространение такие субкультуры, как «готы», «хиппи», «панки» и др., а также страны востока: Япония («отаку», «хиккикамори»), Южная Корея («k-pop») и Китай («ханьфу»). За последнее десятилетие, влияние востока особенно усилилось. Данная статья исследует специфику адаптации российских субкультур к глобальным вызовам и анализирует роль восточного влияния в их эволюции.

Молодёжная субкультура

В настоящее время не существует единого подхода к изучению феномена молодежной субкультуры. Так, среди зарубежных социологов большое распространение получил структурно-функциональный подход, яркими

© Белоусова А.А., 2026

представителями которого являются такие социологи, как Т. Парсонса[1], Ш. Айзенштадт[2], М. Брэйк[3].

Структурный функционализм рассматривает молодёжные субкультуры не как протест или угрозу, а как функциональный и стабилизирующий элемент социальной системы. Они возникают как закономерная реакция на потребности самого общества и выполняют по отношению к нему ряд важных функций:
«Предохранительный клапан». Субкультуры позволяют молодёжи в социально приемлемой, ритуализированной форме выпустить напряжение, вызванное сложностью процесса интеграции во взрослое общество (поиск работы, построение карьеры, создание семьи). Таким образом, они снимают потенциально более разрушительный протестный потенциал.

Агент социализации. Субкультуры выступают в качестве "тренировочной площадки", где молодёжь усваивает социальные роли, нормы поведения, строит иерархии и учится взаимодействовать в коллективе, что подготавливает её к интеграции в более широкую социальную структуру.

Структурирование переходного периода: Подростковый и молодёжный возраст — это пороговый период, когда человек уже не ребёнок, но ещё не полноправный взрослый. Субкультура предоставляет ему чёткие правила, стиль, символику и статусы, помогая структурировать этот неопределённый этап жизни и обрести временную идентичность.

Поддержание социального порядка. С точки зрения функционализма, например, в интерпретации Т. Парсонса, даже девиантные на первый взгляд явления в конечном счёте работают на поддержание стабильности всей системы, перенаправляя и канализируя энергию молодёжи.

Отечественные социологи предложили альтернативные подходы к анализу молодёжных субкультур. Так И. Д. Колесин[4] выделяет системно-динамический, синергетический подходы. Системно-динамический подход рассматривает молодёжную субкультуру не как статичный набор признаков (стиль, музыка, сленг), а как целостную сложную систему, находящуюся в постоянном движении и развитии. Ключевые идеи данного подхода это: *целостность* (субкультура — это система, где все элементы (ценности, нормы, практики) взаимосвязаны и влияют друг на друга. Изменение одного элемента (например, появление новой социальной сети) влечёт изменения во всей системе); *динамика* (акцент делается

[1] Парсонс Т. О структуре социального действия. – 2-е изд./ Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2002. , С. 97-123.
[2] Eisenstadt, S.N. From Generation to Generation [Text] / S.N. Eisenstadt. – Glencoe, 1956. P. 156-240.
[3] Бачаев, А.А. Неформальные молодежные объединения как социальное явление / А.А. Бачаев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). , с. 510
[4] Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. 1999. № 1. URL: https://ecologia-cultur.ucoz.ru/load/13-1-0-44 (дата обращения: 8.08.2025)

на процессах: возникновение, становление, трансформация, распад субкультуры. Исследователь изучает не "снимок" субкультуры в момент времени, а её "видеозапись" — как и почему она меняется); *взаимосвязь со средой* (субкультура постоянно взаимодействует с внешней средой (общество, политика, мейнстрим-культура, глобальные тренды). Она адаптируется к воздействиям извне и сама оказывает влияние на среду).

Синергетический подход объясняет, как в молодёжной среде спонтанно, без единого центра управления, могут возникать новые субкультурные образования и порядок. Основные идеи подхода – это *«самоорганизация»* (субкультура возникает не по указке сверху, а "снизу" как результат коллективного взаимодействия множества индивидов), *«неустойчивость»* (система часто находится в неустойчивом состоянии. Критические моменты (например, появление нового технологического уклада или резкое изменение социально-экономической ситуации) могут привести к неожиданному и кардинальному изменению всей системы (рождению новой субкультуры или резкой трансформации старой) и *«нелинейность»* (развитие субкультуры непредсказуемо, небольшие причины могут иметь большие последствия, и наоборот).

Ещё один отечественный социолог, С. И. Левикова[1], определяет молодёжную субкультуру, как часть общей культуры и подчеркивает, что субкультуры являются реакцией на социально-экономические и политические изменения и выполняют функцию адаптации молодежи к внешним вызовам . Также С. И. Левикова в своей работе описывает характерные для любой субкультуры черты, а именно:

- специфический стиль жизни и поведения;
- наличие своеобразной системы норм, ценностей, мировосприятия;
- наличие уникальной, отличительной внешней атрибутики, проявляющейся в одежде, украшениях, манерах, жаргоне и т.п.;
- наличие более или менее явного «инициативного центра», генерирующего идеи.

Влияние глобализации на отечественные молодёжные субкультуры

В условиях глобализации субкультуры сталкиваются с необходимостью интеграции заимствованных элементов, что приводит к их гибридизации. Глобализация также способствует унификации культурных практик, но одновременно стимулирует поиск уникальных идентичностей. Как отмечает

[1] Левикова, Светлана Игоревна. Молодежная субкультура : учеб. пособие / С.И. Левикова. — Москва : Гранд, Фаир-пресс, 2004. — 607, [1] с. : 22 см.; ISBN 5-8183-0759-X (в пер.). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002454018/ (дата обращения: 03.09.2025)

Е.Н. Шапинская[1], музыкальные субкультуры России активно заимствуют элементы западных и восточных культур, что отражается в их эстетике и ценностях: «Во многом это связано с приходом масс медиа, которые привнесли элемент глобализации в молодежную среду. Подросткам стали доступны музыкальные стили всего мира. В то же время в мировой музыке происходят процессы смешивания различных стилей, возникших в разных этнических группах. Возникает так называемый «глобал поп», в котором соседствуют элементы самых разных музыкальных культур. Важным процессом, происходящим в культуре в целом, а в молодежных субкультурах в особенности, является гибридизация.» Например, хип-хоп и аниме-культура, изначально пришедшие с Запада и Востока, адаптируются к локальным условиям, приобретая специфические черты.

В последнее десятилетие годы Китай также активно расширяет свое культурное влияние на формирование облика отечественных молодёжных субкультур. Происходит это через механизмы "мягкой силы" – кинематограф, музыку, социальные сети и цифровые платформы. Это оказывает заметное воздействие и на российскую молодежь, способствуя появлению новых субкультурных течений или адаптации уже существующих. Активно формируются геймерские сообщества по китайским онлайн играм (Genshin Impact, Honor of Kings), которые создают вокруг себя субкультуры, схожие с аниме-фэндомами. Российские игроки перенимают китайский игровой сленг и эстетику персонажей. В 2022 году в России произошёл «бум» китайской литературы[2] (за 2020-2023 года удвоился рынок японских и китайских авторов в РФ[3]), и с каждым годом популярность растёт, оказывая влияние на российских читателей, что может привести к появлению новых литературных субкультур.

Возрастающее влияние азиатских трендов на российскую молодёжь может быть обусловлена популярностью таких социальных сетей, как TikTok и Likee, а также стриминговых платформ Twich и Bilibili, которые делают азиатский контент доступным для русскоязычной аудитории. Исследования Китайской академии социальных наук[4] , проведённом в 2022 году, показывают, что более 65% молодых китайцев интересуются традиционной культурой и транслируют

[1] Шапинская Е.Н., Иванов С.В. Молодежные музыкальные субкультуры в глобализованном мире: эстетические ценности и поиск идентичности // Человек и культура. 2016. № 3. С. 92-104. DOI: 10.7256/2409-8744.2016.3.17809 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17809 (дата обращения: 03.09.2025)

[2] Китайская глобальная телесеть (CGTN). Россия и Китай укрепляют культурные связи [Электронный ресурс] // CGTN на русском. – 2024. – 15 мая. – URL: https://russian.cgtn.com/news/2024-05-15/1790632912856748034/index.html (дата обращения: 06.09.2025).

[3] Добровольская А. Азиатский рывок: В РФ удвоился спрос на японских и китайских авторов [Электронный ресурс] // Известия. — 2023. — URL: https://iz.ru/1579775/agata-dobrovolskaia/aziatskii-ryvok-v-rf-udvoilsia-spros-na-iaponskikh-i-kitaiskikh-avtorov (дата обращения: 05.05.2024)

[4] Роль молодёжи в сохранении и развитии культурных традиций Китая // CheesecakeMedia URL: https://cheesecakeschool.ru/media/culture/rol-molodezhi-v-sohranenii-i-razvitii-kulturnyh-tradicij-kitaya (дата обращения: 07.09.2025).

ее мировому сообществу через социальные сети . В России это проявляется в растущем интересе к:

1. Ханьфу и традиционной китайской одежде – российские подростки внедряют элементы ханьфу в повседневный стиль, организуют тематические фестивали.

2. Китайским боевым искусствам и медитативным практикам – они становятся частью субкультур, ориентированных на самопознание и здоровый образ жизни.

3. Языку и символике – заимствование китайских иероглифов в татуировках и графическом дизайне.

Трансформация отечественных молодежных субкультур под влиянием глобализации и восточных тенденций свидетельствует об их динамичности и адаптивности. Возрастающая роль Китая в культурном пространстве России отражает общемировые процессы перераспределения культурного влияния от западного к восточному.

Список литературы

1. Eisenstadt S.N. From Generation to Generation [Text] / S.N. Eisenstadt. – Glencoe, 1956. 357 p.

2. Бачаев А.А. Неформальные молодежные объединения как социальное явление / А.А. Бачаев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). , 630 с.

3. Добровольская А. Азиатский рывок: В РФ удвоился спрос на японских и китайских авторов [Электронный ресурс] // Известия. — 2023. — URL: https://iz.ru/1579775/agata-dobrovolskaia/aziatskii-ryvok-v-rf-udvoilsia-spros-na-iaponskikh-i-kitaiskikh-avtorov (Дата обращения: 05.05.2024)

4. Китайская глобальная телесеть (CGTN). Россия и Китай укрепляют культурные связи [Электронный ресурс] // CGTN на русском. – 2024. – 15 мая. – URL: https://russian.cgtn.com/news/2024-05-15/1790632912856748034/index.html (Дата обращения: 06.09.2025).

5. Колесин И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. 1999. № 1. URL: https://ecologia-cultur.ucoz.ru/load/13-1-0-44 (Дата обращения: 8.08.2025)

6. Левикова Светлана Игоревна. Молодежная субкультура : учеб. пособие / С.И. Левикова. — Москва : Гранд, Фаир-пресс, 2004. — 607, [1] с. : 22 см.; ISBN 5-8183-0759-X (в пер.). URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002454018/ (Дата обращения: 03.09.2025)

7. Парсонс Т. О структуре социального действия. – 2-е изд./ Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2002. , 880 с.

8. Роль молодёжи в сохранении и развитии культурных традиций Китая // CheesecakeMedia URL: https://cheesecakeschool.ru/media/culture/rol-molodezhi-v-sohranenii-i-razvitii-kulturnyh-tradicij-kitaya (Дата обращения: 07.09.2025).

9. Шапинская Е.Н., Иванов С.В. Молодежные музыкальные субкультуры в глобализованном мире: эстетические ценности и поиск идентичности // Человек и культура. 2016. № 3. С. 92-104. DOI: 10.7256/2409-8744.2016.3.17809 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17809 (Дата обращения: 03.09.2025)

A.A. Belousova

TRANSFORMATION OF RUSSIAN YOUTH SUBCULTURES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: THE GROWING INFLUENCE OF EASTERN TRENDS

The article is devoted to the study of the transformation of domestic youth subcultures under the influence of globalization, with an emphasis on the growing influence of Eastern trends (Japan, Korea, China). Based on the system-dynamic and synergetic approaches, the mechanisms of adaptation of borrowed cultural elements, hybridization and formation of new identities are analyzed. Particular attention is paid to the role of digital platforms and "soft power" in the dissemination of Eastern subcultural models among Russian youth. A conclusion is made about the shift of cultural influence from the West to the East and the strengthening of the role of self-organization in subcultural dynamics.

Keywords: youth subcultures, globalization, cultural hybridization, Eastern influence, digitalization, Chinese subcultures.

УДК 316.346.32-053.6

Д.С. Зинцов

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЭУ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА)

В настоящее время «образ будущего» – это малоисследованное понятие в социологии. Современная молодежь – основа будущей экономики, решения социальных вопросов, однако без уверенности в будущем, достижение гармонии будет представляться тяжелым процессом. В данной статье рассматривается образ будущего в представлениях студентов (на примере РЭУ имени Г. В. Плеханова).

Ключевые слова: образ будущего, студенты, социальные вопросы, восприятие.

Согласно большому толковому словарю Русского языка, будущее – период времени, который последует за настоящим, предстоящие события.

Одно из определений образа будущего дала И. В. Желтикова. Это понятие она истолковывает, как «относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время в определенном социуме и является одним из элементов социальной реальности»[1].

Интерес к образу будущего обусловлен заинтересованностью к проблеме его представления в различных социально-культурных группах и условиях. При изучении образов будущего у субъектов встают вопросы о социальных изменениях и о концепциях социального устройства.

Современное поколение молодых людей все чаще сталкивается с проблемой неопределенности образа будущего. Непонимание себя приводит к тревожным мыслям о будущем, как на индивидуальном уровне, так и в масштабах общества. Без уверенности в будущем дне, достичь гармонии будет представляться тяжелым процессом. Всплеск интереса к будущему можно оценить как характерную черту социологии и общественно-исторической панораме мирового сообщества начала XXI в.[2] Вместе с тем существует проблема исследования образа будущего современных студентов в нынешних условиях.

В современном мире у молодежи зачастую отсутствует понимание образа будущего, на это влияет несформированные до конца цели и мотивы деятельности.

Эмпирические и теоретические исследования будущего, конструирование и прогнозы научно значимых тенденций развития общества особенно становятся

© Зинцов Д.С., 2026

[1] Желтикова, И.В. «Образ будущего» - контексты использования понятия / И.В. Желтикова // Образ будущего. Сборник статей. Орел: Картуш, 2021. С. 5-14.

[2] Романовский, Н.В. Будущее как проблема современной социологии / Н.В. Романовский // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 11–22.

востребованными в переходные и кризисные периоды, когда социум пытается найти и осознать свою актуальную идентичность, сформулировать цели и определить направления долгосрочного развития.[1]

Финская исследовательница Анита Рубин, которая анализировала отношение к будущему среди студенческой молодежи, акцентировала внимание своих респондентов на вопросе о том, что может и должно произойти в будущем. Данные такого исследования, как она считает, помогают понять, как представления о будущем студентов связаны с сегодняшним днем и как они влияют на актуальное поведение и жизненные решения молодых людей.[2]

Методом анкетирования в 2024 году было опрошено 90 респондентов, которые обучаются в РЭУ им. Г. В. Плеханова.

На вопрос «Есть ли у Вас четкие представления о будущем?» больше половины студентов (52,2%) ответили отрицательно (рис. 1). Это говорит о том, что эти опрошенные находятся в ситуации неопределенности.

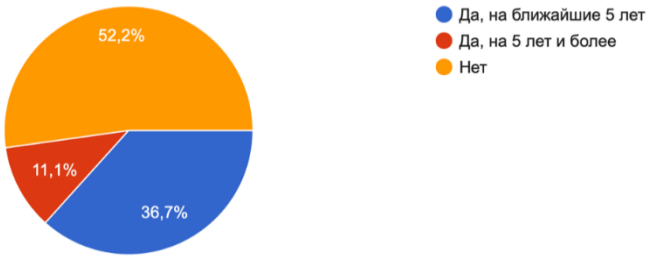

Рис. 1. Наличие четких представлений о будущем студентов

При ответе на вопрос «Планируете ли Вы свое будущее в долгосрочной перспективе?» 27,8% опрошенных выбрали вариант, связанный с возникновением большого количества тревоги при мыслях о будущем, а 22,2% не представляют будущее из-за нестабильности в настоящее время (рис. 2). Данные показывают, что данная часть опрошенных испытывает чувство тревоги из-за неизвестности, которая их ждет.

[1] Буланова, М.Б. Образ будущего в призме социологических измерений: [монография] / М.Б. Буланова, Н.М. Великая, О.В. Гребняк // отв. ред. Н. М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Мир Науки, 2023. 320 с.

[2] Желтикова, И.В. /Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль, 2020. № 2. С. 15-32. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302 (Дата обращения: 16.05.2025).

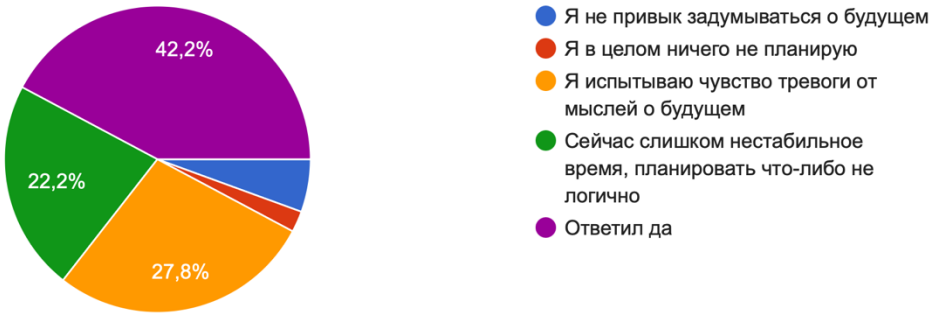

Рис. 2. Имеют ли студенты четкие планы на будущее

Далее респондентам было предложено написать ассоциации, которые в наибольшей степени описывают их ощущения в отношении будущего. В этом наборе слов превалируют радостные эмоции, с сильным негативным окрасом студенты точно не ассоциируют образ будущего (табл. 1).

Таблица 1

Описание ощущений в отношении будущего (% от опрошенных)

Счастье	56,7
Неизведанность	53,3
Надежда	52,2
Радость	44,4
Любовь	43,3
Доброта	41,1
Спокойствие	33,3
Тревога	32,2
Веселье	31,1
Красота	27,8
Инновации	26,7
Дружелюбие	24,4
Восторг	22,2
Одиночество	18,9
Грусть	17,8
Депрессия	12,2
Доверие	11,1
Досада	11,1
Враждебность	10,0
Возмущение	6,7
Безрадостность	6,7
Злоба	6,7
Болезненность	3,3
Брезгливость	3,3
Антипатия	3,3

При ответе на вопрос «Как Вы думаете, какие ценности будут наиболее значимы в будущем?» 50% респондентов выбрали вариант «личное благополучие», по 47,8% опрошенных – «карьера» и «деньги», 46,7% - «семья», 24,4% - «любовь», 16,7% - «коллективное благополучие» и только 3,3% - «религиозное сознание» (табл. 2). Получается, что большинство видит основными ценностями будущего различные индивидуалистические характеристики. Для студентов важна самореализация, личное, а не общественное благополучие.

Таблица 2

Ценности будущего (% от опрошенных)

Личностное благополучие	50,0
Карьера	47,8
Деньги	47,8
Семья	46,7
Любовь	24,4
Коллективное благополучие	16,7
Религиозное сознание	3,3

Подводя итоги, можно сказать, что будущее в глазах студентов, которые имеют четкое представление о нем, имеет положительный окрас и связан по большей части с индивидуальными ценностями, привитыми семьей или обществом. В то же время студенты РЭУ им. Г. В. Плеханова испытывают тревожность и неопределенность при мысли о будущем.

Список литературы

1. Буланова, М.Б. Образ будущего в призме социологических измерений: [монография] / М.Б. Буланова, Н.М. Великая, О.В. Гребняк // отв. ред. Н. М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Мир Науки, 2023. 320 с.

2. Желтикова, И.В. «Образ будущего» - контексты использования понятия / И.В. Желтикова // Образ будущего. Сборник статей. Орел: Картуш, 2021. С. 5-14.

3. Желтикова, И.В. /Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль, 2020. № 2. С. 15-32. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302 (Дата обращения: 16.05.2025).

4. Легостаева, Н.И. Микросоциологический подход в исследовании вопросов социального будущего / Н.И. Легостаева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. С. 325-328.

5. Образ будущего: Опыт социолого-философского анализа / под ред. Р.А. Зобова, А.А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2001. 104 с.

6. Пирогов, С.В. Социальное прогнозирование и проектирование: учеб. пособие / С.В. Пирогов // М.: ПРОСПЕКТ, 2016. 117 с.

7. Романовский, Н.В. Будущее как проблема современной социологии / Н.В. Романовский // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 11–22.

8. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка под ред. В.А. Ядова ;пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996. 96 с.

D.S. Zintsov

THE IMAGE OF THE FUTURE IN STUDENTS' REPRESENTATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE PLEKHANOV RUSSIAN ECONOMIC UNIVERSITY)

Currently, the "image of the future" is a little-studied concept in sociology. Today's youth is the foundation of the future economy and the solution to social issues, but without confidence in the future, achieving harmony will be a challenging process. This article explores the image of the future in the perceptions of students (using the example of the Plekhanov Russian University of Economics).

Keywords: image of the future, students, social issues, perception.

УДК 316.624

Е.Ю. Иволгина, И.А. Гареева

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

В статье рассматривается социальная работа с несовершеннолетними с девиантным поведением. Проанализированы функции, методы, элементы коррекционного комплекса, применяемого в отношении несовершеннолетних с девиантным поведением.

Ключевые слова: подростки с девиантным поведением, технология социальной работы, социальная коррекция, девиантное поведение, девиация.

Девиантное поведение подростков – одна из наиболее острых и комплексных социальных проблем современности, требующая междисциплинарного подхода и пристального внимания со стороны государства, общества и семьи. Понятие «девиация» означает отклонение от установленных социальных норм, причем эти нормы варьируются в зависимости от культурного контекста и исторического периода. В последние десятилетия наблюдается, не просто увеличение случаев девиантного поведения среди несовершеннолетних, а его качественное изменение – рост агрессивности, жестокости, использование новых технологий для совершения преступлений, формирование онлайн-сообществ, пропагандирующих деструктивные идеологии.

Цель исследования – изучение особенностей девиантного поведения несовершеннолетних и предложение рекомендаций, направленных на коррекцию девиантного поведения подростков.

Задачи исследования:

- проанализировать основные причины девиантного поведения среди подростков;
- изучить существующие методы социальной работы с несовершеннолетними, проявляющими девиантное поведение;
- оценить эффективность программ коррекции девиантного поведения;
- разработать рекомендации для социальных работников по работе с данной категорией подростков.

Методы исследования:

- анализ существующих научных работ и публикаций по теме девиантного поведения и социальной работы с несовершеннолетними;
- изучение статистических данных для выявления актуальности исследования;
- анализ опыта проведения коррекционной работы социальных служб с несовершеннолетними, проявляющими девиантное поведение.

© Иволгина Е.Ю., Гареева И.А., 2026

В соответствии со статистическими данными на 2020 год количество несовершеннолетних с девиантным поведением увеличилось на 500 тысяч, а в 2021 году количество подростков состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции составляло 9 тысяч.[1] Однако, приведенная статистика отражает лишь верхушку айсберга, поскольку значительная часть девиантного поведения остается скрытой от официальной статистики. Многие правонарушения, особенно в киберпространстве, трудно зафиксировать и расследовать. Причины девиации многогранны и носят комплексный характер. Нельзя сводить их лишь к неблагоприятным условиям проживания или асоциальному поведению родителей, хотя эти факторы безусловно играют значительную роль. Бедность, социальная изоляция, отсутствие доступа к образованию и здравоохранению – всё это создает благоприятную среду для развития девиантного поведения. Следует отметить то, что подростки с девиантным поведением встречаются и в благополучных семьях. В этом случае основными причинами могут быть: гиперопека или, наоборот, полное безразличие со стороны родителей; отсутствие эмоциональной связи; неспособность родителей выстроить адекватные отношения с ребенком; недостаток родительского контроля; отсутствие позитивной мотивации к учебе и саморазвитию; буллинг со стороны сверстников. Важную роль играют также психологические особенности ребенка: низкая самооценка, склонность к импульсивным поступкам, нарушения психического развития, неумение справляться со стрессом.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими вопросы защиты и помощи несовершеннолетним являются: Конституция РФ; Семейный кодекс РФ; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. Nº 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон РФ от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ»; Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. №159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»; Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»; Федеральный закон РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. №436-ФЗ. В соответствии с данными нормативно-правовыми актами подростковый возраст и детство рассматриваются как социальный феномен, отражающий роль, место и положение несовершеннолетних как социальной группы в государстве и обществе. Провозглашена необходимость создания достаточных и справедливых условий для выживания и развития детей, для защиты прав каждого ребенка.

[1] Линевич Т.И. Социальная коррекция как технология социальной работы с несовершеннолетними с девиантным поведением / Линевич Т.И., Полевая Н.М.: Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 94. С. 85-90.

С целью предотвращения возникновения и развития девиаций среди подростков реализуются технологии коррекционной работы. Коррекционная работа с несовершеннолетними с девиантным поведением – социально-педагогический и психологический комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных операций и процедур, направленных на регуляцию мотиваций, ценностных ориентаций, установок и поведения личности, а через это и на систему различных внутренних побуждений, регулирующих и корректирующих личностные качества, характеризующие отношение к социальным действиям и поступкам.

Коррекционная работа реализует следующие функции: восстановительную, компенсирующую, стимулирующую и корректирующую. Восстановительная функция предполагает восстановление тех положительных качеств, которые преобладали у подростка до появления трудновоспитуемости, обращение к памяти подростка о добрых делах. Компенсирующая функция заключается в формировании у подростка стремления компенсировать тот или иной недостаток успехом в интересующей его деятельности (в спорте, в труде, в творчестве и т.п.). Стимулирующая функция направленна на активизацию позитивной общественно полезной деятельности подростка, она осуществляется посредством осуждения или одобрения, т.е. небезразличного эмоционального отношения к личности подростка, его поступкам. Корректирующая функция связанна с исправлением отрицательных качеств подростка и предполагает применение разнообразных методов (поощрение, убеждение, пример и т.д.).[1]

Основными методами коррекционной работы с несовершеннолетними правонарушителями являются формирование: сознания, взглядов, оценок, понятий, суждений; эмоциональных чувств, стремлений, мотивов, идеалов, социально приемлемого поведения и деятельности личности подростка, его привычек, отношения с окружающими; самовоспитание личности посредством работы с самооценкой, самоконтролем, самоорганизацией; организация деятельности; общение; самореализация и индивидуальная коррекция действий; создание новой среды, изменение смысла жизни, отношений, деятельности, изменение поведения, ситуации, среды.[2]

Одним из основных составляющих коррекционного комплекса является диагностический элемент, целью которого является диагностика особенностей развития личности, выявление факторов риска, формирование общей программы психологической коррекции. Данный элемент подразумевает формулировку социально-психологической и педагогической проблемы, а также выдвижение гипотез о причинах девиантного поведения.

[1] Жадан В.Н. Девиантное поведение несовершеннолетних: формы предупреждения и коррекции / Жадан В.Н.: Юридическая наука. 2021. № 7. С. 73-80.
[2] Горьковая И.А. Направления профилактики противоправного поведения подростков в России / Горьковая И.А.: Психология человека в образовании. 2020. № 3. С. 265-276.

Вторым не менее значимым является установочный элемент, целью которого является побуждение желания взаимодействовать, снятие тревожности, повышение уверенности клиента в себе, формирование желания сотрудничать с психологом и что-либо изменить в своей жизни. Суть данного элемента заключается в выборе определенных методов и технологий коррекционной работы. Специалисту необходимо установить контакт с несовершеннолетним. Подросток должен доверять специалисту, видеть в нем достаточно «умного» взрослого и быть уверенным, что ему помогут. Установочный элемент подразумевает проведение бесед с несовершеннолетним, а также демонстрацию и разъяснение позитивных образов поведения.

Важным элементом в работе с несовершеннолетними является коррекционный элемент, цель которого гармонизация и оптимизация развития клиента, переход от отрицательной фазы развития к положительной, овладение способами взаимодействия с миром и самим собой определенными способами деятельности. Для достижения поставленной цели специалисту необходимо организовывать ситуации, в которых подросток может достичь успехов, разрабатывать меры поощрения, вовлекать его в коллективные виды деятельности, стимулировать развитие творческого потенциала и самовыражения. Важным в данном случае является снижение требований к участнику взаимодействия до достижения им социальной и психологической адаптации. Специалист не должен требовать от несовершеннолетнего моментального желания участвовать в различных творческих, коллективных видах деятельность и т.п. Таким образом, к социальной коррекции девиантного поведения подростков следует подходить комплексно, действовать с разных сторон, используя разнообразные формы и методы работы. Важна посредническая деятельность социального работника: подключение к коррекционной работе не только родителей, но и сотрудников полиции, врачей, общественности.

Эффективной формой коррекционной работы с несовершеннолетними правонарушителями могут служить загородные лагеря, что в свою очередь поможет сгладить сложности учебного процесса в общеобразовательной средней школе, удовлетворит потребность в создании условий для восстановления здоровья, а также релаксации и организации рекреационной деятельности подростков группы риска.[1] Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 21.12.2004 № 170 - ФЗ отдых детей и их оздоровление – это совокупность мероприятий, обеспечивающих развитие творческого потенциала детей, охрану и укрепление их здоровья, профилактику заболеваний у детей, занятие физической культурой, спортом и туризмом,

[1] Филипенко Е.В. Проблема профилактики дивиантного поведения несовершеннолетних как предмет психолого-педагогического анализа / Е.В. Филипенко, Г.А. Витольник, Е.В. Душкина.: Вестник УЮИ. 2021. № 2 (92). С. 208- 218.

формирование у детей навыков здорового образа жизни, соблюдение ими режима питания и жизнедеятельности в благоприятной окружающей среде при выполнении санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемиологических требований. Главной целью подобных лагерей является укрепление здоровья и физического состояния подростков, развитие их эмоциональной сферы, понимание ими процессов жизни на природе, выработка активной жизненной позиции, эстетическое развитие личности, решение целого комплекса образовательных задач, связанных с развитием любознательности у молодых людей, стимулирование их творческих и познавательных интересов, расширение их кругозора, социальная адаптация. Всё это способно занимать свободное время несовершеннолетних так, чтобы у них не оставалось его для мыслей о различных антисоциальных поступках.

Результаты исследования показали, что:

1) Основными причинами девиантного поведения подростков являются неблагоприятные семейные условия, влияние сверстников и недостаток внимания со стороны взрослых.

2) Эффективные методы социальной работы включают индивидуальные и групповые занятия, программы по развитию социальных навыков и вовлечение подростков в позитивные виды деятельности.

3) Применение комплексных программ профилактики и коррекции значительно снижает уровень девиантного поведения среди подростков.

Таким образом, создание новых, а главное интересных для несовершеннолетних форм работы с ними делают коррекционную деятельность наиболее эффективной в достижении поставленных задач. Поскольку проявление различных девиаций среди подростков является одной из острейших проблем сегодняшнего дня, необходимо принимать меры по их предупреждению. Для повышения эффективности работы с девиантными несовершеннолетними следует соблюдать такие условия как своевременное выявление неблагоприятной обстановки их семейного воспитания, оказание несовершеннолетним, оказавшимся в неблагоприятных жизненных условиях и уже начавшим совершать мелкие правонарушения, необходимой помощи, привлечение тех, кто совершил правонарушение, к ответственности и т.д. Мероприятия по социальной коррекции подростков с девиантным поведением требуют специальной теоретической подготовки, владения знаниями в области психологии несовершеннолетних, основ уголовного права и т.д.

Список литературы

1. Горьковая И.А. Направления профилактики противоправного поведения подростков в России / И.А. Горьковая: Психология человека в образовании. 2020. № 3. С. 265-276.

2. Жадан В.Н. Девиантное поведение несовершеннолетних: формы предупреждения и коррекции / В.Н. Жадан: Юридическая наука. 2021. № 7. С. 73-80.

3. Линевич Т.И. Социальная коррекция как технология социальной работы с несовершеннолетними с девиантным поведением / Т.И. Линевич, Н.М. Полевая: Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 94. С. 85-90.

4. Филипенко Е.В. Проблема профилактики дивиантного поведения несовершеннолетних как предмет психолого-педагогического анализа / Е.В. Филипенко, Г.А. Витольник, Е.В. Душкина: Вестник УЮИ. 2021. № 2 (92). С. 208-218.

E.Y. Ivolgina, I.A. Gareeva

SOCIAL WORK WITH MINORS WITH DEVIANT BEHAVIOR

The article is devoted to social work with adolescents demonstrating deviant behavior. It discusses in detail the tasks, methods, and components of a comprehensive correction program used by social work professionals to help such adolescents. The various approaches and tools used to change undesirable behavior and social adaptation of minors are analyzed. The focus is on specific social work technologies aimed at correcting deviant behavior and its causes. Key aspects of the study include the analysis of deviant behavior itself, its manifestations in adolescents, as well as the effectiveness of various methods of social correction

Keywords: adolescents with deviant behavior, technology of social work, social correction, deviant behavior, deviation.

УДК 316.752

И.Д. Одинцова

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена исследованию сущности ценностей населения. Анализируется механизм ее формирования и изменения, а также роль ценностей в обществе. На основе данных социологических исследований, в частности, опроса ВЦИОМ от 8 июля 2025 года, выявляются основные ценностные ориентации россиян. Отмечается, что в условиях внешнего давления ориентация на такие ценности, как семья, историческая память и единство народов, становится коллективным ресурсом выживания и ответом на геополитические вызовы. Делается вывод о необходимости формирования единой ценностной системы для обеспечения устойчивого развития России и укрепления ее позиций в мире.

Ключевые слова: ценности общества, геополитические вызовы, кризис ценностей, ценностное ядро

Актуальность темы определяется тем, что в современном мире, характеризующемся глобализацией и культурным разнообразием, столкновение различных систем ценностей способно приводить к конфликтам и непониманию, но также способствует обогащению культуры и усилению экономического развития страны. Таким образом, понимание ценностей населения является важным условием для устойчивого развития страны.

Ценность, по своей сути, – это абстрактное понятие, представляющее собой субъективное убеждение или представление о желаемом и важном. Её абстрактность и субъективность и выступает основным источником сложности ее измерения и исследования.

Человек (и общество) опирается на свою систему ценностей при сравнении и выборе решений. Отсюда возникает соответствующее понятие системы ценностных ориентиров личности, которое должно являться приоритетной задачей любого общества[1].

Ценности формируются и передаются через социализацию, взаимодействие, культурные нормы и символы, а также под воздействием различных социальных институтов, которые взаимодействуют на протяжении всей жизни: семьи и ближайшего окружения[2]; образования; социальных групп и референтных лиц; культуры и СМИ; личного опыта[3].

© Одинцова И.Д., 2026

[1] Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» / Е.В. Ярина // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2014. — № 5(61). — С. 160–162.

[2] Таирова Л.В. Роль семьи в формировании личности ребенка: как закладываются базовые ценности? URL: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/rol-semi-v-formirovanii-lichnosti-rebenk.22408048317/

[3] Рябцев В.К., Слободчиков В.И. Педагогические условия и механизмы формирования ценностно-смысловых ориентаций детей в образовательной организации// Психолого-педагогические исследования. - 2022. Том 14. № 3. С. 113–130 - https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2022_n3/Ryabtsev_Slobodchikov

Формирование ценностей – это непрерывный процесс, требующий осознанного участия каждого человека и общества в целом. В социологическом подходе выделяют два основных этапа в механизме формирования ценностей — первичную и вторичную социализацию. Эти этапы отражают процесс усвоения человеком социальных норм и ценностей.

В настоящее время завершенной и полной систематизацией ценностей в литературе нет, они классифицируются по различным основаниям, например по сфере общественной жизни (материальные, духовные), предметной направленности (политические, эстетические и т.д.), уровню социокультурного развития (традиционные, современные, общечеловеческие) и т.д.

Понимание различных типов ценностей и их роли в обществе позволяет лучше понять поведение людей, мотивы их поступков, а также процессы, происходящие в культуре, цивилизации, в стране.

Эксперты выделяют различные функции ценностей в обществе. Эти функции раскрывают саму сущность ценностей. Они многообразны и взаимосвязаны, способны регулировать поведение личности, отдельных групп, общества в целом, мотивируют деятельность, помогают адаптироваться к изменениям и т.д.

Система ценностей имеет дуалистическое свойство - с одной стороны, они выступают компонентом сознания отдельного человека, и одновременно, являются неотъемлемой составляющей общественного сознания. Выполняя в обществе интегративную функцию, ценности направляют индивида при выборе социально одобряемого поведения в жизненно важных ситуациях[1].

Ценности общества не являются статичными и неизменными. Они изменяются под влиянием различных факторов. Так, в советском обществе в период 20 века помимо веры в партию и будущее социализма, важнейшими ценностями выступали патриотизм, равенство, солидарность, уважение к труду как основе жизни.

Распад СССР привел к утрате доминирующей идеологии и системы ценностей, которые на протяжении десятилетий определяли жизнь советского общества. Освободившееся пространство заполнилось различными, часто противоречивыми идеями и ценностями[2].

Агрессивное насаждение западной культуры способствовало распространению индивидуалистических, потребительских и гедонистических

[1] Трансформация социокультурных ценностей населения: социологический анализ: коллективная монография / под редакцией И. В. Шиндряевой; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. - С. 12 - https://sowa-ru.com/wp-content/uploads/2019/08/shindryaeva_monografiya.pdf

[2] Тураев В.А. Кризиссоветской идентичности и распад СССР// Журнал «Россия и АТР». - 2015 https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovetskoy-identichnosti-i-raspad-sssr

ценностей, что часто противоречило традиционным российским ценностям, основанным на коллективизме, духовности и патриотизме.

Потеря советской идентичности и отсутствие четкой национальной идеи привели к кризису самосознания, конфликту ценностей и поиску новых ориентиров. Различные социальные группы и поколения по-разному определяли свою идентичность и придерживались разных ценностей.

Однако вопреки влиянию новых идеологий и глобальных трендов, время выявило устойчивость ценностного ядра российского общества -приоритет семьи остался неизменным для населения, что свидетельствует о сохранении фундаментальных основ и стремлении к стабильности в личной и социальной жизни россиян.

Подобный вывод позволяют сделать данные исследований, получаемых социологической лабораторией Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. Анализ результатов опроса ВЦИОМ от 8 июля 2025 года (таблица) показывает важность семьи, как ведущей ценности для всех опрошенных. Наибольшую ценность семья имеет у поколения старших миллениалов (1982—1991)

Таблица

Наиболее важные ценности респондентов по опросу ВЦИОМ от 8 июля 2025 года[1].

	Все опро-шен-ные	Муж.	Жен.	Пок-е цифры (2001 г. и позднее)	Младшие мил-лениалы (1992—2000)	Старшие мил-лениалы (1982—1991)	Реформенное поколение (1968—1981)	Поколение застоя (1948—1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Крепкая семья	68	63	73	66	71	79	75	58	50
Историческая память и преемственность поколений	33	30	35	32	23	30	37	35	34
Гордость за страну	30	29	32	36	24	28	32	33	26
Жизнь, достоинство, права и свободы человека	30	29	31	25	39	37	30	26	17
Единство народов России	29	27	31	20	24	34	29	30	33
Дружба	27	26	28	48	34	27	24	22	26

[1] Смак Т. Традиционные ценности: ожидание и реальность// ВЦИОМ Новости https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost

Милосердие, гуманизм	25	19	30	31	23	24	27	23	24
Самореализация	22	22	22	45	38	26	20	9	8
Развитие	20	20	19	26	29	24	19	13	12
Приоритет духовного над материальным	19	15	22	15	14	18	23	20	20
Созидательный труд	15	16	14	4	13	16	22	14	8
Коллективизм	8	9	7	10	9	8	6	10	6
Другое	6	6	6	4	5	4	5	8	10
Затрудняюсь ответить	3	3	2	1	1	1	2	5	7

Существуют различия в ценностных ориентациях разных групп. Например, для поколения цифры и младших миллениалов более важна самореализация, а для старшего поколения – историческая память и преемственность поколений.

Гендерные различия заключаются в том, что женщины больше ценят семью, милосердие и гуманизм, чем мужчины.

Не менее важны для россиян и ценности, связанные с чувством общности и принадлежности, такие как историческая память, гордость за страну, единство народов. Это не случайность: в условиях внешнего давления и неопределённости такая ориентация становится коллективным ресурсом выживания.

Ценности коллективизма и созидательного труда, часто ассоциируемые с советским периодом, сегодня занимают нижние строки в системе приоритетов россиян.В современных условиях акцент смещён в сторону личной опоры (семья) и государства, времена меняются и точки консолидации тоже[1].

Данные опросов за последние три года демонстрируют в целом высокую степень согласия россиян с ценностно-нормативной рамкой, определенной Президентом России в отдельном Указе[2].

Параллельно с тем, что крепкая семья стабильно занимает первое место, фиксируется высокий уровень значимости ценностей, связанных с коллективной идентичностью и сплочением: историческая память, гордость за страну, единство народов России, что прямо соответствует положениям Указа.

[1] Смак Т. Традиционные ценности: ожидание и реальность// ВЦИОМ Новости https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809"Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей"

Структура ценностей в последние годы остается довольно стабильной, общий тренд — укрепление роли вертикальных, иерархических структур (нация, государство), по всей видимости, как ответ на геополитические вызовы.

Таким образом, для устойчивого развития России важна единая ценностная система, которая должна обеспечиваться формированием общей государственной политики, системы образования, культуры и СМИ.В условиях усиливающегося внешнего давления на нашу страну, ориентация населения на такие ценности, как семья, историческая память, единство народов, приобретают особое значение. Эти ценности, укорененные в коллективном бессознательном, становятся мощным коллективным ресурсом сплочения российского общества перед лицом геополитических вызовов, обеспечивая устойчивость страны в ответ на внешние угрозы.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809"Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей"

2. Рябцев В.К. Педагогические условия и механизмы формирования ценностно-смысловых ориентаций детей в образовательной организации/ В.К. Рябцев, В.И. Слободчиков// Психолого-педагогические исследования. - 2022. – Том 14. – № 3. – С. 113–130. – Текст: электронный. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2022_n3/Ryabtsev_Slobodchikov (дата обращения: 11.08.2025)

3. Смак Т. Традиционные ценности: ожидание и реальность/Т. Смак// ВЦИОМ Новости. – Текст: электронный. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 11.08.2025)

4. Таирова Л.В. Роль семьи в формировании личности ребенка: как закладываются базовые ценности?/Л.В. Таирова – Текст: электронный. – URL: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/rol-semi-v-formirovanii-lichnosti-rebenk.22408048317/ (дата обращения: 13.08.2025)

5. Трансформация социокультурных ценностей населения: социологический анализ: коллективная монография / под редакцией И. В. Шиндряевой; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019.– Текст: электронный. – URL: https://sowa-ru.com/wp-content/uploads/2019/08/shindryaeva_monografiya.pdf (дата обращения: 11.08.2025)

6. Тураев В.А. Кризиссоветской идентичности и распад СССР/В.А. Тураев// Журнал «Россия и АТР». - 2015. – Текст: электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-sovetskoy-identichnosti-i-raspad-sssr (дата обращения: 16.08.2025)

7. Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностныеориентации» / Е.В. Ярина // Ученые записки Орловского государственногоуниверситета. — 2014. — № 5(61). — С. 160–162.

I.D. Odintsova

MODERN VALUES OF RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to the study of the essence of the values of the population. The mechanism of its formation and change, as well as the role of values in society, is analyzed. Based on the data of sociological research, in particular, the VTSIOM survey of July 8, 2025, the main value orientations of Russians are revealed. It is noted that in conditions of external pressure, orientation towards values such as family, historical memory and the unity of peoples becomes a collective resource for survival and a response to geopolitical challenges. It is concluded that it is necessary to form a unified value system to ensure Russia's sustainable development and strengthen its position in the world.

Keywords: values of society, geopolitical challenges, crisis of values, value core

УДК 316

А.Е. Островская, С.В. Алексеева, И.А. Гареева

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

В статье анализируется адаптация международных культурных трендов российской молодежью. Эмпирическую базу составили данные российских исследований (ВЦИОМ, ФОМ), контент-анализ блогов (VK, Yappy) и теория глокализации. Выявлены ключевые механизмы присвоения; языковая трансформация, реконтекстуализация трендов через национальные цифровые платформы и адаптация ценностей. Сделан вывод, что молодежь является активным агентом, создающим гибридные формы культуры через стратегию глокализации.

Ключевые слова: российская молодежь, культурная адаптация, цифровая культура, социальные сети.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения реальных, а не декларативных практик молодежи в условиях цифровой трансформации и геополитических изменений. Исследование проливает свет на стратегии адаптации глобальных трендов через национальные цифровые экосистемы, что критически важно для понимания механизмов формирования современной культурной идентичности и гибридных форм потребления. Полученные данные имеют практическое значение для сфер образования, маркетинга и культурной политики.

Современный культурный ландшафт России, особенно в его молодежном сегменте, представляет собой сложный и динамичный гибрид глобальных влияний и особенностей. Несмотря на геополитическую турбулентность и изменения в медиасреде, поток международных трендов в сфере моды, музыки, языка, ценностей и потребительского поведения не прекращается, но подвергается трансформации. Актуальность данного исследования заключается в необходимости перехода от умозрительных споров о вестернизации к конкретному анализу того, как именно происходит это усвоение на практике.

Методология исследования включает качественный анализ данных вторичных социологических исследований (ВЦИОМ, ФОМ), анализ дискурса в молодежных медиа (VK, Telegram, Yappy) и синтез теоретических подходов, представленных в работах российских ученых.

Теоретическая рамка: между глобализацией и культурной гибридизацией для анализа процессов заимствования классическая теория культурного империализма оказывается недостаточной, так как она рассматривает аудиторию как пассивного получателя. Более релевантной является теория культурной

© Островская А.Е., Алексеева С.В., Гареева И.А., 2026

гибридизации[1], которая акцентирует внимание на рождении новых форм на стыке глобального и локального. Ключевым понятием для данного исследования становится глокализация - стратегия, при которой глобальные явления адаптируются к условиям местного рынка и менталитета[2]. Российская молодежь не просто копирует, а присваивает тренды, наполняя их особыми, подчас уникально российскими, смыслами и способами потребления.

Для механизма адаптации и присвоения международных трендов под культуру российской молодежи Левинсон А. Г. [3] использует эмпирический анализ в следующих направлениях:

В первую очередь идет адаптация в языковой трансформации: от заимствования до «перестройки» Язык является наиболее чутким индикатором культурного влияния. Российская молодежь активно использует англицизмы, но не в чистом виде, а трансформируя их под правила русской грамматики и фонетики. Например:

-добавление русских флексий; «запостить» (to post), «лайкать» (to like), «стримить» (to stream).

-семантическая адаптация; слово «хайп» (hype) приобрело в русском сленге более негативный или ироничный оттенок («ловить хайп»).

-калькирование; «мем» (meme), «кринж» (cringe) полностью интегрировались в язык, обозначая специфические цифровые феномены.

Это не просто заимствование, а создание нового лингвистического кода, понятного внутри сообщества и маркирующего принадлежность к глобальной цифровой культуре, но на своих условиях.

Социальные сети также проводят фильтрацию и переупаковку контента в условиях изменения доступа к международным платформам, ключевыми игроками в адаптации трендов стали российские и ближнезарубежные социальные сети (VK, Telegram, TikTok, Likee). Они выступают не столько источниками, сколько фильтрами и ретрансляторами;

-VK и Telegram: Локальные блогеры и медиа выступают кураторами глобальных трендов. Они отбирают актуальные на Западе темы и «переупаковывают» их для российской аудитории, объясняя через призму локального контекста, юмора и проблем.

- TikTok и Likee: Эти платформы демонстрируют, как глобальный формат коротких видео наполняется локальным контентом — от шуток про школу и

[1]Астафьева О.Н. Культура в эпоху глобальной турбулентности: вызовы и трансформации / О.Н. Астафьева. М.: ИФ РАН, 2022. 210 с.

[2] Мартынов К.В. Глокализация как стратегия: теория и практика современных медиа // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 15-25.

[3] Левинсон А.Г. Молодежь и ее культурные практики: по данным социологических опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 4-22.

университет до треков российских исполнителей, использующих мировые музыкальные тренды.

Таким образом, тренд проходит двойную адаптацию: сначала через алгоритмы и отбор кураторов, а затем через творческое осмысление самими пользователями.

В сфере потребления и стиля наблюдается реконтекстуализация трендов: модные и потребительские тренды также подвергаются значительной адаптации к российской культуре и ее видение через российскую молодежь. Так, например, некоторые направления стиля и трендов были видоизменены:

- Стритвир: Глобальная тенденция к уличному стилю была адаптирована через призму постсоветской эстетики и доступности брендов. Это породило уникальные стилевые гибриды.

- Устойчивое развитие: Глобальный тренд на осознанное потребление и экологичность в России часто приобретает более приземленные и личностно-ориентированные формы («зерокинг» как забота о здоровье, а не о планете; сортировка мусора как личный вклад, а не системная история). Это не отмена тренда, а его адаптация к иному социально-экономическому контексту.

- DIY-культура (сделай сам): Из международного тренда на уникальность и ручной труд в России он частично трансформировался в прагматичную стратегию экономии и самообеспечения в условиях санкций, что придало ему новый смысл.

- Ментальное здоровье: Глобальный дискурс дестигматизации психических заболеваний в России сталкивается с традиционными представлениями.

В результате молодежь формирует свой нарратив: обращение к психологу становится трендом среди прогрессивной части молодежи, но обсуждение этого часто ведется в более закрытых сообществах (например, в Telegram-каналах) и с оглядкой на локальную специфику.

- Идентичность: Происходит гибридизация идентичностей. Молодой человек может одновременно ощущать принадлежность к глобальному цифровому сообществу (гик-культура, геймерская культура), использовать его коды, но при этом оставаться глубоко включенным в локальные социальные связи и культурные контексты.

Тем самым феномен «глокализации» российской молодежи позволяет утверждать, что трансформация международных трендов в России происходит по модели адаптации. Это активный, творческий процесс присвоения, а не пассивное потребление. Российская молодежь выступает в роли селективного куратора, который в свою очередь проводит фильтрацию: отбирает из потока информации то, что релевантно локальным условиям и запросам, переводит и

наделяет новыми смыслами, а также гибридизирует, то есть создает новые культурные продукты.

Этот процесс приводит к формированию глобально-локального кода, который служит инструментом идентификации и коммуникации внутри поколения, позволяя одновременно быть «в тренде» с мировым сообществом и оставаться в рамках привычного культурного ландшафта.

Заключение

Взаимодействие российской молодежи с международными трендами является сложным и многогранным процессом культурной гибридизации. Были выявлены ключевые механизмы этого процесса: лингвистическая адаптация, кураторская функция локальных социальных медиа, реконтекстуализация ценностных моделей.

Можно заключить, что несмотря на все геополитические и медийные изменения, российская молодежь остается частью глобального культурного пространства, но взаимодействует с ним на своих условиях. Она не изолируется, но и не ассимилируется полностью. Молодежь вырабатывает стратегию культурного присвоения, создавая тем самым новую, гибридную идентичность, которая основана на глобальных кодах, но выражена на локальном языке.

Список литературы

1. Астафьева О.Н. Культура в эпоху глобальной турбулентности: вызовы и трансформации. - М.: ИФ РАН, 2022. - 210 с.
2. Данные всероссийского исследования «Цифровая культура и молодежь» / ВЦИОМ. - 2023.
3. Круглый стол «Идентичность в цифру: как меняется самоощущение молодежи» // Левада-Центр. - Материалы дискуссии. - 2023.
4. Левинсон А.Г. Молодежь и ее культурные практики: по данным социологических опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2023. - № 1. - С. 4-22.
5. Мартынов К.В. Глокализация как стратегия: теория и практика современных медиа // Социологические исследования. - 2021. - № 5. - С. 15-25.
6. Шариков А.В. Медиапотребление российской молодежи в новых условиях: смена платформ и трендов // Дети. Молодежь. Медиа. - 2022. - № 3. - С. 45-59.
7. Языковые практики поколения Z : аналитический отчет / Фонд «Общественное мнение». - 2022.

A.E. Ostrovskaya, S.V. Alekseeva, I.A. Gareeva

RUSSIAN YOUTH AND INTERNATIONAL CULTURAL TRENDS

The article analyzes the adaptation of international cultural trends by Russian youth. The empirical base consists of data from Russian research (WCIOM, FOM), content analysis of blogs (VK, Yappy) and the theory of glocalization. The key mechanisms of appropriation are revealed: linguistic transformation, recontextualization of trends through national digital platforms and adaptation of values. It is concluded that youth is an active agent creating hybrid forms of culture through a glocalization strategy.

Keywords: Russian youth, cultural adaptation, digital culture, social networks.

УДК 316.346.32-053.6

К.О. Сомхишвили

ПУТИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Молодежь принято рассматривать в качестве основного человеческого ресурса территории, однако она сама по себе не способна реализовывать свой потенциал, одним из способов стимулирования активности являются социальные проекты, в которых молодежь участвует в разном качестве. Предлагаемые молодежи для самореализации проекты могут рассматриваться в разрезе ценностей и ценностных ориентаций, так целью данной работы является классификация реализуемых в Пермском крае проектов, с учетом их ценностной фокусировки и роли в развитии территории. Основой для исследования послужил материал форсайт-сессии, проведенной в г. Перми в сентябре 2025г.

Ключевые слова: социокультурная безопасность, молодежь, человеческий потенциал, социокультурный портрет.

В социологии принято рассматривать молодежь в рамках множества подходов, например говорить о ней, как о ресурсе, как о сосредоточении конфликтов, как систему позиций или как особое отражение культуры. Особое место среди разных подходов занимает аксиологический, так как открывает доступ не только к ценностям и ценностным ориентациям молодежи, но и изучает ее мировоззрение, устремления и особенности поведения. В качестве ценностей современной молодежи час то называют семью, здоровье, гордость за страну, самореализацию[1]. Однако какие бы ценности не называли представители молодежи, их представление о будущем в значительной мере обусловлено представлениями о значимости различных социальных сфер, социальными ожиданиями и мотивационной компонентой.[2]

Из данного контекста открывается еще один ракурс рассмотрения молодёжи – их участие в реализуемых социальных проектах, особенно на фоне их актуальности и количественного роста. Особенно актуальна тема ценностей молодежи еще и в связи с присвоением статуса «Молодежная столица России-2025», что подчеркивает активность и обилие их форм реализации, представленных в регионе. Однако эта же причина требует осмысления

© Сомхишвили К.О., 2026

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-78-10117, https://rscf.ru/project/24-78-10117/.

[1] АЦ ВЦИОМ Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс] // Официальный сайт АЦ ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost(Дата обращения 20.09.2025).

[2] Радионова Р.О. Влияние ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи на построение образов будущего/ Р.О. Радионова, Н.Б. Авалуева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. №494. С.96-105.

реальных направлений, в которых могут себя проявить молодые люди, так же остается открытым вопрос о их направленности и реальном фокусе ценностей.

Реализуемые в рамках молодежной политики проекты и можно рассматривать в категориях индивидуализм и коллективизм или открытость изменениям и сохранение традиций. Эту логику подсказывает многолетняя работа по изучению социокультурного портрета, в том числе проводимая на территории Пермского края. Так авторы исследования «Социокультурный портрет региона России» работали в авторском подходе, включавшем обширный список показателей. Одним из рассматриваемых индикаторов был индекс социального самочувствия, в рамках которого, в том числе изучались ценности. Авторы предлагают рассматривать ценности не только как терминальные и инструментальные, но как связанные с идентичностью, ассоциацией себя с территорией.[1] В след за Н.И. Лапиным (а он, в свою очередь, ссылается на П. Сорокина) ценности в рамках социокультурного подхода следует рассматривать в ракурсе деятельности, реализуемой индивидами.[2]

В материалах, собранных в рамках построения социокультурного портрета для Пермского края, большое внимание уделяется модернизационному потенциалу, как условию развития территории. Построение профилей ценностей, на основе методики анализа ценностей Ш. Шварца позволяет выделить такие характеристики как коллективизм и индивидуализм, а также ориентации на изменения и традиции.[3] [4] Что возвращает к вопросу о способе фиксации тех же параметров, но не в оценках через ответы на вопросы формализованного интервью, а через понимание доступных для молодежи практик. Так же открытым остается вопрос с оценкой самой молодежи и оценкой представителей старшего поколения направленности этих практик. В современной молодежной политике реализуются и инициативы самой молодежи и для молодежи, однако их ценностная направленность требует отдельного внимания.

Для поиска ответов на поставленные вопросы было необходимо зафиксировать существующие на сегодняшний день возможности для молодежи и их расположение относительно выявленных четырех параметров. В качестве эмпирической базы были взяты материалы форсайт-сессии, проведенной в г. Перми в сентябре 2025. Участниками сессии были руководители, члены

[1] Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010.

[2] Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3-11.

[3] Плотникова, Е. Б. Модернизационный потенциал в структуре ценностей жителей Пермского края / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 135-140.

[4] Маркова, Ю. С. Систематическая визуализация индексов ценностной консолидации жителей регионов России / Ю. С. Маркова, Е. Б. Плотникова, С. С. Соловьев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Т. 11, № 2(42). – С. 19-41.

проектных команд социальных проектов (грантов, инициативного бюджетирования, волонтёрских и т.п.) муниципальных образований Пермского края. В обсуждении приняли участие 52 человека из 16 территориальных образований пермского края. Среди участников были как представители самой молодежи, так и люди старше 35 лет чья профессиональная деятельность связана с реализаций проектов и активностей для молодежи.

Форсайт, как способ организации групповой дискуссии, позволяет в режиме реального времени организовать полилог результатом которого является представление о прошлом, настоящем и будущем темы обсуждения. Центром обсуждения, приводимой сессии, была рефлексия над реализуемыми в территории Пермского края проектами и активностями. В рамках данного текста мы обратимся к материалам двух тактов и их обсуждения – начального и итогового, так как они представляют собой отражение желаемой и реальной картины мира, которая вскрывает ожидаемые и фактические ценностные представления, закладываемые в рамках реализуемых проектов.

В начале сессии участников попросили взять стикер и разместить его в поле разделенном двумя осями таким образом, чтобы расположение иллюстрировало представление о текущем состоянии молодежи, к какому сочетанию осей они тяготеют. Концы вертикальной соответствовали первой дихотомии - индивидуализм и коллективизм, а горизонтальной - открытость изменениям и сохранение традиций. Благодаря такой конфигурации в дальнейшем называемые проекты можно делить по принципу расположения внутри получившейся крестовины с учетом тяготения я к тому или иному проявлению ценностных ориентаций. Участников просили не размещать стикеры в центр крестовины, так как это бы означало полную не выраженность всех рассматриваемых характеристик.

Если посмотреть на получившееся распределение, то большая часть стикеров расположена в области открытости изменениям, а между коллективизмом и индивидуализмом чаще выбирали второе, что говорит о маркировании молодежи как ориентированных на себя в постоянно меняющемся обществе. В обсуждении за описанием индивидуализма стояло самовыражение, часто упоминалось, что у современной молодежи выражен индивидуализм и открытость, а раньше был выражен коллективизм. Однако неоднократно обращалось внимание на то, что современная молодежь стримится развивать себя и свои индивидуальные качества в группе и при реализации совместных практик. В этом ключе под индивидуализмом следует понимать потребность в учете персонального вклада в общее дело. Открытость изменениям так же понимается не просто как ориентированность на современные технологии, а скорее как высокий адаптационный потенциал, скорость, с которой молодежи

приходится адаптироваться к динамично меняющимся условиям. Молодежь, участниками сессии, вне зависимости от того, являются ли они сами ее представителями описывается в таких категориях: активные, ориентированные на поиск своего места, готовые участвовать в развитии территории. Однако часто назывались с негативной коннотацией такие черты современной молодежи, как принципиально другой взгляд на действительность.

Ближе к концу семинара участников в рамках групповой работы просили разместить стикеры с практиками/проектами и рисками, которые они закрывают, на той же крестовине. Важно проговорить, что во время центрального обсуждения участники семинара должны были проанализировать свою деятельность или реализуемую в территории пермского края деятельность и перечислить реализуемые проекты и инициативы. Несмотря на то, что каждая группа работала, преимущественно, со своим направлением оси, при вспоминании проектов, фактически они могли оказываться на полюсе коллег из другой группы. Так же следует отметить, что в ходе публичного представления результатов работы было не так много пересекающихся пунктов или активностей.

Расположение фактически реализуемых проектов в осях представляет собой уже не два, а три блока. Лидером по количеству реализуемых практик (названо 18 практик и инициатив) осталось сочетание осей индивидуализм и ориентированность на инновации, второе место разделили (по 14 практик и инициатив в каждом) сочетания коллективизм и открытость инновациям, коллективизм и сохранение традиций. Среди практик в области открытость изменениям и индивидуализм значительная часть названных активностей не являются инициативами самой территории, а реализуются как большой проект за ее пределами, например часто называли форумы (Иволга, Машук). Свою роль в участии молодежи из территории в этих активностях представители молодежной политики видят в подготовке команды и помощи в реализации шанса на участие. Форум, как способ реализации активности или проекта участниками назывался достаточно часто, в территориях даже реализуются свои масштабные мероприятия такого профиля, например «ЧайкаАРТ» или «Город трудовой доблести».

В разделе открытость изменениям и коллективизм преобладают практики, направленные на изменение окружающей среды в широком смысле слова, это и инициативное бюджетирование, и самообложение, и школы по ТРИЗ или КВН и т.п. В этой части упоминаются активности, требующие совместных усилий команды, а их благополучатели выходить за пределы заинтересованных лиц и включенных в реализацию. Это проекты, имеющие долгосрочный эффекту. Несмотря на то, что они, по большей части, представляют собой механизмы

реализуемые на территории страны в целом, сами реализованные за счет указанных способов улучшения отражают запрос локального сообщества, интересы жителей территории.

Область сохранение традиций и коллективизм наполнилась, по большей части, событийными мероприятиями и локальными территориальными практиками, зачастую реализуемыми по инициативе граждан и за их счет. Так же упоминались несколько премий, например «Время молодых», который, однако, не является местной инициативой, но на который можно пройти при поддержке территориальных сообществ. Отличительной чертой этой группы практик является их ситуативность, привязка к отдельным датам или событиям. Значительная доля названных активностей реализуется в территории. Следует отметить, что по оси сохранение традиций, по мнению участников сессии. Нет мероприятий, прилучивших бы высокие баллы. Можно предположить, что сочетании е коллективизм и сохранение традиций в практиках выражает ориентированность на коллективные мероприятия или формы досуга.

Таким образом участник сессии отмечают, что участие в форумах, в первую очередь, позволяет молодежи проявить свои индивидуальные качества, они воспринимаются молодыми людьми как что-то новое и развивающее их, место где можно проявить себя. Именно форумы являются коллективной формой взаимодействия с большой долей признания индивидуальных достижений. В блоке открытость изменениям и коллективизм часто встречались не сами инициативы, а способы их реализации через предоставленные государством механизмы. Сами представители молодежи, руководители и члены проектных команд могли не знать весь спектр реализуемых в рамках указанных механизмов инициатив, но описывали их как значимые для территории. Среди указанных на стикерах практик были не только те, что уже несколько лет стабильно реализуются в территориях, но и те, что на момент сессии находились на стадии разработки ли пришли в голову участникам во время сессии.

Список литературы

1. АЦ ВЦИОМ Традиционные ценности: ожидание и реальность [Электронный ресурс] // Официальный сайт АЦ ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost(Дата обращения 20.09.2025)

2. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3-11.

3. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Институт философии

РАН. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/analit/tiiovaya_metodika_-_2010.pdf (Дата обращения 20.09.2025)

4. Маркова Ю. С. Систематическая визуализация индексов ценностной консолидации жителей регионов России / Ю. С. Маркова, Е. Б. Плотникова, С. С. Соловьев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Т. 11, № 2(42). – С. 19-41.

5. Плотникова Е. Б. Модернизационный потенциал в структуре ценностей жителей Пермского края / Е. Б. Плотникова, Ю. С. Маркова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 3. – С. 135-140.

6. Радионова Р.О. Влияние ценностно-смысловых предпочтений российских подростков и молодежи на построение образов будущего/ Р.О. Радионова, Н.Б. Авалуева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. №494. С.96-105.

K.O. Somkhishvili

WAYS OF YOUTH DEVELOPMENT IN THE REGION IN THE FOCUS OF SOCIAL PROJECTS

Youth is commonly considered as the main human resource of a territory, but it cannot realize its potential on its own. One way to stimulate activity is through social projects in which youth participate in various capacities. The projects offered to youth for self-realization can be viewed in terms of values and value orientations, so the aim of this work is to classify the projects implemented in Perm Krai, taking into account their value focus and role in regional development. The basis for the research was material from a foresight session held in Perm in September 2025.

Keywords: sociocultural security, youth, human potential, sociocultural portrait.

УДК 316.334.3

Е.А. Трефилова, Н.А. Молодчик

АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Современные процессы цифровизации и институциональных преобразований формируют новые условия развития молодежи и актуализируют необходимость переосмысления молодежной политики. В статье анализируются понятие и цели молодежной политики, особенности ее реализации в образовательной и корпоративной среде, а также необходимость перехода к интегративным и системным подходам. Представлены результаты анализа, позволяющие выявить противоречия и перспективы развития молодежной политики в трансформирующемся обществе.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, трансформация, образовательная среда, корпоративная среда, системный подход, интегративный подход.

Молодежь в современной науке все чаще рассматривается не как объект социальной политики, а как субъект общественных трансформаций[1]. Согласно Федеральному закону № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежная политика определяется как деятельность, направленная на создание условий для всестороннего развития молодежи, ее самореализации и успешной социализации[2]. В то же время в исследованиях последних лет подчеркивается необходимость отхода от административных моделей к партисипативным, предполагающим активное участие молодежи в принятии решений[3]. В зарубежных источниках закреплен принцип *youth mainstreaming*, интегрирующий молодежное измерение во все сферы политики[4]. Системный подход позволяет рассматривать молодежную политику как подсистему общества, где взаимодействуют государство, образовательные организации, бизнес, НКО и молодежные сообщества[5]. Интегративный подход акцентирует внимание на межсекторальном взаимодействии и цифровых платформах, которые обеспечивают согласованность действий различных акторов. Материалом для анализа послужили нормативные акты (Федеральный

© Трефилова Е.А., Молодчик Н.А., 2026

[1] Дмитриев А. Г., Султанов Р. С. О новом определении молодежной политики: переход от объекта к субъекту // Вестник Академии. – 2024. – № 2. – С. 53–62.

[2] Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 66.

[3] Доклад о реализации молодежной политики в современных условиях / Лаборатория молодежной политики НИУ ВШЭ. – 2022. – URL: https://mollab.hse.ru/mirror/pubs/share/823942055.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

[4] European Commission. EU Youth Strategy 2019–2027. – URL: https://ec.europa.eu/youth/policy/youth-strategy_en (дата обращения: 05.06.2025).

[5] Юрченко В.М., Завьялова О.А. Проблемы современной молодежной политики России: к вопросу о повышении эффективности // Социально-политические науки. - 2023. - Т. 13. - №2. - С. 30-35. doi: 10.33693/2223-0092-2023-13-2-30-35

закон № 489-ФЗ, Стратегия реализации молодежной политики до 2030 г.), ежегодные региональные доклады о положении молодежи[1].

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении особенностей и противоречий реализации молодежной политики в образовательной и корпоративной средах Российской Федерации, а также в определении перспектив их интеграции в экосистемный формат. Методологическую основу исследования составили системный и интегративный подходы, позволяющие рассматривать молодежную политику как полицентрическую систему. В качестве методов применялись сравнительный анализ образовательных и корпоративных практик, контент-анализ нормативных документов, а также метод обобщения эмпирических данных, представленных в отчетах и аналитических материалах.

Результаты исследования показали, что образовательная среда сохраняет ключевую роль в реализации молодежной политики. На школьном уровне акцент делается на социализацию и профориентацию, но программы нередко страдают формализмом и воспринимаются учащимися как внешне навязанные инициативы. В университетской среде наблюдается больший потенциал субъектности молодежи: студенческое самоуправление, волонтерские проекты, научно-исследовательская деятельность студентов формируют социальную ответственность и лидерские компетенции[2]. Важным направлением являются интеграционные модели «Школа – Вуз – Предприятие», обеспечивающие преемственность образовательных траекторий и профессиональное становление. Корпоративный сектор также выступает активным актором молодежной политики. Его основные задачи связаны с формированием кадрового резерва, адаптацией и удержанием молодых специалистов[3]. Наиболее распространенные инструменты – стажировки, наставничество, молодежные советы и акселерационные программы. Однако выявлены проблемы: фрагментарность инициатив, отсутствие устойчивой институционализации и недостаточная интеграция с образовательными практиками. Межпоколенческий разрыв в корпоративной среде дополнительно снижает результативность молодежных программ.

Сравнительный анализ образовательных и корпоративных практик реализации молодежной политики показал, что обе среды имеют схожую цель – развитие субъектности молодежи, но различаются по ресурсам и механизмам.

---

[1] Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/ (дата обращения: 05.06.2025).

[2] Островкин Д. Л., Сандлер Д. Г. Молодежная политика и ее роль в стратегическом развитии университета // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление. – 2024. – № 4. – С. 70–92.

[3] Лаптева К.В. Влияние социальной политики организации на удовлетворенность персонала / К.В. Лаптева, В.И. Шарин // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. - 2023. - № 31. - С. 57-63.

Образовательная среда преимущественно формирует социальные компетенции, а корпоративная – профессиональные и карьерные. В перспективе именно их интеграция позволит перейти к экосистемному формату молодежной политики, где государство, бизнес и образование действуют согласованно.

Таблица

Сравнение образовательной и корпоративной практики реализации молодежной политики

Среда реализации	Основные инструменты	Проблемы	Перспективы
Образовательная	Самоуправление, профориентация, проектная деятельность	Формализм, слабая вовлеченность	Экосистемная модель, третья миссия
Корпоративная	Стажировки, наставничество, акселераторы	Фрагментарность, разрыв поколений	Интеграция с вузами, цифровые платформы

Таким образом, анализ подтвердил, что молодежная политика в условиях трансформации общества развивается от событийного менеджмента и формальных мероприятий к интегративным и экосистемным моделям. Главным результатом анализа является выявление противоречия между декларативными целями и практической реализацией, а также обоснование необходимости перехода к субъектно-ориентированным и полицентрическим формам управления.

Список литературы

1. Euro European Commission. EU Youth Strategy 2019–2027. – URL: https://ec.europa.eu/youth/policy/youth-strategy_en (дата обращения: 05.06.2025).

2. Дмитриев А. Г., Султанов Р. С. О новом определении молодежной политики: переход от объекта к субъекту // Вестник Академии. – 2024. – № 2. – С. 53–62.

3. Доклад о реализации молодежной политики в современных условиях / Лаборатория молодежной политики НИУ ВШЭ. – 2022. – URL: https://mollab.hse.ru/mirror/pubs/share/823942055.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

4. Ежегодный доклад о положении молодежи в Пермском крае за 2023 год. – URL: https://apdm.permkrai.ru/download.php?id=350786 (дата обращения: 05.06.2025).

5. Лаптева К.В. Влияние социальной политики организации на удовлетворенность персонала / К.В. Лаптева, В.И. Шарин // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. - 2023. - № 31. - С. 57-63.

6. Островкин Д. Л., Сандлер Д. Г. Молодежная политика и ее роль в стратегическом развитии университета // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление. – 2024. – № 4. – С. 70–92.

7. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/ (дата обращения: 05.06.2025).

8. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 66.

9. Юрченко В.М., Завьялова О.А. Проблемы современной молодежной политики России: к вопросу о повышении эффективности // Социально-политические науки. - 2023. - Т. 13. - №2. - С. 30-35. doi: 10.33693/2223-0092-2023-13-2-30-35

E.A. Trefilova, N.A. Molodchik

ANALYSIS OF YOUTH POLICY IN THE CONTEXT OF SOCIETAL TRANSFORMATION

Contemporary processes of digitalization and institutional change are shaping new conditions for youth development and highlight the need to reconsider youth policy. The article examines the concept and objectives of youth policy, the specifics of its implementation in educational and corporate environments, as well as the necessity of transitioning to integrative and systemic approaches. The analysis presents findings that reveal contradictions and prospects for the development of youth policy in a transforming society.

Keywords: youth, youth policy, transformation, educational environment, corporate environment, systemic approach, integrative approach.

УДК 316.346.32-053.6

А.Д. Филимонова

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ПРИВЛЕЧЕНИЕ И АДАПТАЦИЯ МОЛОДЁЖИ НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Научная статья рассматривает корпоративную культуру, как инструмент привлечения и адаптации молодёжи на промышленные предприятия. В работе сформулировано определение «корпоративная культура», и обозначено влияние содержания корпоративной культуры в контексте организации работы с молодыми людьми в промышленной сфере. Автор подчёркивает значимость развития корпоративной культуры на промышленных предприятиях, а также систематизирует ключевые практики для повышения активности молодёжи на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: корпоративная культура, молодёжь, рабочая среда

Корпоративная культура является важным элементом в работе с молодёжью на промышленных предприятиях, а именно в их привлечении и адаптации на рабочем месте. Она формирует общее впечатление и влияет на включённость сотрудников в деятельность организации[1].

Молодые люди, которые приходят в сферу труда для выбора рабочего места, обращают внимание на ценности, миссию и репутацию предприятия, а главное на прозрачность и доступность всей этой информации. Потому необходимо формирование комфортной среды для привлечения и адаптации молодых специалистов на предприятии.

В отечественных и зарубежных исследованиях существует множество определений термина «корпоративная культура». В нашей работе мы предлагаем использовать определение В.В. Козлова: «Корпоративная культура – это система формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения работников данной организационной структуры, стиля руководства, показателей удовлетворённости работников условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентифицирования работников с предприятием и перспективами его развития[2]».

© Филимонова А.Д., 2026

[1] Плотников А.В. Репутационное поле для стейкхолдеров / А.В. Плотников, К.О. Боровых // Исследование, систематизация, кооперация, развитие, анализ социально-экономических систем в области экономики и управления (ИСКРА-2021): сборник трудов IV Всероссийской школы-симпозиума молодых учёных, г. Симферополь, 14-15 октября 2021 г. / научн. ред. В.М. Ячменевой; редкол.: Е.Ф. Ячменев, Т.И. Воробец, Р.А. Тимаев. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 47.

[2] Демченко Е. В. О сущности понятия «корпоративная культура» / Е. В. Демченко // Молодой ученый. 2018. № 13 (199). С. 227-229.

Ключевыми элементами корпоративной культуры являются миссия предприятия, его ценности, традиции, стиль управления и коммуникации. Все компоненты являются уникальными и создают общее видение организации.

Корпоративная культура является важным инструментом в работе с молодёжью. Есть несколько аспектов, в которых корпоративная культура работает непосредственно с молодыми людьми:

- ускорение адаптации через ценности компании. Этот аспект подразумевает чёткую информацию о целях и ценностях предприятий, что содействует молодым специалистам адаптироваться к новому рабочему месту и функционалу;

- создание комфортной среды для учёбы. Данный аспект включает в себя программы включения молодых сотрудников: тренинги, система наставничества;

- содействие заинтересованности и стимула. В рамках этого аспекта корпоративная культура поддерживает активность молодых людей в рабочей сфере для их вовлечённости в рабочий процесс предприятия;

- формирование стандартов. Этот аспект направлен на развитие четкого регламента работы и должностного функционала, что помогает молодёжным группам быстрее адаптироваться на рабочем месте;

- формирование чувства причастности. Корпоративная культура в этом аспекте содействует формированию у молодых людей ощущения принадлежности к коллективу предприятия;

- коммуникация и поддержка. В рамках данного аспекта корпоративная культура способствует процессу обратной связи между руководительским составом и персоналом.

Для успешной интеграции молодых людей на новом рабочем месте необходим особый подход, который включает в себя анализ их приоритетов и ожиданий. Например, молодые специалисты нуждаются в реализации профессионального роста, а также в участии в крупных проектах предприятия. Для содействия успешной адаптации необходимо включать обучающие тренинги по рабочим процессам и программы наставничества. Это подтверждено результатами исследований, где отражено, что уровень доверия к корпоративной культуре и её способность удовлетворять потребности новых сотрудников непосредственно влияют на успешность их адаптации[1].

Для рассмотрения корпоративной культуры в разных организациях были выбраны следующие промышленные предприятия России, такие как ПАО

[1] Шиняева О.В. Государство и гражданское общество: уровень доверия, направления и эффекты коммуникаций в новых условиях. Всероссийская научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 30 ноября-1 декабря 2023 г.): сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2023. 349 с.

«СИБУР Холдинг», ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «Т Плюс» (это крупнейшие промышленные предприятия в России).

ПАО «СИБУР Холдинг» – предприятие работает с нефтехимической продукцией. Миссия предприятия звучит следующим образом: «Вместе создаём лучшее будущее». Ценностями организации выделены: сплочённая команда; каждый день становимся лучше; партнёрство; взаимоуважение; умный результат; безопасность без компромиссов[1]. Миссия и ценности отражают важность каждого человека для предприятия (сотрудника, партнёра, клиента).

На предприятии развивается молодёжное движение, которое является важным элементом развития корпоративной культуры для работы с молодёжью. С его помощью были разработаны и реализованы различные программы, направленные на разные аспекты работы с молодыми специалистами. Например, для адаптации молодёжи реализуется курс «Ментор-бадди», с помощью которого молодые люди знакомятся с корпоративной культурой и рабочим функционалом. В части аспекта карьерного развития и роста организуются конкурсы мастерства, мероприятия для развития лидерских способностей и программы обучения. По социальному направлению организуются волонтёрские группы, которые представляют предприятие на экологических акциях, а также эти группы помогают в приютах. А в части работы с молодёжью, которая обучается в школах, ВУЗах и ССУЗах, реализуются СИБУР-классы, сотрудничество с вузами. Также уделяется отдельное внимание сфере творчества и спорта, где сотрудники участвуют в корпоративных и городских мероприятиях.

ПАО «СИБУР Холдинг» активно использует современные инновации в реализации корпоративной культуры. Например, для обучения сотрудников используются цифровые технологии, что повышает сопричастность людей с компанией и улучшает профессиональную квалификацию. Это лишь подтверждает важность внедрения современных методов в процессы работы с сотрудниками промышленных предприятий.

ПАО «ЛУКОЙЛ» является нефтяным предприятием в России, которое занимается добычей, переработкой и сбытом нефти с использованием новейших технологий. Миссия предприятия сформулирована следующим образом: «Мы созданы, чтобы энергию природных ресурсов обратить во благо человека, эффективно и ответственно разрабатывать доверенные нам уникальные месторождения углеводородов, обеспечивая рост Компании, благополучие ее работников и общества в целом». Также в компании выделены такие ценности, как персонал, экология и технологии, ответственность за жизни людей и

[1] ПАО «СИБУР Холдинг». [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: https://www.sibur.ru/ru/about/mission/ (дата обращения: 01.06.2025)

вверенные природные ресурсы в регионах деятельности; открытость и партнёрство во взаимодействии с обществом и заинтересованными сторонами; нравственность. Миссия и ценности отражают всеобъемлющую деятельность предприятия. Компания работает с людьми на честных условиях, стремится к решению экологических проблем, заинтересована в развитии технологий и внедрению их в промышленную нефтяную сферу. Для адаптации молодых специалистов на новом рабочем месте разработана система наставничества, как и на многих предприятиях: молодым специалистам назначаются наставники, которые оказывают наставляемым поддержку в соответствии с индивидуальным планом профессионального развития. Корпоративная культура ПАО «ЛУКОЙЛ» участвует в удержании и стимуле молодых людей, подчёркивая значимость внутренних ценностей, что содействует развитию у сотрудников чувства сопричастности к предприятию и мотивирует их профессиональное развитие[1].

ПАО «Т Плюс» является российской организацией, осуществляющей свою деятельность в сфере электроэнергетики и теплоснабжения. Миссия в организации отсутствует, однако есть ряд ценностей: заботься о комфорте клиентов; ищи и развивай новые возможности; доверяй и сотрудничай; будь профессионален и эффективен. Ценности демонстрируют, что для ПАО «Т Плюс» важна профессиональная команда, в которой каждый человек является носителем ценностей компании. Приверженность к ним является основой для карьерного роста и продвижения внутри предприятия. Корпоративная культура в организации занимает важное место. Компания организует и реализует мероприятия, направленные на адаптацию новых сотрудников (система наставничества), на развитие своих способностей в разных сферах (спартакиады, творческие конкурсы, конкурсы проектов), на объединение коллектива (совместное проведение праздников и торжественных событий), на социальную поддержку (подарки детям сотрудников, поддержка ветеранов и пенсионеров, благотворительные мероприятия). Такой план реализации корпоративной культуры способствует вовлечению сотрудников в деятельность предприятия, а также адаптации молодых специалистов[2].

Таким образом, корпоративная культура, которая опирается на сформулированные ценности, миссии предприятия, а также поддерживает инициативы от самих сотрудников, содействует привлечению и адаптации молодёжных групп на промышленные предприятия. В результате обзора существующих практик на крупнейших промышленных предприятиях в России

[1] ПАО «ЛУКОЙЛ». [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: https://lukoil.ru/ (дата обращения: 01.06.2025)
[2] ПАО «Т Плюс»: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tplusgroup.ru/ (дата обращения: 01.06.2025)

можно утверждать, что необходима разработка и реализация программ, направленных на разные сферы жизни: профессиональную, социальную, творческую, спортивную. По нашему мнению, совокупность этих практик зарождает заинтересованность молодых людей в работе на промышленных предприятиях и способствует успешной адаптации на рабочем месте.

Список литературы

1. Демченко Е. В. О сущности понятия «корпоративная культура» / Е. В. Демченко // Молодой ученый. 2018. № 13 (199). С. 227-229.

2. ПАО «ЛУКОЙЛ». [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: https://lukoil.ru/ (дата обращения: 01.06.2025)

3. ПАО «СИБУР Холдинг». [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: https://www.sibur.ru/ru/about/mission/ (дата обращения: 01.06.2025)

4. ПАО «Т Плюс»: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tplusgroup.ru/ (дата обращения: 01.06.2025)

5. Плотников А.В. Репутационное поле для стейкхолдеров / А.В. Плотников, К.О. Боровых // Исследование, систематизация, кооперация, развитие, анализ социально-экономических систем в области экономики и управления (ИСКРА-2021): сборник трудов IV Всероссийской школы-симпозиума молодых учёных, г. Симферополь, 14-15 октября 2021 г. / научн. ред. В.М. Ячменевой; редкол.: Е.Ф. Ячменев, Т.И. Воробец, Р.А. Тимаев. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 47.

6. Шиняева О.В. Государство и гражданское общество: уровень доверия, направления и эффекты коммуникаций в новых условиях. Всероссийская научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 30 ноября-1 декабря 2023 г.): сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Шиняева. – Ульяновск: УлГТУ, 2023. 349 с.

A.D. Filimonova

CORPORATE CULTURE: ATTRACTING AND ADAPTING YOUNG PEOPLE TO INDUSTRIAL ENTERPRISES

The scientific article considers corporate culture as a tool for attracting and adapting young people to industrial enterprises. The paper formulates the definition of "corporate culture", and outlines the impact of the content of corporate culture in the context of organizing work with young people in the industrial sector. The author emphasizes the importance of developing corporate culture in industrial enterprises, and also systematizes key practices for increasing the activity of young people in industrial enterprises.

Keywords: corporate culture, young people, working environment

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Агафонова Дарья Юрьевна - ассистент, аспирант кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета.
2. Адаменя Дарья Валерьевна - студент Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.
3. Алексеева Софья Владиславовна - студент Тихоокеанского государственного университета.
4. Анисимова Дарья Денисовна - магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета.
5. Антонова Наталья Леонидовна - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
6. Арапова Ульяна Сергеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
7. Багаева Дарья Алексеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
8. Безруков Антон Витальевич - к.с.н., доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
9. Белоусова Александра Алексеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
10. Блохин Виктор Николаевич - к.с.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.
11. Боронников Данил Дмитриевич - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
12. Боталова Екатерина Александровна - магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета.
13. Валиуллин Тимур Марвтович – студент Казанского национального исследовательского университета.
14. Вахрушев Матвей Александрович - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
15. Волегов Владимир Сергеевич - к.с.н., доцент, и.о. зав. кафедрой социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
16. Воробьева Анна Антоновна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

17. Воронова Ксения Андреевна - доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
18. Галынская Юлия Сергеевна - к.с.н., доцент Сибирского университета потребительской кооперации.
19. Гареева Ирина Анатольевна - доктор социологических наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета.
20. Горбунова Валерия Романовна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
21. Гордеева Светлана Сергеевна - к.с.н., доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
22. Горина Екатерина Сергеевна - студент Тихоокеанского государственного университета.
23. Джевага Алёна Алексеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
24. Домрачева Екатерина Сергеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
25. Домская Ольга Николаевна - выпускник Пермского государственного национального исследовательского университета.
26. Елышев Егор Игоревич - аспирант направления “Экономическая социология” Тюменского государственного университета.
27. Жук Галина Валерьевна - кандидат философ. наук., доцент кафедры всеобщей истории и политологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.
28. Зинцов Дмитрий Сергеевич - студент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
29. Зуев Александр Альбертович - аспирант направления "Социальная структура, социальные институты и процессы" Пермского государственного национального исследовательского университета
30. Иванова Ангелина Александровна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
31. Иволгина Елизавета Юрьевна - студент Тихоокеанского государственного университета.
32. Игнатова Екатерина Сергеевна - кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
33. Ижбулатов Даниил Сергеевич - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

34. Казакова Валерия Романовна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
35. Калашникова Дарья Сергеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
36. Калинина Виктория Александровна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
37. Кенфак Диране Мерлин - аспирант кафедры социологии Курского государственного университета.
38. Кетов Иван Владимирович - социолог Центра социологических исследований, инженер-исследователь кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
39. Кибанова Юлия Николевна - магистрант, инженер кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
40. Кирсанова Ксения Евгеньевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
41. Кичерова Марина Николаевна - к.с.н., доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета.
42. Коробейникова Снежана Валерьевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
43. Корсун Ирина Игоревна - аспирант направления “Социология управления” Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
44. Кравченко Андрей Олегович - студент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
45. Кривоносова Ирина Дмитриевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
46. Кудинова Юлия Валерьевна - канд. ист. наук., доцент кафедры социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета.
47. Кудымова Вероника Николевна - студент Уральского государственного педагогического университета.
48. Кузнецов Александр Евгеньевич - к.с.н., доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.
49. Кузнецов Евсений Алексеевич - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
50. Куприянов Роман Владимирович - студент Казанского национального исследовательского технологического университета
51. Курума Элизабетта Анатольевна - студент Тихоокеанского государственного университета.

52. Ларионова Анна Сергеевна - магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета.
53. Леухина Анна Владиславовна - аспирант направления "Социальная структура, социальные институты и процессы" Пермского государственного национального исследовательского университета.
54. Магдеева Алина Наилевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
55. Мамадалиева Эльвира Ринатовна - ведущий специалист Института макроэкономических и региональных исследований Республики Узбекистан.
56. Маркова Юлия Сергеевна - канд. социол. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета, директор Центра социологических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.
57. Матвеева Ксения Константиновна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
58. Маюк Данил Дмитриевич - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
59. Моисеева Мария Михайловна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
60. Молодчик Наталья Анатольевна - кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмент и маркетинг Пермского национального исследовательского политехнического университета.
61. Мороз Олеся Вячеславовна - старший преподаватель кафедры политологии и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.
62. Назарец Яна Алексеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
63. Насибуллин Дамир Рустамович - лаборант-исследователь кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета.
64. Некрасова Анна Вячеславовна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
65. Никитина Татьяна Андреевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
66. Носкова Татьяна Вадимовна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
67. Носова Дарья Сергеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.
68. Одинцова Ирина Дмитриевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

69. Островская Анна Евгеньевна - студент Тихоокеанского государственного университета.

70. Павлова Наталия Александровна - младший научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

71. Панкратова Лариса Эльмировна - кандидат философ. наук, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы Уральского государственного педагогического университета.

72. Паршина Валерия Дмитриевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

73. Петрова Эвелина Юрьевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

74. Плотникова Елена Борисовна - канд. ист. наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

75. Прокофьева Алена Викторовна - старший преподаватель кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

76. Радионова Виктория Денисовна - студент Тихоокеанского государственного университета.

77. Раева Влада Андреевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

78. Родачев Владислав Алексеевич - аспирант направления "Социальная структура, социальные институты и процессы" Пермского государственного национального исследовательского университета.

79. Саяпина Мария Александровна - студент Тихоокеанского государственного университета.

80. Селина Светлана Сергеевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

81. Сирковская Татьяна Владимировна - аспирант направления «Социальная структура, социальные институты и процессы», ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

82. Слеб Валерия Владимировна - студент Тихоокеанского государственного университета.

83. Сомхишвили Кристина Отариевна - старший преподаватель Пермского государственного национального исследовательского университета.

84. Тарасов Иван Алексеевич - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

85. Толмачева Юлия Николаевна - канд. педагогических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

86. Трефилова Екатерина Александровна - магистрант Пермского национального исследовательского политехнического университета.

87. Фатхуллина Лилия Зинуровна - к.с.н., доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета.

88. Фетисов Александр Сергеевич - доктор педагог. наук, доцент, заведующий кафедрой социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета.

89. Филатов Роман Владимирович - студент Казанского национального исследовательского технологического университета, спасатель международного класса Казанского поисково-спасательный отряда МЧС России.

90. Филимонова Арина Дмитриевна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

91. Харина Екатерина Викторовна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

92. Хведчук Татьяна Евгеньевна - студент Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

93. Шарыпова Софья Юрьевна - к.с.н., доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

94. Шипигузова Надежда Александровна - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

95. Шляпина Анастасия Сергеевна - аспирант направления «Социальная структура, социальные институты и процессы», ассистент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета.

96. Шурко Анна Викторовна - аспирант Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

97. Япаров Станислав Кашафутдинович - почетный ветеран Казанского национального исследовательского технологического университета.

98. Яхин Динияр Ильшатович - студент Пермского государственного национального исследовательского университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Agafonova Darya Yuryevna — Assistant, Postgraduate Student at the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University.
2. Adamenya Darya Valeryevna — Student at Yanka Kupala State University of Grodno.
3. Alekseeva Sofya Vladislavovna — Student at Pacific National University.
4. Anisimova Darya Denisovna — Master's Student at Perm State University.
5. Antonova Natalya Leonidovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.
6. Arapova Ulyana Sergeevna — Student at Perm State University.
7. Bagaeva Darya Alekseevna — Student at Perm State University.
8. Bezrukov Anton Vitalievich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Perm State University.
9. Belousova Alexandra Alekseevna — Student at Perm State University.
10. Blokhin Viktor Nikolaevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belarusian State Agricultural Academy.
11. Boronnikov Danil Dmitrievich — Student at Perm State University.
12. Botalova Ekaterina Aleksandrovna — Master's Student at Perm State University.
13. Valiullin Timur Marvtovich — Student at Kazan National Research University.
14. Vakhrushev Matvey Aleksandrovich — Student at Perm State University.
15. Volegov Vladimir Sergeevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Sociology, Perm State University.
16. Vorobyeva Anna Antonovna — Student at Perm State University.
17. Voronova Ksenia Andreevna — Associate Professor at the Department of Sociology, Perm State University.
18. Galynskaya Yulia Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at Siberian University of Consumer Cooperation.
19. Gareeva Irina Anatolyevna — Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University.
20. Gorbunova Valeria Romanovna — Student at Perm State University.
21. Gordeeva Svetlana Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Perm State University.
22. Gorina Ekaterina Sergeevna — Student at Pacific National University.
23. Dzhevaga Alena Alekseevna — Student at Perm State University.

24. Domracheva Ekaterina Sergeevna — Student at Perm State University.
25. Domskaya Olga Nikolaevna — Graduate of Perm State University.
26. Elyshev Egor Igorevich — Postgraduate Student in the field of “Economic Sociology”, Tyumen State University.
27. Zhuk Galina Valeryevna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of World History and Political Science, A. S. Pushkin Brest State University.
28. Zintsov Dmitry Sergeevich — Student at Plekhanov Russian University of Economics.
29. Zuev Alexander Albertovich — Postgraduate Student in the field of “Social Structure, Social Institutions and Processes”, Perm State University.
30. Ivanova Angelina Aleksandrovna — Student at Perm State University.
31. Ivolgina Elizaveta Yuryevna — Student at Pacific National University.
32. Ignatova Ekaterina Sergeevna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University.
33. Izhbulatov Daniil Sergeevich — Student at Perm State University.
34. Kazakova Valeria Romanovna — Student at Perm State University.
35. Kalashnikova Darya Sergeevna — Student at Perm State University.
36. Kalinina Victoria Aleksandrovna — Student at Perm State University.
37. Kenfak Dirane Merlin — Postgraduate Student at the Department of Sociology, Kursk State University.
38. Ketov Ivan Vladimirovich — Sociologist at the Center for Sociological Research, Research Engineer at the Department of Sociology, Perm State University.
39. Kibanova Yulia Nikolevna — Master’s Student, Engineer at the Department of Sociology, Perm State University.
40. Kirsanova Ksenia Evgenievna — Student at Perm State University.
41. Kicherova Marina Nikolaevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University.
42. Korobeynikova Snezhana Valeryevna — Student at Perm State University.
43. Korsun Irina Igorevna — Postgraduate Student in the field of “Sociology of Management”, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.
44. Kravchenko Andrey Olegovich — Student at Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.
45. Krivonosova Irina Dmitrievna — Student at Perm State University.

46. Kudinova Yulia Valeryevna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University.
47. Kudymova Veronika Nikolevna — Student at Ural State Pedagogical University.
48. Kuznetsov Alexander Evgenievich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Perm State University.
49. Kuznetsov Evseniy Alekseevich — Student at Perm State University.
50. Kupriyanov Roman Vladimirovich — Student at Kazan National Research Technological University.
51. Kuruma Elisabetta Anatolyevna — Student at Pacific National University.
52. Larionova Anna Sergeevna — Master's Student at Perm State University.
53. Leukhina Anna Vladislavovna — Postgraduate Student in the field of "Social Structure, Social Institutions and Processes", Perm State University.
54. Magdeeva Alina Nailevna — Student at Perm State University.
55. Mamadalieva Elvira Rinatovna — Leading Specialist at the Institute for Macroeconomic and Regional Studies of the Republic of Uzbekistan.
56. Markova Yulia Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at Perm State University, Director of the Center for Sociological Research, Perm State University.
57. Matveeva Ksenia Konstantinovna — Student at Perm State University.
58. Mayuk Danil Dmitrievich — Student at Perm State University.
59. Moiseeva Maria Mikhailovna — Student at Perm State University.
60. Molodchik Natalya Anatolyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Marketing, Perm National Research Polytechnic University.
61. Moroz Olesya Vyacheslavovna — Senior Lecturer at the Department of Political Science and Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno.
62. Nazarets Yana Alekseevna — Student at Perm State University.
63. Nasibullin Damir Rustamovich — Research Laboratory Assistant at the Department of General and Economic Sociology, Tyumen State University.
64. Nekrasova Anna Vyacheslavna — Student at Perm State University.
65. Nikitina Tatyana Andreevna — Student at Perm State University.
66. Noskova Tatyana Vadimovna — Student at Perm State University.
67. Nosova Darya Sergeevna — Student at Perm State University.
68. Odintsova Irina Dmitrievna — Student at Perm State University.
69. Ostrovskaya Anna Evgenievna — Student at Pacific National University.
70. Pavlova Natalia Aleksandrovna — Junior Researcher at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus.

71. Pankratova Larisa Elmirovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Social Work, Ural State Pedagogical University.

72. Parshina Valeria Dmitrievna — Student at Perm State University.

73. Petrova Evelina Yuryevna — Student at Perm State University.

74. Plotnikova Elena Borisovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Perm State University.

75. Prokofieva Alena Viktorovna — Senior Lecturer at the Department of Sociology, Perm State University.

76. Radionova Victoria Denisovna — Student at Pacific National University.

77. Raeva Vlada Andreevna — Student at Perm State University.

78. Rodachev Vladislav Alekseevich — Postgraduate Student in the field of "Social Structure, Social Institutions and Processes", Perm State University.

79. Sayapina Maria Aleksandrovna — Student at Pacific National University.

80. Selina Svetlana Sergeevna — Student at Perm State University.

81. Sirkovskaya Tatyana Vladimirovna — Postgraduate Student in the field of "Social Structure, Social Institutions and Processes", Assistant at the Department of Sociology, Perm State University.

82. Sleb Valeria Vladimirovna — Student at Pacific National University.

83. Somkhishvili Kristina Otarievna — Senior Lecturer at Perm State University.

84. Tarasov Ivan Alekseevich — Student at Perm State University.

85. Tolmacheva Yulia Nikolaevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

86. Trefilova Ekaterina Aleksandrovna — Master's Student at Perm National Research Polytechnic University.

87. Fatkhullina Liliya Zinurovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy of Science and Social Work, Kazan National Research Technological University.

88. Fetisov Alexander Sergeevich — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University.

89. Filatov Roman Vladimirovich — Student at Kazan National Research Technological University, International Class Rescuer at the Kazan Search and Rescue Team of the EMERCOM of Russia.

90. Filimonova Arina Dmitrievna — Student at Perm State University.

91. Harina Ekaterina Viktorovna — Student at Perm State University.

92. Khvedchuk Tatyana Evgenievna — Student at Yanka Kupala State University of Grodno.

93. Sharypova Sofya Yuryevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Perm State University.

94. Shipiguzova Nadezhda Aleksandrovna — Student at Perm State University.

95. Shlyapina Anastasia Sergeevna — Postgraduate Student in the field of “Social Structure, Social Institutions and Processes”, Assistant at the Department of Sociology, Perm State University.

96. Shurko Anna Viktorovna — Postgraduate Student at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus.

97. Yaparov Stanislav Kashafutdinovich — Honorary Veteran of Kazan National Research Technological University.

98. Yakhin Diniyar Ilshatovich — Student at Perm State University.

Научное издание

Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе

Материалы XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции

(г. Пермь, ПГНИУ, 9–10 декабря 2025 г.)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *И.В. Кетов*

Объем данных 5,04 Мб
Подписано к использованию 07.07.2026

Размещено в открытом доступе
на сайте psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15